

БЕРНГАРД

ГРЖИМЕК

*Срени теби
не долужен
умереть*

МИХАЭЛЬ
И БЕРНГАРД ГРЖИМЕК

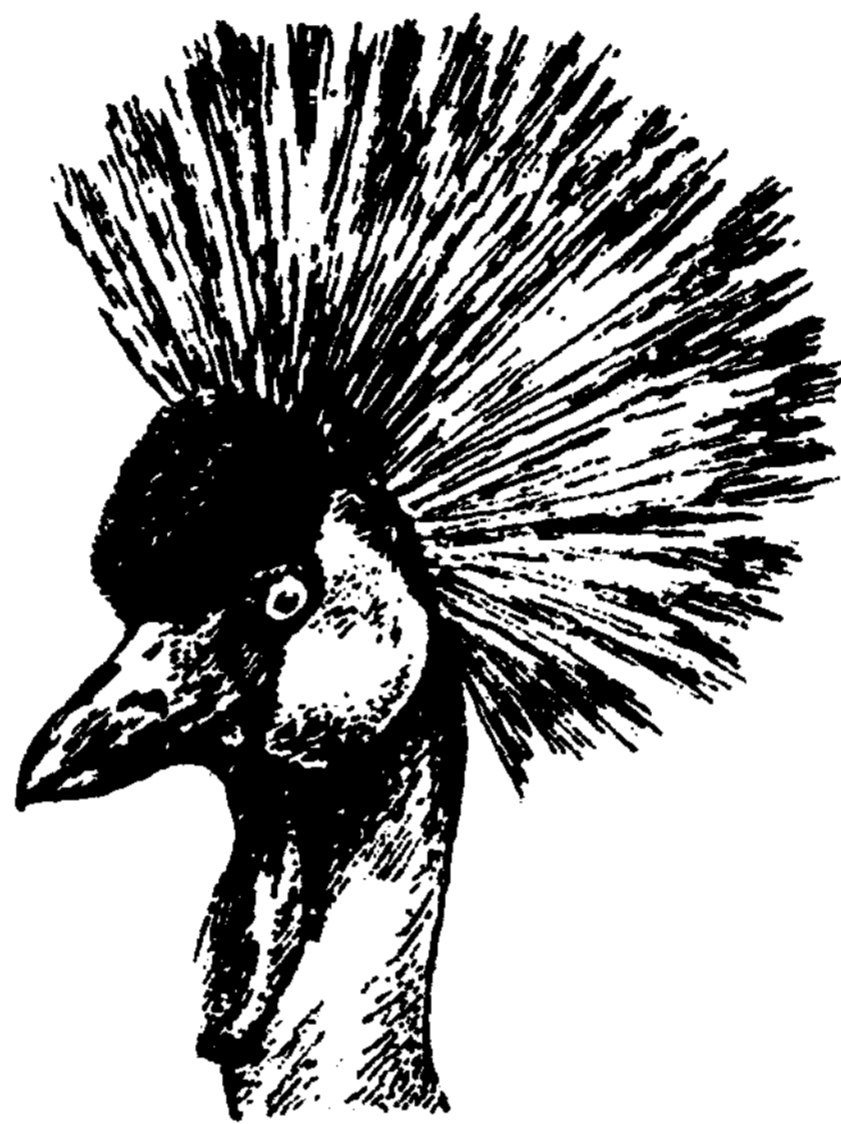
*Среница
не дава
умереть*

БЕРНГАРД ГРЖИМЕК

*Мы живем
среди людей*

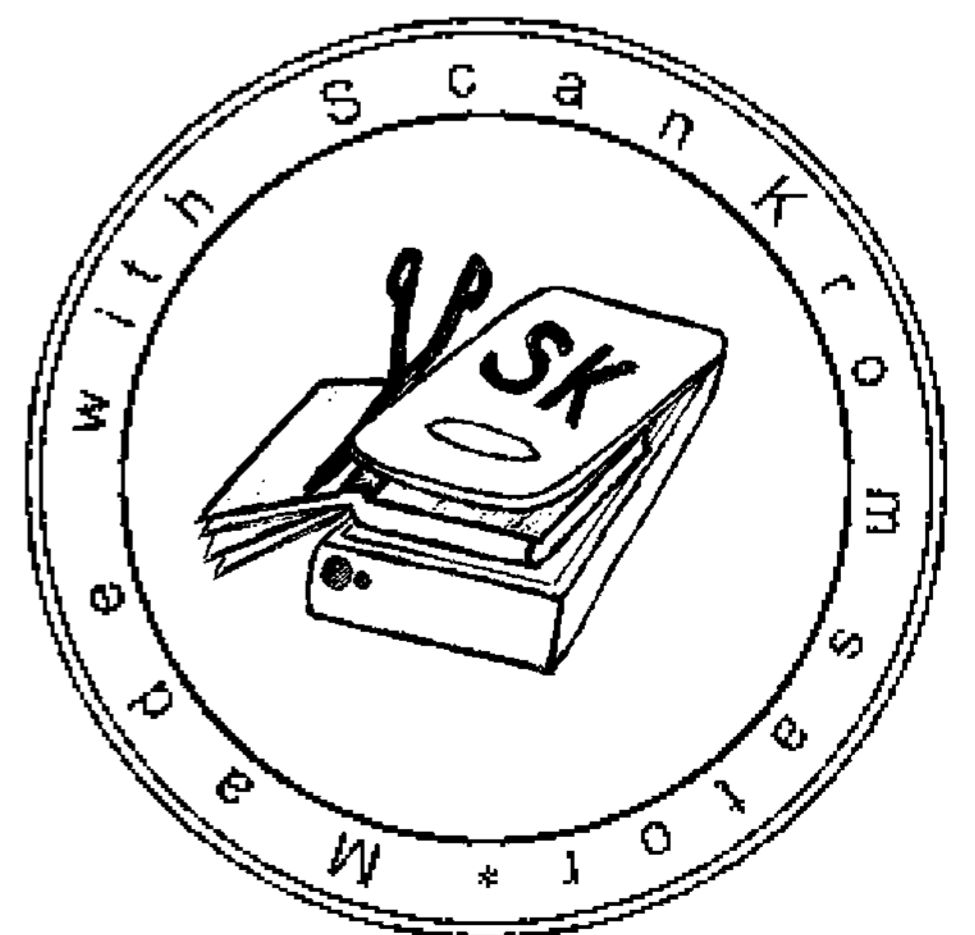
БЕРНГАРД ГРЖИМЕК

Перевод с немецкого
Е. ГЕЕВСКОЙ

АРМАДА
Москва
1998

УДК 82-311.8(02)

ББК 84(4)-44я5

Г 75

Художник
А. В. Ермаков

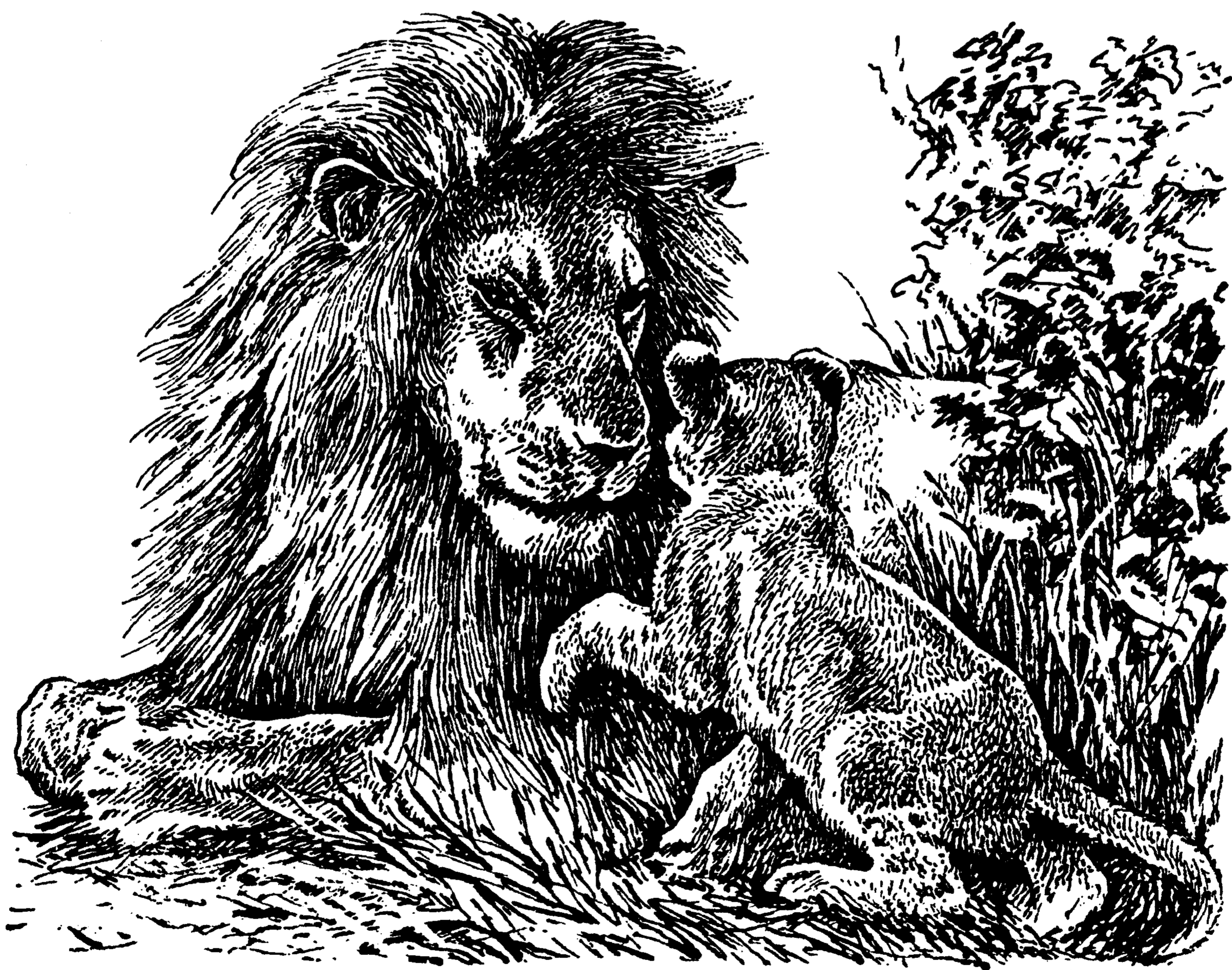
ISBN 5-7632-0718-1 (рус.)
ISBN 0-00-671360-2 (англ.)

© Иллюстрации, Ермаков А. В., 1998
© Сост., художественное оформление,
АРМАДА, 1998

МИХАЭЛЬ
И БЕРНГАРД ГРЖИМЕК

Срениста
не дава
уцрета

Prof. Dr. Bernhard und Michael Grzimek
SERENGETI DARF NICHT STERBEN

Berlin — Frankfurt/M.— Wien, 1964

СЫНОВЬЯМ МИХАЭЛЯ ГРЖИМЕКА —
СТЕФАНУ МИХАЭЛЮ И КРИСТИАНУ
БЕРНГАРДУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

«Какой бы увлекательной ни была любая школьная экскурсия, но, если тебя потом заставляют писать о ней сочинение, она сразу же может ужасно опротиветь. Вот и сейчас мой отец требует, чтобы я описал, как мне пришлось самостоятельно вывозить из Африки во Франкфурт отловленных для зоопарка животных...» — такими словами мой сын Михаэль начинал последнюю главу в моей книжке «Полет в страну шимпанзе». Я поручил написать ему о том, как я вынужден был оставить его, шестнадцатилетнего парнишку, одного в Африке, в районе Берега Слоновой Кости, среди людей, говорящих на чужом языке. На его попечении оставались все отловленные для нашего зоопарка животные, а в его распоряжении был всего лишь один бой. И все же он сумел благополучно погрузиться на французское грузовое судно и в целости и сохранности доставить все в Гамбург.

А теперь Михаэль — соавтор книги, которую вы сейчас держите в руках. За несколько дней до его трагической гибели мы условились работать над нею вместе. Не важно, что он не успел написать в ней ни строчки, — во всем, о чем здесь говорится, мой сын принимал живейшее участие, им проделана большая часть нашей работы. Так что его имя с полным правом стоит рядом с моим на титульном листе.

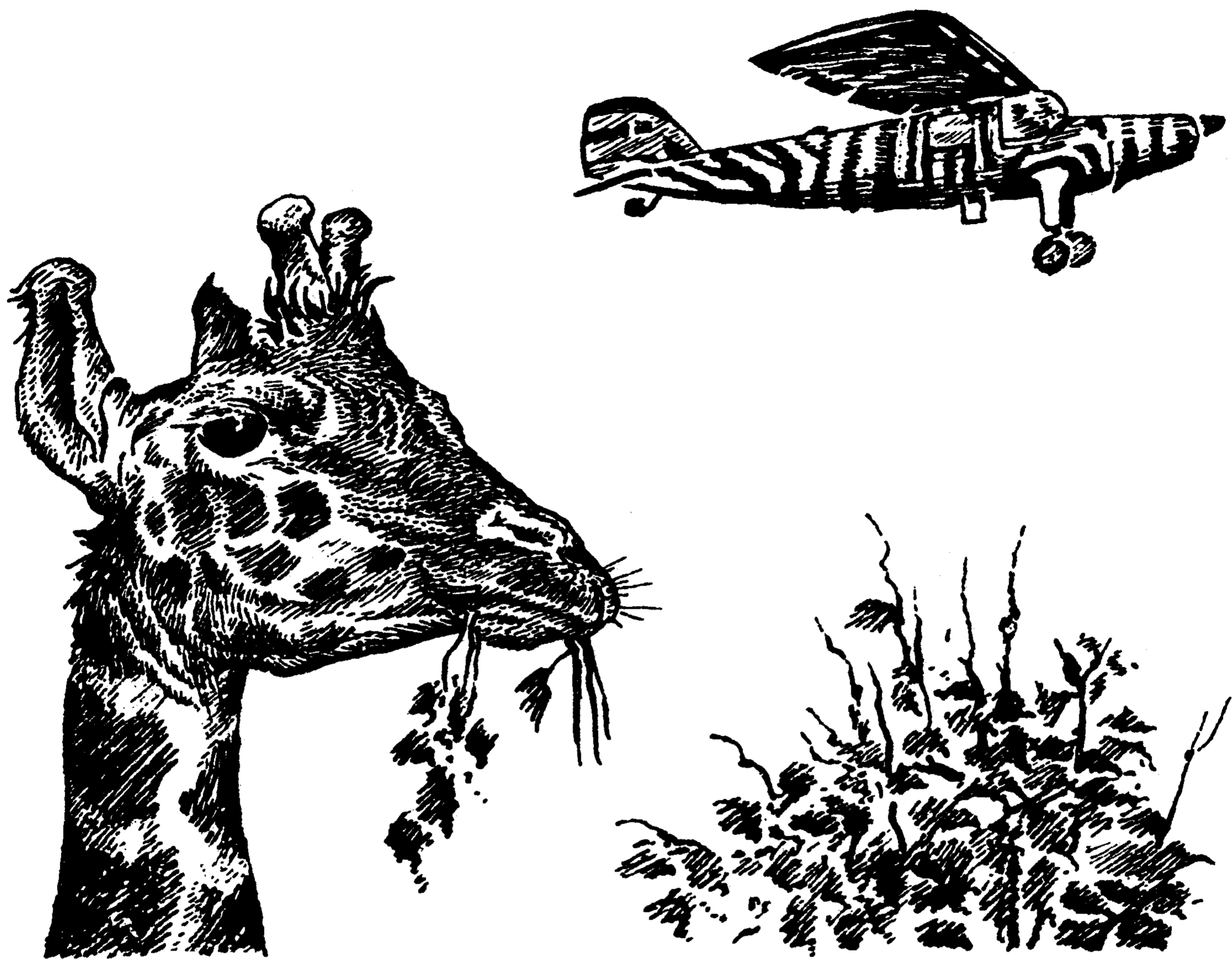
Нам очень хочется верить, что эта книга поможет спасти и сохранить то, ради чего мы трудились.

Я же могу только пожелать всем отцам иметь такого сына, каким был мой, — верного помощника и друга, который все понимает с полуслова. Я бесконечно благодарен судьбе даже за те недолгие годы, которые нам посчастливилось прожить рядом.

Бернгард ГРЖИМЕК

Глава первая
ПОЛЕТ ТУДА

Итак, в свои сорок восемь лет я впервые решился сесть за штурвал самолета. Пасмурным утром 11 декабря 1957 года я отправился на нашем одномоторном самолете вдоль Рейна на юг, в сторону Швейцарии. Лечу на высоте 200 метров. Желтые концы пропеллера вписывают матово-прозрачный круг в серовато-лиловый ландшафт, виднеющийся сквозь ветровое стекло. Слева со скоростью 200 километров в час скользит горная дорога. Но сейчас вдоль нее не видно той буйно цветущей зелени, которой мы всегда любовались во время наших весенних полетов, — сейчас здесь все пусто, голо и неуютно.

Рядом со мной сидит мой сын Михаэль и, так же как и я, держит свою рукоятку управления между колен. Легкий нажим рукой на черный шарик металлической трубки — и правое крыло едва заметно накреняется. Мы подлетаем ближе к Рейну. Придерживаясь реки, наш самолет с пути не собьется, так что есть возможность поразмышлять.

Мне несколько не по себе. Ведь мы решились на весьма опасный перелет. Наш самолет должен преодолеть расстояние

в 10 тысяч километров: пересечь Средиземное море, Египет, Центральную Африку и опуститься за экватором!

Я человек пожилой, особенным охотником до воздушных приключений никогда не был и, кроме верховой езды, никаким спортом не увлекался. Ни за что раньше бы не поверил, что вдруг решусь, как заправский летчик, сесть в этакий не внушающий доверия самолетишко, да еще отправиться на нем до самого озера Виктория! Однако дело вот в чем.

Я очень рано женился — двадцати одного года. И теперь мои сыновья уже совсем большие. Михаэлю, который сидит сейчас рядом со мной в своей меховой безрукавке, — двадцать три. Он не только мой сын, это мой единственный настоящий друг. Еще совсем маленьким мальчиком он помогал мне в моих опытах с волками и собаками¹. Несколько позже он превзошел меня в фотографировании животных и перешел к киносъемке. Когда ему было всего семнадцать лет, его любительские фильмы уже отмечались как выдающиеся. А потом у него засела в голове мысль отснять цветной фильм по мотивам моей книги «Для диких животных места нет».

Книги, даже если это бестселлеры, прочитывает только несколько десятков тысяч, ну, может быть, 100 тысяч человек. Нам же хотелось, чтобы многие миллионы людей Европы и Америки узнали о том, что львы и слоны, носороги и жирафы, эти удивительные существа, которыми все так восхищаются, постепенно исчезают с лица земли и что последнее их прибежище — национальные парки — все сужается. Осведомить же об этом миллионные массы можно только при помощи кино, телевидения и иллюстрированных журналов.

Государственное гарантийное учреждение, которое в то время финансировало художественные фильмы, взяло на себя поручительство перед банками лишь за половину стоимости нашего фильма. Вернувшись из Африки, мы, к своему ужасу, узнали, что одновременно с нами фильм об африканских животных снимал знаменитый Уолт Дисней. Этот фильм под названием «Тайны степей» должен был демонстрироваться в кинотеатрах одновременно с нашим.

Первое же кинопрокатное общество в Мюнхене, которому мы показали часть отснятых в Африке кадров, от нашего фильма отказалось. В конце концов Михаэлю пришлось подписать вексель на 100 тысяч марок, чтобы получить возможность

¹ G r z i m e k B. Wolf Dschingis. Stuttgart, 1943 und 1955.

смонтировать фильм, изготовить цветные копии, озвучить его и выпустить на экран.

Кинодеятели были в претензии на нас за то, что мы показали диких животных слишком мирными. Ведь во всех фильмах об Африке зритель привык видеть, как каждые две минуты хищник нападает на жертву, гигантские змеи душат людей, а злобных, агрессивных слонов в последний момент приканчивают метким выстрелом. Но мы, зоологи, можем показывать животных только такими, какие они есть на самом деле, а не так, как их принято демонстрировать публике с целью пощекотать ей нервы. Так что, когда мы все-таки решились послать свои фильмы на кинофестиваль в Берлин, сердце у каждого из нас екало.

«Для диких животных места нет» демонстрировался в последний день фестиваля в кинотеатре на Курфюрстендамме. Перед этим мы пригласили представителей прессы на завтрак в Берлинский зоопарк, но ровно в 10 часов разразилась такая гроза, что никто не отважился пробежать через весь парк до ресторана. Так мы и просидели вдвоем перед огромными горами бутербродов...

Потом, на дебюте нашего фильма, мы притаились в самом последнем ряду кинотеатра, чувствуя себя как школьники, сидящие на Пасху в актовом зале, когда объявляют, кого перевели в следующий класс, а кто остался на второй год.

Когда три жирафа, словно в теневом театре, медленно проплыли на фоне красного заката, зрители начали горячо аплодировать. Михаэль радостно сжал мое колено.

Кончилось тем, что его вызвали на сцену и он там стоял в свете прожекторов в своем черном костюме, неумело раскланивался и решительно не знал, что делать с огромными букетами сирени, которые ему совали в руки.

Как зачарованные, мы шли потом по Курфюрстендамму в Фестивальный комитет, где раздавали призы. Зал был уже наполовину пуст. Журналисты накинулись на нас с упреками: куда это мы запропастились, они нас ищут уже около часа? Оказывается, фильм получил приз «Золотой медведь», потому что собрал большинство голосов; другим призом его удостоило международное жюри, состоящее из специалистов; кроме того, фильму присудили еще и республиканскую премию.

Словом, все шло хорошо. Фильм «Для диких животных места нет» шел в Мюнхене 12 недель подряд в одном и том же кинотеатре, его показывали в 63 странах мира. Когда его привезли в Южную Африку, местная цензура хотела из него

кое-что убрать, но газеты выразили протест, и министр внутренних дел был вынужден распорядиться, чтобы ни одного метра пленки не вырезали.

Мы все думали над тем, как сделать так, чтобы миллионы зрителей, просмотревшие наш фильм, могли оказать какую-нибудь действенную помощь диким животным Африки, — ведь у них, безусловно, возникало такое желание. И придумали: пусть деньги, которые они платят за билет, пойдут в пользу наших любимых животных. Ведь фильм протестовал против того, чтобы британское правительство Танганьики¹ сократило на одну треть национальный парк Серенгети — последнее пристанище диких животных, а оно собиралось это сделать. И вот мы решили на ту часть денег от проката фильма, которая полагалась на нашу долю, выкупить у английских властей окружающие заповедник земли и присоединить их к нему. Узнав об этом, директор национальных парков Танганьики Питер Моллой приехал со специальным визитом во Франкфурт и предложил использовать эти деньги для гораздо более важной цели.

Дело в том, что в степях Серенгети пасется свыше миллиона крупных животных², однако их огромные стада все время перекочевывают с одного места на другое. Картина здесь постоянно меняется: то степь до самого горизонта заполняется антилопами гну, то они куда-то исчезают, и на несколько месяцев степь словно вымирает. Существует много разных предположений относительно того, откуда эти животные приходят и куда держат путь. Согласно этим гипотезам и были предложены новые, более узкие границы парка. Но никто до сих пор не нашел способа проследить дальше массовые миграции этих животных. Во время сезона дождей даже на вездеходе невозможно проехать по тем немногим «дорогам», которые здесь имеются, а уж через затопленные равнины, через горы и ущелья и вовсе не пробережешься.

У правительства Танганьики нет денег для подобных исследований, да и у какого правительства на свете найдутся деньги для львов, жирафов, зебр и гну?

---

¹ В книге речь идет о событиях, происходивших до 1959 года включительно. Страны Танганьика, Кения и Уганда, о которых автор пишет как о колониях, стали независимыми государствами соответственно в 1961, 1963 и 1962 годах. В 1964 году Танганьика и Занзибар создали Объединенную Республику Танзанию. (Примеч. перев.)

² Теперь их уже более двух миллионов. (Примеч. перев.)

Я помню, мы часто лежали на нашем балконе, задрав ноги высоко на перила, и ломали себе голову над тем, как решить эту задачу.

— Мы должны научиться летать,— как-то вдруг осенило Михаэля.

Меня это несколько ошеломило, но я понял, что он прав. Десяток лет назад он же вынудил меня научиться водить машину.

В течение нескольких недель у нас шли ожесточенные бои с женами, но победа осталась за нами. И вот в одно прекрасное утро я уже стоял на спортивном аэродроме Эгельсбах, в 20 километрах от Франкфурта. Собственно, он ничем не напоминал аэродром. Это была обычная зеленая лужайка, не очень ровная и даже не огороженная забором. На краю ее — малюсенькая гостиница, где под потолком на веревке болтается целый лес галстуков: здесь принято срезать галстук у каждого новичка после его первого самостоятельного полета.

Я предполагал, что сначала последует какая-нибудь лекция, этакое теоретическое обучение «катанию на лыжах в комнатных условиях», но не успел я оглянуться, как уже сидел с преподавателем в маленьком двухместном самолетике «Пайпер кап». И вот я уже пересекаю наискось высоковольтную линию и железнодорожное полотно.

Такой «Пайпер кап» производит очень несерьезное впечатление, словно его купили в игрушечном магазине: весь он как-то наскоро сварганен из тонких железных стержней и холста. Но зато в нем удивительно мало рычагов, циферблатов и прочих механизмов, так что «не ошибаться» в нем довольно легко.

Летать, как выяснилось, дело абсолютно простое, и ему, собственно говоря, и учиться-то незачем. Затруднительны только взлет и посадка. Мне потребовалось вдвое больше летных часов, чем Михаэлю, пока я наконец сумел продемонстрировать перед государственным экзаменатором все положенные крутые виражи и посадку с выключенным мотором точно в указанном месте.

А потом — первый самостоятельный перелет на другой аэродром. До чего же страшно удаляться от своего родного аэродрома, где все заучено — и уголок леса, и крыша ангара, и соседняя деревенька! Боишься не найти дорогу назад, словно воробей, впервые вылетевший из гнезда. Деревни до того похожи одна на другую! Я стараюсь держаться автострады, по которой уж во всяком случае можно будет отыскать дорогу домой. Во время посадки в Кобленце на горном плато над

рекой Мозель ветер подхватил мой самолетик, и не успел я опомниться, как он уже стоял задом наперед на посадочной дорожке.

Несколькими днями позже я должен был в течение получаса продержаться на высоте 3 тысячи метров. Тут надо внимательно следить за тем, чтобы не попасть «под ноги» самолетам гражданской авиации, которые с этой высоты начинают снижаться для посадки на большом Франкфуртском аэродроме. Отсюда уже виден Франкфурт, а сразу за ним — Майнц и Висбаден. Как густо заселены эти места! Запломбированный аппарат за моей спиной отмечает, точно ли я держусь на заданной высоте.

Нет, действительно, летать на «Пайпер кап» совсем не трудно. Сложна только теория, которую необходимо для этого освоить.

Для сдачи государственных экзаменов я прибыл в Дармштадт, где с восьми утра до шести вечера просидел в большом зале правительственного здания, отделенный справа и слева на три метра от соседних экзаменующихся (чтобы мы не могли друг у друга списывать).

Еще четыре недели назад я даже не подозревал, что в ФРГ есть Богемские горы, а сейчас знаю наизусть, что самая высокая вершина Богемского Леса носит название Арбер и достигает высоты 1457 метров. Ведь я должен уметь на большой слепой карте рядом со всеми городами, реками, каналами и горами проставить их названия. Я даже запомнил, что притоки реки Прегеля называются Анграпа и Инструч, — это на всякий случай, потому что, по слухам, один из экзаменаторов родом из Восточной Пруссии. Я могу с линейкой и циркулем в руках высчитать на миллиметровой бумаге, за сколько времени я — теоретически — могу добраться из Франкфурта в Гамбург, если мне навстречу под углом 63 градуса дует северо-восточный ветер, и сколько мне на это потребуется бензина. Я прочно усвоил, кто кому обязан уступить дорогу, если встречаются одновременно стратостат, планер, самолет и дирижабль.

Я знал тысячу вещей и сдал экзамены с отличием. А два опытных летчика, которые пришли только за тем, чтобы продлить летные удостоверения, провалились, хотя наверняка летали лучше меня во много раз. Я занимался очень усердно, так как знал, что, если провалюсь, об этом обязательно сообщат в газетах и многие знакомые будут смеяться надо мной до упаду.

Наконец настает день, когда вам вручают коричневатожелтое летное удостоверение, вы прячете его в свой бумажник и чувствуете себя заправским пилотом. Но ни один человек

почему-то об этом не догадывается, и никто у вас никогда не спрашивает этого документа.

И все же вождение самолетов накладывает кое-какой отпечаток на вашу личную жизнь. Я, например, совершенно отвык от завтраков и позволяю себе выпивать утром только одну скромную чашечку кофе. Ведь в таком самолете нет никаких специальных удобств ни для мужчин, ни для дам. Как-то из-за этого я в отчаянии решился на посадку в Бингер-Лохе, а в ФРГ вынужденная посадка вне аэродрома влечет за собой самые неприятные последствия. Даже если вам удалось благополучно приземлиться на клеверное поле, вы должны сразу же бежать в ближайшую деревню и сообщить по телефону свои координаты в Агентство гражданской авиации в Брауншвейге, затем дождаться приезда полиции и получить официальное разрешение для старта. И только после этого вы можете наконец попробовать снова подняться в воздух. Словом, значительно проще отказаться от завтрака...

Я стою на лужайке аэродрома в Эгельсбахе рядом с нашим преподавателем, который занят тем, что аккуратно отмечает время вылета и приземления канареечно-желтых самолетиков. Я приехал сюда, потому что уже несколько недель меня мучают «проклятые сомнения».

— Скажите мне, пожалуйста, господин Реппле, достаточно ли подготовлен Михаэль, чтобы сейчас лететь в Африку? Отпустили бы вы его, будь он вашим собственным сыном?

Разумеется, я для того и учился летать, чтобы не отпускать Михаэля одного. Я бы дома ни одной ночи не мог заснуть спокойно, зная, что он летит совершенно один над бескрайней пустыней. Может быть, я учился еще и потому, что отцы обычно не любят, чтобы сыновья их в чем-то переплюнули. Поездку откладывать нельзя, потому что работу в Серенгети нужно начинать н е м е д л е н н о, лучше сегодня, чем завтра, иначе за это время может быть принято окончательное решение о сокращении площади заповедника. Купить или нанять самолет в Африке мы не сможем, потому что нам нужна особая машина, которая способна в случае надобности лететь совсем медленно и приземляться в любых условиях без всякого аэродрома. Может быть, разумнее было бы отправить наш самолет пароходом?

— Но тогда вам пришлось бы тренироваться над безлюдными джунглями Африки, где нет никакой надежды на чью-либо помощь. Нет, я считаю Михаэля одним из своих лучших учеников. Летное мастерство у него в крови. Будете ли вы в

дальнейшем летать над нашей страной или над странами Средиземноморья — это совершенно безразлично.

Словом, без такого полета нам все равно не обойтись. В конце концов, многие рисковали и большим ради значительно менее благородных целей. Так что, прежде чем несколько необычным способом обследовать серенгетские степи, нам предстоит еще не менее необычный спортивный трюк. Это хоть и заманчиво, но и страшновато — прямо в дрожь бросает.

И вот мы сидим в своей новой красивой машине и не спеша тарахтим вверх по Рейну. Нас сопровождает только наш «бушбеби» — ручной галаго. Я все еще жду, когда мы долетим до определенного ориентира, указанного в автомобильном атласе, а под нами уже вырастает огромное четырехугольное здание с надписью «ГАЙГИ». Это швейцарский конкурент наших фармакологических фирм «Мерк» в Дармштадте и Хёхсте. Один из совладельцев этой гигантской «дьявольской кухни», исследователь Африки, университетский профессор, биолог, недавно рассказывал мне, как под его руководством ежедневно вскрывают сотни мух цеце и аккуратно вытаскивают и сортируют их кишки, желудки и другие органы.

Найти дорогу из Базеля в Женеву для нас не представляет никакого труда. Дело в том, что мы вмонтировали в свой самолет радиокompас, так что мне достаточно только поискать в справочнике длину волны Женевского аэродрома и радиомаяков по дороге к нему. Михаэль настраивает компас на эту волну, и стрелка на циферблате приходит в движение. Она стоит ровно на нуле, если нос нашего самолета обращен прямо к невидимой радиостанции. Если мы над ней пролетели, стрелка делает полный оборот вокруг всего циферблата. Все идет гладко, как в сказке. Но в Африке, к сожалению, нет радиомаяков, и, если радиоволны ближайшего аэродрома не будут нас достигать, радиокompас станет совершенно бесполезным. Однако пока мы еще не в Африке, а в Швейцарии, и наш самолет доставляет нам совсем другие хлопоты.

Кстати, я должен его сначала представить. Похож он на обычный спортивный самолет, только больше, весь из металла и более современной формы. В нем свободно помещаются шесть человек. Обычная его скорость — 220 километров в час. Однако с выпущенными закрылками ее можно снизить до 50 километров в час (это, разумеется, удастся только тому, кто хорошо владеет машиной). Поэтому его можно посадить

даже на картофельном поле, по которому ни на каком автомобиле не проедешь. Правда, у этого самолета всего один мотор, но в случае, когда он отказывает, мы сейчас же выпускаем закрылки и плавно, словно на планере, скользим к земле.

Ей-богу, на таком самолете до смешного безопасно летать, но, как мы ни старались объяснить это нашим женам, они почему-то нам не верили. У него такие длинные ноги, что даже в случае посадки в кустарник или на кочковатую почву пропеллер не погнется. Сидим мы в кабине из сплошного плексигласа, расположенной несколько ниже высоких крыльев. Иногда мне начинает казаться, что я вишу на стуле прямо в воздухе: боковые окна доходят до самого пола и прямо под своей коленкой с 800-метровой высоты я вижу маленькие деревенские домишки.

Называется наша машина «D — Ente» («D — Утка»). В ФРГ все самолеты получают букву «D» как первый опознавательный знак, а затем через тире четыре буквы. Нам разрешили самим выбрать слово из четырех букв. Мы хотели, чтобы это было животное, и выбрали «утку». И только позже мне пришло в голову, что мы с таким же успехом могли остановиться на слове «осел», в котором тоже всего четыре буквы...

Вертикальная хвостовая часть, согласно предписанию, окрашена в немецкие традиционные черно-красно-желтые цвета, а весь самолет мы выкрасили под зебру: он белый в черную полоску. Может быть, в таком виде животным Серенгети, где бегают тысячи зебр, он не покажется слишком уж инородным телом. Но сделано это главным образом для того, чтобы в случае аварии в джунглях Африки эту небольшую штукюину легче было отыскать.

Правда, на такой «летающей зебре» неловко приземляться на приличном международном аэродроме в Женеве. К счастью, мы еще не успели облачиться в свои тропические костюмы, а то бы наше появление могло произвести несколько странное впечатление.

На стартовых дорожках стоит 10 огромных пассажирских самолетов, в залах ожидания толкуются сотни пассажиров. Вообще-то эти тяжеленные «ящики» должны были приземлиться в Милане, но в связи с тем, что над Италией поднимается волна холода и в долине По бушуют ураганы, их перенаправили в Женеву.

Над Ниццей, говорят, дождевые облака нависли на высоте 120 метров, видимость резко ухудшилась. Марсель передает,

что мимо них даже пролететь невозможно, так что ничего не поделаешь — придется провести эту ночь в дождливой Женеве.

На следующее утро все кругом, вплоть до самых гор, затянуто серыми тучами. Только в глубокой низине, расположенной южнее, они не достигают земли. В эту дыру мы и решаем нырнуть. Но зеленый лес на склоне горы оказывается вдруг угрожающе близко, нам становится как-то неуютно, и мы поднимаемся несколько выше. Но тут мы сразу же попадаем в тучи и слепнем в молочно-белом тумане. Когда наконец немного проясняется, мы снова снижаем нашу «Утку», переваливаем через горы и направляемся в Лион.

Час вниз по Роне — и мы в Марселе, где светит холодное солнце. В мрачноватом гостиничном номере мы покрываем весь истоптанный ковер картами Италии. Над Сицилией нависли сплошные низкие облака, там бури и грозы. Если мы полетим вдоль итальянского побережья, дорогу нам то и дело будут преграждать военные запретные зоны.

Таким образом, вместо Африки нам вначале пришлось вплотную ознакомиться с Марселем — к сожалению, перед самым Рождеством и без зимних пальто!

Напротив нашей гостиницы стоит церковь, построенная лет 80 назад. Однако на самом деле это вокзал. В наше же время все делается наоборот: сейчас не строят вокзалов, похожих на кафедральные соборы, а сооружают церкви, напоминающие вокзалы...

Флажки на метеорологической карте в диспетчерской башне аэропорта никак не хотят сдвинуться с места. Штормовая низкая облачность словно застыла над Италией. А нам страшно хочется выбраться наконец из этой дождливой Европы. Ничего не попишешь, придется сделать большой крюк через Испанию и Гибралтар.

И вот наша «зебра» потихоньку тарахтит вдоль французского побережья. Мы с удовольствием сократили бы себе путь — отправились бы прямо через Лионский залив. Но вода там, внизу, выглядит такой холодной и враждебной, что мы не отваживаемся на это и каждый раз снова поворачиваем рычаг управления вправо, ближе к береговой полосе. Я подсчитал, что тысячу километров от Марселя до Картахены мы с попутным ветром пролетели ровно за четыре часа и израсходовали при этом 280 литров бензина.

С военного аэродрома, куда мы приземлились, услужливые испанцы повезли нас в Картахену; рычаг скоростей в нашем такси был защемлен маленькими деревяшками, чтобы не выскакивал.

Отчаянно сигналив, нас провезли по улицам этого маленького городка и доставили в самый большой его отель. Здесь нас покормили, прямо надо сказать, по-княжески: нам подали два стакана вина, три различных горячих блюда, свежих крабов, два кофе. Все это стоило только две с половиной марки. После этого мы еще на две марки взяли омаров. Оказывается, в такой «мертвый сезон», зимой, в Испании не бывает повышенных цен для туристов.

Телефон на тумбочке возле моей кровати работает, только когда придерживаешь рукой штепсель, но это не помешало нам соединиться с Франкфуртом. Мы сообщили своим женам, что застряли в Испании и сидим в уютном отеле у подножия средневековой крепости.

Теперь они долго не услышат наших голосов.

Испанские летчики вводят нас в искушение:

— Чего ради вы собираетесь делать крюк через Гибралтар? Ведь гораздо проще лететь напрямик через Средиземное море на Оран!

— Но ведь в Алжире сейчас происходят военные действия. Разве можно без специального разрешения лететь в Оран?

— Да бросьте вы! Туда уже многие не раз летали, и ничего. Мы заранее сообщим о вашем прилете по радио.

Мы с Михаэлем смотрим друг на друга. Нас гложут одинаковые сомнения, но искушение слишком велико. Ведь и так уже потеряно три дня из-за проклятой низкой облачности над Сицилией. Мы соглашаемся.

Я распаковываю оранжевые пробковые жилеты, мы натягиваем их на себя и завязываем на животе. Пояснение, как пользоваться этой новинкой, написано по-английски вверх ногами, так что прочесть его можно, только глядя сверху вниз на свой живот. В специальных карманах находятся свисток и батарея, автоматически включающая в воде лампочку, которая может гореть целую ночь; прилагается и специальное окрашивающее вещество, которое пятном расплывается по морской поверхности и облегчает поисковым самолетам задачу найти потерпевших аварию. Кроме того, у нас с собой маленькая резиновая лодка; попав в воду, она (согласно инструкции) автоматически надувается. Михаэль привязывает к ней еще сумку с хлебом, яблоками и пакетом

печенья. Туда же он сует дымовую шашку и пару брикетов из какой-то гадости, отпугивающей акул. Эти брикеты мы специально выписали из Америки.

Мы ввинчиваемся высоко в воздух над Картахеной, и Испания под нами делается все меньше и меньше. Высота — 3300 метров, выше нельзя, а то воздух станет слишком разреженным и мы будем лететь значительно медленнее. Мы поворачиваем черно-белый нос нашей «Утки» точно на юг и вот уже летим над открытым морем.

Нам предстоит покрыть расстояние в 300 километров — это добрых полтора часа лету. На карте такое расстояние выглядит совсем ничтожным — кошка и та перескочит! Но вот уже исчезла из глаз береговая полоса. Только небо и море, больше ничего. В это время года вода в Средиземном море не синяя и теплая, а серая и холодная — градусов десять, не больше. Если в такой поплавать, то через час или два совсем окоченеешь и потеряешь сознание. И куда ни кинь взгляд — нигде ни одного корабля.

Меня почему-то начинает интересовать гул мотора, и мне уже чудится, что в нем прослушиваются какие-то перебои. Невольно бросаю встревоженный взгляд на Михаэля.

С годами я все больше и больше начинаю полагаться на него. Я знаю, что, когда он сидит за рулем, всегда все идет отлично. Михаэль смотрит прямо перед собой сквозь круг, который чертит пропеллер. У него еще нет морщинок у глаз; на лоб, как всегда, свисает прядь волос, а сзади, на макушке, тоже как обычно, торчит смешной вихор. Этот вихор ему никогда не удавалось пригладить, даже когда Михаэль был еще совсем ребенком и гордо отправлялся гулять с нашим волком Чингисом.

Внезапно что-то дернулось, затарахтело, и стук мотора прекратился. Мне показалось, что вместе с ним перестало стучать и мое сердце. Как выбраться из этой металлической «Утки», если надо будет бросаться в воду? Справа от меня, над дверью, красная ручка, запломбированная тонкой проволокой. «АВАРИЙНЫЙ СБРОС ДВЕРИ» — написано на ней.

Михаэль нажимает на кнопку вспомогательного бензонасоса. Раздается жужжание. Насос с силой загоняет бензин в мотор, и тот снова начинает работать. Он вышел из строя всего на каких-нибудь пять-шесть секунд. Но это были долгие секунды!

Летя над морем, мы не решались выключить вспомогательный бензонасос, хотя мотор, возможно, прекрасно работал бы и без него. Мы боялись даже слово проронить, пока наконец стрелка радиокompаса не настроилась на длину волны Орана и берег Северной Африки не начал медленно (ужасно медленно!) приближаться.

Над Ораном нависли три мрачных грозовых облака. Из каждого широкой полосой лил дождь. Где же аэродром? Та площадка, на которую мы только что собрались сесть, оказалась предназначенной для строевого обучения, а на других подходящих местах стояли военные самолеты.

Мы делаем два огромных виража вокруг низины, где расположен город Оран. Ну вот, это наконец должен быть аэродром! Я озираюсь по сторонам, чтобы нам не столкнуться с какой-нибудь другой машиной, идущей на посадку. Михаэль в наушниках внимательно слушает указания человека с командного пункта. Оттуда всегда сообщают, с какой стороны и какой силы дует ветер у земли, чтобы можно было сесть против ветра, можно ли идти на посадку или подождать, какую посадочную дорожку занять и другие подобные вещи. Этот голос в эфире нелегко понять, потому что все говорится сокращенно, цифрами, числами и закодированными обозначениями и по международному соглашению на английском языке. А здесь наушники почему-то картавят по-французски.

Когда мы уже буквально в холодном поту находим наконец нужную посадочную дорожку и спускаемся на нее, голос в наушниках неожиданно спрашивает на этот раз уже по-английски:

— How do you pronounce your name? (Как вы, собственно говоря, произносите свое имя?)

Если ваша фамилия Гржимек, то к таким вопросам успеваешь привыкнуть. В Америке и Франции меня часто уверяли, что англичанин или француз такой фамилии даже выговорить не может. Я успокаивал этих людей тем, что и немец тоже не может. Но здесь, прямо в воздухе, этот вопрос меня огорошил.

Оран уже более тысячи лет смотрит с побережья Африки на Испанию. Двести восемьдесят лет город был испанским, затем сорок лет — турецким, а с 1831 года он французский. Шофер такси, который везет нас в город с аэродрома, — француз, но Франции никогда не видел. Его отец и дед родились

в Северной Африке. Здесь живет два миллиона французов и семь миллионов алжирцев.

— В Оране теперь все тихо, — успокаивает нас шофер, проезжая на волосок от навьюченного всяким скарбом осла.

Все отели переполнены беженцами и офицерами, так что мы были рады получить у мавританского владельца третьей-классной гостиницы даже нетопленую комнатку возле кухни.

Портье здесь настоящий фокусник. Пока Михаэль с ним объяснялся, он своим широким рукавом незаметно смахнул со стола обменный чек. Когда мой сын, усмехаясь, нагнулся за ним, бумажки на полу уже не оказалось. Она очутилась в ящике стола, прикрытая книжкой...

Наша «летающая зебра» пытается пробиться в Алжир, но повсюду еще висят темные, мокрые облака. Они становятся все плотнее и спускаются все ниже. Мы едва успеваем заметить, что ущелье, по которому мы пролетаем, внезапно кончается отвесной стеной гор. У нас, слава богу, еще хватило времени сделать вираж и полететь назад.

В то время как на автомобиле всегда можно дать задний ход, для летчика попасть в тупик означает смерть. Самолеты уже не раз терпели аварию именно вот в таких ущельях, потому что часто бывало поздно набрать высоту, необходимую, чтобы перевалить через препятствие, а чтобы развернуться, ущелье оказывалось слишком тесным.

Мы решили попробовать пробраться к Алжиру вдоль берега, над самым морем, но и здесь клочья облаков опустились так низко, что местами сливались с морской пеной.

Спустя полтора часа, совершенно вымотанные, мы вернулись на аэродром в Оран. Служащий аэродрома качает головой:

— Вам следовало держаться над горами хотя бы на высоте триста метров! Радуйтесь, что вас не подстрелили. Только три недели назад тут угробился один такой лихач.

На другое утро мы стараемся держаться на почтительном расстоянии от опасных гор. Мы летим вдоль берега, и нам видно, что наделала разбушевавшаяся стихия: мосты напрочь снесены, улицы размыты, в горах и на холмах ни одного более или менее крупного животного. А ведь прежде отсюда, с моря, мореплаватели могли наблюдать за антилопами и даже львами. Еще в 1892 году вот там, напротив, на горе Эду, близ алжирского порта Бон, встречали львов. Последние львы Марокко, весьма мирного нрава, продержались в тех местах даже до

1922 года. Эти черногривые берберийские львы по праву считались самыми красивыми львами в Африке. Их кровь и сейчас еще течет в жилах некоторых обитателей зоопарков.

Нам еще несколько раз приходится попадать в кратковременные ливни. При этом Михаэль старается пролетать под тучами, я же за то, чтобы обойти их стороной.

Дело в том, что дверка, которая надо мной, пропускает воду. Под давлением свистящего ветра дождевая вода просачивается в стыках сквозь пенопластовую прокладку. Мне приходится держать над головой тряпку и время от времени ее выжимать. В такой позе рука быстро затекает, и кончается дело тем, что вода мне все-таки попадает за шиворот. А сторона, где сидит Михаэль, остается сухой.

Так мы пробиваемся мимо Алжира, вдоль всего берега, до Туниса, а затем идем к югу. Наконец мы выбрались из этой «хляби небесной». Пускай ливень путешествует дальше по Италии и мочит даже Балканы. Мы же летим туда, где светит солнце, и никакая «небесная постирушка» больше нас не задержит.

На аэродроме в Триполи мы уже не впервые. Нам не раз случалось торчать здесь ночью около часа, когда мы прилетали в Африку на большом пассажирском самолете. На рифленой жести ворот аэровокзала еще сохранились следы от пуль со времени африканских походов Роммеля. А на банкнотах нового королевства Ливии можно полюбоваться изображением старого короля Идриса эль-Сенусси с феской на голове, но по ним нельзя угадать, сколько пиастров они стоят, потому что цифры обозначены только по-арабски. Хотя и считается, что мы тоже пользуемся арабскими цифрами, но настоящие арабские выглядят совсем по-другому.

Теперь нам хочется семимильными шагами наверстать все наши вынужденные задержки в пути. К счастью, у нашей бравой «зебры» есть «второе дыхание»: мы встроили перед двумя задними сиденьями большой запасной бак для горючего. С помощью маленького ручного насоса из него можно перекачивать бензин вверх, в те два бака, которые размещены справа и слева в крыльях. Таким образом мы сможем без посадки долететь до Тобрука и даже, может быть, до Александрии в Египте.

По воздуху добираться очень быстро, вот только на противных аэродромах постоянно застреваешь! Вечно одна и та же волокита! Сначала нужно разыскать бензоколонку и набрать

горючего. Потом таможня. Затем следует визит к метеорологам, которые должны нам выдать секреты направления ветра и состояния облачности. И наконец вверх по лестнице, в командный пункт. Там нужно заполнить план полета и получить его одобрение.

В качестве конечного пункта я вписываю Тобрук, но начальник заявляет, что там военный аэродром. Он зачеркивает «Тобрук» и вписывает вместо него «Бенгази». Теперь остается только заплатить налоговые сборы и выписать чек на бензин. На все это уходит не менее двух часов. И вот когда мы наконец со вздохом облегчения снова оказываемся в воздухе, то вспоминаем, что забыли поесть. Поскольку моей жены здесь нет, я чувствую себя обязанным проявлять материнскую заботу по отношению к Михаэлю. Итак, я предлагаю ему бутерброд с сыром, правда уже несколько зачерствевший, потому что приобретен он еще в Марселе. Сын отказывается его есть. Это у него от матери: волнение у них всегда отражается на желудке. Конечно, этот длительный полет его очень волнует, хотя он и виду не подает. Но яблоко он все-таки соглашается съесть. Затем открывает маленькое окошко из плексигласа, врезанное слева от него в ветровое стекло, и яблочный огрызок летит вниз, прямо на прекрасную асфальтированную дорогу, которую когда-то Муссолини проложил здесь вдоль берега. А за ней лежит пустыня... бескрайняя пустыня... Огромное песчаное королевство Ливия.

Дорога пуста. Лишь изредка можно встретить одинокий грузовик. Ни одного селения, только тут и там палатки бедуинов. Ровно через каждые 15 минут под крылом появляется четырехугольное здание постоянного двора; они похожи одно на другое как две капли воды. Как-то много лет назад я уже видел в иллюстрированном журнале эти элегантные «отели пустыни».

Нажимаю на рычаг управления и прохожу над одним из них очень низко. Теперь там хозяйничают бедуины; во дворе гора пустых железных бочек, а из-под веранды выскакивают козы.

Ручной насос что-то забастовал, и нам приходится искать место для посадки, чтобы канистрами перелить бензин из запасного бака в основные. В нашей летной карте указано, что здесь должна быть запасная посадочная площадка у Марбл-Арч. Тут не селение, а, как и указывает название, только арка. Это и есть та самая огромная триумфальная арка из белого мрамора, которую Муссолини в свою честь воздвиг прямо посреди дороги, идущей вдоль берега. Рядом заброшенный

аэродром, оставшийся, как видно, со времен последней войны. Он построен, по всей вероятности, немцами. Мы идем на посадку и пролетаем на высоте трех метров над широкими асфальтированными дорожками. Они все потрескались, из щелей пробиваются густые пучки травы. Вокруг одни руины домов и казино. Кто, интересно, здесь жил? Кто здесь погиб?

Мы выбираем более или менее ровный отрезок посадочной полосы и приземляемся. Совсем рядом бедуины пасут стадо дромадеров. Они приводят нам двух ослов, и мы все вместе плетемся за длинноухими к домику из рифленой жести. И какой сюрприз — это действительно бензоколонка! На канистрах аккуратно помечено по-немецки: «Наполнено в мае 1956 г.». Значит, это горючее уже полтора года хранится здесь рядом с забытой триумфальной аркой дуче...

На ослах канистры доставляют к нашей «Утке». Кстати сказать, счет за эти услуги вместе с дюжиной других счетов из 12 различных стран по истечении года прибыл к нам во Франкфурт.

Сколько, интересно, осталось до захода солнца? Нам объясняют на пальцах: примерно два часа. Но когда мы уже в воздухе проверяем это по справочникам, выясняется, что солнце в этих местах исчезает за горизонтом значительно раньше. Красный шар все быстрее и быстрее скатывается к краю пустыни.

Для этих кочевников там, внизу, оно давно уже зашло. Когда радиокompас наконец настраивается на Бенгази, становится почти темно. Там, на аэродроме, специально для нас освещают посадочную полосу. Как две нитки бус, сверкают два ряда керосиновых ламп, из которых языками выбивается пламя.

— Кто из вас командир корабля? — строго спрашивают нас на командном пункте. И затем еще строже: — Где это вы были так долго?

В столь длительную задержку в Марбл-Арч усатый шотландец решительно не верит.

— Если ваш самолет делает двести двадцать километров в час, почему же вы тогда в Триполи записали в своем летном плане, что вам нужно семь часов до Бенгази? Ведь на самом деле требовалось только четыре?

Они, конечно, подозревают, что мы нарочно указали неверное время, чтобы тайком пошпионить по стране.

Весьма удрученные, мы ложимся спать в роскошном бенгазийском отеле. И вот перед сном Михаэля внезапно осеняет:

когда начальник диспетчерской башни в Триполи вычеркнул в нашем летном плане «Тобрук» и поставил вместо него «Бенгази», он забыл выправить указанное ранее время!

Над Киренаикой мы с Михаэлем попеременно сменяем друг друга у штурвала, чтобы иметь возможность повнимательнее высматривать животных. Но там, внизу, пасутся лишь одни верблюды, больше никого не видно, не считая нескольких птиц. Тем, что эта территория теперь покрыта зеленью, она, как ни странно, обязана последней войне. Вместе с кормом для лошадей сюда завезли семена одной травы, до того произраставшей только в австралийской полупустыне. Когда окончилась война, зазеленело сначала вокруг Эль-Аламейна, а затем пышный зеленый ковер, достигающий местами двухметровой высоты, протянулся в обе стороны вдоль берега до самой дельты Нила, а также в глубь континента. Новому зеленому пришельцу потому так хорошо удалось здесь прижиться, что он вначале разросся на устрашающих минных полях, проложенных итальянцами, немцами и англичанами от самого берега в глубь страны на 150 километров. Мины таятся там до сих пор, и никто не решается разгуливать между ними. Только зеленая трава перешагнула через «зону смерти».

Но это единственное, что оживляет пейзаж. В основном же под нами печальные последствия войны — бесконечные окопы, сожженные дома, блиндажи, заброшенная железная дорога, по которой на расстоянии тысячи километров не встречается ни единого поезда, солдатские кладбища.

У египетской границы прекрасная асфальтированная дорога обрывается. Зато море здесь удивительно светлое, лазурное, и мы парим над сверкающей пеной прибоя...

В нашей жизни мало мгновений, когда мы чувствуем себя по-настоящему счастливыми и ничего лучшего не желаем. Вот это — одно из них. Мы здесь совершенно одни между прозрачно-голубой водой и прозрачно-голубым небом — двое мужчин по ту и по эту сторону вершины жизни. У нас общая цель, общие интересы. На молодых руках Михаэля, которые покоятся сейчас на штурвале, еще только начинают набухать вены зрелости. Эти руки продолжат нашу работу, когда мои устанут. Мало кто так, как я, может быть уверен, что его дело попадет в столь горячие и надежные руки.

В Александрии легко приземляться: весь аэродром в нашем распоряжении. Международные воздушные линии сейчас не проходят через Египет, так что на летном поле стоит лишь несколько самолетов. Когда мы подкатили к месту стоянки, нам навстречу не торопясь вышло пять собак, которые с серьезным видом стали рассматривать нашу машину.

Надо же было нам прибыть как раз в магометанский праздник, когда ресторан и бюро по обмену валюты закрыты! Однако таможенники любезно одолжили нам денег на такси до гостиницы. В служебном отношении они, надо сказать, очень аккуратны. Они спрашивают нас о валюте, и я с готовностью выкладываю перед ними все остатки денег, накопившиеся в моих карманах, — из ФРГ, Швейцарии, Франции, Испании, Алжира, Туниса и Ливии. Все старательно подсчитывается. Затем эти же любезные таможенники предлагают мне подписать какую-то длинную писанину на арабском языке, что я, пожимая плечами, и делаю.

Старательный египетский механик развинчивает фильтр нашего мотора. Оказывается, он полон металлических опилок: в Ороне самолет заправили грязным бензином. Опилки стерли поршни ручного насоса на запасном бензобаке, но эти металлические частицы, к счастью, задержались в фильтре мотора. Мы сейчас же покупаем себе собственную воронку и замшу для фильтрования.

После этого случая мы уже никогда больше не отходили от нашей «Утки», когда посторонние люди заправляли ее бензином. И мотор честно проработал еще 300 часов и ни разу не зачихал.

Механик смущенно сообщил нам, что, к сожалению, не может дать нам бензина. Необходимый нам высококачественный бензин (с октановым числом «80») выдается здесь только для нужд военно-воздушных сил Египта. Я спешу вверх по каменной лестнице к военному коменданту аэропорта и показываю ему официальные сведения, которые его правительство помещает в летных каталогах всего мира. Там говорится, что на египетских аэродромах можно свободно купить бензин любого сорта. Майор лично связывается по телефону с военным министерством в Каире, но там отвечают, что продажа разрешена только за доллары. А их у нас с собой нет, и нам ничего не остается, как заправиться автомобильным бензином, что в высшей степени неприятно.

Рано утром мы вылетаем из Александрии и направляемся вверх по Нилу до Луксора. Сверху территория Египта напоминает лунный ландшафт: насколько хватает глаз, повсюду скалы, песок, потом снова скалы и снова песок... Ни деревца, ни листочка, ни травинки. Эту пустыню с севера на юг пересекает лишь узкая зеленая полоса плодородной земли — русло Нила, окаймленное берегами, поросшими буйно цветущей растительностью. Но полоса эта очень узка, всего по три километра с каждой стороны реки, а дальше опять начинается пустыня, где вся жизнь замирает.

Я тяну на себя рычаг управления, машина поднимается выше, кругозор расширяется, но бесконечная пустыня — зрелище столь безотрадное, что сердце невольно сжимается. Уж лучше лететь над Нилом. Когда мы спускаемся ниже, рыбаки со своих лодок машут нам руками. Огромные желтовато-коричневые паруса приветливо кланяются нам вслед.

На поезде от Каира до Луксора 12 часов езды. Из окна вагона пассажиру кажется, что он едет по зеленому цветущему земному раю. Мы же одолели это расстояние за два часа, и за это время нам стали понятны все заботы Насера.

У таможенника в Луксоре не хватает двух пуговиц на мундире, но его это волнует не больше, чем нас. Мы охотно принимаем его приглашение выпить вместе по чашечке кофе. Вечером мы совершаем вылазку к храмам Карнака, затем я принимаю ванну в гостиничном номере, а потом мы распиваем с нашим приветливым чиновником бутылку египетского вина. Он в хорошем настроении и оживленно с нами беседует, не подозревая о том, что на следующий день ему предстоят большие волнения.

Отчаянно жестикулируя, он объясняет нам утром, что у нас не все в порядке с деньгами: несколько больше французских франков, а ливийских пиастров не хватает. Оказывается, на той бумаге, которую я, не читая, подписал в Александрии, содержимое моих карманов было указано с разницей в несколько пфеннигов. Но и тут находится какой-то выход из положения, и спустя час мы можем наконец отчалить.

Правда, это была лишь досадная случайность, но она испортила нам настроение, и поскольку мы опять не получили приличного бензина, то остались недовольны страной фараонов. Чтобы сорвать на чем-нибудь свое зло, мы поступаем как озорные мальчишки: начинаем совсем низко петлять над Нилом и рассматривать на самом близком расстоянии знаменитые пирамиды владык. Такие дерзости запрещены предписанием — нас вызывает радист из диспетчерской башни Лук-

сора, в эфире слышна его ругань (правда, добродушная): он требует, чтобы мы сейчас же убирались на высоту 700 метров.

Ну, так уж и быть, уберемся. После круга почета над Асуаном мы ненадолго приземляемся в Вади-Хальфа, расположенном близ египетской границы, но уже в Судане.

Итак, Египет позади; мы летим дальше на юг и наконец решаемся оторваться от Нила как от поводыря и пускаемся наискось через Нубийскую пустыню. Таким образом нам удастся за три часа срезать самую большую петлю, которую делает Нил в своем странствии по Африке. Вот эта пустыня действительно выглядит так, как ее изображают в детских книжках с картинками: ничего, кроме желтого песка. Не видно даже камня, не то что травинки.

Мы никогда бы не решились углубиться в нее, не проходи по ней железная дорога, построенная еще лордом Китченером для облегчения борьбы с Махди. Через каждые 100 километров — станция. Сверху это словно игрушечные домики, поставленные на голом полу рядом с детской железной дорогой. Все на один лад.

Поезд нам встретился только один раз; мы пошли на снижение, а все пассажиры высунулись из окон и махали нам руками. По этому песчаному безмолвию поезд тащится, наверное, не чаще чем раз в неделю.

Когда мы снова достигли Нила, и он и зеленые полосы по его берегам стали заметно уже. Зато теперь в пустыне то тут то там что-то начинает зеленеть. Мы набираем высоту, чтобы разглядеть в дымке на горизонте следующий поворот реки и срезать его по прямой. Ровно за полчаса до захода солнца мы приземляемся в Хартуме.

На следующее утро я стою в Омдурмане, на противоположном берегу Нила, перед мечетью, в которой погребен великий Мухаммед Ахмед эль-Махди. Она вся разукрашена цветными электрическими лампочками. Памятник его противнику англичанину Гордон-паше изображает того верхом на бронзовом верблюде. Когда Махди со своими свирепыми дервишами ворвался в Хартум, Гордона-пашу обезглавили, а голову его на длинном шесте выставили напоказ.

Только через 14 лет, в битве за Омдурман (в которой участвовал молодой Черчилль), лорду Китченеру удалось победить сторонников Махди. После этого сожженный дотла старый Хартум расцвел вновь, отстроенный в современном стиле. На

улицах, где раньше царил палящий зной, теперь посажено 10 тысяч деревьев, дающих тень и прохладу.

У памятника «Гордон верхом на верблюде» есть своя история. Сначала он стоял на площади Святого Мартина в Лондоне. Затем в 1902 году его решено было переправить в Хартум; при погрузке на корабль он упал за борт, и его с большим трудом достали со дна Темзы. То же самое повторилось во время выгрузки уже на Ниле. А на том месте, где он сейчас водружен, он чуть не провалился в рыхлую почву. В Хартуме рассказывают забавный анекдот про этот памятник. Один из прежних английских чиновников якобы регулярно по воскресеньям после посещения церкви гулял со своим маленьким сыном возле памятника Гордону. Обычно они останавливались и несколько минут смотрели на него в почтительном молчании. Через некоторое время сын отправился учиться в Англию и прислал оттуда письмо. В Лондоне, дескать, ему все очень нравится, но не хватает воскресных прогулок с отцом к памятнику. «Да, кстати, отец, а как зовут того человека, который сидит верхом на гордоне?»

Я навестил моего африканского коллегу, директора прекрасного Хартумского зоопарка, в котором многие прирученные животные свободно разгуливают прямо среди посетителей. Обсуждая, хорошо ли это или плохо, мы незаметно переходим на профессиональные темы.

А Михаэль в это время мучается с нашей «Уткой». Дело в том, что мы, чувствуя себя гордыми обладателями машины новейшей модели, решили продемонстрировать перед англичанами замедленный полет с сильно приглушенным мотором, однако температура мотора при этом стала угрожающе нарастать, стрелка дошла почти до самого края шкалы. Мы были совершенно ошеломлены. Но местные инженеры показали нам три авиетки, имеющие такой же американский мотор «ликоминг», с которыми во время пробных полетов над Хартумом случилась еще более неприятная история: они просто загорелись. Устройство для охлаждения мотора не выдерживает здешней палящей жары. Если бы Михаэль не следил так внимательно за приборами, наша поездка окончилась бы уже здесь. На всякий случай мы заказываем по телефону соответствующему предприятию в ФРГ дополнительную охлаждающую установку. Мы просим прислать ее сразу в Восточную Африку и зарекаемся здесь, в этой жаре, отваживаться на замедленные полеты. Нет, мы не имеем права ничем рисковать:

мы не можем ставить под удар то ответственное дело, которое на себя взяли.

Первых семь жирафов, повстречавшихся нам в дикой местности, мы приветствуем кругом почета. Громыхающая гигантская птица, как ни странно, их не напугала. Может быть, они на самом деле приняли нас за летающую зебру? Во всяком случае они не убежали, а только вытянули свои и без того длинные шеи и с удивлением нас разглядывали.

Здесь, на Белом Ниле, уже нет железной дороги: она сворачивает вместе с Голубым.

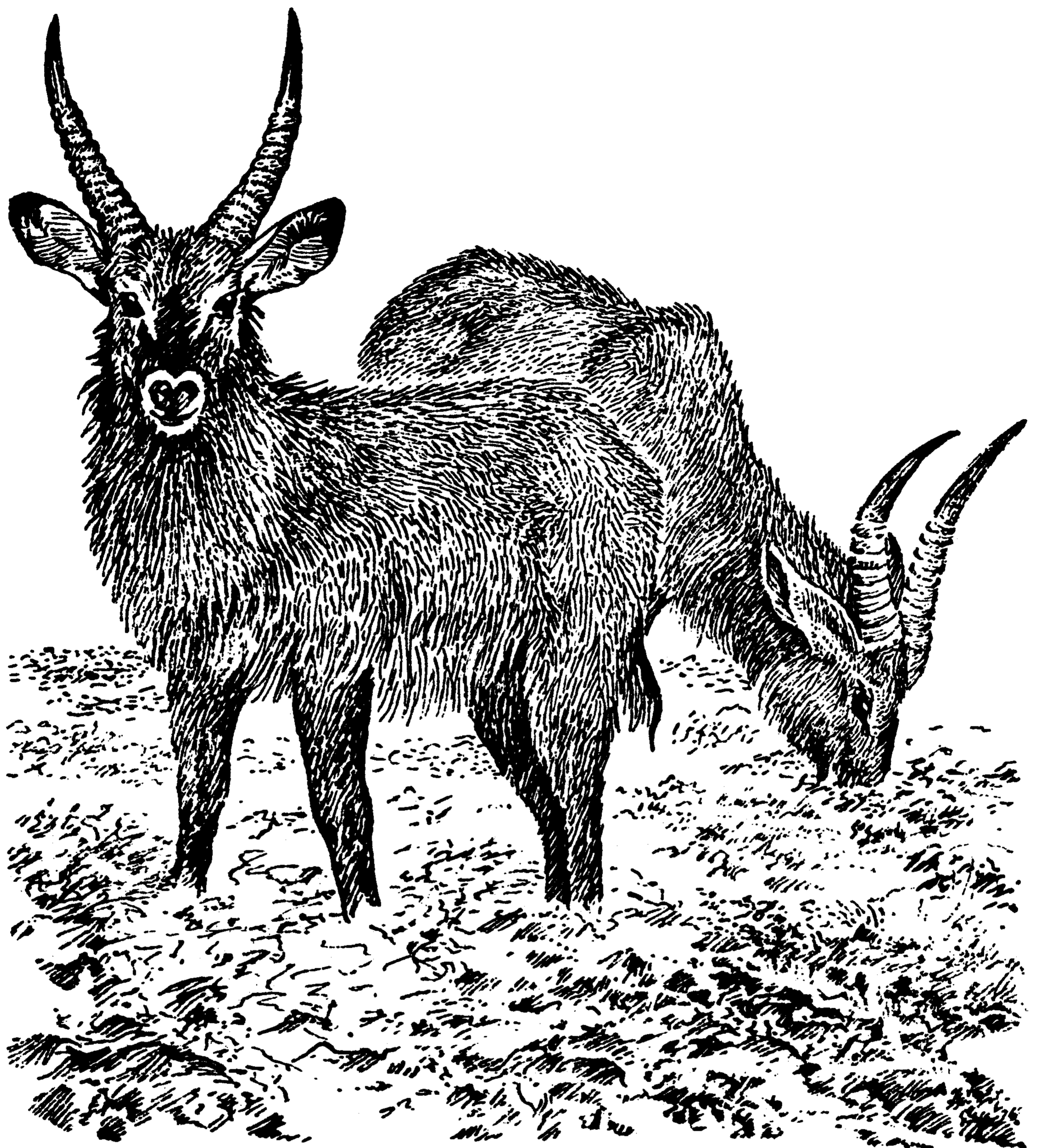
Река становится все шире; она разветвляется на множество рукавов, большие водоемы чередуются с сочными зелеными коврами болот. Именно здесь и обитает знаменитый челноклюв «абу маркуб», или китоглав, и именно здесь 40 лет назад Бенгт Берг разъезжал на своем парходике, замаскированном пучками камыша под плавучий остров. Ему первому удалось заснять этих удивительных птиц на киноплёнку, однако и он не сумел найти гнезда с птенцами. Еще ни одному европейцу не удалось разыскать челноклюва, насиживающего яйца. Пять лет назад Хартумский зоопарк прислал нам во Франкфурт двух таких гигантских аистов с их нескладными клювами; они здравствуют еще и по сей день.

У самого берега то тут то там мы замечаем водяных козлов: местные жители гонят скот с длинными, загнутыми в виде буквы «и» рогами.

И вот наконец мы добрались до Джубы, административного центра самой южной, Экваториальной провинции Республики Судан.

Джуба — это большая деревня. В диспетчерской башне аэропорта сидит радист-африканец. Он рассказал нам, что по утрам на пустынных взлетных дорожках любят играть леопарды: там сухо, а кругом вся трава еще в росе. К радиоаппаратуре нужно подходить очень осторожно, потому что ядовитые змеи — мамбы — любят греться на теплых трубах.

Мы пошли побродить по Джубе. Какой-то европеец решил с нами заговорить. Он, оказывается, уже два года как здесь, а раньше работал в Омдурмане.

Наш собеседник — врач. Ему здесь нравится, даже несмотря на то, что вчера к нему в дом забралась ядовитая змея, которую его слуги разрубили на части, а несколько дней назад леопард утащил его ручную обезьяну, привязанную цепочкой к дереву перед домом. Между прочим, из отеля, где мы остановились, леопард вчера утащил двух собак.

В госпитале Джубы работает только пять врачей. Здешние больные явно терпеливее, чем мы, европейцы. Люди с ущемленной грыжей восемь дней тащатся в больницу, причем по дороге еще едят и пьют. Просто каким-то чудом половина из них ухитряется остаться в живых. Недавно в больницу был

доставлен мальчик, у которого живот был насквозь проткнут копьем. Железо в двух местах прорвало тонкий кишечник. Родные мальчика не извлекли копья, а лишь укрепили его так, чтобы оно не шевелилось. И малый выжил!

Мы вылетели сегодня спозаранку и опять ничего не успели проглотить, кроме одной булочки. А сейчас время обеда уже прошло, и дело движется к ужину. Хозяин маленького отеля в Джубе, грек по происхождению, утешает нас тем, что в половине восьмого губернатор Экваториальной провинции по случаю Рождества устраивает праздничный ужин, на который мы тоже любезно приглашены.

И ведь правда — сегодня Сочельник. Мы об этом совершенно забыли. В прошлом году мы с Михаэлем праздновали Рождество тоже далеко от дома — в Стэнливиле, в Бельгийском Конго. Но тогда с нами были жены, и, по бельгийскому обычаю, мы весь вечер должны были старательно плясать. А танцоры мы, надо сказать, никудышные.

Официанты-африканцы украшают ресторан. Это обходится недорого: достаточно только срезать ветви веерных пальм, растущих прямо перед домом, и острым крюком оборвать красные цветы, которых полным-полно на кустарниках вокруг. Рождественская елка напоминает тую, пассажирский самолет доставил ее сюда с гор Бельгийского Конго. По английскому обычаю, ее украсили разноцветными лампочками, серпантинном и воздушными шарами.

Мы сидим за празднично сервированным столом. Уже восемь, половина девятого, а гости все не идут. Хозяин сочувствует нам и приносит виски. Воздух страшно влажный, а термометр показывает больше 40 градусов. Радио передает музыку из Омдурмана. Непривычные для нашего уха гнусавое пение, резкие звуки скрипки, и все это в очень быстром темпе, часами подряд. Постепенно от этого начинаешь стервенеть.

«Наверное, все приглашенное общество задержалось на богослужении в церкви», — подумал я. Но когда гости наконец явились, оказалось, что все они были в кино.

Губернатор и его заместитель — африканцы примерно пятидесяти лет, в безукоризненных белых смокингах и с хорошими манерами. Их европейские гости, в основном греческие торговцы, без галстуков, некоторые в рубашках с короткими рукавами, зато дамы все в вечерних туалетах.

Сильно перченый суп носит название «а-ля Назарет», затем следует коктейль «а-ля Вифлеем», в котором плавают

какие-то неведомые нам ягоды, напоминающие вишни. Индейка страшно жесткая, ее почти невозможно разжевать.

Губернатор производит впечатление настоящего джентльмена. Преисполненный собственного достоинства, он с вежливой улыбкой слушает болтовню своей молодой соседки по столу. Она жалуется, что скучно праздновать Рождество в маленькой Джубе и что гораздо лучше было бы поехать в Гранд-отель, в Хартум. Вероятно, это местная «примадонна».

Пудинг заливают ромом, поджигают, и он стоит весь в голубом пламени. Он страшно приторный. В качестве сюрприза в него запечены маленькие суданские монетки, и не успеваю я опомниться, как две из них уже оказываются у меня во рту. Должен признаться, что до тех пор я их и в руки-то брезговал брать — до того они были грязные...

Рядом со мной сидит швейцарец. Оказывается, ему в Хартуме понадобилось целых шесть дней, чтобы получить разрешение на проезд в Джубу. Теперь он уже восемь дней сидит тут, но не может выехать, потому что денежный перевод задержался, а арендовать машину в этой деревне невозможно.

По углам зала стоят огромные букеты кричаще ярких бумажных цветов; они до того пестры, что я готов счесть это явной безвкусицей. Однако Михаэль установил, что это самые настоящие, живые африканские цветы. А все, что естественно, не может быть безвкусным.

Англичане празднуют Сочельник несколько своеобразно, подобно тому как мы устраиваем новогодний карнавал, и суданцы переняли это у них. Каждый из нас получает бумажный колпак и должен его надеть. Губернатор находит, что Михаэлю он очень к лицу. Потом нас снабжают хлопущками и искусственными «снежками» из бумаги. Кое-кто из греческих торговцев считает очень остроумным окунать их в свой бокал с вином, прежде чем запустить в голову своему визави. К сожалению, эти мокрые шары красятся, и белоснежные смокинги хозяев покрываются безобразными красными пятнами. Я-то заблаговременно натянул себе скатерть до самого подбородка, и просто поражаюсь выдержке и любезности губернатора и его заместителя, которые спокойно улыбаются в то время, как их смокинги приводят в полную негодность. И только когда кто-то из подвыпивших европейских гостей начинает швыряться бананами, их у него вежливо отнимают.

Страшно усталые, мы наконец в первом часу ночи укладываемся спать в павильоне, построенном в парке. Над нами медленно вращается огромный вентилятор. Вот так прошла

наша ночь под Рождество. Нам надо как следует выспаться «в запас», потому что завтра мы хотим во что бы то ни стало завершить наше путешествие.

Мы летим через Уганду до Энтеббе у озера Виктория, там мы заправляемся и продолжаем наш полет над лесистыми горами до самого Найроби, столицы Кении.

Глава вторая

В КРАТЕРЕ НГОРОНГОРО

Ну вот мы и прибыли. Сидим в Восточной Африке, в районе озера Виктория, за 10 тысяч километров от Франкфурта. Это примерно на той же долготе, что Ленинград в СССР, и на той же широте, что Амазонка в Бразилии. Прибыли мы благополучно, Михаэль и я, но на душе у нас тревожно: справимся ли мы с той нелегкой задачей, которую так смело на себя взяли?

Нам предстоит исследовать национальный парк Серенгети в Танзании размером 12 500 квадратных километров. Для огромного материка Африки это в общем не много — примерно двадцатая часть Федеративной Республики Германии. Однако границы этого парка можно увидеть только на картах и схемах — словом, на бумаге, в природе их не существует. В длину он тянется не меньше чем на 200 километров; местами его территория расположена на высоте нескольких сот, а иногда более 3 тысяч метров. По парку проложена одна-единственная дорога, и та доходит только до его половины; к тому же по ней три месяца в году невозможно проехать даже на вездеходе.

И все же эта дикая местность отнюдь не слабо населена. По численности обитателей она может потягаться даже с некоторыми европейскими государствами: в Серенгети их свыше миллиона — так, во всяком случае, сказано в различных книжках и проспектах. Правда, речь идет не о людях, а о четвероногих обитателях, начиная со слонов и кончая газелями ростом с козу, не говоря уже о более мелкой живности. Серенгети — это последний клочок земли в Африке, где еще можно встретить поистине огромные стада копытных. Кочуя по степи, они напоминают необозримое море бизонов, некогда топтавших прерии Северной Америки.

Здесь же водятся самые красивые львы.

Мы с Михаэлем придумали способ, как разобраться в этом непрерывно движущемся «муравьином царстве», подсчитать его обитателей и выяснить, откуда и куда кочуют эти огромные полчища. Еще никогда никто в Африке такими вещами не занимался. Получится ли у нас что-нибудь путное из этого дела?

Сначала мы намеревались заснять с воздуха все отдельные части территории парка, потом сложить фотографии вместе и пересчитать всех попавших в объектив животных. Но антилопа гну на такой гигантской фотографии — только маленькая точка. Чтобы отличить на снимке гну от зебры и зебру от газели, нужно вести съемку с высоты не более тысячи метров, но тогда на фотографию попадет не очень-то большой отрезок степи. А это означает, как мы с прискорбием высчитали, что нам предстоит снять 50 тысяч серийных фотографий! Даже если бы мы взяли их сами проявлять, нам бы это влетело в 250 тысяч марок... Столько мы, разумеется, за свой фильм не выручили. Значит, считать придется прямо на ходу из окна самолета.

Выйдет ли это и получится ли точно, мы решили испробовать над своеобразным естественным «зоопарком», в котором животные со всех сторон огорожены и не смогут убежать во время наших подсчетов. Кстати сказать, это самый большой зоопарк мира. В нем живет 10 тысяч крупных животных! Окружающая его плотная стена, не имеющая ни единой лазейки, достигает 600 — 700 метров высоты. В этом зоопарке свободно разместился бы весь Берлин с пригородами. Не удивляйтесь — все это не что иное, как огромный потухший кратер Нгоронгоро, самый большой на нашей планете. Там, где когда-то кипела лава, сейчас простирается громадный зеленый луг, окруженный со всех сторон отвесными стенами кратера.

Тех, кого нам предстоит распознавать с воздуха, надо сначала хорошенько рассмотреть на земле, ведь различать животных с высоты птичьего полета далеко не просто. Поэтому мы решили съездить на своем вездеходе к гигантскому кратеру, находящемуся в четырех часах езды от Аруши. К нему ведет довольно приличная, даже до половины заасфальтированная дорога.

Машина катится по кустарниковой степи вдоль нагорья; сначала дорога спускается в глубокую долину, затем поднимается снова вверх. Чем выше мы поднимаемся, тем гуще становятся деревья, пока не превращаются наконец в настоящий лес. У самого края кратера заросли редуют, и мы заглядываем вниз.

Михаэль, словно испугавшись чего-то, резко тормозит, и мы вылезаем. Сын закидывает голову назад и раздувает ноздри — он всегда так делает, когда его что-нибудь особенно поразит. Меня тоже охватывает необычайное волнение. Но возгласы удивления мы обычно издаем только в присутствии спутников, которые их от нас ждут. А здесь этого не требуется. Мы молча взираем на одно из чудес нашей планеты.

Трудно описать размеры и форму этого гигантского «сооружения» — не хватает сравнений. Вот тот пруд, на противоположной стороне, вдвое больше озера Мюггель¹. Если бы мы оба уже не были летчиками, то именно здесь у нас возникло бы непреодолимое желание перелететь через отвесную стену зеленого края кратера и вольно парить над этим сказочным зоопарком, созданным самим Господом Богом.

Мы переночевали у Гордона Харвея, одного из двух Game Wardens национального парка. Game Wardens — это то же самое, что лесничий, работник, ответственный за охрану природы.

В саду возле его дома — сплошные заросли красных, синих и золотых цветов, среди которых выются птицы-нектарницы и поблескивают ярко-зеленые хамелеоны. Дом Харвеев построен на опушке леса. Здесь сыро. На стенах жилых комнат там и сям темные пятна. От них не избавишься. Но госпожа Харвей не унывает: она пририсовала этим пятнам глаза, толстые щеки, локоны и ручки-ножки. Получились пухлые амурчики, которые дуют, надувая щеки, на зебр, скачущих по облакам.

Когда мы садимся за стол, повар Харвеев приносит уксус и подсолнечное масло, приговаривая:

— Немцы любят этим приправлять салат.

---

¹ Озеро под Берлином. (Примеч. перев.)

Оказывается, он 25 лет назад работал у немецкого фермера; он нам с гордостью показал пожелтевшую и захватанную справку.

После ужина снова выходим в сад. Напротив, на опушке леса, стоят два кафрских буйвола. Они мирно жуют жвачку и рассматривают нас.

Вечером в каминах ярко пылают дрова. Мы ведь здесь на высоте 2700 метров.

На другое утро мы отправляемся в своем полосатом вездеходе в путешествие вдоль края кратера. Дорога такая, по которой обычная легковая машина никогда не пройдет. Нам нужно на три четверти обогнуть кратер, который, между прочим, в диаметре имеет 22 километра. Там, на противоположной стороне, отвесная стена становится немного более пологой, и, петляя по бесконечному серпантину дороги, можно спуститься вниз. Следовательно, нужно затратить два с половиной часа, чтобы очутиться на том же месте, только 600 метрами ниже.

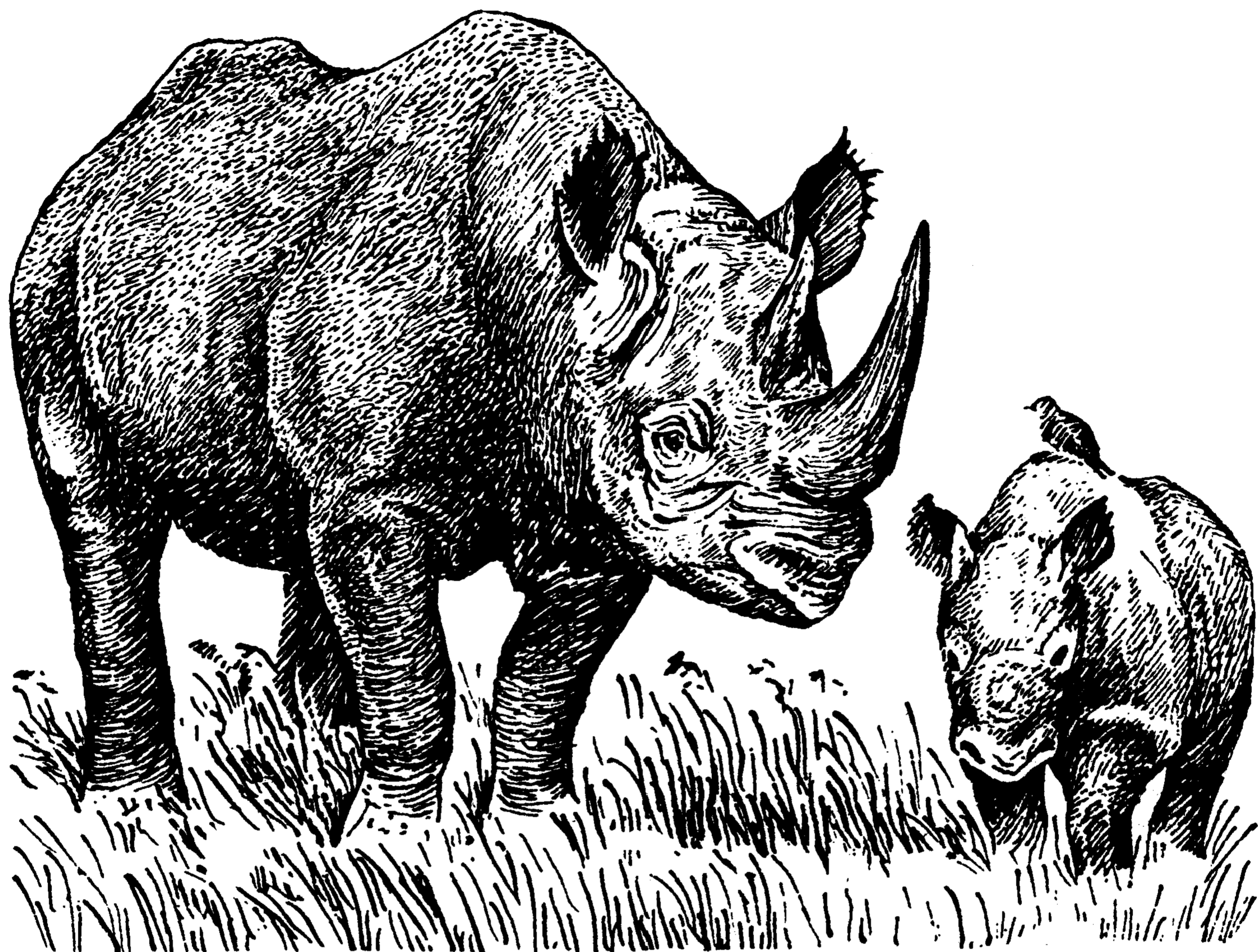
Наконец мы достигли равнины на дне кратера. Огромные стада гну не спеша расступаются в 40—50 метрах от машины, чтобы дать нам проехать. Зебры бегут рядом с нами и стараются перед самым носом в бешеном галопе перебежать нам дорогу. Похоже, что ими движет спортивное честолюбие.

Невдалеке, за овражком, лежит самка носорога с детенышем. Мы осторожно подъезжаем к ним на расстояние 40 метров. Те не спеша поднимаются на ноги. Михаэль тормозит. Однако животные не убегают и не стараются напасть на нас: ведь здесь, в кратере Нгоронгоро, уже десятки лет запрещено стрелять.

В обращении с носорогами я знаю толк. Во Франкфуртском зоопарке нам впервые в Европе удалось развести этих африканских черных, или, как их еще называют, остромордых, носорогов. Наша самка носорога по кличке Екатерина Великая разрешает себя доить и даже играть со своим детенышем в ее присутствии. Она приблизительно такая же домашняя, как корова. Самец же несколько агрессивнее. Однако ведь и к незнакомому домашнему быку не всякий решится подойти.

Но и ручная Екатерина недавно чуть не нанизала меня на свой рог, потому что я пренебрег основными правилами, которые соблюдает каждый крестьянин и каждый конюх в обхождении с животными.

Во время обхода зоопарка я обычно захожу в стойло Екатерины, протиснувшись между толстыми железными прутьями. Если она в это время дремлет, я поглаживаю ее закрытые морщинистые веки. Она это любит.

Однажды утром я снова решил ее навестить. Я обошел вокруг спящего животного, совершенно забыв при этом, что надел туфли на каучуке. И вот, когда я, стоя позади носорога, заговорил, Екатерина внезапно высоко подпрыгнула, засопела и устремилась на меня с опущенным рогом. Я назвал ее по имени. Она узнала мой голос и остановилась в самый последний момент. Я был несколько обескуражен, но она тут же сделалась снова любезной, как обычно, и миролюбиво со мной «беседовала».

Это послужило мне уроком. Дело в том, что у носорогов очень крепкий сон. В Серенгети мальчишки племени масаев используют это для своих проделок. Они подкрадываются к спящему носорогу и кладут ему камень на спину. Следующий должен подойти и осторожно этот камень снять; так продолжается до тех пор, пока носорог не проснется. Игра эта, конечно, отнюдь не безопасна, но и масаи не трусливы.

Мне захотелось узнать, как поведет себя при приближении человека носорог, живущий на воле. Я вылез из машины и направился к мамаше с детенышем. Бросится ли она на меня? Михаэль в это время наблюдал за мной через телеобъектив нашей камеры, который мы часто используем в качестве полевого бинокля.

Четыре воронкоподобных уха поворачиваются в мою сторону. Детеныш прячется за спиной матери. Ему, судя по размеру, около года. Я приближаюсь еще на метр — мне не хочется показаться пугливым. Однако мои шаги невольно все укорачиваются. Но вот раздается злобное сопение, и самка носорога устремляется на меня. Через мгновение Михаил раздражается громким смехом: оказывается, только он успел увидеть на матовом стекле грозно несущегося носорога, как за мной уже с треском захлопнулась железная дверца машины.

— Ты на своих длинных ногах словно пролетел по воздуху, — смеется он.

При этом мне еще пришлось обежать вокруг машины!

Впрочем, самка носорога решила со мной не связываться и остановилась, не добежав нескольких метров до автомобиля. Ее вполне устроило то, что я исчез, и она затрусилась назад, к своему детенышу. Если бы она вздумала действительно нас атаковать, то такому вездеходу, в котором свободно размещаются 10 человек, это все равно не принесло бы никакого вреда: ведь носороги не бросаются со всего размаху своей полуторатонной тушей на машину, а останавливаются возле нее и уж потом ударяют рогом. При этом обычно образуется только незначительная вмятина на железе. Мне приходилось видеть людей, раненных кафрскими буйволами, но ни разу за все мои поездки я не слышал, чтобы кого-нибудь убил носорог. Но в виде исключения такое все-таки возможно.

Меня могут считать слишком пристрастным к диким животным, поэтому я хочу процитировать сообщение специалиста, немецкого путешественника и исследователя Африки Оскара Бауманна, побывавшего здесь за 70 лет до нас, в 1891 году. Он открыл недалеко от озера Виктория два других озера — Маньяра и Эяси — и был одним из первых европейцев, спустившихся в этот гигантский зоопарк — Нгоронгоро.

В те времена путешествовали иначе. Бауманн спросил в Аруше у какого-то масая, не знает ли он дороги на озеро Виктория. Когда выяснилось, что тот ее знает, Бауманн тотчас же велел надеть ему на шею железную цепь и приставить к нему вооруженного аскари. Так они и двинулись в путь. Вот как описал Бауманн приключения, случившиеся с ним здесь, в кратере:

«Мы устроили привал в Нгоронгоро, который я решил использовать для осмотра нескольких масайских краалей. Меня встречали очень приветливо. Постепенно вокруг ограды нашего лагеря собралась толпа несчастных существ — жителей той страны. Здесь были женщины, напоминавшие скорее скелеты, из запавших глаз которых глядело безумие голода, дети, похожие больше на лягушек, чем на людей, воины, которые едва могли передвигаться на четвереньках, и тупоумные умирающие старцы. Эти люди поедали все. Дохлые ослы были для них настоящим лакомством, они не отказывались даже от костей, кожи, рогов забитого скота. Я распорядился выдать этим несчастным хоть какое-нибудь продовольствие, а наши сердобольные носильщики делились с ними своим рационом; однако аппетит их был неутолим, и все новые голодающие шли к нам со всех сторон. Это были беженцы из Серенгети, где голод опустошил целые районы; нищие, они приходили попрошайничать к своим землякам, которые сами жили в страшной нужде. Стаи грифов следовали за ними по пятам в ожидании верной добычи.

Теперь мы ежедневно становились свидетелями этой страшной нужды, которой практически бессильны были помочь. Родители предлагали продать нам своих детей за кусочек мяса, а когда мы отказывались от такой сделки, ловко прятали их где-нибудь в лагере и скрывались. Вскоре в нашем караване оказалось полно этих маленьких масаев, и было трогательно наблюдать, как наши носильщики заботились об этих бедных малютках. Крепких женщин и мужчин я использовал в качестве пастухов и спас таким образом многих от голодной смерти.

Двадцать первого марта мы двинулись дальше по дну кратера Нгоронгоро. Следующий лагерь мы разбили в красивой роще из акаций, недалеко от озера. На лугу возле нас паслось множество носорогов, одного из которых я уложил из ружья. Мои люди несколько раз за время нашей экспедиции стреляли носорогов, потому что охота на этих животных отнюдь не так сложна и опасна, как это могло бы показаться после сообщений профессиональных охотников. Прежде всего носорог не слишком пугливое животное, и если подходить с подветренной стороны, то вполне можно приблизиться к нему на расстояние 30 шагов, не возбуждая у него никакого подозрения. Чтобы попасть с 30 шагов в носорога, не надо быть первоклассным стрелком. Если пуля попала в переднюю часть туловища или (из мелкокалиберного ружья) в голову, то животное обычно тут же падает замертво. Если же носорога ранить в какое-нибудь другое место, то он либо удирает (притом с такой быстротой, что всякое пресле-

дование бесполезно), либо переходит в атаку. Этот момент охотники обычно описывают особенно впечатляюще. Проводники в таком случае, как правило, «разбегаются в разные стороны», и охотник остается один на один с разъяренным чудовищем. Хотя это и выглядит очень страшно, но нападающий гигант все равно что слепой: достаточно сделать один шаг в сторону, и он промчится мимо, а затем остановится и будет удивленно озираться, куда же девался охотник. А тот тем временем совершенно спокойно с самого близкого расстояния может всадить в него вторую пулю.

Не успел я уединиться в своей палатке, как раздался выстрел. Все поспешили к ограде, и при магниевой вспышке были пойманы два абсолютно голых охотника-масая, пытавшихся пробраться в загон для скота. Тогда мы всерьез задумались о возможности настоящего нападения на нас, однако ничего подобного больше не повторилось. Правда, однажды ночью какие-то тощие фигуры приблизились к лагерю, и наша охрана, не поинтересовавшись, кто они такие, открыла по ним огонь. На другое утро я, к своему большому сожалению, обнаружил под забором двоих из этих несчастных, прошитых пулями насквозь. Над ними возвышалась длинная тощая фигура какого-то старца с растрепанными седыми волосами. Он осыпал нас злобными проклятиями. «Вы тут захлебываетесь в молоке и мясе, — кричал он, — и стреляете в нас, умирающих с голоду! Будьте вы прокляты!»

Я распорядился выдать этому несчастному кусок мяса, который он тут же со звериной жадностью проглотил прямо сырым, но тотчас же после этого опять принялся что-то дико выкрикивать. Наш караван уже пустился в путь, а проклятия несчастного старика все еще неслись нам вслед...»

Такой страшный голод бывал здесь только во время войн, когда Танганьикой управляли европейцы — сперва немцы, а затем англичане.

Мы же находим сейчас в кратере все таким, каким оно было семь лет назад: прелестная роща из акаций возле самого озера, в которой пасутся слоны и носороги; все те же краали масаев; девушки, увешанные стеклянными бусами, и грифы...

Оскар Бауманну потребовалось целых 23 дня, чтобы пересечь Серенгети и добраться до озера Виктория. В общей сложности ему пришлось проделать 4 тысячи километров. Из 195 африканцев, которые его при этом сопровождали, 40 погибли.

Равнины и стада животных в кратере Нгоронгоро остались такими, какими были, а вот творения рук человеческих возникают и вновь исчезают...

Зебра с хорошеньким жеребеночком, завидя нас, переходит вброд на другую сторону ручья и поднимается вверх по склону холма. Там, наверху, виднеются какие-то глыбы. Это оказались руины двух каменных домов: здесь когда-то жил немецкий поселенец Адольф Зидентопф, а за лесом, на противоположном краю кратера, стоял дом его неженатого брата Фридриха Вильгельма Зидентопфа. В 1908 году они здесь держали около 1200 голов рогатого скота, выращивали страусов в неволе и пытались одомашнивать зебр. Я старался разузнать о них побольше.

Прежний немецкий окружной уполномоченный из Аруши писал мне, что оба Зидентопфа и их приятель, по имени Хартунг, были самыми беспокойными поселенцами в Германской Восточной Африке. Хартунгу, например, присудили штраф в 200 рупий за то, что он стрелял под ноги местным рабочим, когда они пытались убежать. Во время войны масаи его зарезали прямо здесь, в кратере Нгоронгоро.

Братьев Зидентопф в 1914 году англичане выселили в Индию, и им так никогда и не удалось вернуть свои фермы. Адольф стал фермером в Соединенных Штатах и скончался в 1932 году от инсульта. Фридрих Вильгельм погиб во время воздушной катастрофы, когда он вместе с летчиком Удетом охотился в Серенгети за львами. Еще в 1914 году германская администрация почти договорилась о покупке зидентопфовских ферм, чтобы создать в кратере резерват. Англичанин, которому они достались после войны, жить там не стал, и, таким образом, эти фермы, слава богу, пришли в полный упадок и перестали существовать.

Один весьма энергичный человек, по фамилии Роте, служивший управляющим у Зидентопфов, еще в 1913 году раскопал в северной части кратера древнее поселение и погребение времен неолита. Эти люди, жившие здесь за несколько веков до нашего летосчисления, уже тогда пасли свой скот так, как это делают сейчас современные масаи.

Этот Роте жил здесь под чужой фамилией, его звали как-то совсем иначе. Во время первой финской революции, в 1905 году, он в течение короткого времени был министром, но затем русским царским правительством был арестован и заточен в Кронштадтской крепости. Там он перестрелял свою охрану и бежал со шведским паспортом. В Египте русская тайная по-

лиция продолжала его преследовать, поэтому он был вынужден, нанявшись погонщиком мулов, перебраться в Восточную Африку. Царская охранка все вновь и вновь предпринимала попытки его разыскать то через Общество Красного Креста, то через приезжих охотников.

А сейчас об угол каменной ограды разрушенного дома Зидентопфа чешутся две зебры. Сначала к углу прижимает свой крепкий зад хорошо упитанный самец, потом его оттесняет в сторону кобыла и почти сладострастно трет о камни свою полосатую шею.

Наш вездеход вновь карабкается вверх по склону кратера. Нам нужно подыскать место для посадки самолета, и мы находим его в кратере Маланья шириной пять километров, расположенном выше кратера Нгоронгоро. Конгони и антилопы топи то и дело уступают нам дорогу, когда мы разъезжаем там взад и вперед в поисках ровной площадки длиной 160 метров без гиеновых нор и обломков скал. Несколько африканцев из охраны парка тут же принимаются раскладывать вокруг будущей посадочной площадки кучки камней и белить их известью.

Из двух лесничих парка и их помощников пока ни один не решается с нами лететь. Они живут на расстоянии 130 километров друг от друга и еще дальше от директора парка, который находится в городе Аруше. Поэтому ежедневно в половине седьмого, половине десятого и половине второго они переговариваются при помощи маленьких раций. Каждый докладывает то, что ему необходимо, затем говорит «стоп», нажимает кнопку, и тогда может говорить другой. Только при таких переговорах начинаешь замечать, как неудобно разговаривать, когда нельзя беспорядочно перебивать друг друга. Часто в эфире начинает что-то страшно скрежетать, и тогда уже ничего не услышишь. Приходится переждать несколько часов до следующего сеанса передачи.

Когда мужчины заканчивают обмен своими служебными новостями, разрешается немножко поболтать и их женам. Если целый день никого не видишь, кроме львов, аистов и антилоп, особенно хочется воспользоваться случаем немножко посудачить с приятельницей...

Когда эти любящие супружницы узнали, что мы лишь в этом году научились летать, они после небольшого военного совета сообщили директору парка свое совместное решение: их мужья только в том случае сядут в полосатый самолет, если

будут предварительно застрахованы на 10 тысяч фунтов стерлингов, то есть на 110 тысяч марок. Это решение было твердым и окончательным. Директору пришлось телеграфировать в Лондон, чтобы увеличить сумму страхования наших пассажиров. А пока что мы с Михаэлем продолжали летать одни.

Впрочем, это даже к лучшему. В последний раз мы отметились на пассажирском аэродроме в Аруше, и теперь нам больше не надо составлять план полета, ведь мы летим прямо в дикую саванну и приземляться будем на любых приглянувшихся нам «аэродромах». А когда составляешь план полета, нужно вовремя прибывать в указанный порт. В случае задержки сейчас же снаряжаются поиски. Теперь же нас никто искать не будет, мы полностью предоставлены самим себе.

Мотор поет свою монотонную песню. Полосатые крылья взмывают в воздух и поднимают нас высоко над землей. Колеса продолжают еще некоторое время крутиться вхолостую, словно едут по воздуху, а степь тем временем уплывает все дальше и дальше вниз... Потом колеса наконец останавливаются. Обернувшись назад, я вижу сквозь стеклянную кабину нашего самолета возвышающиеся над облаками белые ледники Килиманджаро. Те огромные кратеры, к которым мы сейчас спешим, находятся на втором после него по высоте горном массиве в Танзании.

Когда-то давно, миллионы лет назад, земная кора с треском разломилась. Африку с севера на юг пересекла глубокая трещина — Большой африканский разлом. Он берет свое начало в Иорданской долине. В одном из его углублений скопились воды Мертвого моря, в другом — Красного. Затем он тянется через всю Эфиопию и спускается далеко вниз, в Восточную Африку. Тут в нем образовалось едкое синее озеро Натрон с красными соляными корками по берегам, а дальше, там, внизу под нами, виднеется озеро Маньяра, открытое в свое время Бауманном.

Михаэль выпускает закрылки, потому что впереди уже вырастает нагорье с гигантскими кратерами. Наша «зебра» замедляет ход и поднимается ввысь. Однако долго на такой высоте нам держаться нельзя из-за разреженного горного воздуха — мотор может перегреться.

Видимо, разломы земной коры между озерами Натрон и Маньяра были особенно глубокими, давление из земных недр стало невыносимым, и кипящая лава со стоном устремилась

наружу через жерла гигантских вулканов. Огнедышащие горы возникали одна возле другой, лава изливалась и сплавляла воедино их подножия... Таким образом под экватором появились каменные громады с огненными жерлами. Эти вулканические горы тянутся на сотни километров и имеют 60 километров в ширину; великаны поднимаются в небеса почти на 4 тысячи метров!

В Италии туристы с благоговейным трепетом взирают на всемирно известные вулканы Флегрейских Полей близ Неаполя. А ведь это — «холмики» от 200 до 400 метров высотой, кратеры их имеют всего несколько сот метров в диаметре. Здесь же, в Восточной Африке, горы достигают высоты 3—4 тысяч метров, а кратеры занимают несколько, иногда даже целых 20 километров! Все здесь вдесятеро грандиознее.

Подножия этих великанов абсолютно голые, но чем выше поднимаешься в гору, тем гуще становится растительность. Зацепившись за кроны деревьев, висят облака, в них грохочет гром и сверкают молнии. Эти вулканические горы задерживают восточные ветры с Индийского океана. Все, что находится западнее их, обречено на засуху.

Внутри кратеров покоятся озера с облесенными берегами, их можно увидеть только с самолета. Словно розовая пена, окаймляют их стаи фламинго.

Излившаяся лава быстро растекалась, и вершины вулканов стали круглыми и плоскими. Когда верхний слой лавы начал застывать, нижний, еще жидкий, стал уходить назад, внутрь земли; при этом застывшая сверху корка провалилась. О том, что эти гигантские кратеры возникли именно так, а не вследствие взрывов, говорит то, что склоны гор сложены из сплошной лавы, а не покрыты туфом и пеплом. Вулканы подобного же происхождения можно наблюдать на Гавайях и сегодня; лавовая поверхность их кратеров «дышит» — то поднимается, то опускается.

Оно еще не слишком древнее, это высокогорье высотой от 2200 до 2600 метров. Однако образовалось оно здесь еще перед последним оледенением, которому у экватора соответствовала эпоха дождей. Это видно хотя бы по тому, что озеро в кратере Нгоронгоро, имеющее сейчас глубину всего полтора метра, прежде достигало 16- или даже 25-метровой глубины и занимало треть всей площади кратера.

Мы пролетаем над девственным лесом, покрывающим горы вокруг кратера. Кроны деревьев так густы, что сплетаются в сплошной зеленый шатер. Внезапно земля под нами прова-

ливається на глибину 700 метрів — ощущение таке, що у вас під ногами вдруг розверзлася зияюча пропасть. Но нам не страшно: мы ведь парим в воздухе. Потом нажимаем рукоятку вперед и влетаем внутрь этого гигантского котла. Мы держимся на высоте примерно 160 метров, почти у самого дна этой огромной «суповой миски», и летаем взад и вперед, от одной стенки к другой. Таким образом мы постепенно обзреваем всю территорию кратера.

Гул нашей «Утки» испугивает стадо гну. Михаэль орет мне что-то в ухо, но я ничего не могу разобрать. Дело в том, что наш самолет изнутри совершенно ничем не обит — видны все его металлические конструкции. Мы нарочно не заказывали мягкой обивки, как это принято в обычных машинах (во всяком случае в приличных), потому что наша «Утка» вечно набита какими-нибудь ящиками и тюками и любая обивка вскоре бы приобрела жалкий вид. Мы это сделаем, когда вернемся в Европу, перейдем к оседлому образу жизни и будем пользоваться нашей «Уткой» исключительно для воскресных прогулок. Вот тогда-то мы ее украсим мягкими обивками и будем себя чувствовать как в большом автомобиле. А пока что грохот мотора ничем не приглушен, и поэтому не удивительно, что мы не слышим собственного голоса. Даже ночью, в кровати, еще продолжает гудеть в ушах; если так будет продолжаться неделями или месяцами, кончится тем, что дома, в Европе, нам придется приобрести слуховые аппараты для глухих.

Чтобы беседовать друг с другом, мы надеваем наушники и говорим в ларингофон.

Михаэль, оказывается, спрашивает меня:

— Как тебе кажется, пап, сколько гну в этом стаде, вон там, справа?

Я смотрю вниз. Когда смотришь вот так отвесно вниз, то темно-серые гну напоминают муравьев во встревоженном муравейнике: они точно так же беспорядочно снуют взад и вперед. Подсчитать их совершенно невозможно! Я пожимаю плечами. Михаэль тоже. Потом он расстроено морщит нос. Признаться, мы все это представляли себе совсем иначе, во всяком случае значительно проще.

Но затем меня осеняет одна мысль. Я подталкиваю сына:

— Ну-ка, пролети над ними еще разок!

Заметив небольшую обособленную группу животных, я их подсчитал — оказалось 10 особей. На некотором расстоянии бежит следующая группа, на первый взгляд такой же величины, — значит, еще 10. Потом я приучаю себя охватывать взгля-

дом одновременно 30 животных и учусь подсчитывать их не поодиночке, а сразу дюжинами или даже группами по 50 особей. Разумеется, тут могут быть расхождения в три или четыре штуки, но постепенно мы приобретаем опыт в этом деле.

Мы еще раз пролетаем мимо этого стада, и каждый считает молча, про себя. У Михаэля вышло 780, у меня — 820. Но дальнейший подсчет прекращается: начинает перегреваться мотор, и мы вынуждены лететь быстрее.

Набираемся терпения и подсчитываем одни и те же стада несколько раз подряд, но каждый про себя. Полученные цифры мы записываем и сравниваем. То, что нас только двое, очень усложняет работу, так как мы должны одновременно следить и за тем, чтобы, увлекшись подсчетами, не врезаться в стенку кратера, и придерживать определенную высоту, чтобы испуганные животные не кидались в разные стороны. Кроме того, нам нужно отмечать точки на склонах кратера, чтобы не пролетать по одной и той же трассе дважды и не подсчитать тех же животных повторно.

Мы разделили 250 квадратных километров кратера на равные параллельные полосы. Таким способом нам удалось подсчитать, что гну здесь вовсе не 10 тысяч, как это прикидывали лесничие, а только 5360; кроме того, здесь обитают 117 антилоп канн, 1170 газелей, 19 носорогов, 46 слонов, 24 гиены (их наверняка больше, но они сидят по своим норам) и 60 павианов.

Все эти подсчеты мы повторим уже вчетвером, когда лесничих наконец застрахуют. Если с каждой стороны будут считать по два человека, результаты станут более достоверными.

Усталые, измученные и наполовину оглохшие после непрерывных виражей от стены к стене, мы наконец набираем высоту и штопором вывинчиваемся из этого гигантского котла. Мы находим в Маланье отмеченную белым посадочную площадку и мягко приземляемся на зеленую траву. Нам это удастся сделать довольно ловко, несмотря на то что посадочная полоса слишком коротка и мы не приняли в расчет разреженный здесь, в горах, воздух.

Когда машина останавливается, Михаэль выключает мотор, мы поднимаем с двух сторон наши дверки, вываливаемся наружу и тут же падаем навзничь в траву: готовы — спеклись.

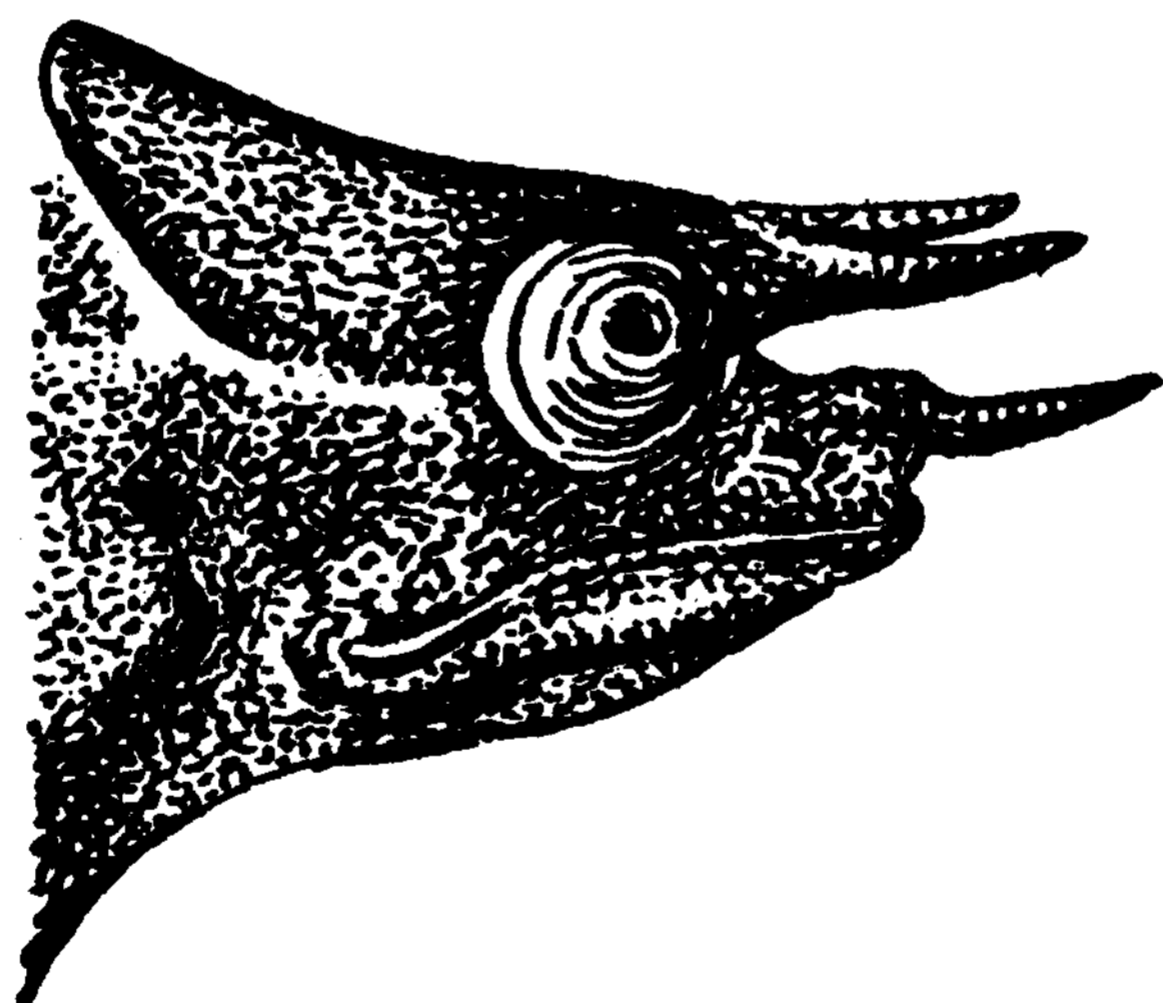
Вокруг столпились любопытные масаи, которые возбужденно переговариваются и сплевывают на землю.

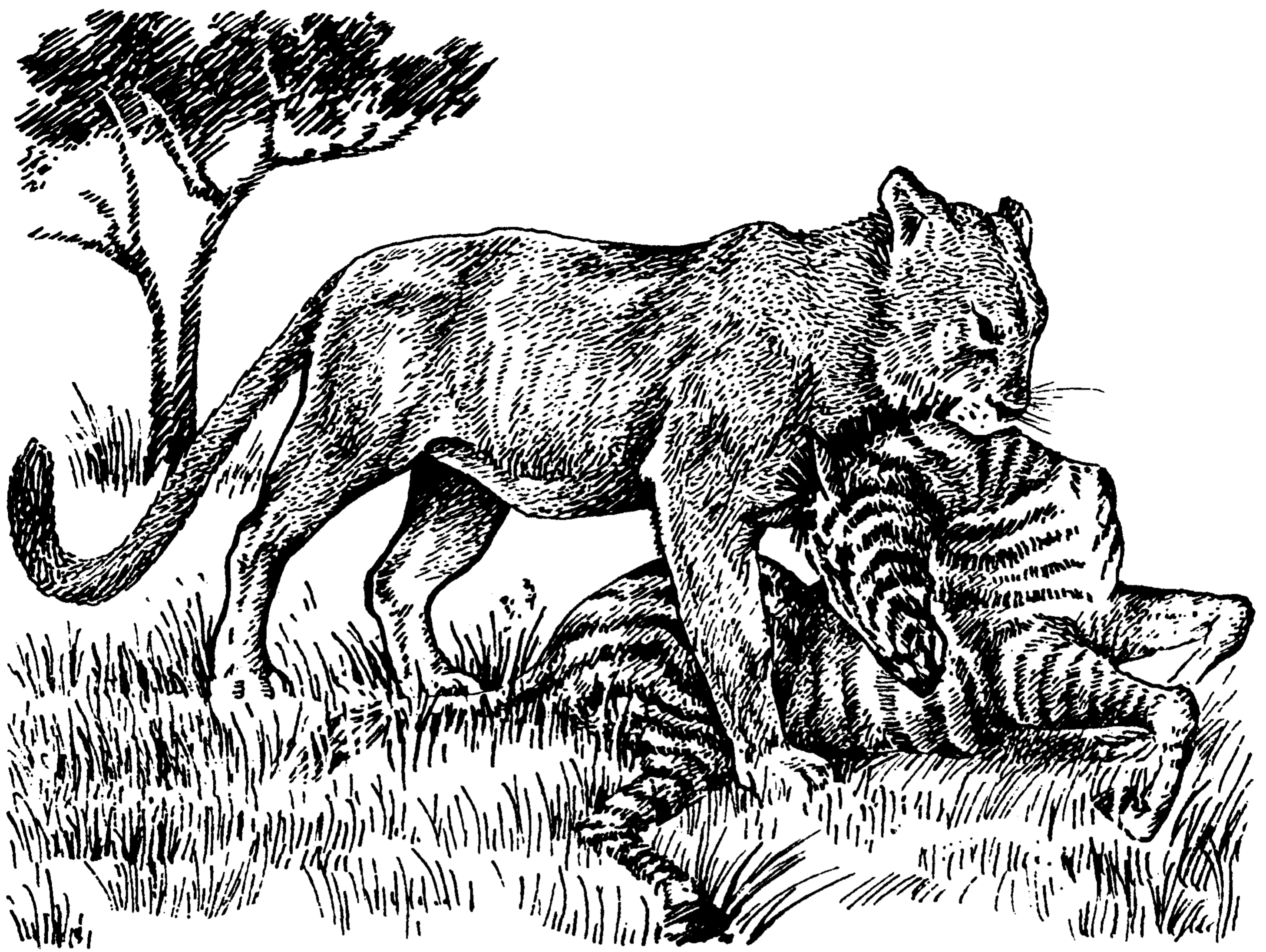
Мы с Михаэлем закрываем глаза. Постепенно ощущение, будто земля качается, проходит. Солнце светит нам прямо в

лицо. Мы счастливы. Будут еще трудности, многое надо будет усовершенствовать в нашей работе, но она пойдет. Задуманную нами «большую перепись четвероногого населения» таким способом все же удастся провести.

Четырехугольный загон из колючей проволоки, в который мы собираемся закатить машину, еще не готов; он необходим, чтобы колеса не пострадали от зубов гиен. Михаэль не решается оставить нашу «крылатую зебру» на ночь одну среди гиен и львов: они, чего доброго, еще что-нибудь попортят. Мы ввинчиваем металлические стержни глубоко в землю и крепко привязываем к ним крылья, колеса и хвост нашей «Утки»; кроме того, мы еще заклиниваем колеса камнями и ставим их на тормоз, чтобы никакая горная гроза не смогла укатить нашу машину.

Потом Михаэль забирается внутрь, удобно укладывается и зажигает свет. Для чтения он, как нарочно, прихватил с собой «Черную кожу» Руарка — про восстание мау-мау в соседней Кении со всеми его ужасами. Мне думается, что ночью, в одиночестве, среди гигантских кратеров ему покажется здесь не слишком уютно...

Глава третья

ЛЬВЫ ИЗ СЕРЕНГЕТИ

Ну конечно же это должна быть Серонера! Наполовину высохшая река, плоское здание, окруженное несколькими хижинами местных жителей, холм, поросший редким леском... А вот и посадочная дорожка. Нигде ни дымка, ни какого-либо флага. Как определить, откуда дует ветер? Если он боковой или попутный, то не очень-то просто будет проскользнуть в узкую просеку между деревьями. Мы спускаемся как можно ниже, чуть ли не задевая за кроны, выпускаем закрылки для торможения и все же в конце посадочной площадки едва не врезаемся в деревья — до них остается лишь пара метров. Так недалеко и до аварии.

Поднимая тучу пыли, к нам приближается вездеход. Майлс Тернер, лесничий западной части Серенгети, в восторге:

— Потрясающая посадка! Вы первые, кто здесь решился приземлиться, ведь посадочная дорожка еще не готова — она должна быть вдвое длиннее...

Мы с Михаэлем озадаченно переглядываемся.

Оказывается, мы спутали Серонеру с Банаги. Но все в порядке — мы прибыли как раз туда, куда нам надо. Майлсу

Тернеру было поручено поставить наш сборный домик из нескольких дюжин специально пронумерованных алюминиевых листов. Он соорудил его примерно в километре от своего жилища.

— Это как раз то, что вам нужно: вы там будете жить прямо среди львов,— объясняет он нам.

Майлс Тернер любит львов.

То, что он выбрал действительно подходящее место, я понял в первую же ночь. В Африке я часто не сплю по ночам, потому что они там очень длинные: весь год напролет по 12 часов. Что касается Михаэля, то он как с вечера заляжет, так и спит до утра, как сурок.

Я сразу же услышал, когда львы начали подавать голос возле нашего домишки. Что-то очень родное было для меня в этом реве: ведь во Франкфурте я живу на территории зоопарка. Но здесь рев раздается гораздо ближе и громче, так как стенки домика сделаны из тонкого алюминия, а окна открыты. Моя раскладушка прямо сотрясается от этого раскатистого рыка. Михаэль продолжает безмятежно спать; он лежит на животе, точно так же, как спал еще совсем маленьким мальчиком.

Меня разбирает смех. Еще три недели назад я имел довольно невразумительный междугородный разговор с Аддис-Абебой: служащий эфиопского министерства хотел знать, какой ширины должен быть ров, чтобы львы не могли его перепрыгнуть. А теперь я лежу прямо среди львов, которые бегают вокруг на расстоянии всего каких-нибудь двух-трех метров, и наша дверь при этом даже не заперта!

Я вытаскиваю из-под матраса край своей москитной сетки, затем высвобождаю сетку Михаэля и толкаю его. Он что-то бормочет недовольным голосом разбуженного ребенка, но, как только слышит львиный рык, сон с него как рукой снимает! Он сейчас же включает магнитофон, стоящий наготове между нашими кроватями. Какой-то лев орет, видимо, в самый микрофон, установленный нами в 20 метрах от дома.

Вдруг раздается треск, магнитофон падает с табуретки на пол, и кто-то тащит его сначала под мою кровать, а потом к двери. Кабель защемляется, и дверь не выпускает магнитофон наружу, а разыгравшийся лев все продолжает дергать. Вся алюминиевая хижина сотрясается от этих «игр». Мы вскакиваем с постелей и светим большим фонарем сквозь щель в дверях. Снаружи стоит огромный лев, настроенный по молодости лет весьма легкомысленно. Он тоже разглядывает нас

с большим интересом. На заднем плане светится еще пара глаз. На всякий случай мы запираем дверь и приставляем к ней несколько стульев.

Когда наутро из-за гор Банаги выглядывает розоватое солнце, мы обнаруживаем, что фотоштатив, на котором был укреплен наш микрофон, перегрызен пополам. Кроме того, разыгравшийся лев с такой силой тянул за кабель, что прогнул нашу дверь наружу. Мы снимаем ее с петель, кладем на землю и прыгаем на ней до тех пор, пока она снова не распрямляется. Возле входа у нас висел резиновый мешок для воды; внизу у него кран, который открываешь, когда хочешь вымыть руки. Этот мешок — предмет нашей гордости. За день вода нагревается, и у нас получается настоящая «теплоцентраль». Так вот, наш ночной гость решил испытать мешок на прочность и в нескольких местах располосовал его когтями. Нам пришлось немало помучиться, пока мы его снова заклеили.

А наш сотрудник Рихард, приехавший сюда только на несколько недель, отправился утром в «места не столь отдаленные» — в домик из рифленой жести, расположенный в 40 метрах от нашего жилья. В это время мы увидели, как пять львиц не спеша стали приближаться к уборной; вот они уже всего в каких-нибудь четырех или пяти метрах от ничего не подозревающего Рихарда. Мы с Михаэлем завопили что было мочи:

— Выходите, выходите! Скорее! Скорее!

Мы подняли такой шум, что перепуганный Рихард выскочил, не успев привести в порядок свой туалет. В таком виде мне и удалось его заснять на фоне львиц. Однако хищников несколько не смутил ни наш крик, ни появление Рихарда: они продолжали следовать своей дорогой, едва удостоив нас взглядом.

Здесь, в Серенгети, все последующие недели наши львы продолжали заботиться о том, чтобы мы не скучали. Как-то раз мы наткнулись на леопарда, зарезавшего газель Томсона и втащившего ее на дерево, как это любят делать эти хищники. Он защебил ее в развилке ветвей и спокойно обедал. Через некоторое время под деревом появилось семейство из десяти львов, которые весьма заинтересовались добычей леопарда. Тому ситуация показалась малоприятной, он спрыгнул на землю и был таков. Тогда на дерево забрался большой лев. Он благополучно преодолел 10 метров, отделявшие его от мертвого томми (как здесь называют газель Томсона), но, сколько ни рвал и ни тянул газель, не мог высвободить ее из развилки. Леопарды часто закрепляют свою добычу очень прочно. Тогда

лев разорвал газель на две половины и удалился, захватив заднюю часть.

Однажды ночью львица поймала дикобраза, который довольно регулярно повадился навещать садик около кухни лесничего Майлса Тернера. Старый дикобраз недешево отдал свою жизнь; на другое утро мы это сразу заметили по следам борьбы. Кто знает, какой ценой досталась изголодавшейся львице ее победа!

Затем стая из 11 львов у самого водопоя, неподалеку от нашего дома в Банаги, набросилась на старого самца жирафа. Они его ели целых три дня.

Проводнику Реговерту, заночевавшему на равнине в палатке, две львицы, одна за другой, сквозь москитную сетку заглянули в самое лицо.

Африканский повар лесничего Пульмана как-то раз готовил ужин на кухне лагеря Серонера. Вдруг он услышал, как под самой дверью с чем-то орудует гиена. Он отворил, чтобы бросить в нее камень, и... замер от ужаса: прямо на него, не мигая, уставился огромный лев, который лежал на земле в трех метрах от двери. Повар мгновенно захлопнул дверь, загородил ее стулом и перелез через перегородку под самой крышей в свою спальню. В следующую же минуту лев бросился на гиену, раздался страшный визг, грохот и топот. Утром под дверью лежала мертвая гиена, но кругом валялись и клочья львиной гривы — доказательство того, что физи, как здесь на языке суахили называют гиен, отчаянно защищала свою жизнь. Рихард приколот клоч львиной гривы к своей шляпе.

Если ты родился львом, то лучшего места для себя, чем Серенгети в районе гор Банаги, ты не найдешь. Дичи всегда вдоволь, а поскольку вода здесь для людей недостаточно хороша да к тому же много малярийных комаров и мух цеце, эта местность никогда никем не заселялась. Однако вскоре про Серенгети пронюхали люди, слывшие у себя дома храбрыми охотниками на львов.

Когда после Первой мировой войны Танганьика попала под британское владычество, в район Банаги устремились охотники из соседней Кении, так как Серенгети расположен недалеко от ее границы. Они охотно перестреляли бы всех львов, считавшихся в те времена вредными хищниками. Некоторые охотники за одно только сафари убивали 100 львов. Но они были не в состоянии тащить с собой столько шкур и поэтому довольствовались тем, что у каждой жертвы в качестве трофея отрубали хвост.

В 1929 году здесь наконец догадались объявить заповедными 260 квадратных километров, начиная от открытых рав-

нин Серенгети до озера Виктория. Всякая охота отныне категорически запрещалась. Тогда же был отстроен небольшой дом в Банаги, в котором в 1931 году поселился лесничий Монти Мур. С тех пор вплоть до наших дней для львов здесь райское блаженство. Это место получило мировую известность как «львиный рай» на земле.

Посетители заповедника вскоре поняли, что львов совершенно не обязательно фотографировать ночью при вспышке магния, как это делалось во времена Шиллинга и Максвелла, а что это гораздо удобнее делать днем. В 30-х годах стало очень модным привязывать убитую зебру к машине и волочить ее за собой на веревке на виду у львов. Те сейчас же подбегали и начинали рвать ее на части, а в это время их фотографировали.

Под конец львы настолько привыкли к этой забаве, что, услышав шум мотора, моментально стали выбегать из-под тенистых кустов у сухого русла реки.

У Монти и его жены, однако, оставалось еще много забот хотя бы потому, что их любимцы — полуручные львы — часто уходили за пределы заповедника, где разрешалось охотиться. Монти то и дело приходилось заманивать своих подопечных назад, в безопасные места, подкладывая им добычу; но не случилось так, что какая-нибудь компания охотников гордо швыряла к порогу лесничего свежеснятую львиную шкуру какого-нибудь Симона или Серой Бороды, к которым супруги давно привязались и долго оберегали от всяких опасностей. Несмотря на то что животные были застрелены явно «со всеми удобствами» — прямо из машины (что безошибочно можно определить по состоянию ботинок посетителей), Монти, стискивая зубы, вынужден был выслушивать, какие ужасающие приключения пришлось пережить охотнику из-за этого «чудовища», да при этом еще изображать любезную улыбку гостеприимного хозяина. На сегодняшний день вся местность стала заповедной, так что, с точки зрения львов, лучшего и желать нельзя.

Один из моих коллег по Франкфуртскому зоопарку, доктор Герхард Хааз, два года назад провел любопытную работу: он денно и ночью сидел в павильоне для хищников и отмечал, как долго львы спят. Зная и раньше, что это весьма ленивые животные, мы все же были поражены результатом наблюдений. Наши львы спали (в зависимости от возраста и пола) от десяти до шестнадцати часов в сутки! Кроме того, они еще дремали от одного до четырех часов, лежали бодрствуя от одного до пяти часов, а на ногах бывали всего один час и лишь в редких случаях до семи часов.

Кто видел львов только в зоопарке, может подумать, что они потому такие ленивые, что им корм кладется прямо под нос. Но здесь, в Серенгети, мы увидели то же самое: они и на свободе совершенно не стремятся к активной деятельности. В зоопарке они уделяют еде обычно 20 минут, иногда час в день. А здесь, на воле? Немногим больше, ведь лев может поймать свою жертву за пару минут, а часто даже секунд. Заразных болезней, которым подвержены гну и жирафы, у львов не бывает.

Таким образом, жизнь львов в Серенгети могла бы превратиться в сказку, если бы не... старость. Львы ведь тоже стареют. Четырнадцати — шестнадцати лет от роду они уже глубокие старики.

Однажды мы повстречали такого покинутого всеми «старичка». Он лежал в тени дерева. Губа у него отвисла и обнажила тупые желтые зубы, ребра можно было пересчитать все до одного. Нижние веки отекали, а когда животное двигалось, то по горбатой спине и негнувшимся ногам было видно, что это причиняет ему сильную боль. Таких львов рано или поздно разрывают на части гиены или гиеновые собаки. Майлс Тернер однажды видел, как стая гиеновых собак окружила старого льва; они подпрыгивали и плясали вокруг него, как это делают обычно собаки, затевая игру; «старик» шипел и замахивался на них лапой, и они вскоре отстали.

Ночью я никак не мог уснуть, потому что одинокий старый лев не выходил у меня из головы; у меня даже возникло искушение застрелить для него газель. Как странно мы все же устроены: чтобы помочь одному, мы готовы погубить другого. Подозреваю, что Майлс Тернер выезжал за пределы национального парка, чтобы раздобыть пропитание для этого одинокого «пенсионера»... Ведь Майлс питает слабость к львам. Кстати сказать, он не исключение. Когда посетители парка видят такого старого, больного льва, они постоянно спрашивают лесничего, «что он с такими делает». При этом нельзя забывать об основном принципе работников заповедников: ни в коем случае не вмешиваться в дела природы, предоставить ей решать все самой.

На днях второй лесничий, Гордон Пульман, живущий в Серонере, вернулся из многодневной поездки по «коридору». Коридором мы, то есть те, кто входит в штат сотрудников Серенгети, называем узкую часть парка ближе к озеру Вик-

тория. Гордон рассказал нам любопытный случай, который произошел с ним накануне в полдень. Он увидел льва, поймавшего гну и подмявшего свою добычу под себя. Лесничий подъехал поближе на своем вездеходе, прогнал льва и вылез, намереваясь отрезать себе от только что убитой дичи окорок. Не дойдя нескольких шагов до жертвы льва, он обернулся и крикнул своему проводнику, чтобы тот кинул ему охотничий нож. Но в этот момент тот испуганно закричал: «Бвана, обернись! Обернись!»

И каково же было изумление Пульмана, когда, обернувшись, он увидел, как «мертвый» гну вскочил на ноги и нацеливается в него своими острыми рогами. Гордону только в самый последний миг удалось схватить его за рога, удержать и, пятясь задом, втиснуться в машину. И как раз вовремя — в ту же секунду животное вырвалось: никому еще не удавалось в одиночку справиться со взрослым гну.

Наутро я навестил Конни, жену Гордона. Она сидела перед их домиком в Серонере. Я пересказал ей все это происшествие, но так, словно оно приключилось со мной:

— Представляешь себе, я наткнулся на льва, который как раз зарезал гну и подмял свою жертву под себя... и т. д.

Конни таращит на меня удивленные глаза. Она прямо не находит слов — так поражена. Под конец она не может сдержать своего возмущения и выпаливает:

— Но это же все случилось с моим мужем!

— Да, дорогая Конни, я знаю. Но видишь ли, такие истории нельзя рассказывать человеку, который пишет книги об Африке. Обычно потом, когда они появляются в печати, оказывается, что все приключилось лично с ним... Недаром пословица гласит: кто прибыл издалека, тому врать легко...

Не так уж редко случается, что кажущаяся мертвой жертва льва убегает невредимой, как только его прогонишь. Однажды я видел, как львице пришлось отпустить маленького зебрёнка и тот убежал, громко крича. Детенышу повезло! За несколько недель до этого подобная сцена разыгралась на глазах у Майлса Тернера, но только с козлом томми. Многим животным, за которыми охотится лев, видимо, свойственно инстинктивно замирать, когда он их хватает, точно так же как замирают маленькие львята или котята, когда мать берет их голову в свою пасть и перетаскивает с места на место. Если бы жертвы вырывались и сопротивлялись, лев тут же сжал бы клыки сильнее и переломил бы им хребет или задушил. А так у жертвы остается хоть небольшая надежда на спасение.

Я думаю, что животные эти, попав в пасть льва, не испытывают ни боли, ни испуга, у них наступает что-то вроде шока. Я почти готов утверждать это.

Мы, люди, в большинстве стран уже тысячи лет не подвергаемся нападениям хищных животных. И все же в подобных случаях такое же шоковое состояние свойственно и нам, оно входит в число инстинктивных действий наравне с сосанием материнской груди и зажмуриванием глаз от яркого света.

Известного исследователя Африки Дэвида Ливингстона однажды схватил лев и утащил в кусты. Вот что он позже сообщал об этом:

«Лев отвратительно зарычал мне в самые уши и потряс так, как фокстерьер трясет пойманную крысу. Я впал как бы в шоковое состояние, вызвавшее ступор — ощущение, испытываемое, наверное, мышью, когда ее схватила кошка: у меня пропала всякая восприимчивость к боли, несмотря на то что я совершенно не терял сознания. Это напоминает состояние пациента, находящегося под местным наркозом: больной видит все манипуляции хирурга, но ножа уже не чувствует. Это ни с чем не сравнимое состояние не было следствием каких-либо душевных переживаний, просто шок начисто стер все ощущения страха и выключил всякое чувство ужаса даже от непосредственной близости разъяренного льва».

Товарищи Ливингстона, к счастью, через минуту сумели отогнать хищника.

В первые десятилетия нашего века лесничие Африки еще не разъезжали на машинах и вынуждены были ездить верхом, а поклажу перевозить на воловьих упряжках. В те времена приходилось брать с собой собак и каждый раз возводить вокруг лагеря высокую изгородь из срубленных колючих кустарников, так как львы шли по пятам за тягловым скотом.

Здесь все лесничие по сей день помнят историю, приключившуюся с одним из их товарищей по имени Волхутер. Сумерки застали его в 10 километрах от сторожки. В сухом русле реки на его лошадь внезапно набросился лев; та рванулась в сторону и сбросила седока прямо в пасть второму подоспевшему льву. Лев схватил Волхутера за правое плечо и потащил прочь.

Вначале лесничий тоже был как бы парализован и не ощущал никакой боли. Затем он подумал, что это была бы постыдная смерть для такого знаменитого охотника, как он, и решил действовать. Пока его тело волоком скользило по земле под животом льва, шпоры то и дело за что-нибудь цеплялись и в конце концов оторвались. Волхутер вспомнил про свой

охотничий нож, который обычно выскальзывал у него из-за пояса, когда он слезал с лошади. Осторожно пощупав левой рукой, он, к своему удивлению, обнаружил, что на этот раз нож оказался на месте. Когда лев наконец опустил его на землю (как впоследствии было установлено, через 90 метров), он левой рукой дважды всадил ему нож в брюхо.

Хищник зашипел и отступил. Тогда этот человек начал осыпать льва всеми ругательствами, которые только мог припомнить. А сзади на льва с громким лаем стала наскакивать собака лесничего. И лев, видимо, решил убраться подобру-поздорову. Несмотря на раненое плечо, Волхутеру удалось залезть на ближайшее дерево. Однако лев не ушел, а стал кружить вокруг дерева. Несколько минут спустя к месту происшествия подоспели друзья лесничего и прогнали хищника.

Лесничий, опираясь на своих помощников, с трудом дотащился до сторожки. Чтобы оказать ему необходимую врачебную помощь, его два дня пришлось тащить на носилках до ближайшей железнодорожной станции да еще день везти в вагоне.

Руку вылечить так и не удалось — она перестала сгибаться. Однако Волхутер не оставил своего любимого дела и никогда не мстил львам за нападение.

О случившемся каким-то образом пронюхал один репортер из далекого Иоганнесбурга, и с его легкой руки сообщение об этом происшествии со всякого рода преувеличениями стало публиковаться на страницах всех газет мира.

Когда одна лондонская газета начала утверждать, что Волхутер собственноручно задушил трех львов, тот не выдержал, написал в газету, как все было на самом деле, и потребовал опровержения. И получил следующий ответ: «Мы проверили все факты — они подтвердились. Наш корреспондент в Иоганнесбурге — человек вполне надежный, так что мы не видим никаких оснований для опровержения».

Когда Волхутер спустя несколько лет приехал в Лондон, он по телефонному справочнику разыскал магазин, в котором когда-то покупал свой охотничий нож. Он поехал туда на автобусе, купил точно такой же и, между прочим, сказал продавцу:

— Да, это хорошие ножи, я таким собственноручно заколол льва.

Он ожидал вызвать своим сообщением удивление или восхищение, но ничего подобного не последовало. Обслуживав-

ший его молодой столичный продавец ответил совершенно равнодушно:

— Вполне возможно, этими ножами часто пользуются те, кому приходится резать овец!

«9 октября после обеда, примерно часов около четырех, я заметил трех львов-подростков, один из которых в зубах нес что-то странное. Когда он выронил свою ношу, я увидел, что это черепаха. Предприимчивая троица, оказывается, разгрызла панцирь, и животное было уже наполовину съедено».

Это прочел мне Майлс Тернер из своей записной книжки. Есть там и другие любопытные записи:

«15 марта я увидел большого льва, только что расправившегося с гиеной. Когда животное перестало шевелиться, лев пошел дальше и погнался за второй гиеной, которой только чудом удалось спастись».

21 марта один посетитель утверждал, что по пути от Олдувайского ущелья до Серонеры из окна своей машины он якобы насчитал 75 львов.

22 июня львица вблизи дома в течение одного часа поймала подряд четырех томми».

Майлс Тернер живет вместе со своей молоденькой женой Кай в старом глинобитном доме лесничества у подножия горы Банаги. Случается, что у него бывает плохое настроение — это во время приступов жестокой малярии. Тогда ему хочется уничтожить и себя, и всех вокруг. Но там, где требуется его помощь, он появляется как из-под земли. С пятнадцатилетнего возраста Майлс начал каждый вечер записывать в блокнот свои наблюдения за животными. Поэтому всему, что он рассказывает, безусловно, можно доверять.

Попробуйте как-нибудь понаблюдать за собой, и вы обнаружите, как в происшествии, которое вы охотно пересказываете по нескольку раз, опасность постепенно все увеличивается, расстояния сокращаются, а скорость возрастает, и притом совершенно незаметно для самого рассказчика.

Многие наблюдения, которые я привожу в этой книге, сделаны Майлсом. Сейчас ему тридцать восемь лет, а в Кению он приехал, когда ему было три года. У его отца в районе Румурути была скотоводческая ферма. Уже в девятилетнем возрасте Майлс получил в подарок ружье и отправился стрелять зебр. В те времена их там было такое же множество, как сейчас здесь, в Серенгети. Теперь же там не встретишь ни

одной. Дело в том, что фермеры рассматривали зебр и гну как вредителей, поедающих на пастбищах корм, предназначенный для их коров. По этой же причине и маленький Майлс отстреливал зебр, притом пулями; они прошивали такую полосатую лошадку насквозь и после этого уходили еще далеко в землю. У зебры отрезали хвост и сдавали, за что правительство выдавало премию в размере одного шиллинга.

Школу Майлс посещал в Найроби, столице Кении. Затем работал в качестве «white hunter»¹. Он сопровождал туристов-охотников во время сафари. Но в скором времени ему это дело осточертело.

Многие лесничие африканских национальных парков были прежде, как и он, профессиональными охотниками, но впоследствии приходили к выводу, что животных лучше охранять, чем убивать. В своей компании «Сафари» Майлс и познакомился с Кай, служившей там секретаршей, и теперь эти двое уже в течение нескольких лет отлично хозяйничают там, где мало воды и много пыли, в окружении львов, мамб и зебр.

В Европу Майлс впервые выбрался в тридцатилетнем возрасте. Легко себе представить ощущения человека, попавшего из дебрей Африки сразу в такой огромный современный город, как Лондон. Точно так же как нас глубоко поражают львы, разгуливающие вокруг нашей постели, так Майлсу казались чем-то необычным толпы людей на улицах, яркие витрины, театры, высокие дома, теснящие с двух сторон узкие улочки.

Я не имею возможности проводить в Африке больше нескольких недель, потому что я в первую очередь все-таки директор зоопарка. Правда, Михаэль остается дольше, но важно, чтобы здесь постоянно, круглый год, жили такие внимательные сотрудники, как Майлс и другие добрые друзья парка. Они ведут для нас записи, в которых отмечают, где они видели такое-то меченое животное и что еще происходило за время нашего отсутствия.

Крупные антилопы канны здесь, в Серенгети, не подпускают к себе ближе чем на 500—600 метров, после чего они тотчас же пускаются в галоп. Только много позже мне удалось выяснить, почему это происходит.

А вот вести наблюдения за львами, наоборот, очень просто, не труднее, чем в зоопарке. К ним можно приблизиться и на

---

¹ В переводе с английского буквально — «белый», здесь — «профессиональный охотник». (Примеч. перев.)

30 метров, и на 20, и на 5, и, если угодно, даже на метр. Лишь бы вы сидели в машине. Подобная ситуация всегда необыкновенно волнует.

Сегодня нам совсем не хочется заниматься львами; мы собираемся из нашего ярко раскрашенного вездехода пострелять в томми, конечно наркотическими зарядами. Но внезапно обнаруживаем, что окружены: впереди два льва, сбоку две львицы, сзади еще одна большая львица, которую мы, проезжая, даже не заметили в траве. Она медленно поднимается, но смотрит застывшим взглядом мимо нас, в сторону высохшего русла реки. Там пасется одинокий козлик томми. Львица медленно направляется к нему. В тот момент, когда он поднимает голову, она моментально застывает на месте, даже поднятая лапа повисает в воздухе; но вот козлик снова опускает голову и продолжает пастись.

Те два льва, впереди, тоже подкрадываются к козлику. При этом они проходят в трех метрах от нас, один даже совсем рядом, так что я могу до него дотронуться, вытянув руку из окна нашей машины. Я издаю легкий свист, но лев даже не оглядывается в мою сторону: все его внимание сосредоточено на добыче.

Итак, эти львы с трех сторон подкрадываются к ничего не подозревающей газели. Но вот у затаившегося с четвертой стороны молодого льва со смешно торчащей в разные стороны еще не отросшей гривой лопается терпение: хотя расстояние еще явно слишком велико, он вскакивает и бросается к козлику. А тот, конечно, тут же убегает.

Будь я старым львом, я бы в подобном случае залепил такому олуху пару затрещин. Но львы так не поступили. Каждый из них невозмутимо улегся там, где стоял.

Мы подъехали к одному из них на расстояние в восемь метров. Человеку очень тягостно сознавать, что кто-то, пусть даже лев, не обращает на него никакого внимания, словно он пустое место. Я открываю дверцу и вылезаю. Тогда лев поднимается, грозно рычит и делает мне навстречу несколько шагов. Разумеется, я тут же благоразумно исчезаю в машине.

Если лев нападает на вас в открытой местности, нужно остановиться и смотреть ему прямо в глаза. В большинстве случаев он тогда теряется, тоже останавливается и в конце

концов уходит. Если же убежать от него, он наверняка воспримет это как игру в «кошки-мышки» и схватит вас. Правда, в Африке я еще ни разу не попадал в такое положение и все мои познания основываются на тех опытах, которые я 20 лет назад проделывал с хищниками на манеже¹.

Какое ни с чем не сравнимое удовольствие наблюдать за семейством львов, отдыхающим в тени дерева! Только непонятно, кому принадлежат эти восемь львят. Трое из них примерно вдвое больше пяти остальных. Значит, они не могут быть братьями, у них должны быть разные матери. Но все шесть взрослых львиц одинаково ласковы со всеми малышами. Когда львенок проходит возле взрослой львицы и даже льва, шершавый язык непременно нежно пройдет по его мордочке или спине.

Маленькие львята устроили настоящую «охоту» за черной кисточкой хвоста одного из самых больших львов. Они подкрадываются, бросаются на нее и впиваются зубами. Острые молочные зубки наверняка причиняют немалую боль, тем не менее лев только ворчит, недовольно морщит нос, но не трогает своих мучителей. Проходя мимо его головы, они трутся своими мягкими мордочками о его подбородок, точно так же как трутся домашние кошки о нашу штанину. Один из «дядей» снисходит даже до того, что опрокидывает малыша на спинку и катает его лапой из стороны в сторону. Львиным деткам, видимо, все дозволено. Им разрешается даже дергать за кусок мяса, который «папа» держит в своей пасти. А это у львов кое-что да значит!

Хотя львы и принадлежат к семейству кошачьих, однако это отнюдь не наши домашние кошки. Они никогда не мурлыкают и умываются далеко не так уж тщательно. Лев моет себе морду обычно только после еды, и то лишь слегка, никогда не захватывая далеко за ушами. В крайнем случае он вылизывает еще передние лапы и грудь, но никогда — живот и бока, как это принято у наших чистюль, домашних кошек. Свои испражнения львы никогда не закапывают.

Разумеется, во время брачных игр львы дерутся между собой, причем так, что на поле боя остаются лежать целые

---

¹ Г р ж и м е к Б. Наши братья меньшие. // М.: Мысль. 1981.

ключья шерсти из гривы. Конечно, без травм и увечий не обходится. Но мне ни разу не довелось слышать, чтобы когда-нибудь один из противников был убит.

Эти желтые огромные кошки ловко умерщвляют зебр и антилоп. Они быстро перегрызают жертве горло или переламывают хребет. При этом животное испытывает меньше страха, чем наши свиньи и коровы на бойне. Но чтобы один лев убил другого, то есть своего собрата по виду, этого у них не бывает. Мы же, люди, во время последней мировой войны уничтожили много миллионов своих братьев. Дело явно обстояло бы лучше, усвой мы формы обхождения львов!..

9 мая, а потом 15 и 16 июня Майлс видел большого льва со сломанной ключицей. По-видимому, эту травму нанес ему какой-нибудь самец жирафа или кафрский буйвол. Этого льва, который мог передвигаться лишь с большим трудом, сопровождал другой взрослый лев. Судя по тому, что инвалид был весьма упитанным, можно было предположить, что он находился на иждивении у своего приятеля.

Несколько дней спустя близ заброшенного старого рудника мы видели семейство из 16 львов, и среди них больную львицу. Эту львицу тоже явно подкармливали ее сородичи.

Между Банаги и Серонерой, возле бензоколонки, в Николин день все время держался сильно исхудавший, больной, старый лев с тремя львами-подростками. Двумя днями позже этих же львят видели уже в сопровождении великолепного молодого льва и львицы. По-видимому, больной лев погиб, а дети нашли себе опекунов.

Однажды какие-то посетители национального парка вылезли из своей машины и, решив устроить пикник, расположились на земле с термосами и закусками. Желая вымыть руки после еды, они на некоторое время покинули место своей трапезы и пошли к ручью. Каково же было их удивление, когда, вернувшись, они увидели семью львов, которая расположилась прямо на их скатертях и тарелках. Остатки холодных закусок бесследно исчезли. Кроме того, львята разорвали чемоданы и весело играли с фотоаппаратами и одеялами. Львы ни за что не хотели добровольно покинуть столь прекрасное, на их взгляд, место отдыха. Так что туристам пришлось до тех пор просидеть в машине, наблюдая за тем, как расправляются с их имуществом, пока этим

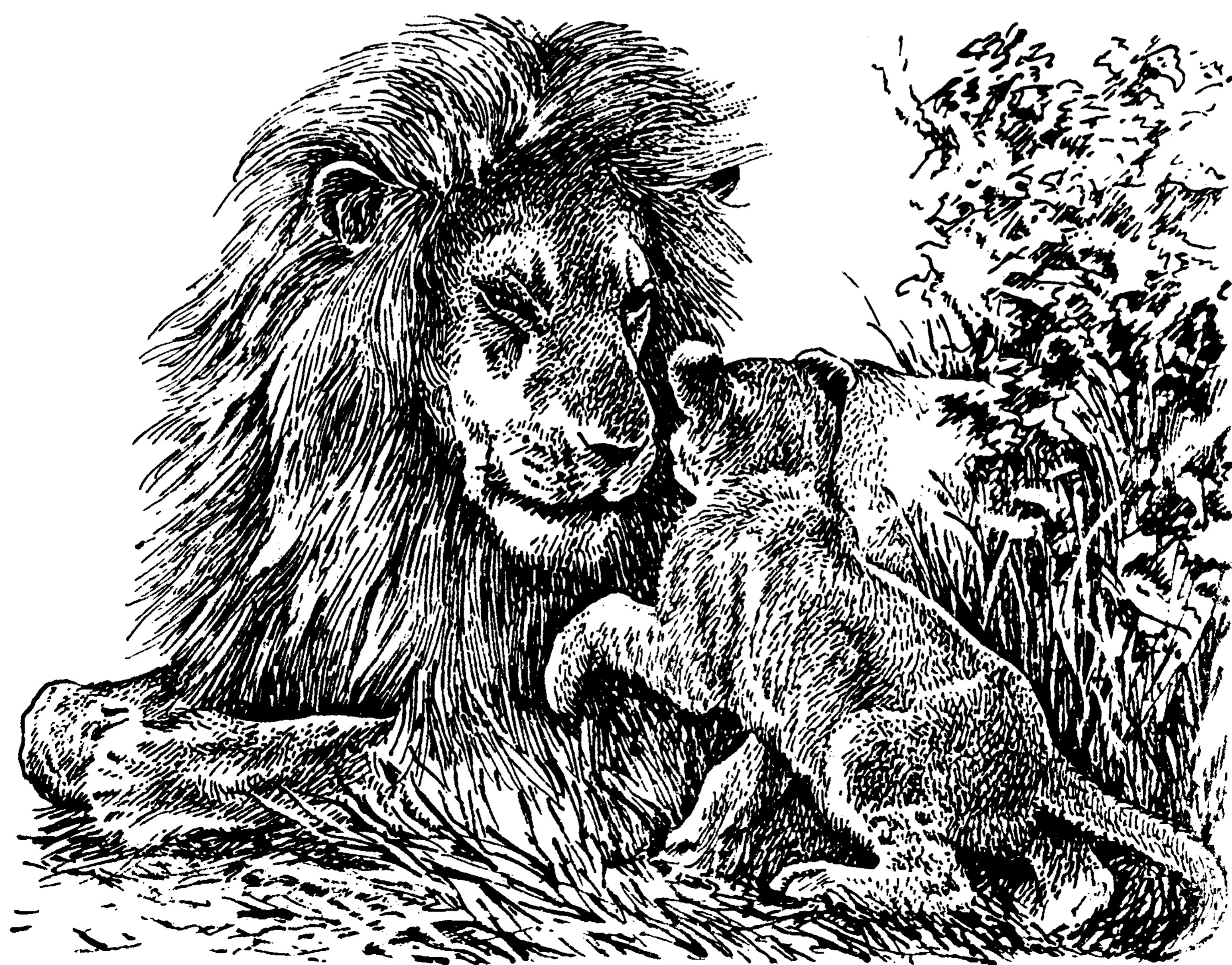

большим кошкам не наскучила такая возня и они не ушли по собственному желанию.

Нет, я, конечно, далек от мысли изображать львов ангелами. К тому же я говорю все время только о наших львах — в Серенгети и вокруг Банаги. И вот, чтобы напустить на вас немного страха, как это и полагается в сообщениях о львах, я чувствую себя обязанным пересказать истории о львах-людоедах, без которых уже с давних пор не обходится ни одно повествование об Африке.

В 1898 году в районе теперешнего Цаво-парка, совсем недалеко отсюда, в Кении, два льва-людоеда в течение почти девяти месяцев осаждали строителей Угандийской железной дороги. Они утащили и сожрали одного за другим 28 кули и под конец закусили инспектором железной дороги. Тот как раз караулил этих злоумышленников в закрытом вагоне с ружьем на коленях, но, видимо, уснул. Львы вытащили его через окно.

В Уганде, близ Анколе, в 1955 — 1956 годах львы, говорят, утащили 45 человек. Вся дичь, которой они до этого питались, была выбита местным населением.

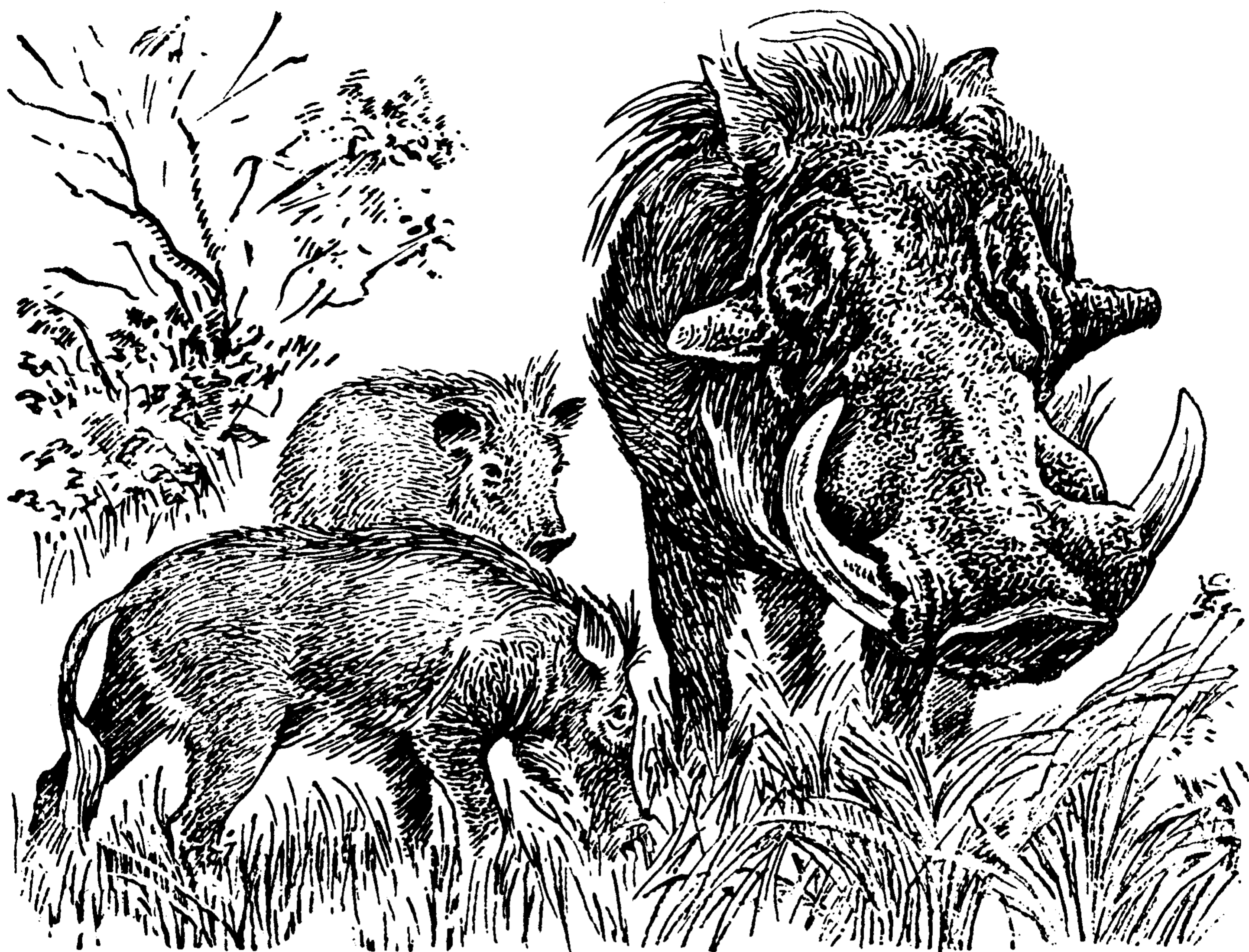
Некто господин Брэдшоу года два назад сообщил, что застрелил львицу, которая отгрыгивала человеческое мясо, чтобы накормить им своих детенышей.

Даже здесь, по соседству, в прошлом году лев умертвил одного приезжего охотника. А дело было так. Охотник застрелил льва, и только собрался поставить ногу на убитое животное, чтобы сфотографироваться, как «мертвый» лев вскочил и разорвал его. Оказалось, что он был еще жив. «White hunter», сопровождавшего гостя, из-за этого случая на пять лет лишили работы.

Здесь же, в Серенгети, у львов достаточно пищи, и поэтому нас, людей, они не рассматривают как нечто съедобное. Это особые, знаменитые львы, которые, можно сказать, «родились в сорочке».

Несмотря на это, нам все же пришлось приделать замок на дверь нашего алюминиевого домика, хотя на 160 километров вокруг не было никого, кроме Гордона Пульмана, Майлса Тернера, африканцев-проводников, ну и, конечно, львов и нескольких сот тысяч других животных...

Глава четвертая

ГЕРМАНСКАЯ КРЕПОСТЬ В АФРИКЕ

— Эй, Миха! — Я толкаю сына в бок, наклоняюсь и ору ему в ухо: — Смотри, там, справа, на горе стоит замок!

Прямо посреди Африки настоящий рыцарский замок? Нет. Невозможно. По-видимому, это был обман зрения. Тут частенько попадаются обломки скал, иногда похожие на развалины церкви, а иногда — на огромные памятники.

Но это вот определенно не скалы, нет! Мы надеваем наушники и совещаемся. Потом наша «зебра» делает поворот направо, и мы летим назад, к горе с руинами замка. На этот раз это действительно оказался замок. У него толстые стены с зубцами, сохранились остатки отдельных строений и обширное подворье. Замок расположен немного севернее национального парка Серенгети, среди гор и холмов, поросших редколесьем. Мы спускаемся все ниже и летим вдоль склона горы, пока массивная угловая башня не оказывается почти над нами.

Сегодня мы направляемся в Масаби, на равнину в «коридоре» (узкая часть национального парка вблизи озера Виктория). Там мы собираемся переночевать в глиняной хижине местных проводников, чтобы спозаранку попасть к водопою

и наблюдать, кто из животных приходит туда пить. Сзади нас в самолете сидят два проводника, а внизу, на равнине, у самой опушки редкого кустарника, нас ждут еще два. Они должны выбрать для нас ровную площадку, свободную от камней и ям, и встать таким образом, чтобы мы могли приземлиться как раз между ними.

На «открытие» замка у нас ушло лишнее время, и теперь уже довольно поздно: солнце у самого горизонта и слепит нам глаза во время посадки. Сын озабочен тем, чтобы не наехать на этих двух там, на земле. Поэтому он выпускает все закрылки для торможения и приземляется несколько ближе намеченного места.

Внезапный толчок, мотор глохнет, и мы садимся брюхом на землю. Такое случается иногда и с большими пассажирскими самолетами, когда пилот либо забывает выпустить шасси, либо оно застревает и никак не выходит наружу. Но длинные ноги нашего-то самолета никуда не втягиваются. И все же они куда-то исчезли.

Оказывается, одно колесо во время посадки попало в нору бородавочника, и таким образом отломилась сначала одна, а потом вторая нога самолета. Из-за этого пропеллер уперся в землю и даже погнулся. Во всем остальном самолет выглядит неповрежденным. Только конец одного крыла немного вмят. Кто не знает, что этой машине полагается стоять на высоких ходулях, тот может подумать, что так и надо.

Для начала мы вытаскиваем длинный рулон ярко-оранжевой светящейся материи, расстилаем его на земле и придавливаем черепами и костями гну, которых кругом валяется множество. Так нас с воздуха легче обнаружить. Затем мы расчищаем от засохшей травы примерно метровую полосу вокруг машины, чтобы она, не дай бог, не загорелась, если начнется степной пожар. Спать мы можем прямо в самолете.

Спустя некоторое время из самолета показывается «бушбеби» — галаго, которого мы всюду возим с собой. Он прилетел вместе с нами из Франкфурта на свою родину. Но он не хочет вылезать из самолета — это древесное животное чувствует себя весьма неуверенно на бескрайней голой равнине.

Два наших помощника поначалу даже не заметили, что мы потерпели аварию. Они первый раз в жизни сели в самолет и думали, что так все и должно быть.

Оказавшаяся для нас роковой нора бородавочника была уже наполовину засыпанной и заросшей, во всяком случае отнюдь не глубокой. Примерно в 100 метрах от нас стояли

два взрослых бородавочника с четырьмя поросятами и с интересом нас разглядывали. У всех шести хвостики торчат свечками кверху, словно антенны на автомобилях. Но, заметив, что и мы пристально их разглядываем, они поворачиваются и убегают. Бородавочники — приятные животные. Кто видел их в зоопарке, тот обычно приходит в ужас от 15-сантиметровых наростов на морде борова и от его опасных, торчащих в стороны и вверх клыков. Морды у них действительно малопривлекательные, во всяком случае для человеческого глаза. Но на воле они похожи на маленьких носорогов или даже антилоп и очень мало напоминают диких кабанов или домашних свиней (у них совсем нет подкожного жира, даже если они хорошо упитанны).

Поскольку мясо бородавочников весьма по вкусу львам, им приходится рыть себе глубокие норы, в которых ночью они становятся недосыгаемыми. Бородавочники охотно пользуются и теми ходами, которые прорывают себе трубказубы, чтобы снизу проникнуть в термитники.

Жилая нора бородавочника состоит из просторной камеры, в которой спят отец, мать и подросшие дети. Отсюда полого вниз идет ход, ведущий в следующую камеру, где осенью, с сентября по ноябрь, появляются на свет хорошенькие поросятки; их бывает обычно не больше четырех. Там, внизу, у них довольно жарко, примерно 30 градусов тепла, как это удалось установить профессору Гайги из Базеля. Может быть, именно поэтому бородавочники до сих пор очень редко размножаются и выращивают детей в зоопарках.

Когда молодые животные подрастают, они охотно остаются жить с родителями; бородавочники вообще примерные семьянины. Когда встречаются двое, принадлежащие к одному семейству, более молодой подходит к отцу или тетке и слегка поддает тому головой под подбородок.

Если преследовать самку с поросятами, то малыши зачастую бросаются на землю и притворяются мертвыми. Но попробуйте поднимите хоть одного! Он завизжит как резаный, и тогда мать сейчас же подбежит к нему. В таких случаях лучше всего поскорее отпустить поросеночка: он бросится к матери, и весь выводок — в след за ним.

Один из обходчиков парка однажды увидел, как леопард преследовал самку бородавочника с поросенком. Мать внезапно повернулась и напала на леопарда, тот тут же удрал. В другой раз бородавочник чем-то прогневал слона. Слон

громко затрубил и бросился в атаку. Бородавочник не струсил и пошел прямо на слона. Тот от неожиданности даже отступил.

Зайдя как-то на лужайку перед домом одного из лесничих, бородавочники не пожелали оттуда уйти, даже когда на них набросилась большая собака. Более того, они сами начали гоняться за собакой и заставили ее убежать.

Только мы завернулись в свои одеяла, собравшись спать на сиденьях самолета, как где-то далеко показались два огня. Ну конечно же это Майлс Тернер на своем вездеходе! У него все с собой: горячий кофе в термосе, водка, бинты, всякая еда, складные носилки, одеяла, шины, а также молодая жена Кай и в корзинке их беби нескольких недель от роду. Поскольку мы не вернулись до захода солнца, он сейчас же выехал нас искать. Это очень характерно для него. На такого можно положиться; он непременно появится, если в этом будет необходимость. Боясь оставить свою жену на ночь одну, он взял ее с собой, так что вынужден был прокатиться и беби.

На другое утро мы передали по радио телеграммы в Найроби и домой. Мы сфотографировали повреждения со всех сторон и послали пленку в Мюнхен, чтобы на заводе могли установить, какие запчасти нам следует прислать.

Затем мы приступили к строительству лагеря. К нам выехали два инженера из Найроби. На поездку им потребовалось три дня, так как один из них поклялся никогда больше не садиться в самолет. Пять лет назад он попал в авиационную катастрофу, сломал позвоночник и в течение года был почти парализован. Но сейчас он снова очень бодр и энергичен. Эти двое, англичанин и шотландец, работают как лошади. От нас требуется лишь одно: в эту жару старательно снабжать их пивом. Кроме того, им ужасно хочется выучить немецкие ругательства. Мы старались познакомить их с самыми трудновыговариваемыми.

Кстати, одного из них зовут Майк, следовательно, Михаэль. Моего же сына во всей окрестности величают Майклом, поэтому его легко отличить от всех других Майков.

Я заметил, что англичане обращаются друг с другом значительно менее чопорно, чем мы. Едва познакомившись поближе, на службе или еще где-нибудь, они уже зовут друг друга по имени, даже девушек и женщин. Зато они не трясут при каждом удобном случае вашу руку, как это принято у нас; они делают это, только когда прощаются перед длительной

разлукой или возвращаются откуда-нибудь. Мне это нравится куда больше.

Пройдет не менее трех недель, пока наша «зебра» снова сможет подняться в воздух. Мы бродим по земле «с подрезанными крыльями» и чувствуем себя какими-то неповоротливыми и беспомощными. Зато у нас оказалось время поближе осмотреть сказочный рыцарский замок. Он расположен на землях, принадлежащих племени икома, а наш шофер Мгабо как раз икома. Его отец во времена германского владычества работал бригадиром в одном из рудников, и Мгабо еще ребенком часто играл среди руин этого форта, принадлежащего немецкому гарнизону. Судя по его рассказам, англичане с немцами вели здесь ожесточенные бои.

Поднимаясь на своем зебровом вездеходе в гору по старой, заросшей травой дороге, мы вспугиваем стаю антилоп топи, которые резво отбегают в сторону.

В толстенной высокой стене — пролом. Хотя сложена она всего лишь из обломков скал и глины, тем не менее простояла 50 лет. Это потому, что здесь мало дождей и не бывает морозов.

Через пролом мы проникаем в просторный двор форта. Три зебры, испугавшись нас, галопом несутся к большому парадному въезду и исчезают с подворья. Здесь сохранились даже стены домов — в тех местах, где их не разрушили корни деревьев.

Мгабо ведет нас через форт. Вот здесь, в большом доме с парадной лестницей, жил лейтенант; там, сбоку, была кухня, а в домике поменьше, что был напротив, жил один сержант. По отметинам на стенках глубокого колодца можно определить, как высоко когда-то стояла в нем вода. У самого его края распустились два красных цветка.

Вокруг всего форта проходит полуразрушенная траншея. Михаэль, порывшись в мусоре возле унтер-офицерского дома, обнаружил несколько монет. Мы очистили их от грязи и прочли: «D. O. A. 1916. Fünf Heller»¹. Значит, это колониальные деньги из бывшей немецкой Восточной Африки чеканки военного времени. Во Франкфурте в банке нам потом предложили по 10 марок за каждый геллер.

По просьбе Мгабо его дядя принес нам в одну из последующих недель купюру в 50 рупий с изображением кайзера Вильгельма с лихо закрученными усами. По словам Мгабо, немцы, прежде чем покинуть форт, сложили все свое оружие

¹ «Немецкая Восточная Африка, 1916. Пять геллеров».

и боеприпасы в шахту, которую вырыли за пределами форта, зацементировали, а затем сверху засыпали. Оружие пролежало 40 лет, пока англичане в начале 50-х годов не вскрыли тайник и не увезли все, что там лежало. По всей вероятности, они опасались, что оружие, зарытое так близко от границы с Кенией, может попасть в руки повстанцев мау-мау.

Мы с Михаэлем облокотились рядом на бруствер и стали смотреть вниз. Далеко уходят волнистые зеленые холмы, сливаясь где-то на горизонте в матовой голубизне...

Интересно, как чувствовали себя в этом форте два наших земляка, жившие здесь совершенно одни? Для немецких солдат пребывание здесь наверняка было тягостным. В те времена все эти бесконечные расстояния надо было преодолевать пешком, не было ни машин, ни радио, ни настоящих консервов. Поскольку в колонии не хватало средств на проведение телеграфной линии, постам приходилось общаться друг с другом при помощи больших зеркал, которыми они передавали световую морзянку.

Окольными путями, через старого генерала фон Леттов-Форбека и его племянника, мне удалось установить, что последним командующим этим округом был один майор по фамилии фон Хакстхаузен, который сейчас живет в Дегерндорфе, расположенном возле реки Инн. На мой запрос он любезно ответил, что форт был построен около 1900 года. Его гарнизон, состоявший из одного офицера и одного унтер-офицера с пулеметом, был призван следить за порядком в округе. Дело в том, что племя икома непрерывно сражалось с не менее воинственным племенем гайя. В основном они крали друг у друга скот.

Местность было трудно охранять, так как она находилась на самой границе с английской колонией Кенией. Однако история Танганьики началась отнюдь не с того времени, когда в 1885 году германский кайзер составил охранную грамоту для этой области. Первооткрывателями этих мест были даже не европейцы, а скорее всего азиаты. Нам потребовались тысячелетия, пока мы на своих кораблях отыскали морской путь вокруг южной оконечности Африки. Для азиатов же попасть в Восточную Африку оказалось значительно легче, потому что ежегодно с ноября по февраль там дует северо-восточный муссон, который пригоняет их корабли прямо к африканскому побережью. С апреля же по сентябрь муссон дует в обратную сторону — с юго-запада и гонит корабли прямехонько назад, на их родину. Первые арабы и индийцы уже за несколько

веков до нашего летосчисления таким путем добирались до берегов Танганьики. Там по сей день еще находят древний китайский фарфор и монеты, чеканенные 1200 лет назад. Арабы из персидского Шираза основали города на островах возле побережья. В Килве до наших дней сохранилась арабская «Хроника», описывающая исторические события начиная с 1060 года и в течение 500 лет, вплоть до появления португальцев.

Португальский мореплаватель Васко да Гама, открывший морской путь в Индию вокруг Африки, во время своего третьего индийского путешествия в 1502 году пристал к берегу в Килве на побережье Танганьики. Он гарантировал эмиру Мухамеду Киваби свободу, однако нарушил слово, взял его в плен и отпустил только после того, как тот признал португальское владычество и уплатил 5 тысяч круцадо (примерно 20 тысяч марок) выкупа. На эти деньги Васко да Гама во имя прославления Всевышнего заказал золотую статую, которая по сей день хранится в Белемской церкви в Лиссабоне.

В 1593 году португальцы построили горный форт Иисуса в Момбасе; мятежи, войны, нападения различных племен из глубинных районов страны продолжались до тех пор, пока наконец не приплыли арабы из Омана в Персидском заливе, которые после тридцатитрехмесячной осады в 1696 году захватили крепость.

Новых султанов Занзибара очень привлекала их вторая империя на побережье Танганьики, но им то и дело приходилось возвращаться к себе домой, в Персидский залив, чтобы наводить там порядок, так как родственники без конца оспаривали у них трон.

Власть этих арабских султанов никогда по-настоящему не распространялась в глубинные части страны. Правда, они высылали работоторговцев и охотников за слоновой костью все дальше от побережья, пока не достигли наконец в 1840 году озера Танганьика. Их караванный путь лежал через Табору (вдоль него немцы впоследствии построили железную дорогу). Хотя над арабскими стоянками на этом торговом пути и развевался красный флаг султана, тем не менее два или три араба, которые там жили и продавали караванам за бешеные деньги свой товар, на самом деле целиком зависели от вождей близлежащих племен.

Торговля рабами у арабов в Восточной Африке никогда не достигала таких чудовищных размеров, как потом в Западной Африке у европейцев и американцев. У арабов и индийцев судьба рабов была куда менее жестокой, чем на плантациях

европейцев в Северной и Южной Америке. И тем не менее работорговля совершенно расшатала племенной уклад аборигенов и привела к тому, что целые огромные территории, например возле озера Танганьика, полностью обезлюдели. Тот, кто сегодня, комфортабельно расположившись в вагоне-ресторане, едет в поезде из Дар-эс-Салама через Табору в Лисанзу у озера Виктория и разглядывает из окна окрестности, даже не подозревает, что вся земля здесь пропитана кровью и усеяна костями тысяч рабов, которых бичами гнали по этой бесконечной дороге и которые, не выдержав, обессиленные, падали и умирали, что земля эта напоена слезами матерей, у которых отнимали детей и кормильцев.

Все больше европейских и американских судов (до постройки Суэцкого канала) огибало Африку, чтобы попасть в Восточную Азию. Поэтому один из арабских правителей Занзибара, Саид бин-Султан, стал из предосторожности заключать договоры (в 1833 году с Соединенными Штатами Америки, затем с Англией, Францией и, наконец, в 1859 году с Германией), по которым эти страны обязывались соблюдать монополию султана и не покупать на побережье Танганьики слоновую кость и каучуковую смолу. Его интересовала исключительно эта сторона дела, а не вопрос господства во внутренних областях страны. Однако жестокая работорговля и погоня за слоновой костью завлекали арабов все дальше в глубь Черного континента. Так, некто Саид бин-Хабиб бин-Салим Сафифи, покинув в 1850 году город Занзибар, вернулся туда лишь спустя 16 лет. За это время он трижды добирался до Луанды на западном берегу Африки и, таким образом, первым, задолго до Стэнли, пересек материк.

Рассказы таких путешественников, разумеется, возбуждали безудержное любопытство европейцев. Две причины заставили нас в прошлом столетии проникнуть в глубь Африки: стремление обратить «несчастливых невежественных негров» в христианскую веру и желание исследовать эти незнакомые страны; торговлей стали заниматься уже потом, тогда же возникла и алчность.

Первым таким исследователем был французский морской офицер по фамилии Мезан. Ему пришло в голову отправиться в путь именно в сезон дождей; кроме того, у него с собой были такие роскошные ящики с провиантом, что не успел он отойти 80 километров от побережья, как был убит.

Глазами, полными изумления, рассматривали в 1848 году два немецких миссионера — Иоганн Ребманн и Людвиг Крапф — снежные вершины Килиманджаро.

«У этих двух миссионеров полностью отсутствовали какие бы то ни было физические данные, необходимые для подобных путешествий», — пишет один англичанин.

Вряд ли они обладали и необходимыми для этого научными знаниями. Крапф таскал с собой ружье, с которым вечно случались какие-то неожиданности. Вьючные животные из его каравана то и дело удирали. Самым примечательным предметом из его снаряжения был зонтик, под которым он и его люди спали в плохую погоду. Этот зонтик, если его внезапно открыть, мог сослужить в пустыне и другую службу: однажды таким способом удалось отогнать льва, а в другой раз насмерть перепугать банду грабителей, пустившихся наутек.

Рассказы этих людей о больших озерах, возле которых они побывали, вызывали недоверие и любопытство профессиональных географов. Поэтому вскоре, в 1857 году, туда отправились англичане Ричард Бёртон и Джон Спик, которым принадлежит открытие озера Танганьика. Оставив больного Бёртона в Таборе, Спик продолжал свой путь в глубь страны и в августе 1858 года достиг крупнейшего озера Африки. Он дал ему название озеро Виктория. Оно в 130 раз больше Боденского¹, на его территории могла бы свободно разместиться вся Ирландия. Бухта в этом озере со стороны национального парка Серенгети названа именем этого знаменитого исследователя. Когда Бёртон в Таборе услышал сообщения возвратившегося коллеги о том, что из озера Виктория вытекает Нил, он в этом усомнился. Поэтому Спику пришлось отправиться туда вторично, уже в 1860 году, на этот раз в сопровождении Джеймса Огастеса Гранта, имя которого сейчас носят красивые большие газели, живущие в нашем парке. В июле 1862 года оба путешественника стояли как зачарованные перед огромными водопадами, которыми Нил начинает свой бег из озера Виктория.

Еще в самом начале своего путешествия они встретили на побережье гамбуржца Альбрехта Рошера. «Разжалованный» король Людовик Баварский снабдил его деньгами «для поисков внутриафриканских озер». По-видимому, денег было негусто, поскольку Рошера сопровождали всего двое слуг и двое носильщиков. И тем не менее его вскоре убили, польстившись

---

¹ Озеро на границе ФРГ, Австрии и Швейцарии. (Примеч. перев.)

на его жалкий скарб. Власть султана Занзибара была в то время еще настолько значительной, что по его приказанию убийцу изловили и доставили для наказания к побережью.

Рошер считал себя первооткрывателем озера Ньяса. Однако еще за несколько недель до него к этому озеру по реке Замбези поднялся миссионер и исследователь Ливингстон. С 1866 по 1869 год Ливингстон продолжал двигаться дальше в глубь страны вдоль берегов озера Танганьика. Когда он спустя три года вернулся назад в Уджиджи, то напоминал «мешок с костями». Велико было его разочарование, когда он узнал, что часть заказанного им провианта расхищена, а часть находится за 400 километров, в Табора. И что важнее всего — из Европы не было никакой почты.

Поскольку в Европе в течение пяти лет о нем не было ни слуху ни духу, газета «Нью-Йорк геральд» в 1870 году выслала на его поиски репортера Генри Мортон Стэнли. Однако Стэнли удалось тяжелобольного исследователя довести только до Табора. Дальше Ливингстон ехать отказался. Более того, он не изъявил никакого желания возвращаться в Европу, а, наоборот, передохнув, отправился в новую экспедицию для обследования восточного берега озера Танганьика. Во время этой экспедиции однажды утром его нашли мертвым: он умер, стоя на коленях возле своей кровати. Двое преданных ему африканских слуг доставили его тело и все его бумаги и инструменты на побережье. Вестминстерским аббатством Ливингстон причислен к наиболее выдающимся людям нации.

В 80-х годах в район озера Виктория направился немецкий врач доктор Г. А. Фишер. Однако на безлюдной восточной стороне озера, где расположен и Серенгети, было так трудно с пропитанием, что вскоре после возвращения он слег и умер. Добросовестным исследователем был и англичанин Джозеф Томсон, по имени которого названы красивые желто-черно-белые газели.

Томсон и Фишер долгое время оставались последними и а с т о я щ и м и исследователями Восточной Африки. Все, кто направлялись туда позже, как правило, имели тайные побочные цели.

Хотя немецкие торговцы уже в 1840 году появились в Занзибаре, а немецкие исследователи, такие как Рошер и Карл фон дер Деккен, первыми проникли в Танганьику, в Германской империи только в 1884 году возникло Немецкое колониальное общество, которое всячески пропагандировало приобретение колоний. По поручению этого общества доктор Карл

Петерс и граф Пфайль в составе небольшой группы под вымышленными именами выехали из Триеста в Занзибар. Несмотря на то что там их ждала телеграмма от Бисмарка, который предупреждал, чтобы они не рассчитывали на поддержку германского правительства, они все же занялись составлением контрактов с местными вождями племен. Те должны были подписаться под заявлением, в котором говорилось, что они не считают себя подданными султана Занзибара. Началось настоящее состязание с генералом Ллойдом Мэтьюзом, которого султан направил в ту же местность с отрядом из 180 солдат. Вожди высказывались то за Петерса и немцев, то за Мэтьюза и султана. Один из них даже заявил, что отдаст предпочтение тому, у кого будет красивее материя на флаге... Большинство этих «вождей» на самом деле были лишь чем-то вроде «деревенских старост», родственниками настоящих правителей племен.

Когда Петерс с папкой договоров вернулся в Берлин, Бисмарк под давлением общественного мнения полностью изменил свою точку зрения и предоставил Немецкому колониальному обществу императорскую охранную грамоту для вновь приобретенных территорий. Напрасно султан Занзибара заявлял, что он держит там уже несколько гарнизонов, — немецкая эскадра быстро заставила его признать эти территории немецким протекторатом.

А Карл Петерс тем временем предпринял новую тайную поездку, на сей раз в Уганду, где он снова занялся сбором подписей. Вернувшись на побережье, он узнал, что на этот раз зря старался: Бисмарк и британское правительство за это время поделили сферы влияния в Африке и Уганда досталась Англии. Была создана комиссия, состоящая из англичанина, немца и француза, в которой султан Занзибара даже не был представлен; ей поручили обследовать, что, собственно, входит во владения султана. Англия порекомендовала султану отказаться от земель вокруг Килиманджаро в пользу Германии. В обмен за Гельголанд Германия в 1890 году признала английскую опеку над Занзибаром. Первого января 1891 года Германское государство взяло на себя управление новым протекторатом Танганьика под названием Германская Восточная Африка.

Заполненное до отказа кладбище бенедиктинцев в Дар-эс-Саламе свидетельствует о том, что новая колония потребовала немало жертв от немцев, которые хлынули в нее мощным потоком.

Уже в 1888 году начались первые мятежи. Это было еще тогда, когда немцы по поручению султана Занзибара взимали пошлину на побережьях. Предводитель мятежников Бушири вначале держался даже по-рыцарски: он сам спас епископа от гнева разъяренной толпы и под надежной охраной переправил его и пять европейских женщин на побережье. Но бои становились все ожесточеннее, пришлось из Португальской Восточной Африки подтянуть на помощь войска имперского комиссара фон Виссмана, состоящие из египтян и зулусов. Виссман взял крепость Бушири и подавил мятеж. Предводителя нашли полураздетым и умирающим от голода в одной из хижин. Закованного в цепи, его привезли в Пангани, где 15 декабря 1889 года он был повешен.

Восстание хехе под предводительством вождя Мквавы было уже куда опаснее. Мквава взимал пошлину со всех караванов, проходящих через его владения. Это привело к стычкам с новой германской администрацией.

Кончилось тем, что лейтенант фон Зелевски выступил с отрядом из 1000 солдат против могущественного африканского вождя. Мквава решил пойти на мировую и выслал им навстречу делегацию с подарками. Однако то ли по недоразумению, то ли еще почему-либо по делегации был открыт огонь; единственный оставшийся в живых человек вернулся к Мкваве и поведал о несчастье.

Тогда вождь устроил засаду и убил 260 африканских и 10 немецких солдат, добыв при этом 300 винтовок, 3 орудия и много боеприпасов.

Мквава продержался вплоть до 1898 года, пока новый немецкий губернатор не назначил за его голову награду в 5 тысяч рупий. Это возымело действие. Молодой парень, которого немцы взяли в плен, сознался, что он слуга Мквавы, и выдал его, сказав, что его господин, тяжелобольной, лежит в лесу на расстоянии трех часов ходьбы от этого места. Майор Меркл действительно обнаружил в указанном месте две фигуры, лежащие на земле. Он сейчас же выстрелил одной из них в голову. Это был действительно Мквава, но давно уже мертвый и застывший. Оказывается, он задолго до этого умертвил выстрелом в живот своего старого слугу, а затем и себя самого.

Отрубленную голову этого знаменитого вождя послали в Германию в один из исторических музеев. А туловище народ хехе захоронил с большими почестями. Эта народность продолжала его оплакивать и отпевать в каждую годовщину его смерти. Когда страна попала под британское владычество, первой ее просьбой

было вернуть голову знаменитого вождя. Но германское правительство ответило, что этой головы в Германии нет.

После Второй мировой войны губернатор Танганьики взялся уладить это дело. Он связался с директором музея в Бремене. Доктор Хельмут О. Вагнер, мой добрый знакомый, тут же согласился выдать пробитый пулей череп. Таким образом, спустя полстолетия, в 1953 году, голова погибшего вождя была возвращена его народу. Адам Запи, внук Мквавы, выслал директору музея в знак благодарности целую коллекцию очень ценных этнографических предметов.

Другим великим борцом освободительного движения был вождь Зики. Когда его победили, он вместе со всей семьей заперся в пороховом складе и взорвался.

Карл Петерс, который, собственно говоря, и заставил Бисмарка объявить Германскую Восточную Африку протекторатом, был назначен главным имперским комиссаром области вокруг Килиманджаро. Однако вскоре оттуда в главную администрацию в Дар-эс-Саламе стали поступать дурные вести. Из уст в уста передавали, что там творятся бесчинства — грабежи, побои и запугивание населения. Самая страшная весть касалась одного молодого африканца, повешенного якобы за кражу сигарет; на самом же деле поговаривали, что вся вина его состояла в том, что он осмелился посетить одну из наложниц Петерса.

В 1893 году Петерса отозвали и после трех лет непрерывных расследований лишили полномочий «за злоупотребление служебным положением».

Одним из самых крупных немецких колонизаторов, широко прославившимся своими многочисленными политическими авантюрами, был Эмин-паша. Он родился в Оппельне в 1840 году, и звали его тогда Эдуард Шнитцер. Он изучал медицину, и в Албании, куда позже поехал работать, принял ислам, то есть перешел в мусульманскую веру. Тогда-то его и переименовали в Эмина. В 1876 году он поступил на службу к египтянам, где стал сначала эфенди, затем поднялся до бея и в конце концов стал пашой. Вскоре он перестал заниматься врачебной практикой: его назначили губернатором южной провинции Судана. Я уже рассказывал, как недавно мы с Михаэлем в столице этой провинции Джубе справляли Рождество у ее теперешнего африканского губернатора.

Как только началось грозное восстание Махди, Эмин-паша бежал в Центральную Африку, и долгие годы после этого о нем ничего не было слышно. Когда его наконец обнаружил

там Стэнли, он не пожелал с ним уйти, а перешел в Восточную Африку и нанялся на службу к немцам. Губернатор Виссманн послал его в 1890 году в район озера Виктория, чтобы не допустить там засилья англичан. Вместе с ним отправился доктор Франц Штульманн, крупный специалист в области этнографии, зоологии, ботаники и астрономии. Кроме того, его сопровождали капитан Вильгельм Ланхельд и немецкий ефрейтор по фамилии Куне.

В октябре 1892 года на территории бывшего Бельгийского Конго арабские работоторговцы перерезали Эмин-паше горло. Они, оказывается, не могли ему простить, что он, мусульманин, работает на христиан.

В официальном справочнике, выпущенном несколько лет назад британскими властями Танганьики, перечисляются бесконечные восстания, происходившие в начале немецкого владычества, и поясняется, что Германия была последним европейским государством из числа тех, которые старались захватить колонии. Поэтому все мероприятия проводились в спешке; первыми колониальными чиновниками были преимущественно офицеры, состоявшие до того только на европейской службе. Но некоторые немецкие чиновники, безусловно, по-настоящему интересовались народом, которым им приходилось управлять, и относились к нему с симпатией и дружелюбием.

В 1905 году распространился слух, что в одном из притоков реки Руфиджи живет чудовище. Вода, с которой соприкасается это животное, якобы целебна и лечит от болезней, голода и других неприятностей, безразлично, выпьешь ли ее или побрызгаешь себе на голову. Вскоре к реке началось настоящее паломничество, которое, разумеется, не вызывало никаких подозрений у немецкой администрации.

Однако спустя некоторое время стали ходить слухи, что чудодейственная вода заставляет европейские ружья вместо пуль стрелять водяными струями или что пули при попадании отскакивают от тела и скатываются по нему в виде капель воды. Даже если таких чудес не произойдет, все равно каждый убитый, попивший перед смертью целебной воды, встанет через три недели целым и невредимым.

Правда, «непробиваемым» новым повстанцам не хватало такого вождя, как Бушири или Мквава. Кроме того, им приходилось изготавливать пули из телеграфной проволоки и стрелять осколками от бутылок. Но, несмотря на это, с 1905 по 1907 год они причиняли колониальной власти немало хлопот.

Это новое огромное восстание вызвало большие опасения в Германии, тем более что только перед этим пришлось подавить мятеж гереро в Юго-Западной Африке. Когда же в довершение всего был убит епископ бенедиктинцев Касьян Шпис, германское правительство выслало в Восточную Африку подкрепление — два легких крейсера, роту морской пехоты и цветных солдат с Меланезийских островов Тихого океана. В разразившейся войне погибло около 100 тысяч человек, в основном из-за голода: урожай был уничтожен, а скот угнан.

После этих больших восстаний в Германии было создано имперское колониальное управление. Его первым министром стал доктор Бернгард Дернбург, директор Дармштадтского банка. Он прежде всего отправился лично ознакомиться с состоянием дел в протекторатах и, после того как объездил их вдоль и поперек, в феврале 1908 года доложил финансовой комиссии рейхстага: «...плантаторы настроены воинственно по отношению ко всем — ко мне самому, к правительству, к местным чиновникам и, конечно уж, к местному населению. Производит крайне неприятное впечатление, когда такое множество белых людей разгуливает с плантаторскими бичами в руках».

Он назначил вместо военной штатскую администрацию, которой, однако, суждено было просуществовать только семь лет.

За полгода до того, как началась Первая мировая война, в Танганьики прибыл немецкий генерал фон Леттов-Форбек. К этому времени он уже успел пройти «огонь и воду и медные трубы» — участвовал в подавлении боксерского восстания в Китае, был ранен во время мятежа гереро в Германской Юго-Западной Африке и командовал колониальными войсками Камеруна. Словом, это был стреляный воробей.

В Танганьике под его началом было всего лишь 250 немецких офицеров и 25 тысяч африканских солдат. Против одного немецкого крейсера «Кёнигсберг» в водах Танганьики действовали три английских крейсера. Несмотря на это, немецкому крейсеру удалось дважды в открытом море при помощи вспомогательных судов пополнить свои запасы угля, утопить один английский крейсер и затем отойти в реку Руфиджи, где английские суда не могли его преследовать из-за своей низкой осадки. Пришлось срочно привозить из Англии тяжелые гаубицы, чтобы уничтожить «Кёнигсберг» с берега. Однако вся команда корабля, захватив пушки и боеприпасы, успела сойти на берег и продолжала воевать под командованием Леттов-Форбека. Немецкие вспомогательные суда дважды прорывали береговые заслоны и подвозили оружие и боеприпасы.

Леттов-Форбек со своим небольшим отрядом то нападал на поезда, нарушая движение по железной дороге в Кении и Уганде, то нарушал покой Родезии и Бельгийского Конго. Английские войска. перевезенные из Индии, он загонял назад на корабли. Так он продержался до 1916 года.

За это время Германская Юго-Западная Африка сдалась. Оттуда в Танганьики были переброшены многочисленные войска генерала Смэтса, однако почти все его солдаты страдали малярией, так что мало чем могли быть полезны в борьбе против немцев. В ноябре 1917 года Леттов-Форбек вступил со своим маленьким отрядом в португальские владения, где в течение десяти месяцев вел партизанскую войну, затем в сентябре 1918 года внезапно появился вновь на немецкой территории и опять ворвался в Родезию. Сдался он только 25 ноября 1918 года, спустя несколько дней после того, как Германия сложила оружие.

Располагая самыми ограниченными возможностями, он сумел удержать большую часть войск союзников в Восточной Африке, мешая тем самым переброске их на другие фронты.

Местному населению, за право «охранять» которое дрались англичане с немцами, эта война европейцев принесла только горе и бедствия.

В Танганьике, как и во всем мире, тогда свирепствовала инфлюэнца, скосившая 80 тысяч африканцев. В довершение всего в 1924 году не было дождей и по обеим сторонам железнодорожного полотна можно было видеть черепа умерших от жажды, которые напрасно думали хоть здесь найти воду.

Англичане получили от Лиги Наций всю Танганьики до границ королевств ватусси — Руанды и Бурунди, которые были присоединены к Бельгийскому Конго.

Когда Танганьика находилась еще под немецким владением, ее население составляло примерно 3 миллиона. Поскольку нам с Михаэлем предстоит подсчет сотен тысяч животных, нам небезынтересно узнать, как в такой полудикой стране проводилась перепись населения без бюро прописки и без «загсов». Оказывается, в 1931 году вождям племен было предписано сдать четыре различных сорта семян. Черные и толстые семена означали мужчин, коричневатые зерна с двумя волосками на конце символизировали женщин, маленькие круглые зернышки — девочек, а маленькие продолговатые — мальчиков. За каждого подданного — зернышко в мешочек. Это довольно удобный метод, но, к сожалению, для зебр и гну он не подходит. При помощи такой «переписи», которая была

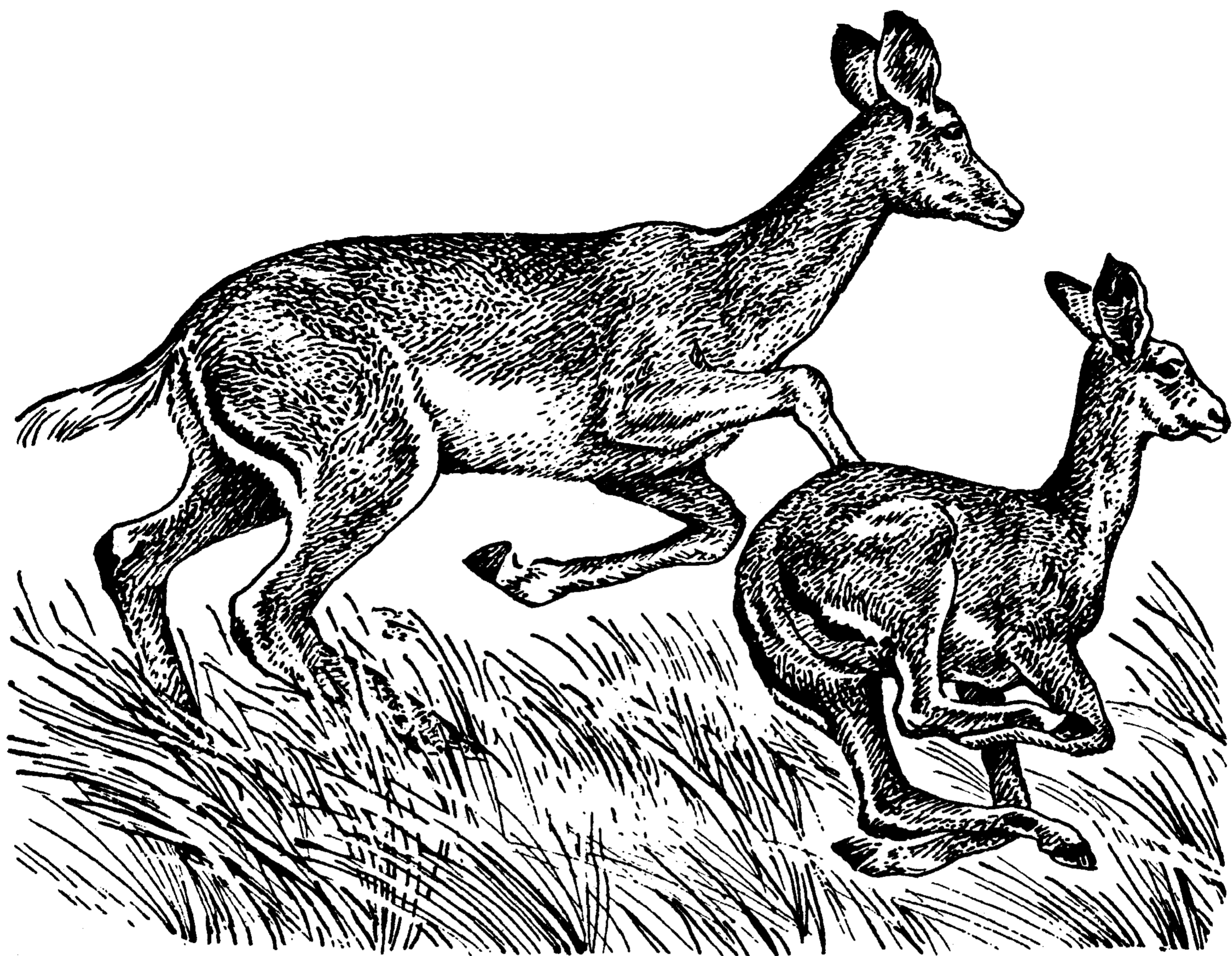
уже, безусловно, более точной, чем прежние приблизительные оценки, новая администрация выявила уже 5 миллионов африканцев. Их число возрастает ежегодно на два процента.

Части выселенных и экспроприированных немецких поселенцев в 1925 году разрешено было вернуться. Третья империя щедро снабжала их денежными ссудами и займами, так что к 1939 году, когда разразилась Вторая мировая война, в Танганьике уже жили 3205 немцев, владевших 558 фермами; британцев там было ненамного больше — всего 4054 с 499 фермами; из других европейцев там жили еще 893 грека.

Последняя перепись населения показала, что здесь живут 8,6 миллиона африканцев (следовательно, их число за последние 50 лет утроилось), 72 тысячи индийцев, 20 600 европейцев и 19 тысяч арабов. Индийцев в большинстве случаев завезли сюда в качестве кули и вообще дешевой рабочей силы, в частности для постройки дорог. В самых отдаленных местах, где бы не выдержал ни один европеец, они пооткрывали маленькие лавчонки. Большинство индийцев живет сейчас вполне зажиточно. Торговля в основном в их руках.

Один из самых любезных среди них — британский таможенник в Аруше, который каждый раз проверяет наши документы и пожитки. Он неподкупен и корректен и при этом услужлив и добросердечен. Михаэлю и мне за всю нашу жизнь не слишком часто приходилось встречаться с индийцами, так что этот таможенник, безусловно, способствовал тому, что мы теперь всех индийцев представляем себе симпатичными. Каждый человек на чужбине своим поведением может сделать для своей страны либо много хорошего, либо причинить ей немалый вред.

Глава пятая

МЫ СЧИТАЕМ ЖИВОТНЫХ

Каждое утро я теперь бегаю наперегонки с 3 тысячами желто-черно-белых газелей Томсона.

На радиаторе нашего полосатого вездехода сверху укреплена запасная шина. Туда, в середину, я заталкиваю подушку, сажусь на нее и упираюсь ногами в запасные канистры с водой, укрепленные спереди машины, рядом с фарами. Так я сижу крепко, и при резких поворотах или остановках меня не так-то легко сбросить. Наш водитель Мгабо ездит быстро и лихо, однако при этом никогда не попадает в ямы и не допускает, чтобы какая-нибудь колючая ветка полоснула меня по лицу.

Сижу я в одних трусах. Я давно уже не боюсь экваториального солнца, и в Африке зачастую не ношу даже шляпы. Горячий ветер обдаёт мое тело, я прямо чувствую его волны.

Несколько газелей перестают пастись и мчатся наперегонки с нами. Это заражает других. И вот уже сотни, даже тысячи хотят принять участие в этих гонках; похоже, что состязание доставляет им какое-то удовольствие. Их предельная скорость — 56 километров в час. Если не слишком гнать машину,

то они стараются непременно перед самым ее носом перескочить на другую сторону. А стройные большие антилопы импала прямо-таки принципиально считают своим долгом пересечь нам дорогу и при этом подскакивают в воздух сразу всеми четырьмя ногами.

Таким образом, мы ежедневно совершаем двухчасовую поездку от нашего алюминиевого домика до того места, где два механика привинчивают нашей подбитой «Утке» новые «ноги». Бедняги обливаются потом: здесь, в степи, где нет электричества, приходится сотни дырок для шурупов просверливать вручную. Несмотря на то что эти двое уже много лет живут в Африке, им здесь все в диковинку. Это потому, что они жители большого города — Найроби. Каждое утро они с восторгом рассказывают нам, что к самолету совсем близко подходили зебры или что ночью гиены выли прямо возле хижины. Самое большое их желание — увидеть вблизи львов. Это мы можем им устроить: достаточно только отвезти их на машине за два километра отсюда, в степь.

Глиняная сторожка, в которой они спят, в обычное время служит пристанищем для африканских служителей парка во время их обходов. У нее конусообразная соломенная крыша. Два месяца назад двое из этих отважных людей обнаружили перед ее запертой дверью кровавые пятна. Подойдя по следу, они нашли череп какой-то женщины. По-видимому, она была ранена или тяжело больна и искала убежища и защиты в домике. Однако дверь оказалась запертой, и ночью ее разорвали хищные животные. Кто она и откуда, так и не узнали.

Когда мы как-то проезжали вне границ парка в районе Икомы, нас остановил маленький мальчик и попросил о помощи. Мы взяли его в машину, и он указывал нам дорогу. Наконец мы подъехали к просторной хижине. На полу лежал тяжелораненый старик. Он громко стонал. Его родственники подложили под него бычьи шкуры. Хотя тело его и было забинтовано, но кровавая лужа под ним становилась все больше и больше. Он тяжело дышал. Возле его дома стоял африканский фельдшер, который возглавляет что-то вроде маленького госпиталя в этом районе. Он безуспешно старался починить свой пикап. Мы помогли ему поднять домкратом машину, одолжили свой насос, а Мгабо в течение двух часов латал ему шину. Односельчане старика охотно ему «помогали» — они болтали и смеялись, в то время как старик в полутьме хижины хрипел и задыхался. Когда машина была уже наконец на ходу, больной категорически отказался в ней ехать:

«Не надо, дайте мне здесь умереть, в моем доме, среди моих жен!» Мы его понимали.

Старик умер несколько часов спустя на своем ложе из бычьих шкур.

Его близкие рассказали нам, что на него на пашне напал кафрский буйвол и вспорол ему бок. Тут, конечно, что-то не так. По всей вероятности, он браконьерствовал и ранил животное отравленной стрелой; кафрские буйволы ни с того ни с сего не нападают.

Мы знаем кафрских буйволов как достаточно безобидных животных. У нас есть фотографии, где мы сняты прямо посреди стада буйволов. Я считаю, что они ничуть не опаснее наших домашних быков и коров, которые тоже время от времени нападают на людей, ранят их или даже убивают.

Майлс Тернер, лесничий западной половины Серенгети, в прошлом был профессиональным охотником. Я решил у него справиться насчет агрессивности кафрских буйволов. Майлс задумался, подсчитал что-то в уме и ответил:

— Ну, примерно восемьсот или девятьсот буйволов я за свою жизнь уже застрелил.

Подвергался ли он при этом особой опасности?

— Нет. Может быть, только один раз. Буйвол был ранен. Он убегал дважды или трижды, стараясь спрятаться в кустар-

нике. Но мы опять и опять выгоняли его оттуда. Наконец ему это надоело и он перешел в наступление.

Примерно в двух километрах от нашего лагеря, на горах Банаги, рабочие занимались изготовлением «кирпичей»: слепив из глины четырехугольные блоки, они клали их сушить на солнце. К сожалению, выбранная ими для этой цели площадка оказалась местом постоянной стоянки старого буйвола. Тот и не подумал уступить его ради каких-то там кирпичей, погрузил копыта прямо в мягкую, еще не застывшую массу и упрямо встал под дерево, под которым привык дремать в полуденный зной. В национальном парке стрелять нельзя, так что пришлось терпеливо ждать, пока ему надоест там стоять и он уйдет.

Никогда нельзя предвидеть, что придет в голову такому буйволу. Четырнадцать дней назад мы, приземляясь, пролетели очень низко над домом Майлса и при этом побеспокоили стоящего поблизости буйвола. Тарахтящее в воздухе чудовище настолько вывело его из равновесия, что он начал выделять дикие прыжки и в гневе бросился в атаку на... куст.

Между домом лесничего и нашей алюминиевой сторожкой ежедневно проходят куда-то четыре буйвола. Один кажется слепым или почти слепым: он следует всем движениям своего молодого спутника и всегда держит голову возле самого его бока.

Другой старый и подслеповатый буйвол уже два месяца как стал угрозой для велосипедистов, проезжающих по дороге из Банаги в Икому. Он почти ежедневно стоит под деревом примерно в 50 метрах от дороги и, как только появляется велосипедист, припускается за ним. Из-за этого к нашим боям стали гораздо реже приезжать гости из Икомы, а те, которые прорываются, рассказывают такие жуткие истории про этого старого кафрского буйвола, что волосы на голове встают дыбом.

Африканские студенты из Высшего инженерного училища в Кампале обычно на четверть года выезжают на практику в национальный парк королевы Елизаветы, чаще всего на строительство дорог. Один из них ехал в субботу домой и вез на багажнике своего приятеля. По дороге они потревожили спящего буйвола, тот разозлился и погнался за ними. Хотя велосипедист изо всех сил жал на педали, тем не менее буйвол его догнал и уже приготовился боднуть. Но в это время сидящий на багажнике студент со страху нахлобучил ему на глаза свою шляпу. Буйвол опешил, отскочил в сторону и убежал.

Когда в стране начинается чума рогатого скота, случается, что больные кафрские буйволы ведут себя совершенно иначе, чем обычно. Тогда они могут и неожиданно напасть; бывали

даже случаи, когда они бросались на автомашины. Что касается храбрости, то им ее не занимать. Случается, что буйвол поддевает рогами нападающего льва и пробуравливает хищника насквозь. Растерзанного льва потом при случае могут съесть крокодилы.

Как-то маленькое стадо кафрских буйволов вступило в драку с двумя львами, которые только что убили двух гну и собирались ими позавтракать. Буйволы отогнали львов от добычи и не подпускали их к ней в течение часа; за это время грифы ухитрились почти ничего от нее не оставить.

У кафрских буйволов есть общая черта со слонами: они не оставляют раненых собратьев в беде. Они толкают их мордами, понуждая встать. В отличие от носорогов, бегемотов и жирафов, которых уложить относительно легко, буйволы довольно стойко борются за свою жизнь. Если в них не очень удачно попали, они могут еще долго бегать, прячась где-нибудь в зарослях, и напасть на преследующего их охотника. В этом-то некоторые люди и видят особое «коварство» и «злобность» кафрских буйволов...

Долго провисела наша «крылатая зебра» на блоке под тренажером из ошкуренных деревьев. Но вот она опять обрела собственные крепкие «ноги», на которых может мчаться по степи, чтобы затем подняться в небо. Все остальные повреждения тоже исправлены. Мы предлагаем обоим механикам участвовать в нашем пробном полете. В конце концов, ведь это они снова поставили нашу «зебру» на ноги и кому, как не им, лучше знать, можно ли ей довериться. Но они вежливо отказываются. Ведь один из них поклялся никогда больше не садиться в самолет, а второй тоже предпочитает остаться на земле и поехать на автомобиле. Подойдя к машине, я замечаю, что Михаэль не привинтил сиденье для второго пилота. Неужели он намеревается лететь один? Я спрашиваю его об этом. Он отвечает:

— Если что-нибудь случится, хотя бы один из нас должен остаться в живых, иначе мы все затеяли напрасно.

Я вскипаю, между нами начинается своего рода поединок. Михаэль осмеливается еще и дерзить:

— Ты ведь знаешь, что только пилот имеет право решать, брать ли с собой пассажиров или нет.

Ну это уж слишком! Я взбешен. Обычно это случается с отцами, когда сыновья пытаются ими командовать. Но кругом

стоят посторонние люди, и я не хочу, чтобы они что-нибудь заметили.

Зато когда Михаэль в своих шортах цвета хаки наклоняется, чтобы поднять и поставить в самолет канистры с водой, я размахиваюсь и изо всех сил отвешиваю ему шлепок по соответствующему месту. Эта неделикатная привычка отвешивать друг другу шлепки, причем в самый неожиданный момент и в самом неподходящем месте, укоренилась у нас с давних пор. Тщетно наши жены старались нас от этого отучить. Со временем я развил очень сильный и ощутительный удар. На этот раз шлепок мне показался особенно удачным. Во всяком случае, рука моя прямо-таки горит. Михаэль же, как всегда, делает вид, словно он ничего не почувствовал. Ни о чем не догадывающиеся гости часто страшно пугаются, когда нечто подобное случается между нами посреди, казалось бы, совершенно мирной беседы. Они не знают, что в такие минуты мы особенно хорошо понимаем друг друга.

Так и сейчас. Сопротивление сломлено. Мы ввинчиваем второе сиденье для пилота и медленно катим по степи, чтобы найти ровную взлетную площадку, затем даем газ; слышится знакомое урчание, и мы оставляем наших друзей далеко внизу, на земле.

Все идет отлично. Так бывает всегда, если ждешь какой-нибудь неприятности. Настоящие же удары судьбы обрушиваются на нас неожиданно, как гром с ясного неба.

Вчера рано утром мы связались по нашей полевой радиации с полковником Моллом, директором национального парка, проживающим в Аруше, и попросили его отрядить сюда из Найроби маленький самолетик из тех, что берутся напрокат. Он должен доставить домой обоим механиков с их инструментами. Тот, кто не хотел больше летать, на этот раз скрепя сердце все же согласился.

Такие переговоры через парковый радиопередатчик — дело отнюдь не простое. Наши сотрудники во Франкфурте всегда удивляются, что мы им телеграфируем только по-английски. А вы попробуйте через хрипящее радио, которое все время трещит, визжит и грохочет, передавать по буквам немецкие слова, о значении которых принимающий даже не догадывается. Однажды директор парка сам взял на себя труд передать нам по буквам текст полученной немецкой телеграммы. Она содержала больше 100 слов, и передача заняла почти два часа. И все же нам с Михаэлем после этого пришлось просидеть

еще целый вечер и под вой гиен разбираться в этом словесном винегрете.

На этот раз нам передали, что одно место будет занято дамой. Это нас страшно возмутило. Значит, пилот нанятого нами самолета собирается притащить с собой жену или какую-нибудь приятельницу! В конце концов, ведь мы оплачиваем машину и имеем право использовать все места.

Но наш гнев оказался напрасным. Из маленького самолетика «Цессна» вылез один только пилот, правда женского пола.

Выздоровление нашей «зебры» решено было обмыть. Мы приглашаем в гости всех лесничих с их женами и в темноте перед нашим алюминиевым домиком устраиваем настоящий глинтвейн с «огненными языками». Михаэлю велят встать на колени. Гордон Харвей ударяет его по плечу плоской стороной масайского меча и преподносит ему маленькую полосатую лошадку с двумя крыльями.

Госпожа Харвей вырезала этого Пегаса из жести, разрисовала и приложила к нему грамоту:

*«КРЫЛЬЯ СЕРЕНГЕТИ,
КОТОРЫМИ НАГРАЖДАЕТСЯ
МИХАЭЛЬ ГРЖИМЕК.*

От служащих восточного и западного Серенгети и их жен за его заслуги в области низких полетов и в знак признательности за высокий полет его души, его бережное отношение к жизни людей и животных, за его готовность каждого отвезти в любое время в любое место, за то, что он улыбается, когда мы злимся, за то, что он никогда не жалуется, а прежде всего за все его неоценимые заслуги в деле охраны диких животных».

Вечер грозит стать слишком уж торжественным; у Конни Пульман уже слезы навертываются на глаза. Тогда я, чтобы спасти наш веселый праздник, добавляю Михаэлю еще один «рыцарский удар», но уже сзади, когда он склоняется в поклоне.

Глинтвейн получился очень крепким и ударил всем в голову. «Пушечный выстрел», который раздается внезапно по металлической крыше, чуть не опрокидывает всех на пол. Это Герман решил нас напугать. Михаэля ловят, вяжут и опоясывают желтым нейлоновым ошейником. Такими ошейниками мы метим зебр. Забыв о том, что воду здесь надо беречь, гости начинают поливать друг друга, и вскоре все промокают до

нитки. Во время фейерверка Михаэль обжигает себе руку. Когда наконец Пульманы с двумя механиками отъезжают, Герман незаметно ставит на крышу их джипа, прямо против верхнего выходного люка, таз с водой. Во время езды вода постепенно выплескивается, заливая пассажиров, но те в пьяном благодушии воображают, что идет дождь.

На другой день Конни сказала мне с восторгом: «It was a wonderful party, like Christmas Eve!» (Какая была чудесная вечеринка, прямо как на Рождество!)

Сначала меня такое заявление несколько озадачило, но потом я вспомнил о нашем рождественском вечере в Джубе и о том, что англичане справляют Рождество несколько своеобразно.

Какая красота иметь собственный домик вот так, прямо посреди степи! Даже если он только из алюминия. Иной раз в Европе, когда в пасмурный зимний день спешишь на работу или когда нам до чертиков надоедят наши европейские собратья, мы вспоминаем с тихой грустью бескрайние зеленые волны Серенгети и нашу вторую родину на Африканском континенте, наш серый алюминиевый домишко в окружении львов и зебр. Он столь мал, что с воздуха его не так-то легко найти. Для этого нужно все время лететь вдоль берегов реки Серонеры, пока не наткнешься на гору Банаги. И тут уж вы его обязательно увидите в просвете между редкими деревьями.

Пола в нашем домике нет: листы алюминия свинчены шурупами, и все это сооружение, словно опрокинутая крышка коробки от торта, поставлено прямо на голую землю. А это значит, что можно не подметать! Пол покрыт слоем тончайшей, чуть красноватой пыли. Поэтому перед сном лучше не разглядывать собственные пятки, особенно тогда, когда с водой туговато. Да и в голове чесать не рекомендуется: ногти сразу же приобретают траурную каемку. Мы с Михаэлем часто задаем себе вопрос, что сказали бы наши жены, если бы увидели все это.

По ночам в комнате прохладно, а в полдень становится ужасно жарко, но мы ведь днем никогда не бываем дома. Наши бои там тоже не сидят; они готовят в открытом сарайчике из рифленой жести, стоящем в нескольких метрах от дома.

Однажды ночью наш «бушбеби» ускакал через открытую дверь наружу. Я думаю, что у него не было намерения нас покинуть, но кто знает, что вдруг может приключиться с таким маленьким существом. Тут ведь и змеи водятся. Мы слышим,

как он скачет снаружи вдоль стены, намереваясь, видимо, проникнуть через одно из окон назад в дом. Но окна зарешечены. Тогда мы берем два больших фонаря и идем его ловить. Но этот маленький чертенок решил поиграть с нами в «кошки-мышки». Он обнаружил рядом с домом дерево и вмиг забрался на самую верхушку. Сидя в пяти метрах над крышей, он смотрит на нас. В луче карманного фонаря его прекрасно видно, ведь в это время года на дереве нет ни единого листочка. Мы зовем, осторожно швыряем камешками, но беглец не трогается с места. Тогда я сажаю Михаэля себе на плечи, он влезает на крышу и длинной палкой ударяет по суку, на котором сидит «бушбеби». Раздается мягкий шлепок — зверек падает на крышу. Такому прекрасному прыгуну это, слава богу, никакого вреда не причинило.

Не так-то просто прокормить этого пассажира, проделавшего вместе с нами 10 тысяч километров — из моего рабочего кабинета во Франкфурте до степного домика в Серенгети. Поскольку мучных червей в Серенгети не купишь, мы вынуждены для нашего маленького питомца ловить кузнечиков. А это гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Этих кузнечиков чрезвычайно трудно отличить от кусочков засохшей травы. Обнаружить их можно, только когда они скачут. Но даже если вы уже уверены, что накрыли одного из них шляпой, одеялом или просто рукой, всегда оказывается, что он успел в последний момент удрать.

Постепенно нам удалось освоить два способа охоты на кузнечиков. Либо надо точно заметить, куда он прыгнул, и медленно, сантиметр за сантиметром, приближаться к тому месту, пока рука не окажется прямо над ним (таких медленных движений кузнечики, по-видимому, не могут заметить), либо надо брать этого попрыгунчика измором — идти за ним следом, пока он не сделает подряд 40, 50, 60 прыжков и наконец устанет. Нашим боям поручено ежедневно ловить дуду, как здесь зовут кузнечиков, и складывать в стеклянную банку из-под конфитюра, чтобы мы вечером могли увидеть, сколько штук им удалось поймать. Кроме того, наш «бушбеби» не отказывается и от сухого печенья с сыром и любит совать свой нос в банки с вареньем.

В нашей хижине зверьку живется привольно и вольготно, потому что вдоль стены мы нагородили, один на другой, пустые ящики открытой стороной наружу. Они служат нам полками. Туда мы складываем запасы своих продуктов. На одну полку — пакетики с сухими супами, на другую — овощные консервы,

на третью — мясные консервы и грозди свежих бананов, которые должны еще дозреть; потом идет полка с капустой, апельсинами и яблоками. У нас ведь свой самолет, и через каждые два дня мы можем подвозить свежие продукты из Найроби или Аруши.

Кроме того, у нас есть «сверхмодный» холодильник, разумеется не электрический, а керосиновый. Так что мы можем делать здесь самое настоящее мороженое, правда, для этого нам приходится каждый раз переводить нашему старательному повару африканцу Дезузе способ приготовления, написанный на банке: он ведь не знает английского языка.

Симпатичный человек этот повар — интеллигентный и способный. Мы еще ни разу не видели, чтобы он медленно расхаживал, вечно бежит рысцой.

— Бвана мкубва¹ ест черный хлеб, чтобы не пополнеть. Я тоже не хочу стать толстым, оттого и бегаю — так он объясняет свою вечную спешку.

«Бвана мкубва» на суахили означает «большой господин». Так повар величает только меня. Михаэля и временных наших жильцов и помощников он и все африканские слуги зовут просто по имени.

Но между прочим, «бвана мкубва» — титул, по-видимому, не особенно высокий: я слышал, как африканцы при случае так обращались и друг к другу.

Когда наш холодильник перестает как следует работать, его нужно выключить, оттаять и — о чем, наверное, не слышала ни одна домашняя хозяйка — поставить вверх ногами. В таком перевернутом положении он должен простоять целый день. Но однажды и это не помогло.

Мы заметили, что и керосиновые фонари, изготовленные в ФРГ, которыми, между прочим, пользуется половина Африки, тоже что-то стали плохо светить. Ведь обычно у них яркий свет; раньше их вешали над торговыми рядами на ярмарках. Такая лампа обходится довольно дорого, но для долгих темных вечеров в Африке она совершенно незаменима.

Когда погасли последние тусклые язычки пламени, Михаэль снял фитили и вставил новые. Но тщетно он старался подливать спирт для предварительного обогрева горелки — все старания были напрасными: лампы не горели.

---

¹ Б в а н а м к у б в а (bwana mkubwa — суахили) — господин, руководитель, высокопоставленное лицо.

Потом мы все-таки докопались до причины. Все объяснилось очень просто: новый продавец из индийского магазина в Икоме продал нам вместо керосина целую канистру средства для уничтожения насекомых. На этом деле он явно здорово проторговался, но мы удивлялись, как эта пакость вообще могла гореть, и были рады, что он нам не всучил вместо нее бензин. Здесь ведь все наливают в одинаковые канистры. Несколько месяцев назад в Кении кто-то не то по недосмотру, не то по глупости налил в керосиновые лампы бензин и при взрыве сгорел.

На «ящичных» полках вдоль стен лежат и наши книжки, фото- и киноаппараты, пишущие машинки, веревки, инструменты. Это напоминает индийскую лавку в Африке.

«Бушбеби» может прыгать и скакать сколько ему влезет по всем полкам, а также по тем вещам, которые мы подвешиваем за крючки к потолку, чтобы они не валялись повсюду.

Когда мы сидим за столом, он прыгает по нашим головам и забирает себе с тарелок все, что ему понравится. Вечером его нужно сажать в закрытый ящик, иначе он будет всю ночь возиться, карабкаясь по москитным сеткам. Но поймать его не так-то просто. Например, ящик с медикаментами и термометрами он считает своей штаб-квартирой. Если попытаться его там схватить, он сейчас же укусит за палец. Поэтому я должен дожидаться момента, когда этот маленький бесенок захочет со мной поиграть. Тогда он нападает на одну из моих рук, становится на задние лапки, широко растопыривает передние, ругается и дерется со всеми моими пятью пальцами. При таких обстоятельствах его можно незаметно пересадить в его домик, и он на это не обидится.

Я боюсь, что теперь ко мне опять начнут поступать письма от многих людей с просьбой привезти им такого «бушбеби». Поэтому я считаю своим долгом открыть и теневую сторону содержания такой забавной игрушки. Дело в том, что у этих животных есть неприятная привычка опрыскивать мочой собственные лапы, растирать ее по шерсти, а потом прямо этими же мокрыми лапами лезть кому-нибудь в лицо. Кроме того, все стены и мебель пропитываются резким запахом, и, если в комнате невозможно держать окна открытыми, начинает дурно пахнуть.

Несколько раньше я говорил о реке Серонере. Надо сказать, что она оживает только в сезон дождей; в это время действительно иногда приходится по нескольку дней пережидать, пока

появится возможность пересечь этот бурный поток на машине. В сухое же время года, то есть с июня по октябрь, это лишь высохшее русло, в котором только кое-где остаются бочажки с водой. Туда-то и приходят на водопой все животные, а семьи персонала, живущие в хижинах вокруг тернеровского дома, стирают в них белье, черпают из них воду для домашних нужд и ежедневно моются в них с мылом с головы до ног. Можно себе легко представить, как выглядит и пахнет эта непроточная вода.

Мы привозим эту жидкость в больших железных бочках на машине, и бои стирают в ней наше белье. В этом кроется причина, почему в африканских тропиках лучше носить желтую одежду или цвета хаки. Наше нижнее белье, по идее белое, с каждой стиркой все больше желтеет. Когда мы его «чистым» привозим с собой во Франкфурт, наши супруги брезгливо берут его двумя пальцами и бросают в грязное белье.

Как следует отстирать тут что-нибудь можно только дождевой водой, а ее очень мало. В Банаги и Серонере эту воду во время дождей по специальным трубам отводят с крыш в подземные зацементированные резервуары. Туда же по зацементированным канальцам стекает вода с ближайших холмов. Эти резервуары запираются на замки и засовы. Нам оттуда выдается только одна бочка воды в неделю для готовки пищи и для чистки зубов. Из предосторожности мы ее пропускаем еще и через бактериальный фильтр. Но как-то я застал поваренка Ямбуна набирающим воду не через фильтр — так, дескать, «быстрее».

Над этим Ямбуной нам приходится то плакать, то смеяться. То он стоит возле кипящих яиц и глубокомысленно глядит на песочные часы, забыв их предварительно перевернуть; то в воде из-под яиц он заваривает чай, приобретающий подозрительно синевато-зеленоватый оттенок. Так как он боится львов, мы каждый вечер вынуждены отвозить его на машине до домиков, где спят другие слуги. Вечно мы его пичкаем пилюлями, потому что он подвержен приступам малярии. Нам давно бы следовало с ним расстаться, да уж очень мы к нему привязались.

Все бои любят таскать сахар, да и спички тоже исчезают с поразительной быстротой. Наш повар смеясь рассказывал нам, как его отучила от этой скверной привычки прежняя хозяйка, у которой он мальчишкой обучался готовить. Несмотря на то что его ни разу не поймали на месте преступления, она все же в конце месяца вычла из его жалованья деньги за один фунт сахара.

«Откуда она знает?» — недоумевал он.

А объяснялось все очень просто: его хозяйка ежедневно сажала в сахарницу живую муху. Часа через два муха исчезала — значит, Дезуза опять открывал крышку сахарницы!

Однажды вечером мы сидели при свете фонаря за столом перед нашим домиком. Внезапно до нас донесся стук копыт и не успели мы вскочить, как в лагерь ворвался взрослый гну и остановился как вкопанный, не добежав двух метров до нашего стола. Мы, разумеется, вскочили и заорали, а животное вытаращило на нас глаза, потом повернулось и убежало прочь. Не успели мы сесть, как опять послышался топот и гну вторично вынырнул из темноты. На этот раз странное животное не добежало до стола только полметра. Мы замахнулись на него своими куртками, и оно снова исчезло в темноте. С нас довольно. Мы выносим из дома ракетницу и ждем его возвращения. Гну не заставляет себя долго ждать. На этот раз топот приближается с невероятной быстротой, нагоняя на нас непонятный ужас. «Гну-призрак» появляется в третий раз, но теперь опрокидывает стулья, чудом не сворачивает стол, проносится мимо нас и с громким плеском прыгает в бочажок позади дома. Нам так и не удалось узнать, какой бес вселился в этого гну.

Наконец лесничие парка застрахованы в Лондоне в качестве пассажиров самолета; теперь нам с Михаэлем можно приниматься за перепись четвероногого населения Серенгети. Для этой цели мы поделили наше огромное «государство» на 32 района, каждый из которых обследуется отдельно. Это дело отнюдь не простое, потому что у нас нет настоящей карты местности, мы располагаем лишь схемой, на которой большинство рек и холмов даже не обозначено. Расстояния тоже не совпадают. Поэтому нам приходится запоминать границы каждого района либо по какой-нибудь особенной скале, либо по высохшему речному руслу, либо по какому-нибудь вулкану, маячащему на горизонте. А там, где и это не удастся, мы сбрасываем бумажный пакет с известкой — пакет лопается, и получается белая метка.

Михаэль все время за пилота. Ему надо чертовски внимательно следить, чтобы оставаться точно над выбранным рай-

оном и, не отклоняясь от курса, летать все время туда и обратно, отмеривая равные полосы.

Мы летаем по компасу точно с востока на запад и обратно; при здешнем постоянном восточном ветре он для нас всегда либо попутный, либо лобовой, так что нас не заносит вбок. Как правило, мы летим на высоте 60—100 метров. С такой высоты хорошо просматриваются 500 метров территории с каждой стороны, легко различить животных и даже выделить молодняк. Обычно кроме Михаэля в самолете сидят еще два «счетчика», одним из которых неизменно бываю я. Мы оба смотрим в одну сторону, чтобы затем сравнить, что у каждого получилось. Это необходимая страховка от ошибочных подсчетов. Каждый из нас держит на коленях разграфленный листок, в котором указано 20 наиболее важных видов животных.

Когда под нами пусто или время от времени пробегают лишь одинокая гиена или группа страусов, мы летим со скоростью 220 километров в час. Если же внизу животных много, Михаэль выпускает закрылки и мы замедляем свой полет до 50 километров в час. Однако в здешнем горном воздухе часами этак не полетаешь: может перегреться мотор. Каждый из наших «счетчиков» должен научиться с высоты правильно определять полосу шириной 500 метров. Для этого мы в Банаги отметили равные отрезки территории побеленными известью камнями и для начала совершили с дюжину пробных полетов вместе с нашими помощниками, чтобы они научились определять нужное расстояние. В конце каждой полосы следует крутой вираж, а это у непривычных людей часто отражается на желудке.

Благодаря хорошей видимости Михаэль сразу же может замедлять полет, как только впереди показываются какие-нибудь животные. Так километр за километром мы и «прочесываем» степь Серенгети и высокогорье с исполинскими кратерами.

В районы, где ведется подсчет, мы прилетаем из Банаги, а вечером возвращаемся домой. Можно себе представить, какие огромные расстояния нам приходится покрывать и сколько безумно дорогого бензина расходовать. Бензин нам привозят из-за океана. Его переправляют по железной дороге через всю Танганьiku к озеру Виктория, затем снова погружают на пароход, а уж после этого на грузовиках (когда дороги проходимы) развозят по нашим опорным пунктам. С каждым километром стоимость его повышается, и чаще всего канистры и бочки прибывают наполненными лишь до половины... Вот так вместе с этим бензином и улетучивается все наше состояние...

Интересно, что думают степные животные о такой грохочущей в воздухе «зебре»? Одиночно пасущиеся антилопы конгони, гну, топи и зебры почти не обращают на нее внимания. Однажды мы не смогли приземлиться лишь потому, что один самец томми не соблаговолил встать и уйти. Небольшие же группы животных, состоящие из 5—15 зебр или гну, наоборот, как правило, при появлении нашей машины отбегают в сторону, но не дальше чем на 100 метров. Часто они спешат пересечь нам дорогу, так же как они это делают с автомобилями.

Большие стада, состоящие более чем из 50 животных, убегают значительно дальше, подчас за многие сотни метров, потом останавливаются и глядят нам вслед. Отсюда, сверху, нам прекрасно удалось проследить, отчего это происходит: отдельные особенно пугливые животные внезапно бросаются бежать, увлекая за собой все остальное стадо. Чем больше гну пасется вместе, тем больше вероятность, что среди них найдется одно или несколько животных с особо чувствительными нервами,— потому-то большие стада чаще удирают, чем маленькие группы или отдельно пасущиеся животные.

Газели обычно сохраняют полное спокойствие; убегают они только тогда, когда мы спускаемся совсем низко, на высоту 20—10 метров от земли, причем делают они это очень своеобразно, совсем не так, как большие гну и зебры. Эти малютки стремительно разлетаются в разные стороны и, петляя зигзагами, удирают. Наверно, такой способ помогает сбить с толку нападающего на них орла.

Даже тогда, когда мы выключаем мотор и спускаемся в планирующем полете, зебры все равно нас замечают уже на высоте 50 метров. Жирафы, стоящие под деревьями, никак не реагируют на самолет; к ним вообще можно подлетать совсем близко: в лучшем случае они отбегут метров на 50, не больше. Точно так же обстоит дело и со страусами. Чаще всего они распускают хвост и крылья и начинают танцевать воинственный танец — наверное, хотят нагнать страху на врага. Павианы же спасаются на ближайших деревьях.

Труднее всего подсчитать огромное стадо гну, этак в 5 тысяч голов, потому что при снижении самолета они начинают беспорядочно бегать в разные стороны и в такой момент действительно напоминают растревоженный муравейник. Заметив издали такое скопление, мы сейчас же резко набираем высоту. Ведь наша прекрасная «Утка» способна подниматься кверху почти так же круто, как лифт. Там, наверху, мы уже совершенно спокойно кружим над стадом и прикидываем пример-

ную его численность. Заодно устанавливаем, куда оно направляется, чтобы не посчитать его вторично в другом районе.

Часто мы находимся в воздухе три часа подряд. Это не так-то просто — непрерывно обшаривать глазами землю, боясь что-нибудь пропустить, да при этом еще подсчитывать в уме и запоминать, чтобы в удобный момент быстро занести в блокнот. Перерывов нам делать нельзя, потому что с тремя или четырьмя пассажирами на борту мы не хотим приземляться и взлетать в непригодных для этого местах.

Вскоре я замечаю, что мы уже даже во сне начинаем бормотать цифры. Однажды вечером мне показалось, что у меня от вечного гула что-то случилось с ушами: в них что-то свистело, гудело и жужжало. Но когда я приподнял подушку, то обнаружил под ней малюсенький транзистор, который потихоньку подложил мне Михаэль. Его дала нам с собой одна фирма, чтобы мы его опробовали в Африке. Он очень чувствителен, однако здесь почему-то принимает только шорохи, помехи и завывания.

В ту ночь мне приснилось, будто мы с Михаэлем летим над Брюсселем, откуда мы прежде часто отправлялись в Бельгийское Конго. Внезапно глохнет мотор. Пытаясь элегантно приземлиться на узкой улочке, мы повисаем на крыльях между двух проводов. Одно крыло при этом ломается. Наши пассажиры (я даже не знаю, кто они такие) выбираются наружу, и один из них говорит: «Никогда больше не соглашусь летать на этом драндулете!» Мы выгружаем свой скарб, и вдруг из одного ящика выползает габунская гадюка и кусает меня. Михаэль бежит в ближайшую аптеку. «Змеиной сыворотки у нас нет, — говорит ее владелец, — но я сейчас же выпишу ее из Парижа...»

Сыну в ту ночь тоже снился самолет. Как будто Михаэль на нашей новой машине въезжает в какой-то ангар, ворота которого недостаточно широко открыты. Оба крыла обламываются, и он остается сидеть в этом обручке.

Таким образом, мы летаем не только с утра до вечера, но еще и ночью... в кровати.

Грифы и другие хищные птицы, сидящие на земле возле какой-нибудь падали, завидя нас, обычно не трогаются с места. Зато к летящим птицам мы сами должны относиться с величайшей осторожностью. Аисты и хищные пернатые всегда только в самый последний момент уступают дорогу самолету. До них, видимо, не доходит, с какой бешеной быстротой летит такая металлическая птица.

Поскольку мы, «счетчики», должны все время смотреть на землю, Михаэлю одному приходится следить за тем, чтобы не столкнуться с птицами. Он держится от них подальше, так как мы знаем, что столкновение даже с небольшой птицей означает нашу неминуемую гибель. Господин Реппле, наш летный инструктор, однажды чуть не разбился, потому что дикая утка со всего размаха врезалась в крыло его самолета, пробила в нем глубокое отверстие и так там и осталась.

Если сарычи и грифы парят где-то в стороне от нашей воздушной трассы, они не проявляют ни малейшего страха, а лишь очень внимательно наблюдают за самолетом. Это объясняется тем, что в воздухе у них, по-видимому, нет врагов. Поскольку мы всегда их быстро обгоняем, мне часто кажется, что они летят задом наперед.

Бегущие по степи большие кафрские дрофы при нашем внезапном появлении обычно прижимаются к земле и сильно вытягивают вперед шею. При этом они голову поворачивают так, чтобы одним глазом наблюдать за самолетом. В такой странной позе эти птицы обычно отбегают куда-нибудь в сторону и только очень редко поднимаются на крыло. И наши европейские аисты, которые как раз в это время здесь зимуют, и красивые венценосные журавли отлетают в сторону от нашего самолета не больше чем на 20 метров даже в тех случаях, когда мы держимся на высоте всего лишь 40 метров.

Хотя я почти всегда сидел слева, а остальные «счетчики» сменяли друг друга справа, итоговые цифры показали, что с правой стороны животных оказывалось примерно столько же, сколько с левой. До нашей «переписи» все время считалось, что в Серенгети живет еще более миллиона крупных животных.

Нам же во время наших многочисленных полетов удалось подсчитать:

газелей (Gazella thomsonii thomsonii u Gazella granti robertsi) — 194 654

гну (Connochaetus taurinus albojubatlis) — 99 481

зебр (Equus burchellü boehmi) — 57 199

антилон топи (Dümaliscus korrigit eurus) — 5172

антилон канн (Taurotragus oрых pattersonianus) — 2452

импала (Aерусерос melampus melampus) — 1717

кафрских буйволов (Syncerus caffer aequinoctialis) — 1813

конгони (Alcelaphus buselaphus cokii) — 1285

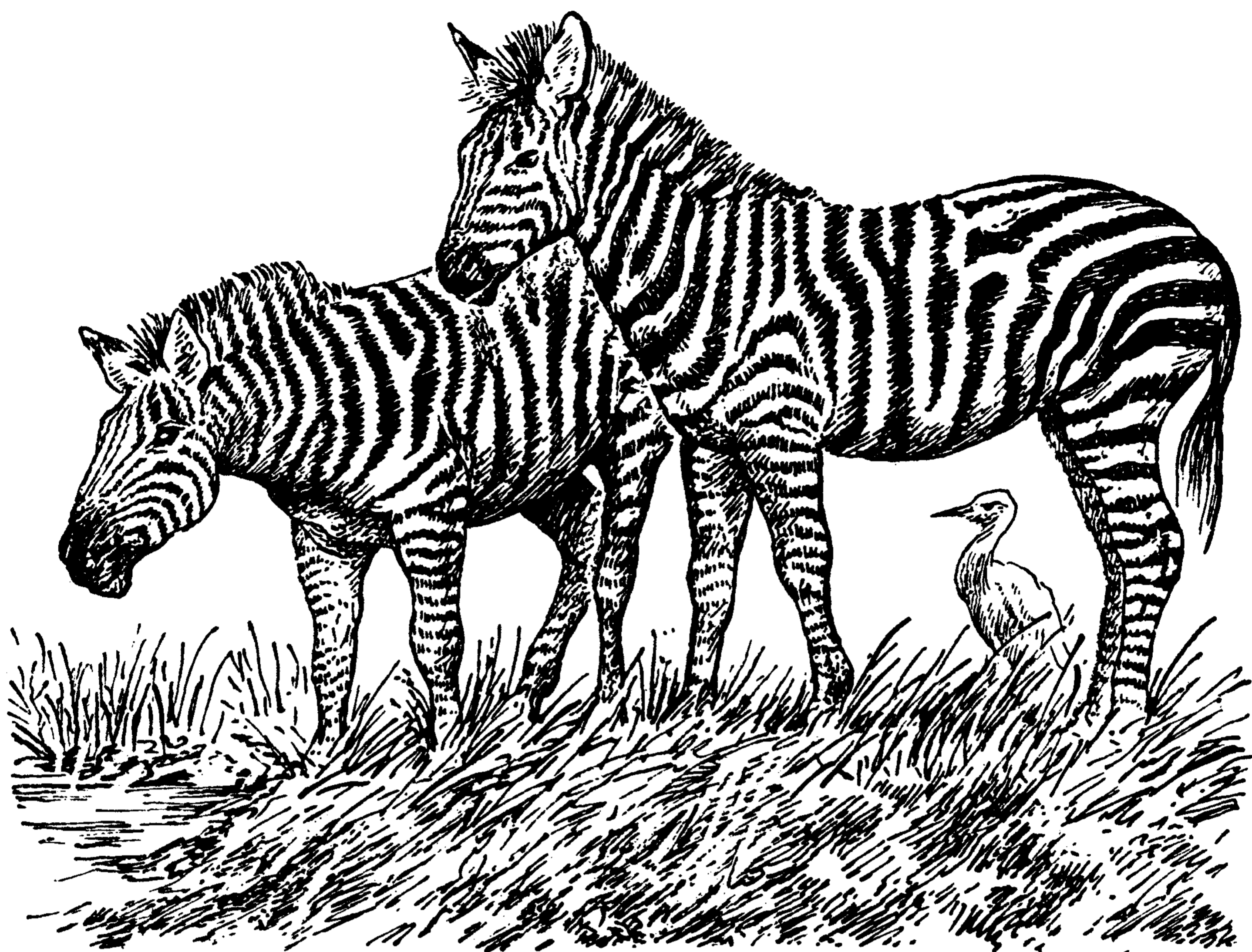
жирафов (Giraffa camelopardalis tippelskirchii) — 837

водяных козлов (Kobus defassa raineyi) — 284

аистов (Ciconia ciconia) — 178
антилон бейза (Oryx beisa callotis) — 115
слонов (Loxodonta africana) — 60
лошадиных антилон (Hippotragus equinus langheldii) — 57
носорогов (Diceros bicornis bicornis) — 55
страусов (Struthio camelus massaicus) — 1621

Следовательно, в общей сложности в национальном парке Серенгети обитает 366 980 крупных животных. Возможно, их и больше на какой-нибудь десяток тысяч: может быть, мы кого-нибудь и пропустили. Но все равно это составляет только треть того, что предполагали. Однако и приведенные цифры показывают, что животных здесь огромное множество. Но смогут ли они и дальше здесь существовать? Хватит ли корма в долинах, горах и кустарниковых степях парка для того, чтобы сохранились эти последние гигантские стада? Мы уже и сейчас не раз встречали стада гну за пределами парка. А теперь его еще собираются урезать и передвинуть границы. И ведь никто не в состоянии проследить за путями кочевок целых армий гну и газелей, никто не ездил за ними вслед, никто не знает, куда топают эти сотни тысяч копыт. Мы полны беспокойных предчувствий.

Глава шестая

КАК ПОКРАСИТЬ ЗЕБРУ В ЖЕЛТЫЙ ЦВЕТ?

Сегодня нам предстоят серьезные дела. Но прежде всего я вспоминаю за завтраком, что у нас нынче «пилюльный день». Поскольку на этот раз мы прибыли в Африку в четверг, значит, каждый четверг должны проглатывать по две пилюли резохина. Герман полагается на свой настенный календарь, в котором он каждое утро вычеркивает по одному дню, и утверждает, что еще только среда. Он спорит со мной на бутылку джина и, разумеется, проигрывает ее, так как упускает из виду, что у меня на руке швейцарские часы, показывающие не только число, но и день недели и какая сегодня луна. Во время экспедиции все это зачастую важнее знать, чем время суток.

Резохин горький, как желчь, но ничего не поделаешь — глотать надо. Один из двух механиков, которые недавно чинили наш самолет, год назад внезапно слег. Ему пришлось пять недель проваляться в больнице с тяжелейшей малярией. Живя постоянно в городе Найроби, где малярия практически ликвидирована, он и не подумал принять профилактические таблетки, когда вылетел к озеру Виктория, где надо было поменять пропеллер у самолета, потерпевшего аварию. Во время наших

первых поездок в Африку Михаэлю и мне приходилось принимать еще атебрин, от которого все тело постепенно становилось желтым.

— Ямбо, бвана.— Четырнадцатилетний мальчик, появившийся в дверях, хочет продать нам четыре яйца. Мы вежливо отказываемся, так как предпочитаем привозить свежие яйца самолетом из Найроби. Тогда юноша объясняет, что он хочет нам п о д а р и т ь эти яйца. Ну, разумеется, нам не хочется оставаться в долгу, и мы тоже делаем ему подарок, намного превышающий стоимость яиц. Яйца, как выяснилось потом, все оказались тухлыми.

Между прочим, сегодня мы отправляемся ловить зебр. Ведь теперь нам известно, что у нас в Серенгети 367 тысяч подопечных, и среди них 57 тысяч «тигровых лошадок», то есть здесь только наполовину меньше лошадей, чем в конюшнях у всех крестьян Швейцарии, вместе взятых. Теперь нам с Михаэлем хочется узнать, как нашим полосатым лошадам живется здесь, в степи. С самолета нам этого никогда не удастся выяснить. Мне хочется привести один пример. В наших записях за прошлый год 25 января помечено, что большие стада гну ведут себя крайне странно. Дойдя до небольшого обмелевшего ручья шириной не больше 60 сантиметров и, может быть, 20 сантиметров в глубину, они долгое время бегут вдоль берега до какого-то определенного места, где гуськом переходят его вброд. Между тем они могли бы запросто пересечь такой ручеек в любом месте. Более того, когда над ними пролетаешь в бреющем полете и они бросаются бежать, то возле такого ручейка создается толкучка, животные не решаются его перейти, разбегаются в разные стороны вдоль берега, а еще охотнее поворачивают назад. Четыре недели спустя Михаэль приписал на полях: «Ерунда!» Дело в том, что за это время мы успели сходить к этому «ручейку». Оказалось, что на самом деле он достигает в глубину двух метров, а в ширину — шести. Трава, казавшаяся нам сверху совсем обычной, была полуметровой и даже метровой высоты.

Так и с зебрами. Откуда нам знать, то ли самое стадо мы видели вчера у холма Лемута, которое пасется сегодня в 40 километрах от него? Да и те ли самые зебры пасутся в национальном парке в декабре, что паслись здесь в июле?

Теперь мы заняты именно тем, что изыскиваем способ пометить отдельных зебр и целые стада, чтобы их потом можно было узнать. А это не так просто.

Добрых советов мы получаем предостаточно: рыть западни, подсыпать усыпляющие средства в питьевую воду. Но я ведь ветеринар и прекрасно знаю, как долго любая лошадь будет терпеть жажду, прежде чем решится выпить такую подозрительную бурду, и как важно точно знать дозу такого снотворного. Если животное выпьет слишком много, то погибнет, а доза, рассчитанная на зебру, окажется пагубной для других видов животных, которые приходят пить из того же бочажка. Во время сезона дождей водоемов повсюду много, так что неизвестно, куда сыпать, да и в сухое время

пришлось бы развозить усыпляющее средство целыми центнерами.

Но есть в Восточной Африке, а именно в соседней Кении, несколько отличных ловцов зверей. Самого опытного среди них, Кэрра Хартли, я знаю много лет. В последнее время он, правда, уже редко отлавливает животных, потому что сейчас зоопарки сами разводят таких обычных степных животных, как зебры, гну и наиболее часто встречающиеся виды антилоп, и не платят за них тех больших денег, что раньше. Зато он теперь постоянно держит на своей ферме полуприрученных львов, леопардов, гиен, кафрских буйволов и жирафов, чтобы американские и немецкие кинокомпании могли снимать свои приключенческие фильмы без особой затраты времени и лишних хлопот.

Лесничий парка Серенгети Гордон Пульман — сводный брат Кэрра Хартли, он много лет работал вместе с Кэрром. Средний палец его правой руки до сих пор не сгибается, и вот почему. В одно прекрасное воскресенье к Кэрру прибыл американец, которому понадобилось срочно отснять кадры борьбы леопарда с африканцем. Разумеется, речь шла о не совсем взрослом леопарде, к тому же приученном играть со своим служителем-подростком. Заснятые на пленку, эти игры выглядели потом страшно опасными.

Но Кэрр Хартли по воскресеньям не работает. Американцу же очень жаль было потерянного времени, поэтому он стал все больше и больше набавлять цену, пока Хартли наконец не смягчился и не дал своего согласия на съемки. Поскольку паренек, обслуживающий леопарда, был в церкви, его пришлось заменить другим. Но этот бой не очень-то доверял леопарду, ему вдруг стало страшно, и он бросился бежать. Животное настигло его в два прыжка, схватило зубами за шиворот, а когтями разодрало грудь. Подоспевший Гордон сунул в пасть хищнику все пять пальцев и затолкал ему его собственные губы меж зубов. Леопарду волей-неволей пришлось разжать клыки, но зато когтями он все сильнее впивался в кожу мальчика. Киношники побоялись вмешаться. Подбегавший наконец Кэрр Хартли был вынужден застрелить этого ручного леопарда. А мальчика пришлось зашивать в больнице.

Гордон невероятно смелый парень, но он ничуть этим не кичится. Его жена Конни родом из Лондона. Как-то, уже после долголетнего знакомства, она мне призналась, что я с первой же минуты, сам того не подозревая, завоевал ее сердце. А дело в том, что, зайдя в их столовую, я сказал, что удивляюсь, какие у них чистые и блестящие полы — на них прямо есть можно.

— Знаешь ли, — призналась она мне потом, — вот так хозяйничаешь год за годом посреди степи, и никто не замечает, сколько приходится возиться, чтобы содержать кухню и комнаты в чистоте. А тут вдруг приезжает этаким знаменитый профессор из Европы и нахваливает твои полы...

При этом глаза доброй Конни наполнились слезами.

Что мы только не вытворяли с Гордоном Пульманом за рулем нашего полосатого вездехода! Носились со скоростью 50 — 60 километров прямо по степи, по высокой траве. Гордон либо обладает шестым чувством, либо у него особый ангел-хранитель, во всяком случае он никогда не угодит колесом в какую-ни-

будь нору, отчего обычно сразу ломается ось, и не врежется в термитник.

Вот, к примеру, сейчас он едет рядом с большим страусом-самцом. Эта громадная птица высотой два с половиной метра в беге, шутя и играя, делает трехметровые шаги. Гордон едет именно с такой скоростью, которая позволяет мне со своей фотокамерой «Практисикс» все время оставаться на одном уровне с бегущей птицей и спокойно снимать ее обыкновенным объективом с выдержкой $1/1000$ секунды. Михаэль снял с петель дверку и лежит на животе, привязанный веревкой. Он проводит рапидную съемку, с помощью которой потом можно будет тщательно проследить все движения бегущей птицы. Спидометр показывает 50 километров в час, страусу этот бег наперегонки, по-видимому, не составляет особого труда; когда через 22 минуты мы останавливаемся, он продолжает бежать еще два километра, значит, он никоим образом не выбился из сил. У страусов, должно быть, исключительно выносливые сердца.

У них и м у ж е с т в е н н ы е сердца. Недавно мы встретили страуса и страусиху с восемью птенцами. Гиена надумала одного из них утащить. Началась дикая суматоха, визг и писк; страус взял на себя охрану потомства, а страусиха смело погналась за гиеной и бежала за ней добрый километр. Через два дня мы опять встретили то же семейство, но на этот раз с ними было уже только шесть птенцов.

В другой раз мы видели, как пара страусов неподвижно стояла посреди голой, выжженной степи, распустив крылья. Оказалось, что они таким способом создавали тень для своих детей. Если вы будете наблюдать за убегающим страусом, может случиться, что он внезапно исчезнет из поля вашего зрения. Если пойти вслед за ним, то можно увидеть, что он сидит где-нибудь, прижавшись к земле и вытянув вдоль нее шею. Отсюда, наверное, произошла сказка о птице страусе, которая прячет голову в песок и думает, что ее не видно. Первыми об этом написали древние арабы, а уж за ними через все века повторяли римские и прочие составители книг. Чаще всего таким образом ложатся на землю молодые страусы. Когда же к ним приближаются, они мгновенно вскакивают и стремглав убегают.

Страусы умеют громко трубить, реветь и даже рычать, как львы. Для этого они набирают полный рот воздуха и с силой проталкивают его в гортань, которая при этом заметно расширяется. Клюв и пищевод наглухо закрываются, так что воз-

дух не может выйти или проникнуть в кишечник. Их голая красная шея раздувается, словно баллон, и они выпускают глухой рев, который, по-видимому, для других страусов и страусих должен означать: сюда не ходить — здесь моя резиденция!

Когда страус влюблен, он ведет себя не менее странно, чем мы в аналогичном состоянии. Страус в таких случаях садится на свои длинные ноги, ритмично бьет крыльями, запрокидывает голову назад и трется затылком о собственную спину. Шея и ноги у него в это время бывают ярко-красного цвета. Нам такое поведение самой крупной птицы на Земле кажется весьма комичным, но молоденькие страусихи отлично понимают, что он этим хочет сказать. Они кокетливо убегают, а он семимильными шагами мчится за ними вслед.

У древних египтян страус служил символом справедливости. Они заметили, что только у страусового пера опахала, расположенные по обе стороны стержня, имеют равную ширину. У любой другой птицы перья всегда имеют узкую и широкую сторону, то есть разделены «несправедливо». Уже древние египтяне заметили, что страусовые перья могут служить прекрасным украшением для шлемов, и, до тех пор пока только рыцари средневековья украшали ими свои головные уборы, диких страусов вполне хватало. Но когда в прошлом столетии эти перья вошли в моду у дам, страусы оказались в самом плачевном положении. В Аравии и Персии их давно уже всех истребили; в Северной Африке, севернее Сахары, сегодня можно найти в лучшем случае лишь скорлупу от страусовых яиц, оставшуюся от прежних времен...

Охотились исключительно на самцов, что наиболее пагубно для вида. На страуса-самца ложится очень много обязанностей по продолжению рода. Он настоящий, заботливый отец. Для начала он роет себе ямку в песке и садится в нее. Самки кладут яйца прямо ему под нос, и он закатывает их клювом под себя. «Папаша» насиживает яйца с раннего вечера до позднего утра, так что «мамаше» приходится сидеть на гнезде значительно меньше. Мы и по сегодняшней день не знаем точно, живут ли страусы на воле моногамно или у каждого самца несколько самок. Во всяком случае, когда самцов отстреливают и их становится все меньше, самки чуть ли не дерутся за последних оставшихся в живых. В таких случаях насиживающему самцу кладут под нос столько яиц, что в конце концов перед ним образуется целая гора, которую он не в состоянии прикрыть своим телом. В результате ни один птенец не вылупляется.

Страусы только потому избежали полного истребления, что люди научились разводить их в неволе.

Подобная же судьба постигла и тех животных, мех которых входил когда-либо в моду: шиншиллу, нутрию, черно-бурую лисицу и норку.

Только по наблюдениям на страусовых фермах и еще больше в зоопарках мы знаем теперь, как страусы размножаются. Первая такая ферма была создана в 1838 году в Южной Африке, а поскольку цены на перья все росли, вслед за ней были организованы и другие — в Алжире, Сицилии, Флориде, даже в Ницце на юге Франции.

Добиться размножения страусов в неволе совсем не так трудно, если только предоставить им для этого достаточно места. Ограда должна быть не ниже двух метров, иначе страус с разбегу запросто может ее перескочить. Взбешенного страуса следует серьезно опасаться. Он может ударить человека своей сильной двухпалой ногой прямо в лицо и отшвырнуть на несколько метров. До Первой мировой войны за хорошего производителя платили до 30 тысяч марок. Если в 1840 году из Южной Африки вывозили только тысячу килограммов перьев, то в 1910 году это число выросло до 370 тысяч. Перья у самцов не выдергивают, а аккуратно срезают у самого основания. Перья самок не в ходу, однако, когда у этих птиц вырезают яичники, у них появляется такое же оперение, как у самца.

Страусовое яйцо весит от полутора до двух килограммов, следовательно, столько же, сколько 25—36 куриных яиц. Скорлупа такая толстая, что скорее напоминает черепки фарфоровой посуды. Остается только удивляться, как птенцу страуса, вылупляясь, удастся самостоятельно раздавить столь твердый футляр.

Не только вывести, но и вырастить маленьких страусят в европейском зоопарке удалось лишь однажды, а именно в Базеле несколько лет назад. Птенцов базельцы вывели так же, как это делается на страусовых фермах, — в инкубаторе, но из вылупившихся 11 страусят в живых остались только два, и то лишь потому, что к ним приставили постоянную служительницу, которая все время занималась с ними и научила их клевать пищу.

Маленькие страусы растут как грибы — каждый день на один сантиметр. Как только страусята начинают твердо стоять на ногах, они сразу же принимаются исполнять те же самые сумасшедшие танцы, что и взрослые страусы: они внезапно срываются с места, бегут без всякой видимой цели, затем начинают кружиться на одном месте, бьют при этом

крыльями и под конец садятся на землю. Вид нашего полосатого самолета тоже часто вдохновляет страусов Серенгети на подобные дикие пляски.

Маленькие страусы, которых в Африке часто искусственно выращивают в домашних условиях, настолько привязываются к людям, что следуют за ними как преданные собачонки. Когда семья отправляется купаться, маленький страус бесстрашно плавает между людьми, словно утенок.

Здесь, в Серенгети, страусы приступают к насиживанию в сентябре, а на Рождество уже бегают по степи со своими цыплятками. Надеемся, что нашим 1600 страусам, живущим в Серенгети, никогда не придется пережить того, что выпало на долю страусов Юго-Западной Африки. Незадолго до Первой мировой войны там было решено строжайше охранять этих птиц из-за дороговизны их перьев. Во время войны ни у кого не было особой надобности в них стрелять; а поскольку страусовые перья за это время вышли из моды, то после войны пришли к выводу, что этих птиц расплодилось слишком много, и разрешили их свободный отстрел.

Сейчас же нашлись предприимчивые люди, которые стали их преследовать на автомобилях и отстреливать пачками. После одной только такой прогулки они зачастую возвращались с четырьмя-пятью сотнями страусов, кожа которых шла на изготовление бумажников и дамских сумочек. Сто и даже сто пятьдесят килограммов мяса, которые дает такая птица, никого не интересовали, особенно когда такому страусу было уже около 30 лет. Поэтому их разлагающиеся туши валялись по всей окрестности, а гиенам и грифам не под силу было сразу справиться с такой неожиданной благодатью...

На человеческую любовь и доброжелательность и без того не очень-то можно полагаться. Если же при этом они еще приходят в противоречие с кошельком или дамской модой, то могут легко перейти в свою противоположность. Поэтому-то нам так и хочется, чтобы здесь, в этих просторных саваннах, где люди все равно не могут посеять хлеб, животные жили в полной независимости от нас. Приехав сюда, в Серенгети, наши внуки и внуки африканцев когда-нибудь смогут увидеть, какой была Африка до того, как европейцы навязали ей христианство, работоторговлю, пулеметы и автомобили.

Но пока что сегодня утром мы собрались ловить зебр и малевать их в разные цвета. В просторной долине реки Гру-

мети, окаймленной редколесьем, пасутся 50 или 60 зебр и не обращают никакого внимания на наш полосатый вездеход. Прямо посреди лужайки лежит мертвый, еще теплый детеныш жирафа... Никаких следов ранения не видно, непонятно, отчего он мог умереть.

Михаэль направляет машину в сторону шести зебр, пасущихся отдельно. Те настораживаются, поднимают голову, поворачивают к нам свои уши, а затем галопом удирают. Однако догнать их на машине не представляет особого труда.

На крыше вездехода притаился Гордон Пульман с длинной бамбуковой палкой в руках. На конце у нее сделана зарубка, в которой укреплена петля из толстой пеньковой веревки. Михаэль ведет машину так, чтобы зебра бежала все время рядом с радиатором. Я высовываюсь со своей фотокамерой в окошко, и круглый зебриный зад заполняет всю матовую пластинку. Веревка должна попасть под подбородок зебры и затем скользнуть ей на шею. Но нам приходится изрядно попотеть с этим делом, потому что наша машина все время подпрыгивает, скользит и спотыкается в траве, так что мы без конца стукаемся головой об обшивку; ветер колышет петлю, а зебра все время отклоняется вправо. Поворачивать же мы можем только плавно: при резком торможении Гордон слетел бы вперед, под самые колеса. При крутом повороте его может сбросить вбок, а привязать себя он не захотел — это могло бы создать при аварии еще большую опасность.

Наконец петля на голове зебры. Михаэль очень осторожно тормозит, чтобы она не соскочила с шеи. Гордон спрыгивает мы за ним; все хватаемся за веревку, а жеребец, сопротивляясь, тянет нас за собой. Но наконец он останавливается. Тут-то мы его хватаем и мажем краской.

Нам казалось, что окраска зебры в красный или зеленый цвет не представит особой сложности. Судя по головкам наших дам, искусство окраски волос достигло весьма высокого уровня. Но тут нас ждали нежелательные сюрпризы. Оказывается, для того чтобы женские волосы сохранили красный или лиловый цвет, их надо специально парить или травить. Простым полосканием, мытьем или припудриванием никакой долговечности достигнуть невозможно. Мы советовались с самыми опытными специалистами лакокрасочной промышленности, но и они не могли нам подсказать, как «холодным» способом покрасить зебру. Лошадиная шерсть очень короткая, поэтому ни о каких «горячих» операциях не могло быть и речи, даже если бы мы возили с собой парикмахерский салон на колесах...

Таким образом, нам пришлось вернуться все к той же испытанной пикриновой кислоте, которая окрашивает кожу и волосы в ярко-желтый цвет.

Прочнее всего она, кажется, окрасила наши руки и штаны; зебры могут утешаться тем, что не они одни пожелтели. Однако ярко-желтый цвет спустя некоторое время становится грязно-бурым, а после линьки вместо желтых волос вновь вырастают белые. Мы придумали уже кое-что новое, но оно пока еще находится по дороге к нам в Африку. А сегодня нам надо проверить, как остальные зебры будут относиться к такому ярко-желтому родичу. Не станут ли они считать его «прокаженным», избегать или даже кусать? Тогда нет никакого смысла их метить.

Мы отпускаем крашеного жеребца на волю, следуем за ним на почтительном расстоянии и наблюдаем в полевые бинокли, как он присоединяется к своему стаду. Прогонят ли его? Укусят ли? Ничуть не бывало. Зебры ведут себя так, словно он отроду был таким желтым. Прекрасно, это поможет нам в дальнейшем.

Обычно уже после трех — пяти минут бега загнанная зебра начинает задыхаться и вынуждена бежать медленнее. И все же, несмотря на это, со второй, которую мы загоняем, дело что-то не клеится. Она все время ускользает от нас среди деревьев. Хотя стволы и далеко отстоят друг от друга, тем не менее какой-нибудь из них то и дело преграждает нам дорогу. Михаэль никак не может подобраться поближе к беглянке.

Тогда Гордон с Михаэлем решают поменяться местами. Я, между прочим, против того, чтобы мой сын изображал из себя ковбоя на сильно качающейся крыше машины, тем более что свои услуги предлагает и Мгабо. Однако Михаэль настаивает на своем:

— Ты ведь понимаешь, папа, что дела, связанные с какой-либо опасностью, нельзя всегда перекладывать на других.

Ну ладно, я сдаюсь. Теперь мы гоняемся за молодой кобылкой. Она ловчее предыдущего жеребца. Каждый раз, когда петля ложится ей на лоб и съезжает ниже глаз, она сейчас же опускает голову чуть не до земли. Михаэль стучит нам сверху, мы останавливаемся. Оказывается, запуталась веревка, ее привязывают заново. Мы снова быстро догоняем нашу кобылку.

Внезапный толчок заставляет Гордона резко затормозить. Михаэля швырнуло вниз с машины. В мгновение ока я возле него. «Миха!» И тут же вижу рану у него на шее. Кровь. Михаэль почти без сознания. Мы с Пульманом осторожно

приподнимаем его и прислоняем спиной к колесу. Я обследую рану. Кровоточит она не слишком сильно, но, по-видимому, очень глубока. Я боюсь, не разорваны ли дыхательное горло или какая-нибудь артерия, что может вызвать внутреннее кровоизлияние.

Михаэль заметно слабеет и бледнеет. Я поднимаю его веко, чтобы проверить, осталась ли слизистая розовой. Это было бы хорошим признаком. Но она стала серовато-белой.

Михаэль теряет сознание. Я быстро укладываю его на спину, но при этом мне приходится задвинуть его частично под машину, потому что там единственное тенистое место. Сейчас полдень, солнце стоит совершенно вертикально над нами. Гордон Пульман тем временем вскрыл пакет «первой помощи», который, к счастью, оказался с нами; обычно он всегда лежит в самолете.

Оказавшись в лежачем положении, Михаэль приходит в себя. Он открывает глаза. Первые его слова:

— Ты не забыл все записать и сфотографировать?

— Молчи, Михаэль, молчи, тебе сейчас нельзя разговаривать!

Теперь, задним числом, мне стало ясно, что, собственно, произошло. Зебра опускала голову все ниже и ниже; Михаэль со своей бамбуковой палкой тоже свешивался все ниже с крыши, пока шест при каком-то наклоне машины не уперся в землю. Он вонзился в почву, а поскольку мы продолжали ехать на полной скорости, другой его конец воткнулся Михаэлю в горло.

Удар свалил его с машины. Какое счастье, что он не был привязан, иначе шест наверняка пронзил бы его насквозь!

Но эта рана! Я с ужасом думаю о том, что в ней могло остаться. Грязь, наверняка занозы. Чего доброго, еще окажутся разорванными сухожилия.

Мы укладываем Михаэля в машину и везем к самолету. На это уходит 20 минут. Мимоходом замечаю, что высоко в развилке дерева стоят две львицы и разглядывают нас. В другое время мы бы не преминули остановиться и их заснять.

«Ну же, ну же, ездай быстрее, Гордон Пульман (это я мысленно говорю), ездай быстрее, но осторожно. Только бы никаких резких сотрясений, только бы не это...» Но вот он тормозит уже у самого самолета.

Я подсаживаю сына, устраиваю его на место второго пилота и привязываю к креслу. Опускаю верх кабины, включаю зажигание, проверяю вспомогательный насос. С нетер-

пением жду, пока температура масла поднимется до должной высоты. Наконец-то!

Мы летим наискось через степь по направлению к озеру Виктория. В Мусоме есть маленький госпиталь; об индийском хирурге, который им руководит, идет добрая слава. Поскольку Михаэль не может здесь лежать, а вынужден сидеть, ему опять становится хуже. Я держу в руке штурвал и смотрю то на компас, то вперед в пространство, не заблестит ли наконец спокойная гладь озера. Одновременно я наблюдаю за Михаэлем. Его голова качается. То и дело он сползает вперед, но усилием воли заставляет себя вновь подняться. Руки его покрыты испариной.

В Мусоме я еще никогда не бывал. Следовательно, надо внимательно следить, чтобы не заблудиться при посадке среди гор и плантаций местных жителей. Михаэль чувствует мою тревогу, догадывается, что мне страшно, страшно за него; он старается мне улыбнуться и делает едва заметное движение рукой: мол, пустяки, пап!

Но я считаю минуты и молю судьбу, чтобы скорее показали озеро и Мусома...

Посадочная площадка этого городишки сверху выглядит огромной и весьма современной. Но это только кажется, на самом деле она страдает одним очень важным недостатком — она неровная. Это выясняется сразу же, как только я касаюсь колесами земли. Когда я после бесчисленных скачков наконец останавливаюсь, то рядом с машиной мгновенно вырастает африканец и протягивает мне книгу, в которой я должен отметить. Ни слова не говоря, я бегу мимо него через площадку в поисках какой-нибудь машины. Но нигде ничего нет, все пусто и словно необитаемо.

Наконец добегаю до какого-то дома. Стучу, мне открывает молодая дама. Я с ходу кричу ей, что мне необходима машина, чтобы отвезти раненого в больницу. Она тут же принимает во мне живейшее участие. Двумя минутами позже мы уже сидим в легковой машине, правда с выбитым ветровым стеклом, но это не беда.

Индийский врач в госпитале производит очень хорошее впечатление. Он внимательно осматривает рану, качает головой и говорит, что должен немедленно подвергнуть Михаэля наркозу, чтобы проверить, что у него творится в горле. Его ассистенты-африканцы надевают белоснежные маски, закрывающие нос и рот.

Операционная, как и вся маленькая клиника, скромная, без кафельных стен, но безукоризненно чистая.

Мне предложено подождать за дверью. Проходит вечность. Наконец спустя два часа еще спящего Михаэля перевозят в палату. Тем временем приветливая сестра приготовила постель. Доктор, оказывается, вынул длинную занозу, прочистил рану и затем зашил. Михаэлю придется по крайней мере три дня пролежать в госпитале.

Я сижу возле его кровати и смотрю на него. Читать не могу. Я думаю о том, как легко все это могло бы кончиться печально, и размышляю: «Стоит ли на самом деле из-за львов и зебр подвергать себя смертельной опасности? Ведь может случиться, что правительство, не считаясь со всеми нашими заботами и хлопотами, все равно решит сократить границы парка и проложит их таким образом, что животным будет грозить неминуемое истребление».

Вопросы, вопросы — и никакого ответа.

Михаэль просыпается и настаивает на том, чтобы я шел в отель: посетители обязаны покинуть больницу до десяти часов вечера.

На улице темно, фонарей здесь нет; кроме того, судя по небосводу и моим часам, сейчас новолуние. Как и в других африканских городах, дома расположены далеко один от другого, ведь здесь ездят на машинах, а не ходят пешком.

Я узнал, что единственный в городе отель находится на набережной. Однако мне пришлось основательно поплутать, прежде чем я его нашел. Ну, разумеется, в баре уже все знают, что с нами стряслось, но я слишком устал, чтобы отвечать на расспросы.

Здесь, возле озера Виктория, и по вечерам жарко, а я избалован прохладой нашего степного высокогорья в Серенгети. Принимаю горячую ванну и ложусь в постель, но никак не могу уснуть.

Утром я отправляюсь вместе с хозяином гостиницы по магазинам. Я заказываю себе у индийского портного шорты и покупаю нитки, иголки и пуговицы всех размеров. Наконец-то мы снова сможем нормально застегивать свои рубашки.

Около 11 часов я возвращаюсь в отель, чтобы отнести в больницу свежие яблоки, и обнаруживаю у себя в номере Михаэля, который, видите ли, еще недоволен, что прождал меня два часа... Это на него похоже. Он понял, что в больничных условиях все равно не вытерпит, и выписался, дого-

ворившись о том, что в течение трех дней я буду делать ему инъекции, а через неделю вытащу нитки из шва...

Спустя 20 минут мы уже летим назад, в Банаги. Из Мусомы мы сначала следуем вдоль берега до бухты Спика. В этом месте парк Серенгети подходит к самому озеру. Потом мы летим на восток через «коридор», по которому реки бегут к озеру. Берега их окаймлены узкими полосками леса, а между ними простираются серовато-зеленые просторы степей. В этой низине, зараженной мухой цеце, стада животных во время засухи легче всего могут найти себе воду и пропитание.

Затем следуют возвышенности, которых нет ни на одной карте, многие из них и названий-то не имеют! Их пологие склоны поросли редколесьем, только изредка виднеются скалистые обрывы.

Мы вдоль и поперек изучили каждую из этих 300- или 400-метровых гор, потому что целыми неделями кружили над ними, обследуя их облесенные склоны.

Там, где цепочка гор кончается и открывается необозримый простор безлесной степи, мы выключаем мотор. Впереди, на горизонте, виднеется высокогорье с гигантскими кратерами — там высится Нгоронгоро. Мы же скользим вдоль склона горы Банаги и приземляемся.

Неделей позже мы уже ловим зебр в кратере Нгоронгоро. Нам надо выяснить, выбираются ли пасущиеся там стада во время сезона дождей на просторные луга Серенгети. Об этом, во всяком случае с давних времен, рассказывают охотники, и то же самое предполагает профессор Пирсел из Лондона, составивший два года назад очень подробное сообщение о Серенгети для правительства Танганьики. Во время сезона дождей эти стада доходят якобы до самой середины травянистых равнин, с противоположной стороны туда же устремляются стада из «коридора», и там они встречаются.

Следовательно, если уменьшить границы национального парка, то есть провести линию прямо поперек открытой степи, то диким животным из «коридора» все равно еще хватит места для свободного передвижения. Они используют в дождливые месяцы якобы только з а п а д н у ю п о л о в и н у с т е п и. Все же стада, пасущиеся в восточной половине, поблизости от гигантских кратеров, приходят будто бы из Нгоронгоро.

Никто этого до сих пор по-настоящему не исследовал и не доказал. Во время дождей невозможно разъезжать по степи. Еще в 1906 году энергичный профессор геолог Фриц Егер, до сих пор здравствующий в Цюрихе, сообщал, что немецкие поселенцы Зидентопфы предпринимали неоднократные попытки с помощью масаев выгнать стада гну из кратера. Зидентопфы хотели, чтобы в нем паслись только их собственные стада домашнего скота. Но им этого так и не удалось добиться: антилопы увертывались от загонщиков и оставались в кратере. Во время наших бесчисленных полетов нам тоже ни разу не пришлось заметить стада, переваливающего через край кратера. Недавно во время подсчета животных мы заметили шести-семитысячное стадо гну, пасущееся на равнинах восточного Серенгети. Мы сейчас же перелетели в кратер Нгоронгоро и еще раз пересчитали находящихся там животных. Ведь по старой теории предполагалось, что в степь стада приходили из кратера. Однако в Нгоронгоро их оказалось ровно столько же, сколько было прежде. Это нас встревожило, потому что именно на таких устарелых взглядах основываются планы сокращения территории парка.

Итак, мы решили метить зебр и гну в кратере Нгоронгоро, чтобы потом проследить, появятся ли они вне его, на равнине. Мы влетаем в кратер и приземляемся там на участке степи, по углам которого Гордон Харвей уже расставил своих людей. Из своего домика на краю кратера он тащился сюда в машине два с половиной часа. С ним приехала и супруга. Госпожа Харвей распаковывает огромную корзину с провизией. Эти двое живут там, наверху, среди облаков, как в раю: у них растут не только цветы, но и салат, и лук-порей, и помидоры — словом, все овощи, а также клубника.

По английскому обычаю, мы едим салат прямо из горсти или кладем его на бутерброды. Чета Харвей — гостеприимные, очаровательные люди. Их взрослые сыновья сейчас разъехались во все концы земного шара.

Мы здорово промахнулись, затеяв ловлю зебр в кратере. Дело в том, что здесь, наверху, значительно прохладнее, зебры дольше не выдыхаются и выдерживают значительно более длительную погоню. К тому же они быстро сообразили, что от машины гораздо лучше бегать по кругу, чем по прямой, причем все время уменьшая круги. На этой скользкой траве, да еще на огромной скорости, мы не можем делать резких поворотов, поэтому, пока мы, чертыхаясь, разворачиваемся, наши жертвы трусят не спеша,

затем переходят на шаг, а то и вовсе останавливаются и с интересом наблюдают за нашей эквилибристикой.

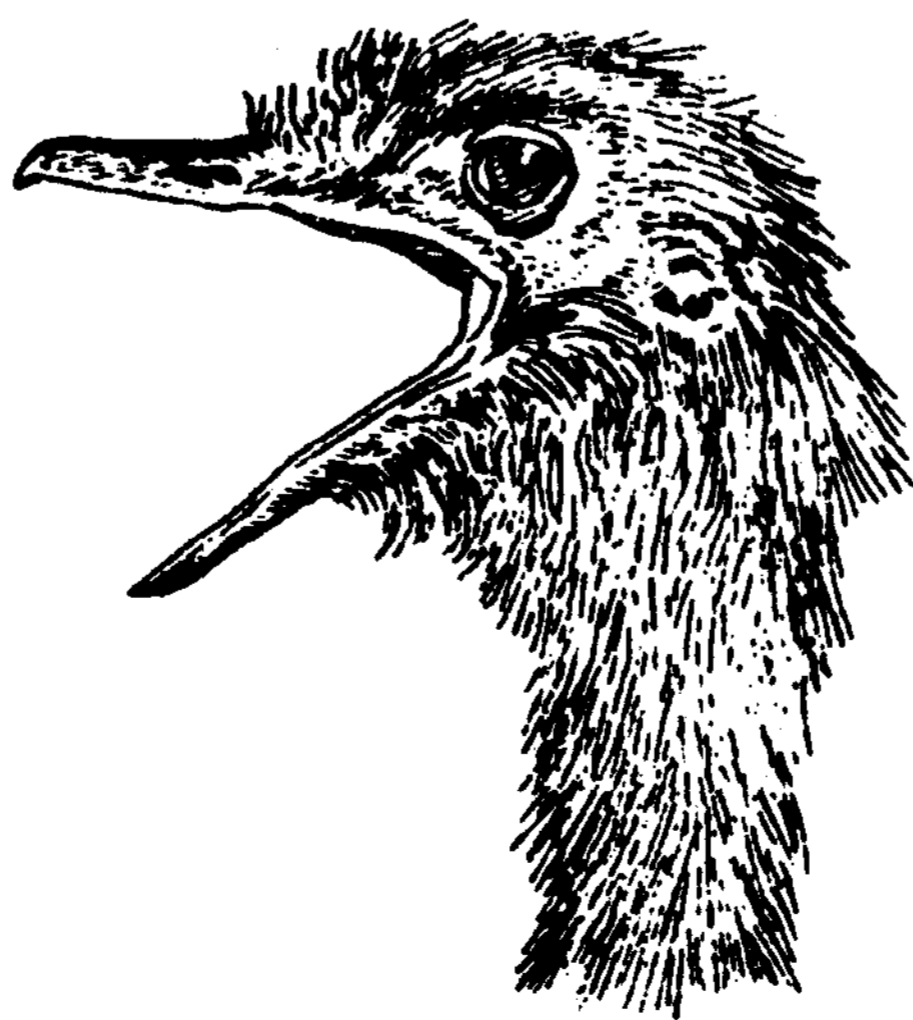
Потом начинается дождь, и в довершение всего наш вездеход переворачивается набок. Прямо с камерой в руках я лечу лицом в грязь; к счастью, никто не попал под машину. Мы никак не могли поставить ее снова на колеса, потому что было ужасно скользко. Это длилось до тех пор, пока мы наконец не выкопали рядом с задними колесами две ямы. И только тогда, раскачав машину, мы снова поставили ее в нормальное положение. Слава богу, удалось. Однако, когда автомобиль уже стоит на всех четырех, выясняется, что вытекло все масло. А без масла Гордону Харвею не доехать до дому.

Тут Михаэлю приходит в голову спасительная мысль. Мы мчимся к нашему самолету. Только два дня назад мы заправились маслом, так что восемь литров там еще наверняка осталось. Поскольку мотор прекрасно может обойтись и шестью литрами, мы совершенно спокойно можем отлить два.

К сожалению, подходящий гаечный ключ недавно в одной из мастерских Найроби кто-то «увел». Но другой, от автомашины, подошел. Когда Михаэль отвернул крышку, горячее масло вдруг полилось ему на пальцы. Тем не менее он, пересилив боль, успевает закрыть отверстие, прежде чем убежало все масло, иначе мы бы на целые сутки были арестованы в кратере. Затем мы переливаем эту черную жижу в машину.

Тем временем надвигается гроза, в восточной части кратера уже грохочет и сверкает. Но прежде чем над нами сомкнулись тучи, мы успели сесть в свою «Утку» и выпорхнуть через последнюю оставшуюся дырку. Лететь в облаках мы не решаемся, потому что можно наткнуться на какой-нибудь вулкан.

Над степями Серенгети небо совсем чистое. Мы берем курс на гору Банаги, маячащую далеко на горизонте. Наши планы сегодня сорвались. Но мы уже придумываем новые.

Глава седьмая

МЫ ОБНАРУЖИВАЕМ БРАКОНЬЕРОВ

Как много людей в наше время, совершая дальние перелеты, спит или поглощает жареную курицу с зеленым горошком, которую им любезно подает стюардесса, в то время как в нескольких километрах под ними проплывают изумительные девственные леса! Таким вечно спешащим куда-то пассажирам «воздушных автобусов» мы советуем хоть раз в жизни полетать по-настоящему. Вот хотя бы так, как мы с Михаэлем сегодня.

Изумительно свежее утро. Мы не собираемся ни считать животных, ни подвозить продукты из Найроби; мы решили просто так, бездумно парить в воздухе — мы сегодня отдыхаем. Виражами поднимаемся все выше и выше, пока гора Банаги и река Серонера не делаются совсем крохотными. Белая стрелка высотомера медленно ползет по циферблату. Нашим 250 лошадиным силам надо поднять в воздух добрых 12 центнеров груза. Поскольку Банаги расположен на высоте 1650 метров над уровнем моря, воздух здесь примерно столь же разрежен, как над горами Шварцвальда, так что поднимаемся мы медленно.

Кругозор наш все расширяется и расширяется. Теперь нам уже видна Ленгаи — «гора Господня», острая вершина которой

в отдельные годы еще продолжает дымиться. А с другой стороны на горизонте начинает светиться серебристая полоска озера Виктория.

Закрылки на наших полосатых крыльях выпущены до предела, а плоскости пропеллера повернуты таким образом, что он делает три тысячи оборотов в минуту. Вот так, шаг за шагом, наша добрая «зебра» одолевает небо.

Мы достигаем белых кучевых облаков и прямо влетаем в одно из них. Нас сразу же обступает слепящий белый туман, восходящий воздух внутри облака заносит нас еще выше. Тем временем маленькая стрелка на циферблате все приближается к критической желтой полосе. Это означает, что мотор начинает перегреваться: в таком разреженном воздухе мы слишком медленно летим. Здесь уже не хватает спасительного ветра, который бы охлаждал тяжелоработающую машину.

Ничего не поделаешь. Приходится втягивать закрылки по-дальше и менять поворот лопастей винта; теперь мы летим уже в горизонтальном направлении. Стрелка высотомера замирает, а через 10 минут и мотор начинает остывать. Снова начинается борьба за высоту — шаг за шагом, метр за метром.

Наконец Михаэль говорит:

— Ну все, выше она не потянет: воздух слишком разрежен.

Мы сейчас парим на высоте 5733 метра над уровнем моря, или в 4100 метрах над нашим алюминиевым домиком там, внизу, в степи. Но мы ничего этого уже не видим, так как висим высоко над белыми кучевыми облаками. Под нами простирается какое-то неземное царство... Мы выключаем газ и зажигание.

Наступает тишина. Жуткая тишина. Пропеллер замедляет свой бег и наконец безжизненно повисает в воздухе — теперь это обыкновенная планка с концами, окрашенными в желтый цвет. Закрылки мы выпускаем с наклоном в 45 градусов — это их крайнее положение. Теперь наша «Утка» превратилась в планер, и у нас появляется ощущение настоящего полета — самолет парит в небе, точно гриф. Ветер со свистом проносится под нашими двенадцатиметровыми крыльями. Высотомер показывает, что в секунду мы снижаемся на три-четыре метра. Когда мы опустимся ниже, где воздух станет плотнее, спуск несколько замедлится. Я прикидываю, что так мы можем продержаться в воздухе больше четверти часа.

Где-то недалеко, над белым облачным ландшафтом, высятся глетчеры Килиманджаро. Даже здесь, в этом прекрасном заоблачном мире, он остается царственной горой. Так как

теперь вокруг нас тихо, можно говорить друг с другом без микрофона. Мы смотрим вниз на белоснежные поля и беспорядочное нагромождение облачных гор. Неправдоподобный мир, созданный какими-то сверхъестественными силами, как умиротворяющий мираж той суровой твердой земной поверхности там, внизу. Хотелось бы «приземлиться» среди этого радующего глаз облачного ландшафта, лечь и слушать шепот духов... Мы единственные живые люди в этом потустороннем мире; мы закрываем глаза и, держась за руки...

Шлеп! Ощутительный шлепок по соответствующему месту выводит меня из мечтательного настроения. Горят отпечатки всех пяти пальцев. Михаэль же продолжает смотреть в пространство отсутствующим взглядом своих серовато-голубых глаз и едва подавляет насмешливую улыбку. В этом-то и заключается негласная договоренность между нами: надо не только застать другого врасплох, но и сделать это как раз в самую сентиментальную минуту. Михаэлю это удалось.

Теперь мы квиты, счет сравнялся: один — один.

Однако нас что-то начинает познабливать в наших рубашках с короткими рукавами; это оттого, что мотор больше не греет. Согревает только сознание, что достаточно одного нажатия пальца, чтобы его снова включить.

Шесть месяцев назад здесь пролетал один пилот на маленькой «Цессне». Он ввинтился высоко в воздух, чтобы над облаками беспрепятственно пересечь горы, однако не нашел потом «окошка», сквозь которое мог бы разглядеть землю. Ведь приземляться вслепую сквозь облака страшно опасно. Никогда не знаешь, как низко они нависают над землей — может быть, в 10 метрах, а возможно, в виде туманной пелены опустились на самую земную поверхность; бывает, что облака предательски скрывают горные вершины. В порту Найроби слышали, как этот пилот передал по радио, что через пять минут у него кончится бензин и что он не знает, где находится. С тех пор никто больше ничего о нем не слышал, никто не знает, потонул ли он в жгучем рассоле озера Натрон или лежит, разбитый, в одном из глубоких ущелий в горах.

Мы влетаем в одну из темных пропастей меж облаков и, словно в лифте, спускаемся по краю облачного чудовища. И вот уже под нами снова широкая степь Серенгети, пестрая от солнечных бликов и теней облаков.

Вдруг Михаэль меня толкает:

— Пап! Посмотри-ка, что это там, внизу, прямо под нами? Видишь?

Поперек равнины, зажатой с двух сторон облесенными берегами рек, тянется какой-то странный плетень. Вдоль него бегут человеческие фигурки. Нас они не замечают, потому что мы опускаемся с выключенным мотором. Это, оказывается, они протянули прямо поперек степи изгородь из колючего кустарника, словно ограждение из колючей проволоки. Через каждые 20—30 метров оставлены лазейки, сквозь которые гну, газели и зебры вынуждены пробираться во время своих кочевок по степи.

Но в эти отверстия запряваны железные петли-капканы — это мы знаем наверняка. В них животные медленно умирают или еще живыми становятся жертвой гиен и шакалов. На деревьях возле реки сидят в ожидании падали сотни грифов.

— Браконьеры! — говорит Михаэль гневно.

Мы решили пока не включать мотор, а спланировать поближе к злоумышленникам. Пять человек там, внизу, разрубают тушу зебры; затем двое из них, перекинув красные куски мяса через палку, перетаскивают их в укрытие под деревья.

Я нажимаю на красную кнопку зажигания, мотор чихает раз-другой, потом пропеллер снова начинает вертеться. «Крылатая зебра» с грохотом проносится в каких-нибудь 4—5 метрах над землей. Браконьеры с перепугу все бросают, пробегают несколько шагов и падают плашмя на землю. Такого сюрприза с ясного неба они не ожидали. На краю поляны мы взмываем кверху, делаем вираж и снова назад. Несколько человек пытаются убежать к реке, чтобы спрятаться под деревьями, но мы налетаем, как шквал, и они снова бросаются на землю.

При следующем налете некоторые из них поднимаются на колени и целятся в нас из лука. Смешно, что они надеются попасть.

Не приземлится ли нам прямо здесь? Хорошо бы арестовать парочку этих мучителей животных. Но кто знает, где тут в траве скрываются норы бородавочников? Кроме того, мы не вооружены, а у браконьеров наверняка полно ядовитых стрел. И к тому же мы ведь не правомочны кого-либо арестовывать. У нас нет ни малейшего желания объясняться потом с полицейским управлением.

Но мы вспоминаем, что у нас есть ракетница, предназначенная для подачи сигналов бедствия. Хотя это оружие отнюдь не смертельное, но такой выстрел, направленный в сторону разбойников, безусловно, их изрядно напугает. Ну что ж. Отстегиваюсь от сиденья и выуживаю из ящика позади него «боеприпасы». Протягиваю Михе несколько красных картон-

ных патронов, он вдавливают их в медную трубку, завинчивает ее, и мы разворачиваемся для нового налета.

— Огонь! — Михаэль нажимает на спусковой крючок.

Результат оказался, прямо скажем, ошеломляющим. Но не для тех там, внизу, а для нас. Прежде чем мы успеваем сообразить, что, собственно, произошло, сквозь отверстие в плексигласовом потолке со страшной силой врывается ветер. Оказывается, затвор ракетницы был неисправным и патрон устремился не вниз, а вверх, прямо между нашими головами. А что было бы, если бы патрон попал не в стекло, а в одного из нас? Только этого нам еще не хватало!

Лишь для того, чтобы сохранить собственное достоинство, мы еще раз налетаем на разбойничью шайку, но затем круто поднимаемся на высоту 150 метров и направляем своего полосатого коня в сторону его стойла.

А браконьеры-то все-таки не промахнулись! Когда мы закатывали свою машину за ограду из колючего кустарника, то обнаружили стрелу, застрявшую в крыле. Конец загнулся, и вытащить ее оказалось вовсе не так просто. Мне пришлось посадить Михаэля себе на плечи, и он осторожно щипцами вытащил злополучный «снаряд».

— Будь осторожен, — предупреждаю я его, — ты ведь знаешь, что стрелы отравлены!

Кто такой стрелой оцарапает палец, того ждет неминуемая гибель. Против этого яда пока еще нет противоядий. Приготавливается он из особого, на вид совершенно безобидного дерева (*Apocanthera frisiolum*), похожего на чахлую итальянскую оливу. На нем растут небольшие красные ягоды, из которых варится довольно приятное на вкус повидло. Далеко не каждое дерево этого вида ядовитое. Смертоносны только совсем немногие, и их очень трудно разыскать. Те из местных жителей, которые специально этим занимаются, определяют их, видимо, по трупам мелких птиц, насекомых и грызунов, в изобилии валяющимся под такими деревьями. Для изготовления яда корни и ветки мелко нарубаются, а затем развариваются до кашеобразного состояния. Варится эта каша до тех пор, пока не загустеет и не превратится в вязкую массу. Затем ее разливают по жестяным банкам, обвязывают листьями и в таком виде ввозят контрабандой в местности, где орудуют браконьеры. Кусок величиной с небольшое туалетное мыло, которого хватает как раз на одну стрелу, стоит один шиллинг.

Обладая отравленными стрелами, совсем не обязательно быть хорошим стрелком. Вполне достаточно ранить животное

или человека в ногу — жертва уже никуда не уйдет. Правда, этими стрелами далеко не так просто и безопасно убивать львов, как современными ружьями, но все же с ними тоже чувствуешь себя в степи господином над жизнью и смертью. Мясо убитого таким способом животного совершенно безвредно, необходимо лишь предварительно срезать и выбросить кусок вокруг раны.

Ловкие люди, которые гонятся за легким заработком, разбавляют яд для стрел черной землей или продают вместо него вообще какое-то другое месиво. Но мне сказали, что это можно легко проверить. Для этого достаточно сделать себе на ноге маленький надрез, чтобы кровь потекла вниз. Если к этой кровяной дорожке поднести яд, то на ней сейчас же образуются пузыри, которые будут подниматься все выше по ноге. Однако, прежде чем они достигнут маленькой царапины, кровяной след надо скорее стереть. Я испробовал этот способ, но у меня почему-то никакие пузыри образовываться не хотели.

Только что вернулся на своем вездеходе из «коридора» Гордон Пульман. Он единственный из нас, который всегда носит на поясе кобуру. У него вчера тоже было небольшое приключение. Недалеко от реки Дума он увидел одинокого старика. Гордон пожалел его и усадил в машину, но все же отнесся к нему с некоторым подозрением: как он мог один попасть в такое заброшенное место и зачем? Дряхлый старец рассказал, что он был не один, а с молодым парнем. Но того в сухом русле реки Дума укусила змея, и он через несколько минут скончался. Старик якобы положил его под нависавшую над берегом скалу и прикрыл ветками.

Гордон Пульман поехал к тому месту реки, где, по словам старца, произошло это несчастье. Когда же они туда подъехали, старик задрожал и отказался выйти из машины, однако с точностью указал, куда именно он положил труп. Наш друг Гордон нашел там лишь пару костей и много следов гиен...

Мы старательно прикрепляем кусок фольги, чтобы закрыть пробоину на ветровом стекле, а потом по радио передаем по буквам текст телеграммы, которую из Аруши должны отправить в Мюнхен. Совсем не просто все это объяснить по-английски: кто его знает, как, например, по-английски «ветровое стекло». Но, слава богу, у нас здесь, в степи, под рукой до-

статочно словарей, справочников и карт. Мы давно уже обзавелись в Африке второй библиотекой: перевозка книг стоит слишком дорого. Даже рубашки, белье, брюки и обувь остаются здесь, так как все эти вещи цвета хаки все равно в Европе не носят. Таким образом, у нас в Африке образовалось целое хозяйство, ведь один из нас или кто-нибудь из наших английских сотрудников почти всегда здесь. Но одновременно такое двойное хозяйство создает и двойные заботы.

Я часто встречаю здесь европейцев, которые утверждают, что жить среди африканцев — сплошное мучение: то и дело исчезают ложки, бьется посуда. Что хозяйка забудет запереть, то стащат. Слуги заявляют, что у них, мол, малярия или что в деревне больна мать, садятся на велосипед и уезжают. И возвращаются не через два дня, на которые они отпрашивались, а спустя неделю. Им дарят одежду и обувь, но они не знают чувства благодарности и только наглеют от этого. Таскают все без разбору, как сороки, и при этом не умеют даже как следует почистить ботинки, несмотря на то что им неоднократно показываешь, как это делать.

Я заметил, что так чаще всего говорят те, кто дома, в Европе, не имеет дела с прислугой. Такие люди воображают, что белые слуги всегда неизменно услужливы, работающи и честны. Они не верят, что и в Англии, и в ФРГ можно огорчаться по тому же поводу, что и в Африке. Мне очень знакомо это брюзжание; я вспоминаю, как 40 лет назад меня, тогда еще мальчика, на все каникулы отправляли к родственникам на ферму в Восточную Пруссию. Во всем, в чем здесь обвиняют цветных, там попрекали белых поденщиков.

Я не политический деятель, а биолог. И только как таковой могу высказать кое-что о проблеме «черные — белые».

Вполне возможно, что африканцы в своей массе душевнее, но зато менее интеллигентны, чем европейцы. Однако никаких точных доказательств этого по сей день не найдено. Более того, известно, что среди всех народов и человеческих рас примерно одинаковую часть составляют преступники и убийцы, энтузиасты и равнодушные.

Недавно один европеец, родившийся и выросший в Африке, рассказывал мне, какое неизгладимое впечатление произвели на него итальянские соборы, когда он в шестидесятилетнем возрасте впервые попал в Европу. «Вы только сравните эти шедевры с жалкими глинобитными хижинами наших африканцев!»

Однако это совсем не говорит о том, что африканцы не в состоянии построить такие соборы. Я ответил этому человеку, что если бы египтяне времен постройки гигантских пирамид явились тогда в Англию или Германию и увидели наших предков, облаченных в звериные шкуры, в их деревянных халупах, крытых соломой, то, безусловно, сочли бы их за бездарную, низшую расу, как сейчас многие белые думают об африканцах.

На основании того, что прусский король Фридрих Великий писал по-немецки с ошибками и обходился французским и привозил себе строителей и архитекторов из Франции, французы, видимо, могли считать себя более одаренным народом, чем немцы. Точно так же в наших немецких книгах можно было прочесть, что мы во многом превосходим русских и поляков только потому, что в прошедшие столетия немецкие мастера воздвигали в Кракове, Москве и Киеве весьма значительные сооружения. В книге Гитлера «Майн кампф» я прочел, что русские настолько неспособная раса, что они не в состоянии изготовить даже нормального автомобиля. А они строят спутники! Кто может сейчас предсказать, чего достигнут африканцы через сто лет, даже если они сегодня еще бегают нагишом?

В той же пресловутой книге Гитлера было написано, что рождение ребенка от брака белого человека с черным — явление ненормальное. Это так же «против природы», как скрещивание лошади с ослом, в результате которого получают лишь бесплодные мулы. Это чистый вымысел, и говорит он о вопиющей необразованности. Скрещивание лошади с ослом соответствует примерно скрещиванию человека с шимпанзе. На Земле существует только один вид человека. Монголоиды, европейцы и негроиды всего лишь расы. От смешанных браков рождаются метисы, обладающие наследственностью промежуточного характера. Если это происходит в массовых масштабах, возникают новые народности. Все наши народы и нации возникли в результате смешения древних народностей. В Южной Америке такое народообразование происходит и в наши дни. Эти «цветные» счастливо сочетают в себе жизнерадостность и «тропикоустойчивость» негров с предприимчивостью европейцев. Научно доказано, что нет таких браков, в которых потомство наследует лишь «плохие» качества обоих родителей. Дети от смешения индейцев с белыми или от африканцев с европейцами только там становятся «неполноценными», где

они вынуждены с малых лет скитаться среди нищих или преступных элементов.

Многие расисты выслушивают с удовольствием, что у африканцев мозг в среднем несколько меньше (1315 граммов), чем у европейцев (1360 граммов). Но при этом нельзя забывать, что мозг китайца в среднем весит еще больше (1430 граммов). К интеллекту ни то ни другое не имеет ни малейшего отношения, так как число клеток у всех трех рас одинаковое, а именно 15 миллиардов, только каждая отдельная клетка у африканца несколько меньше, а у монголоида больше.

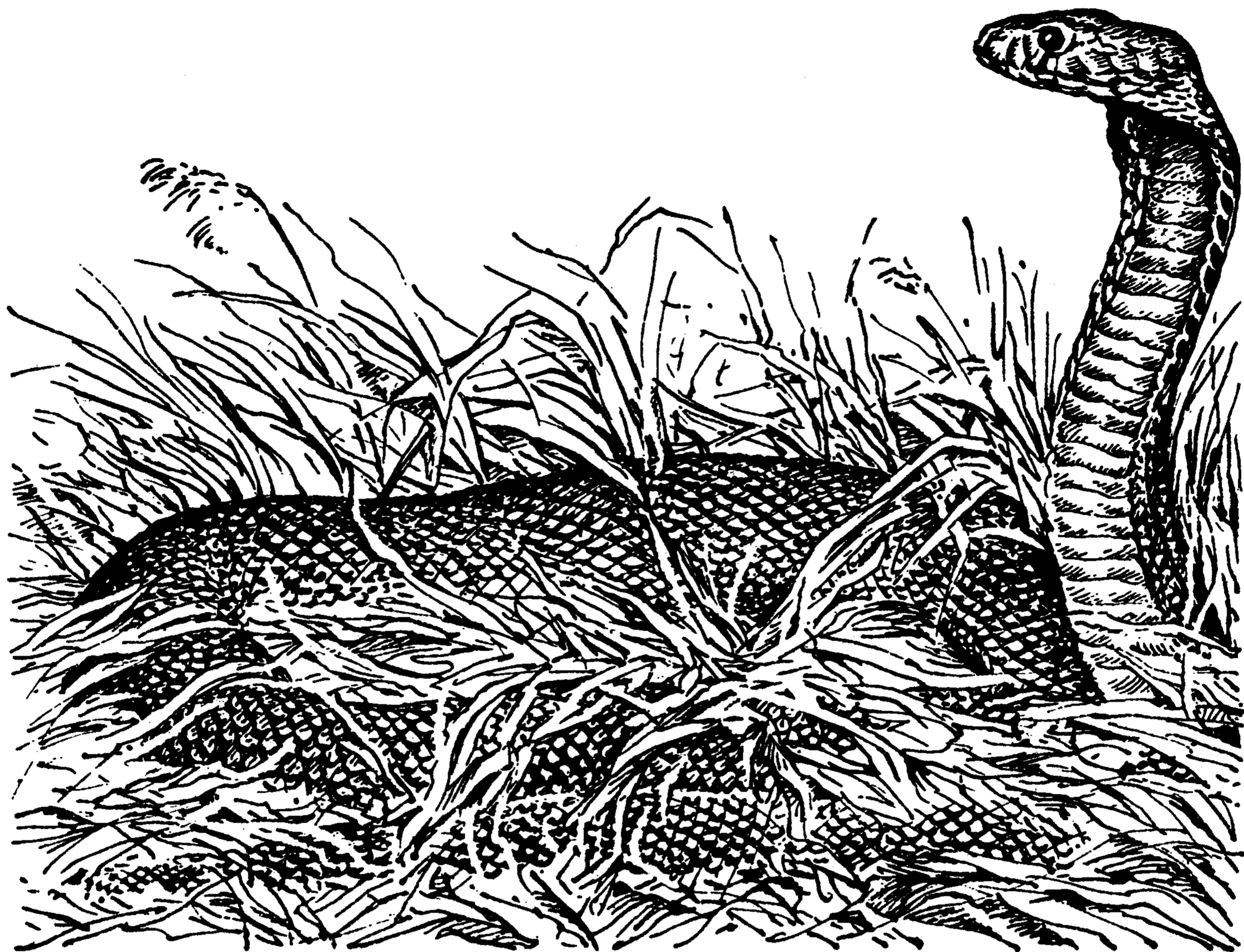
Если покопаться в собственном генеалогическом древе, то можно обнаружить, что наши деды и прадеды приводили себе жен из ближайших деревень, в лучшем случае из другого города. Вся родня сидела в одном районе. Сегодня же у каждого из нас родственники и далеко на севере, и на юге, у многих даже в Америке или в Австралии. С каждым десятилетием люди все больше разъезжают по свету и женятся все в более отдаленных местностях. По-видимому, благодаря этому свежему смешению крови люди от года к году становятся все более рослыми и раньше созревают. Известно, например, что в Европе средний рост свежеспеченных рекрутов за последнее столетие все время увеличивается. Так, сейчас средневековое рыцарское снаряжение вряд ли кому-нибудь из нас налезет. Ведь каждому специалисту-селекционеру известно, что гибриды обычно жизнестойчивее и крупнее своих исходных форм. От смешения человеческих рас можно ожидать того же. Будущее целых континентов будет зависеть от мирного смешения различных народов, при котором обычно появляется особенно много талантов и гениев. Лишь бы африканцы и индонезийцы не переняли у нас, белых, такие чувства, как национализм и расовая дискриминация.

Человек из так называемых цветных ничем от нас не отличается и имеет равные с нами права, поскольку мы ничем не можем доказать его «неполноценность». Разумеется, нельзя, как это часто делается, сравнивать неграмотного африканского деревенского парня с приезжим европейцем. Ведь если мы сравним африканского банковского служащего из Аруши с конюхом какой-нибудь отдаленной баварской деревушки или африканского учителя или профессора университета с английским докером или русским крепостным двухсотлетней давности, тогда все уже будет

выглядеть по-другому. Разве не возмутительно, что даже сегодня в той или иной стране индийскому министру, как цветному, отказываются предоставить номер в гостинице, в то время как необразованного европейского фермера пускают туда охотно даже небритого?

Для меня лично африканец — равноправный человек и брат.

Глава восьмая

ПРО ЯДОВИТЫХ ЗМЕЙ

В один из октябрьских дней мой сын Михаэль сидел под деревом возле нашей алюминиевой хижины и читал книгу. Внезапно до него донесся крик нашего повара Ямбуны. Громко вопя и жестикулируя, тот бежал к дому с палкой в руке. Оказывается, с дерева, под которым сидел Михаэль, примерно в полуметре от его плеча не спеша спускалась черная мамба; она достигала в длину около четырех метров.

Змея намеревалась укрыться в кустарнике возле самого нашего дома, Михаэль же попытался длинной бамбуковой палкой отвести ее в другую сторону. Однако мамба не давала себя сбить с заранее намеченного пути; язык ее непрерывно вибрировал, а голову она приподнимала примерно на полметра от земли. Михаэль не отважился схватить ее за хвост. Так она и исчезла в колючих низких зарослях.

Столь близкое соседство ядовитой змеи совсем не приводило нас в восторг. Хотя черная мамба и пользуется широкой известностью, но прославилась отнюдь не своей красотой, а смертоносностью.

Особенно мы боимся за нашего «бушбеби». Поэтому мы решили сжечь кустарник, в котором она укрылась. Однако змея, по-видимому, спряталась в норе и не желала оттуда вылезать. Ничего не поделаешь, пришлось смириться. Постепенно мы позабыли о неприятном соседстве, тем более что в течение последующих недель мамба ничем не давала о себе знать.

На этом и кончаются все наши личные познания, касающиеся страшной мамбы, по крайней мере здесь, в Африке; во Франкфурте-то у нас в зоопарке предостаточно ядовитых змей. Хотя мамба в Африке и считается не редкой змеей, лично я на воле не видел там ни одной из них (в то же время я не хочу оспаривать, что, возможно, уже не одна мамба видела меня).

Но я могу рассказать потрясающие истории о злодеяниях черной мамбы, которые я вычитал в книжках или слышал от «очевидцев». Ведь находится немало любителей создать этой змее скандальную репутацию...

Вот, например, рассказывают такой случай. Жених с невестой решили прокатиться верхом. Вдруг из травы им навстречу поднялась черная мамба, держа голову на высоте лошадиной морды. Парочка немедленно поворачивает и, прищипывая лошадей, галопом мчится обратно, однако мамба их настигает, кусает жениха, кусает невесту, а затем и лошадей. Все умирают.

Или. Один фермер, повстречав мамбу, тут же убивает ее выстрелом в голову. Желая отучить свою молодую жену бояться змей, он кладет убитую мамбу на полу их спальни, свернув ее кольцами, словно живую. Спустя два часа подвыпившие гости заметили, что молодая женщина так и не вернулась к столу после того, как пошла укладывать детей спать. Перепуганный муж нашел ее мертвой на полу, а рядом с ней вторую, живую мамбу, которой он тут же разможил палкой голову.

— О Боже, я же должен был знать, что супруг мертвой змеи всегда приходит, чтобы отомстить за убитую подругу! — закричал он, ломая руки.

И еще. Один государственный чиновник вел машину по пустынной местности, увидел мамбу, переползавшую через дорогу, и решил ее переехать. Тогда змея поднялась, догнала машину и на полном ходу прыгнула в окно. Двое укушенных пассажиров упали замертво.

Теперь я должен внести некоторые пояснения. Во-первых, змеи не живут парами, а следовательно, у них не бывает никаких «мужей» и «жен». Они встречаются только для короткого спаривания и расползаются в разные стороны. Когда встре-

чаешь двух змей вместе, то это могут быть как два самца, так и две самки. Если ядовитая змея наткнется на мертвую подругу, она отнюдь не может догадаться, как и кем та была убита, и уж никоим образом не может испытывать жажды мести.

Ядовитые змеи на человека не охотятся. Проглотить человека они не могут, так как вынуждены заглатывать свою добычу целиком: грызть и жевать они не в состоянии. Такое крупное существо, как человек, от укуса змеи умирает отнюдь не так молниеносно, как мелкая добыча этих рептилий; он еще в течение нескольких минут, а то и получаса в состоянии убить укусившую его змею или хотя бы ранить ее. Поэтому даже самые опасные ядовитые змеи избегают встречи с людьми. Завидя нас, они стараются спрятаться в кусты, уйти в нору или расселину между камнями. Даже если змея ползет вам навстречу, это еще не значит, что она собралась на вас напасть; иногда вы просто стоите перед входом в ее нору, и она проскальзывает в нее меж ваших ног или опрометью бросается туда через ваше плечо с дерева, не имея ни малейшего намерения вас укусить.

Я сотни ночей провел в Африке, причем очень многие из них — в хижинах местных жителей, на голой земле в палатке, а порой прямо под кустом. Тем не менее я должен признаться, что ни разу мне не пришлось проснуться в холодном поту от того, что на моей груди свернулась кобра и не мигая смотрит мне в лицо; ни разу, засовывая по утрам ноги в ботинки, я не наткнулся на африканскую гадюку. Между прочим, в Африке я никогда не ношу высоких сапог, а только спортивные тапочки или сандалии. Но я все-таки не стану отрицать, что подобные вещи м о г у т с кем-нибудь случиться.

Так, ранней весной этого года в Банаги один из африканских рабочих парка лежал с тяжелым приступом малярии в своей сторожке. Вдруг он почувствовал, что рядом с ним кто-то шевелится, стал ощупывать пол возле постели, и тут его укусила в руку мамба. Наш друг Майлс Тернер сразу же приехал к нему с «аптекой от укусов змей». Это очень разумно составленный набор сывороток в специальном жестяном ящике, которые выпускает змеиный питомник «Фиц-Симонс» в Дурбане (Южная Африка). Мы всегда возим с собой такой ящичек в машине и в самолете. Майлс сделал укушенному глубокие надрезы на руке, только вдоль (поперек их ни в коем случае нельзя делать, чтобы не повредить какие-нибудь сухожилия, нервы или кровеносные сосуды), втер в раны перекись марганца и затем ввел ему сыворотку. Пострадавшего отвезли в госпиталь в Икому. Вернулся он только через два месяца. Так

как змеиный яд имеет способность омертвлять большие участки мускульной ткани, этот человек впоследствии мог показывать такой фокус: всовывал палочку в одно отверстие на руке и вытаскивал ее 20 сантиметрами выше из другого.

Кай, молодая жена Майлса, одно время очень волновалась из-за того, что каждую ночь на чердаке над тонким потолком их спальни возилась огромная мамба. Она охотилась там на летучих мышей и крыс. Кай так настойчиво приставала к мужу с этой мамбой, что он наконец вместе со своим заместителем разобрал полкрыши и с охотничьим ружьем и большим зарядом дроби пополз по чердачному перекрытию. Он нашел два целых выползка¹ с сохранившейся роговицей от глаз, а также остатки от многих змеиных пиршеств, но самого чудовища отыскать не смог. Так змея и продолжает шуршать над потолком, и Кай со временем пришлось привыкнуть к этому.

Я не собираюсь, боже сохрани, утверждать, что от змеиных укусов нельзя умереть. Очень даже можно. У меня был друг, испанец Луис де Лассалетта, который поймал в Западной Африке двух молодых горилл для Франкфуртского зоопарка; он же привозил нам гигантских камерунских лягушек. В январе прошлого года ядовитая змея, которую он хотел засунуть в ящик, вырвалась и укусила его в шею. Через десять минут он был мертв.

Но ведь обыкновенные смертные обычно не ловят в Африке ядовитых змей и не пересаживают их голыми руками из ящика в ящик...

С другим моим знакомым, Мерлином Перкинсом, директором одного из двух больших зоопарков Чикаго, дважды чуть не случилось то же самое. Когда он был куратором по рептилиям зоопарка в Сент-Луисе, его укусила кассава (или африканская габунская гадюка). Эти толстые, неповоротливые змеи могут издавать такое же громкое шипение, как проткнутая автомобильная камера. Укус был не самый опасный — в указательный палец. Кроме того, только один из двух ядовитых зубов проник в кожу. Рану сейчас же разрезали и высосали. Перкинс обратился за советом по телефону в Нью-Йорк. Но поскольку в то время сыворотка против яда этой змеи еще не была найдена, пострадавшему стали вводить все сыворотки против других ядов — гремучей змеи, кобры и южноамериканской копьеголовой гадюки. Несмотря на все старания, пациент все же потерял сознание, пульс его упал до 50 и вскоре

---

¹ В ы п о л з о к — сброшенная змеей во время линьки кожа. (Примеч. перев.)

совсем перестал прослушиваться, зрачки неестественно расширились и не сужались от резкого света, моча была насыщена кровью. Когда смерть уже казалась неминуемой, больному сделали переливание крови, которое ему сразу помогло. Через три недели ему уже разрешили выписаться из госпиталя. В 1951 году его снова укусила змея, на этот раз южноамериканская, и тут понадобилось уже несколько переливаний крови; случилось это во время телевизионной передачи.

Обыкновенные люди, которые, разумеется, не участвуют в подобных опасных телевизионных выступлениях, могут подвергнуться укусу ядовитой змеи только в том случае, если наступят на нее нечаянно ногой, сядут на нее в траве или заденут головой за сук, на котором она отдыхает. Еще чаще змея может укусить, когда кто-нибудь хочет ее убить или поймать и ей приходится защищаться. Но в общем-то почти всегда можно спастись бегством, исключая лишь те случаи, когда змея делает совершенно неожиданный бросок.

Мы часто переоцениваем скорость передвижения этих созданий. Н и о д н а з м е я н е м о ж е т д о г н а т ь ч е л о в е к а. Джеймс Оливер, куратор по рептилиям в Нью-Йоркском зоопарке, написал целую книгу об истинном поведении змей и суевериях; кстати, рассуждая здесь о змеях, я в основном на нее и опираюсь. Однажды Оливер с секундомером в руках проследил, что самая «быстроходная» из всех ядовитых змей — черная мамба — может развить скорость примерно лишь 11 километров в час. В то же время лошадь и даже человек на короткой дистанции могут развить скорость до 30 километров в час. Убегать от слонов, львов, горилл, носорогов или бегемотов нет особого смысла, а порой и опасно, так как вид убегающего всегда может вызвать у них желание напасть. Что же касается ядовитых змей, то от них можно и нужно улепетывать во все лопатки.

Даже отрубленная змеиная голова способна еще на смертельный укус. Однако бросок ядовитой змеи происходит отнюдь не «быстрее молнии». Когда однажды при помощи съемок проверили быстроту броска гремучей змеи, то выяснилось, что ее голова движется со скоростью примерно 2,7 метра в секунду. Бросок кобры происходит еще медленнее. Секунда ведь достаточно долгая: даже неподготовленный человек наносит удар кулаком со скоростью 6 метров в секунду — это вдвое быстрее, чем бросок гремучей змеи. Форель плавает со скоростью 2,3 метра в секунду, пчела пролетает 2,8 метра в секунду, а стрекоза — 7,5 метра в секунду.

Умелые «заклинатели змей», шутя и играя, стучат кобру по голове прямо во время ее броска. Большинство змей могут настигнуть свою жертву, только если она находится на расстоянии трети или половины длины их собственного тела. Однако те африканские змеи, которые плюются ядом, целясь прямо в глаза, могут попасть в свою жертву и с двух, а иногда и с трех метров. Яд вызывает в глазах страшную боль и тяжелейшее воспаление. Иногда люди при этом на две-три недели теряют зрение, а в исключительных случаях и совсем слепнут.

Заклинатели змей, сидящие вдоль обочин дорог с кобрами в корзинках, играя перед ними на флейте, отнюдь не закливают этих рептилий, а используют именно их медлительность. Тот, кто знаком с повадками кобр, может легко избежать смертельного укуса. Например, днем кобры, как правило, совершают только ложные броски — с закрытой пастью. Фокусники специально выбирают себе те экземпляры, которые не стараются все время уползти, а, наоборот, подолгу стоят с вертикально поднятой головой. Заклинатель поводит флейтой из стороны в сторону, чтобы раздраженное состояние животного не ослабевало и чтобы змея, оставаясь в вертикальном положении, поворачивала голову вслед за всеми его движениями. При этом она совершенно не слышит звуков флейты, так как змеи глухи, они не воспринимают воздушных звуковых волн, у них нет даже ушных отверстий. Когда однажды очковой змее заклеили лейкопластырем глаза и рот, она продолжала гневно подниматься, когда кто-нибудь проходил мимо; когда же при ней стучали палкой по пустой жестянке, она этого шума совершенно не замечала. Эти животные воспринимают лишь вибрацию почвы и запахи. Тем не менее до сих пор некоторые верят в то, что змей можно «заворожить» музыкой.

Несмотря на всю свою ловкость, многие закливатели змей рано или поздно погибают по милости своих питомцев. Это объясняется очень просто: со временем эти люди становятся чересчур уверенными в себе и оттого легкомысленными. С нами, работниками зоопарков, такое тоже легко может случиться. Двадцать лет назад я держал у себя дома отечественных гадюк, ядовитость которых обычно сильно преувеличивают. Погибнуть от их укуса могут разве что дети или ослабленные, больные люди, и то только в виде исключения. У меня тогда еще не было опыта в обращении с ядовитыми змеями, но я заметил, что они совершенно спокойно разрешают брать себя в руки. Брал я их обычно сверху, чуть позади головы. Но однажды я где-то прочел, что они могут сильно сдвигать нижнюю челюсть

вбок и при этом, извернувшись, вонзить в палец ядовитые зубы верхней челюсти. На другой день я надел на всякий случай кожаную перчатку, и первая же змея, которую я взял в руку, продемонстрировала мне этот прием...

Большинство людей переоценивают вероятность встречи с ядовитыми змеями в тропиках. Однако они себе при этом не представляют, что значит погибнуть от змеиного укуса. Ведь маленькие жертвы, для которых предназначена эта дьявольская отравка, погибают от нее молниеносно, возможно даже безболезненно. Мы же больше их в десятки, сотни раз и потому мучаемся от укуса долгие часы, а то и дни.

Далеко не все змеиные яды уже полностью исследованы. Но мы знаем, что одни из них поражают нервную систему, другие — кровь и ткани и что существует множество комбинаций из них. Яды, поражающие нервную систему, вызывают судороги и параличи в первую очередь дыхательного центра. В то время как дыхание уже прерывается, сердце часто продолжает еще некоторое время биться. Определенные составные части ядов делают стенки кровеносных сосудов проницаемыми; тогда кровь проникает непосредственно в ткани, конечности становятся красными, затем черными, ужасно набухают, у пострадавшего поднимается кашель и рвота, в его испражнениях появляется кровь, глаза тоже наливаются кровью. Человек при этом может погибнуть от кровоизлияния в брюшную полость. Другие составные части ядов вызывают разложение тканей: они предназначены для подготовки добычи к лучшему перевариванию в змеином желудке, ведь змея не способна жевать и вообще размельчать свою пищу. Умерщвленная ядом крыса переваривается змеей за четыре дня, на переваривание дохлой крысы змее необходимо 13 дней. Даже в тех случаях, когда пострадавшего с помощью сывороток удается спасти, яд часто все же приводит к отмиранию конечностей, вызывает страшное жжение, длительные воспаления; укушенный может ослепнуть, оглохнуть или остаться частично парализованным.

Здесь, в Танганьике, люди племени киока прекрасно умеют обращаться с ядовитыми змеями. Несколько лет назад один молодой американец, собиравший змей для американских музеев, подружился с вождем этого племени Калолой и его племянником Ньюкой. Однажды юный американец стал свидетелем того, как Ньюку укусила в ногу черная мамба. Американец страшно разволновался, но пострадавший успокоил его, уверяя, что ничего особенного с ним не случится, что он якобы «змееустойчив». Однако искреннее участие белого так его тро-

нуло, что он обещал посвятить его в ритуальные тайны своего племени.

Американцу пришлось принять участие в целом ряде колдовских церемоний. Так, ему сделали много маленьких надрезов по всему телу и втерли туда порошок под названием «лукаго», состоящий из самых различных компонентов, среди которых основную роль играли высушенные и измельченные в пудру головы и хвосты ядовитых змей. Под конец он должен был схватить мамбу и позволить ей себя укусить.

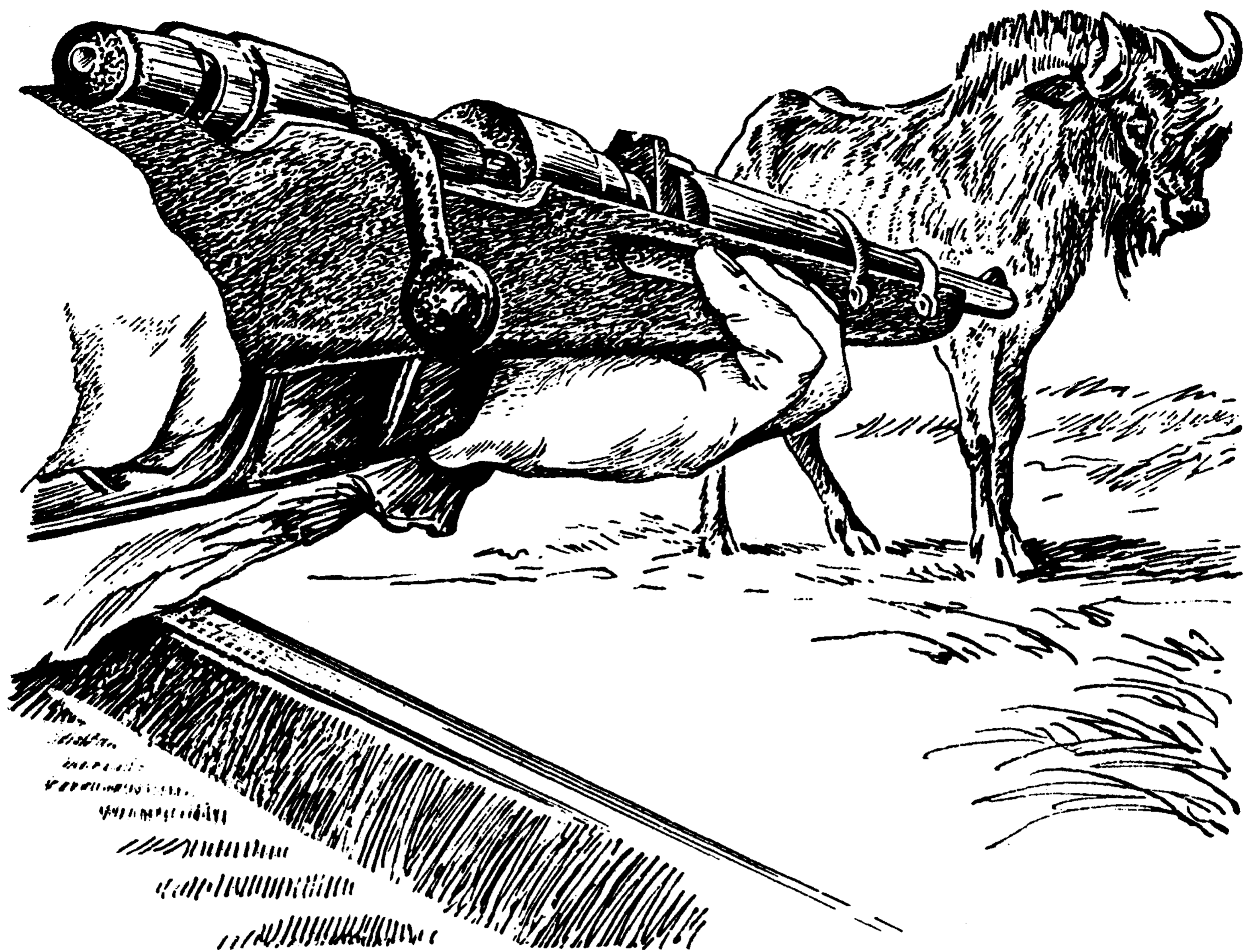
Молодой человек был убежден, что сделал большое открытие, и хотел свои новые познания использовать на благо человечества. К счастью, он прихватил с собой в лагерь экспедиции нескольких подаренных ему ядовитых змей. Когда их обследовали, то выяснилось, что у всех змей удалены ядовитые зубы. Значит, американца кусали совершенно обезвреженные животные.

Однако далеко не всегда можно быть уверенным в том, что уличные фокусники манипулируют с безвредными змеями. Иной турист, уверенный в этом, начинает трогать змею, а «заклинатель» делает только вид, что хочет этому помешать, чтобы спасти себя от штрафа: ведь всякий несчастный случай для него только реклама.

Так, в Гане один такой «заклинатель змей» предлагал какое-то колдовское средство против змеиных укусов. Чтобы обставить дело как можно интереснее, он принес с собой кобру и двух кассав. «Заговорив» кобру, он дал подержать ее одному из зрителей. Змея укусила этого человека в щеку, и через час он умер. Потом выяснилось, что все три змеи имели совершенно целые ядовитые зубы и железы их были полны яда. «Факир» получил три года тюрьмы за непреднамеренное убийство.

А в общем и целом в Африке с ядовитыми змеями дело обстоит точно так же, как со львами и слонами: если не задаваться специальной целью их найти, их никогда и не увидишь.

Глава девятая

СЛОЖНЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ С «ЧУДО-РУЖЬЕМ»

Мы с Михаэлем лежим рядом на своих раскладушках в нашем алюминиевом домике, гримасничаем и размышляем. Гримасничаем мы потому, что бреемся. Бриться здесь электрическими бритвами не так-то просто, ведь до ближайшей электросети 400 километров. Эту тяжелую задачу каждый из нас решил по-своему: я пользуюсь электробритвой, в которую закладывается батарейка от карманного фонарика. Такие батарейки можно купить в любой индийской лавчонке в самой отдаленной африканской деревне, достать их не труднее, чем гуталин. Одной хватает на четыре — шесть недель.

Белый элегантный аппарат Михаэля стоит вдвое дороже, и заряжать его надо от электросети, если таковая имеется. Михаэль считает, что мы все равно каждые две недели бываем в Найроби или Аруше, где в отеле это всегда можно проверить. Он заявляет, что мой аппарат, видите ли, слишком громко жужжит и слишком медленно бреет. Я же в свою очередь утверждаю, что в Найроби он летает специально лишь за тем, чтобы заряжать свою элегантную аппаратуру.

Вот так каждое утро мы отстаиваем свои принципы — каждый свои. Люди ведь испокон веков привыкли отстаивать свои принципы, и часто они не намного важнее этих.

Итак, мы надуваем то одну, то другую щеку и строим всяческие гримасы. Одновременно мы напряженно размышляем: у нас есть для этого серьезные причины. Так же как сегодня, мы совещались уже не раз за последние недели. Мы теперь точно выяснили, что все наши 367 тысяч крупных четвероногих в сезон дождей целые недели и даже месяцы пасутся за пределами новых восточных границ парка. Животные, ради которых был основан национальный парк, ежегодно должны будут жить какую-то часть года вне границ заповедника. Во время дождей они собираются огромными стадами и кочуют по открытой степи. Мы каждый день можем летать вслед за ними и таким образом узнавать, где находится то или иное стадо.

В сухое время года все выглядит по-иному. Стада разбиваются на небольшие группы, состоящие из 100 или 150 голов. Большая часть их пасется в «коридоре» возле озера Виктория, а других мы встречали на севере, далеко за пределами парка. Но те ли это самые, которые в сезон дождей огромными армиями пересекали степь? Нас неотступно преследует мысль: их необходимо покрасить, чтобы иметь возможность распознать среди других. Может быть, загнать их между двумя заборами, сходящимися наподобие воронки? Там, в конце этой воронки каждое животное должно будет переплыть лужу с красной краской. Нет, мы уже давно убедились в том, что из этого ничего не выйдет. Их шерсть должна быть предварительно хотя бы обезжирена. Наши 99 481 гну — черные, а черные волосы нельзя выкрасить в красный цвет, в лучшем случае их можно покрыть масляной краской.

Михаэль бросает окурок сигареты прямо возле кровати, спускает ногу и вдавливают его каблуком в рыхлый песок. Это очень практично, когда в комнате вместо пола грязный рыхлый песок. Не надо тратить время и энергию на подметание: всякий мусор можно прямо бросать на землю и закапывать. Хорошо, что здесь одни мужчины!

Михаэль говорит:

— А кстати сказать, попробуй-ка загнать стадо гну или зебр туда, куда тебе надо! Разве ты не помнишь, как мы однажды пытались это сделать с помощью двух машин? Как только животные заметят, что их куда-то теснят, они непременно вырвутся и побегут в обратном направлении.

Ушные метки слишком малы. Если их сделать даже побольше и цветными, все равно такую зебру трудно отличить среди трех тысяч остальных. Ведь они должны бросаться в глаза всякому, включая посетителей парка, которые тогда тоже смогут сообщать о месте их нахождения. А нельзя ли отдельным животным вешать на шею маленькие батарейные передатчики, которые будут запеленгованы? Но такой батарее хватит не больше чем на пару недель.

И мы решили остановиться на ошейниках. Но не на кожаных, которые мы уже пробовали использовать: те портятся от сырости и солнца; кроме того, краска держится на них не очень крепко — она соскабливается, осыпается, и вскоре такой ошейник уже становится незаметным. Нам пришла в голову мысль использовать новую яркую синтетическую ткань, которой теперь обтягивают шезлонги. Такая ткань совершенно невесома, прочна и в любых условиях сохраняет свою кричащую окраску. Мерку мы сняли со своих зебр в зоопарке. Для изготовления ошейников материал нашивается один на другой в пять слоев, правда, для маленьких газелей только в два слоя. Такие воротники не стесняют движений животных, не цепляются за кустарник и, главное, не могут потеряться. Зато с воздуха их прекрасно видно.

Во всем этом деле только одна загвоздка: как ухитриться надеть цветные воротнички на шею газелям и гну? Это не так-то просто. Ведь сначала их нужно изловить, и притом всю операцию проделать очень быстро, иначе стадо, к которому относится данное животное, убежит, и оно не сможет уже к нему присоединиться. Зебру, которой мы 4 мая надели красный нейлоновый ошейник и вдели в ухо метку № 21, один из лесничих увидел 12 сентября на 100 километров севернее, вне границ национального парка; она весело резвилась среди своего стада. Тридцать первого октября это животное вновь видели примерно в двух километрах от того места, где мы в мае пристегивали ему ошейник. Даже с воздуха, с высоты 500 метров, его можно было довольно легко отыскать в стаде.

Последние два года в специальной литературе стали рекламировать «чудо-ружье». Действует оно якобы почти как соль, которую в сказке сыплют на хвост какому-нибудь животному, чтобы его поймать. Один профессиональный охотник диких животных в Африке предлагал мне такое ружье за 600 долларов. Он писал, что с его помощью я смогу за несколько минут усыпить и посадить в клетку любого слона, гориллу или льва, прежде чем они опомнятся.

Разумеется, мы приобрели такой волшебный инструмент, правда за четверть этой цены, непосредственно у той американской фирмы, которая их выпускает. Выглядит оно как обычное охотничье ружье, но вместо пороха заряжается стальными баллончиками с углекислотой — точно такими, которые используются для сифонов. Когда нажимаешь на курок, ударник вызывает взрыв заряда с углекислотой. Это создает давление в 50 атмосфер, и заряд летит на расстояние от 20 до 30 метров.

А заряд этот не что иное, как настоящий шприц для инъекций, только не стеклянный, а стальной. На конце его полая игла, которая и вонзается в тело животного. От удара при выстреле в заднем отсеке шприца таблетка карбида попадает в воду, отчего выделяется газ, который толкает вперед поршень. Таким образом наркотическое средство и вводится через полую иглу в организм животного.

Весьма хитроумное изобретение. Однако до сих пор его, видимо, применяли только на запертых в загонах оленях. Наши же зебры не желали подпускать нас даже на 120 метров. А «шприцemet» в свою очередь был очень чувствителен ко всякого рода толчкам. Заряды нельзя было возить с собой в готовом виде (то есть с наркотиком впереди и с водой и карбидом сзади), их каждый раз надо было заново приготавливать перед выстрелом, как в аптеке. А ведь животные обычно так долго не ждут. Кроме того, такой медицинский заряд пролетал то 20, то 35 метров, и поэтому попасть нам удавалось крайне редко.

В один прекрасный день шприц вонзился прямо в круглый зад жеребца зебры. Мы с Михаэлем ждали-ждали, но ничего не произошло. Тогда нам пришлось догнать жеребца на машине и на полном ходу вытащить эту штуковину обратно. Оказывается, она не сработала и все снадобье было еще внутри. Если бы мы не заполучили назад этот шприц, то могли бы решить, что доза наркотика слишком мала. А удвоенная доза при следующем выстреле вполне могла бы оказаться смертельной для «пациента». В общем все очень сложно.

Так день за днем мы подкрадывались со своим ружьем к животным. Однако вскоре такая стрельба показалась нам слишком опасной для наших подопечных. Поэтому мы упаковали это «чудо-ружье» и на пассажирском самолете отвезли его во Франкфурт.

Михаэль задумал реконструировать «шприцemet» и в течение 14 дней не выходил из механической мастерской. Он развешивал сложенные вчетверо или впятеро мокрые одеяла

и по ним стрелял. У мясника он брал целые туши, выносил их в сад и устраивал там настоящий тир.

Теперь мы привезли в Банаги американское «чудо-ружье», реконструированное по эскизу Михаэля. Поскольку мы все равно подбираемся к животным на машине, нам не мешает то, что ружье присоединено теперь шлангом к большой бутылки со сжатым воздухом. Она создает давление в 200 атмосфер, поэтому заряд пролетает уже расстояние в 40 метров и значительно точнее.

Сам «заряд-шприц» теперь тоже устроен иначе. Прежде карбид смешивался с водой при толчке от выстрела. Таким образом, наркотик начинал выливаться из иглы уже во время полета, отчего часть его терялась, не достигнув цели. Теперь поршень шприца приходит в движение только после удара о тело животного, и мы можем быть уверенными, что весь наркотик попал в организм, а не расплескался наполовину по дороге. Кроме того, мы заранее заготавливаем у себя дома 10 или 15 таких зарядов и берем их с собой в машину; теперь им не страшны ни тряска, ни резкие толчки.

Наш шофер Мгабо очень интересуется всем происходящим. Он внимательно следит за нашими сборами и старается, чтобы все шло как по маслу. Мгабо помнит каждый аппарат и каждый штатив, знает наперечет все наши чемоданы и ящики. У Германа, который сопровождает нас в течение нескольких недель, «лейка». Мгабо почему-то очень расстроен тем, что она изящнее моей «Практисикс». Голосом, полным сожаления, он все время повторяет на суахили:

— Германи камера кидого!

При этом он сильно растягивает букву «о»: «Кидо-о-о-го!» — «Во-о-т какой маленький аппарат у Германа!»

Однако это не мешает ему зорко следить за тем, чтобы мы ничего не забыли из нашего охотничьего снаряжения.

Мы потешаемся сами над собой: надо же такое придумать — отец и сын Гржимеки отправляются с ружьем на охоту! Мы знаем, что кое-кто с удовольствием заснял бы нас в этот момент, поэтому тут же делаем это сами.

Ну, допустим, выстрелить и кое-как попасть этим аптечным оружием мы еще сможем. А вот чем наполнять летящие шприцы — еще вопрос. Это самая сложная проблема во всем деле.

— Разумеется же одним из усыпляющих средств, которые сейчас вводят больным перед операцией, — скажете вы.

Но все не так-то просто. Больному для этой цели предварительно перетягивают резиновым шлангом руку, чтобы под кожей совершенно явственно проступили вены; затем врач осторожно вводит иглу в кровеносный сосуд и вливает наркотик медленно и постепенно. Прodelать такое с гну совершенно невозможно, так как для этого его надо предварительно изловить и связать. Но тогда уже отпала бы необходимость его усыплять — можно было бы прямо надевать ошейник.

Поэтому нам нужно выбрать средство, которое вводится не в вену, а просто под кожу. Но в таком случае всегда требуется двойная доза, чтобы достичь действия внутривенного вливания; в то же время наркотик должен быть сильно разбавленным, потому что, попав в ткань, он больше жжет и вызывает воспаление. Следовательно, в мускул придется вводить гораздо больше жидкости. А наш заряд вмещает только пять кубических сантиметров. Сколько мы ни советовались с фармацевтами, все они в один голос заявляли, что в пяти кубических сантиметрах воды невозможно развести то количество наркотика, которое необходимо для усыпления лошади.

При этом следует добиться, чтобы животное, в которое попал заряд, не было бы в состоянии долго бежать, ведь оно может удрать так далеко, что мы потеряем его из виду. Но в то же время вскоре после наркоза оно должно вновь очнуться и окончательно прийти в себя. Иначе его стадо успеет далеко уйти, а другие зебры могут его еще и не принять. Если же животное долго будет находиться в бессознательном состоянии или нетвердо держаться на ногах, то легко может стать жертвой хищников, у которых на такие вещи глаз очень хорошо наметан. Когда год назад полковник Питер Моллой предложил нам попробовать разгадать загадки Серенгети, мы и не подозревали, что для этого нам придется стать еще и анестезиологами.

Мы знаем очень немного веществ, обладающих молниеносным действием; одно из них — это широко известный страшный южноамериканский яд для стрел — кураре. Но поскольку он парализует не только мускулы, но и диафрагму, то всегда может привести к удушью. Поэтому мы не стали даже пробовать его на наших животных.

Та самая доза наркотика, после которой люди спокойно спят, пока им удаляют аппендикс, в течение долгого времени может не оказывать никакого действия на собаку. Если эфиром легко усыпить кошек, то коровы от него приходят только в

крайнее возбуждение. Лошадь хотя и весит примерно в 10 раз больше человека, однако от десятикратной дозы усыпляющего средства даже не теряет сознания. Мозг ее устроен примитивнее и потому не столь восприимчив к ядам — чтобы снадобье подействовало на лошадь, ветеринару приходится увеличивать «человеческую» дозу почти в 100 раз.

Мы с Михаэлем очень осторожно приближаемся к стаду гну. Мы не едем прямо к нему, а делаем вид, что проезжаем мимо, стараясь, однако, держаться как можно ближе. Потом Мгабо медленно тормозит, а Михаэль поднимает ружье и прицеливается. В тот самый момент, когда Мгабо поворачивает ключ от зажигания, раздается выстрел. Сейчас все гну моментально поднимут головы и отбегут в сторону.

Из предосторожности мы испробовали свое усыпляющее средство еще в Европе на козах. До четырех с половиной миллиграммов на каждый килограмм веса тела они переносили без всякого вреда для себя. Несмотря на это, мы решили для начала нашим большим черным антилопам дать только третью часть такой дозы на каждый килограмм.

Старому, хорошо упитанному самцу заряд попадает в правое бедро. Рана не кровоточит. Я смотрю на секундомер и напряженно жду. В поведении животного ничего не изменилось, оно даже начинает снова пастись.

Но вот через пять с половиной минут гну задрожал, движения его стали неестественными, и спустя еще полторы минуты он упал как подкошенный. Когда Михаэль стал к нему приближаться, гну, шатаясь, поднялся, пытаясь его боднуть. Рога этой антилопы растут вертикально вверх и остры, как кинжалы. Поэтому мы на всякий случай накидываем животному на шею две веревки и валим его на землю.

Этому здоровенному бородачу мы вдеваем в правое ухо алюминиевую метку, такую же, какими принято метить коров или овец. На метке выгравировано по-английски: «10 шиллингов вознаграждения за доставку в национальный парк Аруша». На ухе гну и у нас в списках теперь значится № 25.

Однако мы не уверены, что гиены или львы не сожрут когда-нибудь этого гну вместе с его меткой, поэтому мы еще пристегиваем ему на шею яркий зеленый ошейник. Затем мы оставляем этого старого господина в покое, запаковываем наши шприцы, пассатижи для укрепления меток, ошейники и ве-

ревки, садимся в свой полосатый вездеход и отъезжаем на 50 метров. Там мы ждем, пока животное встанет и уйдет.

Проходит восемь часов, а мы все ждем. За это время мы не раз пытались поднять животное на ноги, но оно шаталось и снова ложилось на землю. Правда, теперь гну лежит уже не на боку, а на животе, подняв голову кверху, но он все еще не пришел в себя.

Темнеет. Мы не можем оставить своего пациента одного, потому что на него сейчас же набросятся гиены. Эти физи, как их здесь называют, уже окружили нас довольно плотным кольцом и выжидают. Как только мы тушим фары, они нахально подбегают совсем близко. Тем временем гну, кажется, начинает чувствовать себя лучше. В половине девятого он принимается жевать жвачку. Когда Михаэль в 11 часов ночи приблизился к нему, чтобы проверить пульс и дыхание, он вскочил на ноги и бросился в атаку. Преследовал он Михаэля не больше чем десять метров, а потом снова свалился.

Ожидание продолжается. В половине второго ночи мы снова испугиваем гну. Он начинает описывать большие круги, примерно 50 метров в диаметре. Наша машина стоит прямо посередине, но он ее даже не видит. Не замечает он и того, что мы освещаем его карманным фонариком. Когда мы загроживаем ему дорогу, он несется прямо на нас. На звуки он тоже не реагирует, но идет совершенно уверенно, не шатается.

Чтобы зря не возбуждать животное, мы решили отъехать в сторону и выключить свет.

Через пять минут мы его вновь включаем. Как раз в этот момент на нашего пациента прыгает гиена и вцепляется ему в хвост. Гну не оказывает никакого сопротивления, не старается спастись бегством, он просто продолжает идти, а физи, испугавшись света, удирает.

Прокружив таким образом полчаса, гну снова лег на землю. Нам ничего не остается, как оберегать его сон. Наконец в половине шестого утра, следовательно за добрый час до рассвета, наш пациент встает и куда-то идет не спеша, но весьма целеустремленно. Мы следуем за ним четыре километра. Теперь животное нас уже явно замечает: если мы приближаемся, оно начинает бежать быстрее. Когда в семь часов рассветает, гну присоединяется к большому стаду. По-видимому, он догнал своих. Во всяком случае, ни одно животное не обратило внимания на его ярко-зеленое украшение.

Хотя гну выглядят крепкими здоровяками, однако оказывается, что для них велика даже та небольшая доза снотворного,

которой усыпляют наших домашних коз. Так как нам совсем не улыбается ночевать возле каждого инъецированного животного, мы еще больше сокращаем дозировку. После многих дней выслеживания, стрельбы, ловли и ожидания мы наконец выявили, что для усыпления гну достаточно тысячной доли грамма на каждый килограмм веса. Тогда нам как раз хватает времени на то, чтобы схватить животное и маркировать его; вскоре после этого оно убегает, и гиены не успевают напасть на него.

На маленьких веселых газелей Томсона та же доза не произвела никакого впечатления. Поэтому с каждым выстрелом мы ее увеличивали. Постепенно мы нашли необходимую дозировку. Теперь мы, можно сказать, уже набили руку на этом деле: почти точно через семь минут после выстрела козлик начинает дрожать, закидывает голову назад, так что рога его, обычно торчащие косо кверху, ложатся почти горизонтально. Еще минута — и животное падает. Тогда надо скорее подбежать и схватить козлика за рога, так как уже через две или три минуты он снова вскочит как ни в чем не бывало. Однако перед этим его нельзя долго гонять; когда он мчится со скоростью 50 километров в час, никакая инъекция на него уже не действует. Стрелять в него можно только в тех случаях, когда он движется медленно, временами останавливаясь. Тогда он вскоре начинает спотыкаться и падает.

Двух козликов, которым мы нечаянно вкатили слишком большую дозу наркотика, нам пришлось забрать с собой в машину и оставить на ночь у себя в домике. Наш «бушбеби» пришел в ужас от соседства с такими «опасными чудовищами».

Итак, гну и томми мы научились ловить при помощи нашего «чудо-ружья». Нам стоило огромных трудов выяснить, что грациозным газелям томми требуется в пять раз больше наркотика на каждый килограмм веса, чем массивным антилопам гну. Теперь мы знаем точно, что с этим ружьем нельзя прямо так, запросто отправляться в дикую местность, чтобы ловить там носорогов, шакалов, страусов или львов. Надо сперва выяснить, сколько наркотика требуется для каждого вида животных, а на это уходят дни и недели.

Зебр, например, мы не можем ловить при помощи нашего наркотического ружья: они не подпускают нас на столь близкое расстояние. А нам как раз хотелось, чтобы несколько дюжин этих «тигровых лошадок» разгуливали в красных, синих или желтых ошейниках. Они ведь стоят на втором месте по численности среди всех кочующих животных нашей серенгетской степи.

Недавно я прочел в одной зоологической книге, что полосатая окраска африканских тигровых лошадок вовсе не защитное, маскировочное средство, а наоборот: ею зебры как бы афишируют себя на фоне окружающего ландшафта. Я с этим совершенно не согласен. Как часто мы не могли отличить с самолета стадо ослов от зебр! Из окна автомобиля это тоже трудно сделать. С известного расстояния черные и белые полосы начинают сливаться, образуя однородный серый цвет.

Что, собственно, представляет собой окраска зебр? Что это — черные полосы на белом фоне или белые на черном? Точно так же можно спорить о шахматной доске: что является рисунком, а что основным цветом. У тигровых лошадок основной все же, видимо, белый цвет, потому что квагги, обитавшие когда-то в Южной Африке, на задней половине тела вовсе не имели полос, а шерсть там была коричневатой. Здесь, в Серенгети, живут зебры Бёма, которых англичане называют также зебрами Гранта. У них ярко-белые полосы. Но несколько южнее, в Африке, можно встретить чэпманских зебр, у которых посреди белой полосы проходит желтая. Еще дальше к югу некогда паслась наиболее пестрая бурчеллиева зебра, у которой не белые полосы, а желтовато-коричневые. Теперь она тоже полностью истреблена. Итак, в окраске зебры основной цвет желтовато-коричневый или белый.

Сегодня после обеда мы поймали и поместили четырех томми. Мы с Михаэлем изрядно устали. На обратном пути я снова забираюсь на радиатор машины, приведя обе свои камеры в боевую готовность. Теплый летний воздух обвевает меня со всех сторон. Внезапно я замечаю, что вокруг нас совершенно «зимний» пейзаж. Покрытый «изморозью» кустарник стоит голый, без единого листочка, зато каждая веточка сверкает в ярком солнечном свете. Это блещут длинные острые шипы, торчащие во все стороны с каждой ветки.

Мы нечаянно испугиваем двух детенышей гепарда, лежащих в траве возле самой дороги. Они убегают, но тут из травы в 50 метрах от нас выскакивает их мамаша и злобно бросается к машине. Некоторое время она продолжает бежать рядом с нами на расстоянии полутора метров от колес; скорость ее при этом 50 километров в час.

Обычно гепарды побаиваются людей, и я никогда не подумал бы, что материнская любовь может толкать их на столь смелые поступки.

У дороги стоят две самки жирафа с четырьмя детенышами и с любопытством пялят на нас глаза с высоты своих пяти метров. Все четверо детенышей-однолеток тоже уставились на нас, но уже этажом ниже, с высоты двух метров. Бывают ли у жирафов близнецы, или они устраивают детский сад и одна сестра присматривает за малышами другой? Ни одного другого жирафа поблизости не видно.

Да, еще полно никем не разрешенных вопросов, касающихся жизни диких животных.

Мы останавливаемся. По ту сторону высохшего русла реки Грумети под высокими деревьями резвятся 30 или 40 павианов.

Их тощие и неловкие детеныши играют в «салочки» — ловят друг друга за хвост, взбираются на кусты и стягивают один другого вниз. Молодая антилопа бушбок тоже хочет принять участие в игре, но павианчики довольствуются собственным обществом и не обращают на нее никакого внимания. А козлик все стоит, опустив голову, приглашая кого-нибудь с ним побороться. Наконец одна из обезьянок подошла и схватила его руками за рожки. Козлик сейчас же принялся забавно скакать из стороны в сторону.

Один лесничий однажды наблюдал, как маленькие павианы садились верхом на детенышей антилопы импала и те охотно принимали участие в этой игре.

Жеребец зебры покусывает кобылу за передние ноги. Она, как бы испугавшись, отбегает, но, поскольку он не отстает, она опускается на колени, пряча ноги под туловище. Тогда он кладет свою шею поперек ее и старается пригнуть голову кобылы к земле. Начинается настоящая проба сил. Но вот он на секунду ослабляет внимание, и она сейчас же подминает его голову под свою; ей даже удается опрокинуть жеребца на бок, но он выскользывает и вскакивает на ноги.

Разыгравшаяся кобылка дергает его зубами за гриву, опускается перед ним на колени и вызывает его на новую потасовку. Когда он приближается, она внезапно вскакивает, делает вид, что хочет убежать, и в это время лягает его задними ногами. Она явно влюблена — это заметно по тому, как широко она разевает рот и прижимает уши. Таким образом у лошадей и ослов принято выказывать свое расположение.

О зебрах нам пока известно еще очень мало. Недавно один немецкий дрессировщик, Гайнц Гибел, приучил зебру различать 20 разных значков — кресты, кружки, треугольники и т. д. — и только под определенными из них искать свой корм. Животное помнило эти значки и спустя десять с половиной месяцев — значит, зебры обладают достаточно хорошей памятью.

Меня всегда беспокоило, что наши зебры в зоопарке так жиреют. Но здесь, в Серенгети, я убедился, что на воле они еще упитаннее. Так и хочется похлопать рукой по их круглому, блестящему крупу.

Во многих частях Африки, в том числе и в Серенгети, европейские лошади жить не могут. Они погибают от болезни нагана (чума скота). До того как был изобретен автомобиль,

европейцы не раз пробовали приучить зебру ходить в упряжке и под седлом. Зебры становились ручными, охотно тянули повозки, но долго не выдерживали и погибали. И не удивительно: из старых отчетов я узнал, что во время засухи их не подкармливали, как лошадей, концентрированными кормами, а пускали пастись на выжженной, сухой траве.

Возможно, с помощью наших ошейников и ушных маркировок удастся заодно установить, до какого возраста может дожить зебра на воле. В зоопарке они живут очень долго. В Амстердамском зоопарке квагга прожила с мая 1867 до августа 1883 года. К концу своей жизни этот экземпляр остался единственным на земном шаре, так как за это время на его родине белые фермеры успели перестрелять сотни тысяч его собратьев и наделать из их шкур мешки для зерна. А зебра Чэпмана в Дублинском зоопарке прожила даже 46 лет.

Мгабо сворачивает с дороги и медленно едет прямо по степи. В тени единственной зонтичной акации сидят гиеновые собаки; они всегда неравномерно пятнистые — черно-бело-желтые, но непременно с белой кисточкой на конце хвоста. Со скучающим видом они осматривают окрестности. Нам нечего беспокоиться, что они убегут, не дав себя заснять: гиеновые собаки не обращают никакого внимания на автомобили и очень мало — на людей. Даже когда я вылезая из машины, только некоторые поднимаются на ноги, остальные остаются под деревом.

Странные, зловещие создания эти дикие собаки с огромными ушами. Если они всерьез задумают загнать антилопу канну, водяного козла или гну, то жертва обречена. Когда нам пришлось чинить свой охромевший самолет прямо среди степей Масаби, мы с Михаэлем наблюдали, как семь таких разбойников ловили самку газели томми. Две гиеновые собаки отогнали газель от ее стада и не спеша бежали за ней. Газель же скакала огромными прыжками, отталкиваясь сразу всеми четырьмя ногами, и через несколько минут уже заметно устала.

Тогда обе собаки побежали быстрее, а со стороны наперерез кинулась остальная стая, и не успели мы разобраться в том, что происходит, как газель уже была схвачена и разорвана на куски.

Майлсу недавно удалось наблюдать, как после одного такого разбойничьего налета четыре гиеновые собаки деловито направились к двум норам в земле, заскулили возле них и оттуда появилось четверо щенят. Родители отрыгнули мясо, и малыши с жадностью на него набросились.

Как-то две такие дикие собаки явно потеряли свою стаю. Они звали ее, низко опуская голову к земле, а затем выпрямлялись и прислушивались. Через несколько минут вся остальная братия уже неслась им навстречу с противоположной стороны холма.

Бывали случаи, когда загнанные антилопы в смертельном страхе старались спастись среди людей — вбегали прямо в лагерь или прятались между работающими на поле женщинами. Иногда собак удавалось прогнать криками и камнями, но часто они, не стесняясь присутствия людей, разрывали свою жертву прямо на виду у всех.

Как только одна из собак впивается зубами в добычу, все остальные делают то же самое. Начинается бурная дележка: одна впивается в горло, другая поглощает внутренности, а третья — нерожденного детеныша, вывалившегося из вспоротого живота. Это выглядит омерзительно и страшно, но происходит в столь быстром темпе, что не успеваешь оглянуться, как все уже кончено.

Гиеновые собаки не побоялись как-то напасть даже на бегемота; они прыгали гиганту на грудь, и тот в явной растерянности был рад-радешенек, когда наблюдавший эту сцену человек отвлек разбойников выстрелом; бегемоту за это время удалось добежать до воды. Тогда эти нахалы окружили двух слонов, и те боязливо попятились, подняв кверху хоботы. Если затравленная гиеновыми собаками жертва пускается вплавь, она спасена. В воду они идти не решаются — может быть, из-за врожденного страха перед крокодилами.

А тут на расстоянии не более 100 метров от отдыхающих гиеновых собак мирно пасется целое стадо газелей Томсона в 400—500 голов. Газели наверняка видят собак, но не выказывают ни малейшего страха. Такое поведение может показаться странным, но мы уже не раз замечали, что, когда через стадо гну проходит лев, те не бросаются врассыпную, а лишь отходят на почтительное расстояние, уступая ему дорогу. Дело в том, что лев, которого зебры или антилопы видят, не

представляет для них опасности. Стоит им пуститься наутек, и ему вряд ли удастся их догнать. Опасность возникает только в момент, когда лев внезапно и с ч е з а е т. Тогда в стаде начинается заметное волнение, так как это может означать, что хищник где-то затаился и подкрадывается.

А вот гиеновые собаки в любой момент могут догнать кого угодно, и все-таки почему-то их потенциальные жертвы не скрываются от них. По-видимому, по поведению хищников они определяют, голодные ли те и находятся ли в охотничьем азарте. Наши овцы, козы и коровы тоже ведь не убегают при виде каждого человека, хотя в один прекрасный день непременно погибнут от человеческой руки.

К счастью, человек не числится в «меню» гиеновых собак. Правда, фон Леттов-Форбек в одной из своих книг рассказывает, будто бы слышал, что гиеновые собаки в Танганьике разорвали какого-то европейца. Нашли якобы пять убитых собак, пять пустых гильз от патронов и остатки его труп.

Я не знаю, было ли это на самом деле, но все равно отдельные исключения не могут опровергнуть общего правила.

Кстати, мне известно, что подобные случаи бывают и в Европе с нашими собаками. Так, в феврале 1959 года в Филлахе (Австрия) двенадцатилетний мальчик бросился с кнутом в руках защищать свою овчарку от напавших на нее двух догов, сорвавшихся с цепи в соседней деревне. Те сначала вцепились в овчарку, потом бросились на мальчика и так покусали несчастного, что его не удалось спасти даже переливанием крови.

У меня собрано несколько сообщений за последние пол-столетия, в которых говорится о том, как домашние собаки загрызали людей. Если бы я их опубликовал в какой-нибудь стране, где никогда не видели собак, то ее жители, посетив в один прекрасный день Европу, непременно хватались бы каждый раз за пистолет при виде собаки. Так же обстоит дело и с дикими животными Африки. В книгах и фильмах всячески изощряются, описывая их как можно более кровавожадными, чтобы человек, отважившийся к ним приблизиться, мог прослыть у себя дома героем и снискать всеобщее восхищение.

В последние дни августа мы повстречали здесь стаю гиеновых собак — 14 взрослых и 9 молодых. Они только что расправились со своей добычей и трусили дальше. Внезапно оба вожака стаи остановились как вкопанные и уставились на стадо из

40 гну, которое паслось на расстоянии примерно 800 метров. Затем они не спеша двинулись в сторону антилоп. Остальные собаки, тоже не торопясь, последовали за ними на расстоянии 200 метров.

Вдруг откуда-то сбоку появилась большая гиена. Один из вожаков резко свернул и погнался за физи. Та бросилась наутек, но удрать ей, конечно, не удалось. Собака схватила ее за заднюю ногу и опрокинула. Гиена громко завизжала, но не делала никаких попыток сопротивляться. Укусив ее раза два, собака снова побежала своей дорогой.

Когда оба вожака приблизились к стаду гну примерно на 400 метров, нам показалось, что они в беге прямо распластались по земле. Гну тоже это заметили и бросились врассыпную. На несколько мгновений все скрылось в туче пыли. Тем временем подтянулась остальная стая. Когда пыль осела, мы, к своему удивлению, увидели, что гну разделились на четыре небольшие группы и стояли плотными кругами, рогами наружу, защищая сбившийся посередине молодняк. Гиеновые собаки тоже разделились. Но каждая их попытка прорвать сомкнутый круг терпела неудачу: всюду их встречали низко опущенные острые рога. Мы ждали. Внезапно какой-то беспокойный теленок вырвался из одной группы наружу. С быстротой молнии вся стая оказалась около него. Пока мы успели подойти, теленок был уже растерзан. Стадо снова рассыпалось по степи, а собаки отправились своей дорогой.

В зоопарках редко можно увидеть гиеновых собак. Возможно, потому, что они слишком похожи на обычных собак и не имеют достаточно устрашающего вида. Если у них рождались малыши, то их, как правило, удавалось выкормить только из рожка или с помощью домашней собаки-кормилицы. Гостивший у меня недавно директор Московского зоопарка И. П. Сосновский рассказал мне, что случай неожиданно помог ему вырастить приплод гиеновых собак естественным путем. Служитель, ухаживающий за хищниками, забыл отделить самца от выводка, как это обычно практикуется. И вот служащие Московского зоопарка, к своему удивлению, увидели, как самец брал голову каждого щенка в свою огромную пасть и отрывал для него мясо.

Между собой эти жестокие убийцы держатся вообще очень миролюбиво. Когда встречаются две стаи, они радостно обнюхивают друг друга, смешиваются в одну общую стаю и расстаются без малейшей враждебности. Даже когда однажды

у горы Меру свора охотничьих собак повстречалась со стаей диких гиеновых, все обошлось так же мирно и спокойно.

Щенята гиеновых собак, выкормленные из рожка, становятся впоследствии весьма общительными, однако душат всех кур в окрестности и хватают соседей за ноги. К тому же каждая прирученная гиеновая собака издает такой неприятный запах, что с ней все равно вскоре приходится расстаться. Заметьте: оказывается, вонь тоже хорошее средство сохранить свою свободу!

Глава десятая

ПОХОД ПРОТИВ БРАКОНЬЕРОВ

— Надо же! Приехать встречать меня прямо на аэродром, так далеко от Найроби! — говорит дама впереди меня на чистейшем немецком языке, обнимая какого-то мужчину с аккуратно подстриженными седыми усами.

Я не верю собственным ушам. Целую ночь и почти до обеда мы просидели с ней рядом в креслах самолета, и она мне успела многое о себе рассказать: и о том, что она впервые за шесть лет выбралась из Южной Африки в Европу, чтобы провести там свой отпуск; и о том, что она чувствовала себя неуверенно на автостраде и потому приделала сзади к своей машине щит с надписью:

«ЮЖНАЯ АФРИКАНКА В ОТПУСКЕ.
ПРОСЬБА БЫТЬ ОСТОРОЖНЫМИ».

Все это время мы разговаривали друг с другом по-английски. А теперь выясняется, что она немка и 30 лет назад вышла замуж в Южной Африке!

Не видя за барьером для встречающих Михаэля, я начинаю нервничать. Он уже три недели как здесь, в Африке, а я смог

выбраться только сейчас. Я, признаться, не люблю, когда он один летает над Серенгети: мне всегда чудится, что с ним каждую минуту может стрястись какая-нибудь беда. Я пришел к выводу, что мы, мужчины, все-таки неисправимые эгоисты: вот ведь моя жена всегда остается во Франкфурте и должна волноваться не за одного, а за целых двух мужчин!

Из самолета я прихватил кое-что с собой, чего вообще брать не положено. Дело в том, что мы никак не можем выяснить, где покупают всем известные водонепроницаемые пакеты, которые кладут в карман на спинке кресла. Зато я делаю широкий жест и всовываю в эти карманы все красочные карты и проспекты, которые бесплатно выдаются каждому пассажиру. В нашей полосатой «зебре» накопилась уже целая коллекция таких водонепроницаемых пакетов с надписями: «KLM», «Lufthansa», «BOAC», «Sabena», «SAS». Они нам необходимы потому, что время от времени приходится подвозить то кого-нибудь из местного правительства, то лесничих других национальных парков, то масаев и других африканцев.

Но вот наконец и Михаэль. Он уже загорел, а я пока еще бледный. Мне почему-то пришло в голову, что у русских и поляков есть такой милый обычай обниматься на вокзале и троекратно прикладываться щекой (пусть даже небритой) к щеке. Но у нас не приняты такие сентиментальности, и потому мы просто пожимаем друг другу руку.

Миха что-то похудел. Это и неудивительно, раз никто не следит за тем, чтобы он ел что-нибудь. Рядом с ним стоит Герман, отпустивший за это время рыжую бороду. Занятно, что каждый молодой человек непременно использует любую возможность, будь то на войне или в экспедиции, чтобы испробовать, как он будет выглядеть с бородой. Михаэль это тоже проделал три года назад в Конго. А Герман выглядит как древний германец в пробковом шлеме! Ему приходится нахлобучивать себе на голову эту смешную посудину, потому что он очень белокожий и легко может получить солнечный удар.

Чтобы не терять времени, мы распределили между собой роли и каждый делает свое: один закупает овощи у индийского зеленщика, другой — хлеб у польского булочника, а третий — остальное продовольствие в итальянском гастрономе. Мы с Михаэлем давно усвоили нехитрую науку наших деревенских бабушек: для хозяйства надо все закупать впрок, на несколько недель вперед. На дверях нашего алюминиевого домика, там, далеко в серенгетской степи, лейкопластырем приклеен листок бумажки и на веревочке болтается карандаш. Туда каждый

вписывает, что ему нужно привезти. Чего только нашей «Утке» не приходится тащить в своем «брюхе»: десять больших ананасов, две грозди бананов, мешок картошки, макароны, муку, 200 яиц, 20 килограммов мяса, сахар, спички, батарейки, шесть ящиков с минеральной водой и пивом, капусту, салат, туалетную бумагу, четыре ящика разных консервов да еще в придачу нас троих.

Все это наша славная полосатая «Утка» с рокотом поднимает в воздух и несет через вулканы и долины туда, где нас с нетерпением ожидает настоящий маленький боевой отряд на 12 автомобилях.

Этот отряд должен нам помочь осуществить один наш замысел. Мы задумали здесь целое дело, притом совершенно секретное. Недавно нам с Михаэлем пришлось дать с воздуха настоящий бой браконьерам. А для того чтобы поймать их «наземным» способом, придется целой автоколонной углубиться в дикую местность. Но вот вопрос: куда ехать? Ведь так можно заехать и туда, где нет никаких животных, а следовательно, и браконьеров. А так как пока еще никто не знает, каким путем здесь кочуют по степи животные, можно только впустую потратить деньги и время. Администрация национального парка и Охотничье управление уговорили полицию принять участие в нашем походе против браконьеров; однако полицейские сразу же теряют интерес к этому делу, если в течение нескольких дней не увидят ни дичи, ни браконьеров.

Но теперь мы знаем, куда ехать. Недавно на своей «летающей зебре» мы обнаружили с воздуха стадо, откочевавшее за северную границу национального парка, в кустарниковую саванну. Там дикую местность со всех сторон теснят новые деревни и поперек зеленых лугов тянутся искусственные заграждения из колючего кустарника. Эта часть саванны для браконьеров самая удобная. Равнину вдоль и поперек пересекают речки, окаймленные лесистыми берегами. Высохшие в это время года русла врезаются в землю на пять-шесть метров, так что эти места для машин практически непроходимы. Браконьеры об этом прекрасно знают и чувствуют себя привольно.

Но Майлс Тернер, работая когда-то в этих местах профессиональным охотником, имел здесь свои любимые охотничьи угодья и знает, где на вездеходе все-таки можно перебраться через сухие русла.

С тех пор как здесь запретили охоту, европейские охотничьи экспедиции перестали сюда наведываться, так что местные охотники могут безнаказанно творить все, что хотят.

Когда заповедники значатся только на картах, результаты зачастую получаются обратные тому, что было задумано: вся живность там полностью истребляется. Если нет возможности поселить в таком месте лесничего, то можно не трудиться и не изображать на карте какой-либо национальный парк или резерват. Они, правда, прекрасно выглядят во всех путеводителях и прочих печатных изданиях, но могут служить лишь для успокоения соответствующих специальных организаций в Европе и Америке. Для этого все эти проспекты с «заповедными местами» действительно годятся. В любой самой отдаленной африканской колонии и, разумеется, во всех вновь созданных самостоятельных государствах всегда можно получить целую пачку официальных правительственных предписаний, содержащих закон об охране природы, строгие запреты на охоту и постановления о создании заповедников.

Беда лишь в том, что о существовании этих заповедников и законов в самой стране никто даже и не подозревает.

Спустя четверть часа я уже становлюсь таким же загорелым, как Михаэль. Наша автоколонна едет через Икому все дальше на север. Каждая следующая машина глотает красновато-коричневую пыль, поднятую предыдущей.

Но вон того орла эта пылища, видимо, нисколько не беспокоит: на бреющем полете он врывается прямо в семейство полосатых мангуст и хватает одну из них. Эти мангусты, узкие, длинные животные ростом с кошку, сходны с теми, которые водятся в Индии и уничтожают ядовитых змей. Здесь, в Серенгети, мангусты выглядят очень потешно: полосы у них поперечные, как у зебры. Я таких еще не видел ни в одном зоопарке.

Орел, держа в когтях громко кричащую мангусту, летит с нею к ближайшему дереву. Однако 16 или 20 остальных зверьков отнюдь не бросаются в бегство; наоборот, эти маленькие смельчаки запрыгали на своих коротких ножках вслед за птицей, окружили дерево и начали под ним пронзительно кричать и визжать.

Их трогательная сплоченность вознаграждается: орел выпускает свою жертву, она падает на землю и бежит вместе со всей ватагой в сторону рощицы, где они живут. Оказывается, грозного противника с превосходящими силами порой можно прогнать даже одной руганью и криками, важно лишь действовать сообща.

Наша автоколонна сворачивает с проезжей дороги и до пяти часов вечера едет прямо по бездорожью, через рощи и холмы. В семь часов уже темнеет, и мы готовимся к ночлегу. К своему удивлению, мы видим, что наши спутники разбивают палатки, раскладывают удобные раскладушки и шезлонги. Мы сразу кажемся себе какими-то бедными и неприкаянными и потому рады, когда Майлс одалживает нам палатку. У наших боев с собой москитные сетки, а у нас их нет. Кроме того, нашу палатку поставили как раз в какой-то низине, но будем надеяться, что ночью не польет дождь. Мы с Германом купаемся вместе с проводниками в ручейке с подозрительно темной водой, все берега которого изрыты копытами буйволов.

А потом мы сидим у костра и рассказываем истории с привидениями.

Отец Гордона Пульмана в 1940 году сам видел, как жители

одной деревни среди бела дня с криком убегали от духа покойника. Старший Пульман работал ветеринаром в этих местах и за год перед этим случаем нашел на дороге в Наньюки тяжелораненого молодого человека. На него, неизвестно почему, напал носорог. Обороняясь, юноша воткнул конец своего копья в землю, и носорог со всего размаху на него напоролся. Несмотря на это, животное своим рогом успело рассечь юноше грудь так, что обнажилась часть легкого. Товарищи этого парня решили, что он мертв, и оставили его на дороге. Отец Гордона отвез пострадавшего в наньюкийский госпиталь. И вот когда юноша появился через год в своей родной деревне, где все, разумеется, давно считали его мертвым, то был принят за привидение, от которого все с ужасом шарахались в сторону.

Мы с Германом отлично выспались и без москитных сеток. Михаэль в этом походе не смог принять участия: он остался собирать гербарий. На другое утро наша армия разделилась на три группы и разъехалась в разных направлениях.

На вездеходе или в седле я могу ехать без усталости. Часами мы катим по бескрайним равнинам мимо серовато-зеленых холмов, мимо разреженных куртин акаций. Мне кажется, будто я еду верхом прямо так, без дороги, по полям и лугам обширных восточноевропейских равнин. А вокруг догорает золотая осень, и на синий небосклон не спеша поднимаются белые облачные корабли, чтобы затем вновь опуститься там, далеко за горизонтом...

Мощный самец антилопы канны весом, наверное, в восемь центнеров хочет во что бы то ни стало перебежать нам дорогу. Во время бега кожная складка у него под шеей раскачивается из стороны в сторону. На минуту он останавливается перед продавленной машинами колеей и мощным прыжком перемахивает через дорогу, не прикоснувшись к ней ни одним копытом. Я не могу задерживать автоколонну, чтобы измерить длину прыжка, но уверен, что она не меньше четырех с половиной метров.

Затем теряются последние, месячной давности, следы от автомашины, и мы едем прямо по степи.

На самой вершине скалистых гор, подпирая рогами темно-синее небо, стоит антилопа-прыгун. Эти останцовые горы выглядят как кучки гравия под огромным увеличителем. Углубленные края, повсюду видно, как порода, растрескавшись от жары, пластами сползала вниз. Гранитный щебень у основания скал гораздо быстрее подвергается выветриванию, чем их вершины. Поэтому у таких останцов нет щебнистой

осыпи у подножия, как это типично для наших скалистых гор, и они высятся прямо на голой равнине. Только я успеваю бросить взгляд на редкостную карликовую антилопу, как облако пыли снова скрывает ее от меня.

Мы невольно замедляем темп: наша автоколонна выезжает на равнину с редко разбросанными по ней низкорослыми зонтичными акациями. Поперек этой равнины неровной линией тянется изгородь из срубленных колючих веток. Она невысока, ветки небрежно брошены одна на другую или воткнуты в землю, так что любое затравленное животное могло бы без труда перемахнуть через нее. Но когда животных никто не гонит и стада просто медленно кочуют по степи, они, наткнувшись на такое препятствие, идут обычно вдоль него в поисках лазейки, через которую можно спокойно и осторожно пробраться на другую сторону.

Мы тоже отправляемся вдоль браконьерской загородки и вскоре добираемся до лазейки. Как я установил путем опытов, человек обладает значительно более острым зрением, чем лошади и другие копытные. Поэтому мы сразу же обнаруживаем петлю, подвешенную в этой лазейке на высоте головы гну. Конец проволоки ведет к невысокому деревцу, вокруг которого он дважды обмотан и завязан узлом.

Мы отвязываем проволочные петли и бросаем их в машину. В следующей лазейке в петле еще болтается голова зебры. Хотя от нее остался только череп и лоскутья кожи, тем не менее нет никаких сомнений, что она совершенно свежая. Животное наверняка удавилось только нынешней ночью, а браконьеры, гиены, грифы и шакалы быстро сделали свое дело. Трава вокруг красная от свежей крови.

Изгородь, да и вся местность вокруг, полна этими петлями. Нам удастся собрать только те, что мы обнаруживаем, проезжая мимо. У нас в машине уже больше 40 этих смертоносных орудий, а теплый ветер все вновь и вновь доносит до нас трупный запах...

Вот лежит зебра: внутренности ее съедены, но высохшая кожа еще обтягивает скелет. Браконьеры отрезали у нее лишь хвост, который они продадут в качестве опохала от мух. Об остальном позаботились стервятники. По дороге я подсчитал останки 22 гну. У них тоже были отрублены только хвосты. Какая жестокость и какое преступное разбазаривание мяса, которое могло бы пойти на пользу голодающим и бедствующим людям! Даже грифы и те не в состоянии использовать такой обильный «урожай». Все это предоставлено солнцу и тлению.

В бинокль я наблюдаю за носорогом, невозмутимо стоящим у водопоя на берегу речки, из которой торчат головы двух бегемотов. По нему, словно дятлы по дереву, скачут две буйволовые птицы. Между прочим, я совсем не уверен в том, что они служат у носорогов еще и сторожами, предупреждающими об опасности, как утверждают некоторые исследователи. Сколько раз мне приходилось наблюдать, как эти красноклювые птицы испуганно улетали, когда мы приближались, а носорог не двигался с места, в лучшем случае он поворачивал голову в нашу сторону.

Вот и сейчас парочка птиц вспархивает, но не для того, чтобы улететь, а чтобы попить. Создается впечатление, что эти птицы чувствуют себя уверенно только на теле какого-нибудь животного. Ведь они могли бы спокойно сесть на берегу и утолить свою жажду, как это делают все остальные птицы. Эти же предпочитают приземлиться на спине одного из бегемотов, лежащих в воде, и пить воду с такого живого островка.

Свой поход мы строго засекретили. Для всех проводников и боев это самая обычная увеселительная прогулка; никто не должен был знать, зачем мы, собственно, едем, или, по крайней мере, куда едем. Ведь у каждого такого проводника есть родственники в Икоме или близлежащих селах. Почему они, собственно, должны быть менее болтливы, чем европейцы в подобной же ситуации? Наш шофер Мгабо часто рассказывал нам, что во времена своей молодости он тоже был браконьером. Однако у нас создается впечатление, что кто-то здесь все же предупредил воров. Впрочем, нас могли выдать и облака пыли от машин, и рокот моторов, раздающийся на многие километры вокруг. Браконьерам достаточно перебраться на другую сторону речного русла, и между нами возникнет препятствие, на преодоление которого у нас уйдет не менее часа.

Мы бросили искать проволочные петли и трупы; теперь все три наши машины на расстоянии 200 метров одна от другой стараются как можно быстрее прочесать степь.

Вся наша надежда на скорость. Если кто-нибудь из браконьеров еще не успел убежать и прячется где-нибудь в траве, то он от нас не уйдет.

Однако на опушке леса нам все же пришлось остановиться. Молоденькая зебра попала в петлю, но еще жива. Задние ноги ее уже подкосились, но передними она старается упереться в землю, силясь подняться. Перепуганные, налитые кровью глаза прямо вылезают из орбит, а синий язык свешивается сбоку изо рта. Проволока врезалась глубоко в шею, и та сильно

отекала и разбухла. Невдалеке стоят две гиены и ждут. Даже камнями их удастся отогнать только на несколько шагов.

Поскольку мы не захватили с собой кусачек, нам придется сперва накинуть на шею полузадушенной зебре пеньковую веревку, а потом уже отвязывать проволоку от дерева. Это необходимо для того, чтобы перепуганное насмерть животное не убежало от нас сразу же с железной петлей на шее. Но наши опасения напрасны: жеребенок не может даже встать, нам совершенно спокойно удастся высвободить его голову из петли.

Я смотрю на часы: только через 20 минут животное снова в силах подняться на ноги. Нет, поистине не следует жалеть зебр, попавших в лапы львов или гиеновых собак, — эти хищники не так жестоки!

Наша погоня продолжается. Внезапно Герман хватает водителя за плечо: там, напротив, у самой опушки леса, он увидел нечто странное, напоминающее маленький садик, который дети устраивают на песке, — низенький забор из сплошных палочек. Мы вылезаем и бежим туда.

Это, разумеется, не садик, а львиная шкура, разложенная на земле для просушки мездрой наружу; по краям она прибита к земле острыми колышками, чтобы не сморщилась под солнцем. В нескольких шагах от нее натянута для просушки и шкура зебр. Трава вокруг вся истоптана. Следы ног ведут в кустарник. Наш проводник уже бежит туда.

— Осторожно! — кричу я ему. — Эти парни могут стрелять отравленными стрелами!

Но его уже не удержишь; он раздвигает кусты, и мы бросаемся вслед за ним. Лес здесь тянется узкой полосой вдоль берега сухого речного русла. Мы бежим по протоптанной тропинке в глубь кустарника и вдруг останавливаемся, не веря собственным глазам.

Может быть, это и не совсем удачное сравнение, но именно оно пришло мне в голову: я вспомнил сказку про братца Иванушку и сестрицу Аленушку, которые наткнулись в дремучем лесу на избушку бабы-яги, спрятанную среди высоких деревьев.

Здесь тоже стояла соломенная избушка, а вся площадка перед ней освещалась причудливым розоватым светом, пробивавшимся сквозь высокий навес. Под навесом на длинных жердях как будто кто-то развесил для просушки белье. Но нет, свешивающиеся сверху лоскутья — это мясо, красные полоски мяса, облепленные мухами. Правда, они тоже развешаны для просушки.

Как видно, браконьеры не решились устроить свою сушилку прямо в открытой степи, а использовали для этой цели лужайку, скрытую среди высоких деревьев. Над тлеющим еще костром нависают косо воткнутые в землю прутья. На них нанизаны куски мяса, предназначенные для копчения и поджаривания. Возле хижины валяется лук с отравленными стрелами. Видимо, владельцы этого лагеря бежали весьма поспешно.

Я поднял с пола странную трубку, мундштук которой был еще влажным от слюны. Рядом с ней лежал завернутый в сухой лист гашиш, которым продавцы наркотиков в Америке начиняют сигареты «Марихуана». По-видимому, браконьеры спрятались где-нибудь в зарослях совсем поблизости и наблюдают за нами; будем надеяться, что они не вздумают обстреливать нас своими стрелами.

Вокруг валяются кучи костей, на суку висит целая грудная клетка антилопы. В избушке мы нашли початый мешок с мукой маниоки и несколько остро отточенных кухонных ножей, предназначенных, вероятно, для ошкуривания. Здесь же лежали два одеяла и гора проволочных петель.

Гордые своей находкой, мы раздвигаем кусты и выбираемся наружу, собираясь позвать остальных, чтобы всем вместе отправиться дальше на поиски сбежавших браконьеров. Но оказывается, наши товарищи сами нас уже ищут. Как выяснилось, Майлс в двух километрах отсюда обнаружил в зарослях гораздо больший лагерь. Двух браконьеров удалось задержать, остальные, к сожалению, разбежались. Один из проводников чуть было не схватил еще двоих, но, когда он догнал их возле самой опушки, они внезапно обернулись, натянули свои луки и сказали:

— Еще шаг — и ты мертв!

Поскольку у того не было с собой огнестрельного оружия, ему ничего не оставалось делать, как отпустить их подобру-поздорову: с такими молодцами, без сомнения, шутки плохи.

Этот второй лагерь в лесу выглядит как обширная площадка для сушки белья целой сельской общины. Только все белье красное. Мы, пригнувшись, проходим под лоскутьями мяса, часть которых уже успела почернеть и съежиться. Вокруг наших голов жужжат полчища мух. Туши зебр и гну в полуобработанном виде небрежно свалены в кучу, они издают страшное зловоние. Часть высушенного мяса уже сложена и увязана в узлы.

Судя по числу спальных мест, здесь обосновалось от 10 до 12 человек. Мне даже трудно себе представить, как они могут жить в такой вонище среди засилья мух. Кроме того,

лагерь не огорожен даже колючей изгородью, а ведь он, безусловно, должен привлекать львов и других хищников. Правда, обладая отравленными стрелами, можно не бояться и львов, ведь достаточно только ранить животное, и рано или поздно оно все равно умрет. А поскольку вокруг лагеря гниет еще больше трупов, то львам вроде и незачем сражаться из-за мяса с браконьерами...

У нас богатые трофеи. Наш грузовик протискивается сквозь кустарник к самому лагерю, и мы погружаем в него снаряжение, провизию, горы проволочных петель и весь остальной скарб браконьеров. Остальное, в том числе и мясо, мы бросаем в кучу, поливаем бензином и поджигаем.

Оба пленника теперь сидят в наручниках. Разумеется, они ничего не знают, они просто случайно забрели в эту местность и только собрались у мертвого гну отрезать хвост, как наши проводники их схватили.

Из года в год десятки тысяч животных умирают мученической смертью. И только ничтожная часть мяса действительно используется; у остальных жертв браконьеры отрубают лишь хвосты, бивни (у слонов), рога (у носорогов), иногда в дело идут шкуры. Какой смысл в национальном парке Серенгети, если заповедные животные вынуждены ежегодно сухое время года проводить вне его границ, где уничтожаются десятками тысяч? В самом парке еще кое-как можно бороться с браконьерством, но поскольку его границы явно не соответствуют местам обитания животных, то нет никакой гарантии, что это последнее чудо природы Африки удастся сохранить.

Все делается так безрассудно! Если в степях и полупустынях Серенгети несколько десятков лет подряд выпасать рогатый скот и отары овец, то эти районы постигнет та же судьба, что и обширные территории Индии, Северной Африки и Северной Кении, то есть они превратятся в настоящую пустыню, каких в тропиках немало. И это в то время, как огромные стада диких копытных дают гораздо больше мяса, то есть больше животного белка, в расчете на каждый гектар площади, чем любой домашний скот. Кроме того, дикие животные невосприимчивы к тропическим болезням и паразитам и приспособились к местным кормам. Рядом с ними всегда держатся хищники, которые «заботятся» о том, чтобы в стаде не было больных особей. Целесообразно было бы использовать часть этого дарового мяса (вне заповедника и его окрестностей) для пропитания населения. Но конечно, никто не согласится на

такой разумный путь, несмотря на то что его рекомендуют все специалисты.

Да и наши охотники мало интересуются такими обычными, часто встречающимися животными, как зебры, гну или газели Томсона, потому что те стоят в степи, словно коровы у нас на лугах; охотники раздобывают себе специальные разрешения на отстрел редких лошадиных антилоп, носорогов, бонго, антилоп канн, куду или геренук, потому что, чем редкостнее животное, тем ценнее трофей.

Значит, фауна Африки будет и впредь вымирать. По старым картам, а также по развалинам человеческих поселений и костям животных можно судить, что еще 300 лет назад южная граница Сахары проходила на 400 километров севернее, чем сегодня. За такой короткий срок здесь пропало около миллиона квадратных километров плодородной земли. В соседней Кении пустыня с севера и северо-востока ежегодно надвигается на леса на 10 километров! Вот как много погибает в Африке земли и с каждым годом будет погибать все больше и больше! Но нельзя допустить, чтобы все здесь превратилось в пустыню, в частные фермы, деревни, города и безжизненные, высохшие степи. По крайней мере на одном небольшом клочке материка все должно остаться в его прекрасном первоизданном виде, чтобы люди еще долго могли этим любоваться и вспоминать нас добрым словом.

Пусть хоть Серенгети не умрет!

Через несколько дней мы погрузили на три грузовика всю свою коллекцию — почти тысячу проволочных петель, целые связки луков с искусной резьбой и горы колчанов с отравленными стрелами. Стрелы эти — настоящие маленькие произведения искусства. По рисунку на их концах можно узнать, кому они принадлежат. Это делается для того, чтобы не возникало споров, когда их собирают после охоты. Ведь изготовлять к ним наконечники не так-то просто: их перековывают из больших плотницких гвоздей, которые продаются в индийских лавчонках. Наконечники густо мажут черной ядовитой мазью, похожей на клейстер.

Луки и стрелы можно сжечь, а вот самое опасное оружие браконьеров — проволочные петли не горят. Петли изготовляют в заброшенных рудниках, и торговцы привозят их специально в те местности, где орудуют браконьеры, которым они и сбывают эти изделия. Если мы где-нибудь выбросим

петли, их сейчас же подберут и снова пустят в оборот. К сожалению, владельцы этих орудий смерти не штрафуются.

Но Майлс знает хорошее место, где они действительно безвозвратно исчезнут. Ровно в 20 километрах от Банаги, за границами парка, находятся старые немецкие золотые копи Килимафеза, разработка которых несколько лет как прекращена. Мы везем нашу добычу туда. Обветшавшие сараи, развалины разрушенных зданий, домик из рифленой жести с прочной, уцелевшей крышей. Говорят, что в нем заперты врубовые машины. Охраняет все это старый африканец, которого здесь считают безобидным умалишенным.

Мы подходим к самой шахте. Прямо посреди равнины разверзлась страшная пропасть, обрывающаяся вертикально вниз на 300 метров. Заглянешь — жуть берет. Там, внизу, лежат мертвецы. Словно огромный фотоштатив, возвышается над шахтой старая рудоподъемная башня, шаткая и поржавевшая. У кого хватит смелости, тот может подняться по железной лесенке на маленькую платформу из полусгнивших досок и заглянуть в зияющую бездну. Но если держаться за одну из железных ног башни, туда можно заглянуть и с края ямы.

Под платформой приделано колесо, с которого свешивается обрывок троса длиной в несколько метров. Шесть лет назад он оборвался, и подъемная клеть с 12 рабочими рухнула в бездну.

После этого случая индийский промышленник из Мусомы, купивший за бесценок эти копи в 1918 году, решил полностью прекратить разработку и предприятие закрыть. Оно и так уже перестало себя оправдывать. Трупы 12 сорвавшихся в шахту людей так и остались лежать на дне.

Конец троса тихо покачивается на ветру...

Мы подтаскиваем к краю бездны почти 2 тысячи проводочных петель, скопившихся в Банаги за последние годы. По здешним расценкам они составили бы неплохой капиталец. Одна связка за другой летит в страшную пропасть. Мы слышим, как по дороге они несколько раз стукаются о скалистые стенки, но звук падения до нас уже не долетает. За петлями следуют луки и стрелы. Что здесь исчезнет, никогда не вернется.

«Вполне возможно, что там, внизу, лежит не один убитый или пропавший без вести человек», — думаю я.

Но тут же вспоминаю, что в этой стране совсем незачем утруждать себя ликвидацией трупа. Достаточно ему пролежать ночь на открытом воздухе, и гиены уж позаботятся об его исчезновении.

За последние 12 месяцев здесь было поймано и предано суду 88 браконьеров. Вначале кажется, что это очень много. Но когда год назад в Цаво-парке, в соседней Кении, были проведены систематические обследования, то там нашли останки 1280 слонов, убитых браконьерами за последние два года. А учитывая, что во многих местах почти невозможны тщательные поиски, на самом деле слонов было, видимо, больше трех тысяч. Поэтому правительство было вынуждено наконец отпустить больше средств и выделить специальные полицейские самолеты на борьбу с браконьерством, спекуляцией и массовым уничтожением ценных животных. В последующие 15 месяцев было конфисковано 25 219 фунтов слоновой кости и 492 фунта рогов носорога. При этом было задержано и оштрафовано 429 браконьеров. Тем не менее люди, проводившие поход против браконьерства, подсчитали, что, несмотря на это, на черном рынке исчезло примерно на миллион марок слоновой кости и рогов носорога. В одном районе были обнаружены заросли со смертоносными петлями и в них несколько сот ям-ловушек, так что животные неминуемо погибали там, либо задыхаясь в проволочных петлях, либо проваливаясь в яму на колья.

До тех пор никто даже не подозревал, какие ужасающие размеры приняло браконьерство.

Глава одиннадцатая

МУЖЕСТВО ПО СХОДНОЙ ЦЕНЕ

— Не порть нам хоть эти последние годы удовольствие, дай поохотиться всласть,— говорит мой друг Блюз, вытягиваясь во весь свой длинный рост на постели. Ноги у него, как и у меня, обуты в коричневые спортивные тапочки, но Блюз срезал с одной из них самый носок, так что большой палец торчит наружу. Палец болит у него уже давно, но он никак не соберется съездить на неделю в Момбасу.

Блюз — профессиональный охотник, который по заданию какой-нибудь «Сафари-фирмы» сопровождает на охоту богатых немецких и американских туристов. Он обязан зорко следить за тем, чтобы ни один волос не упал с головы гостя, пока тот будет охотиться на львов и слонов. Такие профессиональные охотники, как правило, отличные ребята, которым просто тесно в четырех стенах. Между прочим, мне пока еще не довелось увидеть среди них хоть одного, который бы разбогател на этом деле. Богатеют разве что только фирмы, в распоряжении которых они находятся. Этим людям мила свободная жизнь среди дикой природы; своих клиентов они, как правило, откровенно презирают за то, что вынуждены играть

при них роль няньки или ангела-хранителя да еще при этом вежливо улыбаться. Почти любой из них согласился бы даже за половину своего жалованья устроиться лесничим в каком-нибудь национальном парке. Но таких вакансий, к сожалению, очень мало.

Многие африканские правительства охотно издают законы о создании национальных парков, но не могут изыскать средств на содержание обслуживающего персонала, которому надлежит следить за заповедником и за безопасностью животных.

Мой друг Блюз вот уже несколько недель добровольно помогает нам без какого-либо вознаграждения за это. Он только что заработал такую сумму денег, которой должно хватить на то, чтобы его жена и трое детей в Аруше могли безбедно прожить несколько недель; именно поэтому он разрешил себе небольшой отдых и хочет сделать что-нибудь доброе для животных, вместо того чтобы стрелять в них.

Вначале мы с Михаэлем подумали, что он подослан к нам для того, чтобы выведать о каких-нибудь наших неблаговидных делах. Ведь совсем недавно мы узнали, что один немецкий «охотник за дикими животными», рекламирующий себя в газетах бесстрашным победителем горилл и слонов, запрашивал в письменной форме у англичан, живущих в Африке, не знают ли они про нас каких-нибудь гадостей. Ему это было нужно для того, чтобы чинить препятствия нашей работе.

Настроенные подозрительно, мы для начала решили мистера Блюза «прокатить с ветерком», чтобы он потерял желание за нами шпионить, и кувыркали его в самолете до тех пор, пока ему не пришлось воспользоваться нашими незаконным образом приобретенными бумажными мешочками... Но он не струсил. А теперь мы уже давно убедились в том, что он честно хочет нам помочь.

— Нет, я решительно отказываюсь понимать, почему ты так настроен против охоты! — говорит Блюз, выуживая из своего нагрудного кармана смятую сигарету.

— А кто может сказать, что я не люблю охотников? — отвечаю я.— Правда, я люблю животных и умудрился проработать с ними всю свою жизнь. Но из-за этого я вовсе не стал сентиментален и рассуждаю вполне логично. Например, я никогда не стану требовать, чтобы вообще не убивали никаких животных, я ведь не вегетарианец и с удовольствием ем мясо и колбасу. Мне, как биологу, отлично известно, что существование любой жизненной формы на Земле возможно

лишь за счет другой жизни: лев убивает зебру, а зебра уничтожает траву.

Не могу я принципиально возражать и против проведения опытов на животных. Правда, закон должен был бы охранять их строже. Но до тех пор, пока я соглашаюсь делать себе прививки против оспы, пока я готов принимать таблетки от головной боли и оперироваться в момент, когда моей жизни угрожает опасность,— до тех пор я не вправе требовать запрещения вивисекции. Потому что все это вначале испытано на животных, усовершенствовано за их счет. Сотни тысяч людей выживают только благодаря тому, что животных приносят в жертву науке. Животные терпят мучения для того, чтобы избавить нас от боли и страданий.

Мне самому не доставляет ни малейшего удовольствия застрелить какое-нибудь животное. Но я не фанатик, я отнюдь не собираюсь навязывать свои взгляды всем остальным людям.

Я прекрасно знаю: не будь у нас охотников, в Европе давно бы уже не было ни серн, ни оленей, ни кабанов, ни зайцев, ни кроликов. Если бы охотничьи общества не оплачивали убытки, нанесенные этими животными полям и огородам, наших последних диких животных давно бы истребили фермеры, считающие их вредителями сельского хозяйства. Те же охотники заботятся о зимней подкормке животных. Убийство животного у хорошего охотника перестает быть самоцелью и отходит на задний план. Ведь в конце концов и скотовод в один прекрасный день забивает своих животных. Самые искусные охотники возвращаются теперь из-за океана, везя с собой в качестве трофея отснятые пленки. Ведь каждому специалисту прекрасно известно, что получить снимок разъяренного слона значительно труднее и во много раз опаснее, чем застрелить его.

Явная неприязнь у меня только к тому сорту «охотников-бизнесменов», которые между деловыми поездками «заскакивают» недели на две в Восточную Африку, чтобы уложить нескольких львов или слонов. При этом они зачастую прежде никогда и ружья-то в руках не держали.

— На пару недель — много ты знаешь! — ворчит Блюз.— На днях мне пришлось на четырнадцать дней свозить в Южную Танганьiku целую сафари, разбить там палатки и маркировать белым посадочную площадку, чтобы мой «господин охотник» мог прилететь из Америки на своем личном самолете и удобно

приземлиться. Он, видите ли, заключил пари, что ему достаточно одного дня в Африке, чтобы застрелить льва.

И представь, он выиграл пари! Правда, я заранее прикармливал львов в определенном месте, чтобы они держались поблизости; ему достаточно было только пересечь в мою машину и отъехать со мной на километр. Потом мы с ним отошли на двести метров от машины (согласно инструкции) до того кустарника, где отдыхало мое семейство львов. Я настоял лишь на том, чтобы он прошел хотя бы на три шага вперед. Это потому, что я никогда не позволяю подобным возбужденным субъектам с неуравновешенной психикой стоять позади меня: мне еще неохота помирать! Ведь эти гости со своими «пушками» куда опаснее любого льва или кафрского буйвола...

Ну, словом, он пульнул, одновременно с ним выстрелил и я. Но разумеется, льва убил он (таков сервис нашей фирмы). Я его поздравил, и мы выкурили по сигарете, переждав некоторое время, чтобы убедиться, что лев уже мертв и больше не встанет. Затем он гордо, с ружьем в руках, встал возле бедного льва, чтобы, как это водится, запечатлеть себя на снимке для бульварной газетенки у себя дома. Этот деятель тут же полетел в Индию, где какой-то магараджа обещал приготовить ему все для охоты на тигра.

По всей вероятности, у него и на это ушло не больше одного дня.

Тогда я вынул из своего бумажника вырезку из газеты и протянул ее моему другу Блюзу. Мистер Б. С., пуговичный фабрикант из Скерделя, штат Нью-Йорк, вместе со своим четырнадцатилетним сыном вернулся на днях из поездки по Западной Африке. На аэродроме парень гордо сообщил репортерам, что его добыча состоит из 300 диких животных. Он перестрелял много слонов и носорогов и даже четырех бегемотов. А как-то он повстречал леопарда, которому одним выстрелом «снес череп».

На фото, относящемся к этому тексту, малый был запечатлен с ружьем и шляпой в руках рядом с молодой девицей, взвизгивающей на него с нескрываемым восхищением.

Здесь, у нас, может быть, и не удалось бы устроить такую дику и ничем не оправданную стрельбу, потому что английские колониальные власти в Восточной Африке позволяют предприимчивым туристам охотиться только под наблюдением профессиональных охотников. Но ведь в Африке

существует достаточно других колоний и государств, где нет таких строгостей¹.

— Некто господин Т. из Америки даже поспорил, что он сумеет убить слона стрелой из лука. Сообщение об этом его «подвиге» облетело страницы всех газет мира. Мистеру Т., видимо, больше нечем было завоевать себе славу сильного мужчины и смельчака.

— Я знаю, я видел его, — сказал Блюз. — Он приехал сюда, в Восточную Африку, и стал искать кого-нибудь, кто бы согласился его сопровождать и охранять. Я отказался, другие — тоже. Любой профессионал знает, чем это может кончиться. Тогда он переехал в Конго и там выиграл свое пари. Правда, в газетах скромно умалчивалось о том, что его сопровождал прекрасно вооруженный профессиональный охотник, в любой момент готовый свалить слона метким выстрелом.

— И ничего не говорилось о том, — добавил я, — что он всадил в несчастного слона пятнадцать стрел и преследовал его в течение девяти часов кряду, пока у наемного провожатого не лопнуло терпение и он не прикончил замученное животное из ружья. Однако тут уж я позаботился о том, чтобы это было опубликовано во всех газетах того города в Америке, где он проживает!

Один лесничий западного Серенгети, в прошлом профессиональный охотник, составил за свою долгую жизнь несколь-

---

¹ Чтобы показать, как обстоит дело в других областях Африки, приведу сообщение охотничьей газеты «Wild und Hund» (1961 г.): «Один французский охотник объездил в Португальской Западной Африке все местности, указанные ему официальными органами как наиболее богатые дичью. Во время трехнедельного сафари этот охотник встретил одно-единственное стадо антилоп бейза, из которого ему удалось подстрелить один экземпляр. В Мауа вообще дичи не было, а в Маррупсе за 12 дней ему удалось обнаружить только одну антилопу бейза. Один раз он нашел давние следы антилопы канны и дважды — кафрских буйволов. Слонов же, носорогов, жирафов, гну, куду, водяных козлов или львов не было и в помине. Результаты этого обследования никого из местной администрации не удивили. Французу удалось выяснить, что в этих местах насчитывается 11 профессиональных охотников. Однажды он видел огромный грузовик, доверху груженный сушеным мясом, который шел откуда-то с севера.

Такие «профессионалы» обязаны заплатить 20 тысяч эскудо за охотничий билет и, кроме того, по одному эскудо за каждый килограмм сухого мяса. Из официальных источников французу удалось узнать, что за прошедший сезон было сдано и оплачено 700 тонн сухого мяса. При этом следует учесть, что вес высушенного мяса диких копытных составляет в среднем 25 процентов от живого веса, а у слонов этот процент еще более низок.

Автор сообщения отмечает, что гостеприимство было на самом высоком уровне, носильщиков ему поставляли в неограниченном количестве, даже с избытком. Не было только одного — «дичи».

ко прекрасных альбомов с цветными фотографиями животных и снимками приезжих туристов, которых он сопровождал на охоту. Среди этих фотографий есть одна, которую ему выслал один из клиентов, вернувшись в Калифорнию. Этот тучный господин изображен на фоне увешанной трофеями стены: тут и бивни, и рога антилоп, и головы львов и тигров, а между ними огромная рама с фотографией весьма оголенной известной кинозвезды. С помощью лупы мне удалось прочесть даже собственноручный автограф этой дамы на фотографии: «Может быть, ты и на меня захочешь поохотиться?..» Под всеми этими трофеями сидел отважный охотник и рядом с ним его престарелая супруга. Вид у нее при этом был весьма подавленный.

Наши идеалы за последние десятилетия изменились: успех имеет тот мужчина, который умеет «делать» деньги. Во времена наших дедов и бабок все это еще выглядело иначе. В те времена туго набитый кошелек отнюдь еще не давал доступа в любой дом и вообще куда угодно.

Сегодняшнему преуспевающему дельцу вечно некогда. Все свои часы и минуты, даже вечера и ночи, он вынужден тратить на то, чтобы оставаться «преуспевающим». Но чем старше и солиднее он становится, тем чаще задумывается над тем, что лишил себя многих удовольствий и если упущенное срочно не наверстать, то скоро будет поздно. Он с горечью сознает, что никогда не чувствовал себя настоящим мужчиной, не имел фактически никакой личной жизни, не пользовался успехом у женщин, не любил ни своей жены, ни чужих жен... В часы раздумий он начинает завидовать даже фабричному парню, лихо отплясывающему на танцплощадке. Тогда он собирает доказательства своей мужественности в мимолетных похождениях, кичится своими мнимыми победами, выставляет напоказ увеличенный в несколько раз портрет своей возлюбленной в золоченой раме... Да настоящий мужчина скорее позволит себе руку отрубить, чем согласится выставить предмет своей страсти на всеобщее обозрение!

Однако одними только деньгами не достигнешь мировой известности. Для того чтобы стать коллекционером произведений искусства, нужно в них хоть что-нибудь понимать; чтобы стать знаменитым альпинистом, необходимы тренировки и смелость, а чтобы стать олимпийским спортсменом — выдержка и богатырское здоровье. И только для одного занятия «хлипкому» мужчине не требуется ничего, кроме денег, — для охоты на диких животных за океаном. И даже времени на это

уходит очень мало. Здесь вы можете приобщиться к славе, которую завоевали себе **н а с т о я щ и е** охотники в конце прошлого столетия, те, которым приходилось с далеко не совершенным оружием месяцами пробираться по бездорожью, рискуя заболеть малярией, сонной болезнью или попасть в руки каннибалам. Вот тем действительно требовалось много смелости и выносливости, чтобы преодолеть все эти трудности. Разбогатевшие коммерсанты, которым недостает потенции, необходимой для доказательства настоящей мужественности, политические деятели, стремящиеся завоевать себе популярность, быстро и без хлопот покупают себе здесь удостоверение своей смелости и отваги, чтобы, вернувшись домой, прославлять себя на страницах газет, иллюстрированных журналов или среди друзей за бокалом коктейля. И от руки подобных-то субъектов должны погибать наши замечательные, благородные животные!

— И должен тебе сказать, что между ними попадаются прямо жуткие типы,— вздыхает Блюз.— Ты не представляешь, какие огромные ящики с виски мне приходится иногда таскать за собой! Правда, иной раз приезжают сюда и порядочные люди, с которыми я охотно работаю. В конце концов, ведь все приезжие оплачивают лицензии, они привозят в страну деньги. И все мы смотрим им в лапу. Браконьеры все равно больше уничтожают, чем они.

Лихой затяжной прыжок — и наш «бушбеби» уже на плече Блюза. Сидя там, он начинает сыпать ему сырные крошки за ворот рубахи. Но когда тот пытается его прогнать, малыш возмущается и цапает его за указательный палец. Маленькие острые зубки прокусывают кожу, и палец кровоточит. Блюз вскакивает с кровати, чтобы чем-нибудь запустить в забияку, но тот исчезает среди мешков, ящиков и мотков шпагата.

— Теперь уже далеко не все туристы приезжают в Африку «**п о с т р е л я т ь**» в животных,— говорю я.— В наши дни находятся десятки тысяч людей, которым хочется хоть раз в жизни увидеть слонов и зебр на воле, а не за решеткой зоопарка. Авиация сейчас развивается с такой быстротой, что года через два можно будет за два-три часа из Лондона долететь до Найроби. Наши дети смогут быстрее и дешевле добираться до Центральной Африки, чем наши родители когда-то добирались до Италии.

Почему люди стремятся в Африку? Мне лично нравится природа Восточной Африки, но по мне судить нельзя: я небеспристрастен, я болельщик. А если трезво рассуждать, то

Альпы куда величественнее, Швейцария гораздо прохладнее и свежее, Скалистые горы грандиознее... В Африку туристов привлекает только девственная природа с ее дикими животными. Что касается бывших дикарей, то скоро они будут отличаться от нас только цветом кожи: они ведь и так уже разъезжают на велосипедах и машинах. Если же здесь исчезнет и дикая фауна, как это случилось почти повсюду в остальной Африке, то туристам незачем будет сюда и приезжать.

С каждым годом людям все труднее будет разыскать на земле места, где еще сохранилась нетронутая природа с ее животным миром. А то, что становится редким, как правило, делается дороже и привлекательнее. Когда наши классики ездили в Италию, их интересовали только развалины Древнего Рима и вообще памятники старины. Дикая красота Альп, которая сегодня привлекает миллионы восхищенных туристов, их нисколько не занимала: горы были для них лишь опасным препятствием на пути. Ведь диких мест и нетронутой природы в те времена было повсюду достаточно. В наше же время в Италию каждое лето устремляются миллионы людей. И влекут их туда отнюдь не соборы, а солнце, море и живая природа.

Вот так меняются потребности людей. Еще несколько лет назад считалось, что ежедневно рождается на 80 тысяч людей больше, чем в те же 24 часа умирает. Эти цифры не совсем верны даже для тех лет. А сейчас статистическое бюро Объединенных Наций с помощью электронных машин подсчитало, что число людей ежедневно увеличивается на 171 тысячу, возможно, даже на 187 тысяч человек. Еще до 2000 года нас станет 6, а то и 7 миллиардов. А между тем две трети людей и сейчас уже страдают от недостатка питания, а миллионы ежегодно просто умирают от голода. И при этом каждые восемь лет население Земли получает новое голодающее пополнение, равное населению Китая.

Только начиная с Рождества Христова мы, люди, уже истребили 106 видов млекопитающих. То, что дикие животные неминуемо должны пойти на пропитание голодающему человечеству, предрешено. Единственное, что такие люди, как Михаэль и я, полковник Моллой и лесничие, могут сделать для животных, — это отвоевать для них несколько больших «зоопарков» прямо на их родине, то есть создать национальные парки. Звери ведь и на самом деле живут там почти как в зоопарках. Население Европы и Америки, просматривая фильмы и читая книги об Африке, получает совершенно ложное представление об истинном состоянии дел. Крутят чудесные

фильмы о нетронутой природе, снятые в парке королевы Елизаветы или в конголезских национальных парках, и ни словом не упоминают о том, что подобные кадры можно теперь заснять **т о л ь к о** там и нигде более во всей Африке. Книги об Африке повествуют о головокружительных приключениях со львами и змеями, их цель — заставить читателя проникнуться должным уважением к отважному путешественнику. Многие думают, что Африка — это рай для животных, единственный континент на Земле, где четвероногим созданиям еще достаточно просторно и вольготно... Года два назад я в Конго повстречал одного швейцарского торговца, прожившего всю свою жизнь в Каире. Теперь у него достаточно денег и времени, чтобы путешествовать, и он решил проехать в глубь материка, чтобы поближе с ним познакомиться. Этот торговец был уже три месяца в пути: путешествовал он и на самолете, и в автобусе, и по железной дороге, и на пароходе по озерам и рекам, и просто в машине. Я спросил его, много ли диких животных пришлось встретить ему по дороге.

— А как же, — ответил он, — целую уйму.

И он сейчас же принялся рассказывать про увиденных им слонов, львов и жирафов. Но когда я расспросил его подробнее, то, как я и ожидал, выяснилось, что всех этих животных он видел только в национальных парках. Вне их границ за время его трехмесячной поездки по Африке ему только однажды встретилось относительно крупное животное — страус.

На днях я получил письмо от графини Эрики Р. Она пишет: «Совсем недавно мне пришлось обсуждать со своими родственниками, мечтающими поохотиться, проблему «сафари в Восточной Африке». И некоторым из них, настроившимся вернуться с «внушительными трофеями», мне пришлось несколько испортить настроение, разъяснив, что турист в сегодняшней Танганьике во время такой охоты рискует выступить в роли голливудского героя или магараджи... И вот теперь мой двоюродный брат, граф N, переслал мне Вашу заметку и потребовал, чтобы я списалась с Вами. По-видимому, я не расскажу Вам ничего нового. Шесть недель назад я вернулась из поездки по Танганьике и Кении, где постоянно жила до войны. Именно поэтому я и езжу туда вот уже третий раз начиная с 1951 года. Все, что Вы написали о строгих охотничьих законах в Кении и Танганьике и их неукоснительном проведении в жизнь, полностью подтвердилось. Подобные законы начинали проводить еще в 30-х годах. И несмотря на это, запасы дичи в Восточной Африке катастрофически сок-

ратились, за исключением, может быть, только слонов. Западный и северный склоны гор Килиманджаро и Меру кишели когда-то зебрами, антилопами гну, конгони, Томсона, Гранта и импала, в степи было еще много жирафовых газелей (геренук), часто можно было встретить антилопу канну, жирафа и изредка даже антилопу бейза.

А теперь вокруг Килиманджаро, кроме единичных бушбоков и маленьких антилоп-прыгунов, почти не увидишь степных животных. Даже львы и гепарды стали здесь очень редки, и в степи, окружающей эти горы, пасется только несколько газелей Томсона и Гранта. Картина, прямо скажем, плачевная. Многие животные, видимо, были истреблены во время и после войны. А теперь повсюду развешаны таблички: «No shooting» («Стрелять запрещено»). На 250-километровом пути между Хандени и Багамойо (места, описанные Хемингуэем в его «Зеленых холмах Африки») только одни лишь многочисленные указатели с надписью: «Sables protected» («Лошадиные антилопы под охраной») напоминают о том, что здесь когда-то были знаменитые охотничьи угодья. Никаких следов диких животных, кроме слоновьего помета, я там не нашла».

Да, сегодня в Кении вне границ национальных парков и в местностях, куда можно добраться на машине, не очень легко найти дичь. Поэтому-то сафари так охотно направляются теперь в Танганьiku, особенно в южную ее часть. А поскольку они обычно формируются в Найроби, а не в городах Танганьики — Аруше или Дар-эс-Саламе, то и деньги свои туристы оставляют в Кении, расплачиваясь там за снаряжение, провиант и обслуживающий персонал, а в Танганьiku поступают лишь сборы за лицензии. По сравнению со всеми расходами, которых требует подобная охотничья экспедиция, эти сборы составляют самую незначительную долю.

Еще в 1870 году в Германии два человека из трех жили в деревне, а один в городе. Но уже в 1932 году это соотношение изменилось: теперь двое из трех вели свое хозяйство в городе и только один оставался в деревне. В 1871 году горожанином был каждый тридцатый немец, а в 1958-м — уже каждый третий. В Англии уже в 1951 году 79 процентов населения жило в городах, та же картина наблюдалась в Австралии. Теперь даже в Африке все стремятся в город: в Южно-Африканской Республике, например, перепись населения в 1951 году показала, что 42,6 процента жителей живет в городах.

Что касается наших дедов и бабок, то они еще держали у себя в курятнике кур, а на скотном дворе коров и лошадей.

И даже если они жили в городе, то перед окнами на улице у них стояли лошади, запряженные в повозки. Когда родители отправлялись гулять со своими детьми, то они еще нередко могли показать им аиста, лису, зайца, серну, барсука, сову, оленя и ястреба. С самого начала существования людей на Земле их постоянно окружали четвероногие обитатели планеты.

Сейчас, в наше время, все это изменилось. Все больше людей лишаются возможности общения с живой природой и, кроме собак, кошек и зеленых попугайчиков, не видят никаких животных. И только в том случае, если в городе есть зоопарк, они могут еще изредка полюбоваться привезенными туда животными. Именно по этой причине во всем мире стараются открывать все новые и новые зоопарки, и поэтому число посетителей в них с каждым годом все увеличивается. Так, перед последней мировой войной Франкфуртский зоопарк в течение десяти лет ежегодно посещало в среднем 313 тысяч человек. А в 1958 году число посетителей достигло уже 1,7 миллиона. Аналогичная картина наблюдается в большинстве зоопарков мира — в США, Советском Союзе и Китае.

Люди чувствуют, что они лишились чего-то, что прежде украшало их жизнь. А неосознанная тоска по утерянному зачастую проявляется в преувеличенной, болезненной форме. Обратите внимание: когда какая-нибудь кошка залезет слишком высоко на дерево и жалобно там мяукает, боясь слезть обратно, непременно соберутся десятки взволнованных прохожих, примут живейшее участие в ее судьбе и даже вызовут пожарных. Льву, разорванному в зоопарке тигром по недосмотру смотрителя, открывшего не ту задвижку, будет посвящено в газете значительно больше строк, чем шестерым пешеходам, сбитым в тот же час на автомобильных дорогах.

Чем меньше будет становиться животных, тем больше они будут цениться. Уже в наши дни с ними проделывают самые бессмысленные вещи: на родине их истребляют, зато всячески стараются разводить прямо в центре больших городов, где искусственно создают условия, имитирующие их природный ландшафт, содержат их в специально отапливаемых домах, строят для них каменные горы, закладывают пруды — словом, создают для них «эрзац-родину». В самой Африке уже пять больших зоопарков. Наши предки удивились бы, узнав о таком парадоксальном явлении! Но и в Африке эти зоопарки возникли не там, где животные могут чувствовать себя привольно, а там, где больше людей, именно в крупных городах — Каире, Хартуме, Киншасе, Претории и Йоханнесбурге.

А крупные города всё разрастаются. В грядущие десятилетия и столетия люди наверняка не станут совершать путешествий, чтобы взглянуть на чудеса современной техники, у них появится желание бежать из угарной городской атмосферы в последние уголки живой природы с ее мирными обитателями. Страны, сумевшие сохранить к этому времени такие уголки, будут вызывать не только всеобщую благодарность и зависть, но получают от этого и немалый доход: в них ринутся потоки туристов. Ведь с природой и ее мирными обитателями дело обстоит совсем иначе, чем с дворцами, разрушенными войной: те можно вновь отстроить. А вот если уничтожат животный мир Серенгети, его уже никому и никакими силами не удастся создать вновь до самого конца существования человечества на нашей планете. Люди борются и умирают за то, чтобы передвинуть границы своего государства или обратить другие страны в свою веру. Так неужели же мы с Михаэлем не вправе, работая с риском для жизни, добиваться своей цели: сохранить Серенгети для будущих поколений?

Вот мы изловили браконьеров. Но что в этом толку? Ведь, в конце концов, африканцы, населяющие эти земли, охотились испокон веков. Им трудно понять, почему теперь в отдельных местах их родины это запрещается. Их самих сейчас стало втрое больше, изготовление проволочных петель позволяет без хлопот убивать сколько угодно животных, а на грузовиках мясо можно развозить на любое расстояние. Поэтому сегодня та же охота может привести к полному истреблению животных. Но ни один африканский крестьянин этого так быстро не осознает. И почему, собственно говоря, ему следует быть сознательнее наших европейских предков, живших несколько веков назад?

С помощью полиции и облав можно, конечно, ограничить браконьерство, возможно, даже и совсем пресечь его. Но настоящая победа наступит только тогда, когда местное население поймет смысл организации заповедников. В последнем годовом отчете национальных парков Кении можно прочесть: «То, что охрана природы — один из способов обеспечения благоденствия страны, — это еще должно дойти до сознания самих африканцев. Пока они уверены в том, что животных охраняют ради выгоды белых и их дружков, приезжающих охотиться из-за океана». Они ведь отлично видят, как зажиточные иностранцы отправляются со множеством проводников

на охоту, а потом возвращаются через их деревни в машинах, доверху груженных трофеями. А местный охотник почему-то должен понести наказание, если вздумает отправиться на охоту.

В одном африканском государстве, которое мы посетили во время своего путешествия, приступили к строительству телевизионной студии. Разумеется, что в такой бедной стране телевизоры в состоянии приобрести только около 300 семей, принадлежащих к правящим кругам; значит, дорогостоящие телевизионные программы будут обслуживать только этих людей.

Впрочем, это объясняется отнюдь не неблагоразумием ц в е т н ы х народов, ведь наши европейские правители в течение сотен лет вели себя подобным же образом. Правящая каста африканцев просто повторяет то же самое, что прежде делали в их стране богатые европейцы. Ведь и наши предки в чем-то старались подражать римлянам и грекам. Разбогатевшие африканские вожди одеваются элегантно, по-европейски, разъезжают в роскошных американских машинах, строят себе красивые особняки, отправляются охотиться на слонов, если видят, что так делают богатые европейцы.

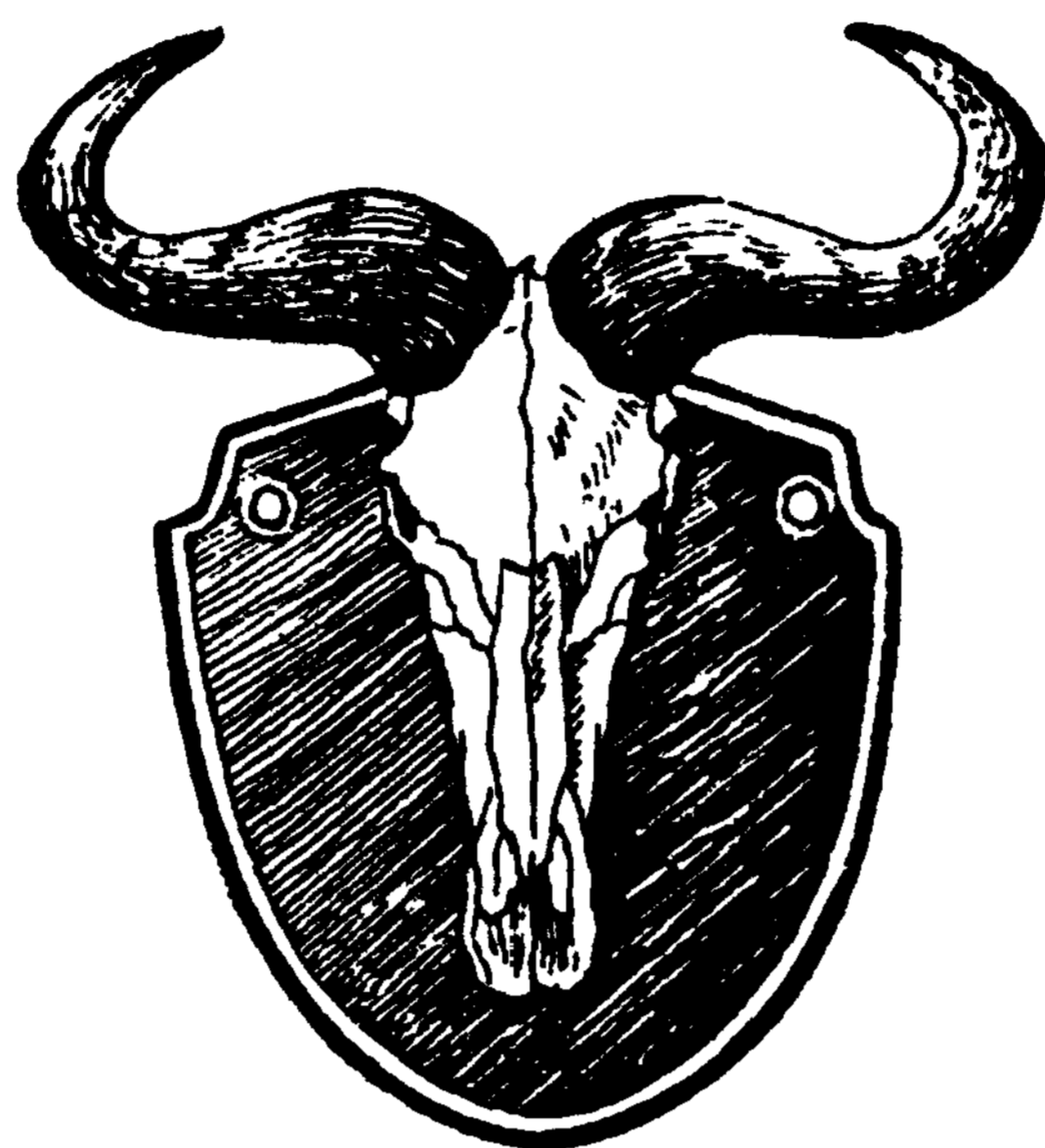
А нам, европейцам, следовало бы вести себя совсем иначе и подавать им совсем другой пример. Пока мы еще хоть что-то для них значим, мы должны постараться внушить им, что дикие животные — это их бесценное богатство и украшение страны, что э т о п р и м е р и д е а л ь н о й о б щ е с т в е н н о й с о б с т в е н н о с т и в с е г о ч е л о в е ч е с т в а наравне с собором Святого Петра, Лувром или Акрополем.

Кто бы сегодня ни правил в Греции, ни одному правительству не пришло бы в голову убрать «бесполезный» Акрополь и на его месте воздвигнуть дорогой универсальный магазин или большой отель. Несколько сот лет назад такие вещи с произведениями искусства и памятниками старины зачастую еще случались: римские храмы разбирали, а из их плит строили жилые дома. В наши дни любые правители отлично понимают, что все человечество возмутилось бы и заклеило их позором как варваров, если бы они только позволили себе что-нибудь подобное.

Разумеется, кое-где при строительстве плотины какая-нибудь красивая старая часовенка или усадьба навсегда исчезает под водой. С этим приходится мириться. Но что бы было, если бы новоявленным богачам разрешили устраивать тир среди старинных картин и скульптур? Вот так же обстоит дело и с последними слонами, львами, стадами зебр и носорогами.

Конечно, они должны уступить людям место. Но наша обязанность — на их же родине сохранить для них несколько убежищ, где людям будет запрещено поселяться.

Может быть, кое-кому такое требование покажется несколько сумасбродным. Но через сотню, боюсь, что уже через 20 лет оно станет само собой разумеющимся.

Глава двенадцатая

ТАКОВЫ УЖ ЭТИ МАСАИ

Я нажимаю коленом на рычаг управления, и двенадцатиметровое полосатое крыло сразу же послушно накреняется.

— Это овцы, Миха, ну конечно же овцы!

Как только мы начали снижаться, животные стремительно сбежались со всех сторон и сбились в тесную кучу. Так поступают только домашние овцы и козы в отличие от крупного рогатого скота и всех диких животных. Поблизости стоят несколько пастухов. Это масаи. Но между прочим, здесь, в западном Серенгети, им делать абсолютно нечего!

Вот именно из-за этих масаев нам и пришлось научиться управлять самолетом, пересечь экватор и улететь так далеко от своего дома во Франкфурте; именно из-за них вот уже в течение долгих недель и даже месяцев мы должны подсчитывать здесь диких животных, ловить их, красить и так далее. Вот и сегодня мы вновь разыскиваем повсюду эти огромные стада, чтобы отметить их на своих картах. Ведь из-за масаев собираются на добрую треть уменьшить национальный парк, отрезать от него высокогорье с гигантским кратером Нгоронгоро.

Национальный парк — это кусок дикой, нетронутой природы, который должен всегда оставаться таким, каким он был в далекой древности. Люди жить в нем не должны. Правда, англичане в своих колониях вначале придерживались того мнения, что аборигены — это «часть живой природы», однако, к своему великому удивлению, они вскоре обнаружили, что эти «дикари», живущие среди национального парка, обзавелись автомобилями и стали крыть свои хижины жестью, используя для этого бочки из-под бензина. К тому же они стали отказываться охотиться при помощи лука и стрел, стремясь освоить более современное оружие. Ведь людей, какого бы цвета ни была их кожа, нельзя заставлять оставаться «дикарями» или запретить им размножаться. Поэтому теперь повсюду пришли к выводу, что в национальном парке людям не место — ни европейцам, ни африканцам.

Что касается масаев, то они, пожалуй, единственные из местных племен, которые плюют на цивилизацию. Масай ни за что не наденет европейской шляпы и не купит автомобиля. Но зато он будет с безграничной ненасытностью разводить все больше и больше рогатого скота. По заключению лондонского профессора Пирселла, скота, принадлежащего масаям, развелось слишком много.

Масаи вырубают кустарники и деревья, чтобы во время кочевков строить все новые и новые жилища и сооружать колючие изгороди вокруг своих краалей для защиты от хищных животных. Таким образом, почва вокруг последних источников воды все больше оголяется и иссушается и источники постепенно иссякают. Кроме того, во время засухи масаи не подпускают диких животных к водопою. Любые скотоводы, африканские или европейские, никогда не считаются с почвой и растениями, не думают о будущем, лишь бы коровы были сыты. Это хорошо видно на примере обезлесенных гор Италии, Испании, Греции и недавно возникших пустынь Индии. А земли, находящиеся южнее экватора, разрушаются еще быстрее. При такой нагрузке в Серенгети сначала, безусловно, исчезнут дикие животные, но вслед за ними — неминуемо и домашний скот масаев, поэтому разумно было бы предоставить этим кочевникам-скотоводам земли для выпаса вне границ национального парка. Однако, по всей вероятности, будет принято другое решение: земли, на которых скотоводы имеют право выпасать свой скот, правительство собирается просто-напросто отрезать от заповедника. Что же касается профессора Пирселла, то он, не имея достаточно времени и средств для соб-

ственных более тщательных и длительных наблюдений за кочующими стадами диких копытных, был вынужден в своем весьма авторитетном и добросовестном заключении опираться в этом пункте лишь на рассказы живущих в Танганьике европейцев. Так, например, он пришел к выводу, что огромные стада из западного Серенгети в восточном вообще никогда не появляются. А все те гну и зебры, которых там можно встретить в сезон дождей, приходят туда якобы из кратера Нгоронгоро...

Но что бы там ни было, во всяком случае здесь, в западной части парка, масаям с их стадами появляться запрещено. А они все-таки появились.

Мы летим назад в свой «штаб» и держим «военный совет» с лесничими Тернером и Пульманом. Разумеется, «захватчиков» надо выдворить, да еще наложить на них штраф, чтобы другим неповадно было. Однако для этой цели лучше захватить с собой окружного комиссара. Такой комиссар здесь называется District Officer, или просто D. O. Это компетентное лицо для всех масаев данного района. Он их опекает и в то же время следит за тем, чтобы они соблюдали порядок. Между служащими, отвечающими за зебр, и служащими, опекающими масаев, легко могли бы возникнуть трения и бумажные войны, но в британской администрации этого не случается — отношения здесь, как правило, на редкость корректные.

Не долго думая, мы с Михаэлем отправляемся на другое утро в штаб-квартиру этого D. O. Он не мешкая садится к нам в самолет, чтобы лично навести порядок.

Несколько часов спустя мы уже подъезжаем на двух вездеходах прямо к тому месту, которое засекли вчера с самолета. Так оно и есть: семь масаев пасут стадо из 800 овец. Один из них довольно пожилой, видимо старейшина, несколько подростков и два молодых воина с длинными копьями. Волосы у воинов, как водится, заплетены во много тонких косичек, смазанных красным клеем. Эти красные шнуры собраны на затылке в настоящую косу наподобие тех, что заплетались на средневековых мужских париках. Обычно такая коса еще туго привязана к деревянной палочке. Сражается масай только копьем и коротким прямым «римским» мечом, висящим в кожаных ножнах у пояса; ядовитыми стрелами масай пренебрегает.

D. O. объясняет старшему масаю, что с него причитается штраф за незаконный выпас овец. Любой другой африканец начал бы спорить, доказывать свою правоту и наконец упрашивать, жалуясь на засуху (любой белый, между прочим, тоже). И правда, за весь сентябрь выпало только 0,8 миллиметра

осадков, в десять раз меньше, чем в прошлом году. Но масаи не таковы. Старший ответил:

— Да, ваша правда. Я знаю, что это запрещено. Раз вы меня поймали, значит, я должен платить.

Штраф — 30 овец или коз. По этому поводу тоже не происходит никаких споров. Оба молодых воина почтительно молчат, когда говорит старший. Они стоят, опершись на свои копья, словно юные греческие боги. Терракотовое покрывало наподобие тоги перекинуто через одно плечо, другое остается обнаженным. Масаи — рослый и стройный народ; понятия о красоте у них сходны с нашими: узкие губы, никаких пышных форм у женщин и никаких слишком развитых мускулов у мужчин.

Масаи принимаются вылавливать овец, причем я замечая, что одних баранов и козлов. «Молодые боги» сдирают с веток лыко, связывают им пойманных животных и грузят в нашу машину. «Может быть, за этот незаконный выпас и стоило заплатить 30 овец», — думаю я про себя. Во всяком случае, масаи на нас не рассердились, они даже смеются и протягивают нам на прощание руку.

— Вот таковы они! — говорит Д. О.— Мы теперь открыли скотный базар и постепенно склоняем их к тому, чтобы они продавали лишний скот. В качестве сигнала, извещающего об открытии торгов, я придумал звонить в колокольчик. Этот колокольчик очень приглянулся одному молодому масаю; он взял его в руки, позвонил им и, отойдя на пару шагов, вдруг бросился с ним бежать. Мы его поймали и спросили:

— Какое наказание ты предпочтешь: отдать тебя под суд или выдрать здесь же на месте?

Тогда его отец, ни слова не говоря, срезал гибкий хлыст и принес его мне. Получив заслуженную трепку, парень пожал мне руку, и инцидент был исчерпан.

— Язык масаев очень труден для нас, — продолжал он, — я до сих пор его как следует не изучил. Когда я только приехал сюда, мне приходилось вершить суд с помощью переводчика, на суахили. Разбирая только третье дело, я уже натворил глупостей, обвинив, как потом выяснилось, невиновного. Человека, которого я незаслуженно осудил, охватил приступ ярости. Он метнул в меня копье, и оно насквозь прошило мне шляпу, к счастью не поранив меня. Вот она, эта шляпа с дыркой, я ношу ее с тех пор вот уже три года не снимая. Я не мог решиться наказать этого человека за покушение, ведь я сам был перед ним виноват. Кроме того, я не думаю, что он действительно хотел меня убить.

Удивительный народ эти масаи. Предки их были светлокожими и жили в Египте, их мумии и теперь еще можно найти в очень древних захоронениях. Откочевывая со своими стадами все южнее и южнее, они смешивались с народностями, населявшими верховья Нила. В Восточной Африке они полностью оккупировали обширную долину Большого африканского разлома, который тянется с севера на юг и проходит через Кению и Танзанию. Несмотря на всю свою воинственность, масаи не порабощали и не угнетали другие племена, как это делали родственные им народности, приходившие с севера Африки. Масаи жили обособленной жизнью скотоводов, выменивая скот на овощи и злаки у окрестных крестьян. Сомнительно, чтобы они когда-то были такими страшными грабителями, как им это приписывают в разных книжках, иначе соседние племена никогда не смогли бы стать столь могущественными и богатыми.

Правда, чужестранцев масаи не пропускали через принадлежащие им земли. По всей вероятности, именно это и сохранило свободу и жизнь народностям, живущим вокруг озера Виктория: арабские работорговцы не решались проходить через страну масаев. Первый караванный путь, проложенный от побережья в глубь материка, шел значительно южнее, в обход страны масаев, и поэтому подходил прямо к озеру Танганьика. Вскоре вокруг этого озера все оказалось опустошенным и разграбленным. Первыми европейцами, которым удалось проникнуть к масаям и вступить с ними в мирные переговоры, были два немецких миссионера — Крапф и Ребманн, о которых в этой книге уже было рассказано.

В конце прошлого века немцы и англичане с линейкой в руках поделили на карте Восточную Африку на британскую колонию — Кению и немецкую — Танганьику. При этом они разрезали страну масаев ровно пополам. Эта страна тянулась на 800 километров в длину и 170 — в ширину. Сегодняшняя столица Кении город Найроби до сих пор носит масайское название. «Найроби» означает просто «холодный».

Поскольку европейцам особенно пришлось по вкусу высокогорье вокруг Найроби, которое отличалось живительной прохладой, то масаям прежде всего пришлось уйти именно отсюда. В 1911 году их выдворили из всей северной части страны, где опять-таки поселились европейцы. Таким образом, они лишились лучших угодий своей родины, где во время засухи всегда можно было найти воду и пастбища. Они откочевали дальше к югу и сегодня выпасают свой скот на степном

высокогорье Кении, граничащем с Танзанией, и на принадлежавших им ранее землях в самой Танзании. Многие семьи и целые роды по сей день еще носят названия по местностям, оставленным на их старой северной родине. Масаев в общей сложности должно быть около 140 тысяч, и им принадлежит свыше одного миллиона голов скота.

Здесь, в Танзании, во владения масаев входят не только Килиманджаро и гора Меру, но и высокогорье с гигантскими кратерами, включая Нгоронгоро и прилежащую к нему часть серенгетской степи.

Весь смысл жизни масаи видят в разведении скота. Дело доходит до того, что во время засухи пастухи часами тащат на себе телят до ближайшего водопоя. Еще задолго до прихода европейцев масаи изобрели прививку против чумы. Недавно я ознакомился с небольшой работой, написанной одним из немногих образованных масаев о быте и нравах своего народа. Из нее я узнал, что на их языке слово «масаи» означает и рогатый скот, и название самого народа.

Недавно одной делегации от масаев, посетившей Сельскохозяйственную опытную станцию Танзании, показали несколько привезенных из Европы племенных быков. В Африке таких огромных быков никто никогда не видел. Их вид до того взволновал масаев, что у некоторых даже слезы навернулись на глаза.

Несколькими днями позже мы с Михаэлем приземлились рядом со стойбищем масаев, которое называется «бома». Оно располагалось прямо посреди степи возле круглых, словно отполированных, гранитных холмов. Бома — это крааль, огороженный высокой изгородью из срубленных колючих веток. За этой «крепостной стеной» по кругу стоят низкие круглые домики. С воздуха они напоминают головки датского сыра. Пахнут они тоже не лучше, потому что метод их постройки несколько своеобразен: женщины из племени масаев втыкают в землю по кругу гибкие жерди, сгибают их к середине, переплетают ветками и получившийся шатер густо обмазывают коровьим пометом. Сверху накладываются шкуры, чтобы крыша не промокала во время дождя. Такой домик настолько низок, что передвигаться в нем можно только ползком.

На ночь в крааль загоняют весь домашний скот, который располагается на ночлег вокруг домиков. Земля внутри крааля постепенно покрывается толстым слоем навоза. Когда этот

слой становится чересчур велик или когда во время засухи приходится перебираться поближе к водопою или же искать новых пастбищ, а также в тех случаях, когда в бома кто-либо умирает, весь скарб погружается на ослов и крааль перебазируется на новое место. Старый же сжигается. На новом месте, где снова воздвигается огромная колючая изгородь, уничтожается немало кустарников и деревьев. С самолета хорошо видны разбросанные по степи круги — остатки от старых бома.

Наша «Утка» с ревом приземляется.

«Сейчас наверняка все жители этого бома сбегутся посмотреть на нашу полосатую чудо-птицу», — думаем мы. Но ничуть не бывало. Мужчины, вероятно, отсутствуют — они где-то выпасают скот, а женщины ограничиваются тем, что говорят нам «джамбо», что на суахили означает «здравствуйте», и продолжают заниматься своими делами. Мы чувствуем себя чуть ли не оскорбленными тем, что никто не обратил на нас особого внимания.

Позже нам удалось выяснить, почему наша железная «ндеге» (на суахили — «птица», «самолет»), да и вообще любая техника — автомобили, ружья — не производят на масаев никакого впечатления. Оказывается, несмотря на то что знаменитые масайские мечи, копья и кинжалы изготавливаются кузнецами, кузнечное ремесло считается у них «нечистым» и презренным. Хотя кузнецы тоже из масаев, но, когда кому-нибудь из них подашь руку, ее надо отмывать после этого специальными маслами. На дочери кузнеца никто не согласится жениться, а если у какого-нибудь молодого воина с ней что-то было, он непременно заболеет или погибнет в ближайшей потасовке. Поскольку вся наша техника состоит из железа, то и она для масаев считается «нечистой» и презренной.

Когда однажды мы рассказали масаям, что американцы собираются полететь в ракете на Луну, у них это не вызвало ни малейшего удивления:

— А почему бы и нет? Ведь вы и так все время носитесь по небу на своих железных птицах, так что вам стоит при этом слетать и на Луну?..

Но вот возле бома появились и мужчины; я не заметил, откуда они вдруг вынырнули. Все они — «старшие», молодых воинов среди них не видно. У всех головы обриты наголо и на левом предплечье нет рогового браслета. Ове, который, по-видимому, задает у них тон, — наш старый знакомый. Это как раз его мы недавно оштрафовали на 30 овец. Но он не злопамятен и приветствует нас так же радушно, как и осталь-

ные; в знак особого расположения он даже предварительно плюет в руку, прежде чем нам ее протянуть.

Одна из женщин приветливо предлагает нам молоко в выдолбленной тыкве. Михаэль подносит тыкву к губам, и только делает вид, что пьет; я же на самом деле выпиваю молоко, хотя знаю, что сосуд моется коровьей мочой, а иногда еще чем-нибудь похуже... Просто мне очень захотелось пить.

Молоко пахнет дымом. Теперь я ни в коем случае не должен на глазах у масаев есть мясо. Угостив нас молоком, они оказали нам особое доверие. Дело в том, что у масаев бытует поверье, что если кто-нибудь выпил молока и в тот же день поел мяса, то корова, от которой было молоко, непременно заболит. По этой именно причине масаи неохотно пьют молоко, если в тот же день им предстоит съесть еще что-нибудь мясное. Если же такое случится, то масай берет травинку и до тех пор щекочет ею у себя в горле, пока его не вырвет.

Масай ест преимущественно мясо домашнего скота — говядину, баранину и козлятину. Поэтому таким влюбленным в диких животных психопатам, как мы с Михаэлем, они симпатичнее всех других жителей Африки. Дичью они брезгуют, не употребляя в пищу ни птиц, ни рыб; из диких животных они едят лишь мясо здоровенных антилоп канн и кафрских буйволов. Отсюда понятна пугливость этих животных в местах, где живут масаи. Завидя человека на расстоянии 500—600 метров, они тут же убегают. Зебры же, гну и другие животные могут мирно пастись рядом со стадами домашнего скота. Следовательно, масаи, поселяясь на территории национального парка, приносят куда меньше вреда диким животным, чем другие местные жители.

Правда, иногда они уничтожают львов. Молодые воины-масаи, которые собираются жениться и стремятся доказать свою храбрость, вдесятером или целой дюжиной набрасываются на льва и закалывают его копьями. Для такой операции требуется, между прочим, немножко больше смелости, чем фабриканту Шульцу из Дюссельдорфа, отправляющемуся на охоту со своей вооруженной компанией.

Теперь такие «львиные турниры» масаям запрещены. Воровать скот в округе им тоже больше не разрешается. Да, молодому масаю в наши дни трудно доказать своей любимой девушке, сколь он бесстрашен и мужествен! Правда, я не уверен, что они свято придерживаются этого запрета. Об этом можно спросить у львов: им это лучше знать. Я же в свою

очередь сколько раз наблюдал, как львы поспешно удирали, увидев нескольких масаев, шествующих с копьями по степи. А уж если лев пускается наутек, это что-нибудь да значит!..

Поговаривают о том, что масаев следует выселить с территории парка или, во всяком случае, не подпускать к водопоям, предназначенным для диких животных. Масаи на это отвечают:

— Если мы уйдем, сюда сейчас же придут соседние племена со своими отравленными стрелами и проволочными петлями. Сейчас они не отваживаются вторгнуться на наши земли, они знают: там, где мы, им не место, мы их гоняем, как собак. Мы-то не трогаем диких животных. А вот на прошлой неделе здесь проезжала сафари на машинах, груженных рогами и львиными шкурами. Нам же почему-то запрещают охотиться на львов...

Во время наших подсчетов животных с самолета мы с Михаэлем подсчитали заодно бома масаев и численность их стад. Их оказалось значительно меньше того официального числа, которое принято называть. Если их поселения не будут катастрофически разрастаться, а стада не примут угрожающих размеров, то вполне возможно, что масаи могли бы стать неплохой охраной для национальных парков.

Масаи пьют кровь домашних животных. Меня, как ветеринара, заинтересовало, каким способом они берут кровь у своих животных-доноров. Каждый бык дает им в месяц от четырех до пяти литров крови, а корова — пол-литра.

Ове любезно согласился продемонстрировать нам всю процедуру. За это он просит нас покатать его на самолете.

Мы все вместе направляемся к ближайшему стаду, несколько подростков ловят черного теленка и накидывают ему на шею веревочную петлю. Под веревку просовывается палочка, которую перекручивают до тех пор, пока на шее не набухает и явственно не проступает вена. Затем кто-то из старших берет стрелу с коротким плоским острием и с расстояния примерно два метра вонзает ее в раздувшуюся вену. Мгновенно брызжет струйка крови, которую ловят в деревянную бутылку. Затем масай обильно плюет себе на указательный и большой пальцы, смачивает слюной ранку и залепляет ее землей. Веревку тут же снимают, и кровотечение сразу прекращается.

Мы поблагодарили за любезную демонстрацию, а добытую кровь один из подростков размешал палочкой и выпил.

Мальчиков этого племени каждый год зовут по-разному. У масаев явная страсть к перемене имен. Это создает невообразимую путаницу при проведении переписи населения или взимании налогов. Когда рождается ребенок, то его отец обязан заколоть двух быков. Одного — для женщин и детей своего краала, а второго, которого закалывают спустя четыре дня, — для мужчин. При этом маленькое существо получает свое первое имя. Если отец сомневается в том, что ребенок действительно его, то он кладет его прямо посередине входа в крааль. Вечером, когда стадо загоняют домой, решается судьба ребенка: если коровы его затопчут, значит, он был незаконнорожденным.

В краале справа от ворот всегда стоит домик первой, главной жены. Вторая жена ставит свой домик слева, третья — опять справа. При дележе наследства немаловажное значение придается тому, рожден ли ты «справа» или «слева».

Если отец дарит своему сыну быка по кличке Польполь, то сына впоследствии будут звать Обладателем Польполя. Когда сыну делают обрезание, он меняется именем со своим отцом. Если отца звали Сенду, а сына Нана, то теперь сын будет называться Оле Сенду (сын Сенду), а отец — Менье Нана (отец Нана).

Но вот сын наконец достиг возраста воина — мечта каждого молодого человека. Праздник обрезания торжественно отмечается через каждые три года, и все юноши этих трех «выпусков» празднуют его вместе. За четыре дня до торжеств их отцы облачаются вновь в одежду и доспехи воина. Перед самым началом праздника они все это снимают и торжественно передают сыновьям.

Как только молодой воин оправляется после операции, он приступает к любовным играм — бегаем за девицами и стреляет в них тупыми стрелами. Вот тут и наступает лучшее время в жизни масая. Молодые воины надевают себе на шею цветные бусы, отращивают косы, ноги украшают браслетами с бубенчиками, а щиты раскрашивают красной и черной краской. Молодые люди одной округи уходят из бома своих родителей и вместе строят себе отдельную так называемую маньяту. Такая маньята отличается тем, что вокруг нее не воздвигают изгородь из колючих кустарников. Матери и сестры следуют за сыновьями и братьями; незамужние девушки живут в этой маньяте в свободной любви с новоиспеченными воинами.

Такому воину, который называется теперь «моран», категорически запрещается работать, употреблять алкогольные напитки и есть растительную пищу. Он должен питаться только мясом и кровью. Он танцует, любит и участвует в войнах.

Воевать сегодня не с кем, да и запрещено. Значит, единственное, что молодые воины могут себе сейчас позволить,— это украсть где-нибудь пару коров или в лучшем случае угнать целое стадо. Кое-где на юге они еще заняты на подземных водопоях, где, чтобы напоить скот, надо загнать его на 10 метров под землю. Там, внизу, под отвесной стеной, четыре морана становятся один другому на плечи и подают наверх воду в кожаных ведерках. В остальных же местах им остаются только танцы и любовь.

Отцы молодых воинов время от времени дарят им быков. Их закалывают где-нибудь в кустах поблизости от маньяты и тут же съедают. Молодые воины делят все между собой побратски. Сыновьям бедных родителей достается столько же, сколько и богатым сынкам. Все юноши, прошедшие вместе обрезание, остаются на всю жизнь чем-то вроде побратимов или фронтовых друзей. Они всячески помогают друг другу, предоставляя один другому полное право на пользование своим имуществом, включая и жен. Это право дается вообще любому гостю, пришедшему в бома: стоит ему только воткнуть в землю копье перед одним из домиков, как он получает право на все, что находится внутри, в том числе и на жену (разумеется, только до тех пор, пока он гостит в доме).

Меня удивляет, что здешние ветеринары не боятся показываться на глаза молодым масаям; я бы на их месте не рискнул этого делать. Ведь именно из-за ветеринаров масаи вот уже в течение трех лет не могут отпраздновать свой праздник обрезания. Для этой цели уже давно оборудованы площадка и домики возле Моши, а ветеринары каждый год в самое неподходящее время объявляют на этой территории карантин по случаю ящура или чумы рогатого скота, значит, масаи не могут привести сюда своих коров. А какой же может быть для масая праздник без скота? Так вот и бегают молодые масаи уже в течение трех лет необрезанными и напрасно теряют самые лучшие, свободные и беззаботные годы своей жизни!

Мы с Михаэлем питаем слабость к масаям. Масаяев, по крайней мере настоящих, чистокровных масаяев, становится все меньше. У этого племени все реже рождаются дети, потому что среди них распространились венерические болезни. И это несмотря на то, что их собственные «суды старейшин» нала-

гают штраф в 1000 марок на каждого, кто кого-нибудь заразит. Но при той вольной половой жизни, которую они ведут, едва ли возможно бороться с распространением венерических заболеваний или проводить серьезную врачебную профилактику. Поскольку многие из их жен остаются бесплодными, масаи стали усыновлять детей из близлежащих поселков. Эти дети воспитываются как масаи и остаются масаями на всю жизнь. Но оливковые тонкогубые лица настоящих масаев, которые сходны с нашими европейскими лицами, встречаются все реже и реже.

Михаэль предлагает одной из молодых женщин 20 шиллингов за ее огромные серьги. Они сделаны из кожи, на которой красными, белыми и синими бусами вышит пестрый узор. Мочки ушей у всех женщин растянуты до предела и посередине имеют огромную дыру, в которую вдеваются подобные серьги. Но масаи — богатые люди и в деньгах не нуждаются. Молодая красотка дарит Михаэлю понравившиеся ему серьги, но за это масаи обращаются к нам с просьбой, в которой на все лады повторяется слово «ндеге». А Д. О. еще уверял нас, что нам никакими деньгами и уговорами не удастся заманить масая в свой самолет. Оказалось, что они совсем не прочь прокатиться!

Мы выбрали четырех самых почтенных старейшин и решили проделать с ними поочередно два круга почета над степью. Поскольку я не очень надеялся на их «самолетоустойчивость» и сомневался в том, что они догадаются в случае нужды воспользоваться нашими бумажными пакетами, то решил на всякий случай застлать пол бычьими шкурами, в избытке валяющимися в бома. Потом мы посадили первую пару наших знатных пассажиров и поднялись в воздух.

Как ни странно, они не испытывали ни малейшего страха, наоборот, жаждали подняться как можно выше. А потом они попросили нас спуститься и на бреющем полете пролететь над самым бома, чтобы все остальные могли их разглядеть.

Нам едва дали приземлиться, потому что весь народ сбегался к месту посадки. Они чуть не опрокинули нашу машину, напирая на нее со всех сторон в своем неистовом желании «прокатиться» следующим рейсом.

Вместе со шкурами в самолет попала и добрая дюжина мух. Мы с Михаэлем едва успевали от них отбиваться и от-

махиваться, масаи же их словно не замечали. Вокруг глаз, ноздрей и рта у них зачастую собирается по нескольку мух, а они даже и не думают их прогонять. Именно по этой причине так часто можно встретить подслеповатых или даже слепых масаев.

Среди местных жителей Танзании сейчас ходит много слухов о том, что здесь должно возникнуть новое самостоятельное цветное государство. Однако в районе Лолиондо, рядом с границей «страны масаев», недавно начали вспыхивать драки между сторонниками независимости и ее противниками. Соседи масаев опасливо спрашивают: а что начнет творить этот «богоугодный народ», когда уйдут англичане?

За все долгие годы немецкого и британского владычества масаи не очень-то допускали к себе миссионеров. Они, правда, верят в Энгаи — единого, всемогущего бога, ниспосылающего меж прочих благ и дождь. Но зато в загробную жизнь они не верят. Капитан Мориц Меркер, служивший с 1895 по 1902 год в немецком гарнизоне, стоящем в Моши у подножия Килиманджаро, подружился с масаями и изучил их язык. Он написал о них довольно объемистый труд. С тех пор никто больше так обстоятельно не занимался изучением этих рослых, гордых и воинственных людей. Самому Меркеру его научные изыскания обошлись дорого. Когда он в 1903 году приехал в отпуск к себе домой, в Германию, ученые мужи и разные другие высокие инстанции так его начали чествовать, что это вконец раздосадовало его военное начальство. Как только он вернулся в Африку, его тотчас же перебросили в другое место, далеко от объекта его исследований — масаев, в Дар-эс-Салам, на сырое побережье, где поручили обучать рекрутов. В 1908 году он умер там от воспаления легких.

Подружившись с капитаном Меркером, масаи поведали ему все те легенды и истории, которые бабушки-масайки долгими вечерами рассказывают своим внукам и внучкам, сидя перед круглыми домиками в бома. При этом выяснилось, что масаям давно, еще до прихода миссионеров, были известны истории про Адама и Еву, про Каина и Авеля, про всемирный потоп и про многое другое из Ветхого Завета, только персонажи носили другие имена. Меркеру удалось также выяснить, каким образом с масаями действительно можно наладить мирные отношения, исключаящие всякое вероломство. Часто эти гордые воины братаются, сделав порез на руке и смешав свою

кровь, но это, оказывается, никого ни к чему не обязывает. А вот если две враждующие стороны обмениваются младенцами и те попьют молоко чужой матери, тогда мир уже никогда и ничем не может быть нарушен.

Масаи очень дружны между собой. Когда в 1896 году группу масаев вывезли в Берлин на Промышленную выставку, то они сэкономили все полученное ими жалованье и, вернувшись в Танганьики, выкупили из рабства других масаев, проданных работоторговцами в прошедшие голодные годы.

Кстати сказать, сама поездка произвела на них неизгладимое впечатление. Но то, что они потом рассказывали своим землякам, носило, мягко говоря, несколько фантастический характер. Например:

— В Германии детей кормят не матери, их пасут, как коз. Прямо на улицах стоят столы и на них тарелки. Стадо детей подгоняют к этим столам, они садятся за них и едят. Как только они все съедят, их гонят дальше.

Оказывается, они видели школьную экскурсию, которая после посещения выставки обедала в открытом летнем кафе.

Договориться о чем-либо с масаями чрезвычайно трудно, особенно если речь идет о необходимости уступить водопой или прекратить выпас на каком-то участке серенгетской степи. Ведь у них фактически нет настоящих вождей племен или королей, которые бы имели право повелевать. Те, кого немцы и англичане вначале принимали за вождей, оказались скорее шаманами или «заклинателями дождя»; перед началом любой военной операции они предсказывают исход битвы с помощью камешков, которые вытряхивают из рога.

Между прочим, английская королева Елизавета, сама того не ведая, попала у масаев в знаменитые заклинательницы дождя. А произошло это следующим образом. В 1958 году она посетила страну масаев и на торжестве, устроенном в ее честь, пожелала собравшемуся народу побольше дождей, столь необходимых для его благоденствия. Перед этим шаманы уже в течение нескольких недель вымаливали у Бога грозу, но все старания были тщетными. И вдруг, буквально через полчаса после добрых пожеланий королевы, надвинулась гроза, и долгожданный ливень обрушился на высохшие пастбища.

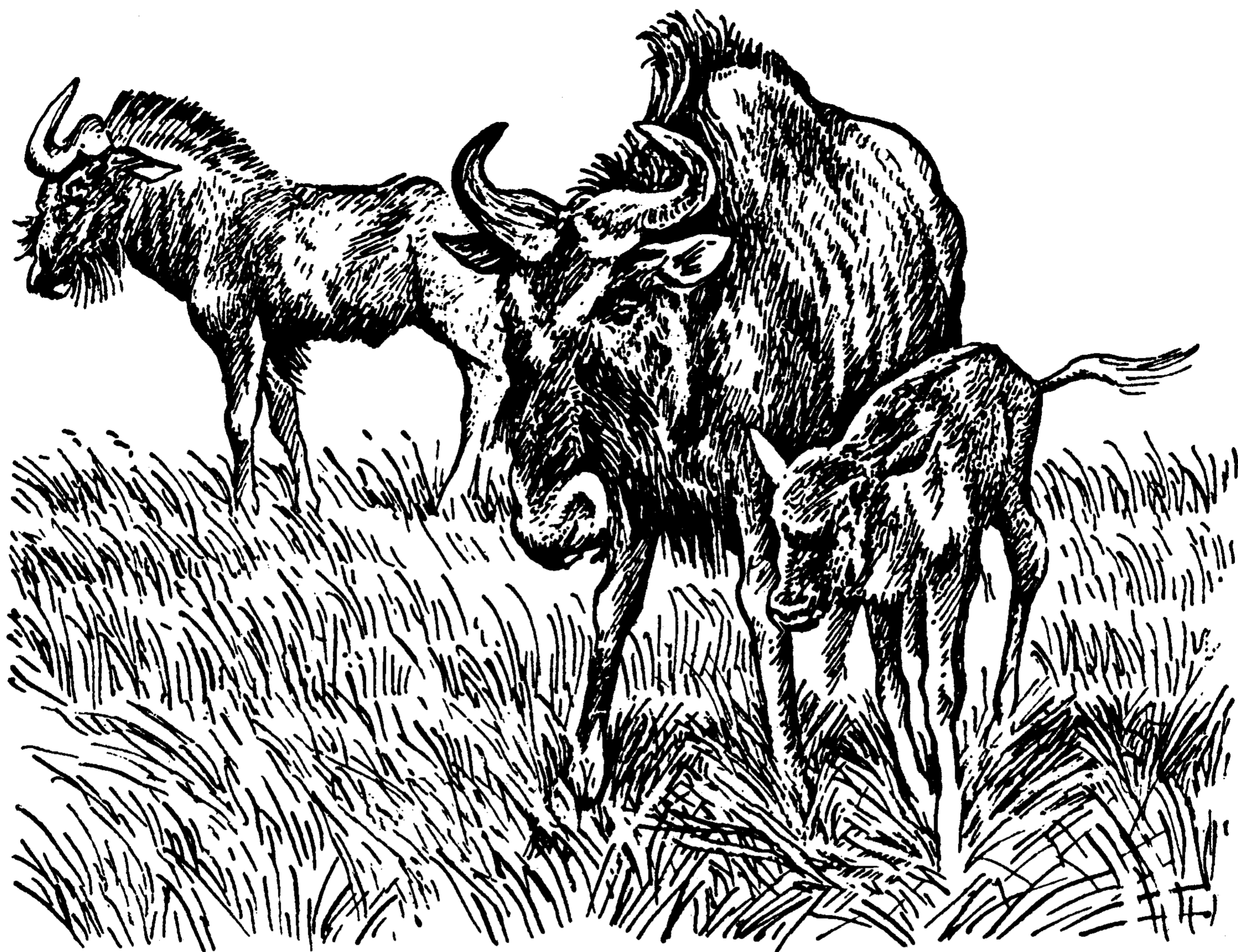
Если от масаев нужно добиться какого-либо решения, то придется долго ждать. Для этого «старейшины» должны съехаться на «совет», а поскольку бома расположены далеко друг от друга, то, пока они соберутся, проходит несколько недель. На таком «совете старейшин», точно так же как и в

европейском парламенте, с утра и до позднего вечера происходят бесконечные дебаты, пока эти почтенные мужи не придут наконец к какому-нибудь единодушному решению. Доверенные лица, которые назначаются правительством,— это, как правило, масаи, говорящие на суахили. Они сообщают «совету старейшин» пожелания правительства и информируют правительство об их решении. Таким образом, все происходит на весьма и весьма демократической основе.

Но есть у масаев одна привычка, которая Михаэля почему-то прямо выводит из себя: они непрерывно сплевывают на пол. У нас в самолете никого из них не вырвало, но во время полета они заплевали весь пол,— хорошо, что мы его предусмотрительно покрыли шкурами. Когда вылезаете из самолета или машины и присаживаетесь на траву, чтобы немножко перекусить, масаи обычно становятся рядом и, беседуя, непрерывно смачно сплевывают на землю. Не скажу, чтобы это было очень приятно; не более привлекательна их привычка, скрепляя какую-либо сделку (продав вам что-нибудь), непременно плюнуть на эту вещь.

Но в таких случаях я напоминаю Михаэлю о том, что и у нас в Европе почти на каждой лестничной площадке стоит плевательница или урна, что еще совсем недавно в церквях и на вокзалах висели таблички «На пол не плевать!» и что перроны американского метрополитена, как правило, бывают усыяны выплюнутыми и растоптанными жевательными резинками... Значит, и мы, европейцы, тоже еще не прочь при случае сплюнуть на пол, и поэтому нечего воображать, что мы их в чем-то превосходим...

Глава тринадцатая

КАК Я НОЧЬЮ ЗАБЛУДИЛСЯ В КРАТЕРЕ НГОРОНГОРО

Однажды я попросил Михаэля высадить меня на дне кратера Нгоронгоро. Дело в том, что, пролетая над ним на бреющем полете, я заметил двух огромных носорогов, отдыхающих рядом с группой львов, а несколько дальше — двух леопардов, которые как раз отправлялись на охоту.

Чтобы немного облегчить машину, мы заодно выгрузили тяжелый штатив киноаппарата и несколько ящиков и коробок. Михаэль собирается вернуться через час: он обещал свозить куда-то обоих лесничих и Германа. А поднять с земли переполненную машину здесь, в этом разреженном воздухе, довольно трудно, и еще труднее посадить ее.

Я снимаю рубашку, вешаю себе на шею полевой бинокль и отправляюсь осматривать окрестности.

Тем временем два леопарда поймали чепрачного шакала и теперь играют мертвым животным, как кошки с мышью; один делает бросок, хватает шакала за загривок и ударяет его лапой так, что он отлетает в сторону. В это время второй

леопард, притаившийся в траве, выскакивает и, как живого, «ловит» мертвого шакала.

Обоих носорогов я нашел без труда, потому что сидящие на их спинах белоснежные египетские цапли видны еще издалека. А вот львов что-то нигде не видно; правда, лев может сделаться невидимым, даже если трава достигает всего 30 сантиметров высоты. Однако по всему поведению носорога-самца я вижу, что хищники где-то рядом с ним. Он низко нагибает голову и решительно направляется куда-то в сторону; действительно, из травы поднимается большой лев с роскошной гривой и уходит прочь. Но, пройдя 30 метров, он вновь ложится. Однако и носорог не отстает. Приходится «царю зверей» убираться подобру-поздорову — по-видимому, он не самый могущественный в этом царстве!

Сам я стараюсь держаться на почтительном расстоянии от места, где происходит это состязание. Одно дело, когда сидишь в надежном вездеходе, и другое, когда стоишь один-одинешенек на ровной, как стол, равнине, где нет ни кустика, ни дерева. На всякий случай я решил вернуться к нашему багажу и прилег там позагорать на солнышке.

До чего же приятно пожариться под экваториальным солнцем! Мне даже не хотелось открывать глаза, когда я слышал гул нашей «крылатой зебры», которая, снижаясь, пронеслась прямо надо мной. Но, не коснувшись земли, Михаэль почему-то снова дает газ, поднимается в воздух и улетает. Наверное, забыл что-нибудь. Ну что ж, подождем — время у меня есть, и мне здесь даже весьма приятно.

Когда я снова смотрю на часы, оказывается, уже половина пятого. Здорово захотелось пить, но, к счастью, у меня нашлась фляга с чаем. Ничего себе, четыре часа пролежать в горах под палящим солнцем! Но я привычен к африканскому солнцу — ожогов у меня никогда от него не бывает. Мне смешно вспоминать, чего нам только не рассказывали про солнечные удары перед нашей первой поездкой в Африку! «Никогда не выходите без пробкового шлема!» А у меня даже и шляпы-то с собой нет.

Однако Михаэлю пора бы уже за мной прилететь. Я прогулялся еще немножко по окрестности, потом стал наблюдать за стадом гну, пасущимся в долине. Гну явно чем-то обеспокоены, видимо, с ними случилось что-нибудь не совсем обычное. Я настраиваю объективы своего полевого бинокля и подхожу все ближе. В серовато-зеленой траве лежит кто-то светло-коричневый, он-то и привлекает всеобщее внимание этих черных антилоп. Вот одна из них подошла к коричневому

комочку и подтолкнула его носом. Комочек зашевелился и неуверенно поднялся на тонкие ножки. Он оказался новорожденным гну, видимо, первенцем этого года.

Этот первенец не только для меня, но и для всего стада — настоящее событие. Когда малыш побежал, за ним с любопытством последовало 10 или 15 взрослых гну. Вдруг он упал; самки тут же окружили его со всех сторон, стали обнюхивать и осторожно подталкивать носами. Никто не дотрагивался до него острыми рогами, однако одна из самок то и дело делает угрожающие движения в сторону других, желая их прогнать, — это, видимо, мамаша.

Через несколько недель, когда здесь появятся на свет сотни маленьких телят, ни одному гну не придет в голову проявлять к ним такой повышенный интерес, но этот — первый. Однако у первенца, по-видимому, мало шансов на то, чтобы выжить. Поблизости уже стоят четыре гиены и не спускают с него жадных глаз. Когда они подходят слишком близко, один из взрослых гну делает угрожающий выпад в их сторону, но гиены отбегают только на несколько шагов. Эти физи питаются отнюдь не только падалью. Их жертвами становятся многие, очень многие молодые антилопы и газели. Вот так оно происходит в природе.

Новички среди работников национальных парков всегда предлагают перестрелять всех гиен, но это нарушит биологическое равновесие в природе. Одно время здесь, в Восточной Африке, начали истреблять всех леопардов. Но после этого сильно размножились бородавочники и павианы, которые начали опустошать поля и огороды местных жителей, причиняя значительно больший урон, чем леопарды, утаскивавшие время от времени лишь какую-нибудь козу. Тогда леопардов снова решили охранять.

Но вот уже шесть часов. Михаэль что-то явно не торопится за мной прилетать! Ведь он отлично знает, что солнце здесь садится около семи. Если в ближайшие десять минут он не появится, значит, самолет потерпел где-нибудь аварию. А это в свою очередь означает, что мне придется здесь заночевать. Мне становится несколько не по себе, ведь у меня с собой нет ни спичек, ни карманного фонаря. Кроме того, мои часы показывают, что сейчас как раз новолуние.

Но не наша ли «Утка» гудит там, на западе? И действительно, высоко над краем кратера появляется самолет, но толь-

ко не полосатый, а одноцветный, и кружит он почему-то над облесенными склонами вулканической горы Лемагрут. Меня бросает в жар: уж не потерпели ли наши аварию? Вдруг это спасательный самолет, который их ищет?

Но машина спускается внутрь кратера — они явно ищут меня. Я машу рубашкой. Теперь я вижу, что это самолетик марки «Цессна». Меня заметили, но приземляться не собираются. Недалеко от меня самолет сбрасывает коричневый кулек. Я подбегаю к нему, открываю и достаю кусок белой бумаги. На ней написано по-английски:

«Михаэль сломал шасси. Он полетел в Найроби. Никто не ранен. Иди в том направлении, в котором полетит сейчас наш самолет».

«Цессна» делает вираж, возвращается назад и, поднявшись выше, летит направо, а затем, пролетев прямо над моей головой, поднимается ввысь и наконец исчезает за краем кратера. А вот уже и звука мотора не слышно. Тишина.

Ну и ну. Я сажусь на один из ящичков. Интересно, какое направление они имели в виду — первое или второе? Первое означало бы идти на юго-восток. Там, я знаю, расположено озеро, за ним лес, позади которого есть сторожка с двумя постелями. На все 250 квадратных километров, которые занимает кратер, это единственное пристанище. Там я, безусловно, смог бы переночевать, если сумею взломать дверь. Но мне ни разу не приходилось там бывать, а добираться туда, по моим расчетам, не меньше трех часов. Стемнеет же через 20 минут. А в низине, возле озера, обитает много львов — это я сам видел во время наших полетов.

Нет уж, спасибо. Я лучше останусь здесь, на голой равнине с высохшей низкой травой. Сюда никакие животные не придут пастись, а следовательно, не придут и хищники, которые на них охотятся. Я могу быть совершенно уверен, что со мной до восхода солнца ничего не случится. Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы здесь, в кратере Нгоронгоро, лев или даже леопард напал на человека.

Но я уверен также и в том, что целых 12 часов темноты не смогу сомкнуть глаз. К счастью, штатив киноаппарата упакован в старый спальный мешок. Вот в него я и залезу. Только я знаю уже наперед: если где-нибудь поблизости раздастся хруст или шорох, я непременно вообразю, что ко мне подкрадывается гиена, а если что-нибудь блеснет, то буду думать, что это глаза льва... Вот был бы я курильщиком, обязательно имел бы при себе спички или зажигалку. Ничего не поделаешь.

Насколько возможно, я вытягиваю ножки штатива, расставляю их как можно шире, а сверху набрасываю кусок брезента. Когда я лежу под этим сооружением, у меня возникает ощущение относительной безопасности. Вокруг я раскладываю ящики, алюминиевую посуду, гаечные ключи и другие инструменты: я надеюсь, что если какое-нибудь животное начнет подходить, то запах непривычных вещей его может остановить.

Да, немало бы я отдал за то, чтобы быть уже на одну ночь старше! Сколько ночей в своей жизни я уже проспал, сколько провел в кино или за письменным столом, но когда у тебя нечем зажечь огонь, то остается только одно занятие — предаваться размышлениям и считать минуты.

До южного, отвесного склона кратера гораздо ближе, чем до сторожки, может быть, час ходьбы. Там, у подножия зеленого обрыва, виднеется несколько деревьев. А под ними что-то есть. Но даже в бинокль отсюда невозможно разглядеть, что именно. Наверное, это всего лишь куст. Но не может ли это оказаться хижиной? У меня в запасе ровно 25 минут до наступления полной темноты. А темнота здесь наступает сразу, мгновенно. Если я сейчас направлюсь к этим деревьям, а потом не найду дороги обратно, то буду плутать в кромешной тьме, совершенно один и невооруженный. Чего доброго, могу зайти в высокую траву или в какой-нибудь овраг, где укрываются хищные животные. А штатив и ящики — это уже нечто, что я могу рассматривать как свое убежище или крепость в этой глуши.

Итак, времени терять нельзя, решать надо немедленно. Ровно 12 минут я могу потратить на то, чтобы быстрым шагом пройти по направлению к этой группе деревьев. Потом надо остановиться и решить, что делать дальше. Если я оттуда разгляжу, что это действительно домик, то оставшихся 12 минут мне хватит на то, чтобы до него добраться. Если же нет, я должен без промедления повернуть назад, чтобы благополучно достичь своей «штаб-квартиры». На всякий случай я разворачиваю сверток с гаечными ключами, а газету, в которую они были завернуты, привязываю сверху к штативу: я боюсь, как бы не потерять из виду эту тонконогую штукювину.

После этого я отправляюсь в путь, но по дороге все время оборачиваюсь и мысленно отмечаю: «Когда будешь возвращаться назад, ты должен ориентироваться вот прямо на эту вершину горы, виднеющуюся над северным краем кратера».

Предательские деревья! Они оказались значительно дальше, чем мне показалось. С собой я захватил только старый

спальный мешок и сумку с фотоаппаратами. Иду семимильными шагами и строго слежу по часам. Через 12 минут я останавливаюсь и снова смотрю в бинокль. Деревья едва приблизились. В этом разреженном, прозрачном горном воздухе вечно недооцениваешь расстояния. Теперь я мог бы биться об заклад, что предмет там, под деревьями, всего лишь куст. Но, прежде чем вернуться, я еще раз внимательно осматриваю в бинокль местность.

Вот там, налево от меня, виднеются две тонкие вертикальные полосы. Это могут быть только люди. Или зебры: если смотреть на этих животных прямо в лоб, они выглядят точно так же. После некоторых сомнений я решаю, что это, безусловно, люди. Меняю направление и иду к ним.

Но тут передо мной возникает песчаный овражек в два-три метра глубиной. Когда я из него вылезаю, то загадочных полосок оказывается уже не две, а три. «Если бы это были зебры, то они вряд ли могли все время стоять ко мне точно анфас» — так я себя уговариваю.

А тем временем сумерки все сгущаются, и к тому же приходится пробираться по высокой, до пояса, траве, похожей на тростник. Но под ней, слава богу, сухая земля, а не болото. Теперь я ясно различаю красный огонек. Наверное, костер. На душе у меня становится легче. Это могут быть только масаи.

И это на самом деле они: шесть моранов, то есть молодых воинов, и двое мальчишек лет одиннадцати. Они только что согнали на ночь на ровную площадку, покрытую сухим навозом, стадо из 600 овец. Ни забора, ни колючей ограды. Все восемь масаев заняты тем, что вылавливают из стада маленьких ягнят и сажают их в плетеные загоны, стоящие в самой середине этой площадки. Таким способом их, наверное, укрывают на ночь от хищников. Молодой воин огромного роста идет мне навстречу и пожимает руку:

— Джамбо (здравствуй)!

Я тоже говорю «джамбо». Из того, что этот человек говорит мне дальше, я, разумеется, не понимаю ни слова. Правда, я пытаюсь догадаться. Наполовину по-суахили, наполовину по-английски я объясняю ему, почему я очутился ночью один в степи. Наконец он, кажется, что-то понял, видимо, слово «ндеге». Но потом он оставляет меня одного: ему надо позаботиться о своих овцах.

Эти масаи, видимо, каждую ночь сгоняют сюда свои стада. Посреди площадки для ночлега овец воздвигнуто нечто вроде трехстенного сарайчика из сухих жердей. Сверху

на него набросано несколько шкур — от дождя. Перед открытой стороной разведен костер. Я, как цапля, перешагиваю через спящих овец, с трудом находя между ними местечко, куда бы поставить ногу. Лавируя в этом море теплых лохматых овечьих и козьих тел, я добираюсь наконец до шалаша. Два подобных сооружения поставлены и у другого края площадки.

Я перешагиваю через огонь и сажусь возле полуоткрытого маленького шалаша. Внутри он устлан шкурами и циновками. Все восемь масаев один за другим подходят и садятся на корточки вокруг костра. Они меня о чем-то расспрашивают, но я вынужден только пожимать плечами. По всей вероятности, они хотят меня чем-то угостить, потому что в их разговоре несколько раз повторяется слово «чакула», что на языке суахили означает «пища», «еда», «провизия». Но я отрицательно качаю головой: признаться, я побаиваюсь яств масайской кухни. Чего доброго, они предложат мне попить свежей крови или еще что-нибудь в этом роде. Я показал им кусок хлеба, завалившийся у меня в кармане, но это их ни в чем не убедило.

По знаку самого высокого воина мальчишки притаскивают коричневую короткошерстную овцу. У самого костра ее кладут на спину и связывают ей ноги. Масаи смотрят на меня вопросительно. Что я должен сделать? Просто ума не приложу, чего они от меня хотят. Но тут высокий моран берет свое копье и всаживает его в брюхо животного. Он всовывает копье все глубже и глубже. «Жестоко так медленно закалывать животное», — думаю я, но тут же замечаю, что крови не видно. Оказывается, масаи уже заранее задушили овцу.

Кому здесь по-настоящему придется работать, так это только мальчишкам. Они ошкуривают животное, потрошат его, разматывают кишки.

Селезенку, печень и кусочки мяса нанизывают на деревянные шампуры. Один конец такого прута втыкают в землю, другой, на котором надето мясо, пригибают к огню. Высокий моран, приветствовавший меня первым, вытаскивает из брюшины прозрачную пленку, пропитанную нутряным салом. Он показывает ее мне и, без сомнения, спрашивает, хороша ли она. Я содрогаюсь при одной мысли о том, что эту пакость придется есть — все равно, будь то в жареном или вареном виде, но проявляю несвойственную мне трусость и киваю головой: «Да». Масаи смеются; не знаю, чем я себя скомпрометировал.

Старший моран протягивает мне прутик с полупрожаренной печенкой. Я беру палочку за два конца и стараюсь отгрызть

кусок от этого лакомства. Между прочим, на вкус оно совсем неплохое. Они опять все смеются. Видимо, и у масаев не принято вот так откусывать прямо от целого куска. Один из них вынимает нож и протягивает его мне. Я ем нарочно медленно, потому что знаю, что, как только кончу, мне тут же подадут следующую порцию.

Мораны вешают над огнем большой котел и бросают в него куски баранины. Едят они прямо колоссальными порциями, но ведь они и поработали сегодня немало. Поскольку я отказался съесть наполовину сырое баранье сердце, то один из воинов засовывает его в щель между прутьями шалаша, в котором я буду спать: авось я ночью проснусь и съем его.

Верзила укладывается рядом со мной ногами к огню и закутывается с головой в свое шерстяное одеяло, которое он днем перекидывает через плечо наподобие римской тоги. Я залезаю в свой спальный мешок и подкладываю под голову сумку с фотоаппаратами. Остальные остаются сидеть у костра. Один из парнишек отрезает бараньи ножки и держит их над огнем до тех пор, пока шерсть и кожа не обугливаются. Наверное, это особое лакомство для масаев: эти косточки они грызут с таким же удовольствием, как мы конфеты или другие сладости.

Потом они начинают петь. Одна и та же музыкальная фраза все время поется высокой фистулой, за которой через определенные промежутки следуют две басовые ноты. Разумеется, я не могу понять, о чем поют масаи, но знаю, что они мастера сочинять насмешливые частушки. Так и есть. До меня доносятся взрывы смеха, и несколько раз я различаю слово «ндеге».

Так всегда бывает: тот, кто попал в глупое положение, насмешек не оберется!

Воин рядом со мной храпит под своим одеялом во всю мочь. Некоторые из овец тоже храпят. Я раньше не знал, что овцы, оказывается, могут храпеть. Большой щенок, которого масаи до этого все время отгоняли прочь, наконец ухитрился пробраться в сарайчик. Он улегся прямо на моих ногах. Ну что ж, так теплее.

Проспал я с десяти до без четверти четыре. Просыпаюсь и еще два часа гляжу в звездное небо. Размышляю. Михаэль сейчас в Найроби. Спит, верно, сном праведника в отеле «Нью Стенли» после душа в роскошной кафельной ванной. Но все равно я не хотел бы с ним поменяться местами. Он ведь наверняка расстроен и огорчен, что самолет опять на какое-то

время вышел из строя. Но важнее всего то, что ни с ним, ни с пассажирами во время посадки ничего не случилось. Все равно в ближайшие дни нам уже предстоит вернуться в Европу, и до тех пор, пока мы приедем сюда снова, машину сто раз успеют отремонтировать. Хорошо, что ему удалось долететь на ней хоть до ангара.

В половине седьмого светает. Я перелезаю через спящих животных, чтобы выйти прогуляться по степи. Но это почему-то выводит из себя тощих собак, охраняющих овец. Я должен оставаться в стаде. Хорошая овчарка не выносит вида отбившейся от стада овцы. Она до тех пор будет лаять и хватать ее за ноги, пока та не вернется назад.

Два королевских ворона с белыми воротниками и крепкими изогнутыми, светлыми на концах клювами важно расхаживают среди овец. Одна из маток двинулась прямо на непрошенных гостей, но те и не подумали улететь, только отбежали в сторону. Не без труда овце наконец удастся их прогнать.

Когда стадо выгнали пастись, один из моранов вызвался проводить меня до «самрі», как называют здесь сторожку за лесом. Он никак не может понять, почему я сначала хочу пойти совсем в другую сторону. Вчерашняя группа деревьев служит мне ориентиром, и через три четверти часа мы благополучно достигаем того места, где я оставил свои пожитки. Все цело: и треножник, и чемоданы, и ящики. Один из чемоданов красноватого цвета, и, завидев его издали, масай испуганно схватил меня за руку:

— Куфа (мертвый)?

Но я успокоил его.

Вот как быть со всем этим багажом? Что касается меня, то я бы с удовольствием оставил его там, где он лежит. Ведь все равно в течение дня за мной пришлют какую-нибудь машину, и она все заберет. Но масай считает это разгильдяйством. Он втыкает свое копье в землю, поворачивается и стремительно уходит.

Пошел за ослами.

Проходит больше часа, я уже начинаю волноваться. Но он вернется, он ведь оставил в залог свое копье. Интересно, что этот моран подумал? Он ведь искренне испугался, вообразив, что кто-то разбился насмерть!

Капитан Мориц Меркер, полвека назад изучавший быт и нравы этого народа, много занимался его религиозными обрядами и поверьями. Он писал, например, что масаи якобы трижды в день, воздев руки к небу, молятся солнцу. У каждого

масая есть свой ангел-хранитель, который его после смерти перенесет в рай.

После Меркера никто так скрупулезно не занимался масаями. Однако те, кому приходилось здесь жить в прошедшие десятилетия, не верят в рассказанные ему сказки, так сильно смахивающие на христианские поверья. Вполне возможно, что оруженосец Меркера, поведавший ему обо всем этом, наслушался всяких миссионерских проповедей. Но в одном действительно не приходится сомневаться: масаи верят только в одного Бога. Для них не существует, как для других африканских племен, множества злых духов, которым основной Бог, живущий за облаками, дал власть над маленькими, слабыми людьми. Бог гордых степных воинов не слишком-то заботится о судьбе людей. Единственный вулкан, который в этих местах еще время от времени действует, масаи называют Олдонио Ленгаи, что означает «гора Господня». В загробную жизнь, мысль о которой так утешает многих людей и примиряет их с тяжелой действительностью, масаи не верят. Это они сами нам говорили.

Окружной комиссар, которому подчинены масаи этого района, две недели назад нашел молодого воина, страшно изувеченного кафрским буйволом. Ноги у него были сломаны, живот вспорот. Он погрузил несчастного на свой пикап и повез в госпиталь в Арушу. Тряска в автомобиле по неровной дороге наверняка причиняла раненому невыносимые муки. Англичанин видел, как искажались черты юного смуглого лица, но ни одна жалоба не сорвалась с губ масая, он не издал ни единого крика, ни единого стога. Вскоре по приезде в госпиталь он умер. Да, это, безусловно, мужественные люди!

Когда масай умирает в своем доме, родня старается еще при его жизни незаметно снять с него все украшения — браслеты, серьги, ожерелья. Если он умрет в них, уже никто никогда не сможет ими воспользоваться. Но обычно каждая жена, каждый ребенок и даже добрые друзья получают что-нибудь на память о покойном.

Для тяжело заболевших детей или гостей срочно строят «временку» вне стен бома, где и ухаживают за ними. Если больные умрут внутри бома, то все домики должны быть сожжены, а вся огромная община должна сняться с места и заново строить другую бома. Оплачивать такое переселение обязаны родственники покойного. Таким образом, помещая больных вне бома, стараются избавить их родню от лишних трат.

После смерти масая его братья и жены закалывают где-нибудь за пределами крааля быка, желательно под каким-нибудь деревом. Покойника смазывают салом убитого животного и укладывают в тени головой на восток. Кладут его обычно на бок с поджатыми к животу ногами, левую руку подсовывают под голову, а в правую вкладывают пучок травы и прижимают к груди. К ногам привязывают новые сандалии. Трава в руке олицетворяет у масаев мирные намерения.

В первую же ночь гиены и шакалы съедают покойника. Если они его не тронули, это плохое предзнаменование. Известных шаманов или вождей племен иногда хоронят и в земле. Каждый, кто проходит мимо, должен положить на могилу камень, так что вскоре вырастает высокий холм.

Все члены семьи покойного бреют себе головы. Имя его никогда больше не должно произноситься. Если покойный носил имя, которое встречается в обыденной речи, например Оль-Онана, что означает «благородный», то его семья больше не имеет права произносить слово «благородный», а вынуждена заменять его каким-нибудь другим, например «польполь», что означает «мягкий».

Наконец вернулся мой воин, которого я здесь дожидаюсь, да еще в сопровождении двух других. Они пригнали трех ослов, а ослы, как известно, не торопятся, поэтому на все потребовалось немало времени. Ослы здесь принадлежат женам. Работать этим животным приходится примерно раз в полгода, когда семья снимается с места и перевозит свой скарб в новую бома.

Ослам привязывают огромные карманы из заскорузлой кожи. Они такие жесткие, что нам приходится втроем втискивать в них мой багаж. Ремни врезаются в тела бедных животных.

Мы отправляемся в сторону дальнего леса. По пути я увидел 17 гиен, собравшихся в тесную кучу, хотя нигде поблизости не было видно падали. Львов, сидящих в высокой траве возле озера, масаи прогнали криками. Львы определенно боятся этих стройных воинов, даже ослы их нисколько не привлекли.

Мои провожатые хватают меня за руку и указывают на два облачка пыли вдали. Это два автомобиля, петляющие по степи в нескольких километрах отсюда. Они определенно ищут меня, но почему-то не приближаются. Позже я узнал, что издалека они приняли меня за масая.

Мы продолжаем свой путь. Тащимся уже три часа. Солнце печет мне голову, ведь у меня давно нет такой шевелюры, как у Михаэля. Перепрыгивая болотистое место, я не рассчитал,

и моя нога по самую щиколотку погрузилась в вязкий серовато-белый рассол.

Наконец одна из машин догадалась подъехать. Нам предлагают поесть, но мы отказываемся, а вот воды я выпил почти два литра, и мои масаи тоже. Вместе с главным воином мы садимся в машину, остальные с осликами должны потом подтянуться. Сидящий в машине господин предлагает нам сигареты: я отказываюсь, но масай запускает в коробку всю пачку, вынимает шесть или восемь штук и после потихоньку сует их мне. Он считает себя чем-то вроде моего сообщника. Я уговариваю его попробовать закурить, но он не знает даже, как это делается. Он зажигает сигарету, но забывает при этом втянуть воздух с другого ее конца. Тут я вспоминаю, что молодым воинам курить запрещается, курят только «старейшины»...

Европейцами, сидящими в машине, мой масай интересуется ничуть не меньше, чем они им. Он с интересом трогает прядь седых волос сидящей впереди него пожилой дамы. Потом прикасается к светлым волосам ребенка, сидящего у нее на коленях. Не меньше его занимает и «шерстистый покров» моих рук: он то и дело проводит по нему пальцами, словно гребнем, и улыбается. Его собственная гладкая, словно отполированная, темная кожа лишена всякой растительности.

От моих спутников я наконец узнаю, что случилось со всеми остальными. Оказывается, во время взлета самолет одним колесом ударился о какой-то камень. Пассажиры ощутили лишь незначительный толчок, но правой «ноги» самолета как не бывало — ее точно бритвой срезало. Михаэль заметил это только потому, что внезапно открылась дверца. Ему силой пришлось удерживать ее на месте. Но тут, к своему ужасу, он обнаружил, что рядом с его ногой в полу образовалась огромная дыра, сквозь которую видна земля. В нее сразу же ворвался ветер. Одновременно машину резко подбросило вверх, и она стала замедлять свой ход. Если сейчас же не набрать необходимую скорость, самолет моментально рухнет вниз. Рули направления и высоты вышли из строя. Михаэль лихорадочно работал.

В такие минуты страх куда-то исчезает, бояться просто некогда — надо действовать. А вот три пассажира, сидящие в вынужденном бездействии, те видели, что на них надвигается смертельная опасность. Но прежде чем они полностью осознали, что им угрожает, опасность миновала, во всяком случае на какое-то время.

С помощью дифферента и закрылок Михаэлю удалось снова восстановить равновесие и увеличить скорость. Пот лил с него градом, но теперь он мог хоть вздохнуть и обдумать создавшееся положение. Приземляться на одном колесе — это значит рисковать жизнью. Здесь, в Серенгети, помощи ждать неоткуда. Если машина во время посадки загорится, тушить огонь некому. И для раненых здесь нет ни врачей, ни больницы. Даже в том случае, если люди останутся целыми и невредимыми, ремонт самолета в этой глуши снова затянулся бы на долгие недели, может быть, месяцы, а возможно, его пришлось бы разобрать на части и увезти. Горючего было полно, машина еще уверенно держалась в воздухе, хотя и летела не так быстро, как хотелось бы.

Михаэль решил лететь в Найроби. Прежде всего он низко пролетел надо мной и бросил мне записку. Но его отец в это время дремал на солнцепеке и едва приоткрыл глаза. Он не заметил даже, что у самолета осталась всего одна нога. В такие моменты сыновья могут проклясть даже собственных отцов.

Бензина на этот перелет потребовалось немало, но, когда машина добралась до Вильсоновского аэродрома, баки были еще наполовину наполнены. Михаэль опасался, как бы горючее не вспыхнуло во время удара корпуса о землю. Поскольку его нельзя было вылить, он еще полчаса кружил над аэродромом, чтобы истратить бензин.

Три месяца назад здесь погиб один летчик, опылявший инсектицидами поля против саранчи. Сразу же после старта он вынужден был приземлиться с полными баками недалеко от аэродрома, загорелся и погиб во время этого пожара.

Михаэль оглянулся. Лица трех его пассажиров были бледны и серьезны. Там, внизу, на земле, люди играли в теннис, на пруду кто-то катался на лодке и упражнялся на водных лыжах. Хорошо бы уже твердо стоять обеими ногами на земле и чтобы эта опасная посадка с одним колесом была позади!

Герман вспомнил про большую батарею для питания кинокамеры. Она была наполнена серной кислотой, которая при неудачной посадке могла разлиться и разъесть людям кожу... На всякий случай он выбросил ее за борт.

Это были долгие полчаса, когда Михаэль кружил над аэродромом. Подлетая, он радировал о том, что с ним случилось, так что внизу уже стояли наготове кареты скорой помощи, две красные пожарные машины, суетились представители прессы, а все летное поле окаймлял бордюр из зевак.

Наконец бензин кончился. Михаэль спланировал вниз, пролетел над посадочной дорожкой, накренив машину слегка вправо, потом постепенно опустился на уцелевшее колесо и ехал на нем некоторое время по асфальту; только когда самолет совсем замедлил свой бег, он накренился и повернулся вокруг своей оси.

Это была совершенно виртуозная посадка! Ни вторая нога не обломилась, ни крыло не помялось. Тем не менее с быстротой молнии подъехали пожарные машины и покрыли пеной весь самолет, не обращая никакого внимания на протесты Михаэля.

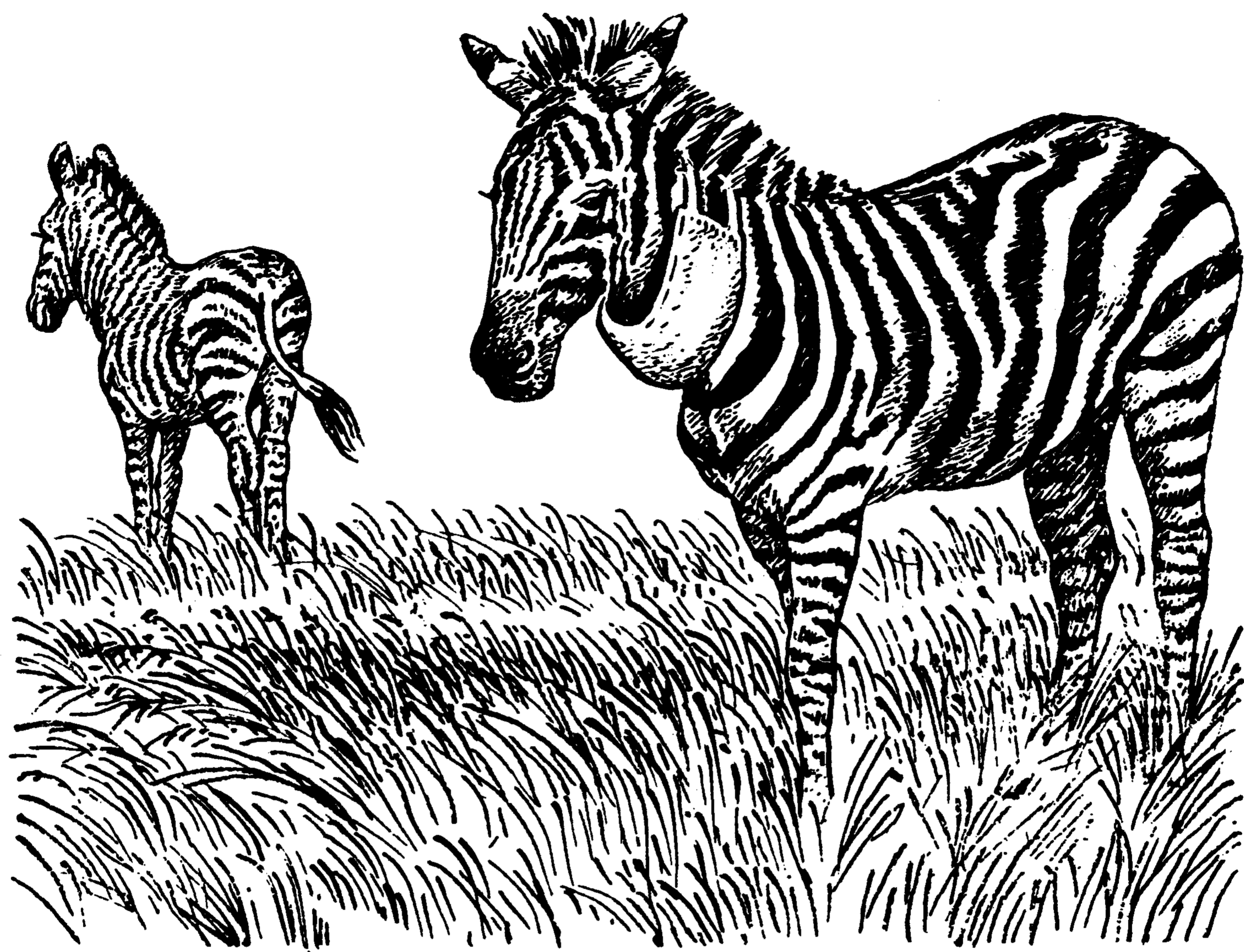
Вот тут-то все четверо почувствовали страшный упадок сил. Они даже не были в состоянии отвечать на вопросы журналистов. Михаэль только спросил своих спутников:

— Помните, когда мы кружили над аэродромом, то все время пролетали над кладбищем? Правда ли это или мне только показалось, что там были вырыты четыре свежие могилы?

Оказывается, все их заметили, но никто не решался сказать об этом вслух, пока самолет был еще в воздухе.

На этот раз мы еще дешево отделались и в воздухе, и в кратере.

Глава четырнадцатая

ПРО МУХУ ЦЕЦЕ

Мы рассказали вам, как бегали наперегонки с антилопами, играли с носорогами; мы познакомили вас и с трубящими страусами, и с влюбленными зебрами, но об одном из самых важных животных Серенгети мы чуть не забыли упомянуть. Хотя оно широко известно и пользуется дурной славой, тем не менее ни в одной книжке об Африке вы не найдете о нем каких-либо подробных сведений. А между прочим, это животное — единственный защитник слонов и зебр в тех случаях, когда человек пытается отобрать у них родину.

Я имею в виду муху цеце, этого переносчика сонной болезни и болезни нагана.

Так называемый коридор, то есть западная часть национального парка Серенгети, куда откочевывают наши огромные стада во время засухи, заражен мухой цеце. Если бы не это обстоятельство, там давно было бы полно деревень и ферм или же масаи пасли бы там свой рогатый скот.

— У тебя прямо какая-то слоновья кожа, — уверяет меня Михаэль.

Дело в том, что когда я во время езды раздетый по пояс сижу на радиаторе нашей машины, то к моей спине непременно прилипнут 10, а то и 15 этих кровососущих насекомых. Из кабины их хорошо видно, но дотянуться до них и прогнать невозможно. Сам же я ровно ничего не чувствую, мне даже не щекотно, потому что я давно ко всему привык.

Когда мы проезжаем через какую-нибудь рощицу или речную долину, бывает, что вся машина в мгновение ока битком набивается этими мухами. Мне кажется, что жертву свою они находят отнюдь не при помощи обоняния: они просто-напросто преследуют любой крупный двигающийся предмет. Поэтому-то их так и привлекают автомобили.

Однажды нас окружила целая туча мух — штук 150, если не больше. Они долго преследовали нашу машину. Когда я вылез и немного прошелся пешком, ни одна из них не обратила на меня никакого внимания; автомобиль был гораздо больше, а следовательно, и привлекательнее для них, чем я. Порой они стараются сесть даже на вращающиеся колеса.

Муха цеце не больше нашей обычной комнатной мухи. Цеце водятся только в Африке, больше нигде в мире. Их там 20 видов. Муху цеце легко можно отличить от всех других. Обыкновенные мухи, в том числе и наши европейские комнатные, ползая или сидя на чем-нибудь, складывают свои крылья на спине таким образом, что они несколько расходятся косо в стороны, как веер. А муха цеце складывает крылья плотно — одно поверх другого, наподобие ножниц. Поэтому ее совершенно невозможно спутать с какой-либо другой мухой.

Если посмотреть в лупу (а у кого зрение острое, даже без нее), то на каждом крыле мухи цеце можно различить маленькую секиру: прожилки расположены таким образом, что посередине получается что-то вроде маленького топорика. Кроме того, у этих мух щупальца покрыты перьеобразными ворсинками, но это уже детали. Во всяком случае они настоящие «африканцы» и в любом другом месте чувствуют себя плохо. Двадцать миллионов лет назад они водились и в Америке, но сейчас, когда их вместе с какими-нибудь товарами затаскивают на самолетах в Бразилию, они там не приживаются. Во всяком случае до сих пор не приживались.

Как только такая мушиная армия врывается в машину, начинается прямо настоящая война. Но воевать с ними тоже надо уметь. Необходимо учесть, что муха цеце летает очень быстро и целеустремленно, кроме того, ее не так-то просто

убить. Если ее прихлопнуть, как обычную комнатную муху, она, может быть, и упадет с поломанными крыльями и ножками, но через мгновение уже приходит в себя и нахально кусает вас с новой силой. Поэтому таких мух надо ловить руками и раздавливать между пальцами. Наш шофер Мгабо утверждал даже, что им непременно надо отрывать голову, чтобы быть уверенным, что они не очнутся!

Цеце не только кровожаднее львов и гиеновых собак, они и действуют значительно успешнее. Крупная дичь вынуждена немедленно убираться из тех мест, на которые претендует человек: ведь истреблять слонов, кафрских буйволов и целые стада антилоп совсем не трудно и не опасно. Муху же цеце не так-то просто согнать с облюбованных ею участков. Там, где ее серьезно задумают уничтожить, потребуется немало времени и денег. Да и мозгами придется пошевелить.

У комаров и многих других кровососущих насекомых кровь пьют одни только самки, самцы питаются нектаром растений и другими столь же невинными продуктами. У мух же цеце кровь пьют и самцы, и самки. Никому еще не приходилось наблюдать, чтобы они питались чем-нибудь другим. На конце хоботка у них имеются острые зубчики, которыми они пробуравливают кожу, нащупав какой-нибудь мельчайший кровеносный сосуд, они протыкают его и впрыскивают туда свою слюну, чтобы кровь не свертывалась. Как только муха цеце начинает сосать кровь, ее тощее брюхо заметно набухает и краснеет.

Вряд ли кто из вас слышал о том, что муха может забеременеть. А между тем это так. Обычные мухи, да и вообще большинство насекомых, откладывают кучу яиц, откуда затем появляются личинки, большинство из которых погибает. У цеце все это происходит совсем иначе. Самка с самцом спариваются в течение часа, а иногда и до пяти часов подряд. Зато после этого самка оплодотворена до конца своей жизни. Даже в том случае, если она попадает в местность, где нет других мух цеце, она еще в течение 200 дней (продолжительность ее жизни) способна откладывать оплодотворенные яйца.

Впрочем, муха цеце не откладывает яиц. В теле самки созревает одно-единственное яйцо, которое получает питание из особых желез (наподобие зародыша в матке зверей и людей). Там же, в организме самки, личинка выходит из яйца и проходит тройную линьку, то есть те

стадии развития, которые у других насекомых протекают во внешней среде. Затем на свет появляется белая личинка длиной в сантиметр.

Уже за несколько дней до «родов» самка не в состоянии больше сосать кровь просто потому, что для этого в ее утробе уже нет места. При родах она сама себе оказывает акушерскую помощь задними лапками. Новорожденная личинка закапывается в рыхлую прохладную почву, которую беременная муха обычно выбирает себе в качестве родильного дома. Через полчаса она уже исчезает под землей. В почве ее оболочка затвердевает, и личинка превращается в коричневую куколку, похожую на крошечный бочонок. Из этого бочонка через 35 дней появляется готовая муха. Она проделывает головой отверстие на одном конце своей оболочки, для чего у нее на передней части тела имеется специальный пузырь, наполненный воздухом. Как только муха оказывается снаружи, воздух из этого пузыря устремляется в приплюснутые и смятые крылья и расправляет их.

Самка ежемесячно способна производить на свет от двух до трех детенышей.

Никому бы не пришло в голову так тщательно изучать муху цеце, если бы девять ее видов не являлись переносчиками очень опасных возбудителей болезней человека и домашнего скота. Стремительный полет и характерное жужжание этих мух уже не для одного человека означали неминуемую гибель. В конце прошлого столетия, когда участились поездки по Африке, муху цеце заносили во все новые и новые районы, где она раньше не водилась. Когда она кусает, в ранку попадают особые паразиты крови из класса жгутиковых — трипанозомы величиной в двадцатую часть миллиметра. Они-то и являются возбудителями сонной болезни. Заболевший ею человек вначале ощущает боли в затылке, у него повышается температура, заметно опухают шейные железы. Затем у него начинают проявляться нарушения мозговой деятельности, наблюдаются признаки душевного расстройства, больной страшно худеет, впадает в какое-то полудремотное состояние и в конце концов погибает.

Из-за этой ужасной болезни обширные области Африки совершенно обезлюдели.

В наше время уже почти никто не умирает от сонной болезни, разве только в единичных случаях. Современная ме-

дицина имеет достаточно сильные лекарства, излечивающие этот страшный недуг.

Однако цеце переносят и возбудителей других болезней, постоянно живущих в организмах жирафов, антилоп, буйволов, бородавочников, гиен и большинства других диких животных Африки. У диких животных выработался природный иммунитет против этих болезней, редко какое-нибудь из них умирает по вине трипанозом. Но зато все европейские домашние животные — рогатый скот, лошади, свиньи и овцы — очень быстро погибают во время вспышек эпизоотий болезни нагана. В местностях, зараженных мухой цеце, невозможно заниматься не только скотоводством, но и впоследствии земледелием, так как там отсутствует навоз, необходимый для удобрения.

Эти обстоятельства надоумили некоего господина Ю. К. Горлея прибегнуть к страшным мерам, благодаря которым его имя будет упоминаться в истории с не меньшим негодованием, чем имя грека Герострата, сжегшего замечательный храм Артемиды в Эфесе лишь для того, чтобы увековечить свое имя.

Мистер Горлей до недавнего времени был уполномоченным по борьбе с трипанозомными заболеваниями человека и животных в Южной Родезии, расположенной в бассейне реки Замбези. Он решил, что средства уничтожения мухи цеце, успешно применяемые в других районах Африки, слишком сложны и дороги. Вместо них он изобрел собственный радикальный, но совершенно дьявольский способ борьбы.

«Если истребить сразу всех диких животных, то вымрет и муха цеце, потому что ей нечем будет питаться» — так решил этот «мыслитель».

Итак, он роздал африканцам ружья, учредил премии за каждое убитое животное, и дикая фауна стала планомерно уничтожаться.

С 1932 года таким образом было выбито 550 594 степных животных, не считая тех, которых подранили неопытные стрелки и которые медленно погибали, забравшись куда-нибудь в чащу. В последнем годовом отчете, который попал мне в руки, гордо сообщается, что в этом году удалось уничтожить 36 552 животных, то есть больше, чем в любом прошедшем. На этот раз были убиты 3219 павианов, 61 гиеновая собака, 35 гиен, 19 леопардов, 4 льва, 55 слонов, 8 носорогов, 313 зебр, 950 кистеухих свиней, 4503 бородавочника, 377 кафрских буй-

волов, 50 гну, 301 водяной козел, 777 болотных козлов, 1351 черная лошадиная антилопа, 306 обыкновенных лошадиных антилоп, 291 антилопа канна, 4937 антилоп куду, 5 редчайших антилоп ньяла, 1788 бушбоков, 2259 антилоп импала, 12 566 дукеров, 1037 маленьких антилоп-прыгунов, 134 ориби, 1206 антилоп бейза.

И все это за один год! При этом мистер Горлей с гордостью сообщал, что на одно животное в среднем затрачено всего 2,6 патрона.

Повсюду, где узнавали об этой жестокой массовой бойне, она вызывала отвращение и ужас, в том числе и у жителей самой страны. Разумеется, разрастающемуся человечеству необходимо осваивать все больше пустующих земель даже в тропиках, где земля, как правило, малопригодна для земледелия и, как показали наши наблюдения, под воздействием человека очень быстро превращается в пустыню. Но если ученый или правительственный чиновник решился применить столь дикое и страшное средство, он предварительно обязан установить опытным путем, могут ли эти меры привести к желаемым результатам и нет ли других, менее страшных. Этого господин Горлей, оказывается, не сделал из-за «нехватки денежных средств».

Он даже не удосужился выяснить то обстоятельство, что мухи цеце, после того как будут уничтожены все крупные животные, спокойно могут просуществовать, питаясь кровью мелких грызунов, а также зайцев, шакалов, лисиц, которых, разумеется, никогда не удастся полностью уничтожить. Кроме того, вся подвластная ему местность граничит с бывшей португальской колонией Мозамбик, где мероприятия по борьбе с мухой цеце не проводится. Если бы действительно удалось истребить всех диких животных Южной Родезии и мухи цеце окончательно вымерли в этих местах, то все равно они снова налетели бы сюда из-за границы, как только здесь начали бы выпасать рогатый скот. А уж перестрелять весь зараженный рогатый скот вряд ли кому-нибудь позволят.

Вот в Зулуленде, например, очень успешно справились с мухой цеце, распыляя инсектициды с самолета. Там же имеется широко известный Ветеринарный институт и весьма авторитетное Ветеринарное управление. По его совету в Родезии наконец решили использовать удачный опыт Зулуленда и начали проводить опыливание с маленьких самолетов. Но случилось так, что пилоты повздорили с молодыми

служащими из Комитета по борьбе с мухой цеце, опыты начали проводиться не в то время года, в какое нужно, и господин Горлей решил отказаться от этого перспективного метода и продолжать свою безрассудную бойню. И снова повсюду разлагаются десятки тысяч трупов замечательных животных, представителей всемирно известной чудесной африканской фауны.

Охотники, которым выплачиваются премии за каждую голову убитого животного, разумеется, нисколько не заинтересованы в том, чтобы преследовать последние уцелевшие экземпляры, чтобы во всей местности действительно не оставалось ничего живого. Точно так же они не станут часами преследовать каждого подранка, чтобы прикончить его и избавить тем самым от мучений. Охотников интересует только число голов. Они стремятся стрелять там, где много животных держатся вместе — авось в кого-нибудь да попадешь. При таком способе охоты раненые слоны уже не раз убегали в незараженные районы и заносили туда мух цеце.

Разыгрывались столь отвратительные сцены, что возмущение этой массовой бойней в стране все возрастало. Правительство Южной Родезии было вынуждено учредить специальную комиссию для разбора этого дела. Перед комиссией выступило множество свидетелей. Все их показания честно были опубликованы в официальной брошюре. В ней, между прочим, написано, что Комитет по борьбе с мухой цеце ходатайствовал о том, чтобы ему дали другое название, потому что прежнее снискало себе дурную славу среди общественности. Вместо мистера Горлея назначили другого человека, которому поручили изыскание более гуманных путей борьбы¹.

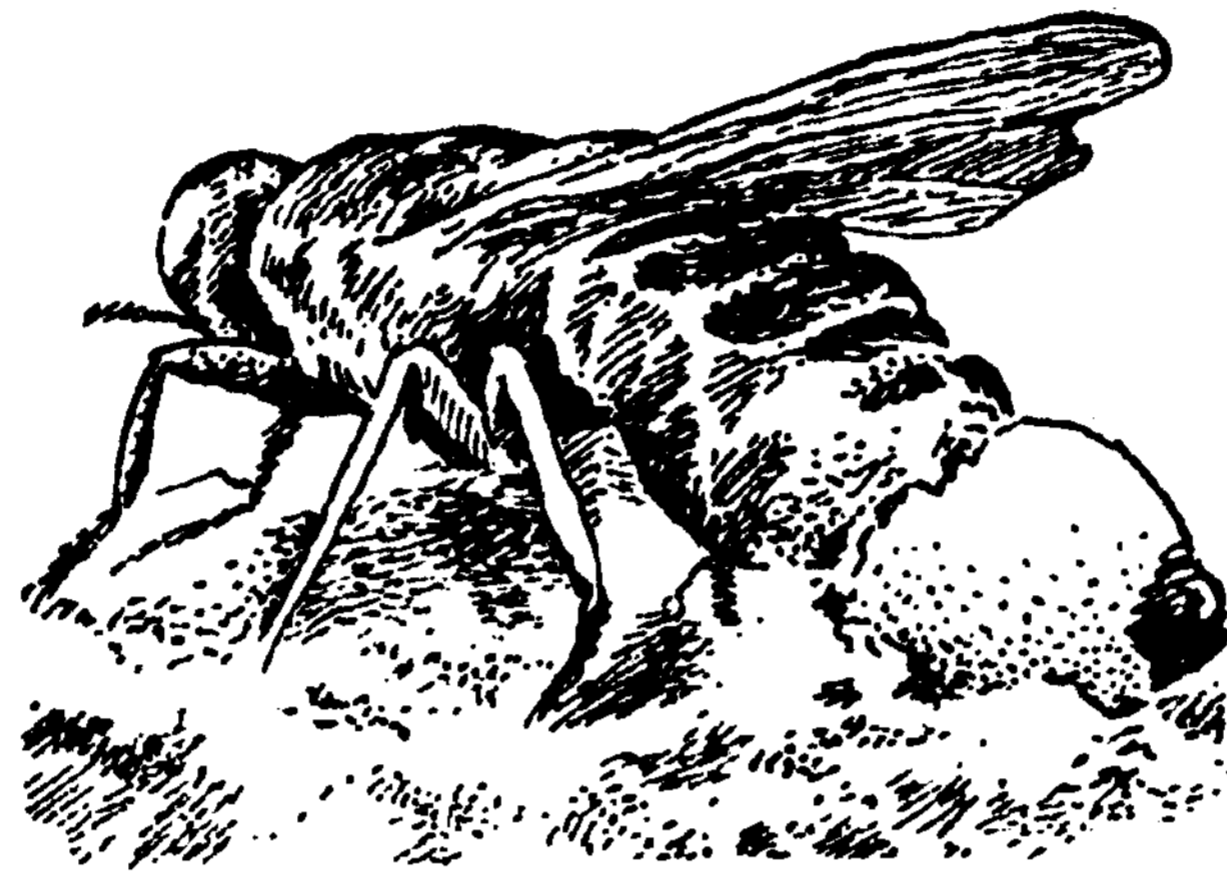
Здесь, в Банаги, мухи цеце мне значительно менее неприятны, чем комары. Цеце нас хоть ночью оставляют в покое, комары же совершают и ночные налеты. Комар, про-

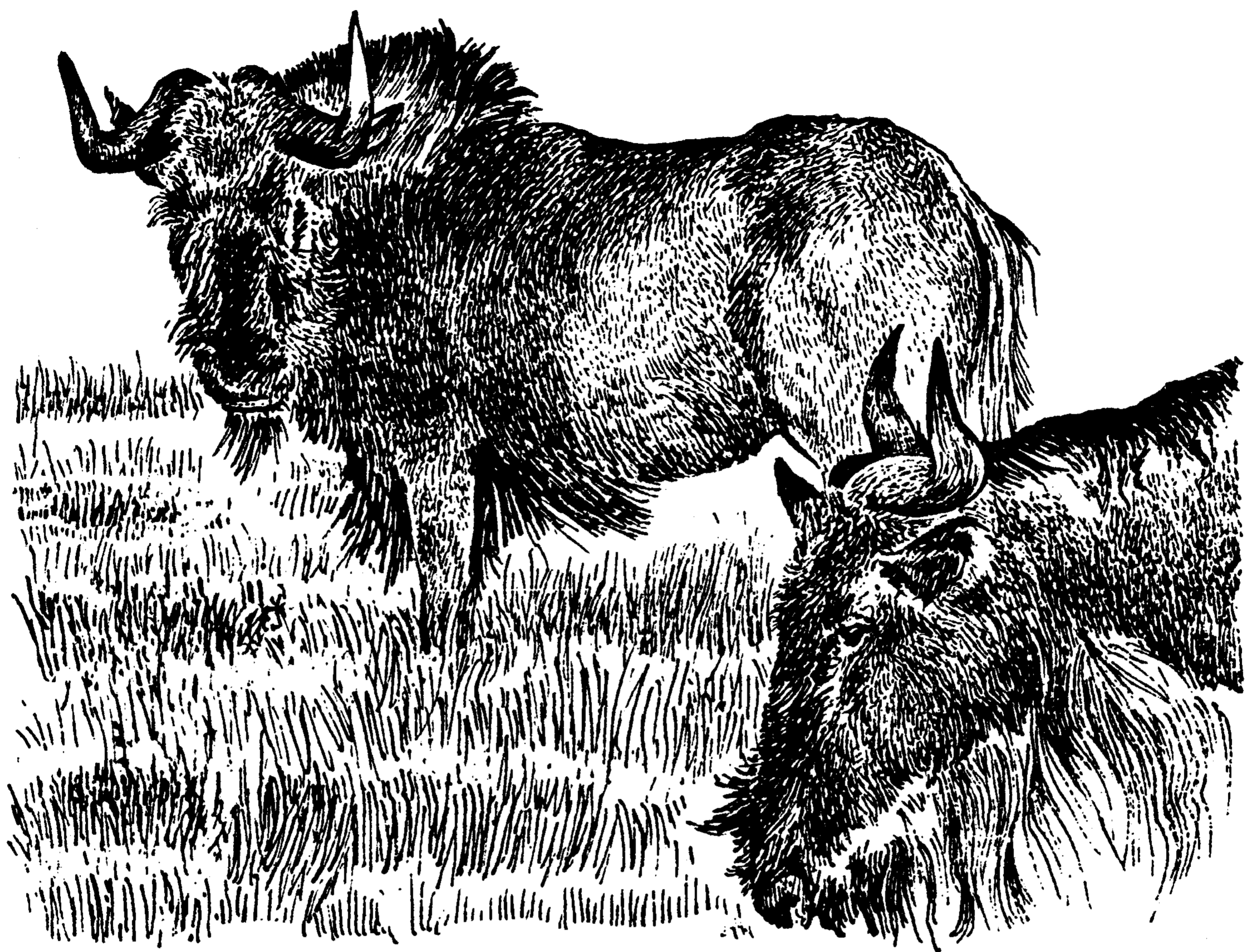
---

¹ Сколь научно необоснованной была десятилетняя горлеевская массовая бойня, показали новые исследования доктора Вайтца и доктора Глазгова о происхождении крови, высосанной мухами цеце у животных Восточной Африки. По этим исследованиям, 88 процентов проб крови принадлежало бородавочникам и кистеухим свиньям, пять процентов — буйволам. Регулярно мухи сосут кровь у домашнего рогатого скота — овец и коз; кровь лошадиных антилоп, куду и бушбоков вместе составляет около 15 процентов; конгони, топи, зебр и гну (наиболее многочисленных степных животных) мухи цеце вообще не трогают, а антилоп канн, дукеров, водяных козлов, антилоп импала, обезьян, кошек, собак, гиен и птиц жалят очень редко (Ough. London, Bd. 5, S. 20, 1959).

никший под москитную сетку, может часами не дать мне уснуть, потому что свои атаки он сопровождает еще воинственным «пением». Кроме того, здесь каждый третий комар — переносчик малярии. Если такому комару дать укусить подопытное животное, то в 95 процентах случаев оно заболевает. А среди мух цеце только каждая двадцатая является переносчиком сонной болезни, и заражает она лишь 10 процентов тех животных, которых кусает.

Глава пятнадцатая

КАК И КУДА ОНИ КОЧУЮТ

Уже несколько дней горит степь. Это, правда, выглядит далеко не так страшно, как изображается обычно в кино. Никакие обезумевшие от ужаса стада не бросаются в бегство, ведь огонь продвигается очень медленно и его можно обойти стороной. А там, где трава низкая, на небольшой площадке огонь при желании можно и затоптать. Но фронт пожара очень широкий, конца его невозможно найти. Там, где огонь загасили, спустя некоторое время он вновь возобновляется от ветра.

Я никогда не замечал, чтобы у животных был врожденный страх перед огнем, как это часто утверждается в книжках. Львы, например, спокойно подходят совсем близко к огню и ложатся в еще теплую золу. Однажды в Банаги мы разожгли большой костер и расселись вокруг него в шезлонгах, чтобы погреться. В это время в шести метрах от нас прошло семейство львов, не обращая никакого внимания ни на нас, ни на наш костер.

Опасен степной пожар лишь для насекомых и черепах. Непосредственно у самого фронта огня всегда держится множество птиц, которые ловят удирающих или подбирают опаленных насекомых.

Мы опасаемся, как бы ночью не изменилось направление ветра и огонь не добрался до нашего самолета. Мы предусмотрительно сжигаем вокруг машины всю траву, чтобы подползшему пламени уже нечем было питаться, но искры от подожженной нами травы попадают на изгородь из колючего кустарника, заботливо воздвигнутую нами вокруг самолета для защиты от гиен и львов. Сухие ветки внезапно вспыхивают огромным ярким пламенем. Мы поспешно вытаскиваем из земли столбы с натянутой между ними колючей проволокой, заменяющие нам ворота, и отбрасываем их в сторону. Михаэль прыгает в самолет, включает мотор и выкатывает машину из загона. Наша колючая крепость сгорает дотла. Волей-неволей приходится оставить «Утку» на открытой со всех сторон посадочной площадке.

Когда через несколько часов мы вернулись, то под одной из плоскостей увидели львицу, наслаждающуюся в тени прохладой. А на другое утро обнаружили, что пеньковый трос, которым самолет привязан к земле, изжеван гиенами. К счастью, они не догадались пожевать резиновые шины колес...

К вечеру степной пожар начинает ползти вверх по горе Банаги. Светящаяся в черной ночи красная лента, опоясавшая гору, поднимается постепенно все выше и выше. Сухие деревья вспыхивают, словно факелы, и потом еще часами продолжают тлеть темно-красным огнем. Мы стоим у двери нашего алюминиевого домика и любимся зрелищем, которое разыгрывается в Серенгети только раз в году. При каждом порыве ветра тлеющие стволы деревьев вспыхивают ярче, напоминая причудливую световую рекламу.

Но для любого посвященного это печальное зрелище. Деревья здесь разбросаны так же редко, как в плодовом саду. Это нельзя даже назвать рощей. Каждый такой пожар ежегодно уничтожает часть деревьев и подпаливает подрост. А почва здесь остро нуждается в тени, потому что в сухое время года солнце высасывает из нее последние остатки влаги. Будь в Серенгети достаточно дождей, в течение года из почвы мог бы испариться слой воды толщиной 1,7 метра. Но в действительности за 12 месяцев здесь выпадает всего 80 сантиметров осадков. Если бы эти осадки не проникали в почву за короткий срок (с ноября по декабрь и с марта по июнь), то здесь вообще ничего бы не могло расти.

Итак, если бы Серенгети был покрыт озером глубиной 1,7 метра, то солнце за год его бы высушило. Следовательно, там, где нет сухой прошлогодней травы и деревьев, служащих

скупым источником тени, земля с каждым десятилетием становится все суше и суше.

Впрочем, в данный момент нас как раз устраивает, что земля стала черной и гладкой. Мы собираемся ловить зебр, да притом голыми руками. Теперь виден каждый камень и каждая яма, из-за которых здесь обычно так часто повреждаются машины.

Гну и газелей томми нам удалось перехитрить при помощи нашего «чудо-ружья». Зебры же гораздо осторожнее: они не подпускают нас на близкое расстояние. К счастью, у Гордона Пульмана есть богатый опыт ловли диких животных. От Гордона эту науку усвоили и мы, а когда знаешь, как это делается, все оказывается весьма просто.

А делается это так. Обнаружив табун, мы едем прямо на него и отгоняем четырех или пять зебр от остальных. Затем начинаем преследовать какую-нибудь одну из них. Со скоростью 50 километров в час мы ее без труда нагоняем. Это не очень спортивное и не совсем честное состязание: Гордону приходится лишь слегка нажимать ногой на газ, зебра же, спасая свою жизнь, бежит во весь дух. Уже через три или шесть минут она задыхается и начинает бежать медленнее. Тогда мы пытаемся поравняться с животным и ехать совсем рядом. Иногда мы нарываемся на настоящего скандалиста, который старается укусить машину. Есть зебры, догадывающиеся, что от нас можно удрать, резко свернув в сторону: ведь наша машина не способна совершать такие крутые виражи. Поэтому мы стали ездить сразу на двух машинах. Одна из них едет немного отступя, по другую сторону от зебры, чтобы не дать ей свернуть.

Не позже чем через пять минут мы должны поравняться с зеброй и на ходу схватить ее за хвост. Если схватить не удастся и охота слишком затягивается, лучше отступить: у животного от перенапряжения может произойти инфаркт. Зная это, мы всегда в таких случаях отпускали тигровую лошадку с миром и устремлялись за другой: ведь зебр вокруг сколько угодно!

Но весь фокус в том, чтобы удачно схватить зебру за хвост как можно выше, у самого основания, и притом удержать его! Если дать ему выскользнуть из рук, то жесткие волосы порежут все пальцы. Есть еще одна деталь, за которой необходимо следить: если животное незадолго перед этим испражнялось, то хвост скользкий и удержать его в руках невозможно.

Итак, один или два человека хватают животное за хвост, а машина постепенно сбавляет ход. В конце концов зебре приходится остановиться. В тот же миг к ней подскакивают все ловцы: один хватает зебру за оба уха, а другой быстро обхватывает ее рукой за шею и, крепко сжимая, как в тисках, пальцами разводит челюсти. При этом надо внимательно следить, чтобы пальцы пришлись именно на то место позади резцов, где в лошадиной челюсти нет зубов.

Как правило, этот ответственный трюк поручается Гордону: он делает это виртуозно и хватка у него мертвая. Ведь зебры, как и все лошади, страшно кусаются. Хотя их передние зубы не очень остры, зато они весьма крупные и крепкие и имеют совсем иное строение, чем у собак или хищных животных. Лошадиные зубы крошат и перемалывают кости.

Зубы — это единственное, что есть опасного у зебр. К счастью, эти животные обычно не брыкаются. Мне прежде часто приходилось иметь дело с лошадьми, а каждый крестьянин или наездник знает, как при этом надо остерегаться задних да и передних копыт, как часто лошади срываются с привязи и яростно встают на дыбы. А вот здешние зебры этого никогда не делают. Возможно, они к этому моменту бывают уже слишком вымотаны погоней.

Таким образом ежедневно до обеда нам удастся изловить от трех до пяти зебр, маркировать их ушными метками и украсить цветными ошейниками. После обеда погоня продолжается снова. Я пользуюсь случаем и точно проверяю по спидометру, с какой скоростью могут бежать различные степные животные. Зебры пускаются в галоп со скоростью 50 километров в час, причем без особого напряжения. Самец антилопы канны припустился со скоростью 56 километров в час, газель Томсона выжала 60 километров, гиена — 40 километров, страус бежал со скоростью 48 километров в час, газель Гранта — тоже; лишь на короткий срок она повысила эту скорость до 56 километров в час. С гепардами мне не удалось добиться полной ясности. Один, которого мы повстречали, развил скорость, не превышающую 48 километров в час, да и то, пробежав несколько сот метров, обессиленный, упал на землю.

А ведь гепарды считаются самыми быстроходными из наземных млекопитающих! Но мы не стали дальше преследовать этого беднягу: не исключена возможность, что он был чем-то болен. Поэтому я очень обрадовался, когда через несколько дней повстречал другого. Но и этот показал не очень-то блестящие результаты — всего 50 километров в час, да притом

успел улизнуть в небольшую рощицу, прежде чем мне удалось прибавить скорость.

Но я не думаю, чтобы это была их рекордная скорость: ведь газель Томсона, эта обычная жертва гепардов, мчится со скоростью 60 километров в час, а в смертельном страхе, наверное, и того быстрее. Так что, не бегай гепарды проворнее этих газелей, им туго пришлось бы с добыванием пищи.

Как всегда, дело не может обойтись без моего Михаэля: он ведь у меня «всем бочкам затычка». На этот раз ему непременно нужно самому испробовать трюк с хватанием зебры за нижнюю челюсть. Я, разумеется, категорически против:

— Ну зачем тебе это нужно? Гордон делает это так ловко, как никто. Все равно никому его не переплюнуть! Опять лезешь не в свое дело, да? Ты уже забыл, как пропорол себе горло из-за зебры?

Я себе ужасно не нравлюсь в роли заботливой наседки. Но ведь Михаэль действительно делает глупость. Скоро он примется еще и львов дрессировать!

Но тут я вспоминаю: когда я был в его возрасте, то на самом деле дрессировал тигров и ради потехи бегал с балансиром по высоко натянутой проволоке. Я устыдился своих упреков, внутренне обозвал себя «отсталым, склеротическим предком» и решил молчать. Пускай делает что хочет.

Первая же упитанная кобылка цапнула его за руку и прокусила большой палец до кости.

Михаэль был так этим возмущен, что вначале даже не почувствовал боли. Я заклеил ему палец пластырем. Только через час началась нестерпимая боль. К вечеру она усилилась, и мы решили сделать для пальца теплую ванночку. Кроме того, на всякий случай я вкатил своему упрямому сынку дозу пенициллина. На другое утро почти все уже прошло.

Но и упитанная кобылка запомнила эту историю! На ней теперь ярко-желтый ошейник, и она сразу же убегает, как только издали завидит нашу машину. С ней вместе удирает целая компания из четырех или пяти других зебр, вероятно ее ближайшая родня.

Несколько месяцев назад мы как-то целую ночь пытались ловить руками ослепленных фарами газелей. Никогда мне еще не приходилось столько бегать, как в ту ночь. Мы носились по кочкам и камням, пробирались сквозь колючий кустарник, все время рискуя наступить в темноте на льва, провалиться в

яму или не успеть в последний момент вскочить в машину: ведь в такой суматохе тебя запросто где-нибудь забудут! Однако газелей фары ослепляли только на несколько мгновений, потом они привыкали к свету и убегали. Нам так и не удалось поймать ни одной.

И все-таки я не поверю в то, что это невозможно. Когда нам однажды пришлось целую ночь прокараулить возле усыпленного гну, которому мы нечаянно вкатили слишком большую порцию наркотика, мы заметили, что газели Томсона и Гранта с любопытством входили в луч нашего прожектора и по этой освещенной дорожке приближались совсем близко к машине. Я вспомнил: тогда было новолуние и кругом крошечная тьма.

Поэтому мы решили повторить ловлю газелей во время новолуния. Теперь все пошло как по маслу. За одну ночь нам удалось поймать 20 газелей и маркировать их ушными метками и ошейниками.

— Каждое животное надо ловить особым способом, — говорит Гордон Пульман. — Вот, к примеру, антилопа бейза так и норовит прошить вас насквозь своими прямыми и острыми, как кинжалы, рогами. Но стоит только схватить ее за рога, как она сейчас же останавливается как вкопанная и не оказывает больше ни малейшего сопротивления; теперь вы можете делать с ней все, что вам надо.

Нам необходимо маркировать как можно больше животных, чтобы иметь ясное представление о кочевках этих огромных стад по Серенгети. Теперь мы уже знаем, как и куда они кочуют, и нас это отнюдь не радует.

Правительство приняло решение отрезать ровно половину национального парка. Делается это потому, что, как здесь уже указывалось, десятки лет существует убеждение, будто бы стада гну, зебр и газелей, пасущиеся в сухое время года в низинах «коридора», в декабре и январе, во время дождей, откочевывают только до линии, по которой проводится новая граница, — ни шагу дальше на восток. По обе стороны этой линии тянутся бескрайние открытые равнины, поросшие травой. В сухой сезон они высыхают и желтеют и всякая жизнь на них замирает.

Но с первыми же дождями степь буквально на глазах оживает и снова зеленеет. В низинах образуются маленькие озера, к которым со всех сторон прокладываются звериные тропы: животные приходят сюда на водопой. И вот уже снова по всей степи от края до края странствуют тысячи газелей, зебр и гну. Предполагали, что стада, разгуливающие в сезон дождей

восточнее новой границы парка, являются туда из кратера Нгоронгоро. Этим же руководствовало правительство при своем решении о разделе парка.

Итак, было решено и подписано: стада из «коридора» и стада из Нгоронгоро сталкиваются именно на этой линии.

Но, следуя за ними на своем полосатом самолетике, мы детально подсчитывали, сколько их, прослеживали их путь, разыскивали с воздуха помеченных ошейниками зебр и гну и теперь точно знаем, что на самом деле все это выглядит совсем иначе.

Большая часть животных в июне, в конце сезона дождей, действительно откочевывает назад, в «коридор», остальные же уходят на север, где и пасутся вне границ парка, притом вовсе не в тех районах, которые было решено отдать заповеднику взамен отрезанной восточной части, а значительно западнее. Кроме того, в засушливое время отдельные стада то и дело уходят из «коридора» на север, а затем возвращаются назад.

В октябре начинаются благодатные дожди, сначала севернее парка, а затем с каждым днем грозы продвигаются на 20 километров южнее. Сегодня на очереди Банаги, а к завтрашнему дню тучи уже сгустятся дальше к югу, над Серонерой, и так далее. Выжженные степи напьются живительной влаги и вновь зазеленеют.

И вот тут-то огромные армии животных приходят в движение. Они направляются на восток, пересекают долины меж холмов и устремляются в открытую степь. Животные идут гуськом по твердо установленному маршруту, и не как попало, а по проторенным тропам, которые вначале можно принять за человеческие. С воздуха нам прекрасно видно, как черные гну следуют один за другим, словно бусы на нитке. И точно так же шествуют зебры. Уже по сетке этих троп, число которых от года к году не меняется, с воздуха, словно по большой карте, можно проследить основные направления, по которым движутся животные (даже если в данный момент ни одного из них не видно).

Так, например, все тропы с юга ведут к Олдувайскому ущелью, которое пересекает равнины с востока на запад. Далее они идут вдоль его южного края, сливаясь постепенно в одну общую тропу, которая затем в единственном удобном для перехода месте пересекает ущелье. Там, на другой стороне, тропы снова веерообразно расходятся в разные стороны.

Уже из одного этого видно, что животные стремятся с юга перебраться на север. Ни разу не было замечено, чтобы они подошли к ущелью с его северного края, и там нет ни единой тропинки, которая вела бы к переходу на другую сторону.

Зебры, гну и газели — животные, как известно, травоядные. Им необходимо ежедневно пастись по несколько часов. В это время они уже движутся не гуськом, а рассыпаются по пастбищу. И хотя зебры и гну кочуют по степи примерно в одно и то же время и теми же путями, тем не менее их стада редко полностью перемешиваются. Часто, но отнюдь не как правило группа зебр возглавляет стадо гну. Даже когда они пасутся на одном и том же пастбище, зебры всегда держатся своими обособленными группками. Они значительно осторожнее и всегда готовы к бегству.

Вслед за огромными стадами копытных в степь приходят гиены, шакалы и львы. Когда антилопы и зебры рассыпаются во время пастыбы по степи, они даже не обращают особого внимания на гиен, которые рыщут между ними. Так, однажды нам удалось наблюдать и даже заснять на киноплёнку, как две гиены упорно преследовали молодого, примерно двухмесячного, гну и в конце концов разорвали его на части. И все это происходило в непосредственной близости от невозмутимо пасущихся взрослых гну. Они не обратили почти никакого внимания на разыгравшуюся у них на глазах трагедию.

Однажды в конце января мы наткнулись на большое стадо гну, пересекавшее дорогу перед самой нашей машиной. Мы заметили, что между ними, растопырив крылья, мечется крайне взволнованный хохлатый чибис. Поскольку гну топали мимо него со всех сторон, он совершенно исчез в туче пыли, но не поднялся и не улетел. Когда все стадо прошло, то выяснилось, что храбрая птица оберегала от этой массы копыт двух маленьких птенцов.

Тот, кому приходилось быть свидетелем такого массового переселения животных, неизменно преисполнялся подлинного благоговения перед величием природы. Вот так же, как Серенгети, этот затерянный уголок земного шара, выглядели еще сотни лет назад все обширные степи Африки. Природа щедро рассыпала по ним миллионы животных — полосатых, пятни-

стых, рогатых, самых фантастических и разнообразных. И, несмотря на засухи, на то, что их пожирали хищники и косили болезни, жизнь все равно побеждала. Новые десятки тысяч еще мокрых и дрожащих детенышей к началу сезона дождей уже лежали в свежей, зеленой траве и неуклюже делали свои первые шаги по земле.

Точно так же, как здесь, по степям Африки, 150 лет назад бесчисленные множества копыт топали по прериям Северной Америки. Когда-то то же происходило и в Европе, но никто, обладающий даже самым богатым воображением, не в состоянии описать, как это было.

Такой могущественной была на Земле живая природа до тех пор, пока человек не дошел до цивилизации, размножился до огромного количества и полностью поработил природу. Кому в грядущие десятилетия захочется узнать, какой прекрасной была планета Земля до того, как Господь Бог доверил ее нашему попечению, тот должен полететь в Серенгети и понаблюдать за огромными вольно кочующими стадами.

Е с л и о н и в э т о в р е м я е щ е б у д у т т а м к о ч е в а т ь...

Ведь мы установили, что огромные массы гну, зебр и газелей во время дождей откочевывают далеко за вновь установленные границы парка: они пасутся по всей позеленевшей степи вплоть до самого подножия гигантских кратеров; затем они поднимаются к северу, где держатся вне будущих границ национального парка, после чего поворачивают на юг и возвращаются назад, частью по территории национального парка, а частью снова вне его границ. За это время трава на пастбищах вновь отрастает, и, таким образом, животные за сезон несколько раз успевают проделать свое путешествие по кругу.

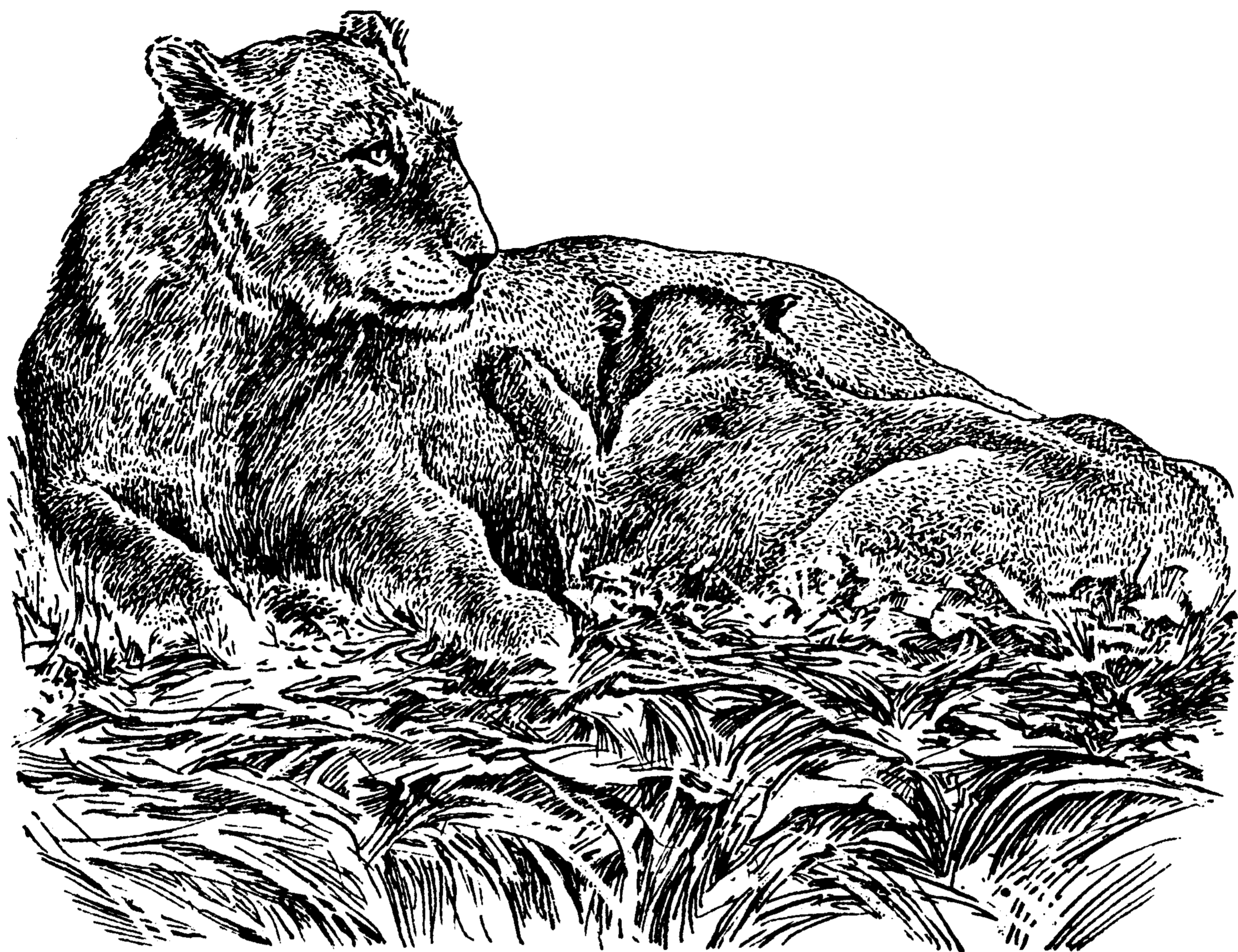
Следовательно, из нового национального парка Серенгети ежегодно на несколько месяцев будут исчезать все зебры, гну и почти все газели Томсона. Все 367 тысяч его обитателей будут уходить за пределы границ парка и пастись на неохраемых территориях. А ведь заповедник был создан в свое время именно для того, чтобы сохранить последние крупные стада копытных, которые пока еще чудом уцелели в Африке: в парке они должны были круглый год находить для себя убежище и пропитание.

Таким образом, от национального парка окажется отрезанной территория с самым живописным ландшафтом — на-

горье гигантских кратеров со всемирно известным чудо-кратером Нгоронгоро, вулканы и знаменитое Олдувайское ущелье, в котором обнаружены остатки древнейшего человека. Но не это самое страшное: оставшаяся часть парка слишком мала, чтобы там сохранились дикие животные.

Вот печальные выводы, полученные в результате проделанной нами работы.

Глава шестнадцатая

СЕРЕНГЕТИ НЕ ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ

Нашей доброй «крылатой зебре» сейчас приходится туго. Ей, наверное, совершенно невдомек, почему мы заставляем ее больше бегать, чем летать. Во всех возможных и невозможных местах мы направляем ее нос книзу, и, несмотря на всю досаду, она вынуждена, спотыкаясь, бежать по кочковатой земле, цепляясь за камни и путаясь в высокой траве. Стартовать в этих условиях все же легче, чем приземляться: тогда один из нас может по крайней мере забежать вперед и проверить, нет ли там каких-нибудь неожиданных препятствий.

Теперь мы уже знаем, какими путями огромные стада гну, зебр и газелей кочуют по стране; мы знаем также, что значительную часть года они проводят вне границ парка.

Но нам еще хочется узнать, п о ч е м у они это делают. Возможно, для того, чтобы животные оставались в пределах новых границ парка, через некоторое время будет достаточно вокруг его территории построить забор. Такое решение вопроса приобрело бы особое значение в том случае, если степь вокруг заповедника окажется уже густо заселенной и местные жители полностью сведут леса на нагорье гигантских кратеров, опу-

стошат чрезмерным выпасом скота степи и иссушат последние водопои, лишив их живительной тени деревьев.

Интересно, что же заставляет полчища диких животных нарушать границы национального парка? Привычка? Или упрямство? Или есть еще какие-то причины, вынуждающие их это делать?

Травоядные отнюдь не едят всю траву без разбора — это ведь не машинка для стрижки газона! В одних местах трава остается нетронутой, гну проходят мимо, даже не притрагиваясь к ней; в других местах вся растительность будто сбрита, а в третьих остаются торчать лишь отдельные кустики определенных видов.

В сезон дождей цветет большинство растений, и благодаря таким видам, как, например, *Themeda iriandria*, степь приобретает коричневатый оттенок и лаковый блеск. Но заметить его можно, только стоя на земле и глядя горизонтально вдоль поверхности степи. Мы пытались определить с самолета, насколько далеко по степи распространяется это растение, но если глядеть вертикально сверху, то оказывается, что этот характерный коричневый оттенок пропадает.

Поэтому-то мы и стараемся сейчас летать как можно ниже (на высоте от 10 до 20 метров) и как можно медленнее — со скоростью 55 километров в час. Там, где нам кажется, что степь изменила свою окраску, мы приземляемся.

Чтобы разыскать все эти места на автомашине, понадобились бы месяцы и даже годы. Ведь трава растет только в сезон дождей, когда здесь ни по одной дороге не проедешь.

Это уже семьдесят девятая посадка такого рода. С нами летит Самвел Пауло, ассистент-африканец из Восточноафриканского гербария в Найроби. На каждой остановке мы обследуем примерно около 300 метров по окружности и отмечаем, какой вид травы встречается здесь наиболее часто и какой съеден. Потом мы срываем по одному растению каждого вида и наклеиваем на фильтровальную бумагу. Самвел Пауло кладет их под специальный пресс, который мы все время таскаем с собой в нашей «Утке».

Несмотря на дождливый сезон, несколько часов в день светит солнце, и тогда мы поспешно раскладываем свои трофеи на гранитных склонах Банаги. Камень на солнце очень быстро нагревается, и растения равномерно просушиваются как сверху, так и снизу.

Мы отнюдь не задались честолюбивой целью собрать все растения, которые вообще растут в Серенгети. Нам хочется

выявить лишь кормовые травы, но и их оказалось уже свыше 160 видов. Кроме того, нас интересует плодородие различных почв, поэтому мы во многих пунктах берем пробу земли, насыпаем ее в мешочки из сурового полотна и посылаем в Сельскохозяйственный институт в Дармштадте. Туда же мы посылаем пробы сена, чтобы нам определили процент содержащегося в нем растительного белка.

Разбирая сотни образцов растений, носящих мудреные латинские названия, мы ясно поняли одно: стада животных в сезон дождей откочевывают именно туда, где произрастают их излюбленные кормовые травы. В тех местностях, которые животные обходят стороной, этих кормовых растений нет; там растут только те, к которым ни зебры, ни гну не притрагиваются. Питательные кормовые травы в свою очередь произрастают только на определенных почвах. Содержание растительного белка в них вполне удовлетворительное, на уровне среднего европейского лугового сена.

Кстати, выяснилась еще одна интересная деталь: гну и зебры в Серенгети испокон веков делают то, что современные скотоводы догадались ввести в практику только два десятилетия назад. Наши учебники по сельскому хозяйству все время рекомендуют крестьянам не давать траве вырастать слишком высоко, а скашивать ее заблаговременно, пока она еще молодая. Высокий травостой означает полный сеновал сена, но вместе с тем и тощих коров. Высокая трава становится жесткой, она содержит много неперевариваемых волокон. А пока трава еще низкая, в ней много растительного белка. Именно поэтому умный крестьянин разгораживает свое пастбище на несколько частей и через определенные промежутки времени перегоняет коров и лошадей из одного загона в другой, давая им таким образом возможность все время пастись на молодой траве.

Это же самое делают и дикие копытные Серенгети, когда во время сезона дождей кочуют по кругу, поедая необходимые им кормовые травы. Как только молодая, свежая травка успевает отрасти на несколько сантиметров, они уже снова тут как тут и пасутся на ней по второму кругу. Поэтому-то зебры здесь всегда такие упитанные.

Степь степи рознь. У такого «государства для животных», как национальный парк Серенгети, нельзя отрезать один конец и вместо него в другом месте произвольно добавить то же число квадратных километров. Ведь тому, что стада устремляются именно сюда, в знаменитое сердце серенгетской степи, есть определенная и веская причина.

Во время наших скачков по степи с одного места на другое мы однажды обнаружили целую компанию грифов, сидящих на земле посреди поляны, окаймленной со всех сторон редкими деревцами. Приземлившись, мы направили самолет в их сторону. Словно черная туча, стая этих гигантских птиц поднялась в воздух и расселась на ближайших деревьях. Оказывается, они только что собрались растерзать зебру, погибшую в проволочной петле браконьера. Попав в петлю, сильное животное вырвало с корнем деревце, к которому был привязан конец проволоки. Но, таща его за собой, зебра выбилась из сил, петля затягивалась все туже и перерезала кожу на шее. Рана загноилась. Несчастное животное! Умерла зебра, видимо, только что, потому что грифы не успели еще даже вспороть ей брюхо.

Сейчас ровно половина десятого — час переговоров по радио. Мы настраиваемся на длину волны Гордона Пульмана и просим его прислать к нам Германа на нашем вездеходе.

Дело в том, что в нескольких сотнях метров от нас, в тени кустов, отдыхает семья львов — папа, пять детишек и две или три мамы. Они наверняка заинтересуются мертвой зеброй. Нам хочется, чтобы Герман попробовал заснять львов за этим занятием рядом с нашим полосатым самолетом. Пусть даже самые недоверчивые люди в Европе убедятся в том, что львы Серенгети не обращают ни малейшего внимания ни на людей, ни на технику.

Первой подбежала львица с двумя львятами. Перед нашим самолетом она на минуту остановилась в нерешительности и внимательно его оглядела. Но львята, полные нетерпения и жадности, бросились вперед, к мертвой зебре, лежащей прямо под одной из плоскостей нашего самолета, и ей пришлось последовать за ними. Через несколько минут явился и папаша в сопровождении остальных деток, а следом за ними — еще две львицы. Теперь зебру разделают с молниеносной быстротой. Самец с необыкновенной силой и проворством отрывает от жертвы огромные куски мяса. Вскоре у всех до этого таких чистых и желтых львов становятся красными перепачканные кровью морды.

Даже когда мы включаем мотор и пропеллер с грохотом начинает вращаться, это их пугает только на одну минуту. Они лишь на несколько шагов отходят в сторону и удивленно рассматривают эту странную, непонятную чертовщину.

Мы откатываем самолет на 50 метров и продолжаем наблюдения. Первым насытился глава семьи — он возвращается

к кустам и утомленно падает в тенечке в траву. Вскоре за ним последовали и остальные. Дольше всех трапезничает большая львица-мамаша.

Как только все семейство собралось в тени кустов, грифы нерешительно, по одному, снова слетаются к останкам зебры. Вскоре серовато-коричневые падальщики настолько плотно облепили зебру, что ее уже совершенно не видно. Такое нашествие явно обеспокоило старую львицу. Она выбегает из кустов, и грифы с криком взвиваются в воздух. Одному из них она уже в воздухе отвешивает такой удар передней лапой, что перья так и брызнули во все стороны, словно огромная птица взорвалась. Но подбитый враг уцелел и спасается бегством.

К шакалам львы, видимо, относятся снисходительнее: в то время как львица отрывает куски из середины, два из них тянут за другой конец жертвы.

Когда мы на своей «Утке» снова поднялись в воздух, мне почему-то пришло в голову помахать из окна платком оставшемуся внизу Герману. Но из этого ничего не получилось. Платок не полощется по ветру, а почему-то съеживается в комок, словно старается спрятаться за моей рукой.

Сейчас мы направляемся к достопримечательному явлению природы, которое собирались посетить уже давно. Это две серовато-черные странствующие дюны прямо посреди степи. Они достигают 5—6 метров в высоту; ветер гонит по ним песок наискось вверх, а по другую сторону вершины он отвесно сыпается вниз. Таким образом эти внушающие ужас черные дюны каждый год продвигаются на 25 метров вперед. Они погребают под собой различных мелких животных, и на тех местах, где они прошли, еще долго потом находят массу высушенных гигантских жуков и полые затвердевшие шарики навозников, из которых подросшим личинкам никогда уже не суждено выбраться.

Песок на солнце накаляется настолько, что я не смог положить на него руку и сосчитать до десяти, проиграв из-за этого Михаэлю пари.

То, что трудно окинуть взглядом на земле, легко рассмотреть с самолета. Через эту часть Серенгети за прошедшие века прокатилась не одна дюжина таких странствующих дюн. Полосы, по которым они прошли, легко различаются по тому, как растет здесь трава. Перед горой Банаги все дюны, словно по команде, меняли свое направление — точно рота солдат, которой капитан во время марша скомандовал: «На-пра-во!» Наверное, у гор ветер резко сворачивает в сторону.

До чего же ровной выглядит здесь степь — как тарелка. Вот так, закрой глаза и иди целый день, и ничего, кажется, с тобой не случится, разве что споткнешься о какой-нибудь череп гну или попадешь ногой в чью-то нору.

На самом же деле уже в километре от странствующей дюны можно провалиться в отвесную пропасть глубиной 100 метров. Это всемирно известное Олдувайское ущелье. И хотя его название на языке масаев обозначает лишь то, что здесь произрастает особый вид дикого сизаля, пригодного для плетения корзин и упаковки поклажи, тем не менее оно не раз уже фигурировало на страницах газет всего мира.

Там, где мы сейчас бредем, спотыкаясь о кустики жесткой травы, давным-давно, когда на нашей планете было гораздо больше воды, простиралось большое озеро. Оно то высыхало на несколько тысячелетий, то вновь наполнялось водой. Потом окрестные вулканы, извергаясь, стали затоплять лавой его ложе и берега. Обитавшие вокруг животные погибали. Все это откладывалось на бывшем дне исчезнувшего озера. Так на самый нижний пласт лавы наслоилось пять ясно различимых по цвету и структуре слоев. Чтобы их увидеть, не надо вести никаких раскопок, потому что водный поток прорезал здесь землю и образовал Олдувайское ущелье, которое обнажило все слои сразу. Все это выглядит как слоеный пирог, из которого аккуратно вынут один ломтик.

В этом ущелье, по которому даже в засушливое время года протекает довольно глубокий ручей, в 1913 году разбил свой лагерь доктор Ганс Рек с 50 носильщиками и рабочими.

За два года до этого профессор Катвинкель обнаружил в Олдувайском ущелье остатки доисторических млекопитающих. Чтобы продолжить начатое им дело, Мюнхенский и Берлинский геологические институты на совместные средства решили снарядить в экспедицию молодого доктора Река. Ему удалось отыскать раскопки своего предшественника, и в течение долгих недель его африканские помощники осторожно освобождали от породы громадные, рыхлые от времени кости. Их скрепляли смоченными в растворе смолы льняными бинтами и упаковывали в ящики.

Удивительные животные жили здесь миллионы лет назад: жирафы с большими рогами; слоны, у которых бивни росли не из верхней челюсти, загибаясь кверху, а из нижней и торчали, точно у моржа, книзу; маленькие лошадки с копытами из трех «пальцев»; бегемоты, глаза которых, точно перископ, далеко выступали из черепа.

«Какой рок, какие события могли собрать в одно место останки столь различных животных? Речь здесь идет отнюдь не о стаде, потому что черепа принадлежат совершенно различным видам. Но тем не менее их было много, этих животных, которых смерть соединила в общей братской могиле», — писал тогда доктор Рек.

Недавно мне удалось найти ответ на один из его вопросов. Лесничие Гордон Харвей и Майлс Тернер как-то год назад обнаружили 50 мертвых гну; с переломанными костями они висели на деревьях, росших на склоне Олдувайского ущелья. Оказалось, что обрушившийся на степь страшный ливень смыл в пропасть целое стадо; я бы не хотел в этот момент сидеть там, внизу, в лагере, как это делал в свое время доктор Рек.

Рассказывают, что однажды вечером африканский помощник доктора Река — Маньонга, очень взволнованный, ворвался в его палатку.

— Бвана, — выпалил он, — мы нашли нечто такое, чего до сих пор никогда не видели. Мне кажется, что это араб. Он лежит на боку и спит. Там, на противоположном склоне, из-под маленького кустика выглядывал кусок белой кости. Я копнул ножом — показался череп. Потом вместе с Бакари мы стали очищать породу вокруг, пока не заметили, что перед нами вовсе не животное... Череп совсем как человеческий. Мы все оставили как есть, только закрыли предохранительными щитами, чтобы дождь не размыл костей.

Доктор Ганс Рек, весьма заинтригованный, отправился к месту находки. Там и в самом деле лежал человек.

«Невозможно описать чувства, — рассказывал он впоследствии, — охватившие меня в тот момент. Радость, надежда, сомнения, любопытство — все это обуревало меня со страшной силой. Ведь с самого начала мне было ясно одно: если этот скелет — современник вымершего животного мира, найденного в том же слое Олдувайского ущелья, то эта находка будет иметь колоссальное значение для выяснения истории возникновения человечества на Земле. Тогда окажется, что этот скелет принадлежал не только самому древнему человеку, найденному на Африканском континенте, но и древнейшему во всем мире. Стали намечаться совершенно неожиданные возможности расшифровать тайну вокруг колыбели человечества».

Сознавая всю огромную ответственность перед наукой, доктор Рек законсервировал скелет вместе с блоком породы, в котором он лежал, и привез драгоценную находку в Берлин. Она была продемонстрирована на открытой научной конфе-

ренции и вызвала необыкновенный интерес не только у специалистов. Так, в берлинских газетах на другое утро появились статьи с кричащими заголовками: «Криминальная афера в эпоху делювия» или «Самое первое убийство в Африке». В них авторы изощрялись в самых фантастических догадках о том, каким способом был умерщвлен этот доисторический человек.

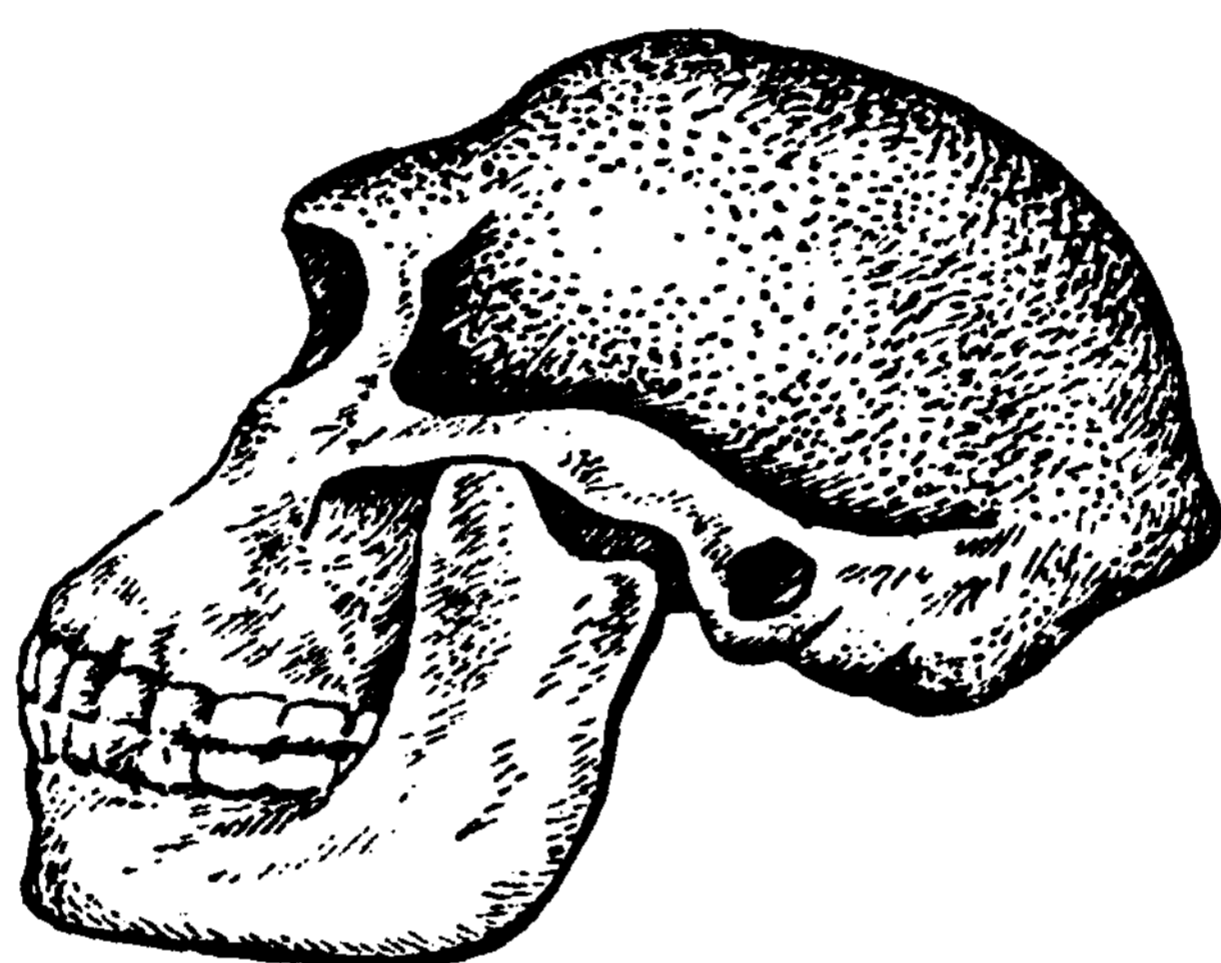
Скелет был найден в том же слое земли, что и кости вымерших доисторических чудовищ. Но в то же время это был уже настоящий человек, а не получеловек или какое-либо переходное звено от обезьяны к человеку с типично обезьяньими признаками (подобные ископаемые остатки в Африке действительно позже были найдены). До тех пор никому и в голову не могло прийти, что в столь давние времена на Земле уже могли существовать настоящие люди. Поэтому олдувайскую находку стали рассматривать как доказательство несостоятельности теории эволюции Дарвина, которую каждый раз блестяще подтверждали все предыдущие раскопки и находки.

Прошло немало времени, пока эта загадка была разгадана. Доктора Река во время его второй экспедиции в Восточную Африку застигла война, и он в качестве военнопленного попал в Египет. Семнадцать лет спустя выдающийся английский археолог профессор Л. Лики взялся с новыми силами за разгадку олдувайской тайны. Сам он был уроженцем Восточной Африки, сыном миссионера. Человек честный и тактичный, он счел своим долгом пригласить в новую экспедицию, снаряженную англичанами, и профессора Ганса Река. Во время этой экспедиции ученым удалось выяснить, что загадочный скелет человека просто соскользнул в другой, более низкий слой земли и на самом деле значительно моложе всех костей доисторических животных, найденных вместе с ним. Однако одновременно были сделаны интереснейшие находки: во всех слоях ущелья были найдены каменные орудия, изготовленные руками человека, — от грубо обтесанных каменных рубил до самых настоящих ножей и топоров из камня.

Сейчас Олдувайское ущелье считается наиболее интересным местом для изучения того, как на протяжении десятков тысяч лет происходило развитие доисторического человека, жившего в эпоху каменного века в Африке, Юго-Западной Европе и отдельных частях Азии.

Семнадцатого июля 1959 года супруги Лики сделали потрясающую находку — череп доисторического человека, жившего 600 тысяч лет назад и являющегося переходным звеном между древним южноафриканским обезьяночеловеком и современными людьми. Он отличался удивительно мощными коренными зубами. Этот древний человек и был одним из первых изготовителей каменных орудий.

И вот теперь это знаменитое Олдувайское ущелье, так же как и кратер Нгоронгоро, окажется вне охраняемой зоны национального парка.

Глава семнадцатая

ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА ОЗЕРЕ НАТРОН

Мы упаковываем в свою «Утку» специальные волокуши и летим к озеру Натрон. Для этого мы держим курс прямо на «гору Господню» — Ленгаи. С каждой минутой она все более угрожающе на нас надвигается. Она напоминает сахарную голову. Это молодой, действующий вулкан, который в течение последних десятилетий несколько раз извергался. Вся вершина его опоясана широким белым бордюром, но это не снег, как на Килиманджаро, а застывшие массы солей, выброшенные во время извержений.

Наш самолетик ползет все выше и выше вверх, пока под нами наконец не появляется кратер вулкана. Здесь я собираюсь сделать несколько снимков. Трудно поверить, чтобы человеку удалось подняться по такому крутому склону, и все же это так. То был географ, профессор Ф. Эгер, облазивший в 1906 — 1907 годах всю область гигантских кратеров и составивший замечательную карту, в которой и по сей день не сделано каких-либо существенных дополнений. Он живет сейчас в Цюрихе и просил меня сделать для него эти снимки.

Мы пролетаем над самым кратером, на несколько минут даже влетаем в него. Он не курится, но в самой середине ясно видно небольшое отверстие, в котором что-то кипит и бурлит. Мы летаем туда и обратно над этим адским котлом; под нами застывшие потоки лавы, спускающиеся вниз на 2200 метров.

А там, у подножия, лежит знаменитое озеро Натрон. Это и есть то озеро, к которому мы направляемся. Оно представляет собой огромный резервуар, занимающий 60 километров в длину и 20 — в ширину. Местами оно розовато-красное, местами голубое. Красное — это застывшие соляные корки, покрывающие почти целиком все озеро, а голубое — это отражение неба в двух открытых лагунах.

В январе прошлого года мы здесь подсчитывали фламинго. Озеро Натрон — одно из последних крупных гнездовий этих редких птиц. Подсчитать фламинго тем же способом, каким мы подсчитывали степных животных, невозможно, потому что они взлетают тотчас же, как только мы снижаемся на высоту 500 метров. Вся стая каждый раз так ловко ускользает от нас, что совершенно невозможно подлететь к ним ближе чем на 100 метров. В то же время мы никак не хотели мешать этим птицам насиживать яйца. Если такую колонию слишком часто будут тревожить самолеты, то птицы могут совсем не высидеть птенцов и целый год не будет приплода.

Из этих соображений мы вмонтировали в пол нашей «Утки» большую аэрофотокамеру с пленкой шириной 18 сантиметров. Сидя в самолете, я могу открыть люк в полу и смотреть вниз — ощущение, к которому надо еще сначала привыкнуть. Над этой дырой устанавливается тяжелая колода фотокамеры, которая автоматически снимает 120 крупных кадров. Снимки следуют один за другим, так что потом из них можно составить полную картину озера. Надо следить за тем, чтобы лететь строго по прямой.

Мы летели тогда на высоте 800 метров. Камера была не плотно пригнана к отверстию в полу, а возле него как раз кончается выхлопная труба мотора, так что отработанный газ попадал прямо в кузов самолета, где я сидел, склонившись над люком. Из-за этого мне пришлось срочно воспользоваться бумажным пакетом.

А поскольку от выхлопных газов можно быстро угореть и потерять сознание, мы немедленно пошли на посадку и плотно пригнали камеру к отверстию. После этого вся съемка озера заняла у нас всего 35 минут.

Потом, уже во Франкфурте, мы много дней подряд подсчитывали бесконечное множество этих птиц при помощи лупы и строчечного растра. Для удобства мы накололи все фотографии на стенку, так что перед нами как бы вновь возникли лагуны озера Натрон, только в уменьшенном виде. Птиц оказалось 163 679 штук. Впоследствии время от времени мы снова пролетали над этим озером. В марте и апреле здесь оставалась примерно только двадцатая часть колонии, гнездившейся в январе. Несколько позже число птиц снова увеличилось, но ни разу их не было столько, сколько зимой.

Фламинго — неутомимые путешественники; они разыскивают по свету всевозможные соленые озера, богатые червями, моллюсками и водорослями. Говорят, что эти красивые розовые птицы долетают вплоть до Индии, но никто еще точно не сумел проследить пути их кочевок. Это потому, что молодых фламинго никак не удастся окольцевать, как это делают обычно с другими птицами. Ведь только по снятым и возвращенным с убитых птиц кольцам можно определить пути их миграций.

По плоскому, безлесному, покрытому соляной коркой берегу совершенно невозможно подкрасться к их конусообразным глиняным гнездам, расположенным на мелководье. Завидя кого-нибудь на расстоянии километра, взрослые фламинго улетают, а птенцы уплывают далеко в озеро.

И все-таки, несмотря на это, нам с Михаэлем очень хочется сделать несколько кадров с фламинго для нашего будущего фильма о Серенгети. Эти грациозные розовые птицы с черными крыльями необыкновенно живописно вырисовываются на темно-синей глади лагуны. Мы разработали подробный план боевых действий. С этой целью мы сейчас и приземлились прямо на высохшем плоском ложе озера, затянутом белой пленкой соли. В бинокль я вижу, как где-то далеко-далеко поблескивает зеркало воды, на фоне которого неясно виднеется цепочка птиц на длинных ногах. Михаэлю хочется еще до вечера перетащить нашу тяжелую киноаппаратуру с телеобъективом, одеяла и провизию поближе к воде, переночевать там и рано утром начать съемку. Но наш багаж оказался чересчур тяжелым для алюминиевых волокуш, изготовленных специально для этой цели в Найроби. Узкие полозья врезаются в соляную корку, а под ней оказался еще вязкий, непросохший слой ила.

Я решил сначала разведать дорогу. Отметил мысленно вершину напротив и пошел прямо по этому направлению в глубь высохшего ложа озера, к воде. По пути мне попадались следы

кафрских буйволов; это говорило о том, что почва должна выдержать наш груз. Лишь в тех местах, где вода во время засухи, словно на морской литорали в отлив, медленно уходила вспять, почва была еще мягкой и вязкой.

Я проваливаюсь одной ногой и с трудом вытаскиваю свою сандалию. Не дай бог угодить сюда босиком или, чего доброго, упасть в такой рассол — эта гадость разъест всю кожу. Ведь здесь и пресной воды-то нет поблизости, чтобы поскорее все смыть.

Я бодро шагаю по намеченному маршруту. То, что я вначале принял за птиц, оказалось всего лишь цепочкой следов кафрских буйволов. Каждая вмятина от копыт издали напоминала птицу, а ноги — это просто обыкновенный мираж. Глядя в бинокль, я внезапно и позади себя обнаруживаю подобные же «цепочки фламинго».

Взглянув на свои часы, я установил, что иду уже целых 68 минут, то есть прошел около шести километров. А вода ничуть не приблизилась и поблескивает все в той же дали, как и вначале. Оказалось, что это тоже всего лишь мираж. Как всегда, с самолета все эти расстояния казались значительно короче.

Я поворачиваюсь на 180 градусов и, ступая в собственные следы, иду назад. Самолета на берегу отсюда что-то не видно. Впервые за все свое пребывание в Африке я ощущаю палящий зной. Озеро находится всего на высоте 610 метров над уровнем моря и со всех сторон окружено высокими горами. Хотя я в виде исключения на этот раз и надел шляпу, тем не менее белая соляная поверхность отражает лучи снизу и мне кажется, что под подбородком и на лице у меня появились солнечные ожоги. Достигнув берега, я почувствовал себя усталым и замученным.

Пока меня не было, к самолету откуда ни возьмись подошли три масая, и Михаэль уже полным ходом ведет с ними переговоры. Сигарет они не захотели, но зато с удовольствием напились вволю воды из специального резервуара, который мы возим с собой. Наш самолет их тоже заинтересовал: они спросили, где у этой птицы глаза и уши. Потом они принялись рассказывать, как вчера вечером кафрский буйвол напал на юношу-масая и убил его. В правдоподобность таких сообщений я никогда не верю, прежде чем не увижу убитого. Дело в том, что кафрские буйволы и антилопы канны — единственные дикие животные, мясо которых масаи употребляют в пищу. А так как кафрские буйволы находятся здесь под охраной, то рассказанная масаями история может оказаться просто выдумкой. А рассказывают они ее нам, ев-

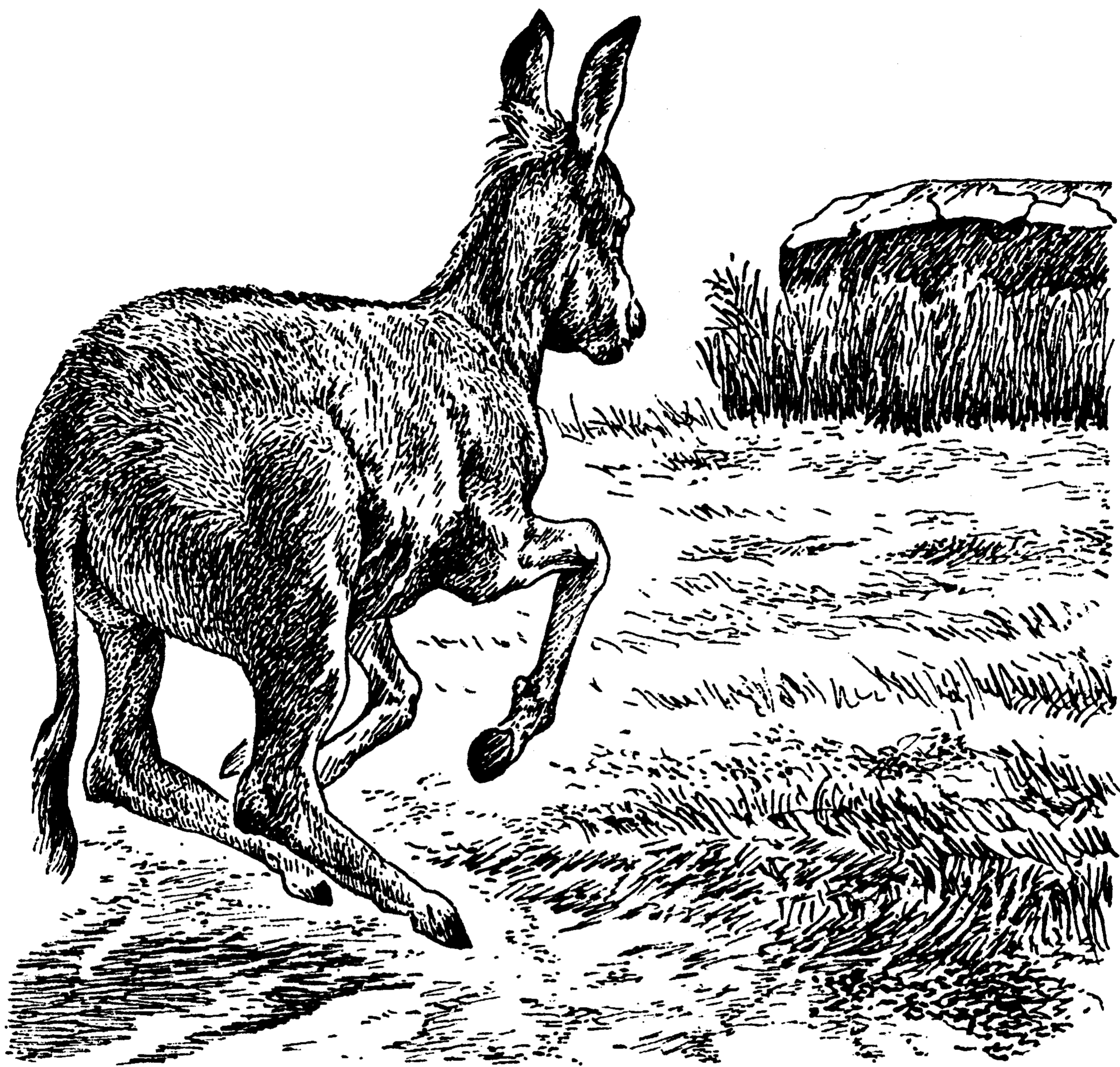
ропейцам, на случай, если мы обнаружим, что они зарезали кафрского буйвола.

Мы с Михаэлем просим их оттащить нашу поклажу на ослах по высохшему ложу озера поближе к воде. Одни только переговоры длятся целых два с половиной часа. Нам приходится оспаривать сотню доводов против возможности осуществления нашего плана. Например, такие.

Если масаи приведут ослов сегодня, то не успеют добраться вечером к своему бома и по дороге могут наткнуться на львов. Если же они сегодня у нас переночуют, то женщинам и детям придется спать одним, без охраны. Ослы не приспособлены бегать по соли. У них воспалятся ноги, и они могут подохнуть. Каждый мертвый осел будет стоить 200 шиллингов. Если какой-нибудь из ослов заболит, то нам тоже придется его купить. Они готовы сходить за ослами, если мы сегодня же вечером повезем их на самолете домой; тогда нам и платить ни за что не придется — все сделают даром. Наш багаж показался им слишком тяжелым для трех ослов, поэтому масаи его распаковали и со знанием дела детально осмотрели. Потом им пришло в голову, что если они останутся здесь до вечера, то им нечего будет есть. И так далее.

Молодые воины, которым запрещено воровать коров и вести войны, рады любому разнообразию в жизни. Вот такая беседа с европейцами их очень забавляет, и они изыскивают любые способы, чтобы ее продлить. Как только мы опровергаем один довод, они сейчас же выдвигают следующий, и так до изнеможения. Я по-немецки предлагаю Михаэлю замолчать и не отвечать больше ничего. Это наилучший способ прекратить дискуссию. Мы меняем тему и начинаем беседовать между собой о том, что в эту палящую жару появляется страшная жажда. Я подсчитал, что с обеда до вечера мы вдвоем выпили 13 литров воды и 8 бутылок кока-колы, причем воду здесь рекомендуется пить из чашек, а не из стаканов, чтобы не видеть, какая она мутная...

Наш маневр удался как нельзя лучше. Поняв, что переговоры закончены, наши три морана встали, пожали нам руки, забрали свои длинные копья и исчезли. Меньше чем через час они уже вернулись и привели с собой трех ослов. Воины быстро сложили наши пожитки на волокуши, запрягли в них одного из ослов и, держа двух запасных на веревочке, двинулись в путь по соляному «насту». Но не прошли мы и 50 метров, как один из «запасных» осликов вырвался и бодро поскакал по направлению к своему бома. Заметив это, осел, запряжен-

ный в сани, бросился следом за ним. Сани опрокинулись, ценный телеобъектив вывалился из своей упаковки, и через несколько секунд все наше имущество оказалось разбросанным по земле.

А солнце тем временем спускается все ниже. Наконец Михаэль со мной соглашается, что разумнее будет переночевать здесь, на краю высохшего озера, а не забираться в его середину. Разумеется, мы ругаем зловредных ослов. Мы ведь еще не знаем, что завтра утром будем рады расцеловать им хвосты за их сегодняшнее непослушание...

Самолет мы решили оставить на ночь там, где он стоит, — на ровной соляной поверхности дна высохшего озера; отсюда легче будет снова подняться в воздух. Для ночлега же я расставляю большой треножник от кинокамеры и накрываю его сверху единственной москитной сеткой, которая у нас с собой. Разумеется, целиком ни один из нас не может поместиться под этим сооружением: ростом мы оба, слава богу, по 1,9 метра. Поэтому голову и половину туловища с руками мы прячем

под сетку, а ноги закутываем в одеяла и выставляем в разные стороны: я свои — на север, а Михаэль — на юг. Я очень горд своим изобретением.

В половине восьмого наступает кромешная тьма, ветерок совсем стихает, и становится душно. Почти одновременно москиты переходят к массиванному налету. То и дело кому-нибудь из них удастся проникнуть под нашу сетку, а стоит только начать в темноте от него отбиваться, как разваливается все наше шаткое сооружение. Словом, через полчаса Михаэль с проклятиями поднимается и уходит спать в «Утку», предварительно плотно закрыв все окна. Но для меня там слишком душно — я остаюсь на воздухе, лежу на спине и разглядываю звезды.

Я почему-то никак не могу найти Южный Крест, о котором непременно упоминается во всех книжках о тропиках. Я очень-то разбираюсь в звездах. Где-то далеко, за горой Ленгаи, мигают зарницы, но ведь сейчас как раз короткий засушливый сезон, так что непогода не предвидится.

Я размышляю в приятном полудремотном состоянии: там, наверху, на небе, сейчас спутник чертит свои витки над экватором... Интересно!

А тем временем тучи сгустились. Правда, я уже давно заметил, что ночью любое безобидное облачко выглядит грозной черной тучей. Поблизости завывала гиена, потом рыкнул лев. А ведь днем все выглядело таким пустынным и безжизненным! Но животные здесь, оказывается, все же есть. Вдруг мне показалось, что лев где-то поблизости, в лучшем случае метрах в тридцати. Но это, конечно, плоды воображения: такие опасения внушают только ночь и одиночество.

Небо уже на две трети заволочло тучами, только на севере еще проглядывает звездный узор. Внезапно поднялся сильный ветер, и вся мошкара миглом куда-то исчезла. Зарницы сменились настоящими молниями, загрохотал гром. Мне стало как-то не по себе. Если здесь действительно начнется тропический ливень, дно озера мгновенно превратится в болото, в котором наш самолет может затонуть или во всяком случае безнадежно увязнуть. Я вскакиваю, бегу к Михаэлю и бужу его. Он сразу же кидается к управлению и включает мотор. Но за это время уже поднялся сильный штормовой ветер, который не дает ему развернуть самолет, чтобы выбраться со дна озера на сухой берег. Уже упали первые тяжелые капли дождя, а машина никак не может справиться с ветром: как только Михаэль направляет ее пропеллером к пологому склону берега, бешеный ураган заносит хвост в обратную сторону.

И тут полил ливень. Мы знаем, что нас ждет, поэтому я вылезая из машины и при свете полыхающих молний ощупью пробираюсь вдоль корпуса самолета к хвосту и всем телом налегаю на него, стараясь сдвинуть вбок. Почва под ногами уже вся раскисла, ноги мои скользят, сандалии я уже где-то потерял, и их засосало жидкое месиво. Я стараюсь босыми ногами уйти глубже в это соленое тесто, чтобы найти упор. Я толкаю сзади, а спереди тянет мотор в 260 лошадиных сил. Вдруг хвост с силой вырывается у меня из рук и опрокидывает меня на землю лицом прямо в эту отвратительную жижу. Я поднимаюсь на ноги и едва успеваю снова ухватиться за самолет. Наконец под потоками дождя нам удается победить ветер и повернуть машину к берегу. Она благополучно взбирается по пологому склону и вот уже наконец стоит наверху, на твердой песчаной почве с редкими кустиками травы.

Михаэль включает внутреннее освещение и прожектор на правом крыле; но луч падает лишь вперед, и нам приходится в кромешной тьме добираться до того места, где мы оставили все свое снаряжение. Каждый хватает то, что ему попадается под руку, тащит к самолету и забрасывает либо под крылья, либо через окно внутрь. Мы промокли буквально до нитки, но я даже рад этому, потому что вода, к счастью, смыла с меня всю соль.

Наконец ливень становится таким безудержным, а раскаты грома такими оглушительными, что мы вынуждены отказаться от спасения своего добра — все равно оно безнадежно промокло. Мы забираемся в самолет и падаем без чувств на сиденья.

С нас течет. Поскольку заметно похолодало, мы предпочитаем стянуть с себя мокрые рубахи и штаны и уж лучше сидеть нагишом. Все равно нас никто не видит. А снаружи завывает ураган. Я чувствую, как он подхватывает самолет под крылья и старается оторвать от земли. Но это ему, к счастью, не удастся: колеса стоят на прочных тормозах, и кроме того, я успел бросить под них еще два тяжелых ящика.

Мы накидываем себе на голые плечи кожаные безрукавки на овечьем меху и ждем. Надо мной, как всегда, протекает обшивка, и я напяливаю себе на голову старую шляпу, которая валялась в самолете.

Молнии сверкают одна за другой, а наша «Утка» стоит на возвышенном берегу плоского, как тарелка, озера. При этом мы хорошо помним, что она сделана из металла...

— По всем законам физики молния непременно должна ударить в наш самолет,— говорю я Михаэлю.— Будет чудо, если это не случится в следующий же момент.

— Да, дело дрянь,— говорит он.— Но мы же все равно ничего изменить не можем. Нам сейчас остается только одно — ждать.

Он прав. Я смотрю в окно на разбушевавшуюся стихию и думаю о том, что гроза все-таки необыкновенно величественное явление природы. Я начинаю следить за промежутками между молнией и громом; постепенно они становятся все больше. Центр грозы, видимо, уже переместился несколько дальше, но ливень все еще не прекращается. При вспышке молнии я вдруг обнаруживаю, что сухое ложе озера все заполнено водой! С содроганием я подумал о том, что было бы, если бы ослики не удрали! Мы бы сейчас очутились в воде вместе со всей своей поклажей за 10 километров от берега. По всей вероятности, к этому моменту вода доходила бы нам уже до пояса или до груди и у нас не было бы ни малейшей надежды выбраться по вязкому дну из этого рассола на берег...

На какую глубокую мудрость все-таки иногда способны ослы!

— Через десять дней, когда мы вернемся домой, в Европу,— говорит Михаэль,— люди нас опять начнут спрашивать: ну как, хорошо отдохнули на своем курорте?

И еще:

— Папуль, а ведь если нас сейчас тряхнет, все наши хлопоты пропали даром, потому что некому будет заканчивать нашу работу. Это было бы страшной оплошностью со стороны судьбы — одному из нас непременно надо остаться в живых!

Но вообще мы с ним придерживаемся такого мнения: если уж умирать, то сразу. Пусть это будет молния, авария самолета, нападение льва, инфаркт. Только бы не лежать полгода с раком кишечника и не выслушивать сердобольную ложь.

Гроза началась около 12 ночи. Сейчас два часа, и дождь постепенно стихает. Михаэль уснул, положив голову мне на плечо. Волосы, как всегда, упали ему на лоб и щекают мне шею. Пока они у него еще очень густые. Неужели когда-нибудь он тоже станет таким плешивым, как я? Мне просто не верится. Его мускулистые загорелые ноги в темноте кажутся совсем белыми. В нем еще так много мальчишеского. Он вообще еще очень молод и хорош собой. Как жаль, что год от года он будет становиться все старше, появятся морщины, задорные глаза поблекнут и под конец он станет таким же, как я сейчас. Как ужасно, что вся человеческая жизнь после 20 лет — это

постепенное увядание. Но по-настоящему начинаешь отдавать себе отчет в этом только после сорока. Интересно, как будет выглядеть Михаэль в мои годы? Толстым он никогда не будет, для этого он слишком мало ест и слишком много нервничает. Мой отец умер, когда мне было три года. Наша добрая матушка часто рассказывала, что он совершенно не знал, как обращаться с такими маленькими детьми, какими мы тогда были. Он даже иногда завидовал своим знакомым, имеющим уже взрослых сыновей, с которыми они могли разговаривать как мужчина с мужчиной.

А вот у меня е с т ь такие сыновья. Я знаю, какую гордость испытывает отец, работая вместе со своим сыном, делая с ним одно общее важное дело. Сын продолжает дело отца.

Я почувствовал такой прилив нежности к Михаэлю, что с удовольствием приласкал бы его и поцеловал. Но у нас это не водится. Телячьи нежности — это дело матерей, а не отцов. Если бы Михаэль в это время проснулся, то, наверное, страшно удивился бы.

Сам Михаэль гораздо лучше умеет обращаться со своим маленьким сыном Стефаном, чем умел это делать я со своими детьми, когда они были такими же маленькими. Стефану разрешается шумно будить отца по утрам, вместе с ним купаться. Когда мы в этот раз улетали, маленький человечек в первый раз заметил, что его отец уезжает. Он раскричался на весь аэродром, вцепился ручонками в Михаэля и ни за что не хотел его отпускать.

Через 20 лет Михаэль вот так же, как я, будет сидеть рядом со своим сыном Стефаном. Мои родители не дожили до глубокой старости, так что и у меня нет больших перспектив прожить особенно долго. Но Михаэль будет обо мне больше помнить, чем я о своем отце. И главное — наша работа будет продолжаться.

Если бы нас сегодня постиг удар судьбы, то никому, пожалуй, не удалось бы разобраться во всех наших бесчисленных записях и заметках, касающихся жизни степных животных. Из 20 тысяч метров цветной пленки никто бы не сумел смонтировать именно тот фильм, который мы задумали. А у животных Серенгети осталось бы еще меньше шансов выжить.

Большинству людей все это может показаться крайне мало важным и незначительным. Может быть, кое-кто даже сказал бы: «Ну что ж, эти два чудака лучшего и не заслужили. С какой стати они рисковали головой из-за каких-то там зебр и львов?» У людей ведь сейчас иные идеалы, ради которых, они считают,

стоит умирать: слава, политика, расширение границ своей страны, господство своего класса, мировоззрение...

В е ч н о й же останется на Земле только природа, если мы ее бездумно не разрушим. Через 50 лет вряд ли кого-нибудь будут интересовать конференции, репортажи о которых сегодня заполняют страницы всех газет. А вот если даже через 50 лет на утренней заре из кустов величественно выйдет лев и огласит окрестности своим могучим рыком, у любого человека захватит дух и сильнее забьется сердце. И совершенно не важно, будет ли этот человек говорить по-английски или по-русски, на суахили или по-немецки. Любой будет стоять в немом восхищении и безмолвно схватит за руку своего соседа, когда впервые в жизни увидит, как 20 тысяч полосатых «тигровых лошадок» не спеша пересекают из конца в конец бескрайнюю степь...

Так неужели же действительно бессмысленно сейчас стараться что-то сделать для этих людей, этих львов и этих зебр, которые будут жить через 50 лет? И для тех, которые будут через 100 и через 200...

В эту ночь с 9 на 10 января мне так и не удалось уснуть: было слишком холодно и сыро. Я только время от времени очень осторожно менял позу, чтобы не разбудить Михаэля. Наконец через шесть часов начало светать.

Тогда мы встали, выжали свою одежду, одеяла и прочее барахло и развесили его по всему самолету для просушки. Наша добрая «Утка» стала похожа на прачечную, и я ужасно сожалел, что у меня нет под рукой фотоаппарата. Но не успело все наше имущество немного подсохнуть, как дождь зарядил с новой силой. Тогда мы все как есть побросали в машину, я повязал себе вокруг бедер полотенце, а Михаэль натянул на себя мокрые плавки. В таком живописном виде мы и покинули злополучное озеро.

Фламинго победили. Нам пришлось отступить и вернуться в кратер Нгоронгоро в сторожку, куда мы перебрались жить несколько дней назад. Когда мы, полуголые, вылезали из машины, то немало насмешили своих боев.

Здесь светит солнышко, и наши пожитки, разложенные на траве, через несколько минут уже подсохли.

С тем, кому приходится иметь дело с животными, часто так случается: часами, днями, иногда неделями бегаешь за слонами, чтобы их заснять, и все напрасно. И вдруг в самом неожиданном месте перед вами вырастает слон, оттопыривает

уши, поднимает хобот и вообще словно позирует для того, чтобы у вас получились наиболее впечатляющие снимки.

Точно так же получилось у нас с этими фламинго. В то же утро делегация из 400 представителей этих розовых красавцев явилась прямо к нам в кратер Нгоронгоро и опустилась для кормежки на мелководье кратерного озера. На нас они почти не обратили никакого внимания. Мы быстро надели цепи на колеса нашего вездехода, чтобы он не буксовал, и въехали сначала в прибрежный ил, а затем с замиранием сердца начали продвигаться все глубже в воду. Ехать мы можем только прямо, потому что стоит нам слегка свернуть в сторону, как колеса сейчас же зарываются в вязкое дно.

Доехав до того места, где наша смелость окончательно иссякла, мы выключили мотор, настроили телеобъективы и стали ждать. Фламинго бродят на своих длинных ногах по мелководью; клювы опущены в воду — они ищут себе корм. Нашим мощным вездеходом они нисколько не интересуются. Четыре или пять раз мы принимаем решение кончить съемку и не тратить на них больше ни одного метра дорогостоящей цветной пленки. Но потом они подходят еще ближе, появляются на матовой пластинке еще более крупным планом, и мы не можем удержаться — крутим снова. Под конец мы даже вздохнули с облегчением, когда они, прямо как по команде, расправили свои черные крылья и всей компанией поднялись в воздух, повиснув над нами, словно розовая сеть. Все в порядке — в фильме они у нас будут.

Поскольку в воде мы развернуться не можем, то выбираемся из озера на твердый берег, пятась задом, точно рак. За это время бой наготовил для нас целую гору салата из ананасов, яблок и бананов. Мы жарим себе по бифштексу, а после обеда Михаэль собирается полетать над горой Ленгаи, озером Натрон и равниной Салаи, чтобы разведать, где сейчас находятся животные, которых мы собираемся снимать завтра.

Он просит меня не лететь с ним, потому что на обратном пути хочет захватить с собой двух наших помощников. Дело в том, что для проведения аэрофотосъемок нам пришлось убрать одно из задних сидений, так что теперь в самолете только три сидячих места. Если бы мы полетели вчетвером, страховая компания в случае какой-нибудь аварии непременно стала бы ссылаться на это.

Ну ладно, пусть летит один. У меня и здесь полно дел. Я только прошу его вернуться вовремя, до половины седьмого, потому что за полчаса до захода солнца я всегда начинаю волноваться

и прислушиваться к каждому шороху, пока не слышу звука нашего самолета. Не люблю я, когда он летает один. Но Михаэль заверяет меня, что если не управится до захода солнца, то рисковать не станет и заночует в Банаги.

Мы еще успеваем задвинуть на место свой вездеход, который дети масаев скатили с пригорка в кусты,— это их излюбленное занятие. Потом я сажусь за стол, пишу и не обращаю никакого внимания на то, как Михаэль уходит.

Через несколько минут шум самолета затих вдали.

Когда профессор Гржимек на следующее утро сидел за завтраком в сторожке на дне кратера Нгоронгоро, в окошко протянулась темная рука масая с запиской. Проводник принес ее по поручению лесничего. В ней было написано: «Я должен вам сообщить прискорбное известие: Михаэль погиб в авиационной катастрофе. Он лежит здесь, наверху, в моем доме».

Английский специалист, случайно оказавшийся в это время вместе со своими африканскими помощниками на безлюдной равнине Салаи, где они проводили разведку залегания грунтовых вод, видел, как полосатый самолет пролетел в западном направлении на высоте примерно 200 метров, а затем внезапно резко пошел на снижение. Поскольку его помощники стали утверждать, что это была не посадка, а авария, он немедленно выслал их на машине к месту падения самолета.

Они нашли его вдребезги разбитым, но не загоревшимся.

Тем временем стемнело. Фары на их машине были в неисправности, а спичек не рискнули зажечь из-за сильного запаха бензина. Поэтому они поспешно поехали обратно и вернулись уже с англичанином, у которого были карманные фонари. Они вытащили мертвого Михаэля Гржимека из-под обломков самолета и, невзирая на свою усталость, потратили всю ночь на то, чтобы довести тело до домика лесничего на краю кратера Нгоронгоро.

Михаэля Гржимека похоронили в тот же день среди буйно цветущей зелени на краю кратера, в таком месте, откуда от-

крывается вид на его равнины с пасущимися на них стадами диких животных.

При обследовании обломков самолета выехавшие на место происшествия представители британской авиакомпании установили, что в правое крыло машины с размаху врезался летящий навстречу гриф, отчего образовалась большая вмятина. При этом оказались заблокированными тяги управления, и машина сильно накренилась в правую сторону, а через несколько секунд разбилась о землю.

В официальном заключении говорится, что Михаэль Гржимек был опытным, осторожным и находчивым летчиком и что авария произошла не вследствие какой-либо его оплошности или неисправности самолета, а из-за несчастного стечения обстоятельств; к сожалению, подобные случаи всегда могут произойти с легкими самолетами, летающими в этих широтах.

Исследования Михаэля Гржимека к этому моменту были уже почти закончены, завершилась и работа над фильмом, который он снимал здесь вместе со своими сотрудниками; создавал он его для того, чтобы показать мировой общественности всю красоту Серенгети и побудить ее сделать все возможное для того, чтобы сохранить все это богатство природы для будущего.

Администрация национального парка Танзании с прискорбием сообщала в некрологе, напечатанном во всех газетах Восточной Африки, что со смертью Михаэля Гржимека дело охраны природы потеряло одного из своих самых отважных и энергичных борцов. Администрация призывала общественность собрать средства для установки памятника с надписью:

МИХАЭЛЬ ГРЖИМЕК

12.4.1934 — 10.1.1959

**ОН ОТДАЛ ВСЕ, ЧТО ИМЕЛ, ДАЖЕ СВОЮ ЖИЗНЬ, ЗА ТО,
ЧТОБЫ СОХРАНИТЬ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ АФРИКИ**

ЧТО СТАЛО С СЕРЕНГЕТИ?

С тех пор как в 1959 году вышла в свет эта книга, меня не переставали спрашивать, удалось ли спасти Серенгети от дальнейшего уничтожения. Принесла ли наша работа, стоившая жизни моему сыну, хоть какую-нибудь пользу?

Вскоре после авиационной катастрофы, во время которой погиб Михаэль, еще до опубликования в открытой печати результатов наших исследований, тогдашнее британское колониальное правительство приняло решение отрезать от национального парка Серенгети всю восточную часть, включая знаменитый кратер Нгоронгоро. Отрезанная область была превращена в «Ngorongoro Conservation Area» («Охраняемая область Нгоронгоро») и должна была получить самоуправление. Местной власти, назначенной правительством, поручалось сохранять в полном порядке водопой, леса и луга, в первую очередь в интересах людского населения, но и не в ущерб диким животным. Из заявления последнего британского губернатора г-на Ричарда Тернбула следовало, что «правительство намеревается всячески способствовать развитию в кратере хозяйственной деятельности человека, но одновременно охранять обитающих в нем диких животных.

В случае же возникновения противоречий между их интересами предпочтение должно отдаваться людям».

Охота здесь запрещена по-прежнему, и в общем и целом масаи со своим скотом живут в мире с дикими животными, как и в прежние времена, когда они в 1860 году заселили эту область. К сожалению, в первый же год нового управления они успели истребить порядочное число носорогов: они закалывали их копьями, а рога продавали спекулянтам. Об этом уже рассказывалось в моей книге «Носороги принадлежат всему человечеству»¹.

Однако инспектору области мистеру Генри Фосбруку довольно скоро удалось прекратить такое избиение носорогов. Он добился того, что широко распространенное убийство носорогов копьями как в кратере, так и в большей части близлежащих районов полностью прекратилось. Однако число этих толстокожих все равно значительно уменьшилось по сравнению с тем, что было прежде. Ведь Генри Фосбрук не мог препятствовать заселению кратера другими племенами, занимавшимися земледелием. Они-то представляют куда большую опасность для будущего диких животных, чем скотоводы-масаи.

В обмен на территории, отнятые у национального парка, исключительные по своему значению для сохранения стад диких животных, к нему прирезали новые области на севере и юго-западе. Эти новые области имеют для парка гораздо меньшую ценность как по качеству пастбищ, так и по времени, которое проводят там кочующие стада. Зато на эти новые районы не претендовали масаи, поскольку они, видимо, не очень подходили им в качестве пастбищ для их скота.

Вот что пишет господин Джон Оуэн, новый теперешний директор национальных парков Танзании:

«Имевшие большой успех книга и фильм о Серенгети привлекли внимание мировой общественности к судьбе национального парка Танзании и его четвероногих обитателей. Книга за это время была несколько раз переиздана и вышла на многих языках, а одноименный фильм является единственным немецким фильмом, удостоенным премии «Оскара» в Америке. Эта книга и фильм обеспечили нам помощь

---

¹ Эта книга под названием «Они принадлежат всем» выпущена в 1965 году на русском языке издательством «Мысль» в переводе Е. А. Геевской. (Примеч. ред.)

и поддержку не только со стороны нового, самостоятельного правительства Танзании, но и от различных организаций и частных лиц Европы и Америки. Без такой поддержки было бы невозможно никакое дальнейшее развитие национального парка, и тем более проведение в нем научных работ, необходимых для его дальнейшего процветания. Я тотчас же принялся раздобывать для национальных парков маленькие самолетики, так как на опыте работы отца и сына Гржимеков в Серенгети убедился в их громадной пользе. Я сам и еще несколько человек из администрации научились летному мастерству. Сейчас у нас в ходу уже четыре самолета. При этих покупках, а также при осуществлении многих других замыслов я пользовался неизменной поддержкой и денежной помощью профессора Гржимека и Зоологического общества во Франкфурте-на-Майне, а также собранными им добровольными пожертвованиями. Таким образом, нам удалось применить новый метод обслуживания и охраны национальных парков Африки; это можно считать настоящим переворотом в этом деле, так как благодаря скорости, маневренности и относительной дешевизне таких авиеток работа в парках существенно изменилась. Самолеты на сегодняшний день стали совершенно необходимы для управления парком и проведения в нем исследовательских работ».

Дальше директор национальных парков пишет следующее:

«В 1961 году, то есть три года спустя после работы, проведенной в Серенгети Гржимеком и его сыном, снова проводился подсчет животных с воздуха. Работа велась частично британскими военно-воздушными силами, а частично ее взял на себя молодой американский биолог доктор Ли Талбот. Он вел подсчет на несколько большей территории и проводил его позже по времени года, когда у степных животных уже появился молодняк. Эта перепись показала гораздо большее число животных, чем гржимековская. Значительные колебания численности диких животных по отдельным годам общеизвестны: видимо, в данный момент метеорологические и прочие условия благоприятствуют обитателям серенгетских степей. В 1963 году биолог Меррей Уотсон, продолжая работу, начатую Гржимеком, снова повторил подсчеты. На этот раз прирост стада гну по сравнению с 1961 годом оказался равным 40 процентам.

Тот факт, что огромные стада за последние годы столь сильно размножились, заставил людей, ответственных за национальный парк, задуматься о возможности его перенаселения и чрезмерного выпаса. От средств, пожертвованных на установку памятника Михаэлю Гржимеку, осталась довольно крупная сумма денег, на которую нам удалось открыть в Серенгети скромный международный научно-исследовательский центр. Туда я пригласил работать нескольких молодых, весьма энергичных ученых. Сейчас они как раз занимаются тем, что изучают взаимовлияние фауны и ландшафта, уделяя особое внимание вопросам перевыпаса. Уже первые результаты проведенных ими работ показали, что опасность перенаселения парка не столь велика, как предполагали, потому что в природе существует целый ряд регулирующих факторов. Если эти предварительные данные будут подтверждены дальнейшими исследованиями, то и у нас в Африке можно будет взять за основу классическую установку европейских заповедников: сохранять дикую природу в нетронутом виде и допускать вмешательство человека только в самых крайних случаях, когда этого просто нельзя избежать».

В Банаги, в Научно-исследовательском центре проблем Африки имени Михаэля Гржимека, построенном на средства населения Танзании, а также читателей книги о Серенгети, изданной во многих странах мира, сейчас действительно работает сильная группа биологов. Среди них есть экологи, физиологи, ветеринары и специалисты по другим областям биологии. Эти ученые следуют на вездеходах или маленьких самолетах за кочующими стадами и изучают взаимоотношения животных, растений и почв и как это все вместе отражается на общей картине ландшафта. Выявленные ими биологические закономерности, которые с каждым годом становятся все многограннее, можно будет использовать при исследовании других схожих обширных территорий Африки. Это поможет молодым самостоятельным африканским государствам как можно лучше сохранить свои естественные природные богатства и использовать их с наибольшей для себя выгодой.

Своими очень важными и полезными начинаниями Джону Оуэну удалось убедить общественное мнение Африки в огромной ценности национальных парков для жизни государ-

ства. Он открыл на территории национальных парков туристские базы для африканских школьников, организовал широкую демонстрацию кинофильмов на языке суахили, посвященных охране природы родной страны (первым среди них был фильм «Серенгети не должен умереть»); по его инициативе было выпущено множество красочных плакатов, а самолеты чертили на небе специальные воззвания. При этом национальные парки получили очень действенную поддержку со стороны нового президента Танзании, публично заявившего о своей готовности всячески способствовать делу охраны природы в стране. Он лично занялся судьбой Серенгети.

Такой интерес к этому делу президента, а также его ближайших соратников, в особенности министра земледелия, лесного и охотничьего хозяйства, способствовал быстрому и успешному развитию национальных парков в Танзании. Когда выходило первое издание книги о Серенгети, в Танзании был только один национальный парк — Серенгети, который европейское колониальное правительство к тому же обкорнало. С тех пор как государство добилось самостоятельности, в нем возникло еще два новых национальных парка — «Озеро Маньяра» и «Кратер Нгурдото». Сейчас они уже настолько популярны, что привлекают множество туристов. Кроме того, под национальные парки подготавливаются еще следующие три местности. Работы, которые в них проводятся, идут столь успешно, что в ближайшие два-три года эти парки уже можно будет открыть для посетителей. Все это, а также тот факт, что новое африканское правительство Танзании за последние два года повысило на одну треть сумму, отпускаемую на содержание национальных парков, как нельзя лучше доказывает, что страна стремится сохранить эти уникальные природные комплексы для будущих поколений.

Но нельзя забывать о том, что Танзания пока только развивающаяся страна; народ ощущает еще острую нехватку в больницах, школах, асфальтированных дорогах и всех прочих вещах, без которых невозможно поднять жизненный уровень страны. Национальные же парки Танзании — собственность не только ее народа, это общее достояние, принадлежащее всему человечеству. Их посещает все возраста-

ющее число туристов, которые благодаря снижению цен на авиационные билеты получают возможность прилететь сюда, чтобы полюбоваться этим нетронутым уголком на нашей Земле. Но, восхищаясь всем увиденным, эти посетители в то же время не должны забывать, что расходы на их поездку окупают лишь очень небольшую часть тех огромных средств, которые необходимы на содержание подобного заповедника. А большая их часть пока что поступает из кармана неимущих африканцев, тех самых бедных людей, которых они ежедневно встречают на дорогах во время своих автомобильных поездок по парку.

Проф. Бернгард ГРЖИМЕК

БЕРНГАРД ГРЖИМЕК

*Мы Хелл
среди бурь*

Bernhard Grzimek

WIR LEBTEN MIT DEN BAULE

Verlag «Ullstein», Frankfurt a. Main — Berlin, 1963

Вместо предисловия

НЕ ТОЛЬКО РАДИ ЖИВОТНЫХ

С животными я начал возиться с очень раннего детства, будучи еще, как говорится, «от горшка два вершка». Многие годы своей жизни я затем посвятил изучению диких животных и проблем их содержания, особенно с тех пор, как стал директором зоопарка, а уж эти годы растянулись в пугающе длинную вереницу...

Когда содержишь в неволе несколько тысяч животных родом с самых разных континентов и несешь ответственность за их благополучие, то частенько задумываешься над тем, а как же чувствуют себя эти «чужеземцы» в непривычных для себя условиях? Отвечают ли условия, созданные для них в зоопарке, хоть частично тому, к чему они привыкли на воле? Такие вопросы задаешь себе гораздо чаще, чем думает какой-нибудь непосвященный воинствующий «любитель природы», обвиняющий зоопарки в том, что это «самые настоящие тюрьмы для животных».

И вот, раздумывая над тем, как же тот или иной постоялец зоопарка вел бы себя на воле, в своей родной стихии, и листая специальную литературу по этим вопросам, внезапно делаешь удивительное открытие! Если вы, например, посмотрите у Бре-

ма, каков срок беременности у львиц или живет ли тигр совместно с тигрицей, пока она кормит и воспитывает молодняк, то почти на каждой странице можно прочесть, что по опыту Лондонского, Франкфуртского или Берлинского зоопарков это дело обстоит так-то и так-то или что некий господин Майер, содержащий у себя в квартире ихневмона, сделал такие-то и такие-то наблюдения. И тут становится ясно, что большую часть из того, что нам известно о жизни обитателей дикой природы, мы черпаем из наблюдений за пойманными экземплярами, содержащимися в неволе. Так что зоопарковские животные служат отнюдь не только для удовлетворения любопытства или даже развлечения двуногих зрителей — они служат науке.

И тем не менее о жизни диких животных нам пока еще известно постыдно мало. И это не удивительно, потому что, когда естествоиспытатели прошлого столетия добивались до отдаленных, неизученных частей света, они в первую очередь стремились открыть новые виды животных, описать их, привезти домой их кости, шкуры или тушки. Ведь наука тоже подвержена моде, а в те времена больше интересовались, как выглядит то или иное животное и где оно обитает, чем условиями его существования.

Не удивительно поэтому, что каждого директора зоопарка обуревают желание увидеть своими глазами, как живут свободные братья и сестры его подопечных на воле. Только у них он может узнать, правильно ли он кормит и содержит своих питомцев.

Счастлив тот, кому это удастся. Но дело это отнюдь не легкое и не простое. Во всяком случае значительно сложнее, чем можно себе представить, судя по некоторым газетным корреспонденциям. Особенно в такой стране, как Берег Слоновой Кости, где долгое время не было ни единого национального парка (их и вообще-то не было в Западной Африке). А увидеть в Африке леопарда ничуть не легче, чем у нас в лесу барсука! Вам ведь, наверное, часто приходилось гулять по лесу — встречали ли вы хоть одного?

И кроме того, только съездив однажды в какой-то район Африки, начинаешь понимать, что же было сделано неправильно во время этой поездки, и как все надо будет устроить во время второй или третьей, и что надо запланировать на седьмую или восьмую...

И кроме того, тот, кто, как я, приехал в Африку из нашей европейской суетни, тесноты и загазованности, попав в тихую

и зеленую, еще не застроенную местность, начинает замечать, что помимо интересующих его животных, жизнь которых он приехал изучать, здесь есть ничуть не менее достойные его интереса объекты. Здесь можно встретить людей, которые, подобно нашим далеким предкам, еще живут патриархальной деревенской жизнью, большими семьями прямо посреди леса, буша, и со своими богами. Такой образ жизни скоро канет в вечность, и я рад, что еще успел познакомиться и подружиться с этими интересными людьми — исконными жителями Берега Слоновой Кости.

Это было первое путешествие в Африку, которое вместе со мной проделал мой сын Михаэль. Было ему тогда всего шестнадцать лет. В то время мы еще не задавались целью чем-то помочь, что-либо изменить или спасти — тогда мы приезжали чему-то научиться, увидеть своими глазами, понять. И ни один из нас тогда еще не знал, что этот континент войдет в нашу жизнь на долгие-долгие годы, а одному из нас суждено будет остаться в этой земле навсегда...

Бернгард ГРЖИМЕК

Глава первая

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, КАК НАДО СНАРЯЖАТЬСЯ В АФРИКУ?

Меня издавна влекли путешествия за моря и океаны. Но когда я в 1939 году только что успел договориться о поездке в Южную Америку за новой партией интересных животных и зафрахтовал для этой цели скоростной рефрижераторный пароход, началась война. Первые годы после ее окончания мне было не до путешествий: вместе с другими работниками зоопарка я восстанавливал разрушенные павильоны и вольеры и боролся с городскими властями, пытавшимися мне всеми правдами и неправдами вставлять палки в колеса... Но настал день, когда снова в лицо мне пахнуло ветром дальних странствий и неудержимо потянуло в далекую, загадочную часть света — Африку.

И вот в один прекрасный день мой знакомый приводит ко мне некоего гражданина Абрахама, проживавшего прежде во Франкфурте, но полтора десятка лет назад эмигрировавшего по политическим причинам. Он поселился во французской колонии Берег Слоновой Кости, основал там ферму и открыл магазин. Когда я водил его по зоопарку, он рассказал мне,

что многих из этих животных видел на воле, и пригласил меня приехать к нему, в Африку, на пару месяцев.

Не без труда удалось раздобыть визу для въезда в тогдашнюю колонию — Французскую Западную Африку. Ведь со времени окончания войны там еще не побывал ни один немец. Для этого потребовалось разрешение самого генерал-губернатора, проживавшего в Дакаре. Но мои рекомендации были столь безупречны, а репутация столь незапятнанна, что вскоре все необходимые бумаги оказались у меня в руках. Было это в декабре, накануне Рождества, и следовало поторопиться, чтобы не попасть туда в разгар сезона дождей. Но вот где раздобыть денег на поездку?

Ехать один я не мог: у человека ведь только две руки, и если собираешься одновременно делать и цветные, и черно-белые фотоснимки, а к тому же еще и фильм снимать, то двух рук явно не хватит! Так что пришлось мне взять с собой сына, шестнадцатилетнего Михаэля, между прочим отнюдь не новичка в этом деле: он уже тогда снимал хорошие узкоплечные фильмы для нашего зоопарка.

Какое это должно быть счастье для мальчика, если его отец — директор зоопарка! Вот моему отцу, который был юристом в Силезии, никогда не пришла бы в голову идея взять меня с собой в Африку! Уж не говоря о том, что он умер, когда мне было только три года (отчего я и был вынужден сам зарабатывать себе деньги на учебу). Мне кажется, что Михаэлю из-за этой поездки в Африку завидовали больше, чем мне, и в первую очередь, конечно, его соученики по школе.

Я в то время совершенно не знал, какой в тех местах климат, какие встречаются болезни, нужно ли брать с собой пробковый шлем, какие брать рубашки — с короткими или длинными рукавами. И что вообще разрешается провозить через таможню. Все эти проблемы внезапно возникли передо мною и ввергли меня в некоторое замешательство. (Они и по сей день занимают каждого, кто впервые собирается поехать в Африку. Я это знаю по многочисленным письмам, которые получаю от подобных новичков.) В Дакаре, где я собирался быть проездом, мне предстоял визит к самому генерал-губернатору. Для подобных случаев необходимо иметь легкий белый льняной костюм, который можно недорого сшить у местного портного. Но за такой короткий срок вряд ли кто-то возьмется там сшить костюм. Во франкфуртском же магазине готового платья за изготовление подобного наряда с меня запросили 275 марок. А после поездки такая вещь уже ни на что не

годится, потому что в Европе белый льняной костюм носить невозможно хотя бы уж потому, что нет боя, который бы два раза на дню стирал и гладил эти маркие и легко мнущиеся изделия... И где вообще во Франкфурте зимой, в декабре, можно раздобыть летние вещи? Каждый продавец, к которому я с этим обращался, сначала растерянно на меня взирал, а потом спускался куда-то в склад, откуда вытаскивал запрятанные на зиму товары, которые на меня (при моем росте в метр девяносто) абсолютно не годились. К тому же каждый день после обеда нас обоих мучил зубной врач, и мы добровольно на это соглашались, потому что боялись, что зубы разболются там, в африканском буше, и нам придется их лечить у местного знахаря, к тому же безо всякого обезболивания... От прививки желтой лихорадки на меня напал дикий озноб, от которого меня трясло, как грушу, и страшно разболелась спина, а у моего сына сделалось воспаление мозговой оболочки.

Что же касается пробковых шлемов, то они как будто бы вышли из моды...

— Но смотрите не будьте столь легкомысленными, — сказал мне профессор Г. из Базеля, — хотя некоторые люди и переносят подобный перегрев, зато другие могут свалиться от него прямо на улице, а затем будут вынуждены три-четыре недели провести в постели, да еще в затемненной комнате!

Весьма возможно, но во Франкфурте ведь все равно не купишь пробкового шлема!

Но вскоре после Нового года мы сидим наконец в самолете. Под нами проплывают предприятия «Опель» в Рюссельсгейме, Рейн, в сумерках — Мозель, затем мигающий разноцветными огнями ночной Люксембург (я вспоминаю, как восемь лет назад сопровождал поезд с больными лошадьми и маневрировал как раз на здешней сортировочной станции). А потом последовало зрелище уже совершенно незабываемое... Создавалось впечатление, что смотришь сквозь дуршлаг на яркий источник света: из бездонной темноты вдруг возникают десятки тысяч светящихся точек, разбегающихся во все стороны... Это Париж.

Когда я проснулся, то почувствовал, что медленно скольжу в лодке по удивительно гладкой и серебристой поверхности озера... Полумесяц каким-то странным образом, горизонтально висит в небе, выпуклой стороной вниз, словно ладья. Лишь окончательно придя в себя, я понял, что все еще сижу в самолете компании «Эр Франс», а море, омывающее побережье

Северной Африки, на самом деле находится далеко внизу, в трех тысячах метров под нами.

Разбудившая меня стюардесса приносит ужин на большом черном подносе. Выглядит она так, словно сошла с рекламного плаката французской авиакомпания: высокая, красивая, блондинка. Разговорившись с нею, я узнал, что еще восемь месяцев назад она работала ассистенткой на кафедре института психологии, брат ее — врач. Но ей хотелось во что бы то ни стало попасть в Париж, и она добилась этого, став стюардессой. Работать ей приходится только по 85 часов в месяц, и это вовсе не так страшно, как она себе представляла раньше. Вот, правда, недавно как-то сломался бензопровод, огнеопасная жидкость начала брызгать на корпус самолета, и экипаж очень боялся, как бы не загореться. Пришлось совершить вынужденную посадку в Найроби, в английской Кении, и прошло шесть дней, прежде чем за ними прислали другую машину. Эти шесть дней для молодой девушки из французской провинции стали самыми прекрасными в ее жизни. Вся команда самолета получила возможность разъезжать целыми днями на машинах по степи и любоваться свободно живущими львами и жирафами. Между прочим, этот полет у стюардессы — последний. Через пять недель у нее свадьба: она выходит замуж за одного парижского врача.

Мои соседи, два африканских депутата из Парижа, генерал и декан медицинского факультета в Бордо, встают со своих мест. Где-то далеко внизу замаячили маленькие красные огоньки. Самолет снижается и, как мне кажется, собирается опуститься прямо в море — колеса вот-вот коснутся поверхности воды. Но тут под них подсовывается прибрежный песок и сразу за этим — посадочная полоса, по которой наше крылатое чудовище с шумом катится еще некоторое время, пока не останавливается совсем. В Дакаре — самый красивый и современный аэропорт, который мне где-либо приходилось видеть во время этого путешествия, потому что французские аэропорты ведь почти все были разрушены во время войны и тогда еще не были отстроены.

Когда мы выходим, нас встречает громкая военная музыка. Белый щеголеватый лейтенант и три высоченных черных солдата в белоснежной униформе, украшенной золотыми позументами, и в высоких старинных красных фуражках застыли по стойке «смирно» возле качающегося трапа. Когда мы проходим мимо барьера, за которым почтительно застыли пять рослых черных солдат с кривыми саблями наголо, держа их

перед самым своим лицом, публика аплодирует. Но вся эта церемония устроена, разумеется, не ради нас, а ради генерала, который прибыл из Франции в этом же самолете.

Большой дребезжащий автобус доставляет нас далеко за город, в уготованное нам пристанище — каменные бараки, снабженные, однако, водопроводом и душевыми. Все очень примитивно, но чрезвычайно чисто; окна даже затянуты марлей от мух. Правда, двери почему-то не запираются. Но номер в городском отеле стоит, говорят, бешеных денег. Дакар — большой город с населением более 100 тысяч человек, из которых большая часть — африканцы.

Мы покупаем себе пробковые шлемы по 15 марок за штуку и отправляемся на поиски легкой тропической одежды. Однако здесь нас ожидает неудача: мы, оказывается, слишком длинные для здешних мест. (Может быть, именно поэтому нас так упорно принимают за англичан.) Брюки достают нам только до середины голени. А что касается ботинок местного производства, то они тоже по крайней мере на пять сантиметров короче наших ступней... В каждом магазине, в который мы входим, нам почему-то первым делом предлагают сигареты...

В Дакаре есть нечто вроде зоопарка. Я сажусь в такси и качу по гладкой новой асфальтированной дороге, идущей вдоль побережья, мимо пивоварни под названием «Газель», мимо фабрик, и добираюсь наконец до большого зеленого массива. Шофер требует с меня за ожидание здесь 500 колониальных франков (12 марок), а поскольку с деньгами у нас негусто, я его отпускаю. В небольшом закутке парка расположены вольеры с животными. Тут мне и пришлось увидеть первых двух львов в Африке. Но посетителей что-то не видать: место это расположено слишком далеко от города и добраться сюда сложно. После того как я полюбовался еще и двумя гиенами, марабу, антилопой и маленьким шимпанзе на цепочке, а также дикобразом и африканской виверрой, я захотел вернуться назад, в город. Но как? Такси здесь нет, телефонов — тоже. Сопровождаемый удивленными взглядами грифов, сидящих повсюду на деревьях, я плутаю по парку, пока не обнаруживаю наконец маленькой сторожки и в ней двух служителей зоопарка.

Один из них оказался корсиканцем, живущим уже два года в Африке. Нет, он не в восторге. Почему сюда приехал? Да потому, что не мог найти работы во Франции. Достать здесь такси? Да что вы — это абсолютно безнадежно!

Из вежливости он все же несколько раз пытается дозвониться в диспетчерскую по вызову такси — разумеется, тщетно.

Я сижу час, второй и с удовлетворением замечаю, что начинаю действовать ему на нервы. Наконец он не выдерживает, выбегает на шоссе, останавливает одну машину за другой и уговаривает кого-то забрать меня с собой.

Потом, когда мы с Михаэлем уже сидим в ресторане, к нашему столику подходит молодая дама, у которой лоб и верхняя губа густо усеяны капельками пота. Оказывается, она услышала, что мы говорим по-немецки, и решила с нами побеседовать. Родом она из Саарской области, школу окончила в Данциге. Вот уже два года как замужем за очень славным французом. Прежде жила несколько южнее — в Абиджане (как раз там, куда мы направляемся), и довольна тем, что перебралась в «более прохладный» Дакар. В прошлом году она родила в Абиджане своего первенца с помощью африканских акушерок. Родители ее не решаются выбраться из Саарской области даже в Касабланку, боясь, что «в Африке слишком жарко».

— Что только люди в Европе себе не воображают об этой Африке! Просто смех, да и только! В Касабланке, ей-богу, не жарче, чем на Ривьере!

Я нанимаю комичную повозку, которой здесь пользуются африканцы. Это двухколесная таратайка на автомобильных шинах, в которую впрягается тощая лошадедка. Зато к козлам прилажен огромный клаксон, которым черный кучер непрерывно пользуется. Под такой неистовый аккомпанемент я подъезжаю сначала к Институту Черной Африки, чтобы навестить профессора Монода, а затем и к ультрасовременному зданию Пастеровского ветеринарного института, где меня радушно встретил мой коллега профессор Морнэ.

На другой день нам пришлось соскочить с постели в 5 часов утра. Однако в семь мы еще не вылетели, и, когда начали выкликать по фамилиям пассажиров, нас в списке не оказалось... Испуганно я бегу к служащим аэропорта, но они меня успокаивают, что мы полетим следующим рейсом, через полчаса, в самолете, вылетающем из Дакара в Абиджан — к конечной цели нашего путешествия. Правда, оттуда нам предстоит еще проехать пару сотен километров по железной дороге, ведущей сквозь девственный лес внутрь страны, до городка Бваке, где и живет господин Абрахам, пригласивший нас к себе погостить.

Вполне спокойно я наблюдаю за тем, как оба наши чемодана, которые я сдал в багаж, загружают в первый самолет,

отлетающий в Абиджан, они прилетят туда на полчаса раньше нас — какое это имеет значение? Но по мере того как самолет с нашими вещами исчезает вдали, меня все больше начинают одолевать сомнения... а точно ли следующий самолет через полчаса прибудет в Абиджан? И, к своему ужасу, узнаю, что вылетает-то он через полчаса, но делает огромный крюк вокруг почти всей Западной Африки, через Сенегал, Судан, Французскую Гвинею и прилетает в Абиджан только через 10 часов. Вот это номер! Причем выясняется, что он даже совершает промежуточную посадку в городе Бваке, в то время как во Франкфурте представители «Эр Франс» меня уверяли, что с городом Бваке нет никакого воздушного сообщения.

Итак, мы наконец летим над настоящей Африкой.

Серые высушенные степи с одиночными деревьями и кустами. От крытых соломой хижин африканских деревень, словно перепутанные между собой паучьи ножки, разбегаются во все стороны пешеходные тропинки. Каждая такая «ножка» цепляется за следующую, ведущую из соседней деревеньки, и таким образом все они соединены меж собой. Правда, иногда я обнаруживаю деревни, тропинки из которых, разбегаясь в разные стороны, ведут в никуда. Человеческие поселения без какой-либо связи с внешним миром... А в течение часа, следовательно над пространствами протяженностью в сотни километров, мы летим, не встречая вообще никаких троп и никаких хижин.

В тех местах, где виднеются поселения, неизменно можно заметить обрамляющие их обширные равнины, зияющие чернотой. Иногда по узкой красной каемке такого пятна можно понять, что оно горит.

Повсюду поднимаются к небу столбы серого дыма, который на высоте свыше двух тысяч метров (это внизу под нами, потому что наш самолет летит еще выше) сливается в неподвижную угарную завесу. Ее пересекает яркая, удивительно синяя горизонтальная полоса. Явление, которое я совершенно не в состоянии объяснить. И хотя поджог степей здесь запрещен, куда ни кинешь взгляд, повсюду горит или только что горело...

Мой сын проникает в кабину пилота, втискивает длинные ноги штатива своего киноаппарата меж ног летчика и радиста и приступает к съемке. Дело в том, что мы как раз начали снижаться над городом Каес в Мали. А у нас в то время была

еще столь несовершенная киноаппаратура, что заснять что-либо с воздуха удавалось только во время взлета и посадки.

Машина наша кружит над городом, под нами проплывают церковь, теннисные корты, казармы, несколько прямых улиц, застроенных каменными домами, а затем — предместья с тесными запутанными закоулочками — жилища местной бедноты. За три часа мы одолели расстояние от Дакара до Каеса, а это как-никак 1200 километров! Вообще-то сюда можно добраться и по железной дороге, узкоколейке, по которой ходит даже дизель-электровоз со спальными вагонами. Но тогда поездка займет (согласно расписанию) 29 часов, а в действительности зачастую и гораздо больше.

Когда стюард открывает двери самолета, у меня такое ощущение, будто я попал в духовку. В маленьком ресторане аэропорта нам сервируют завтрак, и поскольку мы еще не привыкли к жесткому, непрожаренному африканскому мясу, то великодушно уступаем его двум породистым щенкам, которых два фермера захватили с собой из Франции. Мы сидим и наблюдаем, как эти смешные, неуклюжие псинки делают свои первые неуверенные шаги по горячей красной африканской земле.

Дальнейшая поездка занимает у нас целый день, потому что самолет то и дело совершает промежуточные посадки: Бамако на берегу Нигера, затем Бобо-Диуласо и, наконец, Бваке. Здесь самый малюсенький аэродром, который мне когда-либо приходилось встречать. Это, собственно говоря, даже не аэродром, а частная посадочная площадка фермерского спортклуба, построенная для двух ярко-желтых длинноногих самолетиков.

Разумеется, мы решаем сразу же остаться в Бваке, а не лететь дальше до Абиджана, до которого у нас взяты билеты и куда отправлен наш багаж. Огорчительно только то, что господину Абрахаму напрасно пришлось поехать нас встречать на побережье в Абиджан, да притом за 300 километров по ухабистой проселочной дороге. Он ведь думал, что мы прилетим именно туда. Поэтому дома его нет, и нам приходится волей-неволей въезжать в дом в отсутствие хозяина.

Нелегкая судьба постигла этого человека. Когда-то он жил во Франкфурте и ему принадлежал один из самых больших ювелирных магазинов на Кайзерштрассе; затем ему пришлось бежать из фашистской Германии, и он, подобно Синдбаду-мореходу, вместе с двадцатью неимущими беженцами, которых он содержал на свои средства, отправился в

кругосветное путешествие: из Италии в Южную Америку, затем в Кейптаун, на Маврикий и в Восточную Африку. Пока он наконец не осел здесь, в глубине Западной Африки, где и решил остаться навсегда. У него большой дом, сложенный из красного африканского камня, утопающий среди куш бугенвилей, один из наиболее красивых и чистых домов этого городка.

Когда мы подъехали к дому и начали выгружать свою аппаратуру, вокруг собрались зеваки из местных жителей. Мой сын смущенно подталкивает меня: «Смотри, папа...» Он еще не привык видеть обнаженных до пояса молодых девиц и женщин. Но ничего — скоро привыкнет и перестанет обращать внимание.

Женщинам здесь живется совсем иначе, чем у нас. Жениться может только тот, у кого есть деньги и кто в состоянии «купить» себе жену. Стоит она от 25 тысяч до 50 тысяч колониальных франков, да еще в придачу несколько овец. Цена варьирует — в разных местах она разная. Деньги эти выплачиваются тестю. Но ни один африканец не скажет вам, что «купил» свою жену. Он будет говорить только о «dothe» (приданом). Однако интересно (и необычно для нас), что это приданое жених не получает, а, наоборот, платит. Но ведь, в конце концов, у нас никто не говорит, что зажиточные люди «покупают» своим дочерям мужей, хотя они и платят им приданое, во всяком случае в прежние времена платили. А здесь, пока жена не оплачена, дети принадлежат родителям жены.

В первое время мы никак не могли привыкнуть к такой картине: муж, глава семьи, беспечно идет с пустыми руками по улице, а три или четыре его жены, тяжело нагруженные, каждая с мешком кофе на голове, следуют за ним. Некоторые еще и с ребенком на спине в придачу. Тем не менее женщины здесь далеко не бесправны — в этом нам предстояло очень скоро убедиться.

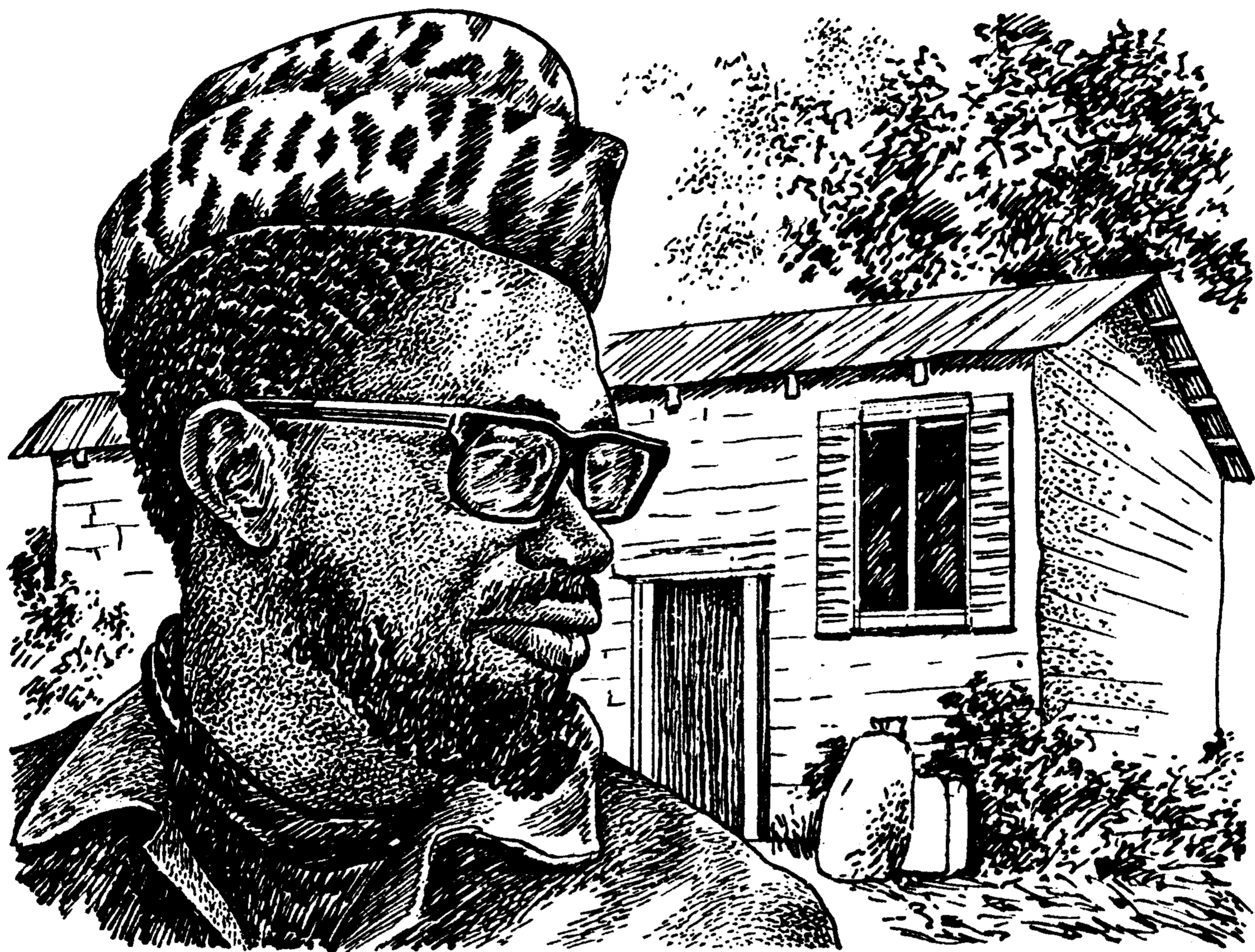
Только спустя три дня после нашего приезда господин Абрахам вернулся назад из Абиджана. Дорогой его изрядно растрясло, и настроение у него, прямо скажем, неважное после такой зряшной поездки...

Да и у нас день ото дня становилось беспокойнее на душе. Ведь весь наш багаж, включая коробки с киноплёнкой, находится где-то в Абиджане, и что-то не похоже, чтобы нам собирались его прислать. На все мои телеграфные запросы — никакого ответа. Спустя пять дней представитель авиакомпа-

нии мне смущенно поведал, что «еще ни разу не получал из Абиджана ответа на телеграфный запрос»... Если я надеюсь когда-либо получить назад свои чемоданы, то должен сам полететь к побережью и на месте все уладить.

Мы ревизуем содержимое нашей скромной дорожной кассы, и я лечу в Абиджан, что занимает целых три дня. Но вот наконец все наши манатки при нас, и мы готовы в дальнейший путь.

Глава вторая

В ГОСТЯХ У АФРИКАНСКОГО ПРАВИТЕЛЯ

Африканцы племени бауле, в страну которых мы как раз и отправляемся, испокон веков обитали в районе Золотого Берега. Но затем их оттуда прогнало более сильное, воинственное племя. Во время их бегства с насиженных мест им преградила путь широкая река Комозэ с кишашими в ней крокодилами. Вместе с женами, детьми и скотом люди племени бауле жались к берегу и не знали, как им поступить. Их преследователи были уже совсем близко. Тогда они обратились к своим жрецам, так называемым марабутам, за советом. Эти мудрые мужи в свою очередь запросили совета у богов и получили следующий ответ: племя должно пожертвовать богам младенца королевской крови.

Смущенно переглядывались родовитые бауле, а отчаявшийся народ застыл в немом и мрачном ожидании своей участи: никто не смел роптать, потому что в те времена короли и вожди племен еще имели неограниченную власть над жизнью и смертью своих подданных. Любого из них они могли безнаказанно искалечить или обезглавить. Когда авангард преследователей уже стал приближаться, молодая женщина королевского рода, по имени Аура Поку, схватила

своего двухлетнего сынишку и со словами: «Если наши мужчины так трусливы, это сделаю я!» — швырнула его в самую гущу крокодилов.

В ту же ночь началась страшная гроза, и буря повалила два огромных дерева, стоявших на берегу. Кроны их уперлись в противоположный берег, поскольку деревья в этой местности зачастую достигают сорока и даже семидесяти метров в высоту. Всю ночь люди племени бауле перебирались по этим «мостам» на спасительный берег, перенося на себе свой скарб, детей и коз, перетаскивая за рога баранов. Таким чудесным способом им удалось спастись и приобрести новую родину, а именно Берег Слоновой Кости, который они с тех пор и населяют.

После того памятного события, о котором вам и сегодня еще расскажет любой бауле, этим племенем правили исключительно только одни королевы, а не короли, потому что Аура Поку вскоре после своего героического поступка была избрана королевой. Постепенно же государственная власть приходила в упадок, и к моменту прихода белых здесь практически оставались уже одни только деревенские старосты да кантональные вожди.

К такому вот Chef de Canton, месье Жану Куадью, мы с Михаэлем как раз и направляемся. Я познакомился с этим сорокалетним по-европейски одетым африканцем в Бваке, и он пригласил меня посетить его в деревне. В подвластном ему районе водятся бегемоты, и он поможет мне их разыскать. Взаимная симпатия возникла между нами с первого же знакомства.

Куадью — высокое начальство, ему подчиняется 96 деревень с 76 тысячами жителей (это нечто вроде ландрата — начальника округа у нас дома), но одновременно он является и мировым судьей, который до недавнего времени, когда все местные жители получили французское гражданство, вершил суд над жизнью и смертью своих подданных. Он владелец фактории, у него несколько грузовиков и две легковые машины.

На мощном грузовике, предоставленном в наше распоряжение господином Абрахамом, мы проезжаем 70 километров по проселочной дороге и наконец добираемся до местечка Беуми. Куадью встречает нас весьма радушно перед входом в свой простой, сложенный из необожженных кирпичей дом, построенный, однако, в совершенно европейском стиле. Он ничем не огорожен и расположен прямо среди глинобитных хижин деревенских жителей. Хозяин угостил нас с дороги холодным, со льда, пивом, которое достал из холодильника. Такие холодильники здесь можно встретить почти у всех белых,

а в близких к цивилизации местностях — и у состоятельных черных. И, несмотря на то что они работают на керосине, эти холодильники выглядят вполне модными, точно такими, какими мы их привыкли видеть у себя в Европе: белые, эмалированные, с хромированными ручками. Подобный «чудо-шкаф» — ни с чем не сравнимое благо в условиях тропической жары, потому что благодаря ему всегда можно раздобыть кусочки льда для различных напитков.

В столовой на стене яркими красками нарисована Матерь Божья. Куадью — католик, так что у него только одна жена. Она молода, домовита и гостеприимна. Зовут ее Мария. Удивлена, что моему сыну Михаэлю, который с меня ростом (такой же длинный), всего 16 лет. Она приводит своего деверя, затем других своих родственников и их детей, и каждый из них обязательно должен встать «спина к спине» с Михаэлем, что неизменно вызывает бурю восторга и удивления.

— Неужели все немцы такие высокие? — спрашивают меня. — И ваша жена тоже?

Белые люди, общаясь с черными, обычно стараются убедить себя в том, что в чем-то их превосходят. Но в случае с Жаном Куадью этого никому бы не удалось. Редко можно встретить более порядочного, благоразумного и душевного человека, может быть, даже слишком душевного для властителя над такой оравой людей. Он и его жена Мария воспитывались в миссионерской школе. Куадью показал мне большие фотографии, на которых он запечатлен в момент, когда получает благословение Папы Римского. На снимке он изображен в старинной тяжелой золотой короне, которую у себя на родине, по всей вероятности, уже никогда не надевает.

— *C'est difficile detre un bon catholique* — трудно быть настоящим добрым католиком, — говорю я, и он серьезно кивает мне в ответ.

Как мне потом рассказали, он после смерти своей первой жены решил жениться на девушке, которую любил. А поскольку она была из неродовитой семьи бауле, начались всякого рода трудности, препирательства с представителями знати и недовольство подданных.

Все его подопечные — фетишисты. Это значит, что они поклоняются множеству старых туземных богов, а не одному Богу. А все эти христианские миссии, французские католические ордена, протестанты, американские миссии, баптисты и невесть еще какие оттенки христианства, которые конкурируют меж собой, а порой даже вступают в непримиримую

борьбу, имеют весьма малый успех на этом континенте. Все шире распространяется здесь ислам. Он больше соответствует старым туземным обычаям, потому что не требует моногамии, а позволяет иметь нескольких жен. Торжественная молитва, произносимая пять раз в день на коленях и обращенная в сторону обетованной Мекки, больше импонирует африканцам. Мне кажется, что и запрещение Магомета употреблять спиртные напитки благотворно скажется на здоровье местного населения. Ведь мы, белые, в этом отношении показываем им отнюдь не благовидный пример...

У Куадью имеется прекрасный большой радиоприемник со множеством каналов, который, как я выяснил, к сожалению, не работает. С этим я встречался в подобных местах достаточно часто. Объясняется это тем, что электричества здесь все равно что нет, а батареи, как правило, быстро садятся. Пока игрушка нова, аккумуляторы в течение первых недель и месяцев еще перезаряжают, но потом это надоедает, да к тому же посылать их с какой-нибудь попутной машиной, иногда за сотни километров, довольно дорогостоящее удовольствие! Зарядка автомобильного аккумулятора, например, обходится в 20—25 марок. Однажды я повстречал в Африке одного механика, проработавшего прежде пару лет на дирижабельной верфи возле Бодензее, в Германии, и поэтому говорившего немного по-немецки. Он устроился здесь как нельзя лучше: установил в маленькой будочке старый бензиновый мотор от американской сенокосилки и по два-три раза в день подключал и отключал аккумуляторы. В основном же он просиживал целыми днями в ресторане, так что доходы от своей содержательной деятельности он получал, по-видимому, вполне удовлетворительные...

Куадью показал мне фотографии двух своих взрослых сыновей от первого брака. Оба они учатся в Париже — один получает юридическое образование, другой — медицинское. Африканцы, успешно сдавшие экзамены в местной школе, пояснил он мне, имеют возможность за счет правительства получать высшее образование во Франции.

После обеда мы сидим под сенью раскидистой кроны огромного дерева, стоящего посреди деревни, и пьем банги. Это что-то вроде деревенских «посиделок». Банги — пальмовое вино, прозрачное и пенистое, чем-то напоминающее пиво, впрочем, очень приятное на вкус, особенно когда его только что достали из холодильника. А поскольку европеец в Африке непрерывно потеет, то пьешь гораздо больше обычного. Так и с этим банги: пьется оно легко, и не замечаешь, как пьянеешь. До-

бывается это вино из определенного вида пальм. Ствол их надрезается, а сок по длинным деревянным трубкам, привязанным к стволу, стекает в подставленные сосуды. За несколько дней пальма «истекает кровью» и погибает. А качество банги меняется в зависимости от дня, в который оно было собрано. Добыча пальмового сока вообще-то запрещена, однако повсюду нам встречались эти высокие высохшие стволы пальм, без листьев, снизу тонкие и раздутые посередине, с все еще привязанными к ним деревянными трубками... Этому виду пальм в местностях, расположенных вблизи африканских деревень, по-видимому, скоро суждено вымереть.

Вместе с нами под деревом сидят братья и родственники Куадью; поверх их обнаженных черных тел накинута лишь красочная накидка из домотканой материи, белые в синюю полосу, и по кругу ходит так называемый калемас — чаша из высушенной оболочки плода, напоминающего тыкву. Я поинтересовался, почему у одного из родственников хозяина забинтованы обе ноги.

— А у него лепра, проказа, — пояснили мне самым безмятежным тоном, и наша беседа потекла дальше как ни в чем не бывало.

Неподалеку от нас топчется в нерешительности молодая женщина. Я заметил, что ей явно хочется поговорить с кантональным вождем, но она не решается, видимо, стесняется нас. Мне пояснили, что это жена, которая хочет развестись со своим мужем, потому что он ее бьет. Послезавтра должно состояться судебное разбирательство, но она уже заранее пришла сюда из своей деревни, чтобы поговорить с кем нужно и склонить общественное мнение в свою пользу.

Женщина здесь совсем не обязана покоряться мужниному произволу. Она имеет право уйти от своего супруга, если в течение двух лет женитьбы не забеременеет и не родит ребенка. Может она его покинуть и в том случае, если он не считается с ее «тотемным животным» и ест в присутствии жены блюдо, изготовленное из какого-либо животного, считавшегося в доме ее родителей священным и неприкосновенным. От такого нечестивца тоже разрешается уйти. Разумеется, родителям в подобных случаях приходится возвращать незадачливому зятю выкуп, который он уплатил за их дочь. Но это в свою очередь далеко не всем родителям по душе. Поэтому чаще всего они заинтересованы в том, чтобы сохранить брачные узы дочери и не допустить развода, даже если зять слишком стар или не в меру груб. В прежние времена, даже еще не так давно, браки

закреплялись старейшинами рода. При этом половина выкупа за невесту вносилась из общинного фонда, а другую половину должна была вносить ближайшая родня жениха из собственных средств. С тех пор как покончено с междоусобными войнами и отпала необходимость держаться скученно, своим кланом, отдельные семьи стали дальше разъезжаться друг от друга и обрабатывать уже индивидуальные участки. А прежде вся деревенская община обрабатывала одно поле, принадлежащее всем. Урожай предводитель общины делил затем между отдельными семьями по своему усмотрению. В наше время молодые люди имеют возможность уходить на заработки, на плантации и, накопив денег, покупать себе жен по собственному вкусу, не считаясь с родней. При этом они видят в кино, что браки заключаются по любви. Однако нельзя сказать, чтобы браки от этого стали счастливее. Сплошь и рядом узнаешь здесь о трагических любовных историях, разыгрывающихся между негритянскими Ромео и Джульеттами, ничем не уступающих нашим знаменитым европейским драмам...

Так, мой гостеприимный хозяин Абрахам рассказал мне историю, как однажды к нему на грузовик попросилась компания из восьми или десяти разгневанных родственников, которые как раз изловили такую убежавшую из дома молодую жену и, вырвав ее из объятий любовника, увозили назад к ненавистному мужу. В операции принимали участие и жадные родители беглянки. Несчастную девчонку связали веревками, она орала во всю мочь, рыдала и ругалась, но была абсолютно беспомощна. Господину Абрахаму от души было жаль несчастную. И вот, когда милые родственнички попросили остановить машину, чтобы удалиться по нужде в кусты, он незаметно перерезал ножом веревки, стягивавшие руки и ноги беглянки. С быстротой лани та соскочила с машины и кинулась бежать к лесу, а родственники, вопя и чертыхаясь, бросились ее догонять. Что же касается Абрахама, то он побыстрее дал газ и оставил эту теплую компанию в лесу, тем более что деньги за дорогу ему были уплачены вперед...

Я не знаю, развел ли мой друг Куадью тогда ту молодую женщину из Беуми с ее супругом. Но мне кажется, что эти африканские деревенские суды судят, как правило, вполне справедливо и разумно. Хотя бы уж потому, что действуют не торопясь, во всех подробностях разбираясь в каждом отдельном случае и предоставляя возможность высказаться каждому желающему выступить по данному делу. Это не то что в наших

судах, где за одно утреннее заседание рассматривается до полудюжины гражданских дел...

В каждой деревне существует два выходных дня: один — настоящий, как у нас воскресенье, и один — «день суда», когда тоже не работают. В такие дни с утра до вечера идут судебные разбирательства, выслушиваются прения сторон; часто это происходит в просторном здании, построенном специально для этих целей. Суд у кантонального вождя — это вторая инстанция. Разбор более сложных случаев, вроде убийств и покушений, остается привилегией правительственных судов, если только место преступления не находится слишком далеко, в «глубинке», и улаживается самими аборигенами меж собой. Поэтому на долю деревенских и районных (кантональных) судов выпадают обычно такие гражданские дела, как супружеские измены, разводы, оспаривание границ между соседями. В соответствии с нормами африканского обычного права за непреднамеренное убийство полагается платить денежный штраф, в случае намеренного убийства родственники убитого обязаны сами выследить убийцу и прикончить его. Притом ответственность за убийство несет не только сам преступник, но и вся его родня. Самоубийство тоже рассматривается как убийство, и родственники самоубийцы обязаны платить за это серьезные штрафы.

Шеф Куадью обещал отвезти нас на грузовике в глубь страны, туда, где расположены такие деревни бауле, которых еще не коснулась цивилизация. Нам рассказали, что там водятся бегемоты, и обещали их показать. Но неторопливая беседа под деревом явно затягивается, всех приятно разморило под действием пальмового вина «банги», и никто и не думает отправляться за грузовиком. Когда мы вежливо намекаем, что пора, мол, собираться в дорогу, то, к величайшему своему удивлению, узнаем, что наш любезный хозяин вовсе не собирается нас так скоро отпускать, он хочет оставить нас у себя ночевать, более того, он готов уступить нам свои собственные постели, а еще лучше, если мы согласимся погостить у него пару дней...

Вот так всегда в Африке. У людей есть время, они никуда не торопятся, и благодаря здешнему гостеприимству можно было бы недели и даже месяцы проводить в гостях, переезжая из одного дома в другой, пользуясь любезными приглашениями хозяев. Но у нас времени в обрез. Мы благодарим, отказываемся, извиняемся и наконец уже сидим в громоздком грузовике «камьон» и катим по узкой пыльной проселочной дороге. На дороге этой почти не заметно движения. Куадью

едет с нами. Он захватил с собой нескольких провожатых и четыре охотничьих ружья. Он собирается познакомить нас с несколькими деревенскими старостами, а те уже в свою очередь будут передавать нас «из рук в руки» следующим, с соответствующими рекомендациями. И так на всем пути, от деревни к деревне, пока мы не доберемся до самых глухих местностей, где никогда не видели ни пробкового шлема, ни солнцезащитных очков.

За рулем всех грузовиков здесь (чаще всего это «ситроены» или американские) обычно можно увидеть африканских водителей. Но вот что интересно. В обязанности шофера входит только одно: крутить баранку и больше ничего. Для всех же остальных, более грязных и неприятных дел, связанных с машиной, у него всегда с собой два или три подручных, так называемых «apprentis» — учеников. Ведь и у африканских ремесленников, таких как резчики по слоновой кости или по дереву, ткачи, кузнецы, с незапамятных времен полагается от шести до семи лет ходить в учениках, прежде чем стать профессионалом. Это правило перешло теперь и на такие «модные» профессии, как, например, вождение автомобиля. Так, эти грузовики марки «камьон» можно остановить с помощью тормоза только при включенном моторе. Если же машина идет под горку на холостом ходу, то при каждой остановке подручные должны спрыгивать на землю и подкладывать под колеса здоровенные брусья. В их же обязанности входит вести предварительные переговоры с пассажирами, желающими поехать в грузовике. Но только — предварительные. Последнее слово остается за шофером, и, если сделка состоялась, он же получает с пассажиров деньги. Подобные переговоры с пассажирами зачастую затягиваются — обе стороны отчаянно торгуются, и именно по этой причине по африканским дорогам продвигаешься ужасающе медленно. К тому же еще и скорость, с которой здесь передвигаются грузовики, равняется примерно 40 километрам в час. Сколько раз мы проклинали эти непрерывные посадки и высадки попутных пассажиров в каждой придорожной деревне и нескончаемую торговлю с ними относительно стоимости проезда!

День клонится к вечеру. Мы едем по бесконечной красной пыльной проселочной дороге, ведущей то вверх, то вниз. Испуганные земляные белочки во весь дух скачут перед самыми колесами нашей грохочущей махины, пока не сообразят наконец соскочить на обочину и скрыться в придорожном кустарнике. Точно так же ведут себя у нас дома, в Европе, дикие

кролики. Здесь, между прочим, дикие кролики тоже встречаются. Однажды дорогу нам пересекла змея — словно черная лента, просвистела она прямо по воздуху. В другой раз метровый варан поспешно бросился прочь от нашего тарахтящего чудовища. Это каждый раз вызывает ужасный переполох и крик. Шофер в таких случаях моментально тормозит, и все соскакивают, стараясь поймать убегающее животное.

Так и сейчас. Я спрыгиваю первым и пытаюсь схватить удирающую огромную ящерицу за хвост. Но она ускользает от меня и исчезает в непролазном кустарнике. У подбежавших ко мне черных попутчиков разочарованные лица. Но цели у нас были разные: мне варан нужен был живым, им же — для еды. Каждое дикое животное здесь съедается, включая термитов, мышей и ящериц. Когда шоферу удается задавить какую-нибудь живность, это встречается ликующими возгласами пассажиров.

Зато по отношению к домашним животным водители, как правило, проявляют трогательную осторожность. Мне ни разу не приходилось видеть, чтобы здесь задавили козу, овцу, курицу или собаку, хотя они и очень часто выбегают на проезжую часть дороги.

Как-то, когда мы проезжали очередную деревню, на самой середине дороги уселся хорошенький щенок, которого невозможно было согнать с облюбованного им места никакими

душераздирающими гудками. Тогда наш водитель резким рывком (от которого я срываюсь с места и падаю прямо на колени сидящей напротив меня черной матроны) останавливает машину, вылезает и относит упрямую собачонку в сторонку. Кстати, на обратном пути нам в той же деревне повстречался тот же щенок, разлегшийся на своем излюбленном месте. Интересно, сколько раз за прошедшие за это время дни озабоченным водителям пришлось оттащить к обочине этого маленького глупышку? Причем мне объяснили, что делается это не столько из любви к животным, сколько из нежелания нанести ущерб чьей-либо собственности.

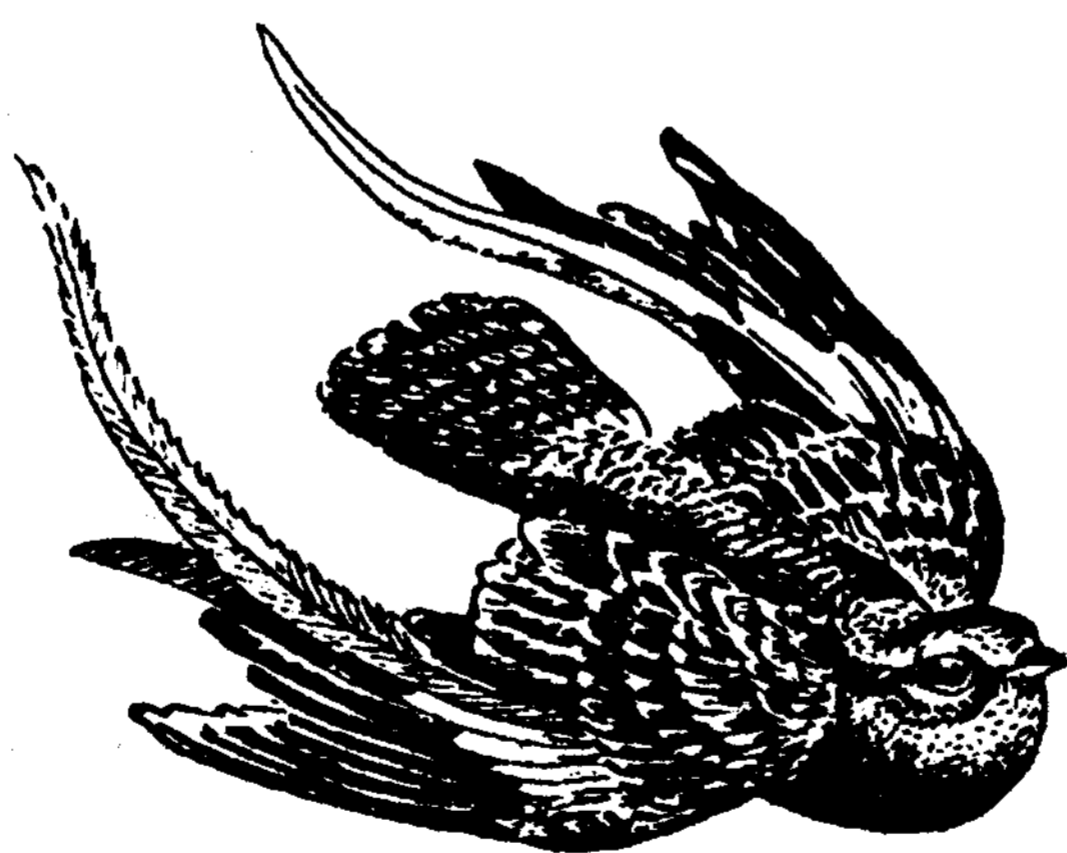
(Приведу справку. В американском штате Вирджиния за один год было задавлено на дорогах 10 000 собак, 11 600 кошек, 10 800 кроликов, 10 000 енотов и 4 скунса. Целиком во всех штатах за один только 1960 год автомобилями было задавлено 41 311 оленей. На самом же деле их могло быть вдвое или даже втрое больше, потому что страхованию подлежат лишь повреждения, оцениваемые свыше ста долларов. А цифры эти взяты из статистики страховых компаний. В тот же год там погибло сорок человек в результате столкновений автомашин с дикими животными, перебежавшими дорогу. Что касается ФРГ, то у нас тоже всего лишь за девять месяцев 1953 года было зафиксировано 6499 несчастных случаев, происшедших на дорогах по вине животных. В противоположность этому в Африке редко можно увидеть на дороге раздавленное животное. Кроме разве что змей. Большинству туристов в Африке удастся увидеть змей именно только в раздавленном виде, хотя перед поездкой их особенно запугивали возможными нападениями ядовитых змей... Разумеется, по африканским дорогам разъезжает значительно меньше машин, чем по европейским и американским. А поскольку дороги эти далеко не так хороши и удобны для езды, как наши, то и ездят по ним в большинстве случаев на грузовиках и вездеходах, не развивающих здесь обычно больших скоростей. Легковым машинам по таким дорогам тоже не приходится мчаться с оголтелой скоростью. Однако это не дает еще полного объяснения тому факту, что на африканских дорогах почти не встретишь раздавленных животных. Скорее всего это объясняется тем, что во многих частях Африки, где белковое голодание населения чрезвычайно велико, каждое задавленное съедобное животное забирают с собой. Но главная причина все же, видимо, кроется в том, что в Африке с наступлением темноты никто не ездит на автомобилях. Каждый старается к семи часам вечера попасть

домой. А в богатых дичью национальных парках езда на машинах в темноте вообще строжайше запрещена.)

Смеркается здесь обычно ровно в половине седьмого. Вот и сейчас начинают сгущаться сумерки, и перед самым носом нашей машины взлетают какие-то странные птицы, до того лежавшие плашмя посреди дороги. В каких-нибудь десяти метрах от колес они вспархивают, мечутся в свете фар из стороны в сторону, а затем, трепеща крыльями, пролетают над самыми нашими головами и исчезают.

Почему они для своего ночлега выбирают именно дорогу, мне не совсем понятно. Может быть, она дольше сохраняет тепло после захода солнца? А может быть, на гладкой, голой поверхности труднее подкрасться различным мелким хищникам? Кто знает. Во всяком случае я наугад ловлю рукой в воздухе, и на самом деле мне удается схватить одну из этих птиц. Жаль только, что от удара об обшивку она оказалась уже мертвой. По виду птица напоминала ночную ласточку, нечто похожее на нашего козодоя. Поскольку она мне совершенно ни к чему, я шутки ради тихонько засовываю ее в карман спящему Михаэлю. Мои африканские попутчики смеются над этим до упаду — шутить здесь любят и веселятся от души.

А машина наша тем временем, грохоча и подпрыгивая на кочках и ухабах, катит дальше в ночь, в глубь страны бауле.

Глава третья

МИРНЫЙ ДОКТОР ИЗ ЕВРОПЫ БЕЗ ОРУЖИЯ

На другой день наш грузовик останавливается на узкой едва наезженной боковой дорожке. Мы вместе с нашими провожатыми вылезаем, выстраиваемся гуськом (Михаэль, разумеется, во главе колонны) и идем прямо через степь, мимо куртин и термитников по одной из протоптанных веками троп Африки, замысловатую сеть которых мы наблюдали еще с самолета. К вечеру мы добираемся до низины, в которой раскинулась большая африканская деревня: беспорядочное скопление соломенных крыш, нахлобученных на прямоугольные глиняные домики. Издали их можно принять за обычные европейские, но они без окон.

Первыми выбегают навстречу ребяташки. Потом нас обступает толпа из мужчин и женщин, что-то возбужденно восклицающая на непонятном нам языке бауле. Несколько пожилых мужчин подходят к Куадью (который все еще с нами) и радостно трясут ему руку.

Нас ведут по деревне. Голые, утопанные дворики между хижинами чисто выметены, повсюду стоят большие, выше человеческого роста, резервуары из глины, напоминающие огромные пузатые вазы, покрытые крышами из тростника.

Они служат для хранения зерна; здесь эти запасы недоступны для вредителей — грызунов и птиц.

Жители деревни, завидя нас, бросают свои костры, разведенные для приготовления ужина перед входом в их жилища, выбегают из-под крытых навесов и присоединяются к нашей группе. К сожалению, из их оживленных приветственных возгласов я не могу понять ни единого слова.

Нас заводят в нечто напоминающее большой двор, окруженный низкими, беспорядочно разбросанными строениями. Там нам предлагают сесть (для этой цели у нас с собой захвачено два складных стула), а для третьей «уважаемой персоны», шефа кантона Куадью, приносят резной стул, но не обычный, африканский, совсем низенький, высотой не более 10 сантиметров, а нечто среднее между африканским и нашим обычным стулом. Михаэль (как вежливый молодой человек) вынуждает Куадью занять более высокий стул, а сам садится на его место. Жители деревни располагаются около нас полукругом: их здесь пятьдесят — шестьдесят человек; есть среди них и женщины, но детей почти нет. Зато дети, явно сгорая от любопытства, выглядывают изо всех щелей между домами и из-за углов. Время от времени мужчины прогоняют их недовольными окриками, но те возвращаются все снова и снова, пока старшим не надоедает обращать на них внимание, и тогда они, довольные, остаются насовсем. Все-таки это совершенно необычное для них зрелище — два белых человека, которые как будто бы даже собираются здесь заночевать!

Мужчины захватили с собой свои низенькие стульчики, на которых сидят, высоко подняв к подбородку колени, и молчат. Молчим и мы. Вся эта сцена освещена беспокойно мечущимися языками пламени костра, разведенного посреди чистого глинобитного дворика. Один из молодых парней бауле сдвигает с трех сторон сучья вершинами к середине так, чтобы все время горели одни только их концы. Замечательно простой и удобный прием, позволяющий регулировать пламя, чтобы оно во время приготовления еды постоянно оставалось одинаковой высоты. Даже обидно как-то: мы, которые так много путешествуем, не додумались до такого удобного способа!

Я смотрю на часы: мы сидим уже двадцать пять минут в полнейшем молчании. Наклоняюсь к Куадью и тихонько спрашиваю его по-французски, что это все должно означать? Отчего это все молчат? «У нас, у бауле, так принято, — отвечает он мне. — Мы проделали нелегкий путь, устали с дороги и

должны сначала немного отдохнуть. Было бы невежливо сразу же засыпать нас вопросами».

Ну что ж, помолчим. Через некоторое время деревенский староста — «chef de village» обращается на языке бауле к Куадью. На вид я дал бы ему лет сорок, хотя и не уверен, потому что определить на глаз возраст африканца очень трудно. Куадью произносит в ответ длинную речь, из которой я понимаю только отдельные выражения, такие как «камера», «кинематограф», «фильм», «Германия», «Михаэль», «доктор», и еще несколько слов. Это иностранные слова, вошедшие в язык бауле из французского. Обмен репликами становится все оживленнее, в беседе участвуют теперь уже и старейшины рода — в основном почтенные старцы.

Куадью меж тем объясняет мне коротко по-французски, о чем идет речь. Он рассказал своим соплеменникам, что привез к ним в гости доктора из Европы с его шестнадцатилетним сыном. Что я не собираюсь ни вымогать у жителей деревни денег, ни склонять их к трудовой повинности, ни вербовать рабочую силу, не собираюсь я с ними и торговать. Я очень миролюбивый, достойный человек, никому не причиню ни малейшего вреда, и даже оружия у меня с собой нет. А те ружья, что мы привезли, принадлежат ему, Куадью, верховному предводителю кантона, и его черным спутникам. А европейский доктор не стреляет даже в животных. Это сообщение в свою очередь вызывает новые недоуменные вопросы. Неужели такое возможно? Даже по животным не стреляет? Ни на кого не охотится?

Многое можно понять и без переводчика по одному лишь выражению лиц, потому что различные чувства, к примеру, такие как радость, удивление, гнев, недоверие, презрение, и многие другие у всех людей выражаются совершенно одинаково, независимо от цвета их кожи. Более того, у нас схожее выражение лица и гримасы даже с дальней нашей родней — человекообразными обезьянами.

Потом Куадью достает из кармана путеводитель по Франкфуртскому зоопарку, который накануне у меня выпросил (к сожалению, у меня с собой был один-единственный экземпляр). Маленькая брошюра пошла по рукам, и многочисленные цветные фотографии в ней тщательно обсуждались. Особенно потрясающее впечатление произвел на всех снимок, на котором запечатлен служитель зоопарка, прогуливающий на цепочке взрослую львицу; и второй, запечатлевший служителя нашего слоновника, по фамилии Экк, в момент, когда он в

бассейне, в одних плавках, катается верхом на мощном самце-бегемоте, по кличке Тони. Нет, надо же! Удивление, недоумение, восторг. Я понял, что хотя местное население здесь и знает крупных африканских животных, однако и не допускает мысли о том, что их можно приручить.

Мой авторитет в глазах окружающих сразу же непомерно возрос: шутка ли сказать — мужчина, обладающий огромным состоянием — имением, где водятся слоны, львы, леопарды, шимпанзе, страусы и еще бог знает что!

Замечательно, что франкфуртский путеводитель по зоопарку все это документально подтверждает фотоматериалами. И куда бы я впоследствии ни попадал, впереди меня бежала молва как о человеке, укрощающем львов и катающемся верхом на слонах. Самолеты, автомобили и поезда импонируют этим людям значительно меньше, на них они и сами ездят. А вот на слонах...

Такие вот «беседы-смотрины» повторялись в каждой следующей деревне, а удивление и восхищение становились тем больше, чем дальше мы удалялись от цивилизации. Попадали мы и в такие захолустные места, где только отдельные пожилые люди вообще-то видели белого человека.

Часто во время наших долгих бесед с людьми племени бауле ко мне обращались с вопросом, правда ли, что в Либерии черные сами управляют своей страной, без белых. Во время этих бесед нужно старательно избегать слова «негр» — оно здесь воспринимается как оскорбление. Разговаривая между собой по-немецки, мы с Михаэлем тоже старались избегать этого слова, потому что по-немецки оно звучит почти так же, как по-французски.

Однако мне хочется подробнее описать нашу первую встречу с крестьянами племени бауле. Я заметил, что во время нашей беседы даже сам деревенский староста постоянно обращался как бы за одобрением или советом к почтенному старцу, одному из так называемых нотаблей (Notablen). По-видимому, он здесь служил наставником для доброй половины деревни. Его длинная редкая борода и даже брови были ослепительно белого цвета, что на черном лице выглядело весьма необычно; еще более удивительное впечатление производила белая растительность на его груди. Но в остальном он ничем не напоминал дряхлого старика: был мускулист и бодр. Я узнал, что он десятками лет трудился на плантациях южной части Берега Слоновой Кости, следовательно, на более обле-сенном берегу океана. Состарившись там, он решил вернуться

в свою далекую родную деревушку, поскольку каждый африканец сохраняет за собой «право прибежища» в том месте, где он родился. Он хочет дожить свои дни там, где впервые увидел свет. И, несмотря на то что он много времени проработал вместе с белыми, на нем не было ни малейшего намека на европейскую одежду: через плечо, на манер тоги, был переброшен домотканый платок, белый в синюю полоску. Старик был рассудителен, умудрен опытом и при этом достаточно приветлив.

Нашу уютную беседу внезапно прервала тощая девчонка, примерно четырнадцати лет, которая подошла и встала перед нами в чем мать родила. Заплетающимся языком она принялась что-то лопотать, а окружающие улыбаясь смотрели на меня, поскольку понимали, что я растерян и не знаю, что предпринять с этим несчастным существом. Куадью советует мне дать ей пару франков, что я охотно и делаю, и девчонка, слава тебе господи, кланяясь удаляется. Я вижу, как где-то сзади возникают родители, и деньги сейчас же переходят к ним.

Подобных «деревенских дурачков», пользующихся здесь, как, впрочем, и повсюду в мире, известной «свободой шутов», я и позже встречал неоднократно.

Затем один из парней приносит живую курицу и, преклонив колени, протягивает ее мне. Я беру ее в руки, а затем отдаю ему обратно. Так надо. Затем несчастному куренку сворачивают шею, и, после того как птица перестает дергаться, ее бросают в кипяток, бурлящий в черном котле, по форме напоминающем пушечный снаряд. После этого курицу ощипывают, потрошат, режут на части и варят вместе с «игнамом» — картофелеподобными клубнями. Конечно же, и это блюдо (как принято здесь одинаково у черного и белого населения) изрядно сдабривается «пиментом». Это нечто вроде красного перца, только стручки круглые, по форме напоминающие плоды шиповника. (Между прочим, свое первое знакомство с этими плодами мы с Михаэлем запомнили надолго. Сразу же после нашего приезда господин Абрахам, решив над нами подшутить, угостил нас этой чертовщиной, рекомендуя ее как «совершенно неподобный, вкусный африканский фрукт». Мы доверчиво откусили по кусочку, а потом плевались как бешеные и выпили не один литр воды, прежде чем сумели унять жуткое жжение во рту. Разумеется же, мы захватили с собой домой, во Франкфурт, несколько таких заманчивых и аппетитных на вид «фруктов» для подобных же шуток...)

Африканцы ужасно любят вести длинные, пространные беседы, притом не спеша, с участием множества собеседников. Но я должен заметить, что при этом они придерживаются вполне парламентских правил. Так, если кто-то из присутствующих хочет обратиться к какому-то определенному лицу, он не кричит через все помещение, а берет свой низенький стульчик, подходит к выбранному собеседнику, садится перед ним и вступает в негромкий разговор. Никто никогда здесь не орет, стараясь перекричать других, так что беседа не перерастает в беспорядочный шум.

Я попросил Куадью объяснить мне, как осуществляется управление деревнями. Угостив меня предварительно сигаретой, он не спеша поведал мне следующее. Сельский староста, «*chef de village*», который нас сегодня принимает, на самом деле только «вице-староста», заместитель. А настоящий «предводитель деревни», насчитывающей около 700 душ, уехал в другую деревню, где у него умер брат. Он должен привезти оттуда доставшихся ему в наследство четырех жен покойного. Подобное наследство отнюдь не удовольствие, скорее тягостный долг, потому что все эти жены — престарелые дамы, лет на двадцать старше «наследника», и он обязан позаботиться об их содержании.

Сельский староста — должность выборная. Однако человек, которого выбирают на это место, должен принадлежать к роду, ведущему свое начало от основателя данной деревни. Выбирают его главы отдельных родов. Если у такого главы рода имеются взрослые сыновья, которые уже сами в свою очередь имеют большие семьи, т. е. являются главами своих собственных семей, то такой человек вправе считаться старейшиной в деревне. Если сельский староста ведет себя не так, как положено, его можно переизбрать, назначив новые выборы. Ну что ж, это своего рода смешение демократии с феодализмом никак нельзя назвать неразумным!

Потом мы приступаем к еде. Но еда эта превращается в настоящий спектакль для присутствующих. Мы с Михаэлем достаем свои тарелки и приборы, а более сотни внимательных черных глаз молча провожают каждый кусок, который мы отправляем в рот. Ужасно неудобное положение — мы чувствуем себя так, словно сели есть в витрине магазина прямо среди людной площади. Но такая же история повторяется затем во всех без исключения деревнях, которые мы посещаем на своем пути, и, чем дальше от цивилизации, тем больший интерес и удивление вызывают эти «показательные трапезы».

Правда, скоро мы перестаем замечать зрителей и смущаться. Ведь морским слонам у нас в зоопарке, в конце концов, приходится отнюдь не легче: там посетители тоже провожают восхищенными возгласами каждую рыбешку, исчезающую у них в глотке, и тем не менее аппетит у животных от этого не портится...

Уже во время ужина до нас издалека начали доноситься звуки барабана. Некоторые африканцы стали подниматься со своих мест и исчезать. И вот, как только мы вытерли платками рты и руки, староста знаками пригласил нас следовать за собой. Он привел нас на танцплощадку, освещенную беспокойным пламенем костров, расположенных по четырем ее углам. На площадке уже выстроились в ряд молоденькие девушки, а напротив них — мужчины; ноги у всех так и подергиваются в такт звукам барабанов и рожков. Нас снова сажают на почетные места, и представление начинается.

Какая-то устрашающая маска выпрыгивает на середину площадки и начинает скакать по кругу. На ряженном надето нечто вроде рыболовной сети с огромным воротником из мочала и такими же «манжетами» на руках и ногах, а сзади у него болтается мочальный хвост. Маска на его лице изображает лик злого духа. Следом за этим страшилищем при-танцовывает молодой парень, держа в руках его хвост, словно шлейф. Этот парень — прямо виртуоз! Вся его стройная, высокая фигура извивается в ритме танца, точно змея, ритмично подергиваются не только ноги и руки танцора, но и лопатки, даже каждый палец двигается в такт музыке. Что-то потрясающее! Потом выходят двое-трое могучих мужчин, один из которых трубит в рог. Они, щелкая бичами, заставляют отступать все дальше и дальше шеренгу молодых людей, приготовившихся для танца. Но затем танцоры под неистовое хоровое пение бросаются вперед и заполняют всю танцевальную площадку.

«Демон» тем временем сник и опустился на землю. Маску он сдвинул на лоб, а «прислужник» «демона» обмахивает его платком (как это делают тренеры с боксерами во время передышки между раундами). Я могу себе представить, как этот бедняга вспотел под своей глухой деревянной маской! Потом взрывается внезапная россыпь барабанной дроби, «демон» вскакивает, подбегает ко мне и, приплясывая на месте, протягивает мне руку. А Михаэль тоже вскочил и старательно фотографирует со вспышкой все происходящее.

Это отнюдь не простое дело — фотографировать в таких условиях. Во-первых, свет от костров слишком слаб, во-вторых, дети, обуреваемые любопытством, подходят вплотную к аппарату и заглядывают в объектив, мешая снимать. Но против этой помехи Михаэль быстро придумал способ защиты: он предложил самым настырным из мальчишек смотреть на зеркало вспышки. А когда они на него уставились, щелкнул, и яркий свет заставил всех моментально зажмуриться и убежать от страха. Это вызвало взрыв радостного удивления у всех остальных ребят, злорадный смех, а на будущее — желание держаться подальше от этого дьявольского аппарата...

Я решил узнать у убеленного сединами старейшины о значении этого танца и сопровождающего его пения. К своему удивлению, я услышал, что он и сам не очень-то понял, что все это должно означать. Дело в том, что исполняемый танец не исконный танец бауле, молодежь переняла его у гуро, какого-то совсем другого племени. Даже маски скопированы с масок гуро, и текст песен поется не на языке бауле, а на гуро. Это весьма обычно для Африки: понравившиеся танцы и песни повсюду копируются и переходят от одного племени к другому. Впрочем, с нашими европейскими танцами происходит ведь то же самое!

Снова заиграла музыка, и появилась следующая маска. Но на сей раз лицо не черное, а розоватого оттенка. Судя по одежде, эта фигура сильно смахивает на европейскую дамочку тридцатых — сороковых годов. Я высказал подозрение, что это, вероятно, пародия на белых, но мои хозяева стали уверять меня, что нет, это не так...

Когда барабаны начинают звучать глуше и слабее, барабанщики держат их некоторое время над огнем, и шкуры снова натягиваются — простой и практичный способ!

Как жаль, что все эти ритмично извивающиеся в танце, блестящие как антрацит тела мы способны зафиксировать лишь на фото, а не на киноплёнке! Снимать ночью фильм, к сожалению, дело совершенно безнадежное: куда бы мы здесь могли подключить осветительную аппаратуру?

Барабаны и ноги работают без устали. Чего не скажешь о нас — скоро нас окончательно сморило и мы отправились спать. Нам отвели целый дом, состоящий из трех маленьких квартир. Хозяин освободил его, а сам вместе с двумя женами переселился на это время в какое-то другое помещение.

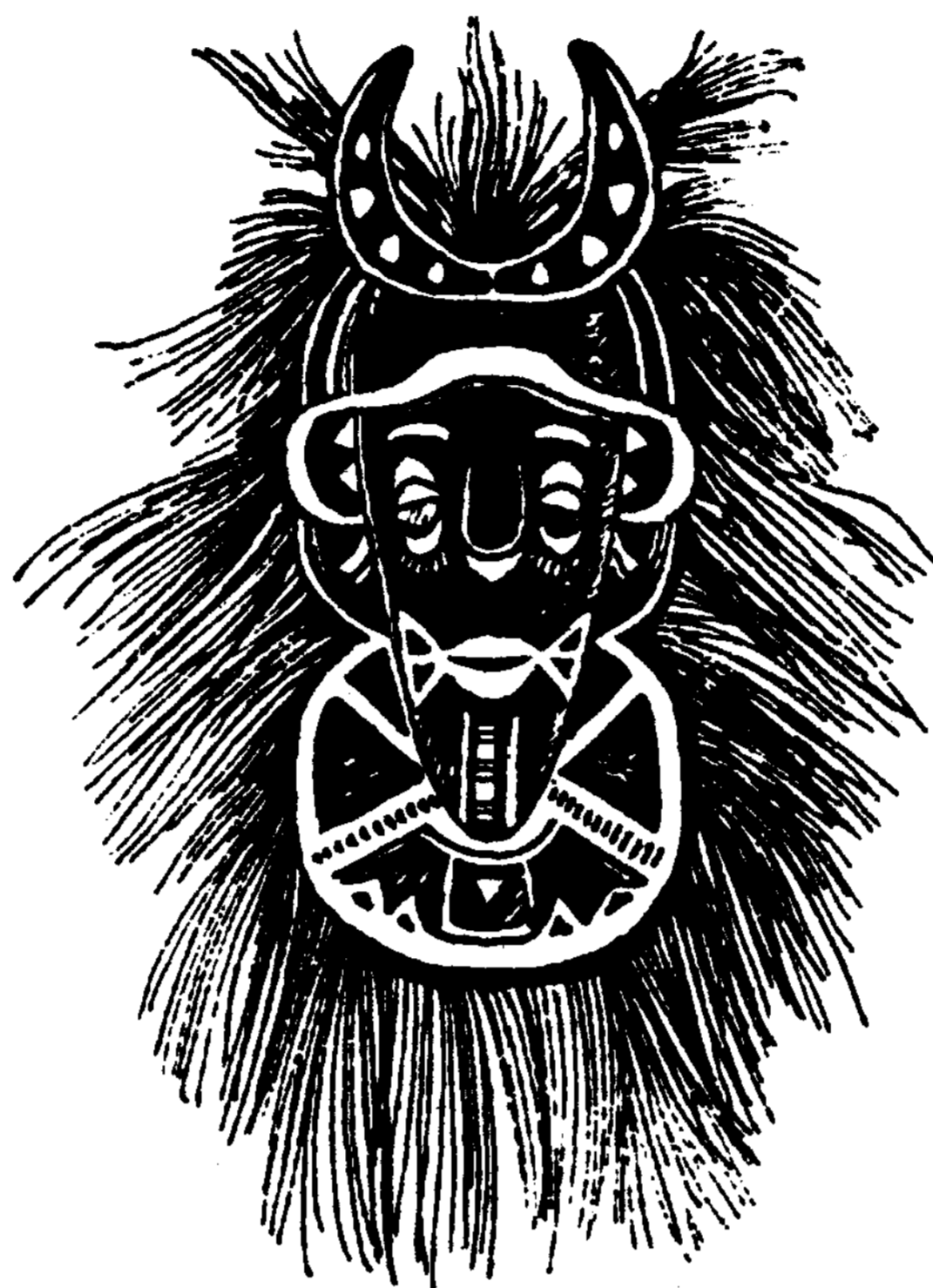
Дом этот устроен весьма оригинально. Он имеет вид удлиненного прямоугольника, на продольной стороне которого находятся три двери, завешенные циновками. Каждая такая дверь ведет в просторное помещение (примерно 5х6 метров) с гладким глинобитным полом. Однако переборки между этими тремя комнатами до потолка не доходят, они не выше человеческого роста. Такими же глинобитными стенками в углу каждого помещения отгорожено нечто вроде «спальной кабины». Дверь такой «спальни» запирается на ключ. Так что дом состоит как бы из трех небольших квартир, и каждая жена имеет, таким образом, свою отдельную квартиру. Мебели мы в доме не обнаружили, только в каждой «квартире» в углу были сложены разные предметы домашней утвари, а в «спальнях» имелся деревянный ларь (тоже под замком). Муж спит в среднем помещении. А по сторонам расположены «апартаменты» его двух жен: каждая ведет свое собственное хозяйство и владеет своим собственным имуществом. Как видно, и многоженство должно быть разумно организовано. Ведь давно известно, что «общий суповой котел» легко ведет к раздорам...

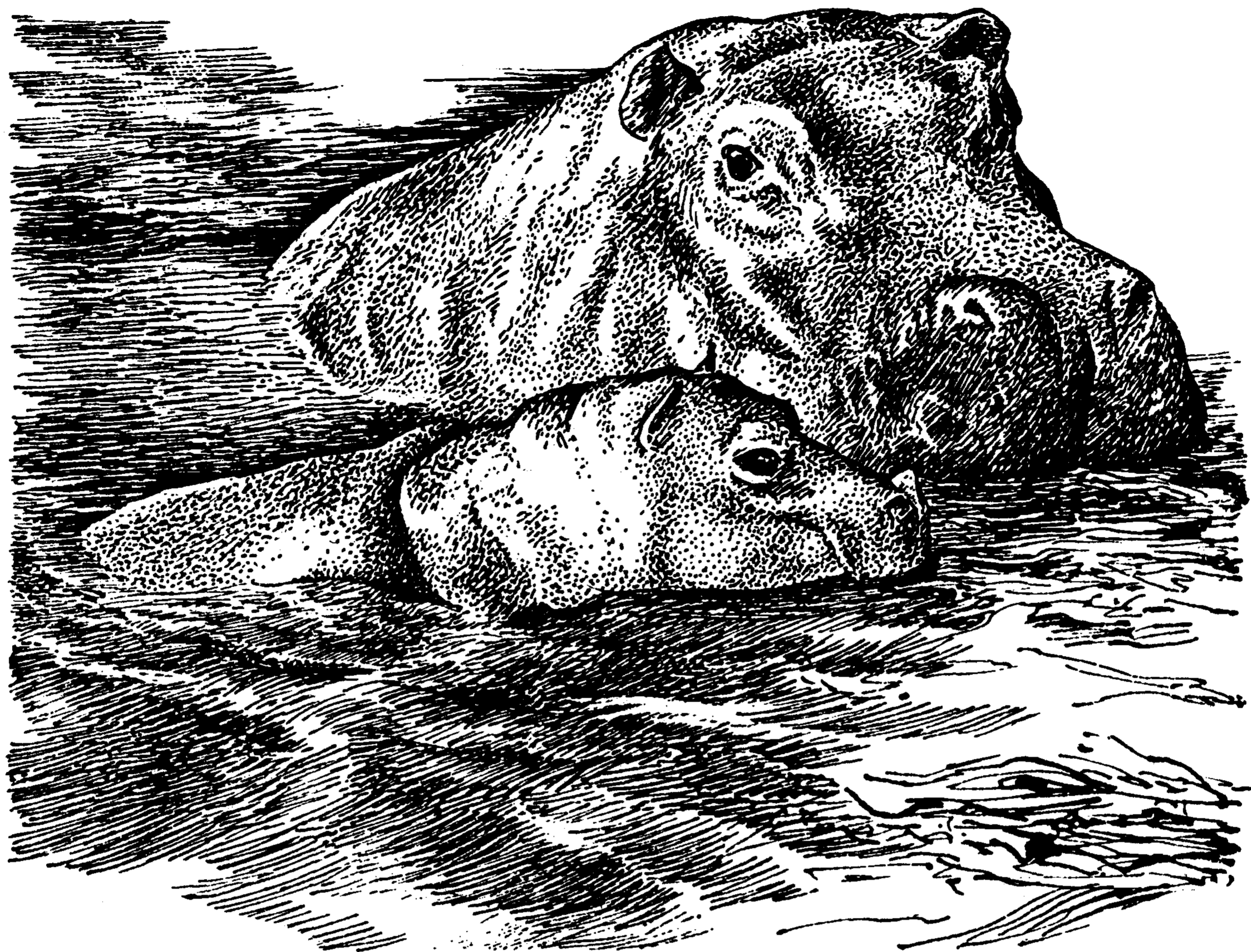
Я забираюсь в осиротевшую спальню одной из жен и некоторое время еще переговариваюсь через переборку с Михаэлем. В спальней кабине устроено нечто похожее на диван, только это ложе из глины. На нем имеется даже возвышение для головы — все как полагается. Но жестко. Чертовски жестко спать! Я кручусь с боку на бок и наконец выясняю, что могу лежать только на спине, не иначе; никоим образом нельзя поворачиваться на бок, иначе начинаешь болезненно ощущать свою анатомию, особенно тазобедренный и плечевой суставы... Кроме того, это ложе рассчитано на субтильную маленькую негритянскую женщину, а не на такого долговязого верзилу, как я; поэтому я вынужден разместиться на нем по диагонали — из угла в угол. Я накрываюсь тонким шерстяным одеялом, какими пользуются здесь, в Африке, и чувствую, что, несмотря на то что в деревне все еще не смолкает барабанный бой и на все неудобства своего твердого ложа, я все равно скоро усну.

Последнее, о чем я еще успеваю подумать, это — о замках. Осветив карманным фонарем дверь, я убедился, что она действительно закрывается на ключ. И притом замок — европейский. Но вот что удивительно: в Африке все замки врезаются в двери вверх ногами, то есть так, чтобы ключ вставлялся бородкой кверху. Причем это делается одинаково как у черного, так и у

белого населения. В этом есть, правда, и преимущество: если дверь захлопывается, ключ не выпадает. Но я никак не могу привыкнуть к тому, что, для того чтобы отпереть, нужно повернуть ключ в обратную сторону. Ведь автоматизм подобных движений у каждого вырабатывается с детства.

Не знаю, додумал ли я до конца эту мысль, потому что под далекий глухой стон барабанов мои глаза закрылись и я сладко уснул.

Глава четвертая

В ГОСТЯХ У БЕГЕМОТОВ РЕКИ БАНДАМА

Километр за километром мы удаляемся от самого последнего, затерянного на краю света африканского поселения, направляясь прямо в открытую раскаленную солнцем степь... Движемся мы по-прежнему гуськом, потому что тропинка, вытоптанная в пожухлой траве либо охотниками, либо рыбаками, слишком узка, чтобы идти иначе. Наш черный проводник, возглавляющий колонну, задает довольно-таки быстрый темп. То слева, то справа, на некотором расстоянии от нашей тропинки, возникают манящие прохладой маленькие рощицы или куртины деревьев, произрастающие здесь в низинах, где грунтовые воды подступают близко к поверхности земли, или возле небольших, в этот сезон почти пересохших ручьев.

Я собираюсь впервые в жизни понаблюдать за свободно живущими бегемотами. Момент для меня очень волнующий. Ведь увидеть бегемотов в стране Берега Слоновой Кости — дело отнюдь не простое: здесь ведь повсюду охотятся. Поэтому эти колоссы ушли из всех более или менее населенных мест и стали очень пугливыми и осторожными. Вот почему нам и пришлось так далеко забираться в глубь страны в надежде,

что все-таки удастся их повидать. Неужели наши усилия окажутся напрасными?

Вот уже несколько дней мне почему-то больно садиться — может быть, фурункул? Но все это время я не раздевался и поэтому не имел случая посмотреть, в чем там дело... А кроме того, у меня еще и гвоздь в сапоге объявился — колет, проклятый, всю дорогу! Но останавливаться я не хочу — мы ведь решили еще до обеда добраться до реки Бандама.

Один из наших черных спутников хватает меня за руку и указывает на высокое сухое дерево на краю рощицы. Обезьяны!

В бинокль мне их отлично видно. Это две белобородые обезьяны колобусы — очень редкий вид, находящийся под охраной. Ни в одном европейском зоопарке их не увидишь. Вид у этих животных всегда степенный и достойный (по манере держаться), у них длинный хвост и лицо, окаймленное белой шерстью. На руках у них отсутствует большой палец; это травоядные животные с огромным, как у коровы, желудком, необходимым для переваривания обильной растительной пищи. И чтобы организм мог лучше усваивать малопитательные и волокнистые растительные корма, обезьяны эти подолгу сидят неподвижно, спокойно переваривая пищу. Отсюда их степенный и важный вид. Ведь важничанье зачастую зависит не от того, что в голове, а от того, чем набит желудок (кстати, не только у животных...).

А мы топаем дальше по степи, молчаливые и потные. Мы торопимся. Мы почти бежим. Я иду, а в голове у меня все вертится история, рассказанная мне неким господином Гербертом, у которого мы гостили несколько дней назад. Этот Герберт — владелец собственной фактории, тем не менее еще два года назад был управляющим на кофейной плантации, расположенной в глухом и диком месте, в двадцати пяти километрах от ближайшего населенного пункта. Занимался он тем, что сводил все новые и новые леса под плантации, и по восемь месяцев ему не приходилось видеть ни одного белого человека. Два черных охотника ежедневно «делали мясо», что означало: отстреливали в округе диких животных для пропитания работающих на плантации людей. Вот что он мне поведал.

«Патрон», работодатель Герберта, отправляя его на плантацию, посоветовал ему не давать черным охотникам в руки крупнокалиберных ружей. Пусть стреляют только в птиц, обезьян, антилоп и подобных мелких животных. Но однажды к Герберту явились местные жители, умоляя о помощи — спасти их от нашествия бегемотов: толстокожие топчут и уничтожают

их посадки. Один из черных охотников, очень старательный и отважный парень, три дня подряд ходил за Гербертом по пятам, уговаривая и упрашивая дать ему крупнокалиберное ружье, чтобы он мог сразиться с бегемотами. Наконец Герберт сдался — ладно уж, бери.

На другое же утро прибежал человек с тревожным сообщением: из леса раздаются вопли охотника о спасении!

Герберт с шестью провожатыми бросился в лес. Он захватил крупнокалиберное ружье, а второе дал своему первому помощнику. До них доносились уже не вопли, а только стоны, и, следуя этим душераздирающим звукам, они вскоре добрались до места происшествия. Им предстала чудовищная картина: несчастный охотник лежал на земле со вспоротым животом, из которого вывалились наружу внутренности, и все это было усеяно мухами... Тучами мух! Человек был уже без сознания, но еще дышал прерывисто и хрипло. Время от времени из его груди вырывался протяжный стон. Пока его провожатые сооружали носилки, Герберт обшаривал окружающий кустарник в поисках ружья, которое накануне дал несчастному, и вскоре обнаружил его недалеко от места происшествия. Но когда он нагнулся, чтобы его поднять, то в десяти шагах от себя увидел бегемота, злобно уставившегося на него... В крайнем возбуждении он выстрелил, промахнулся, но животное не пошевелилось. Тогда он выстрелил по нему еще трижды, выждал несколько минут и затем осторожно приблизился: бегемот был давно мертв — в пасти у него уже ползали черви.

Герберт не был охотником. Поэтому легко представить себе его испуг, когда, обернувшись, он увидел позади себя в кустах голову другого бегемота! Он снова выстрелил, и снова напрасно: второй бегемот тоже был мертв. Впоследствии удалось выяснить, что здесь произошло. Охотник ранил бегемота-самца, и тот замертво упал на месте, где его настигла пуля. Самку же он ранил только в спину. Она вернулась и нанесла обидчику страшный удар клыком, вспоров ему при этом живот. Однако после этого она тоже далеко не ушла: свалилась замертво.

У людей Герберта не было с собой перевязочных материалов, поэтому они просто запихали вывалившиеся внутренности назад в брюшную полость, затянули лианами, положили раненого на наскоро изготовленные носилки и принесли в лагерь. Там они разорвали несколько простыней на бинты и, перевязав несчастного, так и не пришедшего в сознание, по-

несли в ближайшее поселение, где имелся врач. Но донести его туда живым им не удалось: он скончался еще по дороге.

Недалеко от места, где лежали убитые бегемоты, бегал детеныш. Герберту со своими людьми удалось изловить его и привезти на плантацию. Его даже пытались выкормить молоком. Но молока было мало, и спустя два дня детеныш умер. А туши взрослых бегемотов притащили в лагерь африканских рабочих. Сделать это было совсем не просто: пришлось вырубать в лесу специальный проход, на что потребовалось целых три дня. Так что к моменту, когда мясо поступило в распоряжение рабочих, от него уже воняло так, что запах доносился аж до дома Герберта, находящегося в двух километрах от лагеря. Тем не менее африканцы ели его в течение почти двух недель. А вдова охотника с тремя детьми получила от «патрона» 200 франков (что на сегодня соответствует пяти маркам)...

Что же касается Герберта, между прочим выходца из Германии, то у него все, как говорится, «окей». Дела его идут хорошо, он удачно женился на мулатке — дочери европейца и африканки. Зовут ее Луиза. Она хороша собой, воспитанна, получила образование в миссионерской школе. Отличная хозяйка и весьма деятельно принимает участие во всех делах мужа. Преимущество ее перед европейскими женами заключается в том, что она говорит на нескольких языках местных племен. Очень удачная жена, ничего не скажешь!

Вот так я иду и размышляю на все эти темы, стараясь не замечать изнуряющей жары, боли от вероятного фурункула и гвоздя в сапоге... Но терпение мое на исходе.

Наконец проводник кричит: «Бандама!» — и указывает рукой на полосу леса впереди. Слава тебе господи, добрались. Вот она, широкая река, отвесные берега которой обрамляет узкая полоса леса и кустарника. Однако мы не идем к ней напрямик — тут нет прохода, поэтому вынуждены идти дальше, вдоль прибрежной полосы леса, в каких-нибудь тридцати метрах от нее, все по той же голой, знойной степи. Вот кошмар! Проходит еще томительных полчаса, и мы наталкиваемся наконец на тропинку, ведущую к воде. Наш проводник останавливается, указывает на нее и произносит:

— Нию-сю!

На языке бауле это означает «речной слон». По-немецки это животное называется «речная лошадь» (Flubpferd). Оба названия весьма неудачны, потому что бегемот отнюдь не родня ни слону, ни лошади. Это скорее родич свиньи.

Тропинка, на которой мы стоим, действительно протоптана не людьми, а бегемотами. Она ведет от самого берега, напрямик, через прибрежный лесок в степь. Примерно через 80 метров она разветвляется, и оба ее конца теряются где-то вдали. В одном месте трава сильно помята: здесь животные недавно отдыхали. Мы идем по «бегемочьей» тропе к реке. Внезапно она резко обрывается и спускается по почти вертикальному пятнадцатиметровому обрыву вниз, к воде. Тропа втоптана в почву так глубоко, что образовалось нечто вроде узкой ложбины. Какое бесчисленное число поколений бегемотов протоптало ее здесь за многие столетия! Трудно даже представить себе, как эдакие махины весом в 20—30 центнеров могут спускаться и взбираться по такой крутизне! Тут и там тропу пересекают толстые корни деревьев, возвышаясь над ней иногда до полуметра, и тогда их приходится перешагивать. Там, где дорога ведет резко вниз, в каменистую почву «врезаны» как бы короткие ступеньки: их тоже пробили бегемоты своими мощными ногами, снабженными копытами. В узком, тесном проходе бегемотам приходится ставить ноги близко одну возле другой, и поэтому на дне тропы отчетливо видны две широкие колеи с узкой перемычкой посередине.

«Да они же прямо настоящие скалолазы — эти бегемоты!» — думал я в то время, как неуклюже спускался по их отвесной тропе. Тут-то мне впервые и пришла в голову мысль, что мы можем у себя в зоопарке значительно увеличить объем бассейна для бегемота, упразднив широкие ступени, ведущие в воду. Спуск можно сделать гораздо круче, а ступени — короче.

Вот по этой головокружительной «бегемочьей» тропе мы и спускались вниз к реке, скользя, спотыкаясь и цепляясь за корни и ветки, чтобы не упасть. Внизу мы тихонько садимся у самой воды и ждем. Главное — не шуметь. Однако тишину то и дело нарушают огромные птицы-носороги, с их длинными загнутыми клювами, шумно перелетая с одной вершины дерева на другую, а то и пересекая реку. Шум во время их полета происходит от того, что маховые перья на их крыльях расположены так, что образуют большие зазоры, сквозь которые во время полета со свистом прорывается воздух. Иногда прямо кажется, что по лесу мчится паровоз...

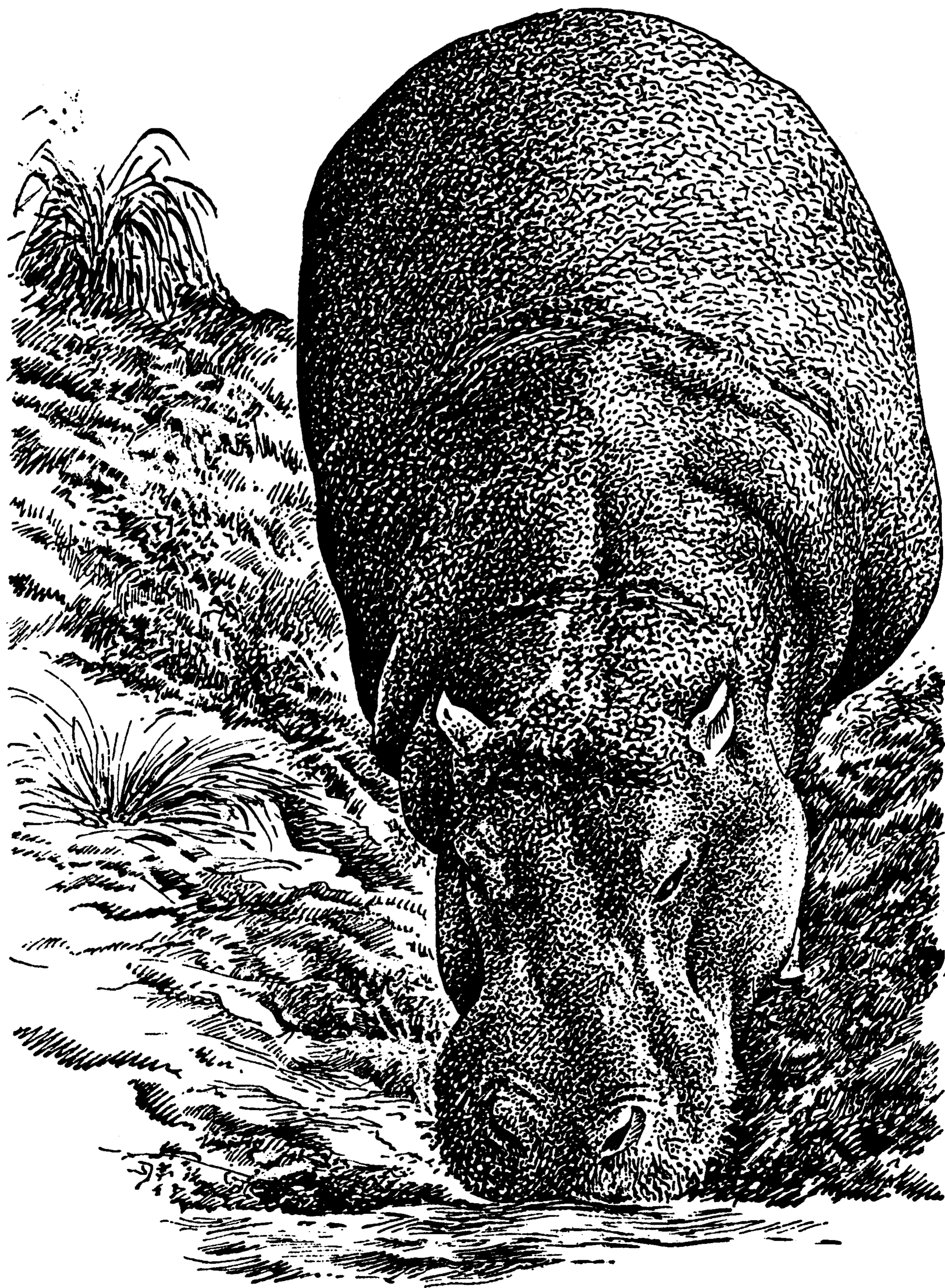
По заверению нашего проводника, охотника из последней посещенной нами деревни, бегемоты встречаются именно в этом отрезке реки. Он знает это точно, поэтому нас сюда и привел. Кстати, он единственный среди наших провожатых,

кто говорит по-французски. Так что с ним можно общаться. И если действительно бегемоты здесь на самом деле водятся, то мы их сейчас непременно увидим — в этом я уверен. Потому что бегемоты, или гиппо (как их еще называют от слова «гиппопотам»), — водные животные; дом их — река, там они живут, а на берег выходят только пастись. Притом у каждого семейства бегемотов — свой отрезок реки, который они считают своей собственностью, своей законной территорией. За ее пределами начинаются уже владения следующей семьи, и туда заплывать нельзя. Строжайше запрещено. Пастись бегемоты выходят только по ночам. При этом они пользуются как раз этими тропами, по которым мы с таким трудом спускались. Ведет каждая тропа на постоянное «пастбище» данной семьи, куда доступ особям из другого «клана» тоже воспрещен. Ведь животные в природных условиях отнюдь не бегают как попало и куда попало. У них обычно твердо установленные участки, границы которых помечены и переступать которые не рекомендуется, потому что пограничные владения «принадлежат» уже другим животным того же вида. Так что у них наблюдается нечто похожее на погранзаставы, с их таможнями и паспортами... Только бегемоты в отличие от нас маркируют границы своих владений пахучими метками. Делается это так: вертя своим коротким хвостом, словно пропеллером, самцы разбрасывают испражнения в радиусе нескольких метров; с этой же целью используется и моча, которую самец с силой выбрызгивает назад, орошая ею кустарник и траву. Так что каждый пришлый бегемот без труда может «прочитать»: «Это место занято!» В случае если пришелец, несмотря на предупреждение, пытается остаться, ему предстоит выдержать кровопролитные бои с «законными» владельцами территории.

Но в то время как другие животные в момент опасности убегают и прячутся в свои норы или берлоги, расположенные, как правило, посредине принадлежащего им владения, у бегемотов это происходит несколько иначе. Ведь у них «дом» находится в конце их владения, а именно в воде. И вот, будучи потревоженной на суше, такая махина мчится без оглядки по

своей проторенной дороге к спасительной воде. В такой момент не рекомендуется стоять у нее на пути, в особенности в узком, врезанном глубоко в почву проходе! В воде же бегемоты чувствуют себя в безопасности и никуда не удирают. В лучшем случае — нырнут и скроются из виду. Так что на катере к ним можно приблизиться даже вплотную. Некоторые путешественники рассказывают, что бегемоты при подобных об-

стоятельствах нисколько не беспокоятся, наоборот, проявляют полное безразличие и от скуки даже зевают.

Должен сказать, что это опасное заблуждение. Дело в том, что разевание пасти у бегемотов означает отнюдь не равнодушие или скуку — это поза угрозы, демонстрация силы. Подобное же поведение можно наблюдать у некоторых видов обезьян, например у павианов или макак-резусов, у которых выработалась даже специфическая «зевота гнева». Против-

нику показывают при этом зубы, а они у бегемота, как известно, огромные.

Что касается зоопарковских бегемотов, то у них такое разевание рта превратилось в обычное попрошайничество, потому что посетители вечно им что-нибудь бросают.

Стоящий рядом со мной африканец подталкивает меня под руку и показывает пальцем на поверхность воды. И действительно, оттуда что-то появляется! Правда, только две ноздри, затем глаза и уши, но, прежде чем я успеваю навести свой телеобъектив, раздается громкое фыркание и голова снова исчезает под водой. Ноздри, глаза и уши у «гиппо» расположены все в одной плоскости, при этом под водой они плотно закрываются. Так что животному достаточно приподнять над поверхностью воды крошечную часть своей головы, чтобы привести в действие все органы чувств.

Я смотрю на часы и жду. Бегемоты, как правило, не в состоянии пробыть под водой дольше четырех — шести минут. Детеныши, которые появляются на свет под водой, выдерживают всего только 20 секунд. Начало их жизнедеятельности вне организма матери начинается именно с того, что они сейчас же всплывают кверху и запроваляют легкие воздухом. Сосать молоко тем не менее им приходится под водой. При этом самка ложится на бок, словно свиноматка. Бегемоты предпочитают глубины около полутора метров, где они могут свободно расхаживать по дну. Но здесь, например, явно значительно глубже.

Над поверхностью снова появляется голова, трясет ушами, выбрасывая воду. Но прежде чем я на матовой пластинке моего длинного телеобъектива нахожу нужную точку, наваждение снова исчезло, как будто бы и не было!

Ну что ж, подождем. Я устанавливаю камеру на штатив, навожу объектив на то место, где выныривала голова, и оставляю ее в таком положении. И действительно, через пару минут голова появляется на том же самом месте; щелк — и готово: она запечатлена на фотопленке. По-видимому, бегемот облюбовал себе именно это место для «проветривания».

Их здесь — шесть, а то и восемь на этом отрезке реки. Через пару часов наблюдений мы садимся в пирогу — узкую лодку, выдолбленную из целого древесного ствола, и осторожно плывем в ней вдоль берега, стараясь поближе подобраться к семейству бегемотов.

Вообще-то говоря, кататься на этих штуковинах — занятие не из самых приятных: у них нет киля и по форме они скорее напоминают сигару — совершенно круглые. Поэтому сидеть надо прямо на дне лодки и при этом еще стараться удерживать равновесие, чтобы не перекувырнуться. А на дне пироги всегда набирается немного воды. Голым африканцам это, разумеется, ни почем, а вот нам... Впрочем, я слишком взволнован происходящим, чтобы обращать на это особое внимание. Зато после я обнаруживаю, что бумажник со всеми документами и деньгами, который лежал у меня в заднем кармане брюк, намок как губка... Что касается Михаэля, то он привязал ради безопасности кинокамеру веревкой к себе, на случай если эта шаткая посуда опрокинется и он очутится в воде. Ведь при таких обстоятельствах ее ничего не стоит потерять: канет на дно — и пиши пропало! Не очень-то ее найдешь там, в глубоком, вязком иле. Да и вообще устраивать на подобных реках состязания по прыжкам в воду не рекомендуется — из-за крокодилов. Словом, лучше не опрокидываться — так спокойнее.

Но нам повезло. Мы не опрокинулись, а сумели подплыть ближе чем на десять метров к этим водным чудовищам. Камера Михаэля стрекотала вовсю, а я без усталости щелкал затвором фотоаппарата.

Вода в реке Бандаме относительно прозрачная, даже с несколько голубоватым оттенком. За это она и зовется «Белая Бандама».

Ну до чего же хочется в эту жару в ней искупаться! Вот прямо так и прыгнул бы в прозрачную прохладную воду! И бегемоты нас наверняка бы не тронули, просто отплыли бы

подальше, вот и все. Но крокодилы! От них никто не застрахован. Могут появиться в любой момент — и тогда... Вот именно из-за крокодилов так опасно купаться во многих африканских реках. Даже когда моешься на берегу, надо зорко следить, как бы кто-нибудь из них не ухватил тебя за ногу и не потащил в воду.

Дальше, вниз по течению, раздается какой-то неясный глухой рокот. Что бы это могло значить? Для удовлетворения своего любопытства мы проходим по берегу еще некоторое расстояние, и вскоре нашим глазам предстает совершенно великолепное зрелище: огромные круглые валуны, лежащие прямо посреди реки, преграждают дорогу стремительному потоку, и он, вихрясь и пенясь, поднимается на дыбы и с силой протискивается сквозь узкие щели меж скал...

Карабкаясь и перепрыгивая с камня на камень, мы добираемся почти до самой середины реки и, к своей великой радости, убеждаемся, что именно отсюда, с высоты, как с обзорной площадки, открывается чудесный вид на всю эту прародину бегемотов. Что касается нашего огромного бегемота-самца по кличке Тони, живущего во Франкфуртском зоопарке и рожденного в неволе, то тот и не подозревает, в какой сказочной красоте обитают здесь его братья! Зато, правда, у Тони тоже есть свои преимущества: он может всплыть, когда только ему вздумается, и дремать на воде, не опасаясь получить пулю в голову!

Стоя на своей импровизированной «смотровой площадке», мы обнаружили совсем рядом, среди скал, спокойный бочажок глубиной не более двух метров, сообщавшийся с рекой совсем мелкой и узкой протокой. Отсюда, сверху, бочажок хорошо просматривается до самого дна: крокодилов в нем нет, значит, — ура! — в нем можно искупаться. Мы поскорее сбрасываем свои одежды, но, пока мы возимся, африканцы нас уже давно опередили: они стоят голышом в воде и старательно моются мылом сверху донизу. Когда я разделся, то обнаружил, что на моих трусах полно запекшейся крови, а на левой ягодице зияет изрядная дырка... Вот, оказывается, в чем дело, почему мне все время было так больно! Я вспомнил, что, когда три дня назад ехал в кабине местного грузовика, почувствовал, как меня что-то сильно укололо. Осмотрев рваное сиденье машины, я обнаружил торчащую из него сломанную пружину. Она-то в меня и впилась. Но я никак не ожидал, что она пробуровила меня настолько глубоко и нанесла такое серьезное ранение!

Но к черту ранения, я бросаюсь в воду, Михаэль — за мной, и мы наслаждаемся желанной прохладой, возимся, как дети, в воде, толкаем и топим друг друга и африканцев, а они нас. Удовольствие для всех огромное! К сожалению, приятное ощущение от купания остается очень ненадолго: стоит только натянуть на себя одежду, как снова весь вспотеваешь. И при этом, несмотря на жару, невозможно просохнуть — влажность воздуха очень высока.

В то время как мы одеваемся, раздается выстрел. Он гулко разносится по всей реке. За ним второй и третий. Мы бежим вдоль берега. Оказывается, один из африканцев выстрелил в огромного самца-бегемота и попал ему в затылок. Тот от неожиданности вынырнул на полкорпуса из воды и тут же получил еще две пули в голову. После этого он затонул и исчез из виду. Какая жалость — погиб такой чудесный, огромный зверь! Теперь он будет лежать на дне, пока трупные газы не вздуют тушу и она не всплывет на поверхность.

Один из африканцев остается дежурить около этого места, чтобы затем подтащить тушу к берегу. Однако ничего из этого не получилось. Как мне позже стало известно, мертвого бегемота течением снесло куда-то вниз по реке, и найти его так и не удалось. Значит, бессмысленное убийство! Но что тут скажешь? Не будешь же ругаться — в конце концов, мы ведь здесь только гости. А ведь в Дакаре вам с гордостью покажут закон, по которому бегемоты во всех французских владениях Западной Африки подлежат строгой охране и отстрел их категорически запрещен.

Жаль только, что в стране никто об этом ничего не знает...

Мы решили несколько изменить свои планы и не возвращаться сегодня ночевать в деревню, как было договорено. Дело в том, что проводник сообщил нам, что в другом рукаве этой же реки наверняка удастся увидеть еще больше бегемотов, а если повезет, то и понаблюдать за ними на суше. Поэтому-то мы и решили не возвращаться, а переночевать прямо здесь, под открытым небом. Мы отошли подальше от берега, в степь, чтобы нас ночью не загрызли комары, которых здесь, у реки, великое множество. И не только комаров, но и мух цеце, переносчиков сонной болезни.

У нас нет с собой оружия, зато двое из африканцев вооружены — у них имеются государственные охотничьи лицензии, во всяком случае они так утверждают, а я и не старался особенно вникать в подобные вопросы. Короче, один из них убежал в расположенный неподалеку лесочек, откуда вскоре

раздалось два выстрела, и охотник вернулся, гордо неся перед собой двух птиц-носорогов.

Мы устраиваем привал под куртиной низкорослых деревьев, прямо посреди степи. Уже шесть часов вечера, и скоро стемнеет. Наши спутники разводят костер, ошипывают и потрошат птиц. Поскольку у нас нет с собой котелка, то жарится нечто похожее на шашлык: сердце, печень, голова, желудок и просто куски мяса нанизывают на длинные тонкие деревянные щепки и держат над огнем. Нам, как гостям, стараются отдать самые вкусные кусочки, но съедается буквально все: из черепной коробки старательно выскребается мозг, обглаживаются жесткие ноги — ничто не пропадает даром! Потом мы все заворачиваемся в свои домотканые негритянские одеяла и ложимся прямо на голую землю. Через четверть часа уже совершенно темно.

Из соседнего леса непрерывно доносится один и тот же протяжный и громкий крик: «Аю-у, аю-у!»

— Кто это? — спрашиваю я у нашего проводника.

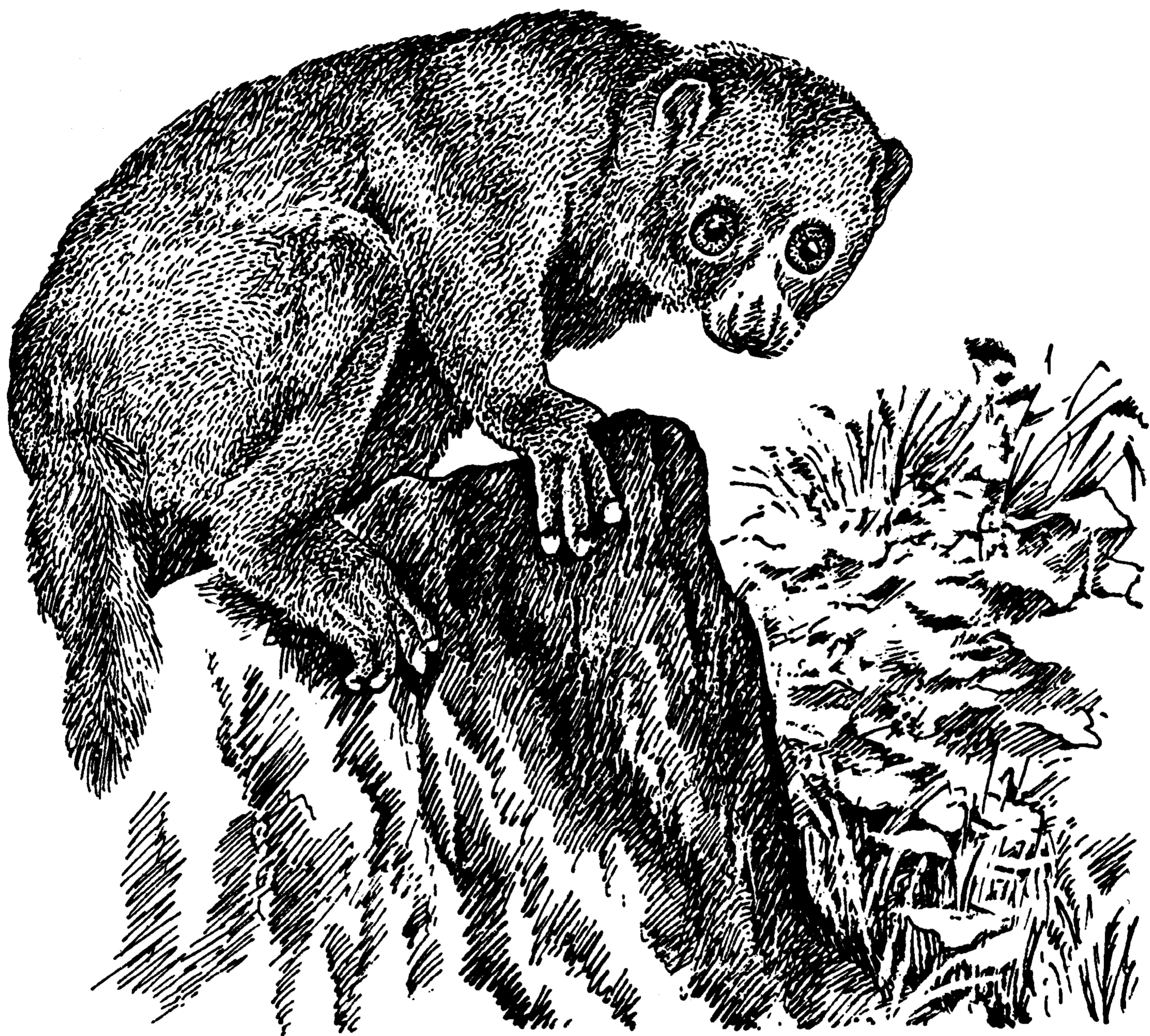
— А это аю,— отвечает он мне,— просто аю. Зверек такой.

Из последующего его описания я заключаю, что это скорее всего потто, маленькая полуобезьяна. Проводник поведал мне заодно, почему этот зверек так кричит. Вот его рассказ:

«Бежал зверек однажды вечером по лесу и повстречал голодного леопарда, который тут же, разумеется, решил им закусить. Маленький неповоротливый потто стал умолять не губить его: у него дома большая семья, детки голодные, не откажет же добрый, великодушный леопард ему в такой пустяковой просьбе — повидаться с ними напоследок, проститься перед смертью... Он говорил так красноречиво и убедительно, так душераздирающе и слезно умолял, что голодный леопард наконец сжалился — сердце не камень — и разрешил ему напоследок сбегать домой. Но с одним условием: к ночи потто должен добровольно вернуться и вызвать леопарда условным криком. Что он и сделал. И делает до сих пор. А хитрость заключалась вот в чем: у подножия полого древесного ствола потто тихонько прокричал «аю-у!» и пополз по дуплу вверх. И чем выше он забирался, тем громче он кричал, а добравшись до самой верхушки дерева, он завопил уже во всю мочь так, что крик его огласил весь лес: «Аю-у, аю-у, аю-у!» Ведь там, наверху, его никакой леопард не достанет...»

Потом мне еще не раз, во время моего путешествия по Западной Африке, приходилось не только слышать, но и видеть это животное. Научное его название *Perodicticus potto*, подвид

потто Ботсмана. Чаще всего потто днем спят, повисая на ветке, уцепившись за нее всеми четырьмя ногами (или руками — если хотите); при этом висят они неподвижно за счет судорожного оцепенения сухожилий, без какого-либо участия мышц. Но хотя их и называют полуобезьянами, похожи они скорее на плюшевых мишек, только с длинным цепким хвостом.

Одного такого «плюшевого мишку» мы обнаружили сидящим на пне срубленного дерева, из которого появились новые побеги, образовав небольшой зеленый кустик. Поймать этого красавчика в таком удобном месте не представило бы никакого труда, тем более что зверек этот, как ни странно, не умеет прыгать с ветки на ветку, и движения его вообще крайне замедленны, но... Каждый раз происходило одно и то же: наши африканские спутники никак не могли взять в толк, что звери нужны нам именно в живом виде, а не в мертвом. Они же видели в них мясо, и только мясо, а поэтому, завидя какое-либо животное, бросались на него с лихорадочной поспешностью и убивали. Так и на этот раз: не успели мы вскрикнуть от радости, что увидели живого потто, как он уже был убит. А может быть, местные жители просто боятся взять

потто в руки? Для этого есть свои причины. Во-первых, на каждом позвонке у потто имеется острый отросток, выступающий сквозь кожу, но снаружи незаметный, поскольку спрятан в густом меху. А кроме того, потто известен своей «мертвой» хваткой — считается, что если он что-нибудь схватил лапами, то уж не отпустит. Я разглядывал лапы этих животных. По своему строению они весьма своеобразны: на них не хватается указательного пальца на «руках», а на «ногах» он не только имеется, но вдобавок еще снабжен длинным острым когтем, в то время как на всех остальных пальцах растут самые обычные ногти, как у нас.

Мы лежим на земле возле догорающего костра, завернутые в свои одеяла, и мирно беседуем. Наш проводник рассказывает разные истории на языке, представляющем собой смесь французского с бауле. Однако все понятно. Понимают его и наши африканские спутники: во всяком случае, они тоже слушают и смеются.

В нескольких метрах от нас, в слабом свете костра, я заметил нечто странное. Это «нечто» качалось, словно маятник, из стороны в сторону, причем именно с неутомимостью часового механизма. На мой вопрос, что бы это могло быть такое, последовал ответ: «Это «танцующий паук».

И действительно, это оказался паук, сидящий в центре крепкой ловчей сети и быстро раскачивающий ее движениями своего тела: туда-сюда, туда-сюда. Резкая качка эта и на самом деле напоминала маятник. Если дотронуться до ловчей сети, паук приходит в такое волнение, что начинает уже как бешеный раскачивать свое сооружение, все убыстряя и убыстряя темп, пока вконец не уморяхнет и на некоторое время затихнет, чтобы набраться новых сил.

С помощью двух щепочек мы осторожно сняли этого большого паука с паутины и принесли его к своему костру, чтобы получше разглядеть; относительно ядовитости различных видов пауков на сегодняшний день даже у специалистов нет особой ясности. Но зато известно, что паук — самое умное среди всех животных; так считает, во всяком случае, наш проводник, и вот что он рассказал:

«Когда все животные еще жили вместе с богом Ньямье на небе, тот показал им однажды зернышко кукурузы и спросил: — Кто из вас сумеет спуститься на землю и выменять это зерно на нового раба для меня?»

Очень хотелось зверям угодить своему повелителю, но они только смущенно переглядывались. А вот паук встал и заявил,

что он готов это сделать. Выпустил длинную нить и спустился по ней на землю (в то время как остальным зверям, а также людям и духам, чтобы спуститься на землю, каждый раз требовалась громоздкая тяжелая цепь, разматывать которую было очень трудно).

Спустившись на землю, паук присел отдохнуть на краю пашни, которую как раз обрабатывал один крестьянин. Своих кур он принес с собой в корзинке и выпустил здесь погостить¹. Паук положил зерно на дорогу и стал терпеливо ждать. Через некоторое время одна из кур действительно подошла и проглотила его.

— Караул! — закричал паук. — Спасите! Ограбили! Разорили! Украли мое замечательное кукурузное зерно!

На шум прибежал хозяин и, узнав, в чем дело, предложил пауку взамен одного его зерна целый початок кукурузы. Но тот не унимался, крича, что никакой початок на свете не заменит ему его зерна, потому что оно было волшебным... И единственное, на что он может согласиться, — это забрать его вместе с курицей, в которой оно сейчас находится. Растерянный хозяин пытался возразить, что не может отдать ему этой курицы, это как раз самая упитанная из его несушек, но паук и слушать ничего не хотел. Он скандалил и вопил до тех пор, пока хозяин курицы не плюнул и уступил.

Паук взял курицу и пошел дальше. Вскоре он добрался до одной деревни, где и попросился ночевать.

— Моя курица такая большая, что она в курятнике может заклевать ваших мелких кур, запрягите ее лучше на ночь в хлеву с козами, — заявил он хозяевам.

Разумеется, наутро курица оказалась затоптанной козами. Тут паук поднял такой вой и крик, причитая, что у него, бедняка, всего-то и было имущества — одна эта курица и теперь он лишился и последнего... Крестьяне этой деревни никак не желали огласки такого дела, не хотелось им и того, чтобы о них шла дурная молва, будто они нанесли ущерб гостю. Это считается очень неприличным. Поэтому они скрепя сердце решили отдать пауку ту козу, которая затоптала его курицу.

А паук взял козу и направился в следующую деревню. Там он потребовал, чтобы его козу поместили на ночь вместе с волами. В хлеву он привязал ее веревкой к косяку, а вола,

---

¹ Носить своих кур с собой в корзинке и выпускать их погостить в удобных местах — способ, и по сей день распространенный среди многих африканских племен. (Примеч. перев.)

которые, как правило, терпеть не могут коз, так долго гоняли и бодали ее рогами, пока она не удавилась на своей веревке...

Таким образом паук добился того, что взамен убитой козы получил вола. К вечеру следующего дня он добрался вместе со своим волом в одну деревню, где как раз только что скончался маленький ребенок. Паук высказал свои соболезнования безутешным родителям и предложил им забрать у них трупик ребенка, оставив взамен живого вола. Не сразу бедные родители согласились на такую более чем странную мену, но ведь вол всегда пригодится в хозяйстве, а ребенка все равно уже не вернуть, поэтому — была не была...

А паук с мертвым ребенком отправился в следующую деревню, в которую и прибыл на ночь глядя. Там он выдал себя за бедного путешественника и испросил разрешение положить своего спящего ребенка вместе с детьми хозяев дома.

— Там, где уже семеро спят, может поспать и восьмой! — сказал хозяин дома.

— Вот только мой ребеночек еще не просится, поэтому с ним может ночью что-нибудь приключиться, — предупредил паук. — Ваши дети не будут на него обижаться?

Но отец семейства заверил, что дети наверняка поладят меж собой.

Какой же поднялся крик и вой наутро, когда ребенка паука нашли мертвым в постели! Это даже трудно себе представить.

— Твои дети убили моего! — кричал паук. — Ты обязан возместить мне мою невозвратимую утрату!

Один из маленьких сыновей хозяина, который накануне как раз поссорился со своим братом, стал утверждать, что видел, как тот подрался с этим чужим ребенком и убил его насмерть. Родителям было очень тяжело расстаться со своим отпрыском, но справедливость ведь должна торжествовать!

Итак, паук вместе с живым ребенком, которого выторговал себе хитростью и обманом, отправился восвояси. Он залез вместе с ним на небо и торжествующе предстал перед светлыми очами своего повелителя.

— Смотрите-ка! — воскликнул бог Ньямье, буквально не веря своим глазам. — Паук и на самом деле выменял кукурузное зерно на раба для меня! Вот это паук!

И он наградил паука волшебным калебасом, с которым потом приключилось еще много-много других удивительных историй».

Когда я писал эту главу, один мой добрый знакомый, доктор Химмельхебер, этнограф, объездивший весь Берег Сло-

новой Кости, прислал мне свою небольшую брошюру под названием «Аура Поку», в которой собрано множество сказаний племени бауле. Это хорошо, что они теперь собраны в одном месте и опубликованы, потому что совершенно неизвестно, как долго их еще будут передавать из уст в уста в селениях бауле, как долго там еще будут греметь барабаны и танцевать ритуальные маски, освещенные фантастическим светом ночных костров. И как скоро исчезнут последние на земле бегемоты и слоны? Кто это может знать?

Бегемоты — совершенно удивительные животные, не перестающие восхищать зоологов, наблюдающих за ними в зоопарках. Известно, что первого живого бегемота привезли в Рим за 58 лет до нашей эры, и с тех пор их все снова и снова доставляли туда вместе с другими дикими животными, чтобы затем убить в амфитеатрах на глазах у восхищенных зрителей. Во время правления императора Трояна в течение четырех месяцев в цирках уничтожалось до 11 тысяч животных. Набожный и добродушный император Антоний заставлял убивать по 100 львов за один «сеанс». Поэтому все бегемоты, обитавшие ниже порогов Нила, вскоре были полностью истреблены. Только 12 столетий спустя их снова удалось обнаружить в дельте Нила; но должно было пройти полтора тысячелетия, прежде чем в Европу снова привезли живых бегемотов. Было это в середине прошлого века.

Правда, теперь уже не затем, чтобы дать возможность гладиаторам разрубить их на части. Нет, теперь их, наоборот, сажали в отапливаемые помещения с бассейнами с подогретой водой и таким образом впервые удосужились узнать кое-что об их образе жизни.

Два бегемота, впервые выставленные для обозрения в Германии, прожили после этого целых 36 лет в Амстердаме. Там же у самки, после восьми месяцев беременности, родился детеныш, и размножение бегемотов в неволе на сегодняшний день отнюдь не считается редкостью. Поэтому ни один европейский зоопарк теперь не старается вывозить этих толстокожих из Африки.

К величайшему удивлению, было обнаружено также, что бегемоты «потеют кровью», если их продолжительное время продержат на суше. На самом же деле эта красная слизистая жидкость, выделяемая крупными, хорошо различимыми про-

стым глазом порами, разумеется, никакая не кровь, а окрашенный в красноватый цвет пот.

Держатся эти гиганты в зоопарках большей частью вполне миролюбиво, более того, подчас они могут даже подружиться с ухаживающими за ними служителями. Так, наш четырнадцатилетний самец Тони, живущий во Франкфуртском зоопарке, послушно сажился по нашей просьбе, чтобы мы могли сделать ему необходимую прививку. Он терпеливо разрешал всадить себе в кожу толстую иголку шприца, но, когда ее однажды никак не удавалось вытащить обратно и нам пришлось прибегнуть к помощи щипцов, Тони вздрогнул, вскочил и бросился бежать. Ему ничего не стоило бы отбросить нас коротким движением своего мощного черепа, но ничего подобного не произошло. На зов своего служителя он послушно вернулся, сел, словно большой щенок, на свою толстую попку и разрешил лечить себя дальше.

Когда стадному животному приходится в зоопарке жить в одиночку, меня всегда мучают угрызения совести. Именно поэтому я и решил перестроить помещение, в котором содержался наш бегемот Тони. Поскольку, побывав в Африке, я увидел своими глазами, по каким отвесным склонам способны взбираться эти тяжеловесы, я велел выломать широкие плоские ступени, ведущие в бассейн. Их так построили восемьдесят лет назад, когда считалось, что для подобных «неповоротливых, громоздких» животных иначе и нельзя. Я заменил их отвесными короткими ступеньками и выиграл этим много места в бассейне. Теперь в нем вполне могли разместиться два бегемота.

Невеста для Тони, весившего к тому времени уже 20 центнеров, должна была быть уже взрослой особью. После некоторых поисков я остановился на Гретель из Нюрнбергского зоопарка. Гретель пережила войну, хотя потеряла во время бомбежки «мужа» и сына, а сама тоже едва спаслась, нырнув на дно бассейна и переждав там воздушный налет. Таким образом она отделалась только незначительными ожогами на задней ноге, шрамы от которых можно разглядеть еще и сегодня.

Для перевозки бегемота нам пришлось в Нюрнберге над бассейном, расположенным в открытой вольере, построить целое сооружение из железных балок и стропил, чтобы по этому «мосту» перекатить эту тучную особу в специально изготовленный крепкий бокс. Разумеется, мы воспользовались этой возможностью и взвесили Гретель вместе с грузовиком. В ней оказалось 15 центнеров.

Поначалу я боялся, что здоровенный Тони при знакомстве может как-нибудь поранить гораздо более «миниатюрную» вдову, но все произошло совсем иначе. Ведь Тони ни разу в своей жизни не видел ни одного своего сородича, кроме матери, которую давно забыл. Он всегда видел вокруг себя одних только людей, и их-то, по всей вероятности, и принимал за свою родню. Поэтому он испытывал непреодолимый ужас перед этим непонятым существом, которое бесцеремонно вселилось в его апартаменты. Воспользовавшись его замешательством, гораздо более опытная вдовушка Гретель сразу же взяла над ним верх и принялась его гонять. Когда вечером первого дня знакомства я запер Гретель в отгороженный отсек, Тони даже не решался спуститься в бассейн для вечернего купания, боясь, видимо, что драчливая «невеста» спряталась где-то под водой.

И тем не менее они очень быстро свыклись друг с другом и уже на третий день знакомства отпраздновали свадьбу. В течение последующих одиннадцати лет, вплоть до 1962 года, Гретель и Тони произвели на свет девять детенышей, живущих ныне в зоопарках всех континентов, даже в Токио и Канзас-Сити. Небезынтересно, что одного бегемотика приобрел у нас зоопарк города Монровии, столицы Либерии. Таким образом, «гиппо из Франкфурта» вернулся назад в Африку.

Но зато с «человеколюбием» Тони (которое было запечатлено на фотографии в путеводителе по зоопарку и так впечатлило наших африканских знакомых) вскоре после «свадьбы» было покончено. Теперь у него была «жена», которую он ревниво оберегал ото всех. В одно прекрасное воскресенье он, шутя и играя, ухватил своего служителя Экка зубами за локоть, разорвав при этом мускул и повредив кость. И, несмотря на то что господин Экк через 25 минут уже лежал на операционном столе под наркозом, тем не менее из больницы он выписался только спустя шесть недель.

Если диких бегемотов напугать, случается, что они бросаются в воду с высоты шести метров, поднимая в воздух целые каскады воды. В природоведческих книжках всегда повторяют одни и те же старые рассказы путешественников о столкновениях с самцами-бегемотами, во время которых те опрокидывали лодки или просто откусывали у них нос или корму. Однажды один бегемот напал на четырех волов, привязанных на берегу возле водяной мельницы. Он разорвал их на части и растоптал. Другой бегемот неожиданно напал на двух женщин, пришедших за водой к реке, и убил

обеих. Какой-то араб хотел прогнать из своего сада бегемота, повадившегося приходить туда и раскусывать своими мощными челюстями дыни — одну за другой. Но получилось так, что не он прогнал бегемота, а, наоборот, разъяренный гигант погнался за ним и убил.

Но это ведь все стародавние истории, правдивость которых к тому же уже трудно проверить. Кроме того, и среди людей встречаются сумасшедшие, маньяки и убийцы, но тем не менее никому не придет в голову объявлять человека как вид социально опасным (хотя для этого имелись бы значительно более веские основания, чем в случае с бегемотом!).

А каким варварским способом промышляли бегемотов во времена, когда еще не было изобретено огнестрельное оружие! Один исследователь Африки так описывает эту «охоту». Два отважных африканских охотника в утлой лодчонке спустились вниз по бурлящему течению и подкрались к купающемуся стаду бегемотов. Тут они нырнули и, подплыв под водой к берегу, бросили в стоящего на берегу бегемота два гарпуна. Один из них глубоко вонзился в тело животного и застрял там. К веревке гарпуна был прикреплен здоровенный поплавок. Раненое и разъяренное животное бросилось в воду, сопя и пуская пузыри, нырнуло, а поплавок, разумеется, повсюду следовал за ним. А поскольку бегемот принимал эту штуковину за своего преследователя, то боялся всплыть к поверхности за необходимой порцией воздуха и силы стали его быстро покидать. Тем временем охотникам удалось накинуть петлю на поплавок и с помощью длинного каната медленно подтянуть его к берегу. Несчастная жертва, страдая от боли и потери крови, взвилась над водой, громко вопя и взбивая вокруг себя розовую пену. Когда бегемот подплыл ближе к берегу, в него вонзилось еще два следующих гарпуна. Тем не менее, почувствовав под ногами твердую почву, он бросился на своих мучителей с открытой пастью. Копья, заброшенные ему в пасть, мало повредили бегемоту, но зато каскад песка, которым охотники встретили его появление, совершенно ослепил его. Бегемот неистово тряс головой, но, ничего не добившись, повернулся и поплелся назад, к воде. И так продолжалось в течение трех часов, во время которых каждая попытка животного выбраться на берег отражалась целым шквалом песка. Под конец наблюдавшему эту сцену белому путешественнику надоело ждать, и он одним выстрелом прикончил несчастную жертву.

Местных охотников в бегемоте привлекает в первую очередь мясо, которое африканцы в случае удачной охоты поглощают

огромными порциями. Оно и на европейский вкус совсем неплохое. Кожа у бегемота толщиной в несколько сантиметров. Ее нарезают на 400—500 тонких полос, которые смазываются жиром и затем высушиваются. Кожа эта идет на изготовление страшных кнутов, носящих название «шамбок» или «курбарь». Как-то я получил пакет от гессенской скорняжной мастерской. В нем был кусок кожи погибшей много лет назад в зоопарке самки бегемота. Оказывается, дубление такой кожи требует не менее шести лет! Кожа была твердая как камень, и даже в дубленном виде имела толщину в четыре с половиной сантиметра. Используется она прежде всего для шлифовки алмазов, поскольку отличается особо прочным строением волокон.

Большие клыки бегемота покрыты толстым слоем желтоватой, твердой, как стекло, эмали. Для того чтобы добраться до дентина, сначала приходится эмаль растворять в кислоте. При этом зуб теряет примерно треть своего веса. Тем не менее крупные клыки бегемота представляют собой ничуть не менее, а даже более дорогое сырье для изготовления изделий из кости, чем знаменитые бивни слонов. Дело в том, что эта кость в отличие от слоновой не желтеет со временем. Именно поэтому из нее в течение долгих лет изготовляли искусственные зубные протезы и челюсти для людей.

Зубы у бегемотов, так же как у лошадей и многих других травоядных, растут в течение всей жизни: от постоянного жевания они непрерывно стачиваются о противоположный зуб. В случае, когда противоположный отсутствует, другой зуб, беспрепятственно отрастая, может вонзиться в десну и начинает причинять животному нестерпимые боли. Так, у нашей Гретель один из клыков рос неправильно: он торчал вбок изо рта и загибался назад. А поскольку он все время рос, то грозил уже травмировать кожу на морде животного. Я ломал себе голову, каким бы мне образом спилить этот зуб? Ведь для подобной операции бегемота надо предварительно связать или усыпить на время — но как и чем? К тому же нам не известна доза наркотика, необходимая для анестезирования подобной махины, а всякое превышение допустимой дозы смертельно для животного. Как быть?

Думал я, думал, пока однажды утром Гретель сама не решила эту проблему: обломила мешающий ей зуб об железные прутья своего загона. А у меня свалился камень с души.

Длина кишок у бегемота вдвое больше, чем у слона, хотя слон значительно крупнее бегемота. Слоны ведь относительно плохо усваивают пищу — ветки и твердые части растений; зато

они, подобно многим другим африканским животным, в засушливые сезоны совершают миграции, кочуя вслед за сочными кормами. А бегемоты никуда не уходят со своего постоянного «места жительства» — определенного участка реки. Питаются они при этом водорослями, тростником, побегами бамбука, но прежде всего по ночам — травой на близлежащем берегу. И когда эта трава засыхает, становится практически непригодной для пастьбы других копытных, бегемот вынужден продолжать питаться на протяжении всего засушливого сезона тем, что других не устраивает. Его желудки (а их у него несколько!) и кишечник устроены так, что способны усваивать даже подобную засушенную целлюлозу, превращая ее в полноценные животные белки, то есть, попросту, в мясо. Ни слонам, ни каким-либо другим диким животным не удастся нагуливать такой вес на столь скудных питательными веществами кормах. А уж о домашнем скоте и говорить нечего!

Сколько африканских детей, погибших от белковой недостаточности, на совести у колонизаторов, которые за восемьдесят лет своего господства безжалостно перестреляли бегемотов почти во всех водоемах Африки, причем просто так, из желания «пострелять» или позабавиться, просто ради того, чтобы убить ни в чем не повинное существо...

В зоопарках бегемоты легко переходят на питание сеном, крупой, отрубями, хлебом, овощами и др. Если эти увальни живут возле самого устья реки, то они зачастую не прочь порезвиться даже в соленой морской воде. Известно, что они не раз добровольно переплывали расстояние в 30 километров, отделяющее остров Занзибар от Африканского побережья.

Несмотря на свою видимую флегматичность, бегемоты при случае умеют за себя постоять. Так, в цирке Саррасани, где бегемот содержался совместно со слоном, несовпадение взглядов у толстокожих выразилось однажды в коротком, сильном ударе мощным бегемочьим клыком по ноге слона: прочная слоновья кожа оказалась при этом вспоротой!

Когда старый Гагенбек выгружал одного из первых бегемотов, прибывших в его зверинец, он недоучел силу и резвость этого животного. Выйдя из транспортной клетки, бегемот мгновенно опрокинул раму с натянутой на ней железной сеткой, придавив ею двух служителей зверинца. Несчастные лежали на земле, не имея возможности выбраться, а бегемот уже собрался заняться ими вплотную (и наверняка убил бы), если бы Гагенбек, не потерявший присутствия духа, в этот момент не дал бы ему ногой пинка под зад. Взбешенный таким ос-

корблением бегемот, широко разинув пасть, повернулся и бросился на обидчика. Гагенбек кинулся бежать, вскочил в открытую дверь вольеры, предназначенной для этого бегемота, и, протиснувшись с противоположного конца между редкими толстыми прутьями решетки, обежал с быстротой молнии вокруг и запер снаружи дверь. Бегемот оказался в ловушке. Он бешено озирался по сторонам, ища исчезнувшего куда-то противника, и еще долго не мог успокоиться. И нельзя сказать, чтобы это был какой-то особенно злобный экземпляр. Просто долгая дорога, видимо, истрепала ему нервы. Уже на другой день он проявил себя совершенно миролюбиво, когда гигантский кенгуру, живший в соседней вольере, лихим прыжком перемахнул через отделявшую его от бегемота перегородку высотой в два с половиной метра и начал отвешивать ему одну затрещину за другой. Оплеухи так и сыпались градом на морду озадаченного великана, а тот даже не пытался сопротивляться. А между прочим, одним только резким рывком своей огромной головы он мог бы на месте убить своего противника. По-видимому, неслыханная дерзость этого незнакомого субъекта совершенно озадачила толстокожего.

На сегодняшний день бегемоты обитают только южнее Сахары; в Египте и Судане они давно истреблены. Пока в отдельных странах Африки не взялись всерьез за их охрану, дело начинало принимать совсем трагический оборот: еще немного, и наши внуки знакомились бы с этими животными только по книжкам...

Глава пятая

НЕСЧАСТНЫЕ ПРОКАЖЕННЫЕ

Был такой случай. Не так давно в Париже в один из самых фешенебельных ресторанов появился господин, который, сев за столик, заказал себе самые дорогие и изысканные блюда, имевшиеся в меню. Поев в свое удовольствие, он совершенно спокойно заявил, что в кармане у него нет ни единого су и что к тому же он болен проказой...

Можно только представить себе ужас официанта и метрдотеля! Стараясь по возможности не прикасаться руками к опасному гостю, они поскорее выдворили его за дверь. Об оплате никто уже и не думал! И только много позже полиции удалось выяснить, что тот же самый трюк этот субъект проделывал и в ряде других ресторанов и что он, между прочим, абсолютно здоров!

И наоборот. Я уже рассказывал о том, как однажды сидел в очень приятной африканской компании, где по кругу ходила чаша с пальмовым вином, и как я совершенно случайно узнал, что один из участников застолья болен проказой... Вот так поразному относятся в разных странах к этой ужасной болезни.

Нам с Михаэлем приходилось потом бывать в деревнях, где живут одни только прокаженные. Эти люди съехались туда

добровольно, потому что в прежних французских колониях их там бесплатно лечили. Помню, как из домов выползали на четвереньках тяжелобольные калеки с обрубками изъеденных проказой рук и ног, а другие, у которых болезнь находилась еще в начальной стадии, охотно разрешали осматривать и ощупывать первые признаки проказы на своей коже, с явным удовольствием соглашались фотографироваться, развлекались игрой в кости. Находились среди них и целые семьи, где болен был только муж, а жена и дети здоровы, однако жили они здесь все вместе.

Только много позже мне стало ясно, что мы путешествовали тогда именно в том краю земли, который больше всех других поражен этой страшной болезнью.

Но не думайте, что это заболевание, вызывающее у нас почти мистический ужас, такая уж большая редкость на нашей планете! Прокаженных, по весьма приблизительным подсчетам, около семи миллионов, а под врачебным наблюдением находится только незначительная их часть. Из них в Восточной Азии проживает два миллиона, в Индии — один миллион, в Европе — двадцать тысяч, в Центральной Африке — тоже один миллион. Но поскольку эти области Африки населены отнюдь не густо, то в процентном отношении зараженность населения здесь значительно выше, чем в других частях света, хотя общее число больных вроде бы и ниже. Так, в отдельных негритянских племенах число больных доходит иногда до десяти процентов.

Время от времени у нас, в Германии, начинали ходить слухи о каких-то детях, заразившихся этой страшной, считающейся неизлечимой болезнью; заразились они якобы, поев бананов, собранных руками прокаженных, или от того, что играли на персидском ковре...

На самом же деле проказа отнюдь не так заразна, как это принято считать. Во всяком случае среди медицинского персонала, обслуживающего лепрозории, случаи заражения встречаются чрезвычайно редко: не более чем в 3—6 процентов. Чаще всего достаточны самые минимальные санитарно-гигиенические меры, такие как мытье рук, отдельная постель, отдельное белье и посуда, а еще лучше — отдельная комната для больного, чтобы избежать заражения.

В прошлом столетии одно время даже утверждалось, что эта болезнь вообще не переносится контактным путем; более того, что ею при всем желании невозможно заразиться! Чтобы это доказать, один врач в 1844 году додумался до безумной идеи привить себе и нескольким добровольцам из персонала

больницы гнойные выделения, взятые из узлов на коже прокаженных. Более того, он производил неоднократные переливания крови от больных проказой здоровым людям — и ничего. Но и этого оказалось мало: даже после того, как этот врач вшил себе под кожу гнойный узел, взятый у прокаженного, даже тогда не произошло заражения... Как нам сегодня известно — всего лишь из-за счастливой случайности. Потому что когда в 1884 году на Гавайях одному осужденному на смертную казнь преступнику перелили кровь от девятилетней прокаженной девочки, он через некоторое время заболел тяжелой формой этой болезни и спустя уже пять лет был мертв. Подобная же судьба постигла одного заключенного, взятого для временной работы в лепрозорий. Поскольку ему ни за что не хотелось возвращаться в тюрьму, он сам привил себе проказу. И заболел ею. Правда, у обоих этих людей в роду имелись родственники, больные проказой, поэтому долгое время оба эти случая считались бездоказательными.

Если кто-то заразился проказой, то в течение двух с половиной лет он, как правило, ничего об этом не знает. Только спустя столь долгое время болезнь начинает проявляться, и больной ощущает ее признаки. Но по прошествии такого продолжительного срока большинство людей уже не помнят, в какой именно момент и при каких обстоятельствах они могли ее подцепить...

Весьма убедительный, хотя и невольный, опыт проделали два американских матроса, которые в 1943 году в Мельбурне, в Австралии, будучи «на подпитии», решили сделать себе «на память» татуировку на руке. Исполнитель этих «высокохудожественных произведений» (тоже полупьяный) очень старался. Но спустя два года и семь месяцев у одного матроса и два года и девять месяцев у другого на месте татуировки образовались очаги проказы.

Первый признак проказы (или лепры, как ее еще принято называть) — это появление четко очерченного пятна, особого кожного раздражения; часто отмечается резкое побеление отдельных участков кожи, которая постепенно теряет чувствительность; в таких местах можно вонзать иголки — прокаженный не почувствует никакой боли.

В Европе, где врачи редко сталкиваются с лепрой, случается, что диагноз ставится неверно, и больного годами лечат от совершенно других болезней. Если в наши дни европеец заболевает проказой, то, как правило, это означает, что он

затащил ее с собой откуда-то из тропиков или из стран, где еще имеются очаги этой инфекции.

В наше время в Европе очагов проказы нет, однако это не значит, что их никогда и не было. В прежние времена в Германии, например, проказа встречалась отнюдь не редко. Средневековые лекари неоднократно проводили поголовный медицинский осмотр населения на предмет выявления лепры на ранней стадии развития. Обнаруженных больных немедленно изолировали от общества.

А затащили это страшное чудище — проказу в Европу еще в первые столетия после Рождества Христова, то есть в первые века нашей эры. И вскоре эта болезнь достигла ужасающего размаха. Поначалу больных лечили в многочисленных в ту пору специальных госпиталей для прокаженных, притом обращались с ними с поистине «христианским милосердием», жалея в постигшей их беде. Содержались эти госпитали за счет пожертвований разных католических орденов. Однако болезнь все ширилась и множилась, больных становилось все больше, и вскоре сострадание перешло в страх и ужас: по отношению к прокаженным стали применять все более суровые меры изоляции. Их подвергали различным унижительным процедурам вроде «гражданской смерти при жизни». Больному при этом сыпали на голову землю, что должно было имитировать погребение; он вынужден был безропотно присутствовать при том, как его имущество делилось между наследниками, а жену его публично объявляли вдовой, и ей разрешалось выйти замуж за другого. Участь таких несчастных бывала поистине страшной: им разрешалось доживать свои дни только далеко от городов, в поселениях, внушающих всем окружающим священный ужас, которые все обходили стороной. Если прокаженный пользовался общественными дорогами, то обязан был уведомлять здоровых граждан о своем приближении, звоня в колокольчик или вертя трещотку. Ему запрещалось посещать рынки, бани, церкви, постоялые дворы, а подавания разрешалось принимать только на расстоянии — с помощью длинной палки. А в Шотландии пошли еще дальше: прокаженных кастрировали и загоняли в леса, а когда они умирали там с голоду, то клали в гроб лицом вниз. И тем не менее участь этих больных в средневековье не была столь безотрадной, как в наши дни в некоторых странах (в основном — колониях), где их насильственно сгоняют либо на уединенные острова, либо в какую-нибудь затерянную глушь, где они вы-

нуждены прозябать в нищете и убожестве, вдали от своих родных и близких...

Примерно к концу средних веков страшная болезнь в Европе стала отступать и постепенно затухла почти окончательно. В то время как прежде временами приходилось содержать более тысячи приютов для прокаженных (что при тогдашней малой населенности Европы было неслыханно много), картина вскоре резко изменилась: так, во Франции, например, последний лепрозорий был закрыт в 1695 году.

Чем объяснить исчезновение проказы в Европе? Одной лишь строгой изоляцией больных? Вряд ли. Скорее всего свою роль в этом деле сыграла, как ни странно... чума. Ведь одна только эпидемия чумы в 1349 году унесла в Европе двадцать пять миллионов человеческих жизней, что составляло огромную часть тогдашнего ее населения. Вполне вероятно, что первыми жертвами чумы сделались ослабленные своим продолжительным недугом прокаженные.

Всего лишь несколько лет назад много разговоров было вокруг гипотезы, утверждавшей, что заражению проказой способствует якобы хроническое отравление организма определенного рода «сапотоксинами», особенно часто встречающимися в семенах некоторых сорняков, например в куколе обыкновенном (*Agrostemma githago L.*). Там, где зерно перемалывается на современных мукомольных предприятиях, то есть в цивилизованных странах, все сорняки механически отсеиваются и в муку не попадают. Именно потому в этих странах и затухли очаги проказы. Однако исследования последних лет доказали, что подобное предположение безосновательно. Совершенно бесспорно лишь то, что проказа — такая болезнь, распространение которой в современных развитых странах, где население живет в более или менее гигиенических и санитарных условиях, сильно затруднено. Проказе всегда вольготнее там, где грязно и тесно, а это значит — у народностей, живущих в антисанитарных условиях, притом преимущественно в перенаселенных местностях. Все эти народности имеют, например, привычку плевать и сморкаться на пол. А у прокаженных особенно часто бывает поражена слизистая оболочка носа и гортани. Бациллы проказы же, попав в землю, могут там долго сохраняться. Кроме того, в тропиках зачастую расхаживают босиком, а порой и фактически без одежды. Поэтому при заражении проказой пораженными местами чаще всего оказываются ноги, ягодицы или руки. Вероятнее всего, бациллы проказы проникают в кожу через случайные царапины,

ссадины или ранки. Поэтому уже одно только ношение обуви и длинных брюк может в этих странах служить достаточно хорошей защитой от заражения. В то же время, если прокаженный прочтет газету, то по прошествии десяти минут после этого на ней можно сосчитать от 40 тысяч до 185 тысяч бактерий!

Существующие у нас в стране на сегодняшний день законы для прокаженных не столь суровы, как в прежние времена, что вполне соответствует сравнительно небольшой возможности заразиться этой болезнью. Тем не менее больной обязан зарегистрироваться в лечебном заведении; он не имеет права посещать общественных бассейнов или бань, парикмахерских, школ, театров, гостиниц, а также пользоваться городским транспортом. Лица, проживающие совместно с таким больным, даже совершенно здоровые или вылеченные, обязаны находиться в течение пяти лет под постоянным врачебным контролем.

Однако встает вопрос: нельзя ли поступать по отношению к этим ни в чем не повинным людям более гуманно? Ведь проказа гораздо менее заразна, чем, к примеру, туберкулез или сифилис!

Нелеченые случаи проказы через восемь — двенадцать лет оканчиваются, как правило, мучительной смертью; однако известны также многочисленные случаи, когда люди, заболевшие этой болезнью, болеют ею всю свою жизнь и умирают в глубокой старости от совсем другого недуга. Наблюдается «доброкачественная» и «злокачественная» форма заболевания. Так, при «доброкачественной» форме чаще поражается нервная система, происходит скрючивание пальцев на руках и ногах, приводящее впоследствии к их отторжению. При такой форме целые участки кожного покрова тела становятся полностью нечувствительными. «Злокачественная» же, опухолевая, форма образует на теле ужасные язвы, желваки и нарывы, так страшно обезображивающие прокаженных. Наиболее часто встречающееся искажение лица больного известно под названием «львиный лик». Злокачественная форма проказы поражает, равно как и туберкулез и сифилис, почти все органы человеческого тела. Больные часто слепнут. Реже всего поражаются половые органы и органы слуха. Глухота у прокаженных, как правило, никогда не наблюдается.

Врачи теперь отнюдь не так беспомощны против этой болезни, как в прежние времена. Открытие средства, приобретающего все большее признание в мире, приписывается индийскому королю Рама из Бенареса. Узнав, что он болен проказой, Рама удалился в джунгли, где, как гласит предание,

питался различными травами и кореньями, особенно же много он поедал плодов и листьев дерева «кала». Вскоре он оказался совершенно здоровым. В лесу же он повстречал принцессу по имени Пия, тоже прокаженную. Рама вылечил и ее, после чего они произвели на свет шестнадцать пар близнецов.

За прошедшее с тех пор время были выявлены целебные свойства этого растения и родственных ему видов и изготовлен препарат *Chaulmoogra*, который сегодня можно найти в арсенале всех лепрозориев мира. Правда, лечение требует непрерывных инъекций в течение многих лет.

Но в то время как пенициллин и стрептомицин оказались бессильны против проказы, новые препараты из группы сульфонов в борьбе против страшной болезни не потерпели поражения, а, наоборот, уже намного приблизили день окончательной победы. Правда, и они требуют непрерывного применения в течение долгих месяцев и даже лет, большей частью в комбинации с *Chaulmoogra*.

Японец Митсуда открыл реакцию, с помощью которой можно выявить, был ли человек уже однажды инфицирован проказой и есть ли в организме больного защитные свойства, способные бороться против этой грозной инфекции. С этой целью человеку делают прививку, вводя под кожу сыворотку из умерщвленных бактерий лепры. У пациентов, в организме которых имеются противоядия против возбудителей лепры, на месте прививки образуется небольшое вздутие. У прокаженных, страдающих доброкачественной формой болезни, как правило, после прививки образуются аналогичные вздутия, указывающие на то, что в их организме имеются противоядия против этой болезни. У больных со злокачественной формой заболевания подобной реакции на прививки не наблюдается. Если же такая реакция у этих больных все же наступает, то это признак того, что злокачественная форма у них вскоре должна перейти в доброкачественную. Показатели эти чрезвычайно важны для установления необходимых методов лечения в каждом отдельном случае.

В самое последнее время французские врачи обнаружили, что «реакция Митсуда» протекает положительно и у больных туберкулезом. И наоборот, положительная реакция на туберкулин, долженствующая указывать на зараженность организма туберкулезом, наблюдается, как оказалось, и у прокаженных, несмотря на то что в их организме нет ни единой туберкулезной палочки... Судя по этому, можно предполагать, что проказа и туберкулез — болезни весьма родственные. Тот, кто обладает

невосприимчивостью к проказе, может не опасаться и туберкулеза, и наоборот. Многие говорят за то, что проказа в Европе только потому затухла, что на ее место заступил туберкулез, получивший такое массовое распространение.

Успешное лечение проказы зависит от ранней диагностики и своевременно принятых мер. Полная ликвидация болезни в течение первых двух лет происходит в десять раз чаще, чем в случае четырехлетнего срока заболевания. Однако на сегодняшний день стало почти невозможно лечить все те миллионы больных, имеющих сейчас на земле, и в первую очередь, разумеется, в странах, где к этой болезни относятся достаточно равнодушно, часто даже не рассматривая ее как заразную. В стационары для лечения проказы там, как правило, попадают лишь полностью отчаявшиеся, изуродованные и покалеченные люди, которые, словно утопающий, хватающийся за соломинку, отдают себя в руки белых врачей.

А можно ли вообще брать на себя ответственность за такие действия, как насильственная изоляция больных, которых отрывают от родных и близких и фактически при жизни хоронят, обрекая на вечное заточение в лепрозориях, устроенных на необитаемых островах? Кому дано такое право? Такие действия приводят только к тому, что больные на ранней стадии развития болезни, когда она для постороннего глаза, как правило, не заметна, прячутся от врачей и скрывают всеми силами свой недуг. А ведь именно в этой стадии больные наиболее опасны для окружающих, гораздо опаснее, чем несчастные изуродованные калеки, которых и сами все сторонятся!

Поэтому госпитали для подобных больных должны быть организованы так, чтобы люди не боялись туда приходить: с хорошим питанием и уютными палатами; больным должна быть предоставлена духовная пища, кино, какая-то трудовая деятельность; а изуродованных, вызывающих ужас у окружающих, запущенных больных необходимо изолировать от других, чтобы не подавлять тех морально и не пугать безутешными перспективами.

В подобные образцовые лепрозории, которые, кстати говоря, уже имеются в различных частях света, больные идут охотно. В средневековые отдельные бездомные нищие даже нарочно симулировали болезнь, чтобы попасть в лепрозорий, который богато и сытно содержался на обильные пожертвования благотворительности.

Но содержать подобные образцовые учреждения безумно дорого, а больных слишком много. Поэтому сейчас стараются

идти по линии разъяснения населению пользы лечения болезни на ранних стадиях и бесплатно лечить больных амбулаторным путем, тем более что необходимые для лечения лепры медикаменты стоят недорого.

Ужасно сознавать, что сейчас, в наше время, на земле есть миллионы прокаженных, которые обречены медленно и мучительно загнивать, несмотря на то что у современной медицины есть средства им помочь! Во всяком случае большинству из них. И не делается это только потому, что недостает денег, хорошей организации и, главное, человеколюбия! Как легко можно было бы покончить с этим «адам на земле», если бы вместо гонки вооружения направить свои усилия на борьбу с человеческими недугами, и в частности снабдить врачей необходимыми (весьма скромными!) средствами лечения проказы, чтобы спасти этих несчастных и отверженных...

Глава шестая

О ЦЕНАХ, ЗАРАБОТКАХ, ЗОЛОТЫХ СЛИТКАХ И УДИВИТЕЛЬНЫХ ПОВАРЕННЫХ РЕЦЕПТАХ

— Мое сердце еще слишком разгоряченное, я должен подождать, пока оно немного остынет, — говорит африканский крестьянин после того, как битый час провел в лавчонке, отчаянно торгуясь.

С этими словами он забирает назад свои четыре мешка с необжаренным кофе, которые только что предлагал купить хозяину лавки и которые тот тщательно и долго взвешивал. Нет, он раздумал. Не спеша крестьянин водружает мешки с кофе на головы своих четырех жен и вместе с ними уходит, причем сам идет пустой. На нем старый пробковый шлем, нос его украшен синими солнцезащитными очками, и на фоне своих полуголых молодок, покорно бредущих следом за ним, словно груженые ослики, он выглядит, я бы сказал, даже щеголевато.

Да, нелегко такому вот черному мужичку здесь, в городке, выгодно сбыть свой урожай, да чтобы его при этом еще и не надули! Его женам сейчас придется не менее чем в двадцати лавчонках сгружать, взвешивать и снова водружать себе на

голову эти мешки, пока их хозяин и повелитель решится наконец продать свой товар. Но цену ему повсюду предлагают примерно одинаковую — несколько больше двух марок за килограмм, потому что минимальная цена установлена государством и занижать ее никому не разрешается. Дело все в том, сколько товар потянет на весах, а тянет он на всех весах по-разному...

Я сижу в задней комнате лавчонки, которые носят здесь французское название «бутик» («boutique»). Лавчонка принадлежит сирийцу, у которого мы остановились на пару дней. С того места, где я сижу, мне очень удобно наблюдать за всем происходящим в лавке. Африканская клиентура подолгу торгуется с хозяином этого торгового заведения, усиленно жестикулируя и горячась. Притом одни обращаются к нему по-французски, другие на диула — широко распространенном здесь языке магометанских купцов; с третьими, говорящими только на каком-то никому не ведомом племенном наречии, торговцу приходится объясняться на пальцах. (В этой стране существует около семидесяти различных наречий, и французский язык играет здесь как бы роль эсперанто. Даже в самых отдаленных деревушках всегда можно найти кого-то, кто переведет с местного на французский.)

У каждого покупателя свой интерес: один покупает десять флаконов дурно пахнущих духов, разливает их по маленьким пузырькам и закупоривает, с тем чтобы потом, где-то в «глубинке», на базаре, выручить за них вдвое. Другие приобретают длинные тяжелые ножи типа «мачете», необходимые для того, чтобы прорубать проход в лесной чащобе, или напоминающие пушечные ядра чугунные горшки, так называемые мармиты, в которых над открытым огнем готовится пища. Покупают здесь и красное вино, разливаемое из бочки по немытым пивным бутылкам; продается и страсбургское пиво, и набивные ситцы. А какой-то клиент вываливает на прилавок гору грязных скомканных бумажных денег — целых десять тысяч марок — и пытается уговорить владельца лавки уступить ему его грузовик.

Я тем временем пробегаю глазами целую кипу писем, которую мне переслали сюда из Франкфуртского зоопарка, куда они начали поступать буквально пачками, как только в газетах появилось сообщение о моем намерении лететь в Африку. Еще бы! Ведь прошло всего несколько лет после окончания войны! Тут нашлось немало желающих сопровождать меня в качестве экспедиционного врача, ветеринарных ассистентов; молоденькие девицы предлагали свои услуги в качестве по-

мощниц на охоте или поварих... Но я ведь во всем этом нисколько не нуждаюсь. Все представления о подобных экспедициях черпаются из американских приключенческих фильмов или книжек о «героических путешествиях» по Африке...

Но многие мои корреспонденты хотят лишь знать, каким способом можно попасть в Африку и можно ли там устроиться; им надо только одно: выбраться, и как можно скорее, из тяжелой обстановки послевоенной Германии.

Нынешние времена в Африке напоминают золотую лихорадку на Аляске. Различные европейские фирмы ввозят сюда капитал и образуют здесь свои филиалы. Дома вырастают как грибы; земельные участки вдоль основных дорог даже в небольших городках, расположенных вдали от побережья, скоро будут стоить дороже, чем в Париже или Мюнхене. Ведь никто еще всерьез не думает о том, что скоро все африканцы станут самостоятельными и независимыми.

Я разговорился с одним поселенцем из Европы, неким господином Шмоурло. Он здесь давно.

— Да, то были времена! Я имею в виду десять лет тому назад, — вздыхал он. — Тогда здесь все еще было просто. Правительство выделяло тебе кусок девственного леса, притом, заметьте, столько, сколько захочешь. Потом достаточно было пойти к вождю ближайшего племени, угостить его водкой, сыграть с ним в кости и — сторговаться относительно рабочей силы. Обычно это обходилось так: одна бутылка водки за пятерых рабочих, которые, согласно уговору, обязаны были проработать на плантации два года. Их привязывали за руку веревкой и уводили с собой. Таким способом скоро удавалось собрать четыре или пять сотен батраков. Теперь же все эти черные — свободные граждане, и ни один деревенский староста не может принудить их работать. Мы платим теперь по две марки в день за работу на плантации плюс жилье и прокорм, и все равно ни один черт не хочет к нам идти! Вместо прежних трехсот рабочих у меня, на сегодняшний день, всего двадцать пять. Это как раз столько, сколько необходимо, чтобы срезать и упаковать спелые бананы, а о том, чтобы полоть и раскорчевывать новую землю под плантации, не может быть и речи! Вот такая ситуация. Плантации мои постепенно снова зарастают лесом. А черные тем временем сами научились выращивать кофе и бананы. Сажают же они ровно столько, сколько им нужно, чтобы на вырученные деньги приобретать тот хлам, которым мы, белые, их здесь «осчастливливаем»: ботинки, очки, велосипеды, пару европейских платьев...

Для того чтобы прокормиться, им ведь не больно-то много нужно — тут почти все растет само собой. Надо быть дураком, чтобы при подобных обстоятельствах еще надрываться на чужих плантациях...

И вот послушайте, что я вам еще скажу. «Земля принадлежит африканцам», — говорит французская администрация. Значит, тот, кто хочет приобрести участок земли, сначала должен согласовать это с деревенским старостой, а затем и с начальником округа. И только если оба эти лица ответили утвердительно, только тогда правительство соглашается отмерить вам кусок земли. Раньше черных ничего не стоило надуть с помощью пары бутылок водки, теперь же они обычно хорошо осведомлены, какова истинная цена их земли. Вот, к примеру, в портовом городе Сасандре проживает одно-единственное африканское семейство, предки которого испокон веков жили на этом месте. Все остальные черные здесь — пришлые, точно так же, как и мы, белые. Поэтому каждый, кто хочет в городе построить дом или гостиницу, должен сначала получить согласие этого семейства. Можете себе представить, как эдакая семейка там процветает и благоденствует?

Каждый «*planteur*», как здесь именуют плантаторов или фермеров, если он достаточно «пробивной» и энергичный, непременно открывает в ближайшей деревушке еще и лавчонку — «бутик», где при помощи черного продавца торгует пивом, вином, контрабандными французскими сигаретами, солью, сахаром, спичками, консервами, маслом, запечатанными в банках сосисками; кроме того, у него всегда имеется пара рулонов материи и шерстяная пряжа. Сам же он скупает какао и кофе. Основной доход приносит именно эта торговля. (Я часто вспоминаю, как моя квартирная хозяйка, у которой я жил в студенческие годы, всячески убеждала меня в том, что «даже самая маленькая лавчонка позволяет прожить более безбедно, чем любая работа честных трудовых рук»...)

В небольших городишках и на базарах можно продать фактически все что угодно. Основная трудность заключается в том, чтобы раздобыть достаточное количество тех европейских товаров, которые в данный момент в моде у африканцев. Это могут быть самые неожиданные вещи. Например, поношенные мужские жилеты, вышедшие из моды в Европе, здесь, в Африке, нашли свое применение в качестве «нарядных детских пальтишек», в которых негритята бегают во время сезона дождей. Большой спрос здесь на дешевые самопишущие ручки, эмалированные кувшины и кастрюли, карманные фонари, ста-

рые иллюстрированные журналы для обклеивания стен в хижинах; не меньший спрос на пробки для винных и пивных бутылок. На всяком базаре можно встретить торговцев велосипедами, причем у каждого их по пятьдесят — восемьдесят штук. Велосипеды — новенькие, всех цветов, с тремя скоростями, фарой, зеркальцем и вообще со всеми атрибутами, которые только можно придумать для велосипеда. Нет у них только ножного тормоза, точно так же, впрочем, как и на итальянских велосипедах.

С моим другом Абрахамом, у которого был немецкий велосипед с ножным тормозом, произошел здесь, в Африке, смешной случай. Однажды он оставил свой велосипед на улице и его угнали. Угонщик не знал о существовании ножного тормоза и не умел им пользоваться. Поэтому, когда дорога пошла сильно под уклон и он решил притормозить, то не нашел на руле ручного тормоза. Он так разогнался, что сшиб женщину, а сам врезался в дерево. Вор, хромя, убежал, а моему другу благодаря ножному тормозу удалось вернуть свой велосипед.

Сейчас стало очень модно надевать на хорошеньких негритянских младенцев шерстяные вязаные чепчики и такие же носочки. И это в такой-то палящий зной! Я ловлю себя на том, что внутренне посмеиваюсь над этим, но, поразмыслив, прихожу к выводу, как несправедливо рассматривать все с нашей снобистской европейской позиции. Чем мы-то лучше, скажите? Разве наши дамы не разгуливают в двадцатиградусный мороз в нейлоновых чулочках и шелковых трусиках? А пробковые шлемы и синие очки, которые сейчас в большой моде у африканцев, носят здесь, как, впрочем, и у нас темные очки, больше «для форсу», потому что «так интереснее». Африканцы наряжаются в них обычно после пяти вечера, когда самый солнцепек уже позади...

Правда, все это относится только к поселениям, расположенным вблизи проезжих дорог. Стоило же нам, в поисках животных, отойти от дороги на самое незначительное расстояние, как перед нами во всей красе предстала голая, старая Африка в своем естественном обличье.

Белый человек в Африке может легко прожить лишь «только с одного грузовика», как здесь говорят. Для этого достаточно ездить взад и вперед по африканским дорогам, подвозить пассажиров, перевозить грузы вроде кофе, колы, канистр с бензином и другие подобные товары. Легковые машины по этим дорогам не ходят. Во-первых, в них можно задохнуться от

жары, а во-вторых, они слишком легко могут застрять в здешнем бездорожье. Черные торговцы тоже охотнее покупают себе грузовые машины.

С тем же Абрахамом был однажды такой смешной случай. Когда он уступил свой старый грузовик по дешевке одному деревенскому старосте, тот через две недели явился назад со страшными проклятиями по его адресу. В чем дело? Оказывается, он был возмущен тем, что «эта штуковина не желает двигаться с места, когда ее заправляешь водой вместо бензина...». Он повсюду ходил жаловаться, и до того всем надоел, что в каком-то учреждении ему подарили двадцать литров бензина, чтобы только отстал...

Очень выгадывает государство, по-моему, на том, что деньги здесь сделаны из страшно тонкой бумаги. Монет в обиходе вообще нет. Купюры легко рвутся и приходят в негодность. (Кстати, они всегда безумно грязные — через столько рук они проходят! Подержав их, всегда хочется поскорее побежать и вымыть руки...) Копить эти бумажные деньги у себя дома здесь, как правило, небезопасно. Так, один мой знакомый продал целый грузовик соли какому-то вождю деревни, причем торговался с ним в течение часа, пока выторговал себе желаемую цену; и только после того, как все мешки выгрузили из кузова и разместили по разным хижинам, «вождь» полез за ящиком, в котором хранились его сбережения. Каково же было всеобщее удивление, когда там вместо денег — нескольких тысяч франков — оказалась бумажная труха! Это была работа термитов — деньги им явно пришлись по вкусу. Вы думаете, этот человек расстроился? Ничуть. Он только произнес:

— Dieu ie voulait — такова воля Господня! — И повелел загрузить всю соль снова на машину.

Так что термиты, мыши, муравьи и прочая живность, заселяющая негритянские хижины, заботится о том, чтобы изымать из оборота добрую часть выпускаемых денег, приводя их в полную негодность.

Впрочем, африканец вообще не склонен копить деньги. Он охотнее покупает вещи, причем и они у него долго не задерживаются. Например, кто-то покупает велосипед, катается на нем, а через пару месяцев дарит его одному из своих братьев, а себе покупает новый. Это идеальные покупатели, так о них по крайней мере отзываются здешние торговцы.

Во время наших бесчисленных поездок по удаленным от цивилизации негритянским деревушкам мы не переставали восхищаться замечательными украшениями девушек и жен-

щин, которые они надевали на себя во время танцевальных вечеров. Такие украшения висели у них на шее, спускаясь на обнаженную грудь, были вдеты в мочки ушей и вплетены в волосы. Они из чистого золота, которое в этой части Африки находят еще достаточно часто. Кто знает, что еще лежит под землей в этих бесконечных лесах и степях, где и африканцы-то сами никогда не бывали? Какие никому не ведомые богатства? И только недавно несколько иностранных компаний организовали здесь промывку золота с помощью современной механизации, а еще одна приступила к добыче алмазов.

Не то чтобы африканцы не знали ценности золота. Оно просто здесь дешевле, чем в Европе; временами оно стоит лишь треть того, во сколько котируется на европейских биржах. Купить его здесь можно по относительно твердым ценам у магометанских торговцев или местных «золотых дел мастеров». Продают они его на вес, в золотых зернах, так называемых nuggets, знакомых нам по приключенским книгам о золотой лихорадке в Калифорнии.

Какое, должно быть, приятное ощущение испытываешь, сидя глубокой ночью в какой-нибудь уединенной негритянской хижине, перебирая и просеивая сквозь пальцы горку этого грешного желтого металла или взвешивая на руке маленькие шершавые самородки! Но вывозить его запрещено.

Так что черные ювелиры превращают эти слитки в длинные, тонкие золотые нити, из которых плетут красивые цепочки, или изготавливают искусные, часто довольно громоздкие ювелирные изделия типа кулонов, или выковывают серьги в форме полумесяца, которые у многих африканок мерно покачиваются в ушах или укреплены в волосах.

Я разговаривал с одним французом, начальником округа, ответственным за дорожные работы. Он страшно ругался, что не в силах больше завербовать в подведомственном ему районе необходимое число рабочих, требующихся для починки дороги и мостов. Стоит же ему привезти рабочих из какого-то другого района, как они через два-три дня бесследно исчезают.

— Почему же? — интересуюсь я.

— Да очень просто, — поясняет он. — Дело в том, что в девственном лесу, всего в каких-нибудь восьмидесяти или ста километрах отсюда, куда никто из нас, белых, еще не забирался, африканцы нашли золото. Весть эта с необыкновенной быстротой разлетелась в разные концы, и разразилась самая настоящая золотая лихорадка, только на африканский манер. Тысячи африканцев приезжают сюда издалека, из Судана, из

совсем других колоний — для них же не существует ни паспортов, ни границ! Они прибывают в качестве «попутных пассажиров» на любых грузовиках, а здесь соскакивают и бесследно исчезают в лесу, в том числе и завербованные мной для дорожных работ рабочие! Местные жители сами не принимают участия в этом психозе, они не роют землю, не промывают ее вдоль речных берегов, нет, им это ни к чему. Но свой «бизнес» на этом всеобщем безумии они все равно делают, и я бы не сказал, что худший, чем у «золотоискателей». Они сдают свои халупы этим искателям счастья за баснословные цены...

— Тот, у кого есть время разбогатеть, вполне может это здесь осуществить,— сказал мне один старый местный торговец.— Притом самым удобным, нетрудоемким и надежным способом!

Я поинтересовался, каким же это образом?

— А очень просто. Здесь ведь всякий бросается возделывать кофе, бананы и какао, потому что это дает быстрый доход. Но все это иностранные, ввезенные в Африку растения, и на них то и дело нападают вредители и болезни, против которых у них нет иммунитета. А когда в Европе начинается война, то им там не до нашего кофе, и в особенности не до наших бананов, и всему этому приходится загнивать на корню. И вот тот, кто молод, у кого еще много времени впереди, тому в таком случае следует немедленно поступить на службу в какую-нибудь фирму, не тратить заработанные деньги на алкоголь или любовные увлечения, а вкладывать их в землю. Покупать ежегодно по небольшому земельному участку и высаживать на них по несколько сотен деревьев кола. Это ведь исконное африканское растение, с которым здесь ничего худого произойти не может. Правда, должно пройти целых семь лет, прежде чем дерево начнет плодоносить. Но зато, уж потом оно остается плодоносящим в течение десятков лет, а главное, что с ним нет ни забот, ни хлопот — знай только собирай урожай да следи, чтобы у тебя не поворовали орехи. Притом орехи кола не обязательно вывозить за границу. На них и в самой стране колоссальный спрос. Ведь любой африканец от Каира до Кейптауна жует в виде жвачки именно орехи кола. Спрос на них так велик, что торговцы орехами готовы на своих машинах приезжать непосредственно на плантацию и увозить весь урожай, скупая его на корню. Так что тот, у кого достаточное количество деревьев кола, может безбедно проводить остаток своих дней где-нибудь на Ривьере,— закончил

старик свой рассказ.— Жаль только, что я теперь уже слишком стар для того, чтобы семь лет ждать, а не то бы я непременно занялся этим доходным делом, месье!

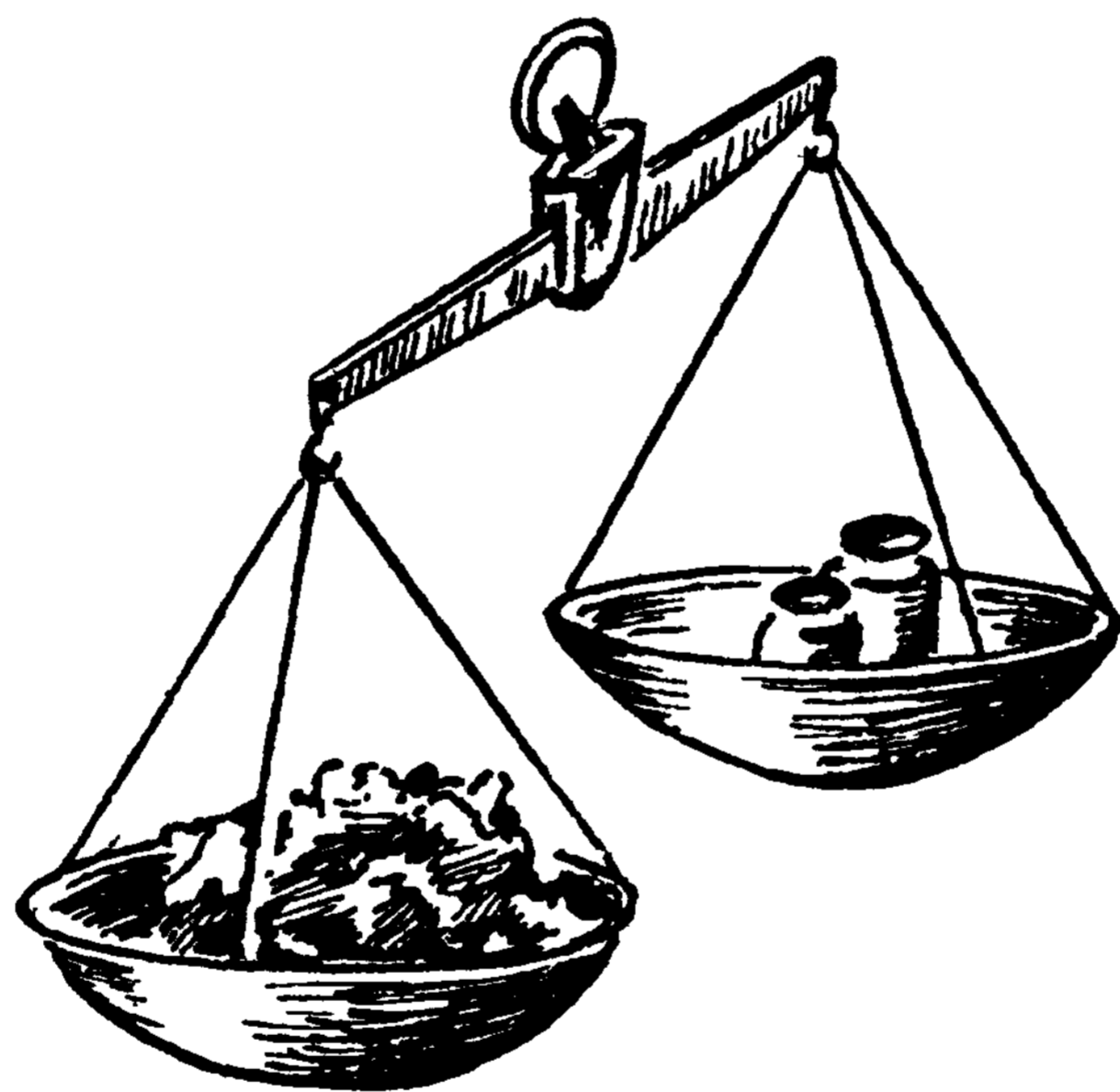
Однако это не значит, что в Африке действительно каждый приезжий может легко разбогатеть. И даже невзирая на богатство, не каждый сумеет приспособиться к здешней жизни. Все здесь далеко не так просто, как может показаться. Так, однажды нам довелось переночевать в доме одного эльзасца, умершего незадолго до этого в возрасте всего 38 лет. В прошлом это был ярый приверженец Гитлера, поэтому, видимо, после падения рейха он и бежал в Африку. Несмотря на свои расистские убеждения, он, оказавшись там в полной изоляции, даже подружился с одним немецким евреем. Не правда ли, странно? И уж совсем не вязалось с его расистскими взглядами то, что он «купил» себе шестерых черных жен, которые жили в шестикомнатном доме с отдельными кухнями, построенном позади его собственного дома. Жены эти народили ему черных ребятишек, и вскоре он зажил жизнью настоящего африканца, хотя и был одним из самых богатых людей в округе. Он спал на полу, подавал гостям котлеты из змеиного мяса и отвратительное пойло вместо кофе; не приглашал к себе белого врача, когда болел, а разрешал лечить себя только знахарю... Когда его семидесятилетней мамаше, проживавшей в Эльзасе (которую он в течение многих лет ни разу не навестил), сообщили о его смерти, то она была немало поражена, узнав, что вместе с богатым наследством сын осчастливил ее кучей черных внучат. Она перевела на их имя часть плантаций и взяла на себя плату за их обучение вплоть до достижения восемнадцатилетнего возраста.

Должен сказать, что не одни только змеиные котлеты в африканском меню не вызывают особого аппетита у приезжего. В Африке могут угостить еще и не тем. В один прекрасный день я был приглашен к одному белому, который на все лады расхваливал нам своего черного повара — уж так хорош, так хорош, что и сказать трудно! Скуки ради я перед обедом прогуливался по двору и заглянул в домик, где находилась кухня. И что же я там увидел? Повар как раз готовил свои знаменитые котлеты. Я заметил, что у него полный рот жевательного табаку. Каждую котлету он разрезал пополам и снабжал смачным плевком табачного сока.

— Это и придает им особый вкус! — гордо сообщил он мне, похваляясь своим кулинарным искусством.

Когда за обедом Михаэль собрался положить себе на тарелку эти изделия, я под столом изо всей силы толкнул его ногой. Но он оказался столь неумным, что спросил меня вслух, с какой такой стати я его пинаю, на что мне оставалось только, пожав плечами, промолчать — ну ешь на здоровье. И только после обеда я не отказал себе в удовольствии рассказать ему, каким чудесным образом были приготовлены эти деликатесы...

Готовят в африканских домах, как у черных, так и у белых, на глиняных печах с несколькими отверстиями наверху, с решетками из железных прутьев вместо конфорок, на которые и устанавливают горшки. Так что огонь под каждым горшком и под каждой сковородой нужно поддерживать отдельно. Дым никуда не отводится, а просто поднимается под соломенную крышу кухонного домика. В домах имеются особые фильтрующие устройства, через которые прогоняется вся питьевая вода, чтобы очистить ее от бактерий. Но воду, как таковую, здесь пьют редко. Стараются утолять жажду соком или пивом.

Глава седьмая

ПТИЦЫ ПЛЕТУТ КОРЗИНКИ

Как часто мы, люди, говорим о ком-то, что он ведет себя «по-скотски», поступает «как скотина какая-то» и т. п., что подчеркивает, что этот человек ведет себя особенно отвратительно и недостойно. Но как же это несправедливо! Ведь мы, люди, рождаемся на свет точно так же, как и все эти «презренные скоты», у нас не только четыре конечности, как и у них, но и два глаза, два уха, один нос, рот, такие же легкие, сердце, кожа, печень, кровь; одинаковые с ними гормоны; мы, как и они, проходим стадии детства, юности и старости. Более того, многие чувства, которые мы у себя рассматриваем как особенно благородные, красивые и искренние, ни в коей степени не присущи одному только человеку: они тоже являются общим достоянием человека и многих высших животных. Возьмите, например, тоску по дому, материнскую любовь, любовь детей к родителям, супружескую верность, чувство товарищества, стремление постоять не только за себя, но и за других...

Животные влюбляются, как и мы. Даже внешне это зачастую выглядит до смешного похоже! Так, у диких гусей «флирт» между молодыми гусаками и гусынями начинается с того, что

они «строят друг другу глазки»: один смотрит на другого, но как только поймает ответный взгляд, скорее отворачивается... Пары подбираются с осени, «обручаются», держатся вместе, защищают друг друга, несмотря на то что брачный период у них еще вовсе не наступил и браки будут заключаться только по весне. И всю свою жизнь, которая у диких гусей составляет несколько десятков лет, они остаются верной супружеской парой. Такое поведение продиктовано инстинктом. У домашних же гусей, как это наблюдается и у многих других домашних животных, врожденные инстинкты уже пришли в полный упадок: домашний гусак спаривается подряд со многими гусынями, о моногамии здесь нет уже и речи. Но ведь и человек, в прошлом дикое существо, ныне «одомашнен», и многие инстинкты, общие с животными, имевшиеся у него раньше, к сожалению, безвозвратно утеряны...

Инстинктивные действия продиктованы теми или иными внешними или внутренними раздражителями, и разум на них в общем-то не имеет никакого влияния. Мы замечаем это на примере, когда какой-нибудь ученый муж, умнейший человек, внезапно влюбляется. Его знакомые пожимают плечами и удивляются: «Куда только купидон не направляет свои стрелы!» И тем не менее у нас именно та любовь считается особенно красивой и благородной, которая возникла по зову сердца, а не по соображениям рассудка. Хотя именно рассудок-то нас и выделяет из общей среды животных. И вот что удивительно: как раз в тех случаях, когда при заключении брака присутствует разумное начало, когда жених прикидывает, что его будущий тесть министр и поэтому тепленькое местечко ему обеспечено, или когда невеста выбирает себе жениха, исходя из того, будет ли у него приличная пенсия и хороша ли его квартира, именно в этих случаях (когда мы поступаем иначе, чем животные) у нас и появляется неприятное ощущение чего-то предосудительного...

Но на самом ли деле и всегда ли животные при выборе брачного партнера думают только о нем самом, а не о его имуществе? В Африке мне пришлось наблюдать удивительнейшие вещи, которые заставили меня засомневаться в этом. И знаете о ком пойдет речь? О птицах ткачиках.

Более шестисот видов птиц на земле относится к этому семейству. Даже наш привычный воробей имеет к ним прямое отношение. Ведь воробей для умеренных широт — птица пришлая. А попал он к нам из теплых краев, поэтому он, как правило, большой «мерзляк» — чуть похолодает, воробей но-

ровит поскорее зарыться в свое утепленное пуховой подстилкой мягкое гнездо. И, несмотря на то что воробьи слывут беспечными неряхами и на воле воспитывают по многу птенцов за сезон, тем не менее никому еще не удавалось принудить их заниматься этим в клетке.

Все ткачиковые строят искусные гнезда, а некоторые из них создают прямо какие-то невероятные сооружения! Одни строят гнездо обособленно, и только для себя самих многие птицы лепят свои гнезда одно рядом с другим на общем облюбованном дереве — их бывает там от пятидесяти до ста; а есть и такие, в Южной Африке например, которые совместными усилиями сооружают большую соломенную крышу, а под ней подвешивают на ветке гигантский ком, слепленный из сухой травы, достигающий в диаметре до 6—7 метров и высотой почти в два метра! Иной раз ветви не выдерживают тяжести подобного сооружения, обламываются и весь «птичий город» падает на землю.

Во время нашей волнующей «фотоохоты» на слонов мы жили вместе с черными провожатыми несколько недель на одиноко стоящей ферме одного европейца. Было это примерно в 60 километрах от портового города Сасандры, во внутренних районах Берега Слоновой Кости. В нескольких метрах от веранды росло лимонное дерево, земля вокруг которого была буквально усыпана лимонами; их никто не подбирал. На этом дереве гнездились так называемые буйволовоы ткачики. У самцов этого вида черные головки и красные глаза, все же остальное оперение яркого канареечного цвета; самочки одеты значительно скромнее и незаметнее, напоминая скорее чижей.

Я установил на веранде два фотоаппарата, а мой сын водрузил рядом с ними свой громоздкий штатив с кинокамерой. Мы получили возможность немножко отдохнуть, поваляться в шезлонгах, поболтать друг с другом или почитать французские романы, потому что поначалу нам надо было лишь приучить птиц к нашему присутствию. Они должны перестать нас замечать. И все равно было трудно получить хоть маломальски сносные фотографии, потому что у этого пестрого народца режим дня весьма схож с людским, обычным для африканских условий. Они активны только на рассвете, когда светает, но солнце еще не поднялось высоко на небе, то есть примерно с 6 до 9 утра; а потом — только вечером, с 17 часов 30 минут до поздних сумерек, то есть до 19 часов 30 минут. Днем их редко увидишь, и поэтому для съемок вечно бывает недостаточно хорошее освещение, не хватает солнечного света.

А оно нам как раз совершенно необходимо, потому что наши длиннофокусные объективы обладают малой светосилой; для того же, чтобы зафиксировать на пленке быстрые движения этих резвых птичек, нам приходится снимать с короткими экспозициями.

Самцы в своих пестрых «фраках» строят настоящие круглые шары, притом закрытые, лишь с одним небольшим отверстием сбоку. К этому отверстию снаружи прикрепляется сплетенный из травы короткий шланг, свисающий вертикально вниз. Через этот «туннель» птицы и проникают в свою маленькую, защищенную со всех сторон крепость. Замечательное приспособление против всяких разбойников: ведь шар висит на таких тонких веточках, по которым никакие мелкие хищники, типа виверровых, при всем желании пробраться не в состоянии, а для хищных птиц обитатели такого шара также недосыгаемы, потому что он закрыт со всех сторон.

Можно только удивляться, как искусно эти ткачики умеют «вязать» и «плести». А делают они это следующим образом. Подлетев к какой-нибудь пальме или бамбуковому кусту, они на лету хватаются клювом за край одного из узких длинных листьев, затем разворачиваются и летят обратно, отрывая таким образом от листа длинную узкую полоску — настоящую зеленую ленточку. Ее закрепляют вокруг ветки и затем уже к этому кольцу начинают приплетать все новые и новые полоски: сначала ткачик просовывает конец вновь принесенной ленты сквозь стенку своего начатого строения, затем перелезает на внутреннюю сторону и втягивает ленту клювом целиком вовнутрь, затем протыкает ее конец сквозь стенку наружу и так далее, пока не соорудит искуснейшую плетеную корзиночку.

Такое незаконченное гнездо поначалу бывает зеленым, но затем солнце высушивает его, и вскоре оно становится желтым. По отдельным зеленым полоскам в нем можно заметить, что ткачик непрерывно подправляет, ремонтирует свое жилище. Работенка эта не из легких: ведь пестрым птичкам приходится носиться по воздуху с лентами, в пять-шесть раз превышающими их собственные размеры, а летать за стройматериалом им часто приходится довольно далеко, потому что пальмы, растущие вблизи гнезд ткачиков, бывают вскоре ободраны до основания.

Но наблюдал я и самцов-лодырей, которые не утруждали себя столь трудоемкой работой. Они просто сидели возле своих недостроенных гнезд и зорко наблюдали за воздухом. Как только такой маленький «вертолет с грузом» подлетал к дереву,

они просто хватались клювом за другой конец зеленой ленты и вырывали ее у законного владельца. Правда, с большим скандалом, криком и шумом. Двое «самцов-пиратов» построили на моих глазах свои гнезда исключительно из награбленного материала. А один маленький инвалид, у которого была только одна здоровая нога, а другая висела безжизненно, тем не менее ухитрился построить прекрасное гнездо, по форме ничем не отличающееся от всех прочих и вполне устроившее его невесту.

Как я уже говорил, гнезда строят одни только самцы. Самочки в это время порхают по веткам и наблюдают за строительством. Как только такой холостяк достроил свое жилище до середины, то есть изготовил «корзиночку», он подвешивается под ним вниз головой, быстро-быстро трепещет крыльями и громко поет. Означает это примерно вот что:

«Молодой холостяк с прекрасной отдельной квартирой ищет себе подругу жизни...»

И самочки действительно не заставляют себя долго ждать. Они деловито осматривают приготовленные для них апартаменты как снаружи, так и внутри, не обращая при этом ни малейшего внимания на самих «женихов», суесящихся вокруг. И браком сочетаются охотнее всего с теми, у которых самый красивый дом...

Можно ли их сравнить с теми дамочками, которые выбирают себе в мужья лишь мужчин с солидным положением и благоустроенным жильем? Разумеется, это не совсем так. Птицы влюбляются чаще всего в того партнера, который здоровее и крепче других, чьи гормоны позволили ему отрастить самое красивое и яркое оперение или способствуют исполнению наиболее эффектных и впечатляющих брачных танцев. А постройка гнезд — это ведь чисто инстинктивное действие. Птицы, по всей вероятности, не могут вести себя иначе, им даже доставляет удовольствие подобная суетня. У некоторых видов ткачиков самец строит до десяти—одиннадцати гнезд и женится затем на соответствующем числе самок. Самцы ведь и вне брачного периода не прекращают своей строительной деятельности — они вечно носятся взад и вперед со строительным материалом в клюве, разрывают старые гнезда и начинают строить новые. У тех, кто здоровее и крепче, эти инстинктивные действия протекают наиболее слаженно, у них-то и получаются самые красивые и прочные гнезда. Поэтому, когда самочки выбирают себе самые лучшие и надежные гнезда,

они тем самым выбирают и наиболее сильных и здоровых партнеров. Все здесь запрограммировано в этих инстинктах.

Такое гнездо и внутри отнюдь не примитивное сооружение. Ведь это одновременно и спальня и помещение для насиживания яиц. Между выходом из «туннеля» в гнездо и лотком для насиживания находится специальная жердочка, предназначенная для сидения на ней во время сна. Сделана она иногда из туго переплетенных стеблей, а иногда это просто палочка, искусно встроенная в жилище ткачика. «Туннель» плетется очень прочно и плотно, переплетение же, из которого состоит лоток, достаточно рыхлое, свободное, в него снизу можно легко заглянуть. Крыша же, наоборот, плетется туго, чтобы не пропускала дождя и палящих солнечных лучей. Спит птица головой к выходу.

Как только самочка выберет себе подходящее гнездо, она немедленно приступает к его внутреннему благоустройству. Для этой цели могут служить перья, сено, мягкие пушинки различных семян, а также пучки шерсти. В этой работе самец не принимает никакого участия — «интерьер» его не касается. Лишь время от времени он приносит новую полоску листа, чтобы залатать какую-то разболтавшуюся внешнюю часть постройки.

Всю эту процедуру во всех подробностях смог пронаблюдать только один человек. Это орнитолог Отто Кениг из Вены. Он один из немногих, а может быть и единственный, кому удалось добиться от буйволовых ткачиков, чтобы они приступили к размножению в вольере. Но для этого необходима очень большая вольера, и, кроме того, ткачиков должно быть много, точно так же как и на воле. Отдельно содержащиеся парочки никогда не начинают гнездиться. Кроме того, большую трудность представляет необходимость заполучить достаточное число самок, а то самцов всегда бывает значительно больше, чем надо. Часто многие из серых, незаметно окрашенных птичек оказываются впоследствии вовсе не самками, а молодыми, еще не надевшими свой брачный наряд самцами. По всей видимости, и в природных условиях самцы-ткачики всегда в превосходящем числе.

Пока самочка благоустраивает дом, самец не переставая поет, «токует» перед своей избранницей и прогоняет всякого соперника, появляющегося в его поле зрения. Такие «женатые домовладельцы» доходят иногда до того, что бросаются даже на приблизившихся к их гнезду египетских цапель, и так долго с криком мечутся вокруг их головы, пока те не теряют терпения

и не удаляются восвояси. Иной раз какая-нибудь разборчивая невеста благоустраивает сразу два гнезда, принадлежащих двум разным самцам: то туда слетает, то сюда. И только постепенно отдает наконец предпочтение одному из двух. Спят самки, между прочим, тоже не на ветках, а внутри гнезда.

Буйвололовых ткачиков следовало бы скорее назвать деревенскими ткачиками, потому что в отличие от других видов ткачиков, развешивающих свои гнезда в лесной глуши на различных деревьях и кустарниках, этот черно-желтый ткачик гнездится только вблизи человеческих поселений. Ему почему-то уютнее, когда вокруг дерева, на котором он гнездится, стоят хижины человека. Так случается, что гнезда этих ткачиков развешаны на хилом, тщедушном деревце, стоящем посреди деревни, в то время как вокруг, совсем близко, растут роскошные, высокие и крепкие деревья с раскидистой кроной.

Однако эта привязанность к людским поселениям вовсе не означает, что ткачики — ручные птички. Наоборот, они исчезают так же мгновенно, как и наши воробьи, стоит только к ним приблизиться. И в отличие от многих других видов птиц они крайне редко поддаются настоящему приручению. Даже будучи, что называется, «из яйца» выкормлены и воспитаны в домашних условиях, они все равно потом делаются пугливыми и дикими, если только не находятся в постоянном и тесном контакте с человеком. Но, по-видимому, в этом и заключается единственная возможность для дикого животного поселиться рядом с нами.

Ведь и такие «спутники человека», как крысы, мыши, клопы, тараканы, ласточки и голуби, при всей своей видимой «дерзости» и «нахальстве» тем не менее по отношению к человеку постоянно настороже, готовы в любую минуту удрать и скрыться.

Когда разбиваешь палатки где-нибудь в глухой местности и живешь там в течение нескольких недель, то может случиться, что в один прекрасный день прилетит компания ткачиков, которая приступит к строительству гнезд в кронах деревьев непосредственно над самыми палатками. Однако это вовсе не такая уж большая радость — из-за помета, который падает непосредственно на крыши.

Джой Адамсон, прославившаяся своей ручной львицей Эльсой, живущей свободно на воле, как-то при подобных обстоятельствах выкормила еще не оперившегося птенца ткачика, выпавшего из гнезда на крышу ее палатки. Кормила она его

кузнечиками, а позже мухами цеце, которых снимала со шкуры своей львицы.

И вот что интересно. Маленький птенец никогда не загаживал своего гнезда; он всегда поворачивался так, чтобы помет падал через «туннель» на землю. Даже в тех случаях, когда его держали в руке, он до тех пор копошился и вертелся на ладони, пока не добирался до края, где цеплялся за палец и поворачивался хвостом наружу, чтобы помет непременно упал на землю. Очень чистоплотные птички.

Когда птенец немного подрос, его гнездо стали днем вывешивать перед входом в палатку на дерево. Вскоре «сиротку» начали посещать самки из колонии. Они забирались внутрь гнезда и по несколько минут занимались птенцом. Когда он сделался летным и начал неловко порхать по траве, чужие самки сопровождали его и подкармливали, когда он пищал от голода. Так он вскоре снова возвратился к своему утерянному было племени.

Буйвололовые ткачики настолько созданы для общественной формы существования, что даже ночью испражняются одновременно. Когда спишь в палатке под деревом ткачиков, то в такой момент можно услышать сонное бормотание, и вскоре за этим словно дождь застучит по палаточному полотну. Потом все опять разом затихает.

Большинство видов ткачиков — зерноядные птицы. За это их недолюбливают крестьяне, особенно тогда, когда колонии этих птиц непомерно разрастаются. Поэтому в некоторых местностях Северной Африки фермеры по ночам поджигают подобные огромные колонии и уничтожают таким образом миллионы этих птиц.

Что касается выкармливания потомства, то тут самки проворнее и энергичнее самцов. Но все равно оба родителя старательно носят корм, засовывая его в два вечно голодных клюва, открывающихся им навстречу из гнезда. В каждом «доме», как правило, два птенца. Вынуть птенца из гнезда не представляет большой трудности, для этого достаточно лишь пригнуть книзу тонкие ветки с висящими на них шарами. Что африканцы зачастую и делают. Птенцов этих здесь охотно поедают.

Правда, есть их разрешается только взрослым людям, потому что существует поверье, что у детей от этого делается «трясца головы» (тремор).

Когда я об этом рассказываю здесь, в Европе, люди обычно смеются. Ну разумеется же, мы, которые верим гороскопам

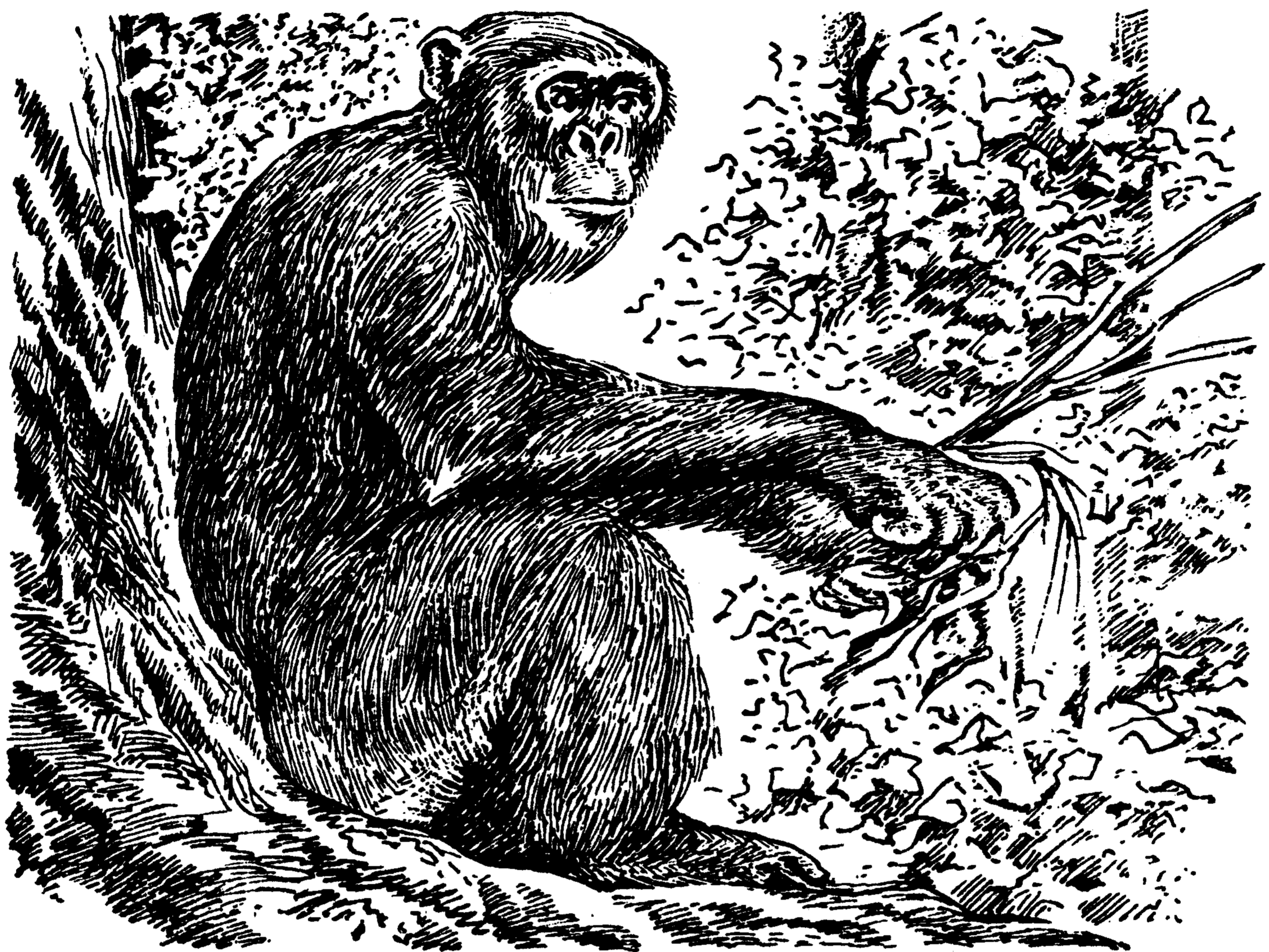
и ясновидцам, можем считать себя значительно более передовыми по сравнению с этими темными, суеверными африканцами...

По правде говоря, я и сам смеялся над рассказами про трясцу. А вот профессор Шоп, возглавляющий Государственное ветеринарное ведомство, тот не смеялся, когда я ему рассказывал об этом поверье, а, наоборот, озабоченно призадумался. Есть, оказывается, особая форма воспаления мозговой оболочки, вызываемая вирусами, переносчиками которых служат клещи, паразитирующие на птицах.

— А детский организм значительно более восприимчив к подобным инфекциям, чем взрослый,— объяснил он.

Вот, значит, как. Так что, возможно, вся эта история с трясцой у детей не так уж абсурдна, как кажется?

Глава восьмая
**У ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫХ ОБЕЗЬЯН
В ЗАПОВЕДНОЙ СТРАНЕ**

В Северной Америке, там, где всего сто лет назад Виннету и Монтигомо Ястребиный Коготь охотились среди неисчислимых стад бизонов, с появлением белых фермеров заколыхались необозримые пшеничные поля, а сегодня эти пространства во многих местах уже превратились в безжизненные пыльные пустыни: земля лишилась своего спасительного травянистого покрова, и ветер непрестанно выдувает ее, унося плодородный слой...

Не исключено, что и Африке тоже предстоит пройти этот путь. Причем скорее, чем мы думаем. Чтобы собрать одну-единственную тонну риса, в тропиках уничтожают от трех до четырех гектаров тысячелетнего девственного леса, который никогда не восстановится! Деревья сжигают дотла, землю вспахивают и используют пашню в течение нескольких лет. Но поскольку эту землю никогда ничем не удобряют, она очень скоро вымывается до предела, пашню бросают и принимаются за следующую часть леса...

В некоторых молодых государствах Африки стали задумываться над этой проблемой. Выделяют особые участки земли под национальные парки, чтобы в них сохранить свою уникальную фауну: жирафов, львов, носорогов, зебр. Ведь находится много желающих полюбоваться на это чудо природы.

А в отдельных местах делают даже попытки сохранить весь природный комплекс в его первозданном виде. Там не только запрещен какой бы то ни было отстрел животных, туда вообще закрыт доступ как белым, так и черным людям. Так, в 1944 году специальным постановлением был учрежден «Природный резерват гор Нимба» («Reserve naturelle integrale des Monts Nimba»). Расположен он непосредственно вдоль границы первого самостоятельного африканского государства Либерии и охватывает горный кряж, часть которого находится на территории Берега Слоновой Кости, а часть — на территории Гвинеи. Общая площадь резервата составляет 17 тысяч гектаров¹. Правительство Либерии объявило заповедной и ту часть равнинной территории, которая примыкает к горам со стороны этого государства, — совершенно дикую, еще никем не исследованную местность. Никому не разрешается посещать этот район. Даже служащим французской администрации доступ в горы Нимба закрыт. Внутри же резервата нет ни поселений, ни даже дорог. В виде особого исключения в эти места иногда допускаются только ученые, естествоиспытатели. Но для этого им необходимо получить специальный пропуск от Института Черной Африки (IFAN) в Дакаре.

Будем надеяться, что ЮНЕСКО возьмет на себя содержание уникального памятника природы, потому что у молодых, недавно ставших самостоятельными африканских государств, разумеется же, нет необходимых на это средств. Этой международной организации безусловно следует позаботиться о подобном общечеловеческом достоянии так же, как оно заботится об античных памятниках культуры в других странах. Тогда и будущие поколения черных и белых людей еще смогут увидеть сказочную красоту гор Нимба во всем их первозданном великолепии. Правда, только в том случае, если там за это время не найдут золото, алмазы или уран...

В прибрежном городе Абиджане, столице Берега Слоновой Кости, я повстречал месье Ж. Л. Турнье, возглавляющего там филиал Института Черной Африки. Он пригласил меня к себе домой поужинать и при мерцающем свете зажженных свечей

---

¹ В пределах Берега Слоновой Кости — пять тысяч гектаров.

восторгался, как вы думаете, чем? Немецким городом Висбаденом. На серванте у него гордо красовалась немецкая пивная кружка и две немецкие курительные трубки, воспоминания многолетней давности об «Allemagne» (Германии). Месье Турнье (который уже успел за это время прожить около двадцати лет в Индокитае) делал трогательные попытки извлечь из своей памяти полузабытые немецкие фразы, чтобы порадовать меня беседой на моем родном языке. Я понял из его слов, что он провел свои юные годы (после Первой мировой войны) в Германии и с этим временем связаны лучшие воспоминания его жизни.

Между прочим, я заметил, что почти каждый второй француз когда-то уже побывал в Германии: либо в качестве военнопленного или иностранного рабочего во время Первой или Второй мировой войны, либо с оккупационными войсками после Первой или Второй мировой войны. Как правило, они хорошо отзывались о стране, хотя, возможно, это объяснялось общеизвестной вежливостью и галантностью французов по отношению к гостям.

От Турнье я и услышал подробнее о недавно основанном резервате в горах Нимба.

— Но это более чем в восьмистах километрах отсюда, а вы ведь направляетесь в Бваке, совсем в другую сторону,— сокрушался он.— Если вы захотите попасть туда через Бваке, то это составит добрых 1200 километров, представляете себе?

Тем не менее я попросил его дать мне на всякий случай разрешение на посещение резервата, и он выписал мне пропуск, который я должен был предъявить там охране. Мне ужасно не терпелось пробраться в эту «запретную страну»!

И действительно, уже несколько недель спустя мы направлялись в сторону заветных горных кряжей, покрывая сотни и сотни километров дорог на чужих грузовиках, среди черных попутных пассажиров, преодолевая на своем пути реки и холмы. Справа и слева от нас проплывали назад леса, степи, остроконечные скалы, ландшафты, напоминающие Тюрингию. И каждый раз на наши вопросы мы получали от своих попутчиков примерно такие ответы:

— Нет, тут никто не живет; тут вообще нет людей; здесь никто еще никогда не бывал; вряд ли вам удастся у кого-нибудь узнать, что там такое...

Так мы ехали и ехали. Но в один прекрасный день, когда наш грузовик со скоростью курьерского поезда помчался вниз по крутому склону, с тем чтобы с разгону одолеть подъем на

противоположной стороне, и когда в самом низу котловины тяжелый «ситроен» прогромыхал по шатким доскам деревянного мостика, неожиданно раздались аплодисменты. Это хлопали в ладоши черные пассажиры, сидящие вместе с нами в кузове. Оказывается, мы только что пересекли границу между Берегом Слоновой Кости и Французской Гвинеей. По-видимому, эти весьма приблизительные границы, установленные при дележе колоний, с течением времени возымели все же для африканцев определенное значение. Они переезжали (а многие из них, наверное, впервые в своей жизни) в «другую страну», и ощущение у них было наверняка такое же, как бывает у нас, в Европе, когда мы переходим через голландскую или итальянскую границу. Для меня же кругом были все те же долины и взгорья, те же леса и те же африканцы.

В следующей деревне всех попросили выйти, и черные санитары осмотрели каждого пассажира на предмет сонной болезни и проказы.

Вскоре наш грузовик остановился прямо посреди гористой степи, откуда вдалеке виднелся стометровый водопад, падавший с крутого обрыва, но отсюда, издалека, выглядевший словно тоненькая серебряная нить на темном фоне гор. Дорога в этом месте разветвлялась на две, и возле развилки одиноко и затерянно стоял щит с неумело нарисованным на нем масляной краской планом местности. Французская надпись гласила:

«Въезд категорически запрещен. Закрытая зона гор Нимба».

Мы сгрузили свою поклажу, а грузовик поехал дальше. Из всего багажа мы выбрали только свои дорогостоящие фото- и кинопринадлежности и вместе с боем Джо потащились по выжженной солнцем степи, пока наконец не добрались до высокого кирпичного строения, крытого огромной соломенной крышей.

Африканский управляющий, говоривший по-французски, послал нескольких рабочих за нашим багажом, оставшимся прямо возле дороги. Прочтя наш «допуск», он сходил за ключом и отпер двери дома.

Нам открылся невиданный рай посреди дикой неисследованной местности. Удобные раскладушки, бензиновый движок, дающий электрический свет, огромный холодильник, работающий на керосине, две лаборатории, оснащенные микроскопами, фильтрованная вода, просторный холл с удобными соломенными креслами и настоящим камином, правда без дымохода. Дым из него просто поднимался к потолку и там

на двадцатиметровой высоте таял где-то под соломенной крышей. Настоящий оазис в необитаемой глуши!

В «книге для гостей», в которой расписываются все ученые, посетившие сию обитель, я обнаружил, что являюсь первым «нефранцузом», попавшим в этот рай для исследователя.

Дом был расположен на склоне горы. С террасы просматривалась обширная долина, и, лежа в кресле, можно было любоваться величественными вершинами гор Нимба. Сразу же за домом начинался девственный лес. После обеда мы побродили по нему пару часов, а когда под вечер вернулись домой — о чудо! Я схватил Михаэля за руку:

— Слушай! Это кричат шимпанзе!

Наши сердца забились учащенно. Характерный крик доносился издали, с облесенных склонов гор. Мы внезапно почувствовали себя так, словно мы снова дома, в нашем Франкфуртском зоопарке; до того знакомы и привычны были для нас эти звуки — переругивание и верещание обезьян. Ведь нам так часто и подолгу приходилось жить с этими существами под одной крышей! Достаточно вспомнить малютку Улу или Ова и Бамбу, которых мы взяли к себе в дом из разбомбленного Берлинского зоопарка и которые на целый год сделались членами нашей семьи. А сколько их потом было еще, этих маленьких и подростковых шимпанзе, находивших в нашей квартире приют, уход и ласку. Поэтому каждый звук, долетавший до нас из горных лесов, так ясно различимый в чистом прозрачном воздухе, был нам понятен и близок. Удастся ли увидеть их здесь?

Меня манила вершина высокой горы причудливой формы, находившейся, казалось, в непосредственной близости от дома: вот только протяни руку — и дотронешься до нее. Но это лишь казалось. По склонам горы карабкался вверх девственный лес, но до самой вершины он не добирался: там было голо и пустынно. Вершина имела округлую форму, лишь с одной стороны высились скалы в виде остроконечного шпиля. Гора поросла травой. Я оценил ее высоту примерно в 800 метров и решил совершить на нее восхождение.

На следующее утро черный управляющий дал нам нескольких провожатых в качестве носильщиков, из которых ни один, к сожалению, не говорил по-французски. Но зато проводником, принимая нас, как все здесь, за американцев, он отправил с нами человека, прибывшего сюда издали, из английской колонии Золотой Берег. «Чужак» этот говорил немного по-английски и гордо сообщил нам, что, состоя на службе в английских войсках, «помогал защищать Европу от

Германии». Однако вскоре выяснилось, что во время этой «защиты» он не выезжал из Африки, и велико было его удивление, когда спустя несколько дней я доверительно сообщил ему, что мы, между прочим, немцы... Но он не слишком смутился, у него были свои заботы: год назад он женился одновременно на двух женах, но ни одна из них до сих пор не забеременела. И он очень опасался, как бы они, если дело и дальше пойдет таким образом, от него не сбежали...

Мы пересекли степь, а затем, зайдя в лес, стали секачами прорубаться сквозь чащобу, поднимаясь все выше и выше по склону горы. В то время как на открытых пространствах горных склонов всегда дул легкий ветерок, здесь, в лесных дебрях, царила удушливая влажность. Мы карабкались вверх по отвесному склону, а ноги скользили и разъезжались в сырой гниющей листве. То и дело я вынужден был цепляться за деревья и лианы, чтобы не упасть. Больше всего меня беспокоило, как бы носильщики не поскользнулись и не выронили нашу ценную аппаратуру. Но они были ловчее меня, а через пару сотен метров лес уже кончился, уступив место высокому, по грудь, травостою.

Еще несколько усилий, и мы преодолели и это препятствие. Перед нами вырос головокружительный подъем «шпиля», заросший короткой жесткой травой. Наши спутники, не мешкая ни минуты, пошли на штурм этой вершины. Там, где склон становился почти отвесным, нам приходилось ползти на четвереньках. К этому прибавьте еще солнце, которое нестерпимо пекло...

Каждый раз, когда я видел перед собой острый пик и воображал, что мы уже добрались до вершины горы, оказывалось, что это всего лишь уступ и за ним высится следующий, еще более высокий. Я проклинал в душе свое дурацкое тщеславие, заставившее меня подняться на эту чертову гору, и охотнее всего повернул бы назад, но мне было неудобно опозориться перед своими африканскими спутниками. Нет уж, делать нечего — надо лезть дальше. Единственное, что меня утешало, это то, что за вершину горы зацепилось пышное облако и висело на ней, словно флаг. Так что нам хоть не все время приходилось печься под прямыми лучами безжалостного солнца.

Но какой же прекрасный вид открылся нашим глазам, когда мы наконец, пыхтя и обливаясь потом, добрались до самой вершины! Отсюда, сверху, просматривались одновременно и горные цепи Либерии, и Берег Слоновой Кости, и

Французская Гвинея. Мы стояли и любовались этим невиданным зрелищем, обругиваемые парой гнездящихся здесь соколов, которые взволнованно описывали круги над нашими головами...

Когда я вижу привольные дикие местности, у меня всегда становится тревожно на сердце: как все это будет выглядеть через каких-нибудь пятьдесят лет? Ведь с каждым часом, и днем и ночью, на земном шаре становится на двенадцать тысяч человек больше!

Спуск был еще страшнее подъема. Я съезжал иногда сидя, чтобы не свалиться с обрыва. А рубашка на мне так взмокла, что хоть выжимай. Перед тем как зайти в лес, я решил ее просто снять. Однако это мало чем улучшило мое положение, потому что в тот же момент на меня напал целый рой крылатых термитов.

По скользкой лесной подстилке идти вниз было еще труднее, чем вверх,— никакого упора ногам. Тогда я придумал такой способ: я нацеливался на какое-нибудь тонкое деревце (без колючек на стволе!), растущее метрах в десяти ниже по склону, и несколькими громадными прыжками добегал до него, хватался рукой за ствол и с разбегу делал полный оборот вокруг. И все это, заметьте, при температуре, превышающей 40 градусов, и влажности воздуха свыше 80 процентов!

Внезапно африканец, говорящий по-английски, остановился. Он увидел кучку помета.

— Big black baboons! — выкрикнул он.— Большие черные павианы!

Но я уже привык к тому, что он всех обезьян подряд называл павианами, в то время как наши другие черные прожатые хотя бы знали французское слово «шимпанзе». находка действительно оказалась пометом шимпанзе, страшно похожим на человеческий кал, причем человека, съевшего предварительно два фунта вишен с косточками. Он состоял почти из одних только плодовых косточек, размером заметно превышающих вишневые. Я выбрал несколько штук из них, завернул в листья и обещал вознаграждение тому, кто найдет мне плоды, которым они принадлежат.

Мы принялись дальше обшаривать лес и наткнулись на самые настоящие туннели-проходы, ведущие сквозь чащобу, однако высотой лишь в полметра. Такая высота вполне устраивает шимпанзе, потому что они ведь передвигаются на четвереньках.

Это был торжественный для нас момент: мы обнаружили первые следы свободноживущих шимпанзе! Я назначил еще большее вознаграждение тому, кто покажет мне их «спальные гнезда». Дальше мы стали продвигаться значительно тише, в надежде увидеть обезьян. Но в тот момент мы еще и понятия не имели о том, сколько это нам будет стоить трудов — увидеть диких шимпанзе на их родине...

Когда мы пересекали ручей, африканцы ловко свернули из больших листьев кульки, зачерпнули ими воду и стали жадно пить. Хотя меня и предупреждали о том, чтобы не пить здесь неотфильтрованную воду, однако я был не в силах преодолеть адскую жажду. Так что мы тоже свернули себе по кульку из листьев и пили воду, правда из предосторожности заглотав вслед несколько таблеток резулфона.

Когда мы поздно вечером явились домой, я первым делом попросил нашего боя вылить мне на голову несколько ведер воды. Но от напряжения этого дня у меня к ночи поднялась температура, и я лег спать, завернувшись в четыре шерстяных одеяла. А с гор, как бы в насмешку, доносились громкие крики шимпанзе.

В бумагах лаборатории мы несколько дней спустя обнаружили нарисованную от руки карту заповедника и из нее узнали, что возвышенность, на которую мы совершали свое восхождение, достигает более 1800 метров и что это самая высокая гора двух колоний. Я не встречал потом ни одного белого, который когда-либо побывал там, наверху, и страшно гордился своим достижением. Но, по правде говоря, знай я заранее, какова ее высота, я бы, пожалуй, лучше остался внизу...

Все последующие дни мы гонялись за обезьянами. Светало между половиной седьмого и семью, и точно в эти же часы вечером темнело. Человекообразные обезьяны поднимали свой галдеж иногда еще в предрассветных сумерках, чаще же всего в момент восхода солнца, устраивая свою обычную переключку. Так они переговаривались между собой от одного до двух часов, причем довольно громко. Затихала эта «беседа» примерно к 11 часам. Затем в течение дня только изредка можно было услышать короткий зов, и снова все замолкало. А с четырех или пяти часов снова поднималась возня, скандал и крик: по-видимому, они ссорились между собой за лучшие спальные места. Я в течение десяти дней вел записи их «разговоров».

Целыми днями мы карабкались по горным склонам в бесплодных поисках обезьян. Неоднократно мы находили их сле-

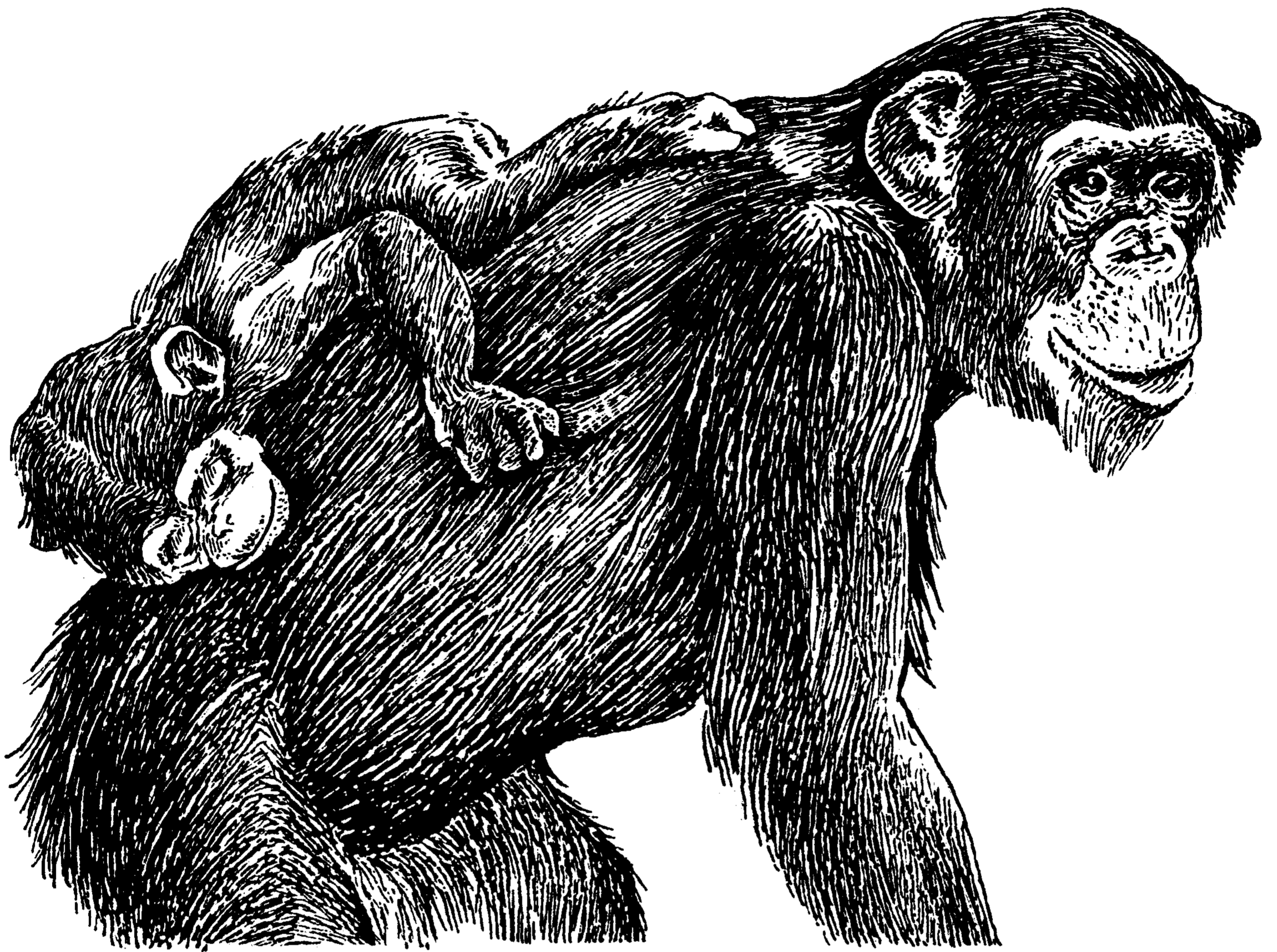
ды, помет, надкусанные ими плоды. Иногда это были коричневатые, покрытые пушком круглые, размером с абрикос, фрукты с белым сладковатым соком внутри, а иногда ярко-красные луковичеподобные наросты, встречающиеся на воздушных корнях длинных лиан; внутри их содержалась кисловатая каша со множеством мелких черных зернышек. Африканцы приносили мне и синие, напоминающие сливы плоды, содержащие те самые косточки, которые мы так часто находили в помете шимпанзе. На вкус эти плоды напоминали нашу европейскую дикую сливу, однако не такую терпкую — от них не стягивало так нестерпимо рот, как от нашей. А вообще-то все, что ели шимпанзе, нравилось и нам. Когда мы потом, значительно позже, как-то выслеживали в лесу слонов, мы поняли, как важно иногда бывает уметь отличать эти съедобные плоды...

После четырех дней бесполезных поисков мы уже было решили, что обезьян нам здесь никогда не увидать. Придется довольствоваться тем, что мы их слышим. По-видимому, они обнаруживали нас каждый раз значительно раньше, чем мы их... И вообще можно неделями бродить по девственному лесу и не увидеть при этом ни одного маломальски крупного животного. И хотя со всех сторон раздаются пение, крики, зовы, кваканье — тем не менее человека все эти существа явно избегают как чумы. Уж мартышек-то здесь, конечно, было полным-полно. Однако увидеть их нам удалось только вечером, в сумерках, и то, когда мы тихо уселись на землю и не издавали ни звука. Вот тогда они появились, и мы могли наблюдать при тусклом освещении последних лучей заходящего солнца, как они целыми компаниями резвились в кронах деревьев, как гнулись под их тяжестью ветки, как они одна за другой, всегда соблюдая определенную дистанцию, перепрыгивали с ветки одного высокого дерева на другое.

Это было на четвертый день. Я занимался тем, что обследовал со всех сторон похожий на огромный гриб термитник, стоящий посреди поляны. Михаэль же решил на собственный страх и риск, вооружившись одной лишь фотокамерой, обшарить ближайший участок леса, откуда до нас так часто ночью доносилась «барабанная дробь», которую так любят устраивать шимпанзе.

Примерно часа через два он вернулся страшно взволнованный. Оказывается, он услышал крики обезьян и стал проникать все глубже в лес по направлению этих звуков. Внезапно он увидел перед собой крупного чернолицего шимпанзе, ко-

торый качался на ветке в кроне дерева, примерно в семи-восьми метрах над землей. Михаэль остолбенел. Человекообразная обезьяна тоже растерялась. Но затем, не спуская глаз с Михаэля, медленно сползла вниз по лиане и, очутившись на земле, не слишком поспешно и совершенно молча скрылась в кустарнике, углубившись в него не больше чем метра на два. Было слышно, как она там орудует, ломая и раздвигая ветки. Однако по шуму можно было определить, что обезьяна и не думает удирать, а продолжает держаться поблизости от этого места.

Оглядывая верхушки близстоящих деревьев, Михаэль обнаружил еще нескольких шимпанзе. Они тоже начали медленно спускаться вниз, не сводя глаз с непрошеного гостя и не издавая ни единого звука. У одной самки на животе висел детеныш. Личико у него было совершенно белое, в то время как все взрослые особи были чернолицыми. Все они исчезли в кустарнике, и Михаэль слышал, как они там «хозяйничают». Тогда он решил пометить дерево, на котором видел шимпанзе, и, чтобы пробраться к нему, стал прорубать себе секачом проход сквозь колючие вьющиеся растения и лианы. Причем все это достаточно шумно и бесцеремонно. Он сделал ножом зарубку на дереве и стал высматривать в его кроне спальные гнезда обезьян. Вдруг в нескольких метрах от него что-то

зашевелилось. Михаэль был скрыт толстым стволом дерева и, осторожно выглянув из-за него, обнаружил старую самку с подростковым, уже чернолицым, детенышем на спине. Их отделяло всего каких-нибудь четыре метра (Михаэль потом специально измерил это расстояние), но самка его не видела. Зато видел детеныш, который, выпучив свои круглые глазки, уставился на незнакомца. Было ему года три, примерно столько же, сколько нашей самочке-шимпанзе Катрин, которая жила в то время у нас в квартире. Когда эта пара направилась к кустарнику, Михаэль не мог отказать себе в удовольствии и издал «крик предупреждения», принятый у шимпанзе: «Ух, ух!» Малыш немедленно ответил, а мамаша обернулась, посмотрела недоуменно на моего сына и скрылась в кустарнике. Сама она при этом не издала ни звука.

Михаэль простоял там еще с четверть часа и слышал, как обезьяны продолжали шуршать и хрустеть ветками в кустарнике. Они не уходили далеко от облюбованного места. Михаэль насчитал семь или восемь взрослых особей, и казалось, его появление не слишком-то их напугало. Просто помешало есть. А вот Михаэль от волнения забыл о том, что надо снимать!

Так что нам оставалось только строить новые планы и продолжать рыскать по лесу в поисках обезьян.

На следующий день нам удалось разыскать спальные гнезда этой группы. Их оказалось семь штук, и расположены они были на высоте от шести до двадцати двух метров над землей. Сооружались они в кронах деревьев путем заламывания и сгибания веток с густой листвой. Получалось нечто вроде пружинящего ложа. Часто ветви, на которых оборудовалось такое «гнездо», были на удивление тонкими. Непонятно даже, как они могли выдерживать тяжесть такого мощного животного.

Я подсадил Михаэля на дерево, и он залез на высоту двенадцати метров. А мы внизу срубили тонкое деревце, срезав ветки, изготовили из него шест, прикрепили к нему фотоаппараты и таким способом доставили Михаэлю наверх. Так что он сумел снять эти гнезда на пленку из самой непосредственной близи.

Поскольку листья на надломленных ветках уже наполовину засохли, гнезда, по всей видимости, были двух-трехдневной давности; следовательно, предыдущей ночью в них никто не спал. Ведь известно, что шимпанзе устраивают себе каждый вечер новые спальни.

Мы уже и раньше ломали себе голову над тем, каким образом шимпанзе производят свой знаменитый барабанный

бой. Через несколько дней нам и это удалось узнать: мы обнаружили ствол упавшего дерева со множеством протоптанных к нему обезьяньих тропинок. Ствол был подгнивший и изнутри абсолютно полый; а посередине, там, где при ударе звук получался особенно гулким, кора оказалась совершенно содранной и дерево отполировано до блеска множеством обезьяньих ног: обезьяны отбивают дробь именно ногами. Пристрастие к барабанным концертам и вообще ко всякому шуму мы наблюдали у шимпанзе еще у себя дома.

Мы продолжали следить за тем, из каких районов леса чаще всего раздаются крики и перебранки. В один прекрасный день мы решили покончить с этим бесконечным и безрезультатным прочесыванием леса и просто уселись после обеда поблизости от «барабанного дерева», выбрав для этой цели свободный от муравейников клочок земли. Лианы и ветки, загораживающие видимость, были заранее заботливо вырублены, так что площадка с «барабаном» была у нас как на ладони. Мы знали, что обезьянье семейство держалось в этом участке леса уже несколько дней подряд, появляясь в послеобеденное время, часа в четыре. Мы привели свои камеры в боевую готовность, а боя прогнали, потому что он все время хихикал и вообще не мог ни минуты посидеть спокойно. А сами набрались терпения и принялись ждать, отдав себя на съедение всяческой мошкаре, которая нас нещадно жалила и кусала. Когда сидишь вот так неподвижно, минуты тянутся безумно медленно...

И тут они появились.

Самка с детенышем, затем могучий самец. Каждое дерево, на которое он влезал, дрожало и качалось. Добравшись до развилки ветвей, он садился на крепкий поперечный сук и начинал поводить плечами из стороны в сторону, а шерсть на нем при этом становилась дыбом. Таким способом вожаки стай демонстрируют силу и «атлетическое сложение», запугивая этим окружающих и внушая уважение к своей особе. Затем он начинает кричать. Сначала один за другим следуют несколько коротких криков, которые затем становятся все чаще и громче, пока наконец не сольются в душераздирающий, пронзительный визг. Все дерево при этом начинает ходить ходуном.

Нам ни разу не удалось увидеть одновременно больше двух обезьян, и то при невыгодном освещении, в полутьме, наполовину закрытых листвой. При этом у нас было такое ощущение, что и они нас прекрасно видят. Но мы не заметили,

чтобы они испугались. А раньше шимпанзе просто предпочитали уходить от нас, когда мы, шумно орудуя секачами, прочищали себе дорогу через чащобу.

Таким образом нам тогда удалось, наверное впервые в мире, заснять беснующегося самца-шимпанзе в его естественной обстановке, на его африканской родине. Пленку мы проявили прямо в тот же вечер, признаюсь, с трепетом душевным — вдруг не вышла?

Вместо того чтобы получить эти далекие от совершенства фотографии, мы преспокойно могли бы подстрелить нескольких обезьян, притом безо всяких хлопот, с самого близкого расстояния! Потому что для того, чтобы заснять дикое животное на воле, его недостаточно увидеть. Его необходимо увидеть целиком, да еще при выгодном освещении, успеть поймать его в видоискатель, определить правильное расстояние и установить диафрагму.

Итак, мне пришлось потратить десять дней усилий, лихорадочного ожидания и всяческих треволнений на то, чтобы получить несколько снимков шимпанзе на воле (к тому же не больно-то удачных!). Но именно с тех самых пор снимок любого дикого животного на воле импонирует мне неизмеримо больше, чем череп гориллы, развесистые олени рога, львиная шкура или любой другой охотничий трофей!

Глава девятая
ЮНАЯ БОГИНЯ ЛЕСА

Если от нашего лагеря, расположенного на этот раз вблизи крошечной туземной деревушки, спуститься вниз по лесной тропе, то вскоре можно добраться до чистого прозрачного ручья. В половине пятого, после обеда, я решил туда сходить, потому что совершенно взмок от пота и мне очень захотелось основательно помыться. Я пожалел нашего боя Джо, которому приходилось таскать воду сюда наверх: целых двадцать минут надо тащить на себе полную бадью, чтобы в один момент вылить ее на голову одному из нас. Это слишком трудоемкое дело.

Удивительная вещь — эти лесные горные тропинки, протоптанные аборигенами! Они никогда не ведут, как у нас, извиваясь и петляя, вниз или вверх по склону, а идут всегда совершенно прямо. Поэтому наверх — хоть на четвереньках ползи, а вниз я невольно так разгоняюсь, что каждый раз начинаю высматривать какое-нибудь спасительное деревце на обочине, за которое можно ухватиться, чтобы не лететь вниз со скоростью курьерского поезда. Такие деревца, к счастью, всегда находятся. Растут они сбоку тропинки или прямо посреди нее, и ствол на высоте руки бывает обычно отполирован до блеска черными руками, которые за него хватаются.

Вода в ручье так прозрачна, что меня одолевает искушение зачерпнуть ее рукой и напиться. Но стоит мне сбросить сандалии и зайти в нее босиком, как она моментально мутнеет от поднятого со дна коричневого ила. Ведь здесь, в тропических лесах, все разлагается и тлеет значительно интенсивнее, чем у нас.

Ручей проворно выбегает откуда-то из полутемного лесного подземелья и, бодро журча, бежит по укрытой со всех сторон полянке. Я невольно содрогаюсь — до того он мне кажется холодным — брррр! На самом же деле по сравнению с каким-нибудь европейским горным ручьем вода здесь примерно такая, как в слегка подогретой ванне! Жаль вот нет термометра — я бы смерил. Удивительно, как легко путаются понятия и ощущения в зависимости от обстоятельств.

Я сбрасываю рубашку и шорты, аккуратно раскладываю их для просушки на солнце и осторожно вытягиваюсь во всю длину в бурлящей рыжей воде. Так. Теперь можно и помечтать.

Неужели я действительно за тысячи километров от дома? Белые летние облака беззаботно плывут по небу, надо мной слабый ветерок колышет листочки, заставляя их крутиться на своих черенках. Тысячи цикад и бог их знает каких еще насекомых наполняют воздух своим сладостным, призывным пением. Ни одна душа на свете (кроме разве что Михаэля) не знает, в каком райском уголке земли я сейчас нахожусь. Ведь сегодня еще нет такой карты, на которой были бы отмечены все эти узкие, запутанные тропинки, несмотря на то что они значительно старше многих наших шоссе. Через тридцать, а может быть, даже уже через двадцать лет и здесь появятся люди с теодолитами и будет проводиться топографическая съемка местности. Но сегодня тут еще господствуют одни только черные боги...

Но что это? Не шаркнули ли чьи-то подошвы по плоскому камню, лежащему у самого берега ручья? Молоденькая девушка появилась на нем, как внезапное сказочное видение. На голове у нее пузатый узкогорлый сосуд, с которым здесь ходят по воду; она сбрасывает одну из «библейских» сандалий, которые держатся на одном только ремешке между пальцами, и пропыленной маленькой ножкой пробуует воду — не холодна ли? Затем она сбрасывает и вторую сандалию. Потом игриво хватая пальцами левой ноги обе босоножки за их ремни и ставит их на берег так, чтобы в них сразу же можно было влезть, не пачкая ног песком. Рука в это время распутывает узел полосатого набедренного платка, завязанного на талии, и легким грациозным движением сбрасывает его на разделяющий нас

куст. Меня и мои разложенные для просушки одежды она еще не обнаружила.

И вдруг, откуда ни возьмись, появляется огромная бабочка такой невероятно яркой раскраски, какие встречаются только в здешних местах: тут и синий, и красный, и желтый цвета; она опускается на девичье плечо и, неуклюже перебирая своими шестью тонкими коленчатыми ножками, топчется на шоколадной шелковистой коже, под которой лишь слегка обозначена нежная женственная ключица. Хлопнув пару раз крыльями, бабочка распластала их во всю ширину — невиданно роскошное драгоценное украшение на стройном женском теле. И в то же время — молчаливый, но страстный и требовательный призыв для пылкого самца-мотылька, не замедлившего явиться на этот зов. Спланировав на ту же «посадочную площадку», он чуть ли не опрокидывает свою избранницу. Накренив крылья, парочка медленно спускается с плеча и, найдя несколько ниже, на тугой и упругой округлости более устойчивое и удобное место, приступает к любовным играм.

Девушка, смеясь, наблюдает за свадьбой, происходящей у нее под самым носом. А я невольно люблюсь ею: улыбка красит всякого, но у этой маленькой Евы чудесный, отнюдь не широкий и не плоский носик, пухлые, но вовсе не толстые и не вздутые губы, из-за которых виднеются на зависть крепкие белые зубы, сидящие в здоровых розовых деснах. Рот этот напоминает спелый аппетитный плод.

Маленькая бронзовая богиня древнего леса! Был бы я скульптором, то непременно вылепил бы ее точными и осторожными движениями пальцев. Ведь это по-настоящему совершенное произведение природы, в котором не надо ничего менять или исправлять: ни изящную линию спины с ее нежными лопатками, слегка только приподнимающими тугую кожу; ни груди, аккуратными полукружьями покоящиеся на хрупкой грудной клетке, ни стройные ноги, словно стволы молодых эбеновых деревьев, вырастающие прямо из ручья. Ничего в этой статуэтке менять не надо — здесь все прекрасно!

Но вода все-таки довольно холодна, поэтому я вынужден встать и перейти на более прогретое солнцем место. Девушка пугается, роняет кувшин, так что брызги летят во все стороны, и явно намеревается выскочить из воды. Я кричу ей что-то ободряющее, успокоительное, делаю руками жесты, имитирующие набирание воды в кувшин, — дескать, «набирай спокойно, я тебя не трону!». И хотя из моих бессвязных слов она вряд ли что-нибудь поняла, тем не менее не убежала, а при-

нялась, правда смущенно отвернувшись, ловить горлышком кувшина воду там, где она еще была чистой, незамутненной. Смущенно не потому, что мы стояли друг против друга, словно Адам и Ева,— этим здесь никого не смудишь,— а потому, что я был «белый», от которых здешним женщинам вообще-то положено скрываться в своих хижинах.

Поскольку я замутил воду, она бродит вокруг в поисках чистого местечка и, поглядывая в мою сторону, хихикает точно так же, как это делают наши деревенские девчонки на гулянье или на танцплощадке. Как же все-таки люди в сущности повсюду одинаковы!

Когда тяжелый кувшин наполнился до краев, она вынесла его на берег, а сама принялась обрызгивать себя водой: капли воды, словно стеклянные бусы, засверкали на ее теплой коже. А потом, набравшись храбрости, она с легким вскриком бросилась плашмя в воду меж камнями. Я же купаюсь чуть выше по течению и огорчаюсь тем, что от моего уродливо-бледного, веснушчатого тела плывут потоки взбаламученной воды в сторону этого прелестного маленького существа. Лежа на животе, я выставил спину солнцу и предаюсь своим ленивым мыслям.

Внезапный шлепок, притом не слишком-то нежный, прерывает мои лирические размышления. Оказывается, маленькая купальщица подплыла ко мне и убила муху цеце, севшую мне на спину. При этом она что-то объясняет мне на совершенно непонятном языке.

Чтобы как-то поддержать беседу, я решил полюбопытствовать, замужем ли она. Однако заговаривать с ней по-французски бессмысленно: женщины здесь не знают французского языка. С таким же успехом я мог бы обратиться к ней по-немецки. Тогда я попытался жестами изобразить, будто качаю на руках ребенка. Но тут же вспомнил, что здешние матери носят своих младенцев не на руках, а подвешивают их в платке сзади на спину, поэтому стал изображать, будто несю кого-то на закорках. Она поняла, кивнула головой и подняла кверху один палец — один ребенок. Я обратил внимание, что ладошка у нее совершенно розовая — черная лишь тыльная сторона руки. Мне захотелось выяснить, имеет ли она в виду собственного ребенка или говорит о братишке, поэтому бормочу нечто вроде «frege» — весьма распространенное и ходкое среди африканцев этих мест словцо. Она понимает меня, снова кивает и тоже изображает жестами, что несет что-то на закорках. Потом показывает на свой упругий девичий живот и объясняет в трогательно-наивной манере, что у нее есть муж...

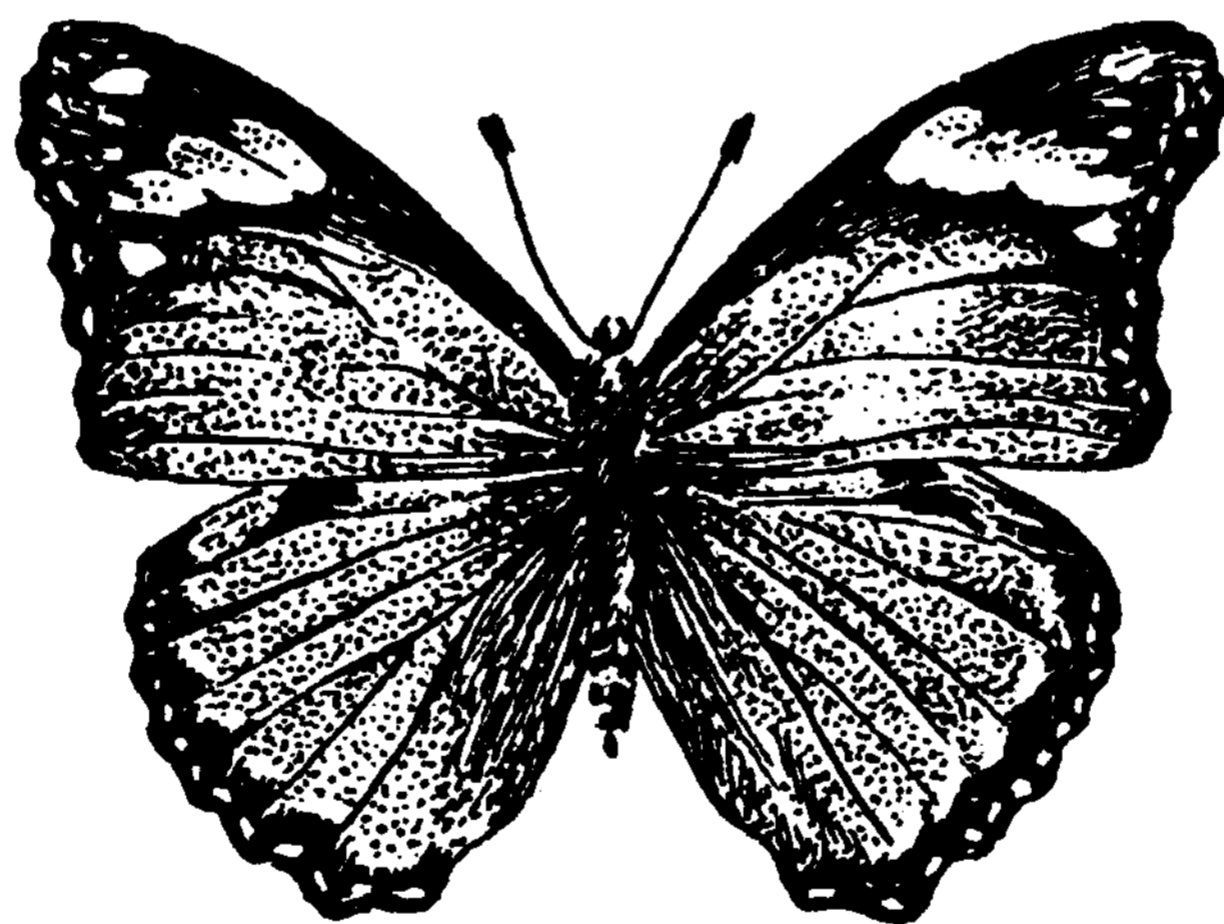

Потом мы лежим в воде — каждый в своей неглубокой каменистой «ванне»; а солнце, подглядывая сквозь небольшую прореху в сплошном зеленом пологе густого девственного леса, одинаково освещает как черное, так и белое: солнце — оно ведь для всех!

А затем я помогаю ей поднять на голову тяжелый кувшин и еще раз про себя отмечаю, как сосуд этот своими благородными формами напоминает древнюю амфору. А она запахивает вокруг талии свой домотканый платок и уходит в лес, гордая, прямая и стройная — ни дать ни взять маленькая лесная богиня!

А я снова остаюсь один со своими мыслями. Большой плоский камень еще хранит мокрые следы ее легких ступней...

И опять бабочки, большие и яркие, словно по мановению волшебной палочки слетаются сюда, на этот камень, чтобы попить из такой удобной для них мелкой лужицы. Они все слетаются и слетаются сюда: черно-белые, золотые, оранжевые, искрящиеся, светящиеся, сверкающие мотыльки! Настоящий живой, дрожащий и жгучий ковер вскоре скрыл под собой следы ее ног...

Глава десятая

МНОГОМИЛЛИОННЫЕ ГОРОДА ПОСРЕДИ СТЕПИ

Люди, едущие в Африку в поисках острых ощущений, которых они ждут от встреч с живыми львами или слонами, могли бы достичь этого совсем другим, гораздо более удобным и легким путем. Для этого им достаточно было бы проникнуть внутрь одного из тех многочисленных желтовато-красных сооружений, которые, словно многометровые обелиски, высятся среди степной травы. Правда, для этого потребовалось бы только одно маленькое волшебство (а все, что произойдет дальше, хотя и непостижимо и умопомрачительно — но тем не менее чистая правда, без тени вымысла!); но без этого маленького превращения ничего не выйдет. Поэтому нужно обратиться к одному из колдунов, этих черных шаманов, чтобы он своими чарами превратил нас в дюймовочек, заставил съжаться до величины муравья. Только в таком виде нам удастся проникнуть в подобную чудо-крепость под названием термитник. Надо не забыть только заранее (пока вы еще не сморщились) пробить киркой отверстие в отвесной стене, сделанной из твердого коричневого строительного ра-

створа. Потому что в облике дюймовочек нам это будет уже не под силу.

Итак, мы с вами дюймовочки. Но, несмотря на это, проникнуть в крепость, оказывается, не так-то просто. При входах во все туннели, ведущие во внутренние помещения, стоят грозные солдаты термитов, выставив наружу свои страшные челюсти, которыми в один миг могут отрезать голову незваному гостю. (Правда, задняя часть туловища у них совершенно мягкая, но это не беда — она ведь скрыта в проходе.) У солдат другого рода войск на голове копьеподобные наросты; если подойти к ним слишком близко, они подхватят пришельца словно ковшом экскаватора и сильным броском вышвырнут его вон, да так, что он опишет в воздухе порядочную дугу.

Но самые страшные среди солдат — это «солдаты-носороги». Их можно было бы назвать и «огнеметами», но вместо огня они выметывают из своих носов на расстояние от двух до трех сантиметров струю клейкого вещества, затвердевающего на воздухе. Тот, в кого попадет подобный снаряд, безнадежно в нем завязнет, и ему уже никакими силами из него не выбраться: он даже не сможет пошевелинуться.

Все эти виды оружия служат для защиты от муравьев — главных врагов термитов. Эти юркие нахалы непрестанно стараются проникнуть в их города. Когда им это удастся, они воруют яйца, личинок, крушат все вокруг и поселяются сами в удобной и защищенной крепости. Потому что самостоятельно выстроить нечто подобное они не в состоянии. Хотя во всем остальном муравьи намного превосходят термитов: они подвижнее, они зрячие, у них твердый панцирь, позволяющий им лучше обороняться, не боятся они ни засухи, ни солнечного света...

Именно из-за муравьев, являющихся значительно более молодым видом животных на земле, термитам и пришлось замуроваться в свои твердокаменные крепости и, спрятавшись в глубокие подземелья, жить вдали от солнечного света. Так они постепенно и превратились в слепой, подземный «народ», способный обитать лишь в темноте и сырости. Их длинные ходы ведут к «пастбищам», то есть к пищевым объектам, которыми питаются термиты. А питаются они — древесиной. Если им приходится добираться до своих «пастбищ» вверх по стене или по древесному стволу, они воздвигают на всем своем пути закрытые туннели, изготовленные из земли, смешанной с собственным пометом. Таким образом термитов и не видно, и не слышно. Туннели их ведут обычно к засохшим деревьям, деревянным домам, мебели, книгам; они выедают все внутри,

оставляя лишь внешнюю оболочку. Поэтому может случиться, что на вид совершенно целое деревянное строение внезапно рухнет, словно карточный домик.

Непонятно только, почему их иногда называют «белыми муравьями»? Они вовсе не муравьи, и не белые. Единственное, что их роднит с муравьями, как, впрочем, и с пчелами и с осами, это то, что они, являясь «общественными насекомыми», образуют «государства», в которых каждая отдельная особь играет лишь роль безвольного винтика в огромной машине. (Это те самые организованные, всемогущие государства, описываемые в некоторых фантастических произведениях. Ими писатели-фантасты предупреждают человечество о возможном опасном пути развития человеческого рода.)

Но люди живут на земном шаре примерно 800 тысяч лет, а вот термиты — уже 50 миллионов: их находят совершенно неповрежденными в янтаре на берегах Балтийского моря. Значит, уже миллионы лет тому назад, когда наши предки еще мало чем отличались от сегодняшних обезьян, термиты уже умели воздвигать небоскребы. Эти небоскребы по своей относительной величине намного превосходят современные небоскребы Нью-Йорка! «Государственная машина» такого огромного сообщества уже тогда функционировала у них бесперебойно: ведь даже размножение и продолжение рода у термитов осуществляется «фабричным» способом!

Из-за того, что каждый рабочий и воин «термитного государства» вслепую так уверенно движется и делает свое дело, наподобие лунатика или сомнамбулы, некто Мараис в своей нашумевшей книге «Белый муравей» сравнивает термитник с человеческим организмом, в котором отдельные термиты выполняют роль красных и белых кровяных шариков, управляемых как бы радиоволнами, исходящими из одного-единственного «мозга» — матки. «Теория» эта не подтверждена никакими научными исследованиями и потому безосновательна.

Новейшие наблюдения над термитами установили, что насекомые эти не более сродни муравьям, чем кенгуру — человеку; это значительно более древний род насекомых, чем муравьи, и с менее развитым мозгом. В то время как пчелы и муравьи относятся к перепончатокрылым, термиты — равнокрылые, более схожие, как ни странно, с нашими кухонными тараканами.

Итак, перед нами крепость с почти двумя миллионами жителей, три четверти из которых — рабочие, двести тысяч — солдаты и пятьдесят тысяч — подростки. Поскольку попасть

вовнутрь официальным путем, как выяснилось, невозможно, мы, карлики, карабкаемся вверх по раскаленной солнцем стене и окольными путями добираемся наконец до сделанного нами заранее пролома.

Но как же изменилась здесь обстановка! Сюда подтянулось целое войско солдат, которые выстроились цепочкой вдоль краев пробоины, выставив наружу свое страшное оружие. Напрасно спешат сюда, к этой брешу, обрадованные муравьи! Как только они дотрагиваются усиками до какого-нибудь солдата, так сейчас же отскакивают как ошпаренные.

Тем временем рабочие-термиты лихорадочно спешат заделать повреждение в стене. У рабочего-термита круглая головка с маленькими, но крепкими челюстями. Сейчас они работают каменщиками: неутомимо снуют вверх и вниз и приносят из темного подземелья в своих челюстях комочки земли, которые и прилепляют к краям пробоины. Она на глазах все сужается и сужается. Изнутри к краям подводятся земляные же «колонны» в виде опорных столбов, и скоро повреждение ликвидировано: дыра в стене полностью замурована. Какое-то время «заплата» еще выглядит сырой и темной, выделяясь на общем фоне стены, но вскоре она сравняется со всем остальным.

Но чтобы в последний момент еще успеть проскочить сквозь все сужающееся отверстие, надо предварительно убить пару термитов и натереть секретом их пахучих желез все свое тело. Тогда можно пробраться незаметно мимо стражи и обследовать внутреннее устройство крепости:

Итак, мы внутри. Толщина наружной стены термитника может достигать удивительных размеров — иногда в несколько ладоней. Внутри во все концы разбегаются хитросплетения ходов, в которых не разберешься! Все они заботливо и аккуратно утоптаны, напоминая бетонные дорожки. Снизу наверх поднимаются настоящие вентиляционные трубы, при помощи которых внутри строения поддерживается равномерная влажность и температура. Дождь термитам не страшен — над ними водонепроницаемые перекрытия. Однако, если совершить диверсию и, пробив дырки во внешней стене, вылить туда несколько кубических метров воды, то хитрая система каналов отведет воду в сторону так, чтобы основные части здания не пострадали и остались сухими. Для того же, чтобы в термитнике было всегда достаточно влаги, в глубь земли проведены вертикальные шахты, достигающие иногда 4—5 метров в длину! Ведут такие шахты либо в более влажные слои земли, либо прямо к грунтовым водам.

В Австралии особые виды термитов строят высокие узкие клинообразные шпильки, ориентированные своей узкой и широкой сторонами строго по странам света, с учетом направления ветра; так что их можно использовать в качестве самого надежного компаса.

Сейчас науке известен уже 1861 вид термитов, из них 68 ископаемых, относящихся к различным геологическим периодам Земли¹. Энтомологи, изучающие термитов, считают, что со временем их будет открыто не менее 5 тысяч видов. Большинство из них живет в тропиках, в основном в Африке, но и почти в каждом штате США их тоже можно обнаружить. Некоторые обитают только под землей, другие строят искусные гнезда на ветвях деревьев, а третьи изготавливают смешные строения, похожие на мухоморы, только высотой по пояс взрослому человеку; есть виды, не строящие никаких сооружений, а живущие всю свою жизнь прямо в той трухлявой древесине, которой они питаются. Насекомые эти уже миллионы лет тому назад достигли наивысшего своего развития, но затем более молодые, более совершенные и приспособленные виды вроде муравьев их превзошли.

Но все-таки самое удивительное — это то, что они едят древесину. Одну лишь древесину! Не многие животные в состоянии переваривать такую малосъедобную вещь! Да и термитам это удастся лишь с помощью весьма удивительного приспособления. В их пищеварительном тракте находятся одноклеточные жгутиковые, способные превращать целлюлозу из мелкоперемолотой древесины в сахар! (Что касается нас, то мы научились добывать сахар из древесины всего каких-нибудь двадцать или тридцать лет назад благодаря удачным опытам Бергиуса и Шоллера.) Преобразованную таким способом древесину термиты затем в состоянии переварить, а заодно они переваривают и часть своих «кишечных постояльцев», которые служат для них таким образом и поставщиками животного белка.

Причем все это не какие-нибудь домыслы, а проверенные наукой факты. Так, один исследователь продолжительное время держал термитов умеренной зоны при температуре свыше 36 градусов. Одноклеточные организмы в их кишечнике при этом погибали, а сами термиты — нет. Тем не менее обработанные таким способом термиты, несмотря на обилие древесной пищи, умирали спустя 10—14 дней от голода! Но если

---

¹ В настоящее время свыше 2500 видов.

им после некоторой голодовки начать скармливать «обработанную» кишечными одноклеточными древесину, они продолжают жить как ни в чем не бывало. Если их после этого снова «заразить» этой кишечной флорой, то они будут в состоянии переваривать и самую обычную древесину. Рабочие-термиты своими крепкими челюстями перемалывают древесину, кормятся ею сами и кормят ею остальных обитателей термитника.

А дальше еще чудеснее. Стали замечать, что некоторые виды термитов регулярно пасутся на водорослях или лишайниках, поселяющихся на сырых стенах или стволах деревьев. Уютно устроившись на такой «лужайке», они то поднимают, то опускают голову, напоминая в такой момент миниатюрных коров, пасущихся на лугу. За несколько часов такое пятно лишайника бывает полностью объедено. А между мирно пасущимися «коровками» в спешке проносятся другие «подданные королевства», добытчики, таскающие откуда-то корм в дом. «Коровки» при этом нисколько не реагируют на всю эту суету — они знай пасутся.

Некоторые виды термитов отваживаются иногда на дальние походы, шествуя стройной бесконечной колонной, подобно муравьям. Такая колонна лишенных хитиновой оболочки и слепых термитов-рабочих тщательно подстраховывается вооруженными солдатами. Они стоят по обеим сторонам колонны, головами наружу, поводя своим грозным оружием. В местах наиболее опасных они стоят сомкнутыми рядами, а в менее опасных — на расстоянии одного — пяти сантиметров друг от друга. Одному наблюдателю удалось подсчитать, что в течение семи часов проследовало 200 тысяч рабочих-термитов. Как выяснилось, ходят они «косить сено»: одни перекусывают стебли травы у основания так, что стебли падают на землю; другие тут же разгрызают их на мелкие кусочки длиной от одного до трех миллиметров, а третья группа подхватывает эти кусочки своими челюстями и транспортирует домой...

Там, внутри, урожай складывается штабелями в специальных хранилищах, находящихся возле наружных стен, где суше и теплее. Трава постепенно превращается в сено, а сено в травяную муку. В одном термитнике как-то обнаружили девять килограммов сухой травяной муки. Такая травяная, а также древесная мука используется в свою очередь для закладки грибниц и искусственного разведения грибов. Питомники грибов устраиваются в специальных камерах, в которых построены как бы «стеллажи» из земляного строительного раствора, чтобы

создать как можно большие площади для выращивания грибов. Весь термитник буквально усеян подобными «грибными камерами», настоящими маленькими теплицами, отдельные из которых достигают размера с человеческую голову.

Термиты выращивают особый вид грибов, который в обычных природных условиях еще ни разу не был найден. Все, что пытаются вырастить меж грибами, маленькие огородники старательно выпалывают. В отличие от древесной целлюлозы и сухой травы грибы весьма богаты белками. Ими-то термиты и кормят своих личинок.

Не могут самостоятельно питаться и солдаты, а также самки (матки) и самцы — всех их обеспечивают кормом рабочие-термиты. Причем не только отрыгиваемой пищевой кашцей, как это происходит у пчел, но и особой жидкостью, прошедшей через кишечник. Это значит, что всякий корм по несколько раз переваривается различными обитателями термитника и таким образом полностью используется; а все, что остается, еще замешивается в качестве цементирующего материала в земляной строительный раствор. Вот так. Этим объясняется то, что в термитнике все постоянно друг друга «облизывают».

Уютная, ровная температура, царящая в таком термитнике, привлекает всевозможных жуков, мух и их личинок в качестве непрошенных гостей, или паразитов. Забраться туда им удастся лишь в тех случаях, если они издадут запах, подобный запаху термитов, или выделяют какие-то схожие с ними вещества. Тогда их не принимают за врагов, хотя на самом деле среди них встречаются отнюдь не безобидные существа. Так, личинки одной жужелицы, к примеру, устраивают в стенах грибных теплиц ловушки или ловчие ямы, соединенные с этим помещением лишь узенькой щелкой. Там они сидят и караулят свою добычу. Стоит только какому-то термиту зазеваться возле такой щелки, как жужелица мгновенно высовывает оттуда свои мощные челюсти, затаскивает несчастную жертву к себе и съедает. Таких пиратов в термитниках бывает немало. Случается, что и клещи паразитируют на термитах, потому что те не в состоянии своими ножками их сковырнуть. Помочь же в этом случае друг другу — не входит в их запрограммированное поведение...

Из яиц термитов вылупляются личинки, которые не окукливаются впоследствии, как это происходит у бабочек или муравьев, а сразу же приобретают форму, схожую со взрослыми особями. Правда, по мере роста они несколько раз линяют. То, что из одних и тех же личинок вырастают частично рабочие,

частично солдаты (обе формы неплодовиты), а также плодовые «королевы» и «короли», объясняется, по-видимому, дифференцированным вскармливанием. Но в то время, как у пчел и муравьев самцы играют явно бесполезную роль и в своем избыточном числе совершенно лишние, у термитов это обстоит совсем иначе. Так, у пчел один самец из ста или тысячи оплодотворяет матку, вскоре после этого погибает, а всех остальных «претендентов» просто убивают; все рабочие пчелы и муравьи состоят из одних только самок. У термитов же они развиваются как из самок, так и из самцов. Так что это древнее государство отнюдь не царство амазонок: его возглавляет не одна только «королева», а «королевская чета».

В один прекрасный день термитник начинает «дымиться». Над ним появляется как бы темное облачко, которое все увеличивается в своих размерах. Происходит это чаще всего вскоре после дождя, когда легче проломить изнутри выходы наружу. Из этих отверстий вылетают тысячи и десятки тысяч черных половозрелых молодых «королев» и «королей». В отличие от слепых и угрюмых обитателей термитного государства у них вполне развитые глаза — они не боятся света, а, наоборот, стремятся к солнцу; они видят весь пестрый мир вокруг. У каждого такого молодого термита четыре крыла равной длины. Вокруг всех выходов толпятся солдаты и рабочие, которым вменяется в обязанность ограждать своих молодых, отправляющихся в свадебное путешествие, от плотоядных жадных муравьев, которые, разумеется, уже тут как тут. Однако не одни только муравьи начеку. Не прочь полакомиться молодыми термитами и разные летающие хищные насекомые, птицы и ящерицы. Для них всех вылет термитов означает, что настало время кутежей и обильных обедов. Африканцы тоже не зевают. Они накрывают термитники большущими, похожими на лопухи листьями и затем собирают с них многие килограммы крылатых термитов. Их варят, сушат, обрывают им крылья, а затем растирают между пальцами в пасту. Это очень вкусно, я сам много раз пробовал такие блюда, будучи в гостях.

То, что успевают уйти от смерти, поднимается высоко в воздух, чаще всего на 15—20 метров. Однако недавно такой рой обнаружили с самолета и на высоте 2000 метров. Большинство приземляется где-то поблизости от старого строения, но некоторые термиты могут улететь и за несколько километров. Так что родственные браки, по-видимому, норма. Крылья свои они сохраняют ненадолго. В том месте, где они прикреплены к туловищу, уже заранее намечена линия обрыва.

Многие теряют их уже в воздухе и возвращаются тогда по спирали вниз. Термиты другого вида, приземлившись, начинают совершать комичные телодвижения и, прижимаясь к камням, стараются отделаться от этих лишних украшений. К каждой самке вскоре пристраивается самец, который повсюду следует за ней, ощупывает и поглаживает ее, а затем помогает ей выкопать в земле ямку. И только когда это убежище готово и оба насекомых в него замуровались, только тогда они празднуют там свою свадьбу. Следовательно, лишь после недельного знакомства. Но зато уже после свадьбы такая парочка остается верной друг другу на долгие годы и даже десятилетия.

Вскоре самка откладывает первые яички, лижет и кормит молодняк. Из них вырастают рабочие и солдаты, правда меньших размеров, чем обычные обитатели большого термитника. Как только в новом термитнике появляются «няни» для «королевских» детей, «королева» начинает все больше и больше разбухать. Наконец она становится в 160 раз больше собственного супруга, но он тем не менее все время остается возле нее. Вскоре «королева» превращается в белый большой мешок длиной с ладонь, с переднего конца которого виднеется ее крохотное тельце. Такая самка откладывает в день несколько десятков тысяч яиц — каждые две секунды по одному; это прямо самое настоящее фабричное производство!

За свою двадцатипятилетнюю жизнь, которую одна такая самка прожила в лабораторных условиях, она произвела на свет примерно 250 миллионов яиц...

Когда взламываешь термитник, то камеру с «королевской четой» следует искать где-то чуть ниже уровня земли, потому что именно в таком месте находится первоначальное жилище, построенное этой парочкой. Все остальное надстраивается потом и без их участия. «Королевская камера» сообщается с основным зданием узкими щелями, сквозь которые и без того неподвижная самка никогда не может вылезти: следовательно, она замурована.

Если совсем осторожно разломать стены этого «королевского покоя» и вам повезет, то можно в течение некоторого времени наблюдать за всем «придворным церемониалом». Вокруг неподвижно лежащей белой и огромной «королевы» маршируют по кругу несколько дюжин маленьких рабочих, а некоторые из них ползают по ней и облизывают ее. Самка явно выделяет какие-то соки, которые рабочие-термиты жадно заглатывают. Иногда они при этом даже срывают целые лоскутья кожи с ее спины, так что впоследствии на ней можно обна-

ружить нечто вроде шрамов. Возможно, что подобный массаж необходим для стимуляции производства яиц. Стоит появиться сзади очередному яйцу, создается небольшая толкучка, но затем кто-то из «подданных», изловчившись, хватает его своими челюстями, а другие сейчас же облизывают его досуха. Затем яйцо деловито относят в «инкубатор».

Африканцы рассказывали мне, что термиты эвакуируются, если серьезно повредить их постройку. И тогда они якобы ночью, в торжественной процессии, переносят свою «королеву» на новое место. Но я этому не верю. Потому что вряд ли такие маломощные животные способны даже сдвинуть с места подобную тушу. Кроме того, каждая постройка термитника имеет под землей столь разветвленную сеть ходов, что термитам ничего не стоит где-нибудь в другом месте устроить «королевскую опочивальню».

Потеря «королевы» отнюдь не означает вымирания такого гигантского города. Есть ведь в Африке термитники, считающиеся священными и существующие уже в течение сотен лет, так что «королевы» в них менялись, и не раз. Когда умирает «король» или «королева», то вскоре появляется замена. Потому что помимо крылатых производителей в термитнике в случае необходимости могут вырастить и плодовитых особей с зачатками крыльев и даже совсем бескрылых и тем не менее все равно способных к размножению. Мигрируют ли они пешком, с тем чтобы где-то в другом месте основать новую колонию, этого пока еще никто не знает. Потому что жизнь термитов гораздо меньше изучена, чем жизнь других общественных насекомых, наблюдать за которыми значительно легче. Во всяком случае ясно одно: погибшую «королеву-мать» вскоре заменяют молодые самки, и тогда может случиться, что у «короля» будет сразу от трех до семи жен, и наоборот: у «вдовствующей королевы» может оказаться одновременно несколько супругов...

Существуют гигантские формы среди термитов величиной до одного сантиметра; а есть такие, у которых солдаты не только владеют «химическим оружием» и умеют вышвыривать противника со своей территории, но способны вытворять и совсем удивительные трюки: вонзив свои длинные челюсти в землю, они швыряют самих себя на врага, пролетая по воздуху несколько сантиметров!

Солдаты вообще, как правило, нападают лишь на насекомых своего размера или более крупных, потому что для борьбы с мелким противником они слишком неповоротливы. Так, мелкие формы муравьев незаметно могут подползти к ним

сбоку и отгрызть им ноги. Поэтому с подобного рода мелкотой приходится, как правило, драться рабочим.

А бывает, что термиты не только выбрызгивают яд и клей, но и жертвуют собой ради общего блага. В случае крайней опасности такой термит судорожно сжимается, его хитиновый покров лопается и наружу бурно выступает пеннистая клейкая масса, превращая все рьяно копошащееся побоище в комок клейстера...

Есть вид крупных ящериц, приспособившихся продавливать отверстия в термитнике и откладывать туда свои яйца. Трудно придумать более удачный способ заботы о потомстве; ведь термиты в таких случаях торопятся поскорее залатать брешь в стене, и отложенные ящерицей яйца, попав в равномерную температуру и влажность, развиваются самым наилучшим образом.

Поскольку термиты слепы, они общаются меж собой, по-видимому, при помощи обоняния и вкуса. Если в какой-нибудь термитник подбросить термитов другого вида, то на «чужаков» нападают только в самом начале. Стоит же им провести некоторое время в этом строении, на них перестают обращать внимание. Иногда случается, что в одном и том же термитнике обитают два различных вида термитов, однако ходы их тогда бывают тщательно обособлены друг от друга.

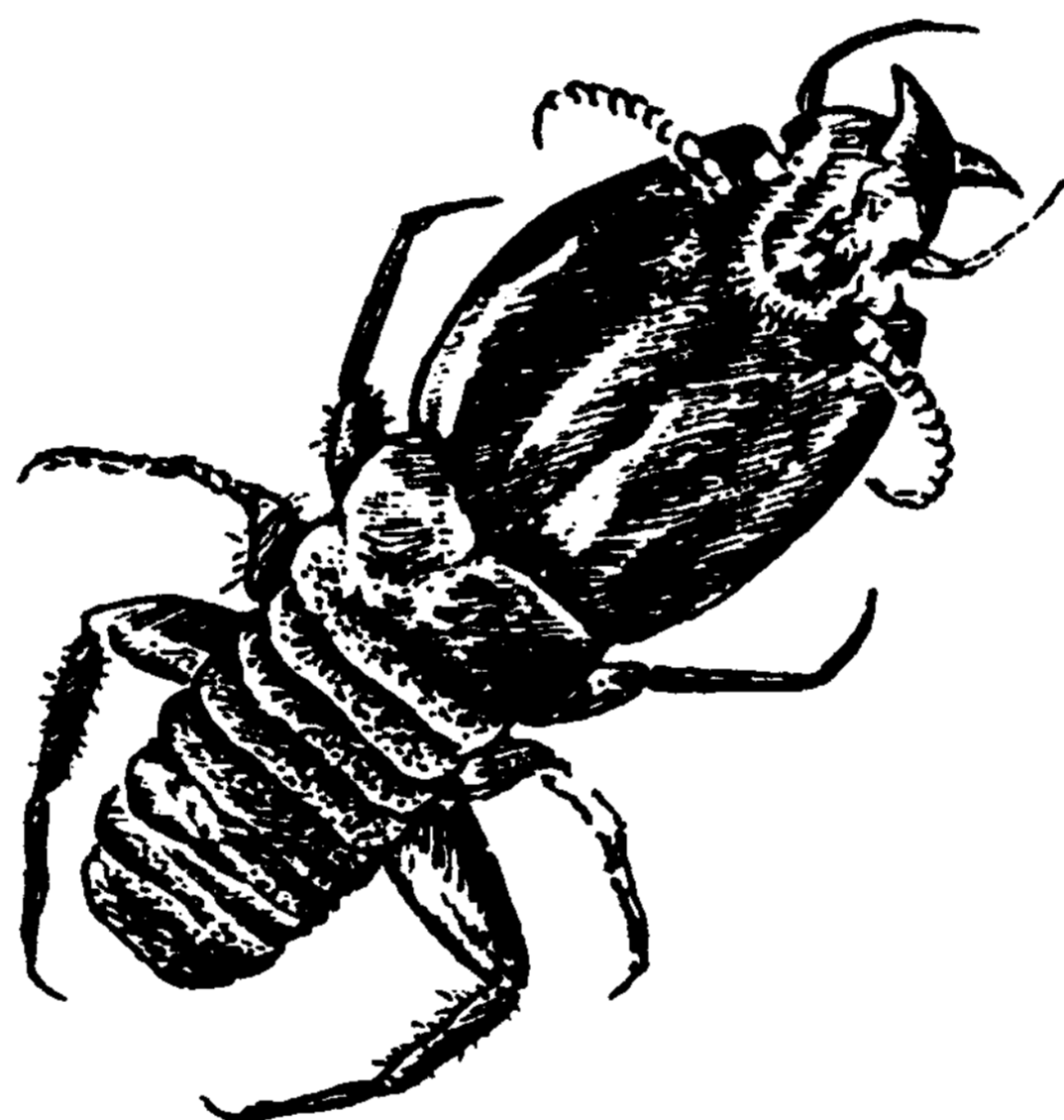
Кроме того, у термитов, по всей вероятности, есть способ общаться путем перестукивания. Они свиристят и топчут и передают таким образом сигналы по всему зданию, которые другими членами сообщества принимаются с помощью особых органов. По-видимому, этим можно объяснить тот факт, что термиты в Северной Америке никогда не поселяются на железнодорожных шпалах действующих путей, а также редко повреждают деревянные каркасы мельниц: им мешает вибрация, она их беспокоит. Да и вообще надо признать, что термиты, обитающие в умеренных зонах и живущие там под землей, как правило, не представляют такой опасности для деревянного имущества человека, как в тропиках.

Несколько лет тому назад всю немецкую прессу обошли сенсационные сообщения о том, что в порт Гамбург затащили вместе с каким-то грузом североамериканских термитов и теперь они бесчинствуют в старых деревянных домах, нанося их жильцам непоправимый урон. Подобные же сообщения появлялись и раньше, например в 1937 году. Однако дело обстоит не так страшно, как это расписывают некоторые га-

зетчики, и нет оснований бояться, что «теперь термиты сожрут всю Германию...».

В Соединенных Штатах 38-й градус широты служит для термитов как бы шлагбаумом: дальше на север они не проникают. Тем не менее они ежегодно наносят стране урон, составляющий примерно 40 миллионов долларов. Сумма, конечно, немалая, но, по совести говоря, для такого грандиозного государства не бог весть какой убыток.

Между прочим, существуют и способы защиты от термитов. Так, в качестве опорных столбов деревянных строений используют бревна из термитоустойчивых сортов дерева, из дерева со специальной пропиткой или цементные цоколи, отделенные от деревянной части здания большими пластинами из нержавеющей стали. А главным образом надо следить за тем, чтобы вокруг дома не было термитников.

Глава одиннадцатая

ПРО БОЯ ДЖО, ПРО «ЛЕСА-ТАБУ», ТОТЕМНЫЕ БЛЮДА И КИНОТЕАТРЫ В БУШЕ

Как-то раз я заснял нашего боя Джо, верного спутника и помощника, сопровождавшего нас во время наших долгих путешествий по Африке, в тот момент, когда он, шутки ради, примерял ухмыляющуюся деревянную ритуальную маску. Джо был очень напуган тем, что его сняли в таком виде, и просил меня во что бы то ни стало уничтожить эту фотографию. Он боялся, что она попадет на глаза евангелистскому пастору-миссионеру в его родном городке Данане, находящемся далеко отсюда, в горах.

— В таких масках живет дьявол, — пояснял он мне. — И их надо сжигать, а не развешивать у себя на стенках!

Я твердо обещал Джо написать в своей книге о том, что он — Джо — примерный христианин и ничего общего с фетишами не имеет и иметь не желает. Так и знайте. Как видите, я исполнил свое обещание.

Джо я нанял по рекомендации после длительных переговоров относительно оплаты. Составляла она 120 колониальных франков в день, что соответствует примерно трем маркам.

Когда он сопровождал нас во время походов, ему полагалось дополнительное вознаграждение за приготовление пищи.

Поначалу мне показалось, что ему лет шестнадцать. Но потом он рассказал, что женат и даже имеет ребенка. Жена его, с которой он меня потом познакомил, оказалась юной и весьма миловидной особой. Ребенок еще принадлежал родителям жены, потому что Джо не удалось пока собрать полной суммы выкупа, которую он должен был заплатить за жену. Ему предстояло заработать еще десять тысяч франков, что для работодателя такого боя всегда таит в себе некоторую опасность... Однако Джо заверил меня, что ему воровать никак не положено; более того, он не имеет права во время нашего долгого путешествия заводить шашни с какой-либо другой женщиной. Иначе ему придется по приезде каяться пастору, да притом публично, на глазах всей своей маленькой евангелистской общины.

Он доверительно рассказал мне, что прежде служил как-то в качестве боя у одного французского управляющего и однажды украл стул. Пастор, узнав об этом, потребовал, чтобы он отнес стул обратно, а мать и жена Джо ужасно ревели, потому что боялись предстоящего наказания. Однако примерный христианин Джо отнес стул назад жене управляющего, за что удостоился даже похвалы и вдобавок получил в подарок пару белых носков, которые господину управляющему были малы.

У Джо есть еще и второе имя — Пауль. Это имя он просто так просил занести в книгу во время переписи населения французской администрацией. Имя ему очень нравилось, и он решил его присвоить. Оказывается, африканцы, у которых нет фамилии, могут это делать по собственному усмотрению. Они охотно берут себе имя какого-нибудь знакомого белого, который им нравится или чем-то импонирует. Так, на окраине городка Сасандры бегают добрых два десятка негритят по имени Боссарт, названных так в честь одного бывшего солдата иностранного легиона, теперь осевшего в этих местах и заделавшегося фермером. Мне как-то с моим сыном пришлось заночевать в его доме, и он всячески уверял меня, что абсолютно не повинен во всех этих бесчисленных Боссартах...

— Мне двадцать пять лет, — заявил мне наш бой Джо.

Но когда я в этом усомнился, он признался, что во время регистрации населения не мог указать свой точный возраст, потому что не знал его. Чиновник просто взглянул на него и записал: «двадцати пяти лет».

Многие простые африканцы не знают своего точного возраста, а тем более дня рождения. Если спросить их об этом, то можешь получить самый невероятный ответ: люди, которым за сорок, с невинным видом будут утверждать, что им три года. В счете жители глухих деревушек тоже не всегда сильны. Однако в то же самое время есть ведь и африканские врачи, торговцы и разные другие специалисты. А один шофер такси в Абиджане обратился ко мне со следующей просьбой:

— Вы проехали в моей машине с девяти утра до половины двенадцатого, месье. Час езды стоит 200 франков. Не могли бы вы мне сосчитать, сколько с вас причитается?

Такая доверчивость и прямодушные действуют обезоруживающе.

Бригадир, возглавлявший работы на плантации одного моего знакомого, никогда не мог сказать, сколько людей с утра явилось на работу. Бормоча что-то себе под нос, он набирал в руку маленькие камешки и, придя к своему хозяину, заявлял:

— Вот сколько людей явилось сегодня на работу!

Однако можно встретить и совсем другое. Так, у моего гостеприимного хозяина Абрахама черный приказчик ведет самостоятельно всю бухгалтерию, проверяет и регистрирует дневную выручку, с учетом налогов. Почтовые работники тоже, как правило, все без исключения африканцы.

Очень смешно, что в каждом маленьком почтовом отделении, куда я заходил, чтобы отправить письмо домой, во Франкфурт, поднималась горячая дискуссия между почтовыми служащими — сколько должна стоить отправка письма в ФРГ. Стоимость каждый раз оказывалась разной. Под конец я уже перестал спрашивать, а наклеивал ровно столько марок, сколько считал нужным (а именно — наименьшую сумму из всех, которые мне называли); и должен сказать, что письма всегда аккуратно доходили до адресата, причем без какой-либо доплаты. Между прочим, те же дебаты происходили и на почтамтах во Франкфурте каждый раз, когда моя жена пыталась узнать, сколько будет стоить отправка письма ко мне, на Берег Слоновой Кости...

Долгими вечерами, когда мы сидели втроем у лагерного костра, я беседовал с Джо на его «африкано-французском» наречии. Я заметил, что он, будучи христианином (чем страшно гордился), всегда упоминал не о «Боге», а о «богах» («les Dieux»). Расспросив его поподробнее, я выяснил, что под этим он подразумевает «Святую Троицу», понятие, объяснить суть которого не так просто не только африканскому деревенскому

парню. Джо страшно трогательно старался мне растолковать, что существуют две смерти: одна здесь, внизу, на земле, и если ты был плохим человеком, то смерть эта будет окончательной и вечной. Но после смерти все души становятся белыми; черных там не бывает. Он был очень удивлен, когда услышал от меня, что кроме черных и белых существуют еще и желтые, и красные люди. Нет только синих и зеленых. Как у нас зимой замерзают реки, я сумел объяснить ему на наглядном примере льда в холодильнике; но вот как растолковать ему, что такое снег и снегопад, этого я не знал. Я говорил, что у нас зимой с неба сыплется вода в виде хлопьев ваты и, падая на землю, остается лежать на ней белым покрывалом; что деревья сбрасывают листву и по полгода стоят голые; что во всех окнах у нас вставлены рамы со стеклами. Но еще невероятнее казался ему, да и всем другим деревенским жителям Африки, рассказ о том, что мы не только не платим денег тестю за свою жену, а, наоборот, еще получаем определенную сумму в виде приданого.

Судя по моему благосостоянию, всякий здесь считал, что у меня не менее десяти жен, и никого бы это нисколько не удивило. Удивляло их то, что я утверждал обратное.

— Но почему же у тебя только одна-единственная жена? — допытывались у меня неоднократно.

— Потому что нам нужно гораздо больше работать, чтобы прожить, — пытался я объяснить им этот невероятный факт.

— При нашем холоде ведь необходимо носить ботинки и одежду, да к тому же еще теплую, мы вынуждены покупать дрова и уголь, чтобы отапливать свое жилище. Но у нас не только холодно зимой. У нас и дни короче, не то что здесь, в Африке, где они круглый год подряд длятся по 12 часов. И нам приходится искусственно продлевать дни и жечь свет, который тоже стоит немалых денег.

— Я и двух дней не смог бы прожить в таких ужасных условиях, — объявил с полной уверенностью Джо, выслушав мой рассказ. — Я бы тут же умер.

Как-то однажды во время своего проживания в Бваке — нашей штаб-квартире во внутренних районах Африки, городке, где как-никак проходила узкоколейка, имелся вокзал, а также два кинотеатра, я решил сходить прогуляться в близлежащий лесок, расположенный в получасе ходьбы. Кругом пыльная степь, а тут — зеленый оазис, который так и манит прохладой своих высоких пышных крон.

И я пошел. Но на полдороге меня догнал наш хозяин Абрахам и буквально за руку стал тянуть обратно:

— Бога ради, не ходите в этот лес! Вернитесь сию же минуту! Его ни один белый не имеет права посещать. Может быть, на вид мы здесь и вполне цивилизованные, но я не могу вам поручиться, что, войдя в этот лесок, вы не схлопочете себе ядовитую стрелу или через пару дней не умрете от какой-нибудь загадочной болезни. Лес этот — табу! Африканцы утверждают, что в нем живут боги.

Заметив мой недоверчивый взгляд, он принялся рассказывать мне историю фабрики, обгоревшие развалины которой виднелись на опушке леса. Судя по толщине стен, это некогда было крепкое солидное строение.

Вот что он мне поведал. В 1942 году в Бваке приехал некто Л., бельгиец по происхождению, примерно шестидесяти лет. Он решил открыть здесь фабрику по изготовлению канатов и веревок из волокон сизаля. Поскольку он имел военные заказы, ему отпустили и цемент. Он очень быстро разбогател. Вскоре правительство выделило ему землю под постройку новой, более современной фабрики, именно той, руины которой виднелись возле опушки леса. Оказалось, что земля, отпущенная под постройку фабрики, «принадлежала» какому-то местному боже-ству, которому поклонялись аборигены — бауле. Черные жрецы, надо сказать, поступили вполне разумно: они предложили этому бельгийцу принести боже-ству в жертву вола. Однако господин Л. бесцеремонно отклонил их предложение: «С какой такой стати, земля и так принадлежит мне!» Фабрику построили. Однако в самый разгар строительства господин Л. внезапно умер при совершенно загадочных обстоятельствах. Его двадцативосьмилетний сын, съездив в Бельгию, привез младшего брата своего отца, но и тот спустя несколько недель скончался. Потом скончался по непонятным причинам и сын владельца фабрики. В доме остались одни только женщины, которые с лихорадочной поспешностью продали это проклятое предприятие и поскорее уехали назад в Бельгию. И вот после того, как все мужчины этого семейства были истреблены, сгорело и само здание фабрики — буквально все постройки! С тех пор никто уже не решался их вновь отстроить.

— Вот дурак-то! Из-за одного-единственного вола! — заключил свой рассказ Абрахам, пожав плечами.— Когда приезжаешь в какую-нибудь чужую страну, то приходится при-норавливаться к местным верованиям и обычаям, а не лезть

на рожон и стараться прошибить головой стенку. Все равно из этого ничего хорошего не получится!

Чаще всего подобные загадочные смертные случаи объясняются туземными ядами, которые обслуживающий персонал подмешивает в пищу. Трупы в этом жарком климате приходится зарывать в землю буквально в тот же день, патолого-анатомических или химических институтов, могущих произвести вскрытие или какие-либо анализы содержимого желудка, здесь нет. Поэтому причину внезапной смерти, как правило, объясняют тропической болезнью почек под названием «bilieuse»; эта болезнь действительно протекает при аналогичных обстоятельствах, и часто человек уже через день-два мертв.

Особенно тяжело приходится землемерам. Здесь это, по чистой случайности, чаще всего поляки. Милые люди, но с незавидной судьбой: в местных условиях их профессия весьма небезопасна. Ведь им приходится поодиночке в сопровождении одних лишь черных носильщиков углубляться далеко в лес или пересекать обширные степи. Черные носильщики, как правило, неохотно поднимаются в горы, потому что, по их мнению, там обитают злые духи. Когда их пытаются принудить к этому, они просто убегают, оставляя беспомощного землемера одного. А то еще и отравят ядом. Не последнюю роль здесь могут играть и «дамские истории». Один французский управляющий округом перечислил мне пятерых землемеров, которые всего только за несколько последних лет погибли или сошли с ума во время своих служебных поездок.

Как раз именно бауле верят так же, как и белые, в одного-единственного Бога, царящего на небе. Однако этот «высший Бог» не заботится по мелочам о том, что происходит на земле. Когда-то, в давние времена, он разрешил всем людям и зверям, а также добрым и злым духам по длинной цепочке спуститься с неба на землю. А дальше он уже не стал досаждать им мелочной опекой: судите и рядите, как вам заблагорассудится! Поэтому теперь приходится быть чертовски осторожным, чтобы не навлечь на себя гнев того или иного злого духа или божества, не встрять с ними в какой-нибудь конфликт! Отсюда и все эти деревянные фигурки в хижинах. На наш взгляд, они выглядят все достаточно примитивно и все схожи между собой. Однако бауле узнают их моментально по чертам лица и восклицают:

— Это же Бабакан!

То есть определенный африканец, умерший незадолго до этого. Его душа бродит по свету и может натворить недоброе.

Но как только она найдет деревянное изображение тела, в котором прежде жила, ей приходится смириться и поселиться в нем.

Боги очень ясно предписывают каждому африканцу, что ему можно и чего нельзя есть. У каждой семьи есть свое тотемное животное, мясо которого ни под каким видом нельзя есть, потому что в противном случае кто-то из членов семьи либо заболевает, либо умрет. А так вообще-то мало животных в Африке считаются несъедобными, начиная со змей, ящериц, мышей и до слонов включительно.

Когда африканец в деревне заболевает, он идет к своему колдуну, платит свои 20—30 франков, а тот, таинственно погадав на орехах кола, большей частью заявляет, что кто-то из врагов пациента его сглазил, наслал на него злого духа. В лучшем случае колдун спросит, что больной поел накануне, и объявит мясо этого животного дополнительным тотемным блюдом. Если болезнь не проходит, пациенту запрещают есть еще несколько блюд, словом, все очень напоминает то, что происходит с нами у наших европейских, высокообразованных врачей...

Таким образом, встречаются африканцы, для которых семь или восемь животных являются тотемными и которые не очень-то понимают, чем им вообще еще можно питаться...

Я поинтересовался, как же происходит дело в семьях, где муж имеет пять или даже семь жен, для каждой из которых (еще со времен отцовского дома) существует свое тотемное животное, которое, боже упаси, мужу подавать нельзя! Оказывается, выход из такого положения все же найден: муж имеет право есть тотемное животное жены, но только не в ее присутствии. Потому что в противном случае такая оскорбленная жена может немедленно сбежать от своего повелителя и вернуться к родителям.

Эти церемонии с тотемными животными и для меня имели свою положительную сторону. Будучи в гостях в туземных деревушках, получаешь иногда в качестве деликатесов такие вещи, к которым наши европейские желудки совершенно непривычны, например вареных и вяленых термитов, змей и тому подобное. Поначалу я из интереса пробовал все, чем меня угощали. Но большинство этих блюд, по правде говоря, невкусные и, кроме того, всегда слишком сильно перченые пиментом — этой дьявольской африканской приправой. Уж лучше есть привезенные с собой консервы или такие малопривлекательные для местных жителей продукты, как бананы

или папайю — похожие на дыни, крупные и очень сочные плоды. Так что, когда меня угощают блюдом, которое мне не по вкусу, я сейчас же объявляю, что оно для моей семьи считается тотемным. Такие вещи понятны каждому африканцу, и никто не окажется столь невежливым, чтобы продолжать настаивать на том, чтобы отведали его угощение.

Не улыбайтесь, читая эти строки. Мы так охотно подтруниваем над подобными вещами, а сами-то чем лучше? Что касается суеверия, то мы, европейцы, стоим примерно на той же ступени развития, что и бушмены. Просто мы верим в иную чепуху, чем они. Ведь почти каждый журнал или газета в Европе печатают астрологические календари, и тысячи людей, мнящих себя значительно интеллектуальнее «этих дикарей», согласуют свои дела и поступки соответственно тому, кто они такие: «водолеи», «тельцы», «девы» или «козероги»...

Наш бой Джо, как я уже говорил, был протестантом и страшно этим гордился. Однако все эти древние «тотемные» поверья до того крепко в нем засели (впитались, что называется, «с молоком матери»), что он просто не знал, как от них избавиться. Пастор запретил, например, своему приходу пить вино, «потому что в пьяном виде легко совершить дурной поступок и к тому же забыть, о чем пастор говорил в своей проповеди». Помня эти разумные назидания, наш бой спиртного не употреблял — даже красного вина чурался как заразы. Он отказывался даже есть те блюда, которые были политы соусом. В соус он сам для вкуса подливал немного красного вина. Вино стало, таким образом, для него «тотемом».

Но большинство других африканцев, как я заметил, не столь щепетильно относились к этому вопросу, когда вместе с нами ели нашу стряпню.

— У этих белых никогда не разберешь толком, что такое ешь! — смеялись они обычно.

Чего только не встретишь в подобной поездке по Западной Африке! Все тут перемешано: и религиозные секты «людей-леопардов», и в то же время в тысяче километров от побережья вы можете вдруг увидеть диснеевский фильм «Бэмби», который как раз только что вышел на экраны Европы и идет, например, во Франкфурте.

Кинотеатры здесь имеют четыре стены, но над ними нет крыши. Иначе ни один человек не мог бы в них усидеть из-за духоты. Сеанс начинается после восьми часов вечера, прямо под звездным небом. Кресла устроены очень удобно, амфитеатром, и обтянуты (тоже из-за жары) полотном наподобие

шезлонгов. Вход стоит недешево, на наши деньги больше двух марок, но зато за вечер показывают два фильма, и программа меняется ежедневно. Коробки с кинолентами путешествуют в самолетах по всей Африке над степями и лесами.

Перед входом маленькие негритята продают жевательную резинку, громко расхваливая свой товар. Черные и белые сидят здесь, как правило, попеременно, но черных всегда значительно больше белых. Зрители ведут себя довольно темпераментно и не могут усидеть спокойно (однажды мне с верхнего ряда даже свалилась на голову чья-то сандалия); а особенно любимое и отнюдь не безобидное развлечение здесь — это швыряние жевательными резинками друг в друга; вытащить ее потом из таких курчавых волос совсем не просто!

В портовом городе Абиджане кинотеатр находится прямо рядом с респектабельным зданием гостиницы «Hotel du Parc». Поскольку у кинотеатра нет крыши, а окна в гостинице, разумеется, незастекленные, то, лежа в постели, невольно слышишь весь диалог демонстрируемого фильма. И наоборот: однажды вечером внимание публики было отвлечено невиданным зрелищем — из дымовой трубы отеля то и дело вырывался каскад искр, напоминающий настоящий фейерверк.

Наряду с новейшими и современнейшими фильмами я увидел и такой, в котором нацистские солдаты со свастикой на рукаве спускались с небес на парашютах, обстреливали Тарзана в лесу из пулеметов, а затем по радиации передавали свои донесения на немецком языке в Берлин... Гомерический хохот вызвал здесь один американский фильм, в котором всех негров играли грубо намалеванные белые; каким-то племенем правила белая королева с красиво уложенной в парикмахерской прической и в ослепительном модном купальнике; какой-то мужчина в безлюдной степи в течение десяти минут боролся со львом, причем голыми руками, не имея при себе даже ножа, а потом встал как ни в чем не бывало — без единой царапины, отряхнул руки и пошел.

Когда шел какой-нибудь арабский фильм, наши сирийские хозяева, у которых мы как раз гостили, видимо, из патриотических соображений всегда шли его смотреть и тянули нас за собой.

Фильмы эти обычно снимались в Каире, дублировались на французский язык и содержали ходовые американские сюжеты, только на восточный манер и на фоне восточных пейзажей. Обычный в таких случаях юный, талантливый, но никому не известный певец из кабаре здесь заменялся тоже

юным и тоже никому не известным муэдзином, ежеутренне поющим с минарета мечети свои молитвы. Его «открывает» театральный импресарио, и вскоре он становится всемирно известным оперным певцом. Разумеется, и здесь не обходится без глубокой и самоотверженной любви...

Нередко киномеханик проделывал следующий трюк: он молниеносно и со свистом прокручивал всю ту часть фильма, где обычно на французском или на арабском языке (большей части зрителей непонятном) указаны фамилии всех этих актеров, режиссеров, сценаристов, гримеров, названия фирм проката, и так далее и тому подобное, и начинал фильм прямо с действия. По-моему, новшество, вполне достойное подражания...

В один прекрасный день мы купались в небольшой горной речушке, протекающей совсем рядом с шоссе. Женщины из близлежащей деревни приходили сюда же стирать белье. Вот и сейчас они, беззаботно сняв с себя свои европейские платья, в чем мать родила, стирали их у самого берега.

Купающиеся вместе с нами африканцы, ухмыляясь, рассказали мне, что недавно какая-то американская киногруппа снимала здесь фильм «На мотоциклах через Африку». Они подъехали на грузовиках (на которые были погружены их мотоциклы!), попросили нескольких африканцев снять одежду и в таком виде, перебираясь по скалистым уступам, перенести мотоциклы на другую сторону реки. В то время как всего в ста метрах от этого места имелся хороший массивный мост...

— Когда снимаешь это снизу вверх, то создается полная иллюзия смелого форсирования бурного потока в девственном лесу,— объяснил им режиссер.

Вот как это, оказывается, делается.

Наибольшей популярностью пользуются у здешних кинозрителей, так же как и у наших, детективные и ковбойские боевики. Лишь бы в них побольше стреляли и орали. Публика реагирует по-разному. Иной африканец значительно благовоспитаннее, чем белый, облокотившийся с ним на один и тот же подлокотник. Другие, только недавно прибывшие из буша, из «brousse», как здесь говорят, реагируют на все весьма темпераментно. «Tirez!» («Стреляй же!») — кричат они возбужденно, когда кто-то на экране поднимает пистолет, а после окончания сеанса заглядывают за белое полотно экрана, желая узнать, где тут артисты будут ночевать. Когда паровоз или самолет наезжает крупным планом на зрителей, первые ряды частенько вскакивают и отбегают в сторону, к безумному удовольствию более просвещенной части зала.

Один белый как-то спросил меня, какого я мнения об их колонии. Я ответил, что она напоминает мне Америку в лучшие годы пионерства, вот только ограбления почтовых карет не хватает... все здесь уж очень мирно и безопасно, у этих африканцев.

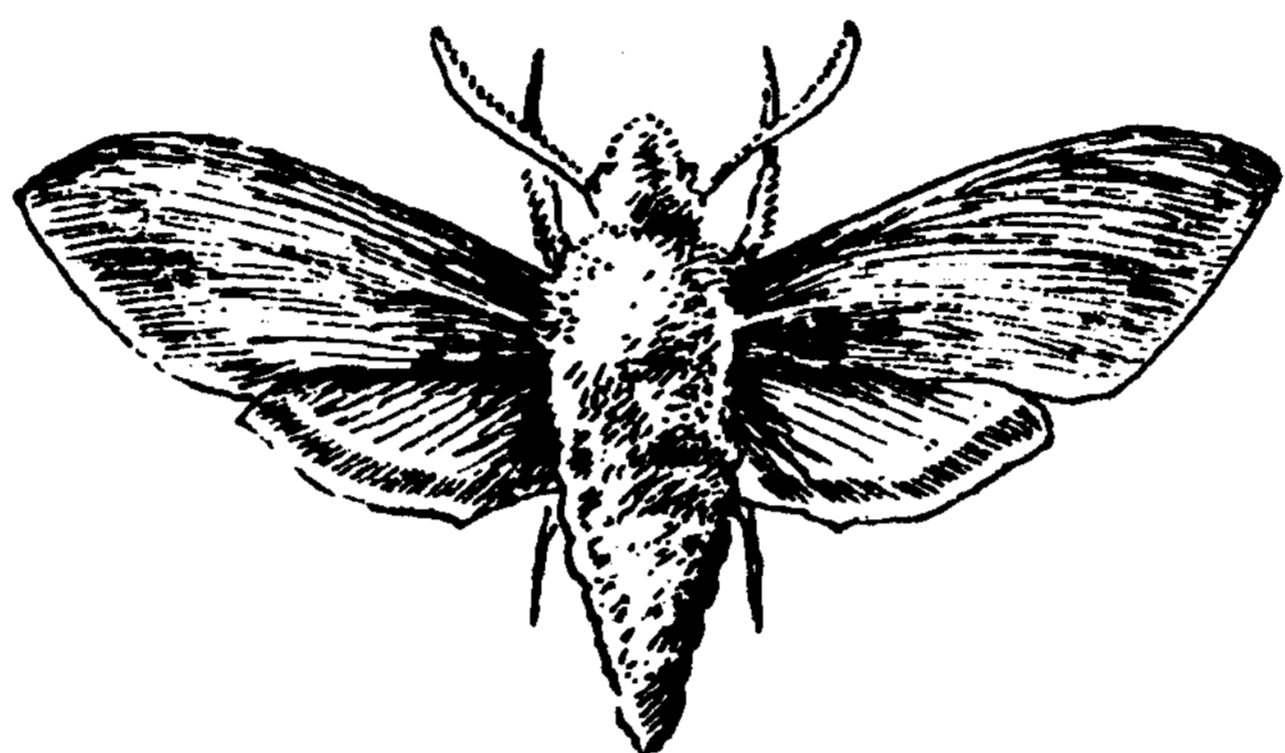
— Чему-чему, а этому-то мы их, к сожалению, скоро научим,— ответил он.— Вот недавно в Данане очистили сейф с деньгами. Притом все двери в доме оставались запертыми и не были взломаны. Чудеса, да и только. Но в конце концов где-то в углу обнаружили мешок, которого раньше там не было. Из него вылез африканец, который, оказывается, столь хитроумным способом остался с вечера в доме и дождался, пока его запрут. Все страшно удивились, как этот простоватый парень мог оказаться таким продувным и находчивым? Хотите знать разгадку? А очень просто: он видел все это в кино и скопировал. Вот вам и плоды просвещения!

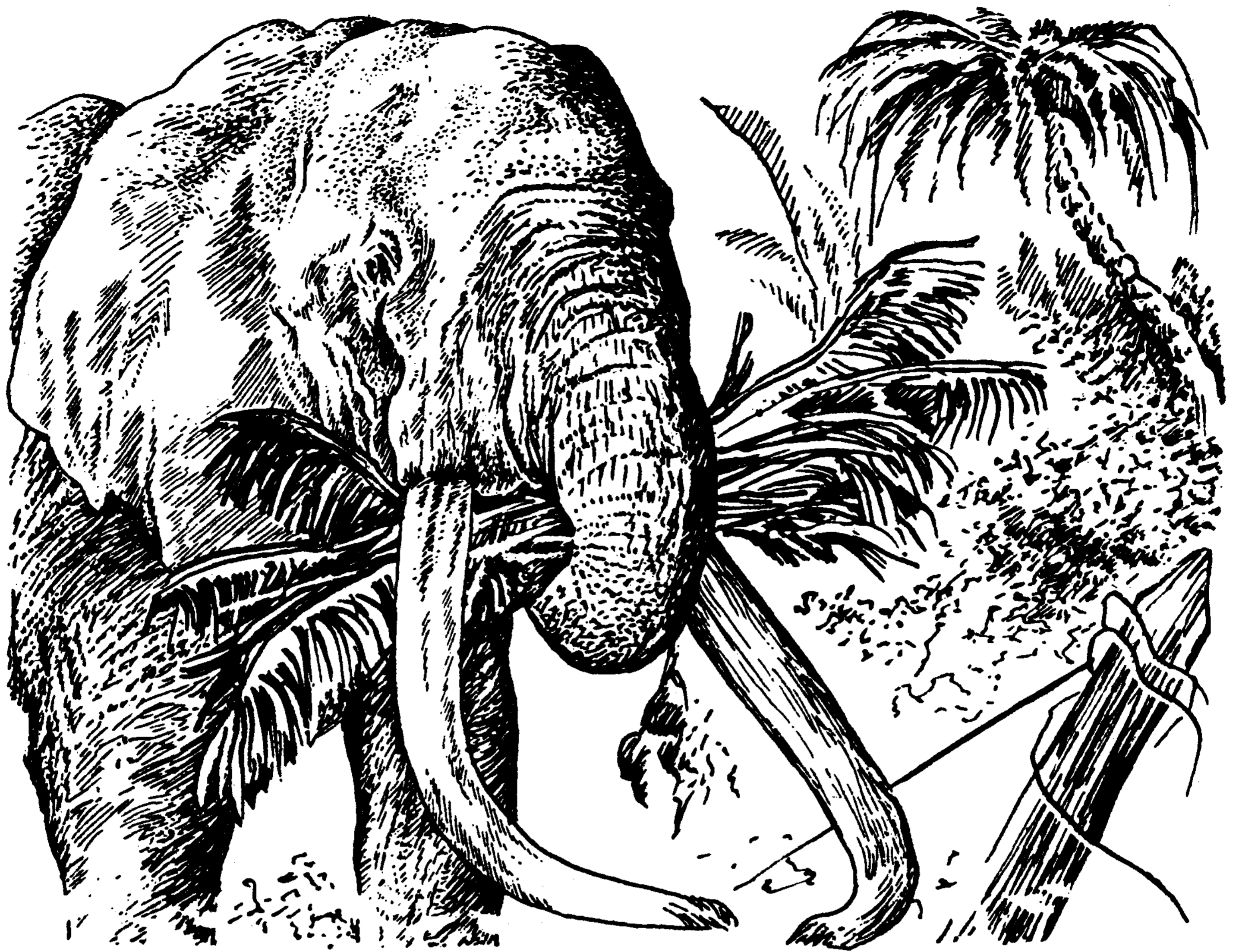
Вот так кинематограф передает африканцам опыт нашей белой «культуры», притом значительно действеннее всех миссионеров, вместе взятых!

Целая проблема здесь — это лампы. Ведь в семь часов уже темно. Значительно раньше, чем у нас летом. Но именно тогда-то, с наступлением вечерней прохлады, и хочется посидеть вместе и поболтать. Электрического освещения здесь нет. А тому, кто заведет себе движок и динамо, тому начинают досаждают соседи с просьбами подключить их тоже. Так что и у таких счастливцев лампочки горят настолько тускло, что читать при них невозможно. Поэтому здесь у всех в ходу керосиновые лампы, которые прежде висели и у нас в Европе перед каждой ярмарочной лавчонкой; светят они действительно ярко и сильно. Однако поддерживать их постоянно «в боевой готовности» не так-то просто. Дело в том, что эти лампы производятся несколькими странами: есть среди них австрийские, английские и французские. Запасные детали одних не подходят к другим. Один или два запасных фитиля фирмы отпускают вместе с лампой. Но когда они сгорают и владелец начинает подыскивать им замену, фитили, как правило, не подходят. Значит, надо покупать новую лампу, а она стоит хороших денег. А спички? Вечно приходится думать о спичках! Сколько я их накупил за то время, что был в Африке: и английских, и японских, и шведских, чешских, итальянских и еще бог знает каких! Шутки ради из них можно было бы составить целую коллекцию.

В каждой комнате в домах у белых, живущих в Африке, вы найдете в углу специальную подставку для лампы на четырех ножках и высотой почти в человеческий рост. Лучше всего, когда таких подставок две — в противоположных углах комнаты: тогда свет падает наиболее равномерно. Но ни в коем случае нельзя ставить такую лампу на обеденный стол. Потому что тогда во всех тарелках и стаканах будут плавать мошки, жуки, бабочки, крылатые термиты и муравьи, вообще вся эта мелкота, которая обычно так бездумно летит на свет, чтобы опалить себе крылья или даже покончить жизнь самоубийством... Кошки, во всяком случае, довольны этими лампами. Они сидят под ними и ждут очередной жертвы...

Глава двенадцатая

«КОРОЛЬ ТИМОКО» — ПОХИТИТЕЛЬ БАНАНОВ

Мы уже посетили бегемотов, снимали шимпанзе, и теперь, согласно нашей программе, осталось еще встретиться с дикими лесными слонами. Если верить рассказам здешних белых торговцев и фермеров, то для этого достаточно ехать и ехать по шоссе до тех пор, пока проезд дальше будет закрыт, потому что его преградит слон. Но я-то в это не верю. Ну разумеется, были подобные случаи, наверняка были. Однако стоит расспросить обо всем поподробнее, как непременно выяснится, что случилось все это совсем с другим человеком, да и прошло с тех пор лет эдак двадцать...

На границе Либерии я познакомился с одним бывшим военным из Иностранного легиона, разъезжающим на грузовике в поисках рабочей силы для своих плантаций, расположенных на побережье близ Сасандры. Но хлопоты его не увенчались успехом — людей, желающих работать на плантациях, почти не было.

Этот человек и рассказал мне о том, что у одного из его соседей в течение года стадо слонов разоряет и вытаптывает большую банановую плантацию. Причем являются толстокожие туда почти еженощно.

— Вот там вы и сможете на них полюбоваться,— заключил он свой рассказ.

Ну что же — была не была. Я решил вернуться назад на побережье, тем более что он предложил мне проехать эти 700 километров на его грузовике и обещал довести до самого дома. Сделка была выгодна нам обоим: я погрузил весь свой многочисленный скарб к нему в кузов, с тем чтобы безо всяких пересадок доехать до места, а он приобрел себе «попутный груз» до самого дома. Итак, мы поехали.

В Сасандре мой спутник познакомил меня с владельцем злосчастной плантации, которую оспаривали у него слоны. Но поскольку у этого человека было несколько плантаций, то он не так уж и огорчился по поводу их нашествия. Плантация эта находилась в 60 километрах от городка Сасандры, и он любезно вызвался отвезти нас туда.

Фермы в этих местах не носят никакого названия. Их называют просто по километровым столбам, стоящим вдоль шоссе. Номер столба возле ответвления от основной дороги, ведущего к соответствующей ферме, и есть ее «адрес». Здесь говорят: «Я живу на девяносто первом километре».

«Слоновая плантация» находилась на шестьдесят восьмом километре. Как я уже говорил, она была у владельца не единственной. На этой, размерами превышающей двести гектаров, он сам не жил. Здесь он держал лишь управляющего, африканца. Тем не менее тут имелся вполне комфортабельный дом с уютно устроенными спальнями, удобными кроватями, большим шкафом с медикаментами и еще одним, в котором хранились всякого рода инструменты; была здесь и библиотека с французскими книгами, имелись ружья, консервы — словом, все, что нужно. Отпирая нам двери дома, а затем и все шкафы, господин Шмоурло любезно просил нас быть его гостями столько, сколько нам захочется, и чувствовать себя как дома. Сам же он вынужден нас покинуть — дела. Ну что ж — чудесно.

Мы пошли осматривать его ферму. Тут было на что посмотреть! Вокруг основного дома и домиков для рабочих росли огромные — в два человеческих роста — бананы, сгибающиеся под тяжестью гроздей спелых плодов. Но стоило лишь отойти на пару сотен метров, как все вокруг превращалось в безжизненную высохшую пустыню, тянущуюся до самой опушки девственного леса. По-видимому, слоны сообразили, что бананы вкуснее зеленых веток, которые растут в лесу, и поработали здесь на славу. Они сняли не только весь урожай бананов, но поживились и большими, двухметровыми, листьями.

У такого листа крепкий, словно палка, стержень, от которого в обе стороны отходит зеленая мякоть листа. Слон хватает своим хоботом такой лист снизу и стягивает с него, словно перчатку, всю мягкую зелень, оставляя торчать из земли голый стебель, напоминающий хлыст. Такой обглоданный со всех сторон банан напоминал сухой растрепанный веник...

Кое-где толстокожие и вовсе учинили настоящий погром: некоторые растения были буквально втоптаны в землю, почва вокруг взрыта, а мостки, проложенные через дренажные канавы, сброшены. Только за последние несколько недель владелец плантации потерял свыше шестидесяти тонн бананов, которые он собирался отправить в Марсель. Меня поразило, с какой выдержкой и спокойствием он относился к этому убытку.

— Семь раз подряд мы заново наводили вон тот мостик, — рассказывал он мне. — А слоны опять его разрушали. Они ведь частенько бредут вброд по этой речушке, и мостик им, по-видимому, мешает на дороге. Тогда они просто разбирают его на балки и отбрасывают хоботом в сторону. Теперь мы сдались — у этих громил терпения оказалось побольше, чем у нас!

Вот, значит, какие они, эти владения Тимоко! Я уже был наслышан о нем немало: по дороге и черные, и белые рассказывали мне об этом могучем вожаке слоновьего стада, с которым никто, ну совершенно никто, не в силах справиться. А на всем Береге Слоновой Кости было, собственно говоря, всего два настоящих «охотника на слонов», потому что мало находится любителей связываться с этими гигантами. Одним из охотников был «старый Кюнкель», его знали здесь повсюду. Каждый раз, когда мы заговаривали о слонах, нам рекомендовали обратиться именно к нему. Это он-то и должен был нас сопровождать в поисках слоновьего стада. Все уже было договорено, как вдруг...

Кюнкель был из бывших солдат иностранного легиона и уже в течение сорока лет жил в этой колонии. Он достиг семидесятилетнего возраста и совершенно ассимилировался, перестав чем-либо отличаться от местных жителей. В нескольких деревнях у него были черные жены и дети, ел и пил он обычно у своей черной родни и давно уже перестал принимать хинин. Жил он целиком и полностью за счет охоты на слонов. Причем пробавляясь не столько продажей слоновой кости, сколько продажей мяса населению. Когда ему удавалось уложить такого великана, он распродал окрест лежащим деревням всю эту гору слоновьего мяса, развешивая его на килограммы. Этого знаменитого Кюнкеля уже однажды снимали

с двенадцатиметрового дерева, куда его не слишком-то вежливо забросил раненный им слон, сломав ему при этом полдюжины ребер.

Так вот, именно старого Кюнкеля, как нарочно, через неделю после нашего приезда в колонию «пришил» страшный Тимоко: он именно «пришил» его к земле, пропоров бивнем насквозь, вернее сказать, приколол, словно жука на булавку. Потом он, видимо, еще прогулялся по нему ногами, так что для захоронения там уже мало что оставалось...

Как это произошло? Да очень просто. Первый выстрел промазал, второй — осечка, ну а третьего уже не было. Такие просчеты ведь при охоте на слонов недопустимы.

Ничего не поделаешь. Пришлось нам обходиться без этого знаменитого специалиста. После обеда мы двинулись в путь: мы с Михаэлем и два африканских парня, которые взялись тащить нашу тяжелую аппаратуру. С час этак мы пробирались по растоптанным и развороченным банановым полям, пока наконец не достигли конца этой огромной плантации. Нам говорили, что именно здесь слоны держались в самое последнее время. Сразу же за плантацией начиналась лесная полоса, миновав которую мы увидели перед собой берег реки. Кстати, когда мы в лесу перебирались по бревну через небольшой бочажок, раздался треск, бревно подо мной подломилось и я очутился по пояс в вонючей заплесневелой воде. Но камера, слава тебе господи, осталась сухой. Оказывается, бревно было насквозь прогнившим.

Мы подошли к берегу реки, которая довольно стремительно несла свои желтовато-бурые воды. Нам показали место, где слоны обычно форсируют реку в дневные часы, чтобы на противоположном берегу в чащобе скрыться от палящего полуденного зноя. Но иногда они ленятся переходить на другую сторону и тогда проводят свою «сиесту» здесь, в этой лесополосе, отделяющей плантацию от реки. Поэтому мы крадучись стали пробираться по опушке леса вдоль берега.

Но это не так-то просто — красться по девственному лесу! Потому что в отдельных местах натыкаешься на самые настоящие «заграждения из колючей проволоки» — живые изгороди из переплетения лиан, веток, усеянных шипами, и колючих кустарников.

Вскоре мы действительно напали на след, но он был несвежий. Слоны здесь проходили, но не только что. Деревья и лианы толщиной в руку на высоте человеческого роста были гладко

отполированы. Это могли сделать, пробираясь по чащобе, только слоны: других животных подобного роста здесь нет.

Примерно через час мы услышали впереди себя какой-то хруст и поспешно разделились на две группы: Михаэль с одним африканцем пошли направо вдоль берега, а мы с другим стали пробираться параллельно им лесом. Пробираться приходилось иногда на четвереньках, чтобы не создавать шума секачами, прорубаясь сквозь чащобу.

Слоны, безусловно, были где-то здесь, поблизости. Это можно было заметить по свежим «просекам», которые они проламывали в многометровых зарослях кустарника. По этим «просекам» и мы могли относительно удобно пробираться вслед за ними. После обеда прошел дождь, а на ветках вдоль «слоновьей тропы» не висело уже ни одной капли. Следовательно, животные прошли здесь примерно с полчаса назад. По тому, в какую сторону были заломлены ветки, я легко мог определить, в каком направлении двигались слоны. Следы их ног были не слишком велики — могучих самцов среди них, видимо, не было.

Внезапно раздался громкий треск, словно бульдозер с размаху врезался в чащу леса. Я кинулся бежать вслед за удаляющимся шумом, видел, как закачались кроны деревьев и верхушки кустарника, услышал легкий всплеск воды, и затем все стихло. Ни единого кусочка слона мне не удалось увидеть! Ну ничегошеньки! Просто как наваждение какое-то.

Я прокричал Михаэлю и, услышав его ответный крик, двинулся ему навстречу, а он — мне. Как выяснилось, он, заслышав треск, бросился сразу же к реке, чтобы застать слонов во время переправы, но единственное, что он успел еще увидеть, это зад отнюдь не крупного слона, тотчас исчезнувшего в чащобе леса. Мы проследили путь толстокожего и обнаружили, что он спустился с берега по удобной протоптанной тропе, а частично съехал по ней на зад — это можно было ясно различить по следам. Но, судя по всему, вся эта история слона взволновала значительно меньше нас. Мы же принялись звать своих черных проводников, и тут только заметили, что они исчезли. Сбежали, значит. Так что нам пришлось одним проделывать весь обратный путь до плантации, путаясь в зарослях и цепляясь за колючки. Выбравшись на плантацию, мы там сразу же обнаружили своих проводников. Еще слава богу, что они не побросали в панике нашу дорогостоящую аппаратуру! В ответ на мои упреки старший из них — Мамаду извиняющимся тоном сказал:

— У месье нет с собой ружья, как же месье может ожидать от нас, что мы отважимся приблизиться к слонам?

По дороге домой он рассказал мне, как его дядя два года тому назад погиб по вине слона. Вообще-то охота на этих животных запрещена, но у дяди имелось старое ружье. Поскольку оно было малокалиберным и убить из него слона даже на близком расстоянии представлялось невозможным, этот человек придумал следующий трюк. Он залез в дупло трухлявого дерева, росшего возле самой слоновьей тропы, и, когда великан проходил мимо, приставил ему дуло к голове и выстрелил. И он действительно убил его! Но, к сожалению, слон повалился в сторону охотника и подмял под себя дерево с сидящим в нем дядей Мамаду и раздавил его в лепешку.

Как я уже говорил, здесь, вблизи экватора, круглый год светает около семи часов. В доме господина Шмоурло имелся даже будильник. Мы завели его на 4 часа утра и отправились на поиски все того же Тимоко. Дело в том, что, по утверждению Мамаду, «слон-убийца» приводит свое стадо на плантацию ежевечерне, в 9 часов, то есть спустя два часа после того, как стемнеет; уводит он свою братву примерно за час до рассвета, чтобы затем продремать всю жаркую часть дня где-нибудь в глухой, непролазной чащобе леса.

Вблизи дома мы еще освещали себе дорогу сильными электрическими фонарями, затем выключили их и стали пробираться по травянистым тропкам, ведущим меж бананов, бесшумно ступая резиновыми подошвами своих кедов. Мы надели длинные брюки, дабы уберечь себя от змеиных укусов. Вскоре брюки оказались уже по колено мокрыми от ночной росы. Вся трава кругом была мокрой. И не только мокрой. Она представляла собой совершенно необычное зрелище: это была настоящая иллюминация! Повсюду вспыхивали и гасли огоньки светлячков — посветят с секунду и тушат свои фонарики. Красиво.

Африканцы с плантации отказались нас сопровождать в столь неурочный час. Одного только боя Джо удалось нам уговорить пойти с нами на это сомнительное мероприятие. Он тащил тяжелый аккумулятор для фотовспышки, без которого здесь не сделаешь ни единого снимка. Ведь на открытой местности слоны держались только по ночам, а днем в темном густом лесу без вспышки тоже ничего не снимешь.

Итак, мы молча шли по направлению к лесу, стараясь ступать как можно тише. Путь наш освещал лишь слабый свет месяца, горизонтально висевшего в небе, словно серебряная ладья... Отовсюду с опушки леса раздавались звуки африканской ночи:

все здесь звало, пищало, квакало, стрекотало. Только ночью замечаешь, как много живности в таком тропическом лесу!

Затем мы засели на «расстоянии шепота» друг от друга и стали считать минуты.

Нас охватил настоящий охотничий азарт. Не то чтобы я ощущал страх, нет. Я ведь знал, что слоны, как правило, не нападают, если в них не стрелять. Они предпочитают бегство. Но тем не менее нервы мои были напряжены до крайности. Каждую минуту мне казалось, что передо мной вырастает огромная серая стена, и без особого восторга я лихорадочно обдумывал, как повести себя в случае атаки слона.

Внезапно что-то затрещало за моей спиной. Звук был довольно громкий. Я невольно ощутил биение пульса у себя на шее. Михаэль тут же подполз ко мне на четвереньках, и мы стали вдвоем прислушиваться к подозрительному шороху. Наконец он приблизился. Это был Джо, у которого от волнения расстроился желудок и который отполз в сторонку по естественной надобности...

Дождавшись рассвета, мы, несколько разочарованные, вернулись домой. Днем мы развлекались киносъёмкой ткачиков, гнездящихся на лимонном дереве, совсем рядом с верандой.

Под вечер послышался грохот мотора, и тяжелый грузовик подкатил к воротам фермы. Это оказался наш хозяин, господин Шмоурло, с несколькими соседями, которые решили нас немного развлечь в нашем одиночестве. Они принялись готовить коктейль под названием «коктейль буша» — довольно дьявольский напиток из смеси сгущенного молока, меда и водки различных сортов. Водку здесь пьют исключительно стаканами. Так что вскоре мы все были хороши.

— Вам совершенно нечего расстраиваться по поводу слонов, — громко шептал мне в ухо господин Валон, бывший французский офицер. — Я вам скажу по секрету: все, что тут наплели о слонах, — брехня, и больше ничего! Никто их тут не видел никогда! А вам, считайте, даже повезло: вы на второй же день своего пребывания уже увидели слоновью задницу, ха-ха, неправда ли, неслыханная удача? И потом — кому здесь охота связываться со слонами? Ну кому это нужно? Я вот уже двадцать лет как здесь живу и знаю, что слоны заходили на соседние плантации, да и на мою тоже. Ну и что? Ни разу, слышите, ни разу мне не привелось увидеть даже хотя бы уха слоньего!

Затем он принялся объяснять мне, что, даже имея крупнокалиберное ружье, слона можно убить с расстояния не больше четырех или, в крайнем случае, шести метров, да и то надо знать

правильное место, куда целиться. Самое большое расстояние — это двадцать метров. Но если и вторым выстрелом не уложишь толстокожего, то у охотника остается мало шансов выжить.

Другой гость, эльзасский француз, служивший во время Первой мировой войны на германском флоте, принялся рассказывать мне самые невероятные истории. Так, он утверждал, что видел собственными глазами такой случай. На дороге близ границы Либерии валялся «в дребезину пьяный» африканец. На другое утро от него остался только обглоданный скелет: его заживо съели черные «маня», эти наводящие страх и ужас на население кочующие муравьи...

Поскольку мой собеседник знал немецкий язык, я имел возможность ответить ему не менее правдоподобной историей. Я рассказал, как несколько недель назад, в Судане, гонялся за львами. Вместе со мной были черные загонщики, языка которых я не знал. Внезапно я увидел, как лев из-за скалы собирается прыгнуть на одного из этих людей. Чтобы предупредить жертву об опасности, я вынул из своей вещевой сумки черную редьку и поднял ее над головой, что означало «черный, спасайся!»¹.

В ответ на это господин Валон рассказал историю о том, как один охотник на слонов, решив заночевать в лесу, привязал свой гамак к двум небольшим стволам, а утром проснулся совсем в другом месте, потому что стволы оказались не чем иным, как хоботами двух огромных слонов...

Небылицы следовали одна за другой. Но я знаю один на первый взгляд столь же невероятный рассказ, которому я, безусловно, верю. Услышал я его от одного африканца. Однажды он застрелил слона и, отрубив у него только лишь хобот, захватил его с собой в деревню в качестве трофея и особого лакомства. Но когда они уже целой компанией вернулись в лес, чтобы забрать мясо, «убитого» слона на месте не оказалось: он убежал. Дикая история, не правда ли? Но по опыту зоологических садов мы теперь уже знаем, что слон способен перенести ампутацию хобота и питаться без его помощи.

После этой развеселой попойки на веранде, закончившейся далеко за полночь, мы, разумеется, не проснулись, как было запланировано, в 4 часа утра. Но сразу после завтрака мы отправились с одним лишь черным провожатым, не говорящим ни слова по-французски, по узкой тропе, ведущей к излучине реки, где, как нам сказали, есть деревушка, в которой

---

¹ Здесь непереводаемая игра слов. Черная редька по-немецки: «Schwarzer Rettich», а «черный, спасайся»: «Schwarzer, rett dich». (Примеч. перев.)

можно получить деревянную пирогу с веслами. Это единственная лодка на всю округу: на сто километров вниз и сто вверх по течению.

Чтобы добраться до деревни, потребовалось не полчаса, как утверждали африканцы, а целых три с лишним часа. Тропинкой этой, удобства ради, пользовались явно и слоны. И даже больше слоны, чем эти несколько туземцев, которые по ней изредка направлялись в деревушку. Там, где почва была сыроватой, рядом с отпечатками голых ступней аборигенов ясно виднелись огромные, почти круглые «печати» слоновьих следов диаметром в полметра! Похоже было, что дорогу «проштемпелевал» сам «господин Тимоко» собственной персоной. Шествовал он явно спокойно, не торопясь: да и кого ему здесь бояться? Он ведь прекрасно знает, что любой, кто попадет на пути, постарается как можно скорее уступить ему дорогу.

Никакой лодки у реки не оказалось. Зато на другом берегу виднелись маленькая банановая плантация и две хижины. Мы начали орать в три горла, и вскоре кто-то заорал нам в ответ. Началась продолжительная дискуссия между нашим черным провожатым и несколькими бабенками на том берегу, но лодки никакой не появилось: мужья их ушли, весел нет, а сами они боятся — вот что мы поняли из этих длительных переговоров.

Нам было жаль потраченных на дорогу трех часов, поэтому мы решили наловить хотя бы рыбы. Удочка оказалась запрятанной в кустарнике, мы ее вытащили и уселись удить. Разумеется, ничего не клевало, но зато наш провожатый, потеряв терпение, снял свою набедренную повязку и полез в воду. Тут мы только заметили, что через реку протянут трос, привязанный у самого берега за толстый выступающий корень. До середины реки, там, где поглубже, он был скрыт под водой и дрожал под напором течения. Наш африканец, который, как выяснилось, не умел плавать, ухватился за этот трос и, перехватываясь руками, добрался до середины реки. Там было уже значительно мельче, и он, по пояс в воде, вброд добрался до берега. Дискуссия возобновилась с новой силой, но с тем же результатом: нет, они ни за что не соглашались выдать лодку и весла. Наш провожатый тем же затруднительным для себя способом вернулся назад. Тогда я решил действовать сам, и более решительно: ведь, «доннерветтер», не сдаваться же нам столь бесславно перед этим пресловутым «королем Тимоко», устрашающим всю округу! Это было бы просто постыдно! Тем более что мы ведь не собирались его убить, а лишь увековечить на своих пленках. Итак, вперед! Кроко-

дилы, как видно, здесь не водятся, иначе африканец не полез бы. Так что мы тоже разделись, оставшись в одних шапках-зюйдвестках (чтобы не заработать солнечного удара), и поплыли на ту сторону.

Какое это удовольствие после трехчасового потения! Кинокамеру наш провожатый привязал себе на голову. Выбравшись на берег, мы зашагали, в одних плавках и шапках, в деревню, где сначала пришлось выманивать попрятавшихся от нас за банановыми кустами женщин. Когда они наконец решились подойти поближе, мы принялись языком жестов объяснять им наши намерения. Но все было напрасно: нет, они ничего не знают, мужья их не то на охоте, не то на работе, еды у них нет, кроме нескольких плодов папайи, лодка есть, но где весла, они не помнят...

Ну что ж — поищем сами. Через минуту мы их нашли запрятанными в кустарник, на берегу.

Тогда мы уселись в пирогу и поплыли вниз по течению. Проплыв один или два километра, мы обнаружили греющихся на берегу крокодилов. Заметив нас, они поспешно скрылись в мутной, глинистой воде. Но слоновьих троп мы не обнаружили ни одной: ни вниз, ни вверх по течению. Следовательно, «король Тимоко» со своим стадом предпочитает держаться в лесах, окружающих плантацию, и зря мы сюда забрались! Ну что же, назад, домой.

Впрочем, хозяин плантации рассказывал нам позже, что за все те десять лет, что он здесь прожил, он еще ни разу не добирался до этой деревушки на берегу реки.

— Вы, наверное, первые белые, побывавшие там! — обрадовал он нас.

Но для того чтобы в Западной Африке утверждать подобные вещи, не много нужно. Здесь ведь стоит отойти от основных шоссе всего лишь на пять или десять километров, углубившись в лес, как уже с уверенностью можно сказать, что в этих местах еще не ступала нога белого человека. Потому что торговцам и фермерам нет никакой нужды мучиться, продираясь сквозь непролазную чащобу. А на того, кто решается на подобные мытарства, да еще бесплатно, вроде нас, из любви к искусству, на того здесь смотрят с плохо скрываемым состраданием...

В течение трех дней подряд мы выходили на свои «дежурства» на плантацию: и в 4, и в 3, и, наконец, в 2 часа ночи. Мы наслаждались концертами цикад, любовались восходом

солнца в тропиках. Но что касается «короля Тимоко», то нам не удалось увидеть даже кончика его хвоста! Мы уже были уверены, что этот владыка вместе со своими подданными перекочевал в другой район. Может быть, он уже преспокойно «обрабатывает» другую плантацию? И это именно сейчас, когда мы сидим здесь и караулим его! Ушел после того, как в течение восьми месяцев держался исключительно в этих местах! Поразительная неудача. Как же это плохо — не иметь в Африке машины, на которой можно быстро перебраться с одного места на другое!

Расстроенные своими неудачами, мы как-то перед обедом решили отправиться ловить бабочек для профессора Ледерера, старшего инспектора Франкфуртского зоопарка и большого специалиста по насекомым. Мы ему свято обещали перед нашим отъездом непременно привезти редких бабочек. Он даже снабдил нас для этой цели специальными сачками и объяснил, как это надо делать. А профессор Келер из Фрайбурга заказал нам африканских шмелей. Ничего не поделаешь: надо выполнять заказы.

Я подумал, что, как ни странно, нам еще ни разу не попадались на глаза колонны кочующих черных муравьев, этих знаменитых «маня», про которых утверждается, что они то и дело нападают на дома, разгоняя их жителей, в страхе бросающихся наутек. Нас уверяли, что здесь, на этой плантации, они тоже водятся.

На сей раз мы направились на другой край плантации, удалившись всего на какую-нибудь сотню или две метров от дома. Бананы стояли здесь во всей красе — никем не поврежденные. Ноги то и дело скользили по падалице — полусгнившим бананам. Ощущение ужасно неприятное — будто вступил в кучу...

Но что это? Там, где дом был скрыт выступающим вперед языком леса, мы снова увидели знакомую картину: из зарослей бананов торчали голые «ребра» обглоданных листьев, словно поднятые кверху сабли!

Так близко от дома? Не могли же слоны отважиться подойти чуть ли не под самые окна! И тем не менее это было так. Причем края оборванных листьев еще не успели даже заветрить. Значит, слоны столовались здесь совсем недавно, среди бела дня. Вот это номер! Значит, пока мы совершали свои бесконечные походы, «господин Тимоко» пировал здесь, возле самого дома!

И действительно, слоновьи следы вдоль и поперек, ветки и трава свежепримятые и растоптанные. Вот местечко, где все разворочено: тут кто-то из толстокожих явно резвился всласть.

Даже помет валялся поблизости. Нам хорошо были знакомы эти огромные шары еще по нашему слоновнику в зоопарке. Я разломил один из них — он был еще теплый внутри. Мы невольно заговорили приглушенными голосами.

Потом, не мешкая ни минуты, мы пошли по следу, который вел к опушке девственного леса. Обычно проникнуть в такой лес страшно трудно: ведь именно на опушке, куда еще проникают солнечные лучи, буйно разрастается подрост, колючий кустарник, вьющиеся спутанные растения, так что перед человеком внезапно вырастает непролазная изгородь, сквозь которую просто не прорваться. Но на сей раз слоны позаботились о том, чтобы расчистить нам дорогу. В тех местах, где они входили в лес, зияли глубокие, темные проходы в глухой зеленой стене зарослей, сквозь которые пробраться нам не стоило особого труда. Правда, для такого огромного животного, как слон, «просеки» казались чересчур узкими, но это объяснялось очень просто: слон своим мощным телом просто раздвигает большинство веток в стороны, так что они затем снова возвращаются в исходное положение. Для нас явилось неожиданностью, что на всем пути, пройденном толстокожими, не было почти ни одного сломанного дерева или ветки. Как видно, и такие гиганты не стремятся расходовать больше сил, чем это необходимо. Они не расчищают себе тщательно дорогу, а просто протискиваются сквозь заросли, сдвигая их в стороны. По стертým местам на лианах и тонких стволах мы могли определить рост проходивших здесь животных: эти места находились на высоте поднятой руки; притом нельзя забывать, что слоны обдирают растительность не верхней точкой спины, а боками. Так что рост оказался довольно внушительным. Через торчащие над землей корни и толстые лианы, достигающие порой высоты трех четвертей метра, а то и метра, слоны, к нашему неудовольствию, каждый раз перешагивали, вместо того чтобы их разорвать. Так что нам приходилось, чертыхаясь, лезть вслед за ними.

Мы не слишком-то заботились о том, чтобы поменьше шуметь. Ведь слоны сами создают в лесу такой шум, что едва ли смогут нас услышать. Хуже дело обстоит с тем, что они могут нас учуять. Ведь чутье у них отличное. А здесь, в лесу, очень трудно уловить направление ветра, чтобы подкрасться строго с подветренной стороны. Поэтому мы, следуя наставлению одного опытного охотника, всегда носили в нагрудном кармане немного муки. Если ее осторожно ссыпать с пальцев, довольно точно можно определить, куда дует ветер.

Слоны не убегали от нас, но мы опасались, как бы они не зашли слишком глубоко в лес, и поэтому торопились. Мы почти бежали вслед за ними. Ведь там, где в лесу дорогу проложил слон, пробираться не так уж трудно!

Под одним старым деревом вся земля была словно перекопана: почва выглядела рыхлой и взбитой. Здесь один из этих тяжеловесов явно отдыхал. Стоял. И даже лежал. Кругом можно было обнаружить места, где он мочился,— их было шесть или семь. А также кучи помета — их было даже двенадцать или пятнадцать, частью совсем старые и высохшие. По-видимому, слон уже давно облюбовал себе это местечко для полуденного сна и возвращался сюда все снова и снова. Совсем рядом лежало молодое, вырванное с корнем деревце, листья с которого были аккуратнейшим образом сорваны, да так ловко, что все, даже самые тонкие, веточки остались на месте: съедена была только зеленая листва.

Теперь до нас уже явственно доносился треск, создаваемый слонами. Мы подкрадывались ближе и ближе: вот уже знакомое «бульканье», которое слоны время от времени издают, словно чревовещатели, животом. Мы слышали их и позади себя — значит, мы втесались в самую середину стада! Посчастливится ли нам наконец их заснять? Мы опустились на землю, не забыв, невзирая на все наше волнение, проверить предварительно, не садимся ли на «муравьиную тропу», потому что исполнять обычные в таких случаях «индейские пляски» в этой обстановке будет невозможно.

Мы приготовили свое «оружие» к бою: аппарат для вспышки, кинокамеру, фотокамеру. Шорохи и треск приближались.

В такие моменты ловишь себя на том, что невольно начинаешь оглядываться в поисках подходящего дерева, на которое в случае чего можно взобраться. Все-таки до чего у нас много общего с нашими родичами — обезьянами! Но в таком вот девственном лесу это — дело безнадежное. Стволы все слишком толстые, да к тому же снизу не имеют сучков, за которые можно было бы уцепиться. А тонкие деревца для этого совсем не пригодны: их любой слон с легкостью согнет, если только сочтет нужным вас оттуда достать. Убегать — тоже бессмысленно, потому что, не пробежав и десяти метров, непременно запутаешься в зарослях и шлепнешься на землю и разъяренный слон промчится по тебе, словно танк...

Вот такие и подобные мысли приходят в голову, когда очутишься (особенно впервые) посреди стада диких слонов. И вскоре приходишь к выводу, что целиком находишься в

зависимости от настроения такого толстокожего, как «господин Тимоко».

Прошло томительных четверть часа, и наконец примерно в 12 метрах от нас закачался кустарник. Сквозь него там и сям проглядывал кусок серой, изрезанной морщинами «стены», очень нам знакомой «стены». Но и только. Вскоре стена исчезла, и кустарник затих. Остро и приятно запахло слоном. Спустя еще четверть часа в лесу раздался треск — сразу в четырех, а затем даже в семи местах. И наконец-то к нам подошел еще один. На то же самое место, где и предыдущий. На сей раз мы увидели один глаз, кусок бивня (не очень массивного), ухо. Судорожно держа палец на спуске, мы надеялись, что вот-вот покажется еще больший кусок слона. Но голова стала исчезать, и только в самый последний момент Михаэль успел щелкнуть затвором. Вспышка яркого света вроде бы не смутила слона.

Мы сидели как на горячих угольях. Слоны уходили все дальше и дальше. Наконец мы не выдержали, вышли из своей засады и пошли вслед за ними. Но в лесу все затихло. Повидимому, слоны нас все-таки учуяли и ускорили свой отход.

Но вот снова удача: на сей раз громко зашуршало позади нас. Мы сейчас же развернулись и направились в сторону, откуда шел звук. Идти было сравнительно легко, потому что здесь не было почти никакого подроста. Дорогу нам преградил узкий, но достаточно глубокий овраг, в который нам пришлось спуститься, а затем (на другой стороне), ухватившись за торчащие из земли корни, выбираться, подтягиваясь на руках.

Шуршание становилось все громче, пока мы наконец не увидели, что именно шуршало. Шуршали верхушки деревьев, где на высоте 50—60 метров бесновалась целая ватага мартышек, обругивая не то нас, не то слонов, не то друг друга.

Мы невольно рассмеялись. Нервное напряжение улеглось, и мы решили обсудить план дальнейших действий. Поскольку мы теперь знаем, в какой части леса засели слоны и откуда они приходят на плантацию, то, пожалуй, разумнее всего поджидать их там, на открытой местности, где снимки выйдут безусловно лучше. Решено. Пошли домой.

Да, домой, но как? Мы принялись искать какую-нибудь «слоновью тропу» — они ведь все ведут из леса на плантацию, но сколько мы ни метались из стороны в сторону, что-то никаких таких троп не было видно! Ну да бог с ними, с тропами, у нас есть секач, будем прорубаться напрямую в сторону плантации. Но тут выяснилось, что Михаэль считает,

что нам нужно идти совсем в другом направлении, чем считал я. Вот так история!

Итак, «слон-убийца» Тимоко заманил нас в хорошенькую ловушку! У нас не было с собой компаса, потому что мы ведь в тот день не собирались уходить далеко от дома и занимались в основном ловлей бабочек. И, кроме кино- и фотокамеры, у нас вообще ничего с собой не было, уж не говоря о еде и питье.

Мы продолжали плутать по лесу и попадали все в новые, совсем незнакомые места. Солнце спряталось за тучи, небо стало совсем серым и пасмурным. Но даже будь оно ясным, нам все равно с трудом удалось бы разглядеть солнце сквозь такой густой и непроницаемый, да к тому же головокружительной высоты лиственный полог.

Веселенькие дела! При этом мы наверняка плутали не дальше чем в двух-трех часах ходьбы от фермы. Она находилась с одной из сторон леса, а под прямым углом к ней подходила проселочная дорога. Так что если мы отправимся напрямиком в каком-нибудь направлении, то либо выберемся на ферму или дорогу, либо углубимся в лес еще на 60—70 или еще больше километров. Англичане в таких случаях говорят: «Фифти-фифти».

При этом я хорошо знал, как трудно человеку в лесу идти прямо, если он не имеет возможности придерживаться определенных ориентиров на горизонте или ориентироваться по компасу или по звездам. И человек, и животное в таком случае, как правило, начинают описывать круги, воображая, что движутся по прямой. Если человеку завязать глаза, то диаметр таких кругов может иногда доходить до 30—40 метров. Я когда-то довольно вплотную занимался этим вопросом и знаю случаи, когда канадские дровосеки постепенно теряли рассудок от того, что через два-три дня блуждания по лесу все снова и снова наталкивались на остатки своих собственных лагерных костров...

Эти-то случаи самым неприятным образом всплыли сейчас в моей памяти.

Я судорожно соображал, что бы такое придумать, чтобы идти прямо. Слоны нас уже совершенно перестали интересовать. В конце концов мы придумали следующее: я становился лицом в одном определенном направлении и стоял как вкопанный, в то время как Михаэль прорубался секачом сквозь чащобу до тех пор, пока я еще мог различить его сквозь заросли. При этом я все время давал ему команды, чтобы он оставался на воображаемой линии, идущей прямо и вперед от моего носа. Потом он должен был остановиться спиной ко мне, я догонял его и прорубался вперед таким же способом под его

команды. Так мы, непрерывно меняясь местами, продвигались все дальше и дальше в течение всей оставшейся половины дня. Своим ножом-мачете мы оставляли на всякий случай зарубки на деревьях, чтобы по ним узнать местность, в случае если мы, несмотря на все ухищрения, снова сюда вернемся.

С тяжелым сердцем я думал о том, что у нас с собой нет даже шприца с противозмеиной сывороткой. Следовательно, укус змеи здесь, в лесу, означал верную смерть... Завидя светлую прогалину между вершинами деревьев, мы каждый раз воображали, что лес кончается... но остерегались менять из-за этого направление. Мы лишь смещались под прямым углом влево или вправо и, очутившись таким образом прямо против многообещающего просвета, маршировали дальше в прежнем направлении. Но каждый раз нас постигало разочарование: мнимая опушка оказывалась небольшой полянкой, окаймляющей берега какого-нибудь ручейка, или просто просекой, «вырубленной» одним из повалившихся гигантов девственного леса.

Каждого из нас мучили черные мысли, но говорить о них вслух не хотелось. Мы проклинали себя за то, что так вот, здорово живешь, забежали в лес, не подумав о возможных последствиях. Начал нас мучить и голод. И как же мы обрадовались, когда увидели те самые красные «лиановые луковички», которые так охотно поедали шимпанзе в резервате, на границе Либерии! Как хорошо, что мы теперь знали, что они съедобны! Они были приятно кисловаты на вкус, и мы наелись ими досыта, да еще попихали во все карманы столько, сколько влезло. Мы, правда, опасались, как бы эти плоды, съеденные в таком количестве, не вызвали у нас расстройства желудка, но поскольку не было никакого выбора, то лучше наестся так, чтобы пронесло, чем голодать.

Но в какой-то момент лес действительно поредел. Однако именно в этом направлении подлесок становился таким непролазным, что продрасться сквозь него было практически невозможно. Наш нож-мачете вскоре совсем притупился, и мы застряли в колючем кустарнике, словно мухи в паутине: ни туда ни сюда. Ведь чем реже становится лес, тем больше проникает в него солнечных лучей, тем гуще разрастается подлесок. Но тут мы обнаружили совсем рядом небольшое деревце, на которое можно было влезть, чтобы оглядеться вокруг. Оно было густо обвито лианами, и я с невероятными усилиями долез по ним до самой вершины. Сверху я увидел, что впереди действительно светится большая прогалина, почти четырехугольной формы, а мое сердце запрыгало от радости:

это определенно заброшенная плантация, следовательно, часть плантации нашего хозяина или одного из его соседей!

Итак, вперед, и только вперед! Нам надо было во что бы то ни стало добраться до этой прогалины и пересечь ее поперек. Это было мучительное продвижение — метр за метром. Но вскоре мы заметили, что под ногами у нас начинает хлюпать болото... а на болоте никто не закладывает плантаций. Вот, оказывается, чем объяснялось отсутствие здесь высоких деревьев: болото. Мы были очень подавлены.

Тем временем день клонился к вечеру. Солнце, хотя еще и не ушло за горизонт, тем не менее прочно спряталось за сгустившиеся тучи. А ведь все последние дни погода стояла такая ясная!

Поскольку мы знали, что через полчаса стемнеет, мы принялись подыскивать какое-нибудь свободное от насекомых местечко, нарубили веток и, сложив их в кучу, устроили себе пышное ложе. Все это выглядело весьма романтично, совсем как в приключенческих фильмах. Однако подобные вещи кажутся всегда значительно интереснее, когда они уже пережиты и позади... А кроме того, было что-то смехотворное в нашем положении, потому что мы же явно были где-то совсем близко от плантаций! Тем не менее африканцы, живущие на ней, не хватятся нас до утра. Они наверняка подумали, что мы вышли на шоссе и на какой-то попутной машине укатили в гости к кому-нибудь из соседей. Ужасно дурацкая ситуация. Ни карманного фонарика нет с собой, ни даже спичек, чтобы зажечь костер.

Не то чтобы мы боялись диких животных: львов ведь в лесу не бывает, и я не слышал, чтобы в этих местах какой-либо леопард напал на людей. Тем не менее мы настороженно вглядывались во тьму леса, откуда то и дело начинали загадочно светиться глаза каких-то животных, которые на поверку каждый раз оказывались то дрожащим светлым лепестком, а то еще чем-нибудь. А вот что на нас действительно нагоняло страх — это змеи. Только бы не змея!

Зато нам представилась блестящая возможность изучать голоса ночного африканского леса... Разумеется, нам казалось, что мы не сомкнули глаз до самого рассвета, однако обычно это только кажется, потому что минуты и часы бодрствования в таких случаях тянутся бесконечно долго. Между прочим, сказки и поверья африканцев относительно духов и прочих потусторонних существ, над которыми мы обычно так потешались, этой ночью показались нам не такой уж и выдумкой. Мы лежали и тихо беседовали о доме. О своем далеком доме. Когда в лесу снова стало несколько светлее и тише, мы поднялись и

в предрассветную рань, изрядно промокшие, пустились снова в путь. Хорошо еще, что ночью не разразилась гроза, как это часто здесь случается. Мы упрямо продолжали свое движение вперед, по-прежнему направляя друг друга криками. Слава богу, у нас хоть были с собой карманные часы. В половине двенадцатого пополудни мы увидели банановый куст, наполовину задушенный зарослями вьющихся растений. Но на этот раз мы опасались преждевременно изъявлять свой восторг по этому поводу: ведь могло же оказаться, что это случайно попавший в лес банан. А может быть, существует какой-нибудь дикий банан? Все ведь возможно. Но вскоре высокие деревья стали расступаться, уступив место чудовищному переплетению колючих кустарников высотой в 4—5 метров, и, продираясь сквозь это препятствие, мы обнаружили второй, затем третий и четвертый банановый куст, а вскоре и пятый, и шестой. Местность походила на старую, заброшенную плантацию, постепенно зарастающую кустарником. Потом под ногами у нас захлюпало, мы пересекли какую-то большую лужу, а затем банановые кусты уже выстроились почти четкими рядами. Вскоре мы наткнулись на едва заметную в траве узкую тропу, по которой добрались уже до настоящей, «своей» плантации. Смертельно усталые, мы ввалились в дом. Никто из африканцев, как мы и думали, нас не хватился. Но мы и сами совершенно не хотели афишировать свою невольную ночевку вне дома.

Теперь, в уютном жилище нашего гостеприимного хозяина, все эти рассказы о том, что дух последнего могучего короля бауле — Самори — вселился в огромного непобедимого слона Тимоко, нам снова стали казаться смехотворными. Ночные страхи были уже позади, и мы опять строили планы, как нам справиться с этим проклятым Тимоко. В тот же день, сразу же после обеда, мы отправились на то самое место, с которого накануне так неосторожно кинулись в лес.

Так и есть: пока мы торчали в лесу, «господин Тимоко» снова побывал здесь и лакомился бананами. Мы внимательно осмотрели место, в котором слоны должны были появиться из леса, и принялись выбирать себе наиболее удобную позицию, которую ночью собирались занять. И тут мы обнаружили удивительный куст, на конце каждой веточки которого рос совершенно серебряный листочек. Мне никогда прежде не приходилось видеть подобного растения, и я обратил на него внимание Михаэля. Тот, не долго думая, полез по колёно в густой траве к кусту, чтобы срезать ветку.

А дальше все произошло в мгновение ока, гораздо быстрее, чем это можно описать. Раздался громкий шорох, Михаэль крикнул:

— Змея! — причем скорее радостно, чем испуганно. И тут же: — Ой, проклятье, она меня укусила! Она меня укусила!

Надо же было так случиться, что мы вышли из дома в шортах, не переодевшись в длинные брюки. Ведь вышли-то всего на пару минут, чтобы выбрать место для ночных съемок. Сбоку, на голени, у Михаэля виднелся след укуса — две дырочки. Они даже почти не кровоточили. Михаэлю удалось увидеть только кусок змеи, и тот, по его утверждению, был черным. Он утверждал также, что змея была длиной не менее трех, а то и четырех метров. Однако такие вещи очень трудно правильно оценить в подобных зарослях.

Но вообще-то случившееся было против всяких правил, потому что обычно ядовитая змея, даже в Африке, не так-то легко решается напасть на человека. Он ей просто не нужен — она ведь его не ест. Кусаются змеи только тогда, когда на них наступят или неосторожным образом усядутся. У Михаэля же не было такого ощущения, что он наступил на змею, разве что на самый тоненький кончик хвоста, которого не ощутил под ногой. Правда, могло быть и так, что этот куст был собственностью этой змеи, что она под ним выводила свое потомство и поэтому так яростно его защищала.

Парень мой ужасно побледнел. На лбу у него выступили крупные капли пота, но, возможно, просто от испуга. Совсем не обязательно, что змея была ядовитой. Однако он ощущал невыносимо колющую боль в ноге.

Первым делом я выволок его из кустарника, и, найдя свободное от травы место, опустил на землю. Учтя опыт последних дней, я на сей раз захватил с собой нашу коробочку с противозмеиной сывороткой и шприцем для инъекций. Правда, он был не очень тщательно отмыт от пенициллина, который я незадолго до этого вводил собаке одного знакомого, но это сейчас уже не имело значения. Сыворотка оказалась, к счастью, «поливалентной», местного производства, из Дакара; я купил ее в аптеке, в Абиджане. Она действует против укусов любых ядовитых змей, встречающихся в этих районах. И хотя я из Франкфурта тоже привез два сорта сыворотки, но эта была лучше. Потому что у немецких надо было заранее определить, каким именно видом змей укушен пациент. А это далеко не всегда возможно: вот, например, в нашем случае.

Итак, я, как это рекомендовалось испокон веков, перетянул ногу ремнем, используя палочку в качестве рычага. Нога покраснела, затем даже несколько посинела, а вокруг укуса начала вздуваться зловещая опухоль. Михаэль жаловался на головную боль, речь его стала несколько бессвязной. Я оттянул ему кожу на животе (как же он исхудал, однако, за последнее время!) и вкатил ему в мышцу изрядную порцию этой прозрачной жидкости. После этого я несколько ослабил жгут и через каждые полминуты ослаблял его снова, каждый раз на одно-два сердцебиения, чтобы нога не омертвела.

Потом я кинулся к дому и позвал африканцев. Взавшись за руки, мы устроили нечто вроде носилок и отнесли моего сына домой, где уложили на постель. Он лежал довольно безучастный и давал неясные, спутанные ответы на мои вопросы. Бедняга. На всякий случай я ввел ему еще и сердечное средство.

К счастью, все скоро уладилось. К вечеру мой пациент уже сидел на кровати, на другое утро он ощущал только слабость и головную боль. Кроме того, у него сделалось расстройство желудка, но я не уверен, что это было связано со змеиным укусом.

Вечером следующего дня мы уже снова строили планы новой операции против Тимоко, а еще через день, ночью, вернее в три часа утра, отправились на свой «пост». На сей раз мы предусмотрительно надели не только длинные брюки, но и сапоги, захваченные с собой из Франкфурта. За все это время мы надевали их всего один раз.

И вот в ту ночь наконец-то нам удалось перехитрить Тимоко. Он пришел на плантацию вместе с небольшой компанией слонов; правда, не оттуда, откуда мы его ожидали, а из другой части леса. Слонов было, наверно, шесть-семь. Они не спеша продвигались вперед и паслись: то тут постоят пять минут, то там с четверть часа. Мы слышали, как они двигаются (точно так же, как тогда в лесу), но не могли различить в темноте их силуэтов, хотя нам казалось, что вот-вот они вырастут перед нами во весь рост. Однако мы договорились на сей раз не идти им навстречу со своей аппаратурой, цепляясь за кустарник и производя шум, а дождаться, когда они сами выйдут на нас.

И мы это выдержали! Хотя от нетерпения нас буквально лихорадило. Наконец огромный Тимоко был уже совсем рядом, в каких-нибудь 15 метрах от нас. Тем не менее нужно было еще ждать и ждать, потому что все время нас разделял какой-нибудь высоченный куст. Потом несколько раз блеснули в темноте его массивные белые бивни, а затем уже он появился во весь рост.

Я прошептал: «Давай!» — и в тот же миг вспышка осветила дневным светом все вокруг. Я несколько перепугался: не бросится ли он на нас? Но нет, Тимоко не обратил никакого внимания на яркую вспышку, она ведь заняла всего пятитысячную долю секунды. Возможно, он принял ее за зарницу.

А Михаэль автоматически продолжал снимать: щелк, щелк, второй, третий раз, вспышка следовала за вспышкой. Тут слон забеспокоился. Он повернул в нашу сторону свою большую голову и оттопырил уши. Затем он задом попятился в кусты и исчез из поля зрения. Мы слышали шорох веток, задевавших за его огромное тело. А потом все затихло.

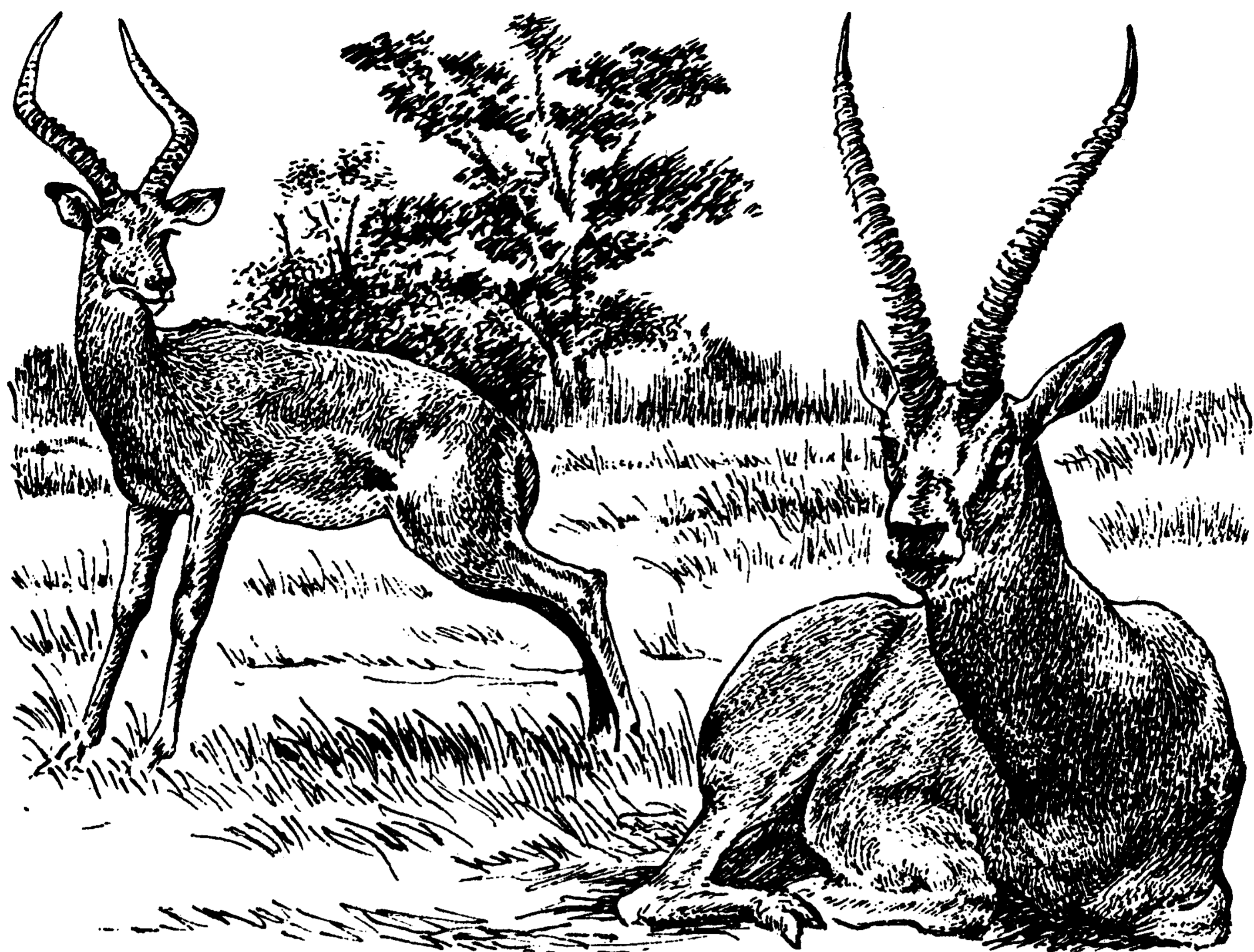
А был ли слон? Мы чувствовали себя не слишком уверенно, поэтому молча и не шевелясь просидели в своем укрытии еще с полчаса, прежде чем решились выйти. Слонов нигде не было видно: они исчезли как наваждение. Но у нас-то на пленке они должны быть!

Ликуя, мы заспешили домой и, полные нетерпения, принялись тут же, ночью, проявлять пленку. Три кадра вышли вполне прилично! Ура! Мы разбудили боя Джо, потому что спать ложиться не было уже никакого смысла: за окном всходило солнце.

Впрочем, хочу быть честным до конца. Был ли тот ночной гость, которого нам удалось запечатлеть на пленке, действительно «королем Тимоко», собственной персоной, или один из его приближенных, этого мы достоверно сказать не можем. Африканцы, которым мы потом показывали эти снимки, тоже не могли точно определить, он ли это. По-видимому, никто из них еще ни разу его не видел в лицо.

Но мы все равно считаем, что это он, этот хитрый и могучий властелин девственного леса, окружающего ферму и плантации на «шестьдесят восьмом километре». И рады, что перехитрили его.

Глава тринадцатая

ЕЩЕ НАГАНА ОХРАНЯЕТ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ...

Когда знаменитый исследователь Африки, Ливингстон, в 1857 году, впервые пересекая Черный континент, проходил со своим караваном по долинам реки Замбези и достиг берегов озера Танганьика, он заметил, что с его домашним скотом творится что-то неладное. Шерсть у коров сделалась жесткой и взъерошенной; и, несмотря на то что они жадно поедали сочную траву, росшую в этой плодородной местности, они тощали буквально на глазах. Большую часть дня коровы стояли с низко опущенной головой и полужакрытыми глазами. У них переставали сгибаться суставы, походка становилась все неувереннее, коровы шатались и падали и через несколько недель неминуемо погибали. Все как одна.

Чем чаще в последующие годы проникали во внутренние земли Африки различные исследовательские и охотничьи экспедиции, чем больше поселялось там белых фермеров, тем очевиднее становился факт, что в обширных районах этого континента европейский домашний скот просто-напросто не выживает. Собаки умирали, у лошадей отекали животы и ноги, и они погибали медленной, мучительной смертью; даже неприхотливые козы и овцы и те не выдерживали. Не одна

экспедиция была вынуждена из-за этого возвращаться назад пешком, пробираясь сквозь девственные леса или по раскаленным степям, если ее участники вообще еще были в силах идти и в состоянии найти обратную дорогу. Ввезенный в Африку дорогостоящий европейский рогатый скот и лошади вскоре превращались в бросовый товар — никому не нужные скелеты, обтянутые кожей. Тучные стада, которые прогоняли через эти страшные районы на бойню, прибывали к месту назначения отощавшими, едва живыми или не прибывали вообще...

В 1879 году усатый английский военврач Дэвид Брюс вместе со своей молодой женой отправился исследовать районы, в которых свирепствовала загадочная эпизоотия, получившая название «нагана». И, несмотря на то что они ехали в повозке, запряженной волами, на которой им пришлось бесконечно долго тащиться именно по самым зараженным местам Африки, им удалось пробиться в Зулуленд, до самого Убомо.

«Нагана» или, вернее, «нгана» — слово, взятое из зулусского языка, обозначающее нечто вроде «бессильный, шаткий».

Коренастый, несколько неотесанный англичанин Брюс несколько не соответствовал обычным представлениям о естествоиспытателях и ученых вообще. Он и не подумал хвататься сразу же за микроскоп и лабораторные инструменты, а проделал совсем простой опыт. Он решил проверить, правильно ли утверждение некоторых африканцев, что достаточно не давать скоту есть и пить во время прогона через зараженную местность, и он останется здоровым. Заражается он якобы только через корм. Так, в Убомо, расположенном в довольно высокой гористой местности, домашний скот не был подвержен этой страшной напасти. Стоило же фермерам согнать коров пастись вниз, на сочные луга долины, как они вскорости неминуемо погибали.

Брюс согнал вниз, в долину, нескольких лошадей, подвязав им предварительно полотняные «намордники», чтобы они не могли ни есть ни пить. Через 6—9 дней после возвращения в Убомо этих лошадей залихорадило, из глаз и носа у них потекло, и они погибли от злосчастной наганы, несмотря на то что весь остальной скот вокруг оставался здоровым. Следовательно, утверждение африканцев не соответствовало действительности.

Но были и такие племена, которые утверждали, что переносчиками заразы являются мухи цеце, те же самые пресловутые мухи, которые переносят сонную болезнь среди людей.

На вид они мало чем отличаются от наших европейских комнатных мух или тех, которые обитают в конюшнях и хлевах.

Брюс снова согнал нескольких лошадей в долину, предварительно зашив их самым тщательным образом в несколько слоев марли. В таком виде они были совершенно недоступны для мух цеце, пикирующих на них со всех сторон. Ни одной мухе не удалось попить крови у этих лошадей. Когда они вернулись наверх, то оказались совершенно здоровыми!

Тогда Брюс нанял боев и вместе с ними отправился на «мушиную охоту». Вскоре они вернулись с несколькими дюжинами этих отвратительных маленьких бестий в мешочке. Марлевый колпак с мухами прикладывали к лошадиным спинам так, чтобы голодные твари могли впиться в кожу и сосать кровь. И смотрите-ка, здоровые лошади, ни разу не побывавшие в зараженной наганой местности, начинали чахнуть и погибали!

Вскоре после этого Брюсу удалось обнаружить в крови больных животных возбудителей этой болезни. Ими оказались странные сигарообразные, но весьма юркие и подвижные простейшие с тонким и длинным жгутиком. Они получили название «*Trypanosoma brucei*». Самому Брюсу, которому удалось выявить причины еще нескольких других болезней, в частности загадочной «мальтийской лихорадки», королева даровала титул лорда; африканскому же скоту само по себе открытие возбудителя страшной болезни принесло пока еще мало пользы. От года к году, от десятилетия к десятилетию все новые и новые области Африки подвергались заражению наганой. Она сгоняла скотоводческие племена на небольшие и тесные территории, которые вскоре от перевыпаса теряли свой естественный густой растительный покров и превращались в пыльную бесплодную степь. Большая часть туземного населения тропической Центральной Африки на сегодняшний день голодает из-за того, что лишена возможности заниматься скотоводством, а следовательно, и земледелием. А дикие животные, являвшиеся в прежние времена бесперебойными поставщиками мяса для местного населения, за годы колониализма были бесследно истреблены. Разрушение же земель в тех частях Африки, где не свирепствует нагана, происходит по другой причине: у многих племен богатство измеряется поголовьем рогатого скота; поэтому скотоводы стараются, насколько возможно, увеличить свое стадо, независимо от того, сколько каждая отдельная корова может дать молока или мяса. Такие гипертрофированные стада поедают и вытаптывают всю растительность в округе.

Вскоре колониальные власти объявили мухе цеце войну. Многочисленные бригады африканцев занимались тем, что вырубали буш, освобождая от деревьев и кустарников огромные пространства, на которых эти опасные кровососы не в состоянии жить и размножаться. Многие фермеры просто сжигали буш до основания. Вскоре пришли к выводу, что достаточно создать вокруг пастбищ мертвые, лишенные всякой растительности зоны, зачастую не шире нескольких сотен метров, чтобы помешать распространению мух и обречь их на голодную смерть. На берегах озера Виктория, в Уганде, например, зараженный буш разделили широкими просеками на отдельные части, которые затем, каждая по отдельности, очищались от мух цеце с помощью «мушиных боев», то есть негритянских мальчиков, вооруженных сачками.

Но искусственные степные пожары и вырубание кустарника и деревьев только усиливали засуху во все новых районах Африканского континента, который и без того с каждым десятилетием делается все суше и суше... Кроме того, выяснилось, что среди мух цеце — переносчиков инфекции существуют разные виды, с совершенно различным образом жизни. Одни виды привязаны к берегам рек или озер, другие кусают только ночью, а не днем, а иные не нуждаются в тени и могут проводить все свое время на солнцепеке. Так что истребить мух цеце в Африке невозможно, не превратив весь континент в сплошную Сахару...

Тем временем изучение мух продолжалось. Другие исследователи принялись развивать дальше открытие Брюса. Они задали себе вопрос: откуда же мухи эти, являющиеся переносчиками инфекции, получают возбудителей трипанозом, когда обитают в местностях, где нет ни лошадей, ни рогатого скота? Вскоре удалось выяснить, что трипанозомы встречаются в крови и таких животных, как верблюды, буйволы, зебры, слоны, антилопы, а также хищных зверей. Но их там всегда бывает немного, и дикие животные из-за них не заболевают.

После этого открытия началась одна из самых страшных страниц в жизни африканских животных, которая, кстати сказать, и на сегодняшний день еще не закончена. Было решено не истреблять самих мух цеце, а отнять у них возможность снабжаться трипанозомами. Уничтожая диких животных, колониальные власти тешили себя надеждой освободить таким способом обширные плодородные угодья под скотоводство и сельское хозяйство. Так, Англия, которая сейчас вынуждена ежегодно платить миллиард и сто миллионов марок за аргентинское мясо,

строила радужные планы развести в своих африканских колониях собственные тысячные стада, такие же, как в Аргентине.

Итак, в колониальной Африке разразилась страшнейшая и жесточайшая бойня, к сожалению почти не замеченная во всем остальном мире. За годы 1924 — 1944-й было убито 79 216 дукеров (в одном 1945 году — 7518 штук); за это же время расстались с жизнью 14 799 бушбоков (в 1944 году — 1888 штук); 2368 ориби; 23 531 карликовая антилопа; 8003 диких свиньи; 288 редчайших конгони; 219 носорогов; 36 596 куду; 1646 буйволов; 6532 крупные антилопы канны; 8691 водяной козел; 22 430 кистеухих свиней; 23 196 черных лошадиных антилоп; 16 918 павианов. Эти цифры, относящиеся к одним лишь районам бывшей Танганьики и Северной Родезии, где велась такая война, включают и те виды животных, которые и без того обречены на вымирание.

А между тем Черный континент, населенный интереснейшими древними народностями, с его совершенно необычным, уникальным животным миром — это идеальный пример собственности всего человечества в целом. Независимо от того, какая власть случайным образом захватила ту или иную территорию, превратив ее в свою колонию. Миллионы людей на земле мечтают увидеть в Африке последний «край обетованный», с неповторимой, в своем великолепии, живой природой, по лесам которого разгуливают слоны, в реках купаются и ныряют бегемоты, а львы охотятся за зебрами и жирафами. Ни одно иностранное государство, по чистой случайности захватившее временно власть в какой-либо африканской стране, не имеет права (без серьезных научных обоснований) так грубо и варварски вмешиваться в дела ее природы! Ведь после того как полмиллиона крупных животных было уже безжалостно отстреляно, выяснилось, что трипанозомы могут существовать и за счет крови мелких грызунов. А их-то уже никогда не удастся окончательно истребить!

Возбудителем сонной болезни, которая так невинно начинается с распухания желез на шее, а потом уничтожает население целых негритянских деревень, тоже является трипанозом, весьма сходный с тем, который вызывает нагану. Немецкие исследователи открыли надежное средство борьбы со страшной, мучительной смертью, угрожающей Черному континенту. Сохранилось оно в германине и других химических препаратах. Решено было испытать их и против наганы. Однако один германин не помог. Когда же к нему стали добавлять еще и «Brechweinstein», то коров, инъецированных этим средством,

в Зулуленде удавалось сохранять абсолютно здоровыми и упитанными в стаде, полностью зараженном наганой. Но средство это необходимо было через каждые две недели вводить в вену на шее животного. При такой профилактике кровь скота оставалась свободной от этих пронырливых трипанозом.

Но попробуйте так вот запросто корове попасть шприцем в вену! Для этого необходимы ветеринары и специалисты. Кому же захочется каждые две недели отлавливать полудиких африканских коров, пасущихся на свободе, вязать их, валить на землю и инъецировать? И кто согласится при столь низких ценах на скот нести расходы по этому мероприятию? Никто. Следовательно, средство это оказалось практически непригодным.

Тем временем английские исследователи сделали открытие, преобразившее лик Африки. Группа, состоящая из 25 ветеринаров, биологов и химиков во главе с доктором Кардом и доктором Давейем, некоторое время назад выпустила замечательный препарат против малярии. Называется он палудрин и вырабатывается на базе каменноугольной смолы. Продолжая экспериментировать с этим препаратом на мышах, исследователи обнаружили, что он оказывает определенное действие и при лечении болезней, переносчиком которых служит муха цеце. Дальнейшие эксперименты показали, что действие на трипанозомы оказывает не сам палудрин, а некий побочный элемент палудрина, своего рода «загрязнение» чистого препарата. Это «загрязнение» удалось отделить и получить в чистом виде. Так появился новый препарат М-7555, известный теперь под названием «антрицид». Скоту он не наносит никакого побочного вреда, и его не нужно вводить внутривенно. Фермер может сам, без чьей-либо помощи, вводить его под кожу обыкновенным шприцем. Уже одно это — большое преимущество. Судя по описанию нового препарата, антрицид является надежным средством для лечения наганы у домашних животных. Но что еще важнее — это то, что профилактическое инъецирование антрицидом делает животных невосприимчивыми к заболеванию в течение четырех и даже шести месяцев.

На новые медицинские препараты обычно возлагают слишком большие надежды. Но если даже не это изобретение, то какое-нибудь другое или третье в скором времени позволит покончить с вопросом о нагане.

Однако перспективы, которые открывает подобное новое средство, не самые радужные... На сегодняшний день нагана господствует почти во всей тропической Африке, области, в 75 раз превышающей по размерам Англию и в 4 раза Аргентину.

Она тянется от Судана до Наталя. А в таких странах, как Кения, Танзания, Ньясаленд и Северная Родезия¹, а также в большинстве «небританских» стран Африки более половины земель заражено и не пригодно для скотоводства. По Южной Родезии нагана тоже распространяется с каждым годом все дальше и дальше, захватывая все новые районы. На Золотом Берегу, в южной части Нигерии и в стране Ашанти — такая же картина. Если найдется эффективное средство против наганы, то новые бескрайние области, заросшие сейчас зеленой растительностью, будут вытоптаны копытами непомерно огромных стад коров. Тогда и там исчезнут последние антилопы, жирафы, слоны, зебры и буйволы, а вслед за ними и львы, леопарды, гепарды и гиены. Исчезнет все.

Точно так же, как сейчас охотящихся на бизонов краснокожих можно найти только в книжках, так же и сообщения исследователей Африки, их приключения со слонами и львами через пару десятков лет станут легендами из далекого прошлого. Там, где ночью в степи раздавался мощный рык льва, там все заполнят стада рогатого скота, скашивающие, словно сенокосилка, траву с последней нетронутой части света. Современные культурные растения высосут все соки из земли и ничего не вернут ей назад. И тогда — как мы это видим уже сегодня в Северной Америке, Аргентине и других южноамериканских странах — огромные части этого континента будут становиться год от года все засушливее, потеряют плодородие и неминуемо пойдут навстречу своей необратимой «пустынной» судьбе...

---

¹ Ныне Малави и Замбия. (Примеч. ред.)

Глава четырнадцатая
**У НАС ПРИБАВЛЕНИЕ СЕМЕЙСТВА:
РОДЖЕР И АКА**

Я собирался наблюдать в Африке за зоопарковскими животными, обитающими на воле, но вовсе не намеревался захватывать кого-либо из них с собой, домой. Поэтому я уже заранее взял два обратных билета на самолет — себе и сыну. Но, как известно, «привычка — вторая натура», да и Михаэль донимал меня всю дорогу своими просьбами «не возвращаться с пустыми руками».

Во время нашей погони за «королем Тимоко» по окрестным лесам портового города Сасандры мы как-то зашли в клуб белых жителей города под названием «Cercle». Там я познакомился с одним французским коммерсантом, который рассказал мне, что недалеко, за городом, какой-то голландец держит у себя на пальмовой плантации молодого шимпанзе, от которого будет рад избавиться. Мой любезный собеседник даже предложил отвезти меня туда на своей машине. Не долго думая, я согласился, и вскоре мы уже катили мимо бесконечных, аккуратно, как по линейке, посаженных пальмовых плантаций, пока не добрались до виллы мистера Фюита. Это был

настоящий «дворец», построенный непосредственно на берегу тропической Атлантики, на выдающейся в море косе.

Мы сразу увидели маленькую самочку шимпанзе, бегавшую вокруг их дома, словно сестричка нашей Катрин, что жила тогда у нас во Франкфурте. Фюиты получили ее в подарок от африканцев, подстреливших и съевших ее мать.

Между прочим, именно таким способом большинство шимпанзе попадают в зоопарки. Это важно знать тому, кто проводит зоопсихологические опыты. Потому что в Европе многие воображают, что шимпанзе отлавливают каким-нибудь опасным способом в романтической обстановке или в крайнем случае заманивают в западни. Ничего подобного. И кому это охота сегодня ангажировать за бешеные деньги население целой африканской деревушки, эдак человек сто, чтобы окружить семью шимпанзе? Ведь африканцы получают теперь почти повсюду почасовую оплату, как и европейские рабочие. Поэтому пойманные таким способом животные стоили бы целое состояние. А кроме того, я, например, не представляю себе, кто бы это мог справиться с диким взрослым самцом-шимпанзе, не стреляя в него.

Девочка-шимпанзе Ака была настоящим сорванцом. К тому же достаточно нахальным. Ее больше не пускали в жилые комнаты, потому что она там все переворачивала вверх дном. Зато она в свое удовольствие развлекалась в помещении маслобойни, включала и выключала рубильники, выпускала пар или нажимала на кнопку сирены. Ее приемная мать, госпожа Фюит, все время волновалась за обезьянку: не дай бог попадет ногой или рукой в какой-нибудь приводной ремень! Поэтому было решено отправить ее в Амстердамский зоопарк. Однако французское колониальное министерство не давало разрешения на вывоз животного, потому что шимпанзе находятся под охраной государства. Я же перед своим отъездом раздобыл в Париже на всякий случай разрешение на вывоз нескольких человекообразных обезьян и поэтому с легкостью договорился с Фюитами, что заберу их питомца с собой.

С Фюитами — да. Но не с маленькой Акой. Она была страстной автомобилисткой и охотно залезла в нашу машину, усевшись в кабину водителя. Однако, как только француз, который нас сюда привез, сел за руль и собрался трогаться, она громко заверещала, стала рваться к своей «мамаше», а когда ее попытались удержать, впала в настоящую истерику и до того разволновалась, что обделала все сиденье и запачкала рубашку любезного французского господина.

Делать нечего, пришлось вынести из дома ее клетку (которую нам дали с собой). Это было аккуратно и с любовью изготовленное сооружение из твердой древесины, с решеткой из круглых железных прутьев. Однако нельзя забывать, что человекообразные обезьяны значительно умнее всех других животных, и, когда эта махина уже стояла у нас в кузове, Ака поняла, что ее увозят, и наотрез отказалась в нее заходить. Она даже укусила свою «мать», пытавшуюся уговорить ее туда зайти.

Что делать? Мы с Михаэлем переглянулись и тяжело вздохнули. Сейчас нам придется продемонстрировать не очень-то приятную сцену: хорошо отработанной хваткой зоопарковских работников надо молниеносно схватить обезьяну за руки и заломить их за спину. Затем удержать и обе ноги, да притом следить за тем, чтобы взбешенное животное не сумело дотянуться до нас головой и укусить. Вот так. Теперь скорее в клетку, дверь на засов и поехали! В такие моменты чувствуешь себя не слишком-то приятно. Словно живодер какой-то! Госпожа Фюит украдкой, за нашей спиной, вытирала слезы...

Дорогой нам кто-то рассказал о другом шимпанзе, живущем у одного француза на лесопилке. Мы въехали прямо на грузовике к нему во двор, и после первого аперитива я изложил ему свое намерение.

— *Quelle belle chance!* («Какой удачный случай!») — вырвалось у хозяйки дома.

Нас повели в ближайший лесок, где жил этот взрослый, двенадцатилетний самец шимпанзе. Вот уже два года, как его «отлучили» от дома, потому что он почему-то не выносил африканцев и каждый раз скандалил и вопил, когда заставлял на дворе черных работников.

Животное было привязано к дереву на тяжелую цепь, прикрепленную к ошейнику, которая, однако, была такой длины, что обезьяна свободно могла взбираться по стволу. Звали его тоже Ака, что на языке туземцев означает «обезьяна». Но мы переименовали его потом в Роджера, в честь его прежнего владельца.

Когда я впервые его увидел, мне стало даже несколько не по себе. Это был огромный самец с плечами атлета, шерсть на спине отливала серебристым налетом — признак вполне половозрелого шимпанзе; челюсть его не уступала пасти леопарда, а мускулы — мускулам профессионального боксера! Я хорошо знаком с самцами шимпанзе: на моей голове на всю жизнь остались шрамы от их укусов, а один палец на правой

руке не сгибается тоже по их вине. По силе и крепости зубов они не уступают хищникам. Но в то время как нападающему льву достаточно сунуть метлу или стул, чтобы он в них вцепился и отстал, шимпанзе, обладающий мозгом, только наполовину уступающим человеческому, никогда не сделает такой глупости: он знает, куда надо впиваться зубами, и вырвет у вас любое оружие из рук!

У каждого здорового половозрелого самца шимпанзе по нескольку раз на дню начинаются страшные приступы бешенства. Его охватывает беспричинный гнев, от которого он начинает орать, бушевать и рвать на части все, до чего сумеет дотянуться руками. Эти безумные «пляски» служат, по-видимому, для демонстрации силы и запугивания более молодых самцов, а также самок, которых следует держать в повиновении. И действительно, во время такого приступа на воле все члены обезьяньего «клана» разбегаются кто куда. К счастью, через пару минут припадок проходит, и самец даже может по-товарищески подойти и сочувственно осмотреть раны, которые только что сам нанес; поведение вполне спортивное, не правда ли? Мне немало в своей жизни пришлось повозиться с этим «народом», и я знаю, как надо с ними обращаться.

На зов своего хозяина Роджер спустился с дерева и, несмотря на то что тот пришел с суковатой палкой, держал себя по отношению к нему весьма приветливо. Однако по таким сценкам еще нельзя судить об истинном характере шимпанзе; часто они бывают пожизненно привязаны к своему хозяину, который их вскормил с малолетства, но боже упаси попасть им в чужие руки! Роджер прожил у этих хозяев целых семь лет. Так что я шепнул Михаэлю на ухо:

— Не может быть и речи, такого он пускай спокойно оставит у себя!

Но надо было знать моего сына! Он продолжал упорствовать и тянуть из меня жилы:

— Ну пап, ну ты пойми — ведь его пристрелят, как только его хозяин уедет в Европу, а он такой красивый, такой большой! Ну пап!

И я дал себя уговорить, о чем потом еще не раз пожалел!

Какой-то африканец принес всевозможные гаечные ключи и отвертки; он бросил их нам с довольно большого расстояния, а сам тут же убежал. Цепь была закреплена не то пятью, не то шестью различными болтами и гайками, потому что Роджер, как нам объяснили, за эти годы превратился в искусного специалиста по побегам из плена. Мы с трудом отвинтили все

эти хитрые приспособления и повели Роджера к грузовику. Там мы перебазировали маленькую Аку в ящик, освободив более просторные апартаменты для этого здоровенного малого.

Но как заманить его в клетку? Тогда мы придумали вот что: открыли дверь, а позади клетки поставили маленькую Аку так, чтобы Роджер мог ее разглядеть сквозь прутья решетки. Как только он увидел сородича, тут же насторожился, шерсть на нем поднялась дыбом, он вскочил на грузовик и ринулся в клетку, чтобы схватить маленькую обезьянку. Но не тут-то было! «Щелк!» Дверь за ним захлопнулась, а я принес снятые с пилорамы крепкие доски и дополнительно забил ими клетку снаружи.

Затем мы двинулись в сторону «дома»; на этот раз им была ферма господина Шмоурло, где мы караулили диких слонов, чтобы запечатлеть их на киноплёнку.

По приезде я сразу же выпустил малютку Аку из заточения. Она радостно принялась бегать вокруг дома, а потом и по комнатам. Но под вечер ее надо было забрать со двора домой из-за возможности появления леопарда. Но шутка сказать: поймать расшалившегося детеныша шимпанзе! Стоило мне схватить ее за руку, как она сейчас же делала попытку меня укусить. Я вынужден был отпустить ее руку, и она радостно убежала прочь. Тогда я решил испытать себя в качестве ковбоя: пытался поймать ее с помощью лассо. Но попробуйте накинуть лассо на человека, у которого четыре руки!

Уже начало темнеть, а мы никак не могли справиться с маленькой нахалкой. Но надо же, черт возьми, найти какой-то выход из этого положения! Тогда мы решили вот что: я, Михаэль и несколько африканцев стали отгонять обезьянку от дома, стараясь загнать ее в лес, отрезая ей обратный путь. Как я и ожидал, в лесу малышке показалось неуютно. Она испугалась, заплакала и с воплями бросилась ко мне; в один миг она забралась по мне наверх и обвила мою шею руками. Но стоило мне попытаться надеть ей ошейник, как она опять начала кусаться, вырвалась и убежала.

Тогда я принял отчаянное решение: неслуха придется отшлепать — ничего тут не поделаешь. И я действительно прикрикнул на нее и пару раз ей наподдал. Ака отреагировала чисто по-шимпанзинному: она рассвирепела, заплакала, завизжала и... замахнулась на Михаэля, стоявшего рядом со мной! Дело в том, что детеныш-шимпанзе не имеет права кусать своих родителей, поэтому они обычно вымещают зло на дру-

гих, ни в чем не повинных существах. Мне пришлось крепко держать ее за руку, чтобы она не набросилась на моего сына.

Наконец обезьянка утомилась; признав во мне хозяина, она сделалась такой послушной и кроткой, что мне без труда удалось застегнуть на ней ошейник, пряжку которого я на всякий случай еще обмотал проволокой. За этот ошейник Аку на ночь привязали на пеньковой веревке к ее «домику». А днем ей разрешалось свободно бегать по двору.

Но должен сказать, что это был первый и последний раз, когда я побил маленькую Аку, живущую и поныне в нашем Франкфуртском зоопарке. С того самого вечера я стал ее любимым «родителем», а Михаэль — заклятым врагом. Стоило мне только начать его ругать, как она со взъерошенной шерстью злобно набрасывалась на него. Если я ее привязывал, она бывала несчастна. И как же она умела выражать эту свою скорбь! Обезьяна кричала, рвала на себе волосы, кидалась на спину и дрыгала ногами и руками, как это делают капризные маленькие дети. Но если я подходил поближе, она тут же взбиралась по мне, обвивала мою шею руками и судорожно впивалась всеми своими двадцатью пальцами. Притом довольно болезненно. Чтобы она меня отпустила, я должен был ее долго уговаривать, успокаивать, играть с ней, а потом огромным скачком отпрыгивать в сторону, вне предела ее досягаемости. Бедная Ака! Нам было искренне жаль ее, и мы желали и ей, и себе от всей души поскорее уж попасть домой, во Франкфуртский зоопарк.

Наконец надо было трогаться в дальнейший путь. Но как? Мы сидели одни на этой ферме, расположенной в 5—6 километрах от основного шоссе: сюда никто не приедет. Тогда я выбрал из библиотеки господина Шмоурло французский роман под завлекательным названием «Мадонна спального вагона» и зашагал по направлению к шоссе. Там я сел на обочине и принялся с интересом листать этот бульварный роман. Как только из леса начинал доноситься рокот мотора, я сейчас же выходил на середину дороги и ждал. Но две-три машины, прошедшие за все утро, ехали либо в неподходящем направлении, либо были уже перегружены.

Наконец мне удалось остановить тяжеленный дизель, везший бочки с бензином. Черный владелец машины был не против взять нас с собой, но ни за что не соглашался свернуть

с шоссе и подъехать к ферме по проселочной дороге. По-видимому, у него уже имелся печальный опыт езды по подобным разъезженным колеям. Поэтому он поставил машину на обочине, а сам слез и пошел со мной пешком посмотреть своими глазами, какова дорога. Относительно обезьян я ему вообще не обмолвился ни словом, потому что боялся, что тогда он ни за что не согласится нас взять. Это я оставил в качестве «сюрприза» напоследок. Однако мы с ним поладили, он подъехал на своем грузовике к самым дверям фермы, и мы погрузили к нему в кузов весь свой скарб, включая клетки с обезьянами.

Большая клетка Роджера не влезала в уготованное для нее место, поэтому мы решили поставить ее набок. Но когда мы ее опрокинули, случилось нечто, от чего кровь у меня застыла в жилах: оказывается, доски пола в клетке были просто вложены в пазы, но не закреплены. Пока обезьяна сидела на полу, это никому не мешало. Теперь же, когда пол сделался боковой стенкой, доски эти стали медленно сползать в сторону. К счастью, Роджер был слишком занят обругиванием помогавших при погрузке африканцев, поэтому не сразу заметил открывшуюся лазейку. Будь это самка-шимпанзе, такое не ускользнуло бы от ее внимания — те, как правило, проворнее и сообразительнее; я помчался за дом, схватил валявшиеся там первые попавшиеся доски и, не переводя дыхания, прибил их длинными гвоздями к клетке. И только убедившись, что они надежно укреплены, мы отпилили торчавшие концы, а потом еще обили клетку полосками железа, обмотали проволокой и забили крест-накрест рейками. Уф! Ну вот наконец все было готово, и можно было трогаться в путь.

Ехали мы долго. Впереди некоторое время шел другой грузовик, обдавая нас облаком красной пыли, так что вскоре мы выглядели так, будто здорово обгорели на солнце. Тогда наш водитель дал газ, расстояние между машинами все сокращалось, а потом произошло то, что меня в Африке никогда не переставало удивлять: передний грузовик немедленно съехал на обочину и остановился, уступая нам дорогу, чтобы мы могли спокойно его перегнать.

Однако на подступах к реке Дабу и черным водителям бывает уже не до вежливости. Дело в том, что паром через реку (сооруженный из толстых досок, набитых на полые стволы деревьев), который обслуживает черный паромщик с несколькими помощниками, работает только с восхода солнца и до

захода. Ни минутой раньше, ни позже. Паромщик находится на государственной службе, получает зарплату и не желает работать больше, чем ему положено. Перевозка машины через реку занимает около часа. Поэтому тот, кто стоит в хвосте длинной очереди, вынужден прождать полдня, а то и заночевать на берегу, где полно комаров и мух цеце.

Мы с Михаэлем разделись и поплыли рядом с паромом: ведь вблизи подобных переправ, как правило, не бывает крокодилов.

Машина шла только до Ганьоа; не доезжая ста метров до «campement», как здесь называются кемпинги или мотели, я велел остановиться. Дома эти гостиничного типа, построены вдоль главных магистралей страны на государственные средства и сданы в аренду частным владельцам. Впрочем, на сегодняшний день в них почти никогда не бывает свободных мест. Однако мне повезло, и я получил двухкомнатный номер. И только после того, как были заполнены все формуляры с их бесчисленными вопросами, только после этого подъехал грузовик, и мы начали выгружать весь свой зверинец, к великому ужасу арендатора кемпинга...

Между прочим, черный владелец грузовика, к моему удивлению, стал отказываться от денег за проезд:

— Ну что вы, месье! Мне это просто доставило удовольствие, месье!

Удивительные люди эти африканцы! Никогда не угадаешь, как они поступят: то вот так, а то торгуются до одурения, как китайцы.

Пока мы затаскивали ящики с животными во двор, сбежалось около ста пятидесяти африканцев. Вся деревня сбежалась. Девочки-шимпанзе (их теперь у нас было уже две) и другие обезьяны испугались, а Роджер начал буйствовать. Он бросался на стенки своей клетки так, что она раскачивалась во все стороны, и мы вынуждены были ее все время придерживать, чтобы она не опрокинулась. Африканцы улюлюкали и старались совать палки меж прутьев клетки. Роджер до того разволновался, что время от времени стал высовывать руку, хватать меня за рукав и плакать. Как только я уходил, он снова начинал бесноваться.

А потом еще появились и белые постояльцы кемпинга, среди которых был какой-то капитан французской армии, который потребовал объяснить ему, что тут происходит. В течение шести часов я только и занимался тем, что прогонял зевак со двора. Когда стемнело, двор, слава тебе господи,

опустел. При тусклом свете электрической лампочки (гордости кемпинга) нам наконец удалось поесть, а потом принять душ под подвешенным к потолку ведром с душевым шлангом. После этого мы замятво упали на постели.

Не успели мы заснуть, как под окнами снова начался скандал. Я слышал недовольное ворчание постояльцев, которым помешали спать, и полуголый кинулся во двор, к Роджеру. Оказывается, его возмутила собака, которая стояла возле его клетки и лаяла на него. Это была сторожевая собака кемпинга. С отчаянной решимостью я заманил пса в какой-то сарай и запер его там. Когда я уже улегся в постель, Роджер снова принялся орать и барабанивать. Причем антракты между его «выступлениями» становились все короче. Наконец я не выдержал и снова выбежал из дома. Во дворе никого не было. Но тут я понял причину беспокойства Роджера: прямо против его клетки, над входом в кемпинг, висела электрическая лампочка, которая горела сейчас на удивление ярко, потому что была единственной из всех подключенных к движку в столь поздний час. Она слепила глаза обезьяне и не давала ей уснуть. Тогда я разыскал лестницу, влез наверх и слегка вывернул лампочку. Наконец наступил покой до утра.

Еще до завтрака Михаэлю пришлось взять на себя защиту обезьян от зевак. А я побежал разыскивать какую-нибудь возможность уехать отсюда в Бваке, в нашу штабквартиру. Но все местные торговцы уверяли меня, что отсюда никакие машины не ходят непосредственно в Бваке, что непременно придется ехать с пересадкой. Но я был уже стреляный воробей и знал цену подобным утверждениям, поэтому продолжал свои поиски. И нашел. Под навесом какой-то фабрики, прямо на улице, но зато на модной американской раскладушке спал здоровенный шофер грузовика. Его «apprentis», подручные, завернувшись в одеяла, лежали прямо на земле. Один из них уже проснулся, и я спросил у него, куда они держат путь. К моему неописуемому восторгу, он ответил, что они направляются в английский Судан, но сначала заедут в Бваке. Черный шофер не знал французского, зато говорил по-английски и был рад-радешенек найти хоть кого-то, с кем можно объясниться. Как водится, он принял меня за американца. Мы долго торговались относительно цены за проезд и сошлись наконец на сумме в несколько сот марок за шестьсот

километров. Он пошел на рынок подыскать себе еще несколько попутных пассажиров и ровно в 10, как было договорено, подъехал к воротам кемпинга. Мы начали погрузку, а арендатор кемпинга облегченно вздохнул...

Однако не так просто оказалось в толпе зевак найти несколько дюжих мужчин, решившихся поднять клетку с Роджером и погрузить ее в кузов «камьона»...

Глава пятнадцатая
НОЧНОЙ БОЙ С РОДЖЕРОМ

Итак, мы пустились в путь со всем своим «ноевым ковчегом», упакованным в ящики, коробки и клетки и водруженным на грузовик «английского» африканца, направляющегося в Бваке. Наш «ковчег» сильно пополнился за последние дни: теперь у нас было уже три шимпанзе — Роджер и две малышки — Ака и Пулу, затем несколько мартышек-мангобеев и других обезьян, были у нас и птицы и виверры. Рядом с нами в кузове сидело по двадцать, а иногда и по тридцать попутных пассажиров, которые нас приветливо угощали орехами кола, запихивая нам их пальцами прямо в рот. Но зато они безо всякого спроса угощались нашими бананами, припасенными для обезьян... Я сидел сзади, возле клетки с Роджером с палкой в руках, потому что беднягу выводило из себя то обстоятельство, что при каждой остановке грузовика вокруг собирались зеваки, кричали, а то и дразнили его. Силища же у него была медвежья, и разломать клетку ему бы ничего не стоило, если не следить за ним неустанно. Кроме того, от страшной тряски по разъезженной дороге в течение многих часов Роджер очень страдал. Он уж и не знал, что предпринять: пробовал ехать стоя на четвереньках и во весь рост, держась руками за прутья,

пытался и сесть, но по причине костистого зада это было ему неудобно. Бедный Роджер! Он наверняка решил, что такие грузовики созданы с единственной целью истязать несчастных обезьян! Время от времени он просяще протягивал мне руку сквозь прутья клетки, чтобы я подержал ее в своей, пожалел и успокоил его. А то снова начинал буйствовать, и я, ей же богу, не мог поставить ему это в вину — уж очень бедняге было не по себе! Тогда он всей тяжестью повисал на прутьях клетки, его могучие мускулы угрожающе вздувались, он визжал, орал и старался схватить меня и укусить. В таких случаях мне приходилось отходить от клетки и ехать стоя. Сидящие впереди черные пассажиры то и дело предупреждали меня криками, чтобы я наклонился, иначе свисающие над дорогой сучья могли бы снести мне голову.

Мы останавливались почти в каждой придорожной деревне, потому что одни пассажиры слезали, а другие забирались на машину. Причем все это каждый раз сопровождалось длительными переговорами и торговлей относительно стоимости проезда. Перевозка пассажиров по дорогам Африки — важная статья дохода водителей грузовиков. Ведь там, где нет или почти что нет железных дорог, — это единственный способ передвижения. Так что нанять в Африке грузовик сразу же до необходимого вам пункта — предприятие абсолютно безнадежное; надо платить за каждый километр, как у нас в электричке.

Впрочем, я заметил, что африканцы в Западной Африке охотно разъезжают туда-сюда. Редко мне приходилось видеть, чтобы кто-нибудь из них брел по шоссе пешком. Если не считать платы за проезд, то само путешествие обходится им довольно дешево благодаря древнему обычаю, по которому путник в любой чужой деревне имеет право безо всякого подсаживаться к общему котлу и пользоваться бесплатным ночлегом. Государственные границы здесь существуют только для белых, черные же все равно ездят безо всяких виз.

Каждую более длительную остановку грузовика и дебаты с новыми пассажирами я использовал для того, чтобы распить вместе с владельцем грузовика (который был рад поговорить хоть с кем-нибудь по-английски) бутылку пива в какой-нибудь деревенской пивнушке.

Заодно я старался выведать, нет ли у кого-нибудь в этих местах прирученных диких животных: детенышей обезьян, леопардов или тому подобное. И вскоре уже в кабине водителя сидел прелестный черный мангобей, ручная длиннохвостая обезьяна. Вокруг талии у нее был пояс, к которому прикреп-

лялась веревка, впрочем, обезьянка не делала ни малейших попыток удрать.

Один прокаженный гордо сообщил мне, что у него дома живет «sing comme les hommes blancs» — «обезьяна, похожая на белых людей». Я не мог понять, что же это у него такое, но, когда он принес свое чудо, очень обрадовался: это оказалась мартышка — белоносый гусар, у которой действительно белое лицо и рыжевато-блондинистые волосы.

Я уже давно не надевал пробкового шлема, потому что понял, что большинству людей они здесь совершенно не нужны. Я носил зюйдвестку с мягкими, свободно свисающими полями. Ведь в Южной Америке, через которую тоже проходит экватор, никто никаких шлемов не носит, а надевают простые соломенные шляпы. Но для поездки на грузовике я решил его все же нахлобучить себе на голову, так как между шлемом и головой остается довольно большой зазор, в который приятно задувает попутный ветерок. При этом я обнаружил, что кожаные ремешки, имеющиеся на таком головном уборе, служат не только для красоты: внезапно его сдуло у меня с головы. Мои спутники подняли невообразимый крик, и грузовик остановился. Так что я смог одного из «подручных» шофера послать подобрать его. Но к моему большому удивлению, парень не остановился возле того места, где шлем укатился в кусты, а продолжал бежать все дальше назад, по направлению к деревне. Оказывается, он неправильно меня понял и решил, что я забыл свой шлем именно там. А от деревни мы отъехали уже на довольно порядочное расстояние. Пришлось послать второго его догонять, но, пока этот понял, что от него требуется, первый скрылся уже из виду.

Боже мой, как эти африканцы умеют ругаться! Владелец грузовика прямо-таки бушевал и отвесил затрещину третьему подручному, который ко всему этому делу не имел никакого отношения. Он даже пригрозил, что возьмет с меня неустойку за эту задержку (что ему, разумеется, не удалось).

Тем не менее я потерял всякий интерес к этому великолепному произведению шляпной промышленности и подарил его нашему бою Джо.

Зато в другой раз наш водитель проявил себя как истинный филантроп. Обнаружив непосредственно за крутым поворотом большую колдобину на дороге, он остановился, слез, срубил на обочине молодое деревце и старательно вкопал его посреди дороги в землю.

— Ведь другая машина может попасть туда колесом и сломать ось,— пояснил он мне.— Особенно когда стемнеет!

Должен сказать, что черные водители вообще, как правило, друг с другом весьма предупредительны. Ни разу я не видел, чтобы кто-нибудь затевал бессмысленные гонки, стараясь обойти другого, как это сплошь и рядом бывает у нас, в Европе. Каждый раз, когда нагоняют более медленно идущую машину, та без звука съезжает на обочину и пропускает нагнавшего вперед. Правда, частенько в таких случаях обе машины стоят какое-то время рядом, и водители обмениваются новостями или продуктами.

Но как-то мы надолго застряли перед деревянным мостом, починкой которого занималась целая бригада дорожных рабочих под наблюдением бригадира-африканца. Старые доски из твердой древесины были сняты, и двое или трое из ремонтников, не спеша, в спокойствии душевном, длинными гвоздями прибивали новые. То, что машина, набитая пассажирами, нетерпеливо ожидает переправы, нисколько их не волновало. На нашего черного водителя, пытавшегося их поторопить, они не обращали ни малейшего внимания. Можно было рассчитывать, что при таких темпах работы мы простоиим здесь полдня. Поэтому водитель подошел ко мне и заявил, что поскольку я здесь единственный белый, то мне и следует поставить на место нахалов-ремонтников. Ну что ж. Надо сказать, что за время своего пребывания в этой стране я собрал уже довольно солидный набор французских ругательств, однако для более обстоятельного высказывания он показался мне недостаточным. Но поскольку в таких случаях «тон делает музыку», то есть важны не сами слова, а угрожающая интонация, с какой они произносятся, то я набрал в легкие воздуха и принялся ругаться по-немецки.

Успех оказался ошеломляющим. Ремонтники словно очнулись ото сна, шустро забегали, притащили на мост все валявшиеся вокруг доски и уложили их, не прибывая к балкам. После этого нашей машине-грузовику было милостиво разрешено переехать на другую сторону. Правда, предосторожности ради — очень медленно; а пассажиры на всякий случай слезли и пошли пешком.

Впереди нас бежал слух, что едут два американца, которые «платят деньги за пойманных животных». Поэтому на дороге нас уже ждали люди, у которых было что предложить. Правда, по ценам для Африки отнюдь не низким. Объяснялось это подорожанием мяса. Ведь этих животных можно было с тем же успехом съесть.

Возле обочины часто рядом с бананами, ананасами и пивом можно было увидеть вывешенных для продажи застреленных обезьян. Картина не из приятных.

Михаэль вдруг пожаловался на головную боль, усталость, и ему страшно захотелось пить. Но поскольку возле шоссе не так-то легко найти отфильтрованную воду, я дал ему выпить полбутылки красного вина и заодно 68 таблеток сульфонамида: у парня явно был жар. Очень неприятно, когда кто-то заболевает во время поездки на грузовике! На всякий случай я засунул его в кабину водителя. Но к вечеру ему там стало слишком душно, и он попросился на свежий воздух. Так что мы снова поменялись местами.

В восемь часов вечера, когда уже стемнело, сзади поднялся невообразимый крик. Машина рывком остановилась, и кто-то из пассажиров рванул дверцу в кабину водителя, вопя:

— *Votre fils est mordu par le grand chimpanse!* («Вашего сына укусил большой шимпанзе!»)

И в тот же момент до меня донесся крик Михаэля:

— Папа, иди скорее, Роджер уже наполовину вылез!

Я в свою очередь кричу, есть ли у него палка. Оказывается, была, но беснующийся шимпанзе успел вырвать ее у него из рук и теперь уже сам оттуда, из клетки, старался ткнуть ею в Михаэля. Однако с пустыми руками я был бессилен против обезьяны. Поэтому что есть духу кинулся бежать к бамбуковой изгороди ближайшего к нам домика деревни, через которую мы как раз проезжали; вырвав из нее несколько бамбуковых палок, я взобрался с ними в кузов машины.

Тут я увидел, что именно произошло. Роджеру удалось вырвать один железный прут клетки из паза и согнуть. Таким образом он высвободил себе место для того, чтобы целиком просунуть свою длинную руку и схватить Михаэля. Первым делом он вырвал у него из рук палку, чтобы тот не мог помешать ему расшатывать и сгибать следующие прутья клетки. Не успел мой сын оглянуться, как Роджер уже протиснул голову и плечо в образовавшееся отверстие. Михаэль в отчаянии старался запихнуть его назад голыми руками. Но это было далеко не просто и очень опасно. Во-первых, ему приходилось непрерывно наклоняться, чтобы не стукнуться о нависающие над дорогой сучья, а главное, что он при этом пришел в слишком близкий контакт с беснующейся обезьяной. Результат не замедлил сказаться: Роджер ухватил его за руку, сорвал с него полрубахи и, в довершение всего, сильно искусал всю кисть руки.

Мне некогда было заниматься Михаэлем, потому что первым делом надо было утихомирить шимпанзе. Я подскочил к

клетке и с силой ударил палкой по цепким пальцам обезьяны, которыми она как раз собиралась расшатать второй прут.

Роджер вел себя как безумный, с размаху кидался на решетку так, что вся клетка качалась, грозя вот-вот опрокинуться. Потом он молниеносным движением высунул руку и выхватил у меня бамбуковую палку. Но у меня наготове была уже вторая, и я продолжал ею лупить его по рукам. При этом мне приходилось лавировать между всеми этими ящиками и коробками, чтобы не подойти слишком близко к клетке, где шимпанзе мог до меня дотянуться.

Все пассажиры соскочили с машины и разбежались кто куда. Один лишь наш бой Джо светил мне издали большим карманным фонарем (что ему потом высоко зачтется!), Роджер же не переставал неистовствовать, вырвал у меня и вторую, и третью палку и старался ткнуть ими в меня. Но я зорко следил за тем, чтобы он не успевал ухватиться за следующий железный прут и расшатать его; как только он за это принимался, я бил его немилосердно палкой по рукам...

Может быть, это выглядит жестоко, но, если бы шимпанзе вырвался на волю, могло произойти несчастье. Ведь речь шла не о диком животном, выловленном непосредственно в лесу, — такое бы постаралось поскорее убежать от всех этих двуногих существ. Роджер же прожил большую часть своей жизни рядом с людьми и нисколько их не боялся. Страшно даже представить себе, как он изувечил бы жертву, на которую бы напал!

Вскоре у меня не осталось ни одной палки. Каким-то чудом у одного из наших попутчиков оказалась сабля. Я схватил ее и несколько раз ударил ею плашмя по судорожно работающим рукам Роджера. Поскольку воцарилась тишина, а удары явно были болезненными, Роджер стал постепенно успокаиваться и наконец забился в дальний угол своей клетки.

Теперь можно было перейти к уговорам, что я и сделал. Когда у самца шимпанзе такой приступ проходит, с ним можно вполне нормально общаться, как с вполне разумным существом. Вот и на этот раз: я окликнул его, он ответил, подошел к решетке и обиженно протянул мне свои побитые пальцы, чтобы я пожалел его. Он бы охотно дал их мне и полечить, но мне сейчас было не до того. Я поспешно выпрямлял согнутые прутья решетки, кто-то из африканцев дал мне прочную веревку, где-то я раздобыл и проволоку и принялся закреплять ими палки поперек прутьев. Вскоре решетка стала непроницаемой.

И только тогда я смог подозвать Михаэля и осмотреть его руку. Она имела страшный вид и ужасно кровоточила. Указательный и средний пальцы были разорваны до костей.

Африканцы утверждали, что здесь в деревне есть врач. Один из них даже вызвался сбегать за ним. Но напрасно: врача дома не оказалось. За местным же знахарем нужно было идти в соседнюю деревню. Но все это длилось бы слишком долго. Поэтому я решил ничего с рукой не предпринимать, а ехать поскорее в Бваке, до которого осталось всего 65 километров. Я выгреб из чемодана два носовых платка и туго перевязал ими руку сына.

Потом мы поехали дальше. Должен признаться, что вся эта история здорово вывела меня из равновесия. Пять лет тому назад меня самого покусал самец шимпанзе, причем не так уж злобно, почти играя. При этом он мне повредил какое-то сухожилие, и руку в тот же день пришлось оперировать. А потом еще дважды повторить операцию. Но средний палец так и остался на всю жизнь изуродованным: он больше не сгибается. И это еще полбеды — я был на волосок от ампутации всей руки! При этом я имел дело с хорошими хирургами, в первоклассной больнице. А вот что здесь, в джунглях Африки, будет с рукой моего сына — это еще совершенно неясно. Я считал километры...

Но такая махина, как этот грузовик, ездит по подобным плохим дорогам не больно-то быстро, так что прошло еще добрых два часа, пока мы добрались до Бваке. Мы вкатили на машине, набитой пассажирами, прямо во двор нашего друга Абрахама. Причем ночью и в кромешной тьме. Я решил заранее соскочить с машины, чтобы дать знать хозяевам о нашем приезде, но прыгнул так неудачно, что растянулся во всю длину на щебенке, расцарапав себе лицо и обе руки. Так что в дом я заявился с разбитым подбородком и поврежденным носом, притом весь в грязи.

Разумеется, после нашего ночного происшествия ни один из пассажиров не отваживался взяться за клетку с Роджером, чтобы сгрузить ее с кузова. Мне пришлось удвоить и даже утроить чаевые, пока нашлось наконец несколько храбрецов. При этом я не переставал опасаться, что при малейшей попытке Роджера заявить свой протест они попросту бросят клетку на землю, она развалится, и животное окажется на свободе. Но, к счастью, этого не произошло, и вскоре весь наш многочисленный багаж стоял посреди двора, а машина укатила.

Только теперь я мог вплотную заняться Михаэлем. Я вытащил медикаменты, опустил его руку в раствор марганцовки

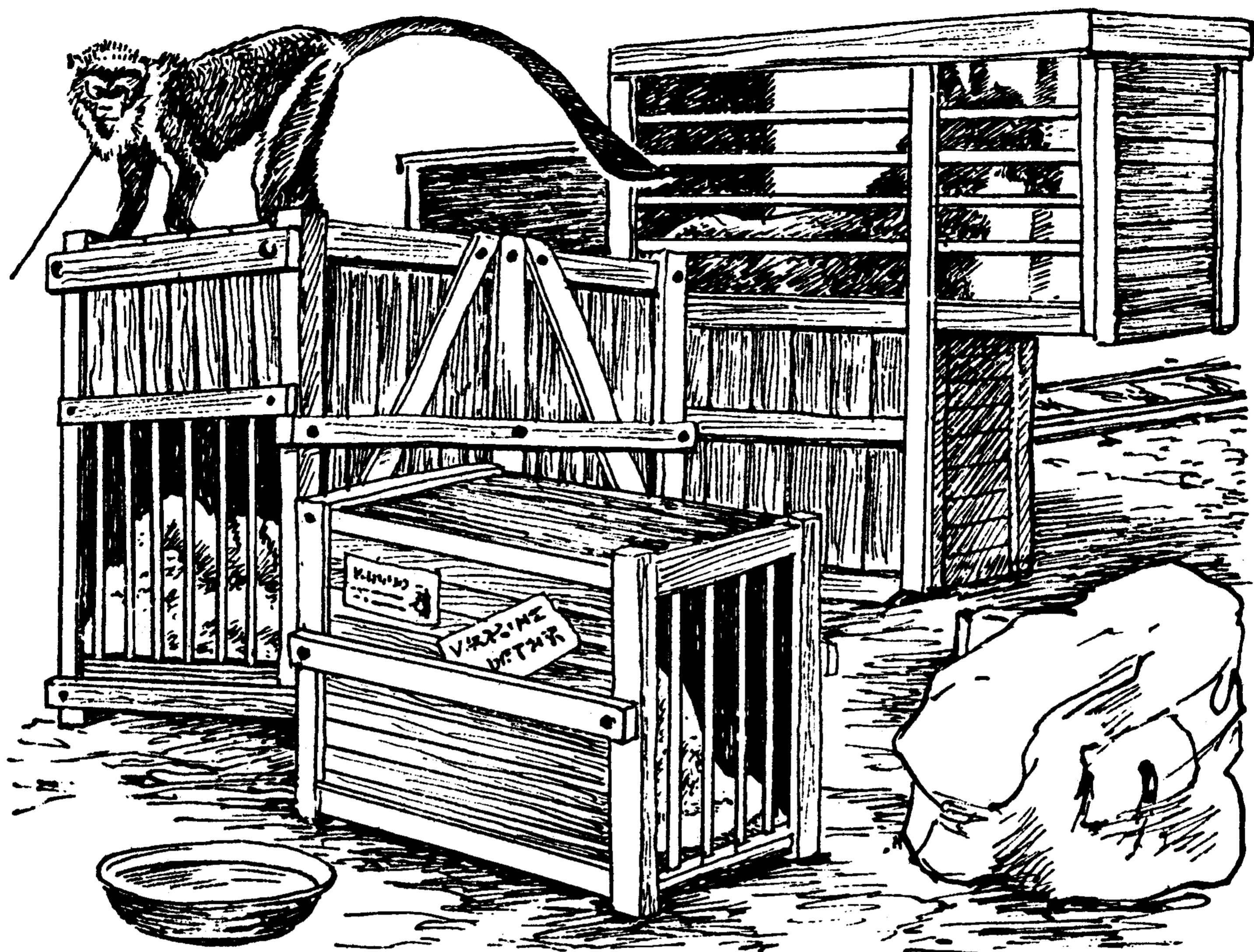
и затем внимательно обследовал ее. Пришлось вкатить ему немедленно порцию пенициллина, засыпать раны порошком сульфонида и забинтовать. А потом уж я промыл и заклеил пластырем ссадины на своем лице.

До Абрахама время от времени доходили слухи о том, где нас носит, и, по его приблизительным подсчетам, мы должны были вернуться еще две недели назад. Но вот наконец мы снова попали в цивилизованные условия. Немного передохнув, мы с Михаэлем принялись за изготовление транспортных клеток и имели удовольствие при сорокаградусной жаре распиливать тупыми ножовками толстые железные прутья на небольшие куски, а из твердой африканской древесины, в которую и гвоздя-то не вобьешь, мастерить ящики. Когда мы нечаянно оставляли клещи на солнце, а потом снова брали в руки, то, вскрикнув от нестерпимой боли, швыряли их на землю — до того они накалялись. Так что каждая доска, каждый ящик и вообще все вокруг было буквально пропитано нашим потом, несмотря на то что работали мы в одних плавках.

Вскоре Роджер принялся бушевать и по ночам. В африканском районе городка каждый вечер устраивались танцы под барабанные концерты. Ну разумеется же, Роджеру было необходимо принимать во всем этом живейшее участие. Он кричал и прыгал по своей клетке с такой силой, что она начинала разъезжать по всему двору. Через два дня появился местный полицейский, заявив, что должен пристрелить это опасное животное, которое не разрешается держать вблизи жилых домов. Соседи жалуются.

Удивительно, но то же самое я пережил когда-то раньше в Берлине! Люди повсюду одинаковы. Ничего не поделаешь — пришлось нам по очереди спать во дворе на раскладушке рядом с клеткой Роджера, чтобы составлять ему компанию и успокаивать в случае нужды.

Глава шестнадцатая ПРЕДОТЪЕЗДНЫЕ ХЛОПОТЫ

Как я уже говорил, у нас с Михаэлем заранее были взяты обратные билеты до Франкфурта. Но теперь, когда мы набрали столько живности, это дело пришлось пересмотреть. Не могли же мы тащить с собой в самолет тяжеленную клетку с Роджером и все эти ящики с другими животными. Да и оплатить провоз такого багажа было нам не по карману. А кроме того, я бы и побоялся везти это теплолюбивое зверье в апреле в самолете: ведь в Европе в это время наверняка еще достаточно прохладно, не говоря уже о багажном отделении самолета, летящего на высоте 3000 метров, где вообще жутко холодно! Есть, правда, еще одна возможность. Поставить клетки с животными в передний отсек для ручной клади, который находится между кабиной пилота и пассажирским салоном. Там значительно теплее, чем в хвостовом отсеке с его тонкой алюминиевой обшивкой. Но никакая воздушная компания не может заранее этого разрешить — такие вещи решает только пилот. И я ничуть не сомневаюсь в том, что, как только Роджер устроит свой обычный концерт, в который охотно включатся и маленькие обезьянки, любой пилот сейчас же потребует перенести ящики в хвостовое отделение.

Поэтому, я принялся подыскивать какой-нибудь подходящий морской транспорт, идущий в ФРГ. Однако меня стали уверять, что ни один пароход непосредственно до Гамбурга не идет. Но поскольку меня срочно вызывали домой, в зоопарк, и с животными должен был ехать один Михаэль, я счел слишком рискованным отправлять его с пересадкой в Марселе или Генуе. Как-никак ему было всего шестнадцать лет. Да и с его скудными познаниями французского языка ему было бы трудно уладить все формальности, связанные с пересадкой на железную дорогу вместе со всей этой компанией. Нет, так не пойдет, решил я, и направил телеграфный запрос в портовый город Абиджан. Через пару дней мне ответили, что никакого корабля до ФРГ не предвидится. Однако я по своему опыту знал, что это еще ничего не значит. Поэтому сел на узкоколейку и поехал туда сам.

Поездка в Абиджан занимает целый день, да и то только в том случае, если попадешь на экспресс, который ходит лишь раз в неделю. Оборудован этот поезд весьма удобно и комфортабельно, наподобие наших скорых поездов, только с той разницей, что тут сидишь рядом с какой-нибудь увешанной золотом женой богатого купца из племени диула, которая безо всякого стеснения кормит грудью своего ребенка. Кроме того, этот так называемый экспресс может часами пережидать встречный поезд, если тот почему-либо запаздывает.

Поезда здесь вообще не поспешают. Машинист, кочегар и проводники обычно черные, белые работают, как правило, только на станциях. Иногда случается, что в дороге кончается топливо, и тогда все пассажиры вынуждены бежать в лес, чтобы набрать дров для топки паровоза. А если у машиниста где-то по дороге, в деревне, есть какая-нибудь пассия, то может случиться, что поезд простоят там пару лишних часов (так мне, во всяком случае, рассказывали). Единственное утешение состоит в том, что имеется вагон-ресторан...

По дороге я познакомился с одним африканским коммерсантом, весьма элегантно одетым и благообразным человеком. Он рассказал мне, что экспортирует много дозволенных и недозволенных товаров из колонии Берег Слоновой Кости в Либерию. По всей видимости, предприятие было весьма доходным.

— Поначалу африканские таможенники в Либерии никак не соглашались меня пропустить в страну с моим грузовиком, нагруженным оружием, — рассказывал он, ухмыляясь. — Они не пожелали взять у меня денег, короче говоря, ничем невозможно было их соблазнить. До того они оказались неподкуп-

ными, что я просто поразился! Эти парни заявили мне, что до тех пор, пока они будут сидеть в таможне, пусть я и не мечтаю перебраться через границу. Тогда я поинтересовался, с каких до каких они сидят в таможне. Оказалось, что с семи утра и до семи вечера. Я подождал, пока они в восемь часов закончили свое дежурство, и потом без лишних хлопот переехал через границу...

Спустя некоторое время «экспортер» встал и пошел в вагон-ресторан. Тот, кто разъезжает с обезьянами по стране, а дома работает в зоопарке, всегда привлекает к себе необычайный интерес. Поэтому на освободившееся напротив меня место сразу же сел французский фермер, или, как их здесь называют, «colon», тщедушный мужчина, который тоже пустился со мной в приятную беседу. Вскоре вернулся из ресторана африканец (рослый малый атлетического сложения) и пожелал занять свое прежнее место. Однако мой визави делал вид, что не замечает его. Даже после того, как африканец вежливо показал ему свою плацкарту и попросил освободить его законное место, «colon» недовольным тоном лишь осведомился, что разве тот не видит, что теперь он здесь сидит?

Огромный африканец очень спокойно взглянул на свои часы и подчеркнуто вежливо произнес:

— Я жду еще три минуты, уважаемый месье, а потом я позволю себе пересадить вас на другое место.

Я заметил, что мой собеседник почувствовал себя явно неуютно. Он теперь бы уже охотно уступил это место, но не хотел сдаваться и уронить свое достоинство, поэтому продолжал сидеть. Мне и самому никак не хотелось участвовать в этой перепалке и к тому же еще являться невольным поводом для нее. И тут мне пришла спасительная идея: я сказал белому месье, что он, собственно говоря, сидит на моем месте, потому что мы незадолго до этого поменялись местами с африканцем. Так что если он не уступит, это буду вынужден сделать я. «Colon» тут же вскочил (не сумев даже скрыть явного чувства облегчения) и вежливо предложил мне занять его место. Таким образом мир был снова восстановлен.

Разумеется же, я нашел в Абиджане через судового маклера пароход, шедший непосредственно в Гамбург. Это было небольшое грузовое судно водоизмещением в 2000 тонн, зафрахтованное под перевозку ценных пород африканской древесины. Я немедленно сел в моторную лодку, которая вывезла меня далеко в лагуну, к тому месту, где качался на якоре пароходик «Жозеф Блот». Был весьма любезно принят капи-

таном и его помощниками, которые меня пригласили вместе отобедать в кают-компанию. За обедом мы обо всем договорились, причем их устроило даже то, что деньги за провоз моего сына вместе со всем зверьем будут уплачены только по прибытии в Гамбург, притом уже в немецких марках. Ну что ж — по рукам!

Однако до отплытия было еще далеко — судну предстояло добрать часть груза, и только затем, перед самым отплытием, разрешалось привезти клетки с животными. Я пошел осматривать места, которые будут отведены под наш груз, смерил ширину двери и, к своему ужасу, убедился, что большая клетка с Роджером сквозь нее не пролезет. Следовательно, надо было мастерить новую, более узкую клетку (представляете себе удовольствие?).

Затем я полетел назад, в Бваке с большим трудом раздобыл товарный вагон под наш «зверинец» и стал готовить его к отъезду.

Как я уже упоминал, меня ждали во Франкфурте, и Михаэлю предстояло ехать одному с животными. Мой самолет отходил за два дня до его отъезда из Бваке в Абиджан. Я же сел вечером в Абиджане (заметьте, на экваторе!) в самолет, на другое утро был уже в Париже (там как раз бастовали рабочие метрополитена, что меня несколько задержало), в тот же день вечером я уже сидел в спальном вагоне, мчавшем меня во Франкфурт, куда и прибыл на следующий день (правда, дрожа как осиновый листочек от холода!). Михаэлю же в лучшем случае удастся прибыть сюда не раньше чем через месяц; при этом ему еще предстояло нанять африканцев для погрузки всего нашего скарба в вагон да, осторожности ради, проспать в этом вагоне ночь до отхода поезда, который намечен на другое утро.

Какой-то черный полицейский проявлял повышенный интерес к нашему вагону с его необычным грузом. Михаэль страшно на него злился и наконец, не выдержав, начал ругаться по-немецки:

— Убирайся отсюда, идиот, чего тебе здесь надо?

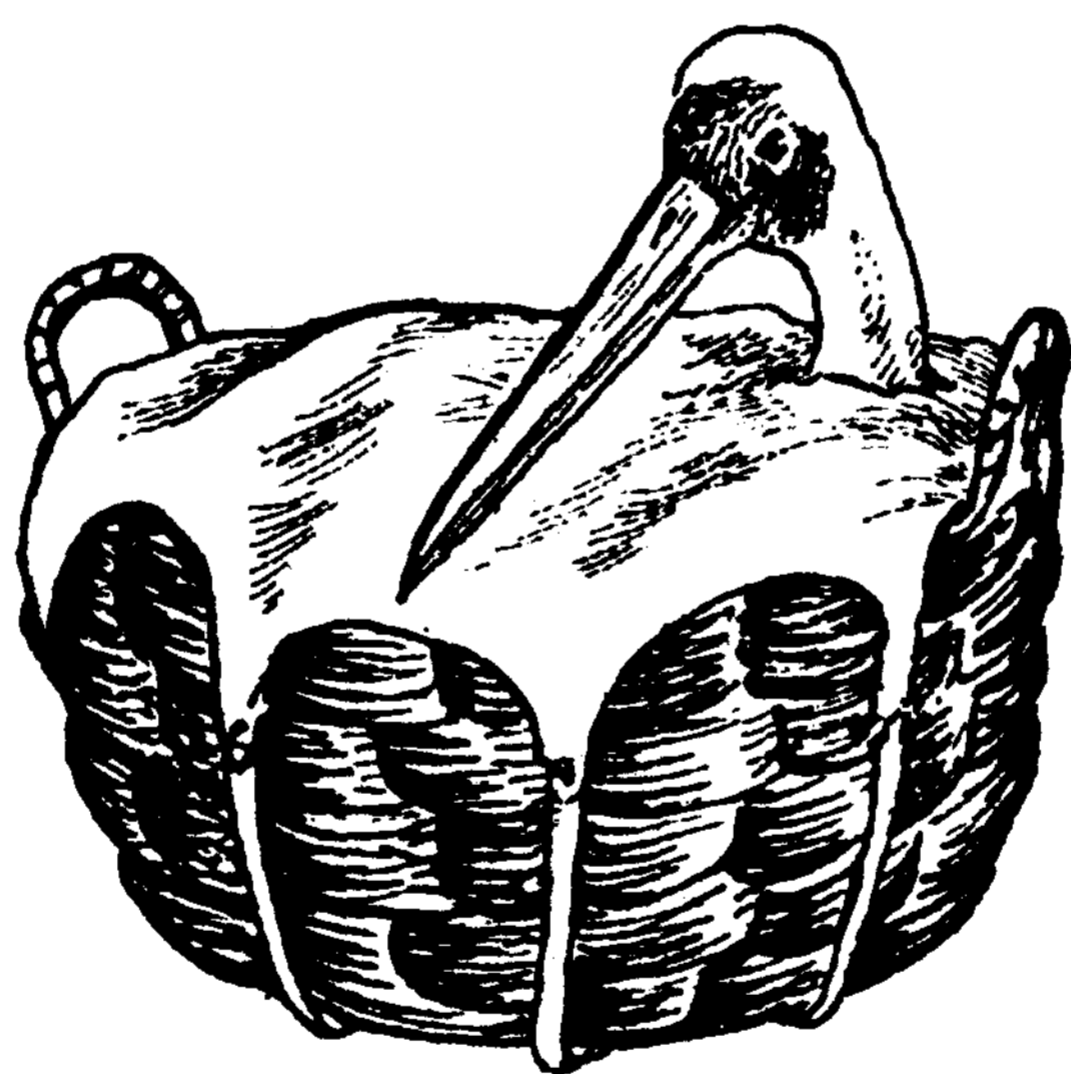
Каково же было его удивление, когда тот ему тоже по-немецки ответил, что прекрасно понимает, что ему было сказано... Оказывается, он два года провел в Майнце в составе французских оккупационных войск. К счастью, он не обиделся, а, наоборот, решил отметить наш отъезд парой бутылок пива.

До Абиджана Михаэля вызвался сопровождать двенадцатилетний маленький энтузиаст — веселый курчавый негритенок Андрэ. Он караулил животных, когда Михаэль ходил закупать для них еду; да к тому же в Абиджане еще предстояло запастись провиантом на все долгое морское путешествие,

обеспечить себе выездную визу от французских властей, уладить все дела с таможей, капитаном и судовыми маклерами. Нелегкая задача для парня, который французский изучал лишь в школе, да и то только в течение трех месяцев! Тот «африканский» французский язык, который он доучивал уже здесь, в стране, был, прямо скажем, не самый благозвучный и утонченный. К счастью, газеты в Дакаре и городах побережья нас уже неоднократно интервьюировали и затем помещали дружелюбные сообщения о нашей поездке по стране, поэтому нас многие сразу узнавали, и чиновники относились к Михаэлю приветливо и с полным пониманием.

Через шесть дней я, уже во Франкфурте, согласно договоренности, получил от пароходной компании в Абиджане телеграмму, сообщавшую, что пароход «Жозеф Блот» с грузом вышел в море. И пока суденышко не спеша пробиралось по Атлантическому океану, приближаясь к холодным берегам Европы, я считал часы...

А следующую главу я предоставил написать моему сыну Михаэлю.

Глава семнадцатая

МИХАЭЛЬ ПЛЫВЕТ С ЖИВОТНЫМИ ДОМОЙ

Эту главу мой отец заставил написать меня. А писать, сами понимаете, не так-то просто! Ведь даже школьная экскурсия, какой бы интересной она ни была, если потом тебя заставляют написать о ней сочинение, может сразу же осточертеть... Вот и сейчас, когда я должен описать, как совершенно один вез животных для зоопарка из Африки во Франкфурт, прямо не знаю, с чего и начать. Ну да ладно, попробую.

Между прочим, это я уговорил отца приобрести животных — он совершенно не собирался этого делать. Но я так долго к нему приставал, что он наконец сдался. Так что мой обратный билет на самолет пропал, а вместо него отцу пришлось подыскивать для меня подходящий рейс на пароходе. Потом он улетел, а я остался с животными в Бваке, откуда через день должен был отправиться в товарном вагоне по узкоколейке к побережью. Это было очень здорово, ей-богу, потому что теперь ведь я стал сам себе хозяином!

Поскольку я не доверял здешней железной дороге, то есть не был уверен в том, что поезд завтра утром действительно отправится точно в назначенное время, то уже накануне днем собрал целую ватагу африканцев и с их помощью подвез весь

наш багаж к вагону. Я решил заночевать прямо здесь. Мы заранее сторговались с ними за 500 франков; но на перроне они вдруг заявили, что погрузка в вагон не входила в расчет и пусть я еще доложу 50 франков. Но тут оказалось, что вагон еще не убран и в нем полно коровьего навоза. За уборку они требовали с меня еще дополнительно 200 франков. Вот черти! Я был уже в бешенстве, но тут увидел Атика, молодого арабского торговца, с которым мы здесь подружились. Он шушукался с африканцами и явно подзуживал их вытрясти меня хорошенько. Такие шуточки. Ну погоди, решил я и молча, без звука уплатил требуемую сумму. Зато вечером я на нем отыгрался! Он предложил мне напоследок сходить с ним в ресторан, и я принял приглашение. Тут я, заказав самые дорогие яства и питье, «выставил» его так, что это встало ему дороже всей моей погрузки! Вдобавок я вынудил его подарить мне «на память» маленькую обезьянку, которую продавал какой-то африканец... Так что мы были квиты.

А вообще-то Атик — чудесный малый. Волосы у него вьются крупными кольцами, а лицо приятного оливкового оттенка. Он влюблен в свою родину, Ливан, и мечтает в скором времени туда поехать поискать себе невесту. Ни о какой другой жене, кроме ливанской, для него и речи быть не может, так он, во всяком случае, меня уверял.

Когда все наши звери и шмотки были погружены в вагон, я посадил туда маленького Андрэ, чтобы он их караулил, а сам решил сходить напоследок в кино. Потому что неизвестно ведь, когда мне теперь представится такая возможность. Но если бы я знал, чем это все кончится, то ни за что бы, конечно, не пошел!

Когда я возвращался из кино, то обнаружил, что потерял свой бумажник. Я жутко перепугался — прямо мурашки побежали по спине: ничего себе положеньице — один в Африке, и без денег! Разумеется, арабы одолжили бы мне наверняка, но все равно это было бы страшно неудобно. Так что я со всех ног припустился назад. Уже темнело. В кино я застал черного уборщика, который ходил меж рядами, подсвечивая карманным фонариком. Я обратился к нему по-французски, и он действительно вытащил из кармана мой бумажник — «да, он здесь валялся, месье, под сиденьем». Но когда я открыл его, в нем оказалось всего 500 франков. Я же точно знал, что там было не меньше 40 тысяч франков! Когда я ему это растолковал, парень стал выворачивать все свои карманы и кля-

статься, что больше у него ничего нет, призывая в свидетели святую деву Марию и Иисуса Христа.

Поскольку я знал, что владелец кинотеатра, здоровенный француз, спит обычно в каморке, позади кассы, то потащил этого нечестивца к нему и стал стучать в дверь к «патрону», пока тот не вышел. Спросонья он никак не мог понять, в чем дело. Но потом упер руки в боки и заорал громopodobным голосом на своего подчиненного. И, смотрите-ка, деньги сразу же появились! Мне здорово повезло, что «патрон» спал именно там, а не дома и что он оказался таким порядочным человеком, а то я влип бы в веселенькую историю!

Когда я подходил к вокзалу, то уже издали услышал громкие всхлипывания. Оказалось, что это ревет маленький славный Андрэ. Он не смог открыть изнутри тяжелую задвижную дверь вагона, и, когда стемнело, на него напал жуткий страх. Шутка ли сказать: один на один с огромным шимпанзе Роджером и злыми духами, которые наверняка обитают в таком темном вагоне! Мне стало ужасно жаль беднягу, и я еле сумел утешить его.

А на следующее утро мы с опозданием всего на четыре часа (!) выехали наконец из Бваке. По дороге «экспресс» повсюду простаивал часами, но, когда я пытался послать Андрэ за чем-нибудь, он каждый раз боязливо отказывался: мальчишка страшно боялся, что поезд в это время тронется и он останется один среди чужих людей, говорящих на непонятных языках, которые, чего доброго, еще съедят его...

Разумеется, повсюду, где мы останавливались, сбегались местные жители поглазеть на наших животных. Они хохотали, размахивали руками и визжали от восторга, отчего Роджер каждый раз приходил в неистовство. Во время одного такого приступа он опять поймал меня за руку (на этот раз за другую) и укусил за щеку. Ранки были незначительные, но я боялся, как бы не занести в них какую-нибудь инфекцию, потому что заболеть во время такой поездки никак не входило в мои планы.

В портовом городе Абиджане я оставил Андрэ на вокзале караулить животных, а сам отправился в пароходную компанию, с которой отец заключил договор на погрузку. Они действительно вскорости пригнали грузовик и все погрузили. Когда мы подъезжали к понтонному мосту, откуда ни возьмись выехал роскошный лимузин «бьюик» с пассажирами-африканцами и создал аварийную ситуацию, поехав против всяких правил. Француз, сидящий за рулем нашего грузовика, страшно вспылал и начал ругаться с черным шофером лимузина.

Но поскольку тот не желал уступать дорогу, француз внезапно тронулся с места и просто-напросто отодвинул своим грузовиком лимузин в сторону, помяв и покорежив ему кузов. А сам как ни в чем не бывало поехал дальше.

Когда мы уже въехали во двор пароходной компании, нас нагнал черный шофер лимузина вместе с полицейским. Он прямо кипел от негодования. Началась ужасающая перепалка. Чуть только дело не дошло до драки, но шофер лимузина не очень-то решался полезть к нашему, потому что вокруг стояли мускулистые грузчики-африканцы из пароходной компании. Я на всякий случай стушевался, потому что мне только не хватало еще, чтобы полицейский записал меня в качестве свидетеля, после чего я был бы обязан явиться на судебное разбирательство в Абиджан...

Поскольку пароход отходил только через два-три дня, клетки и ящики с животными, а также мою раскладушку поставили на это время в гараж. Конечно же, опять со всей округи сбежались зеваки. А Роджер уже совершенно не мог видеть черные лица, и, как только они возникали перед ним, он начинал буйствовать. Я боялся, как бы и здесь жители соседних домов не пожаловались в полицию из-за постоянного крика и шума, и поэтому старался держать дверь закрытой. Но в гараже было два окна, в которых то и дело появлялись головы зевак. Когда я прилег отдохнуть на раскладушку, они совершенно не давали мне задремать. Тогда я, потеряв всякое терпение, запустил ботинком в штангу над окном, придерживающую железные жалюзи. И, как ни странно, попал с первой попытки! Жалюзи с грохотом опустились на курчавые головы непрошенных гостей; поднялся невообразимый крик, после которого полдня меня уже никто не беспокоил.

В таможене дело прошло совершенно гладко. Таможенник знал моего отца, а кроме того, и сам побывал в Германии в качестве солдата, так что был очень любезен и без проволочек намалевал мелом на всех моих ящиках свои вензеля. Потом я еще пошел закупать бананы, рис и прочий провиант на дорогу, а уж после этого отправился на поиски противостолбнячной сыворотки для инъекции. Это из-за укуса Роджера. Я слышал неоднократно от отца, что в лошадином и коровьем навозе часто встречаются бактерии столбняка. На судне же не было врача, и если там со мной что-нибудь приключится, то я пропал. Поэтому я решил действовать по принципу «береженого бог бережет».

Найдя французскую больницу, я зашел и попытался разыскать в ней врача, но тщетно. По коридорам сновали ка-

кие-то санитары, но те были слишком важные, чтобы отвечать на досужие вопросы посетителей. Воображали они о себе так много из-за белых халатов, которые были на них надеты. А мне-то было наплевать на их халаты, я искал врача. Наконец я обнаружил табличку на дверях, из которой понял, что здесь должен сидеть главврач. Я вошел, но разговор у нас как-то не клеился, потому что я неважно говорю по-французски. Однако я захватил с собой медицинский справочник своего отца и просто прочел название того, что мне нужно по-латыни. Это он понял, а к тому же оказалось, что врач немного знает английский, так что мы отлично столковались: я получил шприц и сыворотку, а он — деньги.

После того как суденышко «Жозеф Блот» доверху было загружено огромными бревнами, так что от него мало что осталось видно, мне было разрешено погрузить свой зверинец на борт. Баркас вывез нас в лагуну, где стоял на якоре наш корабль. Африканцы подняли багаж краном на палубу, и я поначалу поставил его из-за жары впереди на носу, затянувши сверху тентом от солнца.

Потом «Жозеф Блот» снялся с якоря и потихоньку «почапал» вдоль побережья в Табу, где еще раз причалил, чтобы спустить на берег африканских грузчиков. Меня предупредили, чтобы я все запирал, пока они не слезли. И хотя при выходе их и обыскивали тщательнейшим образом, тем не менее половина моих бананов, заготовленных для животных, бесследно исчезла. Пришлось мне в Дакаре покупать новые.

Столовался я вместе с капитаном и главным механиком, которого здесь называли «chef mécanicien», в маленькой кают-компании, расположенной перед капитанским мостиком. На обед подавали ужасно жесткое мясо, которое я никак не мог разжевать; поэтому я старался выбрасывать его по кусочкам через иллюминатор в море, когда они не смотрели в мою сторону. Запивали обед красным вином, отчего я все время ходил навеселе, потому что вообще-то не употребляю никаких алкогольных напитков; но тут ничего другого нельзя было достать, а пить хотелось.

Во время первой же нашей совместной трапезы в окно с палубы влезла маленькая шимпанзе Лулу. Как выяснилось, судовой кок, вообще-то отличный малый, не мог отказать себе в удовольствии выпустить ее из ящика, в котором она сидела и хныкала от скуки. От волнения она, разумеется, наделала на белую скатерть, испачкала капитану рубашку и вообще повсюду оставила свои следы, так что в кают-компании за-

воняло по-страшному! Мне было ужасно неловко, я схватил Лулу и снес ее поскорее назад, хотя капитан и продолжал любезно улыбаться и сказал, что ничего в этом нет особенного. Однако главный механик рассказал мне потом, по секрету, что старик жутко ругался, когда я ушел. А кок вообще был мастер на разные проделки.

Когда после Дакара, где мы в последний раз пристали, постепенно стало холодать, я перетащил весь свой зверинец в закрытое помещение, отведенное для этой цели на носу корабля. Самому же мне дали каюту на корме, что для меня было связано с целым рядом неудобств, но об этом позже. А пока что, несмотря на ясную погоду, океан начал штормить, волны то и дело перехлестывали через борт и заливали нагроможденные на палубу бревна. Перед тем как открыть железную дверь, ведущую в помещение к животным, мне каждый раз приходилось выжидать момент, когда схлынет вода, и быстренько проскакивать внутрь так, чтобы не залилось за порог. Иначе подмокли бы все клетки.

Чтобы обезопасить себя от возможности побега кого-нибудь из моих подопечных, я на всякий случай закрывал дверь снаружи на длинную железную палку вместо засова. Когда я однажды вечером, после того как покормил обезьян, захотел выйти, дверь оказалась снаружи запертой. Это сделал кок, который не знал, что я еще внутри.

Что делать? Я был совершенно один на носу корабля, потому что вахтенные стоят далеко отсюда, примерно где-то посредине судна на мостике, а все остальные спят тоже ближе к середине. Так что кричать бесполезно: за шумом волн все равно никто не услышит. А сидеть здесь до утра мне как-то не улыбалось — не больно-то тут было уютно! Так что мне пришлось до тех пор «играть в бодучего барана» и кидаться всей своей тяжестью на дверь, пока железная палка не прогнулась и не выпала из скоб. Однако потратил я на эту операцию чуть не два часа и под конец был уже в полном отчаянии.

Как я уже говорил, моя каюта находилась сзади, на корме, и мне ужасно не нравилось, что все матросы без спроса туда заходят и разглядывают нашу аппаратуру и прочие вещи. Наконец мне пришла блестящая идея. Я взял к себе большого питона и пустил его свободно ползать по каюте. Теперь он ползал там и днем и ночью. Весть эта разнеслась по кораблю с необыкновенной быстротой, и с тех пор уже никто не решался заходить ко мне. Даже щелочку приоткрыть боялись!

Правда, однажды питону удалось обнаружить отверстие в железной переборке каюты и уползти в соседнее помещение, где спали матросы. Это вызвало ужасный переполох. Все одновременно кинулись к двери и застряли в ней; двое матросов боялись сдвинуться с места, дрожа как в лихорадке. Мне пришлось, в виде штрафа, поставить им бутылку водки, но зато я был отомщен, а то они вечно дразнили меня и потешались надо мной, когда меня одолевала морская болезнь.

Правда, первой заболела морской болезнью Лулу, маленькая шимпанзе. Когда началась качка, она просто перестала принимать пищу. У меня осталось еще шесть таблеток вазано, купленных нами для воздушного перелета. Что делать, пришлось мне скрепя сердце поделиться с Лулу. Я растолок три таблетки и засунул порошок обезьяне в рот. Она послушно проглотила его, и ей стало заметно лучше (чего не скажешь обо мне!). Уже на следующее утро к ней вернулся прежний аппетит, и она принялась уплетать все подряд с неутомимостью хорошей молотилки...

Суденышко наше раскачивало по-страшному. Когда я сидел за обедом, то боялся даже взглянуть на стоящий передо мной стакан с вином: оно все время перекашивалось из стороны в сторону. А когда я смотрел в окно, то море вздымалось к небу или небо исчезало в море, а желудок мой подъезжал к горлу... Я старался смотреть только в тарелку. Но все равно по три-четыре раза в день меня прямо-таки выворачивало наизнанку, и чувствовал я себя чертовски скверно. А кок и капитан вдобавок еще подтрунивали надо мной, что меня особенно бесило, потому что сами-то они расположились в середине корабля, где качка почти не ощущалась, и не удивительно, что их там не тошнило. Меня же запихали в каюту на самой корме, где раскачивало, как на качелях, то вверх, то вниз. Вот когда я сидел в кают-компании, то и со мной ничего не происходило!

Потом заболел Роджер. Он начал покашливать и наотрез отказался от еды. Я вывинтил все лампочки отовсюду, где только, по моему мнению, без них можно было обойтись, смонтировал нечто похожее на прожекторы, которые применяются при погрузке, подключил его к сети и стал обогревать им клетку. В ней действительно от такого обогрева становилось немного теплее. А то в этой чертовой посудине, состоящей из одних только железных стен и переборок, был промозглый холод. Ведь «Жозеф Блот» был корабль, рассчитанный исключительно на курсирование в тропиках.

Надо сказать, что и в нетопленных каютах становилось чертовски холодно и неудобно. Когда я монтировал свой «рефлектор», то дважды устроил короткое замыкание, так что весь корабль погружался в темноту, но, к счастью, никто не заметил, что это из-за меня.

Роджер был, честное слово, замечательный малый, очень разумный и сговорчивый. То, что он меня дважды укусил во время своих «припадков», я ему охотно простил, потому что не считал его виноватым. Когда я приготовил шприц с пенициллином, он совершенно добровольно протянул мне руку через решетку и спокойно дал сделать себе укол. Шприц этот, которым я запасся еще в абиджанской аптеке, оказался не вполне исправным: если нажать посильнее, то жидкость выбрызгивает назад прямо в лицо. Роджер вел себя настолько прилично, что не помешал мне довести инъекцию до конца. Он с интересом наблюдал за всей процедурой и под конец захотел получить этот шприц, чтобы проделать все это самому: сделать укол себе или, еще лучше, мне. Каждый раз, когда я вспоминаю теперь об этом славном малом, мне прямо реветь охота! Поскольку он отказывался принимать таблетки сульфонамида, я растолок их в бумажке и засыпал ему в горло. Ему это явно не нравилось: ведь порошок отвратительно горький, однако он не стал плевать и послушно все проглотил. Покашливание у него прекратилось, и вскоре ему стало заметно лучше.

А я считал дни и ужасно хотел бы быть уже в Гамбурге, а потом в зоопарке. Потому что мне надо было во что бы то ни стало довести все в целостности и сохранности. Для меня это помимо всего было делом чести: как-никак я впервые в жизни совершал такое долгое самостоятельное путешествие!

Уход за животными занимал почти все мое время. Даже ночью они требовали внимания. Для этого мне каждый раз приходилось в темноте с кормы, балансируя по мокрым и скользким бревнам, добираться сначала до капитанского мостика, посередине корабля, а оттуда, уже по нагроможденным на носовой части штабелям ценной африканской древесины, до помещения с животными, на самом носу. Волны вздымались со страшной силой и то и дело перехлестывали через борт, заливая бревна. Но сколько я ни просил штурмана вбить в них пару скоб и протянуть сквозь них канат, за который я мог бы держаться в темноте, он не счел нужным это сделать. Так что мне зачастую приходилось ползти на четвереньках, и промокал я обычно до нитки. Если бы меня при этом смыло за борт, ни один человек не хватился бы меня до самого утра.

Как-то во время одного такого ночного «рейса» я свалился в щель между бревнами и вывихнул себе ногу.

Примерно возле Азорских островов машина заглохла, и пароход остановился. Пока там что-то чинили, всем желающим было разрешено искупаться. Волнение моря было несильным, но кругом шныряли акулы. Каждого купающегося привязывали за веревку, а капитан в это время с борта стрелял по акулам, так что они вынуждены были держать дистанцию. Все-таки я не думаю, чтобы они решились напасть на человека, но полной уверенности у меня, конечно, не было, и поэтому во время купания мне было как-то не по себе. И черт меня дернул написать из Дакара письмо моим родителям с описанием этого купания! Оказывается, моя мать жутко испугалась и стала упрекать отца в легкомыслии: как он мог меня отправить одного. Я не думал, что она окажется такой трусихой!

Во время той стоянки мы наловили на приманку каких-то здоровенных рыбин размером в человеческий рост, и на обед была вкусная жареная рыба. Но вообще-то с едой становилось все хуже. Мясо они, оказывается, заложили в рефрижератор еще за два рейса до этого: его просто невозможно было разжевать. Овощи же у них кончились, и в качестве гарнира подавали только лапшу, гороховое пюре и все такое прочее, от чего еще пуще хотелось блевать... Вся команда громко возмущалась по поводу плохого питания; но мне-то приходилось молчать в тряпочку.

Потом вдруг заболел и я. У меня повысилась температура и появились боли под ложечкой. Я совсем пал духом, потому что против болезни всегда чувствуешь себя таким беспомощным. На борту не было не то что врача, даже санитаря. Все это время мне, наоборот, приходилось разыгрывать «лекаря», и поскольку у меня был солидный арсенал разных лекарств, которые мы всегда возим с собой, то я, как мог, врачевал различные болячки у членов команды.

Поначалу я решил, что это малярия. Но ведь во время всего нашего пребывания в Африке мы регулярно принимали атебрин, отчего были уже желтые, как померанцы. Кроме того, в любом французском доме, в который вас пригласят обедать, рядом с прибором непременно будет лежать таблетка хинина. Так что вроде бы от малярии мы себя обезопасили. Правда, с тех пор как я сел на пароход, я перестал принимать атебрин, потому что это дикая мерзость! Если, проглотив ее, тотчас же не сполоснуть горло огромной порцией воды, горький привкус еще час будет чувствоваться во рту и отравлять существование.

Вполне возможно, что в самые последние дни моего пребывания в Абиджане меня укусил комар, а болезнь разразилась только сейчас, на корабле. Решил впрыснуть себе пенициллин, однако температура все продолжала повышаться. С трудом я карабкался по бревнам с кормы на нос ухаживать за животными. Охотнее всего я остался бы лежать в каюте, но это ведь было невозможно. Тогда я вооружился врачебным справочником, который вытащил из чемодана отца, и принялся его изучать. Я прочел в нем массу самых дурацких советов и пришел наконец к выводу, что мне будет очень полезно проглотить большую дозу атебрина. И проглотил ее. Как впоследствии выяснилось, порция оказалась чересчур большой.

Когда мы были на широте Лиссабона, я решил послать весточку своим родным, подать какой-то признак жизни. Я ведь знал своих родителей и мог себе представить, как отец, а в особенности мать рисуют себе страшные картины, что меня уже сожрали акулы или что я умер от аппендицита, и меня, завернутого в простыню, опустили на дно океана...

На борту имелось две рации, из которых одна была сломана, а именно более мощная. Если бы она работала, по ней можно было бы передать текст радиogramмы непосредственно в Норддейх, где находится немецкая трансатлантическая радиостанция. Все дело обошлось бы в какие-нибудь шесть марок. А так нам пришлось радировать этим маломощным аппаратом на другой корабль, тот передал текст следующему, а следующий еще следующему, и уже только тот — на французскую береговую радиостанцию, а уж та — в Норддейх. Все расходы по этому делу были с точностью до пфеннига подсчитаны, и счет за эту телеграмму пришел на 25 марок! Я ничего не придумал другого и поэтому телеграфировал: «38 широту перевалили, все здоровы, Михаэль». Мои родители наверняка очень обрадовались.

Тем временем становилось все прохладнее, потому что мы продвигались все дальше на север. Посудину нашу отчаянно швыряло из стороны в сторону, а у меня не на шутку разболелся живот, и пожелтел я, словно бы на меня напала желтуха. Наконец-то мы вошли в устье Эльбы, но прошла еще целая вечность, пока мы добрались от Куксхафена до Гамбурга. Корабль в гавань не вошел, а причалил, не доезжая порта, возле громадной лесопилки, где меня, несмотря на предрассветный час, уже встречал отец и газетные репортеры. Газетчики охотнее всего распаковали бы весь наш багаж, выпустили бы обезьян из клеток, чтобы под открытым небом сделать хорошие

снимки. Но об этом не могло быть и речи: дул сильный ветер и было чертовски холодно.

Чтобы дать им возможность хоть что-то поснимать, мы вытащили гигантского питона, который тут же постарался скрыться в ближайшем убежище, которым оказался мой полуоткрытый чемодан. В газетах было потом написано, что это я его так надрессировал, что он добровольно соглашается «идти на место». Кроме того, там утверждалось, что именно этот питон и был той «ядовитой» змеей, которая укусила меня в Африке (в то время как всем известно, что питон, как, впрочем, и все гигантские змеи, неядовит!), но что я тут же «проглотил» антизмеиную сыворотку (которую всегда вводят только путем инъекции). В общем — смех да и только!

Роджер, уже смертельно больной, так обрадовался встрече с моим отцом, что прямо просиял от счастья! Радостно он протянул ему обе руки сквозь прутья клетки. Хороший, добрый малый!

Мы сразу же перенесли животных в отапливаемое помещение и ночью того же дня уехали скорым поездом во Франкфурт.

Меня всего трясло от холода, потому что я был одет все в ту же «тропическую одежду» и с собой у меня не было никакого пальто. Так что пришлось обрядиться в кальсоны и брюки папиного знакомого, Фокельмана, директора зоомагазина, который весит, кстати, заметно больше центнера. Можете себе представить, как я выглядел в его одежках! Я мог бы дважды обернуть их вокруг себя, потому что я ведь довольно-таки худой! Правда, отец тут же отдал мне свое пальто, но вид у меня все равно оставался такой, словно я побираюсь на паперти...

Ночь эту я проспал в спальном вагоне, впервые за долгое время на приличной постели. На другое же утро они потащили меня в больницу, потому что врачи — ужасные перестраховщики, и когда кто-нибудь возвращается больным из тропиков, то самые пустяковые вещи принимают за черт знает какие ужасные болезни! Из-за этого мне пришлось проторчать целых три недели в университетской клинике, несмотря на то что вскоре я уже чувствовал себя совершенно нормально.

А вот Роджер — тот через день после нашего прибытия во Франкфурт умер.

Это был самый красивый шимпанзе, которого мне когда-либо приходилось видеть, с его серебристо-серой сединой на плечах, мужественный и смелый зверь, хотя и вспыльчивый, но все равно высокопорядочный и добрый. С ним прекрасно можно было ладить.

Во Франкфурте его еще пробовали лечить: делали ему уколы и мучили разного рода снадобьями. Ветеринара он невзлюбил и видеть его не желал. Как только тот подходил к нему, он пытался его прогнать, хотя был уже совсем без сил и едва мог подняться. Но когда он видел моего отца, то из последних сил полз к нему навстречу, поднимался во весь рост и обнимал руками за шею. Он полюбил нас на всю свою недолгую обезьянью жизнь.

Какая все-таки несправедливость! Мы столько с ним мучились, чтобы довести из глубин Африки в Европу; спасли его от бывшего хозяина, который уже собирался его пристрелить, и вот... он умер. Под самый конец, когда все уже было позади! Попади он четыремя-пятью днями раньше в необходимые условия с правильным лечением, он бы наверняка еще сумел выкарабкаться. Мы бы сделали для этого все возможное!

В университетской клинике при вскрытии у него обнаружили в легких каких-то паразитов. Там, дома, в Африке, это ему вряд ли могло повредить, а вот простуда во время перевозки на корабле спровоцировала бурное развитие заболевания.

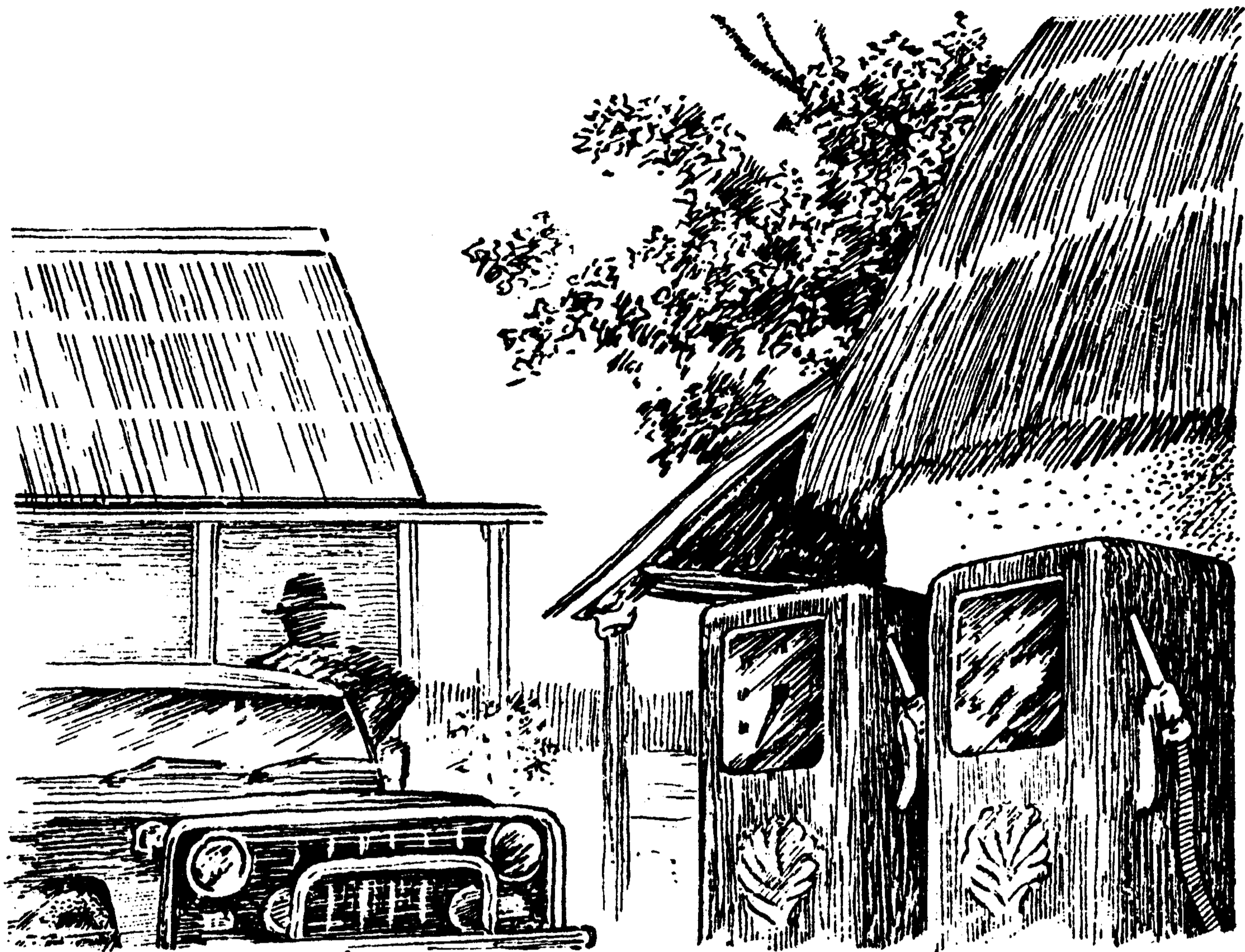
Этот прекрасный экземпляр шимпанзе даже сейчас, после своей смерти, продолжает служить науке: он является гордостью экспозиции зоологического музея во Фрейбурге.

Что касается всех других животных, то они доехали целыми и невредимыми. Особенно хорошо чувствовали себя шимпанзята Ака и Лулу, которых наша Катрин, живущая у нас дома уже пару лет, встретила радостными возгласами «ух, ух!». Сначала они немножко дрались, но потом так сдружились, что водой не разольешь, и сегодня уже неясно, кто, собственно, дети в этом доме — мы с братом или эти маленькие черные дьяволята...

Мне было даже как-то смешно после всего этого (я имею в виду нашу пятимесячную эпопею в Африке и в особенности мое самостоятельное морское путешествие) сесть снова за парту в школе имени Гельмгольца, в которой я учусь...

Глава восемнадцатая
КОГДА Я СНОВА ВЕРНУЛСЯ

Когда очень близкого и дорогого человека не можешь больше ни увидеть и ни услышать, то непременно возникает желание побывать в тех местах, где когда-то бывал вместе с ним и проводил веселые и счастливые дни.

Так и со мной. Теперь, когда я потерял своего сына Михаэля, меня все время тянет на те места, где мы работали с ним вместе. А работали мы в самых разных частях Африки: и в Конго, и в Уганде, в Руанде, Танзании, Кении. И все эти долгие годы мы заботились только об одном, искали только одно: животных. Теперь, когда мне приходится делать это одному, я особенно остро ощущаю это желание — побывать там, где мы бывали с ним. Поэтому я и решил непременно поехать снова на Берег Слоновой Кости.

Я уже неоднократно получал приглашение туда приехать. Правда, там уже не было моего старого друга Абрахама. Сызнова разбогатев в Африке, он тем не менее никак не мог примириться с жизнью на чужбине, его все время тянуло домой, на свою немецкую родину. Да и климат африканский оказался для него губительным (однажды он чуть не умер у меня на руках от инфаркта). Но вернувшись, он вскоре снова

разорился, и несколько лет тому назад мы его схоронили во Франкфурте, по еврейскому обычаю, в простом гробу из неструганных досок, скрепленных с обоих концов полосками жести... Но жив ведь еще наш добрый знакомый Жан де Куадью, и приятель Михаэля, ливанец Атик, и многие другие люди, с которыми мы подружились тогда еще, в нашу первую поездку.

Но на этот раз я летел уже не «на перекладных» с пересадками, а на мощном реактивном самолете новой авиалинии «УАТ» прямо до Абиджана, столицы Берега Слоновой Кости. Город этот по-прежнему остается самым красивым из всех африканских городов; весь в пальмах, он просторно расположился на лесистых холмах, опоясывающих прозрачные, синие прибрежные лагуны... Но я не узнаю его: повсюду небоскребы, роскошные отели, бульвары, элегантные магазины, широкие, сверкающие витринами улицы, лихие изгибы гигантских мостов, непрерывный поток машин по шоссе, ведущему вдоль берега. Удивительнее же всего, что после трехлетней независимости страны здесь стало еще больше французов и вообще европейцев, чем прежде... Что же касается здания аэропорта, то оно вполне могло бы украсить собой и Бордо и Гамбург.

Подавленный всем этим великолепием, я скорее пересаживаюсь в другой, менее мощный самолет, который должен перебросить меня во внутренние районы страны, а именно в Бваке, нашу прежнюю штаб-квартиру, туда, где кончается влажный и удушливый тропический пояс побережья и начинается здоровая сухая саванная степь.

Самолет хоть и менее мощный, но все же четырехмоторный, а не с двумя пропеллерами, как это было тогда. Вместо деревянного сарая и забора из колючей проволоки в Бваке теперь выстроено настоящее здание аэропорта, по всем правилам искусства, с таможней, красивым баром, рекламными витринами и тенистой, заасфальтированной стоянкой для машин.

На возвышенности близ самой дороги, ведущей от аэродрома в город, красуется огромная, только что отстроенная, современная, многоэтажная больница.

— Уж несколько месяцев, как она закончена, — поясняют мне, — но не функционирует из-за отсутствия предусмотренных сметой средств.

Бваке стал сейчас резиденцией епископа, и я застал момент окончания строительства великолепного кафедрального собора. Несколько плотников как раз навешивали в нем двери. Я так засмотрелся на их работу, что чуть было не проглядел маленькую старую миссионерскую церквушку, своего рода са-

райчик, сложенный из кирпичей, обмазанных глиной, с шаткими скамейками внутри...

Во время той нашей первой поездки в эту страну мы провели в гостиницах не больше двух ночей, потому что все остальное время жили либо дома у нашего друга Абрахама, либо принимали приглашения его гостеприимных друзей-французов или африканцев. Вот и здесь, в Бваке, мы в гостинице разве что выпили по одному аперитиву. Теперь же я должен буду в ней поселиться. Хозяин ее — поляк. Во время последней войны он вовремя уехал сюда от нас, немцев. Номера теперь снабжены кондиционерами. Я каждый раз дрожу от холода, когда вхожу в такое помещение в своей «тропической одежде»: шортах и куцей рубашке с короткими рукавами. Но спится так, конечно, лучше, чем в духоте. Электрический свет теперь не гаснет в половине одиннадцатого, как раньше (потому что сосед, к движку которого прикреплена и ваша проводка, в это время ложится спать), а горит всю ночь напролет. Ток теперь государственный, и лампочки светят не тускло и мигая, а ярко и ровно. Так что я даже могу подключить к сети аккумуляторы своего киноаппарата и зарядить их.

На другое утро я начинаю расспрашивать местных жителей, не помнят ли они некоего господина Абрахама, который здесь жил тогда-то и тогда-то. Нет, не помнят. Но как же так? Ведь должны же здесь еще жить люди, которые его знали, виделись, разговаривали с ним. Нет, каждый пожимает плечами. Даже дома его я не в состоянии отыскать! Его красивого, тогда еще только построенного дома, в котором мы жили неделями. Я бегал, бегал и окончательно заблудился среди этих незнакомых мне улиц: все теперь здесь было ново и вполне современно. Но тот вон колодец, вернее, маленький бассейн посреди рыночной площади показался мне знакомым. Когда-то он был гордостью рынка, новенький, только что зацементированный. Теперь вода в нем иссякла, он захирел, зарос травой и бурьяном. Каким-то жалким и смешным он выглядит среди окружающего его современного городского пейзажа.

Но на следующий день я в одном из здешних такси, которых достаточно только поманить пальцем, чтобы они моментально подкатили, случайно проехал мимо бывшего дома Абрахама, того самого дома, принадлежавшего некогда ему. Вот же он стоит — розовато-красный, с белыми прожилками меж неровных, неотесанных камней, из которых сложен. Он почему-то меньше и не так красив, каким я его запомнил. Палисадник,

когда-то ухоженный (гордость его хозяина!), теперь совсем зарос и запущен. В нем расквартированы два основательно разбитых автомобиля. Я стучу в заднюю дверь, выходящую на двор. Семья автомеханика, проживающая сейчас в этом доме, и понятия не имеет ни о каком господине Абрахаме. Нет, они не знали такого. Даже никогда не слышали. Квартирную плату они переводят теперешнему владельцу дома в Париж.

И не удивительно. Ведь здесь живет теперь масса европейцев, их четыре, а то и целых пять тысяч; Бваке за это время превратился в город средней величины. Кто в таком городе еще знает друг друга? Как ужасно, что следы человеческой жизни так быстро и так бесследно исчезают!

На следующий день я останавливаю двух стариков, медленно бредущих вдоль этой улицы. Один — в шлепанцах, согнутый крючком, другой опирается на палку. Я заговариваю с ними. Да, они тоже беженцы последней войны, но они так и застряли здесь, не вернулись на родину.

— Абрахам? Абрахам? Ну конечно же, мы его знали! Он умер в Европе, а дочь его вышла замуж.

Потом что-то, видимо, всплывает в их памяти, какое-то просветление на минуту озаряет улыбкой старые, изможденные, плохо выбритые лица:

— Так вы случайно не тот самый доктор, который тогда гостил у него вместе со своим сыном и привез с собой такую уйму разного зверья? Ах, это вы и есть? Ах, вот как? Ваш сын тоже умер за это время? Примите наши соболезнования.

И двинулись дальше, медленной и усталой походкой. На того, кто сам стоит на краю могилы, смерть другого человека не производит уже никакого впечатления.

А наш старый кинотеатр еще на месте. Правда, появилось два новых, огромных, как все новые здания, с колоннами, эмпорами и вторым ярусом, но, как водится, без крыши. Крутят цветной фильм «Собака Баскервилей» и еще два каких-то. Перед последним я засыпаю. Потом иду домой. Один. Асфальтированные улицы залиты светом неоновых фонарей. Меня останавливает один, а следом за ним другой молодой африканец — нет ли у меня какой-либо работы для них? А если нет, то не могу ли я хотя бы взять с собой в Европу одного или двух из их детишек? Им нечем кормить их. Я поинтересовался, почему же они при столь тяжелых обстоятельствах не переедут из города в деревню, где они могли бы поселиться, выращивать игнам или просо, чтобы прокормить свою семью.

Но нет, оказывается, они образованные люди, учились в школе и теперь не хотят больше работать в поле.

Нашего тогдашнего приятеля, ливанца Атика, который так любил над нами подшутить, но и помочь никогда не отказывался, здесь больше нет. Это мне после долгих бесплодных расспросов удалось наконец разузнать у другого ливанца. Оказывается, Атик уехал отсюда уже несколько лет назад. Он живет теперь в испанском Фернандо-По. Ничего не поделаешь, надо искать новых друзей.

Жорж Рур, возглавляющий дело охраны природы Берега Слоновой Кости, написал объемистую книгу о животном мире этого края и за последние годы неоднократно обменивался со мной письмами. Его добрый знакомый, господин Брунель, возглавляет общество, обучающее жителей местных деревень возделыванию и выращиванию табака. А поскольку он одновременно увлеченный знаток и любитель птиц, то мы сразу же нашли общий язык: он предоставил в мое полное распоряжение автомашину своей жены (вместе с шофером). На этой машине я проехал более тысячи километров по стране, притом по ровным, прямым, пусть и не всегда заасфальтированным, но очень красивым дорогам. Правда, иногда едешь по ним в течение двух-трех часов, не встречая ни одной другой машины.

Я направляюсь на этот раз в самый крайний, северо-западный угол страны, где никогда прежде не бывал, это почти что на самой границе с Ганой и Верхней Вольтой. Там за это время основан природный резерват Буна¹.

В кемпинге, предназначенном для туристов, мне отпирают один из павильонов, свободно и живописно разбросанных вокруг ресторана, построенного прямо посреди леса. Павильон представляет собой просторный, солидный, свежескрашенный деревянный дом, он состоит в известном смысле из одного лишь второго этажа, возвышающегося над кронами деревьев. Дело в том, что дом стоит на бетонных и деревянных сваях. Чтобы попасть в жилые помещения, надо подняться по широкой деревянной лестнице на веранду, уставленную шезлонгами и плетеной мебелью. В доме две просторные спальни с восемью постелями, с модным холодильником (разумеется, керосиновым), кафельные ванны, оборудованные по послед-

---

¹ С 1968 года резерват входит в национальный парк Камозэ (Самое).

нему слову техники, из кранов течет чистая, прозрачная вода; имеется кухня с газовой плитой и полным комплектом посуды, начиная от открывалки для бутылок и кончая тарелками и бокалами всех сортов и размеров. Вдоль всего фасада и задней стены дома укреплены специальные жалюзи, которые можно, при желании, открыть под таким углом, чтобы ветер, струящийся над верхушками деревьев, продувал комнату насквозь.

Вот с какими удобствами можно сегодня в стране Берег Слоновой Кости обозревать слонов и антилоп...

В ресторане, тоже стоящем на сваях, можно заказать различные сорта охлажденного пива, в том числе и немецкого. На кухне вам приготовят все что угодно, включая африканские и арабские национальные блюда (правда, в «облагороженной» форме), такие как «путу» (Poutou), клецки из игнама или вареные бананы. Многие из этих блюд поначалу напоминают жвачку, если же сдобрить их соответствующей приправой и специями, то начинаешь понимать, в чем их прелесть.

Кемпинг этот, видимо, весьма популярен: недостатка в посетителях здесь нет. Однако из «книги для гостей» я узнаю, что я здесь первый иностранец, не живущий на Береге Слоновой Кости или хотя бы вообще в Западной Африке. Значит, европейцы еще не обнаружили этого идиллического уголка, несмотря на то что их более чем достаточно приезжает по делам службы в столицу страны — город Абиджан.

Весь следующий день я разъезжаю на маленьком грузовичке по всему резервату. Купаюсь в реке Комозэ, совсем неподалеку от мирно ворчащего стада бегемотов, стою перед воздвигнутым непосредственно в самой глуши высоким мраморным обелиском над могилой лесничего Матты, убитого здесь браконьерами в 1959 году. Это третий европеец, отдавший свою жизнь за дело охраны африканской природы. Я вижу много животных: здесь и редчайшие лошадиные антилопы, и газели, коровьи антилопы, дукеры, различные обезьяны, огромные рогатые вороны с их сине-красными головами, а ночью, в постели, я слышу доносящийся откуда-то издалека львиный рык. Однако поскольку местность эта представляет собой саванну, поросшую редким кустарником и куртинами деревьев, то животных здесь не так-то легко увидеть, а еще труднее фотографировать. Не то что в Серенгети и на других открытых степных просторах Восточной Африки! А кроме того, они и довольно пугливые, потому что здесь еще много браконьеров, которые

на них охотятся. Тем не менее Буна — все же единственное место на Береге Слоновой Кости, где ее жители имеют возможность полюбоваться свободно живущими слонами.

Спустя пару дней я предпринимаю попытку отыскать своего старого друга, «вождя» Жана Куадью. Но когда я добираюсь до его деревни, то нахожу его дом запертым. После долгих расспросов я разыскал наконец одного из его братьев, который на другом конце деревни построил большую и красивую бензоколонку. Неужели действительно прошло только тринадцать лет с тех пор, как мы сидели здесь меж глиняных богов, украшенных волосами из куриных перьев?

С тех пор как страна перестала быть французской колонией, Жану Куадью и другим «вождям» прекратили выплачивать жалованье (раньше они считались как бы государственными чиновниками), так что ему пришлось подыскивать себе работу, приносящую достаточный доход. Двое его сыновей окончили за это время учебу, одна дочка вышла замуж за врача, а сам он со всей остальной семьей перебрался в столицу Абиджан, где стал директором судовой компании.

Но мне хотелось еще хоть раз попасть в какую-нибудь старую африканскую деревушку, где еще нет коттеджей, построенных в современном европейском стиле, где не бормочет день и ночь напролет радио... Так что я проехал из Буна-резервата еще дальше на север, туда, где живет племя лоби. Конец пути мне пришлось проделать пешком, потому что в деревню ведет лишь узенькая тропинка. Но я нашел, что искал: здесь еще с давних времен каждая семья строит себе дом, состоящий из нескольких комнат, столь низких, что я, например, не могу распрямиться в них во весь рост. Зато из комнат на крышу, через нечто напоминающее дымоход выведен древесный ствол с насечками, по которым обитатели дома, и мужчины и женщины, взбираются наверх, чтобы там насладиться вечерней прохладой. Крыша совершенно плоская, и сделана она из утоптанной глины, настолько ровной, что напоминает зацементированную площадку.

Женщины здесь по-прежнему разгуливают обнаженными по пояс, просо они растирают в муку каменными ступками в плоских лоханках, а теплое самогонное пиво помбе мне, как и прежде, подавали из калембаса, передаваемого по кругу. Однако к глиняным стенкам домов уже тут и там прислонены велосипеды, и, когда я хочу сфотографировать цесарку, кто-то

протягивает мне руку, требуя «cadeau» — подарок, так как он владелец этой цесарки.

Старик, занятый изготовлением чего-то напоминающего деревянный топор, и есть, оказывается, деревенский староста. На нем поношенная европейская одежда. Я договариваюсь с ним о том, чтобы завтра вся деревня устроила для меня танцевальный концерт. Он затребовал 85 марок, то есть пять тысяч колониальных франков, зато я выторговал себе условие, что расплачиваться буду только с ним одним и не должен никому больше выдавать «cadeau».

Таким способом мне на другой день удалось организовать за свой счет танцевальный праздник. Причем среди бела дня и при солнечном освещении, чтобы я мог все удобно заснять на пленку. Так что когда вам придется смотреть подобные фильмы, то знайте, что такие танцы аборигены устраивают специально для кинокамеры, за деньги, а не ради собственного удовольствия. Потому что ради удовольствия здесь никто не станет танцевать под палящими лучами солнца, ради собственного удовольствия здесь танцуют только ночью... Именно поэтому нам тогда, когда мы в первый раз жили среди бауле, никак не удавалось снять фильм — мы могли лишь фотографировать со вспышкой. В те годы люди здесь смотрели на нас непонимающим взглядом, когда мы требовали от них, чтобы они танцевали днем. Теперь же даже столь отдаленно живущие племена, как эти лоби, привычны к подобного рода пожеланиям заезжих кинолюбителей.

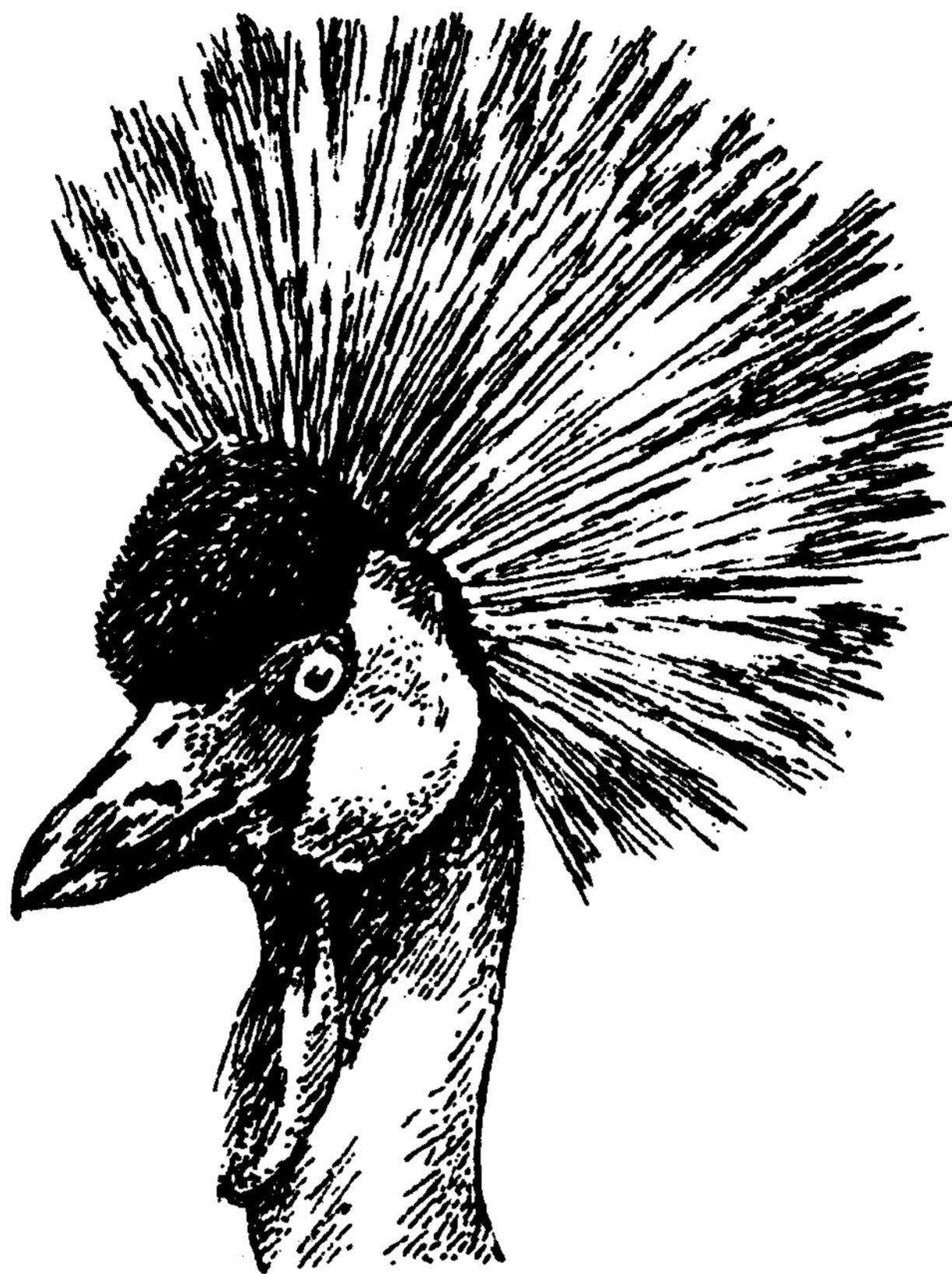
Музыка, знакомая мне издавна, извлекаемая из местного «рояля», состоящего из деревянных планок разной длины, издающих звуки разной высоты, в сопровождении щипковых инструментов, звучала красиво и ритмично, как всегда. Но что касается танцоров, то на каждом втором были надеты европейские штаны и рубаха, а то и соломенная шляпа или спортивные тапочки. Лишь немногие из девочек оставались в своей естественной наготе, остальные же нацепили бюстгальтеры или яркие кофточки или считали неудобным не обвязаться хотя бы цветастым набедренным платком...

Но чем позднее становилось и чем ниже опускалось солнце к горизонту, тем оживленнее становились пляски. И когда я уже вынужден был упаковать свою камеру из-за недостатка света, тут-то оплаченный мною танцевальный

вечер только и пришел в самый разгар, а танцоры вошли в настоящий раж. И пока мы в сумерках гуськом добирались домой по тропе, петляющей меж редко разбросанных деревень, до нас еще долго доносилась гулкая ритмичная дробь барабанов...

Вот такой я увидел теперь Западную Африку.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Михаэль и Бернгард Гржимек СЕРЕНГЕТИ НЕ ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ

<i>Глава первая.</i> Полет туда	9
<i>Глава вторая.</i> В кратере Нгоронгоро	36
<i>Глава третья.</i> Львы из Серенгети	51
<i>Глава четвертая.</i> Германская крепость в Африке	67
<i>Глава пятая.</i> Мы считаем животных	84
<i>Глава шестая.</i> Как покрасить зебру в желтый цвет?	102
<i>Глава седьмая.</i> Мы обнаруживаем браконьеров	118
<i>Глава восьмая.</i> Про ядовитых змей	128
<i>Глава девятая.</i> Сложные манипуляции с «чудо-ружьём»	136
<i>Глава десятая.</i> Поход против браконьеров	153
<i>Глава одиннадцатая.</i> Мужество по сходной цене	167
<i>Глава двенадцатая.</i> Таковы уж эти масаи	181
<i>Глава тринадцатая.</i> Как я ночью заблудился в кратере Нгоронгоро	196
<i>Глава четырнадцатая.</i> Про муху цеце	210
<i>Глава пятнадцатая.</i> Как и куда они кочуют	218
<i>Глава шестнадцатая.</i> Серенгети не должен умереть	228
<i>Глава семнадцатая.</i> Приключение на озере Натрон	237
<i>Что стало с Серенгети?</i>	251

Бернгард Гржимек
МЫ ЖИЛИ СРЕДИ БАУЛЕ

<i>Вместо предисловия. Не только ради животных . . . . .</i>	259
<i>Глава первая. Знаете ли вы, как надо снаряжаться в Африку?</i>	262
<i>Глава вторая. В гостях у африканского правителя . . . . .</i>	272
<i>Глава третья. Мирный доктор из Европы без оружия . . . . .</i>	283
<i>Глава четвертая. В гостях у бегемотов реки Бандама . . . . .</i>	293
<i>Глава пятая. Несчастные прокаженные . . . . .</i>	316
<i>Глава шестая. О ценах, заработках, золотых слитках и удивительных поваренных рецептах . . . . .</i>	325
<i>Глава седьмая. Птицы плетут корзинки . . . . .</i>	335
<i>Глава восьмая. У человекообразных обезьян в заповедной стране . . . . .</i>	344
<i>Глава девятая. Юная богиня леса . . . . .</i>	357
<i>Глава десятая. Многомиллионные города посреди степи . . . . .</i>	362
<i>Глава одиннадцатая. Про боя Джо, про «леса-табу», тотемные блюда и кинотеатры в буше . . . . .</i>	374
<i>Глава двенадцатая. «Король Тимоко» — похититель бананов</i>	386
<i>Глава тринадцатая. Еще нагана охраняет диких животных...</i>	407
<i>Глава четырнадцатая. У нас прибавление семейства: Роджер и Ака . . . . .</i>	414
<i>Глава пятнадцатая. Ночной бой с Роджером . . . . .</i>	424
<i>Глава шестнадцатая. Предотъездные хлопоты . . . . .</i>	432
<i>Глава семнадцатая. Михаэль плывет с животными домой . . . . .</i>	437
<i>Глава восемнадцатая. Когда я снова вернулся . . . . .</i>	449

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по «Зеленой серии»
присылать по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37б
Издательство АРМАДА*

Гржимек Б.

Г 75 Серенгети не должен умереть: Михаэль и Бернгард Гржимек. Серенгети не должен умереть; Бернгард Гржимек. Мы жили среди бауле / Пер. с нем. Е. А. Геевской; Худож. А. В. Ермаков.— М.: АРМАДА, 1998.—459 с.: ил.— (Зеленая серия).

ISBN 5-7632-0718-1 (рус.)

ISBN 0-00-671360-2 (англ.)

В книгу вошли два всемирно известных произведения немецкого натуралиста и путешественника профессора Б. Г. Гржимека. Первое из них, «Серенгети не должен умереть», написано в соавторстве с сыном Михаэлем и посвящено поездке в национальный парк Танзании; второе рассказывает о путешествии в Западную Африку, в Республику Берег Слоновой Кости. Книга представляет собой уникальный рассказ очевидцев о жизни животного мира экзотических стран, а также содержит интереснейшие этнографические наблюдения.

УДК 82-311.8(02)

ББК 84(4)-44я5

РЕДАКЦИЯ
УЧЕБНОЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Зеленая серия

**МИХАЭЛЬ И БЕРНГАРД ГРЖИМЕК
СЕРЕНГЕТИ НЕ ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ**

**БЕРНГАРД ГРЖИМЕК
МЫ ЖИЛИ СРЕДИ БАУЛЕ**

Ответственный редактор
Е. П. Карезина

Художественный редактор
В. В. Голубева

Технический редактор
А. А. Ершова

Компьютерная верстка
Т. А. Рогожина

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93.
Формат 84x108 1/32. Бумага кн.-журн. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,36.
Тираж 15000 экз. Изд. № 2202. Заказ № 1995

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37

Отпечатано в типографии издательства
«Самарский Дом печати»
443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201

